

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГОРЬКОГО

АНТИЧНАЯ ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНИЕ ВЕКА

М. Я. СЮЗЮМОВ

ВИЗАНТИЙСКИЕ ЭТЮДЫ

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2002

~~УДК~~ ТЗ(0)44
С 983

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Уральского государственного
университета им. А. М. Горького

Серия АНТИЧНАЯ ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНИЕ ВЕКА
Основана в 2002 году

Редакционная коллегия:
профессора М. А. Поляковская (ответственный редактор),
А. И. Романчук (выпускающий редактор),
аспирант Д. И. Макаров

Сюзюмов М. Я.
С 983 Византийские этюды. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 396 с.
ISBN 5–7996–0137–8

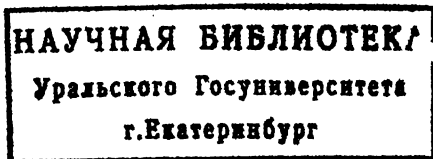
Название сборника научных трудов М. Я. Сюзюмова – «Византийские этюды» – лишь частично отражает его содержание, так как в него включены кроме работ, посвященных собственно истории Византии, и теоретические статьи, в которых в остродискуссионной форме поставлены проблемы развития города, качественных изменений в конце античной эпохи.

Издание предназначено для всех интересующихся историей античной цивилизации и эпохи Средневековья.

1311340

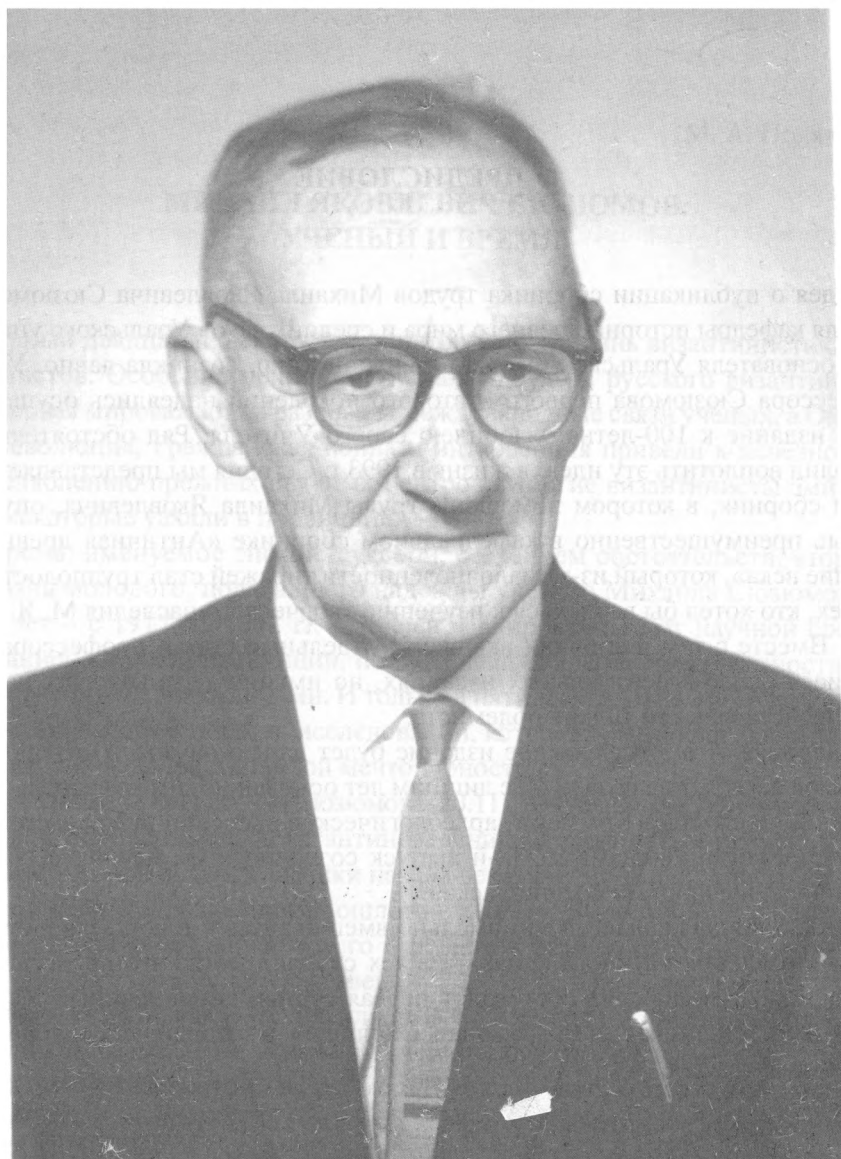
ББК ТЗ(0)44

В подготовке сборника принимали участие:
доцент А. С. Мохов, аспиранты: С. Зырянова, Л. Костогрызова,
С. Красиков, О. Полуэктова, магистрант Ф. Горохов,
а также Центр городской археологии исторического факультета

ISBN 5–7996–0137–8

© Уральский государственный университет, 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идея о публикации сборника трудов Михаила Яковлевича Сюзюмова, создателя кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского университета, основателя Уральской школы византистики, возникла давно. Ученики профессора Сюзюмова первого и второго поколений надеялись осуществить такое издание к 100-летию юбилею своего Учителя. Ряд обстоятельств не позволил воплотить эту идею в жизнь в 1993 г. Сегодня мы представляем читателям сборник, в котором помещены труды Михаила Яковлевича, опубликованные преимущественно в кафедральном сборнике «Античная древность и средние века», который из-за малочисленности тиражей стал труднодоступным для тех, кто хотел бы вернуться к изучению творческого наследия М. Я. Сюзюмова. Вместе с тем в сборник включены отдельные статьи профессора, издававшиеся ранее в центральных изданиях, но именно те, в которых наиболее ярко представлен его талант полемиста.

Надеемся, что это скромное издание будет данью памяти Учителю от его учеников в год, когда позади 40 с лишним лет основанной им кафедре и организованной по его идее Крымской археологической экспедиции Уральского университета, когда увидел свет 32-й выпуск созданного им научного сборника «Античная древность и средние века».

Редакционная коллегия минимально вмешивалась в текст, взяв на себя задачу исправления научного аппарата в тех случаях, когда это представлялось возможным. Исключение составляет первая статья из написанных Учителем статей «Об источниках Льва Дьякона и Скилицы», в которой исправлена только старая орфография.

Редакционная коллегия

**МИХАИЛ ЯКОВЛЕВИЧ СЮЗЮМОВ:
УЧЕНЫЙ И ВРЕМЯ¹**

Бурный двадцатый век постоянно вторгался в жизнь византистики и византистов. Особенно непростой оказалась судьба русского византиноведения. Первая мировая война разорвала международные связи ученых, а Октябрьская революция, Гражданская война и интервенция привели к исчезновению или ослаблению прежних научных центров. Многие византисты эмигрировали, некоторые уехали в провинцию.

Время, именуемое эпохой, судьбой, стечением обстоятельств, вторглось и в жизнь молодого, подававшего надежды ученого Михаила Сюзюмова. Он на 25 лет – с 1917 по 1942 гг. оказался изолированным от научной среды и, оказавшись в глухой провинции, по сути дела, лишен был возможности заниматься научными изысканиями. И только в пятидесятилетнем возрасте он смог снова погрузиться в область исследований, которая столько лет была для него не более как неосуществленной мечтой юности.

Имя Михаила Яковлевича Сюзюмова (20.11.1893–01.05.1982) занимает особое место в истории советского византиноведения. Оно олицетворяет живую связь с русской школой византистики начала века, а через нее – с методами и идеями немецкой медиевистики прошлого столетия. Будучи в 1911–1916 гг. студентом историко-филологического факультета Юрьевского (бывшего Дерптского, позднее Тартуского) университета, М. Я. Сюзюмов учился у таких известных ученых, как А. А. Васильев, В. Э. Регель, П. А. Яковенко, М. Н. Крашенинников. Памятью о времени «ученичества» молодого Сюзюмова может служить его университетская работа «Походы южно-итальянских норманнов против Византии 1081–1185 гг.», текст которой, находящийся в архиве ученого, хранит карандашные пометы научного руководителя профессора Регеля.

---

¹ В основу очерка положена статья: Поляковская М. А. Ученый и время: К 100-летию со дня рождения М. Я. Сюзюмова // ВВ. 1993. Т. 54. С. 170–182. См. также: Поляковская М. А. М. Я. Сюзюмов: Парадоксы жизни и творчества // Изв. Урал. ун-та. Екатеринбург, 1995. № 4. С. 56–63.

Как известно, по совету В. Э. Регеля² эта работа, получившая на университетском конкурсе золотую медаль, была подготовлена к печати и даже сдана в типографию, но оказалась неизданной по причине германской оккупации Юрьева.

В год окончания университета Михаил Сюзюмов опубликовал в издаваемом университетом научном сборнике «Византийское обозрение» две свои статьи: «Об источниках Льва Диакона и Скилицы» и «Об историческом труде Феодора Дафнопата»³. Интересно заметить, что с именем Льва Диакона связаны две работы ученого – первая и последняя, вышедшая уже через шесть лет после его смерти⁴. Так было угодно распорядиться судьбе. Комментарий к «Истории» Льва Диакона, написанный задолго до кончины ученого, вероятнее всего, не увидел бы света, если бы не помощь московских коллег-византинистов, прежде всего Г. Г. Литаврина.

М. Я. Сюзюмов любил говорить о своей усвоенной с юности «немецкой» системе работы, в основе которой были тщательность и аккуратность. Несмотря на кажущуюся внешнюю рассеянность и несобранность, он до старости сохранил свои юношеские конспекты работ немецких исследователей (может быть, они и помогли ему «выжить» как ученому в годы златоустовских буден). В студенческие годы Михаил жил в немецкой семье, поэтому немецкий язык он считал языком своей юности, и позднее, читая какое-либо исследование, испещрял поля темпераментной готической вязью. Тяготая к классической немецкой литературе, Михаил Яковлевич, став отцом, сочинял для своих детей полные романтики сентиментальные баллады, которые те помнят до сих пор наизусть.

В основу студенческих статей Сюзюмова положен источниковедческий сравнительный принцип. По замечанию А. П. Каждана, они являются «примером хорошего текстуального анализа, выполненного в соответствии с немецкой филологической традицией, так модной в дореволюционном Тарту»⁵.

Однако, прожив детские и юношеские годы в Эстонии, испытав в период студенчества влияние немецкой классической культуры, Сюзюмов подчеркивал свое чисто русское происхождение. В автобиографии, хранящейся в архиве университета, он в середине 70-х гг. написал в присущей ему несколько «чужаковатой» манере (особенно если вспомнить, что она писалась для отдела кадров): «Мое происхождение: мои предки, как выселенцы из Великого Новгорода, охраняли южные границы Русского государства, в XVI–XVII вв. служили в Троицком остроге. Один из моих предков, Овдей, был казнен во время выступ-

² ГАСО, ф. р-802, оп. 1, д. 3, л. 1–154.

³ Византийское обозрение. Юрьев, 1916. Т. 2, отд. 1. С. 106–166, 295–302.

⁴ Лев Диякон. История / Пер. М. М. Копыленко; вступ. ст. М. Я. Сюзюмова; коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. М., 1988.

⁵ Kazhdan A. Portraits of Soviet Byzantinists. 1: M. Ja. Siuziumov // BS. 1983. Vol. 10. Pt. 2. P. 204.

ления Разина. В 1671 г. его сыновья были переселены в Пензу и поверстаны в казаки. В XVIII в. переведены на положение государственных крестьян. Мой дед Адриан имел подгородное хозяйство близ г. Пензы, мой отец Яков обучался в Пензенском училище, потом окончил Ветеринарный институт в Юрьеве и был ветеринарным врачом». Но в целом Сюзюмов был далек от мысли о какой бы то ни было национальной исключительности и скорее являлся сторонником старой общеевропейской культуры, имевшей в основе античные ценности⁶. Октябрьские события 1917 г. застали Михаила Сюзюмова в Петрограде, где он работал по теме магистерской диссертации о Феодоре Дафнопате. На одной из встреч со студентами он позднее рассказывал, что, сидя в Публичной библиотеке, услышал какие-то выстрелы, а наутро узнал, что произошла революция. Однако время круто повернуло жизнь профессорского стипендиата. Он вместе с отцом и братом Борисом (семья в это время переехала в Петроград в связи с оккупацией Юрьева) стал служить в четвертой Петроградской дивизии Красной Армии, а в годы интервенции и Гражданской войны оказался в составе 27-й дивизии на Восточном фронте. Тяжело заболев тифом, Сюзюмов был снят с поезда в незнакомом провинциальном г. Златоусте. С этого июньского дня 1920 г. его жизнь навсегда будет связана с Уралом.

Хотя казалось, что удачно складывавшаяся жизнь была сломлена, однако Златоуст, где Сюзюмов жил до 1929 г., стал для него «голубым периодом»: здесь он женился, стал отцом, здесь он познал радость преподавания. 27-летний директор школы, оторванный от книг и научной среды, излил бурлившую в нем потребность к творчеству на своих подопечных. До сих пор его златоустовские ученики с любовью упоминают о своем «Михеле» — так называли они за глаза своего директора. Для них Сюзюмов 20-х гг. — это и кружок филателистов со ставшей сейчас признанной «златоустовской платформой»⁷, и праздничные оперетты с либретто на школьные темы, и не очень поощряемые местным начальством танцевальные вечера, когда директор сам садился за рояль или учил школьников мазурке. Сюзюмов жил тогда при школе вместе со своей женой, учительницей французского языка Валентиной Михайловной. Здесь и родились их дочь Людмила, которая станет доктором биологии, а позднее и сын Лев, будущий геолог. «Михель» ввел в школе преподавание отвергнутого эпохой латинского языка, а параллельные классы назвал буквами греческого алфавита.

Снова вторглось время в жизнь Сюзюмова в апреле 1936 г., когда за связь с иностранными коллекционерами марок он был арестован органами НКВД. К счастью, после девяти месяцев пребывания в свердловской тюрьме Сюзюмова

⁶ Этим тезисом я спору с А. Кажданом. Ср.: **Kazhdan A. Portraits...** P. 214.

⁷ Советский коллекционер (М.). 1925. № 5 (3). «“Златоустовская платформа” коллекционирования марок по историческим сюжетам» повторно была опубликована: Советский коллекционер. 1971. № 9. С. 3–20.

освободили. С присущим ему жизнелюбием он, вспоминая об этом времени на юбилее в связи с его 80-летием, сказал, что он, как историк, благодарен судьбе, позволившей ему познать совершенно незнакомую среду и познакомиться с интересными людьми. Однако на деле все было не так просто. В письме конца 30-х гг., хранящемся в Свердловском партийном архиве, М. Я. Сюзюмов писал в адрес горкома партии: «Все мои попытки получить должность преподавателя истории в г. Свердловске оказались безуспешными. Во всех учреждениях я получал в той или иной форме отказ, причем единственной причиной была моя судимость. На тот факт, что я имею помилование ВЦИКа, никто не обращает внимания»⁸.

С того сентябрьского дня, как М. Я. Сюзюмов в последний раз вышел из здания петербургской библиотеки, прошло уже двадцать лет. А как же византиноведческие штудии, которым было отдано в юности столько сил и увлеченности? Все эти годы Сюзюмов был оторван от греческих текстов, от новейших зарубежных исследований, от научной среды. Да и ситуация в таком научном направлении, как византиноведение, была в 30-е гг. явно неблагоприятной. Идеологически считалось по крайней мере не поощрительным заниматься историей империи, передавшей по наследству России такие одиозные по понятиям тех лет институты, как самодержавие и православие.

По всей вероятности, Сюзюмов продолжал свои научные штудии, по крайней мере с переездом в Свердловск. В 1937 г. он послал в редакцию «Исторического журнала» большую (не менее 5 печатных листов) работу «Византийское государство и византийская культура»⁹. Видимо, появление письма Сталина и Жданова о важности преподавания истории показалось ему обнадеживающим. Однако из редакции пришел ответ от 4 августа 1937 г. со следующей рекомендацией: «В качестве канвы для Вашей статьи рекомендуем придерживаться соответствующей главы “Краткого курса истории СССР”». Михаил Яковлевич темпераментно отреагировал на этот совет, начертав на письме из редакции свою «горячую» резолюцию¹⁰.

В конце 30-х гг. Сюзюмовым был написан на материалах сочинений Ливания, Исидора Пелусиота, Михаила Пселла и других византийских авторов небольшой этюд «Вопросы дисциплины в византийской высшей школе»¹¹. Видимо, ученый искал возможности «пробиться» в печать, но статьи его не были напечатаны. Однако именно в эти годы им «вынашивалась» общая концепция византийской истории. Во всяком случае, в работе «Византийское государство и византийская литература» Сюзюмовым впервые обоснован тезис о борьбе

---

⁸ Уральский рабочий. 1989. 23 марта. С. 3.

⁹ ГАСО, ф. 802 р, д. 5.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, д. 67.

двух группировок господствующего класса как одной из структурообразующих всей системы византийского феодализма¹².

Надо полагать, что М. Я. Сюзюмов с конца 30-х гг. начал активную научную работу. Судя по вложенному в одну из хранящихся сейчас в архиве ученого работ бланку его читательского требования Фундаментальной библиотеки общественных наук¹³, датированному февралем 1941 г., Сюзюмов бывал в московских библиотеках и читал исследования зарубежных византинистов.

Однако уже четверть века прошла с тех пор, когда были опубликованы студенческие статьи М. Я. Сюзюмова. Эти двадцать пять лет, пожалуй, можно назвать подвигом ученого. Казалось бы, что жизнь бывшего профессорского стипендиата складывалась так, что можно было уже давно забыть о научных начинаниях юности. Жизнь в провинции, где само слово «Византия» означало что-то экзотическое и эфемерное, никаких надежд на публикации, на общение с единомышленниками... Поистине достойно удивления и восхищения упорство ученого.

Начавшаяся в июне 1941 г. Отечественная война стала новым этапом в жизни М. Я. Сюзюмова. Будни тылового города несли новые лишения. И вдруг капризная Тиха снова все перевернула в судьбе ученого, а может быть, и вернула на круги своя. В Свердловск были эвакуированы архив Херсонесского музея, Эрмитаж, часть кафедр Московского университета – появилась научная среда. И вот в год своего пятидесятилетия М. Я. Сюзюмов защитил кандидатскую диссертацию, посвященную проблемам иконоборчества в Византии. Одним из оппонентов стал находившийся в Свердловске в связи с эвакуацией А. И. Неусыхин. Научная баталия, вспыхнувшая в ходе защиты, была продолжением давнего для медиевистики спора германистов и романистов. Сюзюмов, в отличие от Неусыхина, выводил средневековую цивилизацию из романских начал. Позднее он напишет одному из своих корреспондентов: «В 1943 я защитил кандидатскую диссертацию в отчаянном споре с Неусыхиным о дофеодальном периоде»¹⁴.

В диссертации, частично опубликованной в 1948 г.¹⁵, М. Я. Сюзюмов опроверг традиционную концепцию иконоборчества, сформулированную К. Н. Успенским, утверждавшим, что иконоборческая политика византийских императоров была направлена против возросшей влиятельности монастырей, обладавших крупной земельной собственностью. Сюзюмов доказал, что иконоборчество не могло быть борьбой за конфискацию церковно-монастырской земельной собственности, поскольку в VIII в., когда началось это движение, церкви и монас-

¹² ГАСО, ф. 802 р, д. 5, л. 11.

¹³ Там же, д. 67.

¹⁴ ГАСО, ф. 802 р, д. 154, л. 4.

¹⁵ **Сюзюмов М. Я.** Проблемы иконоборческого движения в Византии // Учен. зап. Свердл. пед. ин-та. 1948. Вып. 4. С. 48–100. В этой работе опубликованы вводная, заключительная, 6-я и 9-я главы диссертации.

тыри не имели еще большого количества земель. Выбросив этим основной «кирпич» из фундамента концепции Успенского, Сюзюмов обосновал свое понимание иконоборчества. Он показал, что это общественное движение, начавшееся в форме ереси, оказалось использованным провинциальной знатью для усиления ее общественного авторитета и подрыва власти столичной чиновной знати. Позиция фемной военно-служилой знати была реализована в деятельности императора Льва III Исавра, когда борьба против икон стала борьбой за подрыв влияния церкви. Для дискредитации драгоценных церковных реликвий послужили лозунги ереси, подхваченные провинциальной знатью. Противниками политики императоров-иконоборцев выступили представители столичной знати в союзе с официальной церковью. Исходящее от иконоборцев требование конфискации икон, а также золотой и священной серебряной утвари было направлено на ослабление этих группировок. Таким образом, одно из сложнейших явлений византийской истории – иконоборчество – объясняется М. Я. Сюзюмовым в ключе разработанной им позднее концепции о столкновении в ходе феодализации двух группировок знати, носителей альтернативных тенденций развития страны.

Сам внешний вид диссертации несет в себе печать времени, с одной стороны, и, с другой, позволяет вспомнить всегда отличавшую ученого неординарность поведения. Трехтомному тексту диссертации¹⁶ предпослано автором *Praefatio ad lectorem*, где автор говорит читателю о трудностях военного времени, об отсутствии возможности получить новейшие исследования, о плохой копировальной бумаге и отсутствии машинописок. Упомянув на то, что труд его попадет в руки просвещенного и понимающего читателя, диссертант заканчивает свое обращение к нему пожеланием благополучия: *Ita vale, Lector erudite*. Отпечатанная на плохой разносортной бумаге диссертация имеет, однако, латинское название *De rebus iconomachorum byzantinorum disputatio* с указанием времени ее выполнения как *Anno Domini 1943*, так и *Mundl 7451*. Особенно волнует посвящение диссертационной работы учителю Сюзюмова Василию Регелю: *Venerandae memoriae Basili Regel magistri dilectissimi desideratissimi sacra*.

Как позволяют выяснить материалы архива М. Я. Сюзюмова, создание уральского центра византиноведения было задумано ученым именно в эти трудные военные годы. В письме к Г. Л. Курбатову от 1972 г. Сюзюмов писал: «Школа уральская – с 1942 г., когда здесь, в Свердловске, собирались Стржелецкий, Виноградов, Сюзюмов, Суров, которые мечтали сделать Свердловск центром византиноведения»¹⁷. Позднее Михаил Яковлевич часто вспоминал об этих вечерних разговорах за чаем, когда каждый приходил со своим кусочком сахара. Это был важный период в жизни ученого – появились единомышленники: Ста-

¹⁶ ГАСО, ф. 802 р, д. 68.

¹⁷ Там же, д. 154, л. 4.

нислав Францевич Стржелецкий, сотрудник Херсонесского музея, привезший его архив из Севастополя в Свердловск; Евгений Георгиевич Суров, коллега по кафедре педагогического института, будущий глава Крымской археологической экспедиции; и Александр Иванович Виноградов, университетский профессор античности. И как не вспомнить воспетых Беранже безумцев, когда представишь тех, кто в заснеженном голодном Свердловске военного времени вынашивал дерзкую мечту о создании на Урале центра византиноведения и Уральской экспедиции в уникальный античный и средневековый город на территории нашей страны – Херсонес, бывший в это время в руках захватчиков.

В 40-е гг. М. Я. Сюзюмов начал свои исследования по проблеме византийского города. Толчком к этому явилась проводившаяся сначала в чисто практических целях (обеспечить студентов необходимым материалом для проведения семинарских занятий) работа по переводу на русский язык «Книги Эпарха». Затем ученым подготовлен к изданию перевод текста в виде научно аргументированного исследования, которое увидело свет в серии «Ученых записок Свердловского педагогического института»¹⁸. Посылая его в 1949 г. коллеге по времени эвакуации профессору Н. Е. Застенкеру, Михаил Яковлевич писал: «Посылаю Вам свою “Книгу Эпарха”. Я ее переводил при свете разных лекарств вроде касторки, ихтиола (когда не было у нас в Свердловске света)»¹⁹. Эти строки красноречиво говорят об условиях работы ученого в послевоенной провинции.

Переведенная же в это время «Книга Эпарха» ляжет позднее в основу цикла работ Сюзюмова по византийскому городу.

Как ученый М. Я. Сюзюмов отличался неприятием того, что считалось в науке общепризнанным и незыблемым. Эпиграфом ко всему его творчеству могли бы стать слова, сказанные им в отношении русского византиниста Б. А. Панченко: «Если бы в историографии не появлялись ученые, которые не боялись выступать против “прочно установившихся взглядов”, историография и поныне находилась бы на позициях Блаженного Августина»²⁰. Через несколько лет после переосмысления им официальной теории иконоборчества Сюзюмов выступил с критической статьей по поводу концепции цирковых партий²¹. По мнению С. Манойловича, чья точка зрения стала официально признанной и вошла в учебники, борьба цирковых группировок была столкновением двух могущественных социальных группировок – земельной аристократии и крупных торговцев. Эти группировки, по Манойловичу, жили в разных кварталах Константинополя, придерживались различных религиозных верований и объединялись

¹⁸ Книга Эпарха // Учен. зап. Свердл. пед. ин-та. 1949. Вып. 6.

¹⁹ Письмо обнаружено в одной из книг фонда Застенкера в библиотеке исторического факультета Уральского университета.

²⁰ Сюзюмов М. Я. Научное наследие Б. А. Панченко // ВВ. 1964. Т. 25. С. 37. Примеч. 16.

²¹ Сюзюмов М. Я. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи в V в. // Учен. зап. Урал. ун-та. 1952. Вып. 2. С. 84–134.

на ипподроме вокруг различных конных заездов и цветов одежды возникших – голубых и зеленых. Сюзюмов же, вопреки концепции Манойловича – Дьяконова и их последователей, понимавших под термином οἱ δημοί жилой квартал и цирковые группировки, доказал, что этот термин в IV в. означал «народ», «чернь». Признавая, что ипподром IV–VI вв. стал центром проявления общественных конфликтов, Сюзюмов полагал, однако, что соперничество «зеленых» и «голубых» не было борьбой купцов и собственников земли, а противостоянием тех, кто поддерживал городское самоуправление, и сторонников государственной централизации.

Вскоре, в 1954 г., М. Я. Сюзюмов защитил в Институте всеобщей истории докторскую диссертацию, посвященную византийскому городу-эмпорью в период генезиса феодализма. Хранящаяся в архиве 4-томная диссертация²², объемом более 1200 страниц, содержит огромный конкретно-исторический материал, который, в отличие от концептуального, не нашел отражения в опубликованных работах ученого. Концепция же континуитета и значимости города в историческом развитии Византии легла в основу всех его последующих исследований.

«Оттепель» в общественной жизни страны, наступившая после смерти Сталина, позволила Сюзюмову занять следующую ступеньку научного признания. Если до сих пор многие из ортодоксов, считая его эрудитом, с сомнением относились к его методологической платформе, то сейчас Сюзюмов получил университетскую кафедру. С этого момента – осени 1955 г. – начинается новый период в жизни ученого. Разрабатываемая им идея континуитета легла в основу кафедрального научного сборника «Античная древность и средние века», первый выпуск которого вышел в 1960 г. Годом раньше состоялась первая экспедиция в Херсонес. Мечты начала 40-х гг. начали осуществляться. Проблема города и городского континуитета становится в эти годы определяющей идеей в творчестве М. Я. Сюзюмова. Оппонируя официальную концепцию византийской истории, ученый считает ее основой не сельскую общину, а город.

Византийские города IV – VI вв., согласно точке зрения М. Я. Сюзюмова, по характеру собственности на средства производства и организационным формам имели прямую преемственность с позднеримским обществом. Ученый отмечал античное происхождение всех византийских городов, как балканских, так и малоазийских. Он категорически отрицал тезис о том, что византийский город возник в результате отделения ремесла от сельского хозяйства, а именно этот тезис был определяющим в советской медиевистике. Сюзюмов подчеркивал особое значение товарного производства и товарного обращения в византийских городах при переходе от античности к средневековью. Город, с его точки зрения, был в это время экономически развитым центром товарного производства «со сложившимся ремеслом, торговлей, установившимися века-

²² ГАСО, д. 17–20.

ми формами эксплуатации городской знатью свободного населения и, кроме того, с торговыми связями и сельской округой большого радиуса»²³.

В центре внимания М. Я. Сюзюмова были преимущественно города-эмпории. Существование крупных торговых городов, сориентированных на внешнюю торговлю, во многом, по Сюзюмову, предопределено географическим фактором. Поскольку Константинополь расположен не на реке, которая бы могла связать различные районы полуострова и этим способствовать созданию внутреннего рынка, характер константинопольской торговли был пассивным. Внешняя торговля придала столице временный блеск, но задержала рост провинциальных городов и развитие внутреннего рынка²⁴. Однако Сюзюмов не сводил объяснение такого феномена, как расцвет ранневизантийского города, лишь к воздействию географического фактора. Он отдавал должное сохранению традиций как в сфере ремесла и торговли, так и в сфере государственности и культуры²⁵.

Особую позицию Сюзюмов занимал по проблеме города «темных веков». Придерживаясь концепции континуитета позднеримского общества, ученый признавал, что в эту эпоху некоторые экономические и политические институты, характерные для античного города, отмирают, а новые, свойственные средневековому городу, еще не оформились²⁶. Однако полной дезурбанизации не могло быть в тех странах, которые развиваются в условиях континуитета государственного управления. Так, всеобщей дезурбанизации не было ни в Византии, ни в Италии, ни в арабских странах, ни в Китае²⁷. Это явление, по Сюзюмову, возможно лишь там, где переход от античности к средневековью происходит в условиях полной ломки государственного аппарата. Тот же факт, что кризис античной цивилизации сказался прежде всего на состоянии города, по Сюзюмову, является естественным явлением, поскольку крушение рабовладельческого строя затронуло прежде всего те институты, которые активнее были связаны с рабовладением.

М. Я. Сюзюмов не считал византийский город неизменным институтом²⁸. Он писал: «Город в Византии всегда был центром развития, сохранения цивилизации»²⁹. Отрицая дезурбанизацию, он замечал, что «крах рабовладельчес-

²³ Сюзюмов М. Я. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии // ВВ. 1960. Т. 17. С. 4; Он же. Экономика пригородов византийских крупных городов // ВВ. 1956. Т. 11. С. 55–81.

²⁴ Сюзюмов М. Я. О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе // АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 9–10.

²⁵ Сюзюмов М. Я. Роль городов-эмпориев в истории Византии // ВВ. 1956. Т. 13. С. 29–30.

²⁶ Сюзюмов М. Я. Византийский город (середина VII – середина IX вв.) // ВВ. 1967. Т. 27. С. 39.

²⁷ Там же. С. 43.

²⁸ Ср.: Kazhdan A. Portraits... P. 210.

²⁹ ГАСО, ф. 802, д. 154, л. 4.

ких отношений в Византии был не единовременным актом, но процессом, продолжавшимся длительное время». Этим тезисом ученый, собственно, продолжает спорить с современной концепцией Каждана и Катлера³⁰. Если эти авторы считали наличие цезуры в развитии города, то Сюзюмов, писав о постепенных качественных переменах в городе, не усматривал этой цезуры в период «темных веков».

Собственно, спор между Сюзюмовым и Кажданом является давним. Многие их письма друг другу посвящены этой проблеме. В письме от 9 октября 1963 г. Сюзюмов писал своему постоянному оппоненту: «Наша средневековая дуэль из-за Прекрасной Дамы – ἡ πόλις – продолжается». Поскольку речь шла об определении города и его атрибутах, Сюзюмов добавляет в письме: «Нужно было бы говорить не полис, а полида: спор идет о характеристике прелестей этой Дамы»³¹. Взаимные аргументы и контраргументы, используемые в споре, ученый в присущей ему серьезно-шутливой манере сравнивает с приемами борьбы на рапирах: «В дуэли я действую ангаже, Вы перешли к фланконаде, придется и мне применить этот прием – Вы отводите мое положение боковым ударом...»³²

Состояние постоянного спора естественно для М. Я. Сюзюмова. В споре он не был жесток или агрессивен, а скорее испытывал состояние удовлетворенности и вдохновения. Встречаясь с кем-либо из коллег, тоном, каким обычно говорят комплименты, Сюзюмов прежде всего произносил: «А я с Вами не согласен». В таком же духе выдерживались и его письма. Некоторые из столичных профессоров стали в связи с этим его недругами.

Если в период хрущевской «оттепели» ситуация для дискуссий в науке стала в какой-то степени благоприятной, то к середине 60-х гг. «погода» резко изменилась. Снова стала культивироваться официальная концепция исторического развития. В медиевистике одной из определяющих тем оказалась проблема «омолодившего» Европу влияния варварства. Сюзюмов же видел «омолаживание» только в том, что в результате «деструктивного воздействия варварских завоеваний Европа была отброшена в младенческое состояние»³³. На основе концепции континуитета он выводил многие средневековые институты, в том числе и город, из античных начал. Его доклад о происхождении средневекового города и множественности его функций в раннесредневековый период стал объектом критической атаки на научной сессии, подводившей в июне 1966 г. итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе³⁴.

³⁰ Kazhdan A., Cutler A. Continuity and Discontinuity in Byzantine History // Byz. 1982. Т. 52. P. 429–478.

³¹ ГАСО, ф. 802, д. 153, л. 3.

³² Там же.

³³ Сюзюмов М. Я. О «самостоятельном пути» становления феодализма у германцев.

³⁴ СБ. 1966. Т. 30. С. 77–118.

Если византинисты, начиная со времени появления работы об иконоборчестве, относились к Сюзюмову с глубоким уважением, «прощая» ему отступление от официальной концепции исторического развития, то для медиевистов Москвы после сессии 1966 г. он был *persona non grata*. Сюзюмов писал одному из коллег: «...После выступления против господствующей школы самобытного перепрыгивания в феодализм от родоплеменного общества против меня начинает действовать аракчеевский режим»³⁵. Многие, судя по материалам архива Сюзюмова, либо вообще не отвечали ему на письма, либо высокомерно и немногословно отвергали, не приводя аргументов, его концепцию. Один из названных Сюзюмовым сотрудников журнала «Вопросы истории», по замечанию ученого, не отвечал на его письма «как екатерининский вельможа»³⁶. Видимо, обращаясь к потомкам, задетый изоляцией Сюзюмов написал о «полном надменности» письме московской ученой дамы: «Письмо храню, – может быть, после смерти в архиве кто-либо прочитает»³⁷.

Вскоре после дискуссии 1966 г. Сюзюмов написал в дружеском письме А. Д. Люблинской: «Вспоминаю о наших спорах в Москве. Я думаю, что в настоящее время спор романистов и германистов должен перейти в новую фазу, не отрешившись от этого спора. В настоящее время, когда к социализму подходят и капиталистические, и отсталые страны, делается ясно, что перейти к социализму можно, *только* перенеся все основное, что сделано в капиталистических странах Европы... Не так ли было и в IV–VI веках?... а если кто из “восторженных” историков последний этап родоплеменного общества старается признать феодальным, то вряд ли можно восторгаться этими восторгами»³⁸.

Нетерпимое отношение к инакомыслию, которым характеризуется брежневское время, сказалось и в Уральском университете. В начале 70-х гг. по письму одного из профессоров в партийное бюро исторического факультета создается комиссия, расследовавшая вопрос о том, пропагандирует ли Сюзюмов в своих лекциях буржуазные взгляды. Автор этих строк также назван в письме человеком, разделявшим буржуазные взгляды Сюзюмова. К счастью, в комиссию умышленно были включены люди, осознававшие значимость таланта Сюзюмова: они свели свою работу лишь к соблюдению необходимого в те времена «протокола».

Однако ситуация не могла заставить Сюзюмова отказаться от его склонности к научным спорам. Когда приказом ректора на кафедрах университета создаются научные семинары, профессор, восторженно надеясь на ежемесячные научные баталии, предложил коллегам вывешивать на дверях кафедры тезисы

³⁵ ГАСО, ф. 802, д. 154, л. 1.

³⁶ Там же, д. 163, л. 5 об.

³⁷ Там же, л. 1.

³⁸ Там же, д. 166, л. 1 об.

докладов – «как Лютер». В большинстве случаев докладчиком являлся сам Сюзюмов. В день семинара у него обычно было великолепное, приподнятое настроение. Он садился на краешек стола и самозабвенно боролся за свои идеи. Правда, его оппоненты находились далеко от Свердловска, а слушатели были его учениками и единомышленниками.

Ведущей темой докладов и статей Сюзюмова в 70-е гг. стала проблема континуитета – идея, которой, по сути дела, освещено все его творчество. Выводя средневековую европейскую цивилизацию из античных основ, полагая, что варварские орды принесли Европе лишь разрушения, пожары и убийства («Признаем варварские вторжения как шаг назад»³⁹), Сюзюмов, по сути дела, противостоял советской медиевистике, для которой характерна в то время некоторая идеализация варварского влияния, несколько смягченная понятием «синтез». Однако сам термин «континуитет» он стал использовать лишь с конца 60-х гг.: он был одиозным и считался атрибутом буржуазной исторической науки.

Однако само употребление понятия «континуитет» еще не определяет сути концепции ученого. В отличие от сторонников признания значимости в историческом процессе фактора традиций, являющихся основой существования неизменных общественных институтов⁴⁰, М. Я. Сюзюмов понимал под континуитетом непрерывность развития. Ученый нетерпимо относился к стремлению изолированно рассматривать одну общественную формацию от другой. Он писал с сарказмом о подобных исследованиях: «Новая формация – и все новое! Все новое о новом!»⁴¹ Считая, что в основе осмысления прошлого должны лежать процессы, он писал: «Есть лица, которые мыслят “моделями”: капитализм, так капитализм, феодализм, так феодализм... Модель – придуманная нами платоновская идея, процесс – объективная реальность»⁴². Сюзюмов понимал континуитет как преемственность такого рода, когда при рождении новых отношений конструктивное сочетается с деструктивным, когда развитие совершается на базе достижений старого при отмирании тормозящих прогресс основ прошлого строя. Для ученого вопрос о генетике явления всегда был решающим в его оценке. Конкретные исследования, проведенные им, доказывают, что возникновение всех византийских институтов – и в сфере экономики, и в сфере государственности, идеологии, права – уходит своими корнями в античность⁴³.

³⁹ ГАСО, ф. 802, д. 154, л. 4.

⁴⁰ Ср.: Weiss G. Antike und Byzanz: Die Kontinuität der Gesellschaftsstruktur // HZ. 1977. Т. 224. S. 529–560.

⁴¹ ГАСО, ф. 802, д. 154, л. 3 об.

⁴² Там же, л. 4.

⁴³ См.: Сюзюмов М. Я. К вопросу об особенностях генезиса...; Он же. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии // ВО. М., 1961; Он же. Византийский город...; Он же. Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории // ВВ. 1968. Т. 29.

Признавая принцип преемственности первейшим в методах научного исследования, М. Я. Сюзюмов категорически не признавал тезиса о возможности трансальтации в формационном развитии (он называл это «перепрыгиванием», «перескакиванием»⁴⁴) без влияния извне, полагая, что при изучении «самобытных» институтов их нужно рассматривать не изолированно, а с учетом импульсов окружения: «прогресс имеет силу радиации на окружающее»⁴⁵.

Поскольку, как писал М. Я. Сюзюмов, «каждая формация представляет собой институт *sui generis*, со своими закономерностями», стремление ограничиться рамками одной формации порождает сепаратизм при изучении таких институтов, как государство, город, деревня, наемный труд, собственность. Ученый подчеркивал, что при изучении общественных институтов на одной формационной горизонтали можно лишь выявить их специфику; сущность же явлений или институтов постигается в его вертикальном изучении. «На основании вертикальных аналогий, – писал он, – мы убеждаемся в реальном бытии явлений, общественных институтов...»⁴⁶ В этом утверждении ученого заложен глубокий историзм всех его исследований.

Связь времен, по Сюзюмову, проявлялась в возможности существования в зачаточной форме отдельных элементов экономики и социальной структуры, которые лишь много позднее станут укладом. Так, он писал о предпринимательстве и наемном труде применительно к Римской империи и ранней Византии⁴⁷. Сюзюмов усматривал модернизацию не в применении терминологического аппарата, выработанного современной исторической наукой, к эпохе, которая не знала этих понятий, а в извращении толкования характера эпохи в силу неверной исторической интерпретации тех явлений, которые обозначаются используемым термином.

В феврале 1972 г. М. Я. Сюзюмов написал письмо Г. Л. Курбатову с изложением платформы уральской школы. В нем он разъясняет свое понимание континуитета: «...Отказ от устарелого, но с развитием достижений прошлого (против пролеткульта, покровщины, структуралистов и т. д. и т. п.). Придерживаться историзма, т. е., чтобы понять явление, общественный институт, следует начинать с генезиса, этапов прохождения и тогда – к явлению...»⁴⁸ Много раз обращавшийся к теме борьбы нового и старого в переходные эпохи, ученый еще раз выделил в этом письме один из тезисов своей платформы: «Разлагающийся строй пытается путем *адаптации* элементов нового сохранить свою власть...»⁴⁹

⁴⁴ ГАСО, ф. 802, д. 154, л. 4.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Сюзюмов М. Я. Модернизация и сепаратизация // АДСВ. 1975. Вып. 11. С. 45.

⁴⁷ Сюзюмов М. Я. Предпринимательство в византийском городе // АДСВ. 1966. Вып. 4.

⁴⁸ ГАСО, ф. 802, д. 154, л. 4.

⁴⁹ Там же.

Как точно проецируется эта мысль ученого на сегодняшний день переживаемой страной новой переходной эпохи!

В концепции М. Я. Сюзюмова значительное место отводится государству и праву, поскольку наличие сильной государственности и развитого права являлись отличительными чертами Византийской империи по сравнению с Западной Европой вплоть до XI в. Признавая, что «идея сильного централизованного государства была по преимуществу прогрессивной в средние века»⁵⁰, ученый, однако, не был панегиристом византийской системы власти. В написанном в 30-е гг. очерке «Византийское государство и византийская культура» он отмечал, что византийское государство более, чем какой бы то ни было другой институт, способствовало консервации старого, отжившего⁵¹. Сюзюмов называл Византию страной классической бюрократии со всеми присущими ей недостатками – продажностью, волокитой, формализмом, враждебностью к народу⁵². Нередко он проводил прямые параллели между византийской и советской бюрократией, сделав это впервые в 1937 г.⁵³ Советская система сильной власти не вызывала у него неприятия (он был, вероятно, подготовлен к ней усвоенной еще в юности историей Византийской империи), а в «схватках» с бюрократией он использовал чисто византийские приемы. Когда Министерство высшего образования решило сократить в университетах количество учебных часов на изучение латинского языка, он, возмущенный этой политикой обскурантизма, написал письмо самому главному чиновнику по ведомству образования, развив стройную систему доказательств крайней необходимости именно латинского языка в будущем коммунистическом обществе. Самое любопытное, что в своей борьбе с чиновничьим невежеством он не знал поражений. Вспоминается случай, когда одному из корреспондентов, опасавшемуся, что его книга по истории Византии может не появиться, профессор посоветовал посвятить ее министру просвещения и министру высшей школы в такой форме: *Viro illustrissimo Ponomarevo et viro optimo et potentissimo Iliitzevo*⁵⁴.

Если препоны бюрократической системы Сюзюмов умел ловко обходить, то пролеткультовская идеология вызывала у него всегда только одну реакцию – бурное негодование. Полное неприятие мнения оппонента или аргументов противоположного идейного течения ученый именовал гиперкритикой и считал это самым опасным для науки. Профессиональный атеист, по его мнению, «некритически относится к литературе и самую бессовестную гиперкритику...

⁵⁰ Сюзюмов М. Я. Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории: (В порядке дискуссии) // ВВ. 1968. Т. 29. С. 34.

⁵¹ ГАСО, ф. 802, д. 5, л. 11 сл.

⁵² Сюзюмов М. Я. Историческая роль Византии... С. 37.

⁵³ ГАСО, ф. 802, д. 5.

⁵⁴ Там же, д. 153, л. 5.

принимает за высшее “проявление научности!”»⁵⁵. М. Я. Сюзюмов постоянно говорил и довольно часто писал своим корреспондентам, что пролеткульт, будучи раскритикованным в литературе, «сохранился в истории (покровщина и пр.), в праве и т. д. – пролеткультовская методология перенесена в прошлое...»⁵⁶ Свое отношение к подобным принципам он определял как «звериную ненависть к пролеткультовцам в науке, покровщине, структурализму, модельщикам и тому подобностям»⁵⁷.

Особенно огорчало М. Я. Сюзюмова, что пролеткультовские методы проникали в учебные программы гуманитарных факультетов университетов. Он писал в июле 1964 г. одному из своих постоянных московских коллег: «Если не изменится это дюринганско-махистско-богдановское направление в организации университетского исторического образования, то у нас совсем не будет людей, читающих книги по византиноведению!.. Конечно, историческая наука, в конце концов, выживет, но не знаю, доживу ли я до этого: «покровщина» – очень трудноизлечимая болезнь – особого вида проказа на фронте исторической науки»⁵⁸.

М. Я. Сюзюмов считал, что ответственность за нарушение подлинно научных принципов в истории должен взять на себя прежде всего Институт истории. В письме этого же года он писал: «И Институт истории виноват в этом. Нужно иметь больше гражданского мужества в защите исторической науки»⁵⁹. Поэтому выход первого тома «Истории Византии» вызвал у него восторженную реакцию, не взирая на все ошибки и опечатки этого издания. Ученый писал в сектор византиноведения в связи с этим событием: «Конечно, “История Византии” написана РАНО... Конечно, ИВ – не последнее слово нашего византиноведения... Восторг и радость у меня соединились прямо-таки с физической болью. Опечатки»⁶⁰. Но наряду с этим Сюзюмов считал издание «Истории Византии» подвигом, поскольку она, по оценке ученого, была написана «в самых тяжелых условиях рецидива покровщины, во время Вальпургиевой ночи всех наших современных дюрингианцев, махистов, пролеткультовцев, покровщины... издание ИВ можно оценить как талантливо проведенную активную обо-

⁵⁵ ГАСО, ф. 802, д. 153, л. 9.

⁵⁶ Там же, д. 157, л. 7.

⁵⁷ Там же, л. 6. Болезненно пережив в молодости разрушительное действие пролеткультовской идеологии, в 70-е гг., когда стали привлекать внимание историков методы французских ученых школы «Анналов», Сюзюмов воспринял их очень настороженно. Он усмотрел в структурализме и моделировании попытку новой выхолащивающей формализации исторических процессов и поэтому несправедливо поставил в один ряд принципиально разные направления исторической науки.

⁵⁸ ГАСО, ф. 802, д. 153, л. 6.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ ГАСО, ф. 802, д. 163, л. 8.

рону византиноведения... это гигантский ледокол, который прорезал лед для дальнейших исследований о сущности роли Византии в истории человечества»⁶¹.

В докладах и статьях М. Я. Сюзюмов довольно часто цитировал Маркса. Был ли он марксистом? Очевидно, что цитата из Маркса зачастую играла в его работах роль «козырной карты», которая была все аргументы оппонента-марксиста. Но скорее она была тем щитом, который заслонял его от непризнания. Хотя сюзюмовские интерпретации Маркса всегда расходились с общепринятыми, он объяснял это тем, что читает Маркса только по-немецки, поскольку русские переводы неточны. Он называл себя марксистом-ортодоксом, этим, вероятно, отмежевываясь от тех, кто выучил марксистские догмы по вузовским учебникам. Примитивное начетничество он определял как «стиль воинствующих безбожников и комитетов бедноты 19 года»⁶².

Главным аргументом для М. Я. Сюзюмова был факт, зафиксированный источником. Он писал в одном из писем: «Я никогда не решусь что-либо утверждать, не имея определенных фактов в достаточном для концепции количестве...»⁶³ Ученый не терпел какого-либо «насилия» над источником. Игнорирование исследователем источника или гиперкритическое, не основывающееся на анализе отношение к нему вызывали у Сюзюмова бурный протест. О методах работы подобных исследователей ученый написал в письме одному из своих учеников – И. П. Медведеву: «Если источник не соответствует теории – горе источнику»⁶⁴.

Несомненной заслугой М. Я. Сюзюмова как ученого были его переводы византийских источников. Знатор древних языков, он умел найти неожиданное прочтение сложного фрагмента текста, уловить тончайшие нюансы мысли автора сочинения. Сравнение первого и второго изданий «Книги Эпарха»⁶⁵ свидетельствует о постоянном стремлении ученого постигнуть точный смысл текста, вжиться в представления и понятия византийцев. Переводы трактата Юлиана Аскалонита «О законе и об обычаях Палестины», «Морского закона», энкомия Льва Диакона отражают широту диапазона научных интересов ученого. Комментарии Сюзюмова к «Книге Эпарха» и «Истории» Льва Диакона воспринимаются как самостоятельные источниковедческие этюды, богатые сравнительными наблюдениями, этимологическим анализом, терминологическим поиском. Принцип *ad fontes* был для него всегда одним из главных. Однако в последние годы, почти потеряв зрение (как и слух), Сюзюмов был лишен возможности обращаться к работе непосредственно с текстом. Бумага, перо и эрудиция стали его миром в старости.

⁶¹ ГАСО, ф. 802, д. 163, л. 8.

⁶² Там же, д. 154, л. 4.

⁶³ Там же, д. 157, л. 5 об.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Византийская Книга Эпарха. М., 1962.

Хотя, впрочем, нельзя сказать, что в старости М. Я. Сюзюмов был одинок. Его всегда окружали ученики. Создание своей школы должно быть отнесено к одному из его дерзостных «безумств». Ученый стал собирать вокруг себя молодежь в возрасте, когда другие подводят итоги жизни: ему было около семидесяти лет. Но главное «безумство» заключалось не столько в количестве прожитых им лет, его возрасте, сколько в условиях работы в провинциальном городе. Школа возникла на энтузиазме Учителя, преданности учеников, на микрофильмах и ксерокопиях, на старых книгах сюзюмовской библиотеки. Ученый щедро дарил ученикам идеи, порой преувеличивал их достоинства и ревностно опекал. Дух взаимоотношений между учителем и учениками передает приписка к письму начала 60-х гг. в адрес Сюзюмова от его московского коллеги, весьма скептически воспринимавшего идею провинциальной школы: «Сердечный привет Вам и всем Вашим ученикам, которых Вы так любите и которые готовы ради Вас сражаться даже с самой истиной!»⁶⁶

Порой, оценивая ныне успехи уральской школы, замечают, что ученики Сюзюмова близко не подошли к планке, которая была доступна учителю⁶⁷. Но живет его дело – Херсонесская экспедиция, сборник «Античная древность и средние века», научный коллектив. Почти каждый год в сюзюмовской аудитории проходят научные чтения памяти учителя. И совсем молодые византилисты, вчерашние студенты, уже не заставшие его живым, вдохновляются огнем, зажженным некогда.

Вокруг имени ученого сейчас ходит много легенд, живут и передаются из уст в уста его реплики, его «галльские вопросы», пересказываются анекдотические ситуации, в которые он попадал. Была в нем удивительная неповторимость, сочетание эпатажности и некой наивности. А. П. Каждан вспоминал, как однажды в разговоре с ним М. Я. Сюзюмов определил себя как человека, имеющего собственное мнение в отношении всех исторических событий от Одиссея до Колумба⁶⁸. То же можно сказать и о позиции ученого относительно всех вопросов, как философских, так и бытовых, как, например, в письме к А. Н. Чистозвонову от 9 сентября 1962 г. М. Я. Сюзюмов, выступая против «сусально-умилительного» отношения к ересям в марксистской историографии, показывает, как важно иногда отрешиться от привычного взгляда. В качестве примера он приводит противопоставление любви по расчету «чистой» любви (вопрос возник в связи с обсуждением проблемы Мюнстерской коммуны): «Всякая любовь ДОЛЖНА сочетаться с “низменным расчетом”, ведь любовь должна иметь дело с длительной совместной жизнью в обществе, и хозяйственные заботы о будущем неотделимо связаны с любовью. “Чистая” любовь, абстраги-

⁶⁶ ГАСО, ф. 802, д. 215, л. 4.

⁶⁷ Kazhdan A. Portraits... P. 204.

⁶⁸ Там же.

рованная от всякого хозяйственно-бытового расчета – да это самый гнусный разврат!!!»⁶⁹ Затем Сюзюмов заключает, что и в науке полезно порой «оторваться от приторно-сусальных и догматически четких фраз»⁷⁰.

Один из коллег Сюзюмова сравнивал его в день 80-летия с героем агиографической литературы, поскольку ему было «свойственно дерзостно-свободное отношение к окружающему миру: ни земное тяготение, ни вихри, ни загадочность будущего не останавливают его – он преодолевает время и расстояние, господствует над стихиями и знает с будущим»⁷¹. Хотя птица Времени порой и задевала Сюзюмова своим крылом, жил он, однако, не столько согласуясь с эпохой, сколько вопреки ей. Впрочем, в разговорах он часто вспоминал коварство Тихи...

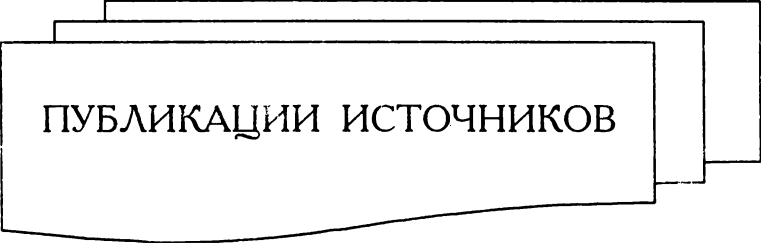
Поскольку научный сборник статей М. Я. Сюзюмова подготовлен к изданию его учениками, позволю себе закончить статью словами из энкомия византийского ученого Никифора Григоры в адрес его учителя: «Без сомнения, сказанное мной только слабая тень достоинств этого человека. Но едва ли слабее, чем у других, было мое желание изобразить эти достоинства».

---

⁶⁹ ГАСО, ф. 802, д. 165, л. 3.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же, д. 215, л. 15.

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

О ТРАКТАТЕ ЮЛИАНА АСКАЛОНИТА¹

Трактат Юлиана Аскалонита известен под названием «Περὶ νόμου ἤτοι ἡθῶν τῶν ἐν Παλαιστίνῃ», т. е. «О законе и об обычаях Палестины». Это – трактат о градостроительстве, о правилах строительства, применявшихся в византийской провинции Палестине².

О Юлиане Аскалоните известно только то, что он был архитектор, поскольку в подзаголовке значится «Ἰουλιανοῦ ἀρχιτέκτονος», и что он происходил из города Аскалона.

В одной из надписей, сохранившихся на развалинах старинных храмов в Северной Сирии, попадаетеся имя архитектора Юлиана, построившего храм *Brad, Qasr el Brad*³ в начале V в. Однако вряд ли мы можем отождествить этого архитектора Юлиана с автором трактата. Судя по ссылке на законодательство Зенона (474–491), трактат мог быть написан только в VI в. Возможно, что Юлиан Аскалонит, автор трактата, принадлежал к той же фамилии архитекторов, передававших свою профессию по наследству из поколения в поколение, к которой и относился упомянутый в надписи архитектор Юлиан, строивший храмы в начале V в.

Трактат Аскалонита, можно думать, имел практическое значение для архитекторов Палестины и смежных провинций. Как Сирия, так и Палестина были в IV–VI вв. районами широко развернувшегося строительства⁴. После разгрома Иудеи в 70-х и 130-х гг. н. э., после массового истребления и вывода местного

---

¹ АДСВ. 1960. Вып. 1.

² Согласно Синэндему Гиерокла, в ранневизантийской империи считалось три провинции Палестины: Палестина первая – с митрополией Кесарией Палестинской, Палестина вторая – с центром в Скифополе, Палестина третья с главным городом Петра (*Hieroclis. Synecdemus, e Constantini Porphyrogeniti de thematibus ut administrando imperio. Bonnae, 1840. P. 398*). Аскалон находился в Палестине первой. В числе прочих городов этой провинции были Элия Капитолина (Иерусалим), а также важные приморские центры: Яффа, Газа, Ариза. Всего в Палестинских провинциях насчитывалось 42 города. Законы и обычаи, записанные Юлианом, очевидно, относились ко всем трем провинциям.

³ *Tchalenko G. Villages antiques de la Syrie du Nord, I–III. P., 1955–1959. Vol. 1. P. 109. n. – Pl. CXXXIII.*

⁴ Об оживлении строительства в Сирии и Палестине в IV–VI вв. см.: *Robert L. Hellenica. 1948. Vol. 4. P. 21 sq; Tchalenko G. Op. cit. P. 51 etc.; Butler H. C. Ancient Architecture in Syria. Leyden, 1950. Vol. 1. P. 129.*

еврейского населения, страна была колонизована эллинизированным и романизированным населением разного происхождения. С IV в. сюда устремился целый поток паломников в «святую землю». Палестина и Сирия славились культурой оливкового дерева, и продажа оливкового масла имела большое значение в товарном обращении IV–VI вв. Приморские города Палестины, как явствует из *Expositio totius mundi*, играли важную роль в средиземноморской торговле⁵.

Родина Юлиана – Аскалон – была одним из центров посреднической торговли со странами Востока (ароматические вещества, пряности, жемчуг, слоновая кость, тонкие ткани, шелк и т. п.). Аскалон считался «изобилующим всем» и снабжавшим Сирию и Египет хорошим вином⁶. Как видный центр Аскалон упоминается у Аммиана Марцеллина⁷. Окрестности Аскалона издавна славились культурой красящих веществ (шафран, хна)⁸.

Архитектор из города Аскалона не без основания выступил со своим трактатом: Аскалон славится как один из красивейших городов по своим строениям⁹. Арабские завоеватели в VII в. удивлялись постройкам в Палестине вообще и особенно в Аскалоне. Халиф Омар был в восторге от этого города¹⁰. А Абдулла ибн Селам (VII в.) говорил: «В каждой вещи можно указать то, что в ней лучшего, а лучшая часть Сирии – Аскалон!»¹¹ Аль Мукасади пишет об Аскалоне, что этот город вымощен мрамором, торговые улицы прекрасны, постройки чудесны¹². После крестовых походов в XIV в. от Аскалона остались лишь развалины.

Трактат Юлиана не является учебником для архитекторов – это только сборник полицейских правил, которые требовалось соблюдать при строительстве или ремонте зданий.

За все время существования Восточно-Римской и Византийской империй строительство новых домов или перестройка их, разрушение их, лишение их декоративных деталей – все, что понималось под словом «новостройки» – *de novis operibus*, находилось под неослабным контролем городских властей. В Кодексе Юстиниана переданы конституции римских императоров, начиная со II в.¹³ Всякое нарушение строительных правил грозило разрушением постройки за счет хозяина, допустившего несоблюдение установленных норм¹⁴.

⁵ Русский перевод см.: ВВ. 1956. Т. 8. С. 280.

⁶ Там же.

⁷ Аммиан Марцеллин. История, XIV, 8, 11 / Пер. Ю. Кулаковского. Киев, 1906–1908.

⁸ Ранович А. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М.; Л., 1949. С. 144.

⁹ Сирийская школа архитекторов славились по всему Востоку, см.: Jones A. H. M. The Greek City. Oxford, 1940. P. 278.

¹⁰ Ибн-аль Факих // Православный Палестинский сборник. 1897. Т. 17. Вып. 2. С. 751.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 808.

¹³ Codex Justinianus. De aedificiis privatis / Rec. P. Krueger. Berolini MCMLIV, VIII (далее: CJ).

¹⁴ CJ. VIII, 10, 14.

Особенно строго соблюдались правила в Константинополе при Феодосии II (408–450), который издал ряд постановлений, касавшихся строительства в городах¹⁵. Как видно, городская знать в V в. имела тенденцию превратиться в поместную, наблюдалась тяга из города в имения в провинции, учащались случаи распродажи по частям дорогих декоративных деталей домов (мраморной облицовки, колонн и т. д.)¹⁶.

Правительство стремилось сохранить городское население, городскую знать — куриалов, блеск античного города как центра культуры, товарного производства и торговли. Поэтому строго запрещалось все то, что может обезобразить город, нарушить интересы соседей. Четвертый и пятый века были временем усиленного городского строительства: города планировались, так как необходимо было строить стены ввиду опасности варварских вторжений и восстаний. Кроме того, необходимо принять во внимание, что со времени начала упадка Западно-Римской империи центр торговли переместился на Восток, так как оживленная торговля с Западом в первые века Римской империи была обусловлена административным господством Запада над Востоком, что уже не имело места со времен Константина. К тому же нормализация на Восточной границе, укрепление Персидского государства Сассанидов создали новые возможности торговли, и восточное побережье Средиземного моря — именно Палестина, Финикия и Сирия — приобрело особое значение в международной торговле. Такие города, как Антиохия, Кесария Палестинская, Селевкия, становились важнейшими центрами торговли, и понятно, что строительство в городах Палестины и Сирии заметно усилилось. Даже в сирийских деревнях, как показывают археологические изыскания, в IV–V вв. строились двух- и трехэтажные каменные здания.

Город Константинополь в V в. бурно разрастался, его площадь утроилась в связи с перенесением стен города на запад («Стены Феодосия»). В правление Зенона (474–491) был издан на греческом языке подобный строительный устав¹⁷, который, однако, касался только города Константинополя. В уставе Зенона правила для новостроек сделались особенно строгими. За нарушение правил строительства хозяин дома платил штраф в 10 литр золота (около 3000 г золота), архитектор или подрядчик, совершивший подобную стройку, должен был платить штраф тоже в 10 литр, притом, если он был бедняком, вместо штрафа подвергался телесному наказанию и изгнанию из города¹⁸. При Юстиниане с 1 сен-

¹⁵ Codex Theodosianus. XV, 1, 39; XV, 1, 46; XV, 1, 4: CJ. VIII, 10, 11 (423a).

¹⁶ CJ. VIII, 10, 6 — «Si quis... civitate spoliata ornatum hoc est marmora vel columnas, ad rura transtulerit...» (Tchalenko G. Op. cit. P. 386 sq., 422).

¹⁷ CJ. VIII, 10, 12 — «Ἀυτοκράτωρ Καῖσαρ Ζήνων... Ἀδαμαντίῳ ἐπάρχῳ πόλεως...»; Dirksen H. Das Polizeigesetz des Kaisers Zeno über die bauliche Anlage der Privathäuser in Konstantinopel // Hinterlassene Schriften (Leipzig). 1871. T. 2.

¹⁸ CJ. VIII, 12, 5-d.

тября 531 г. закон Зенона распространялся на все города империи. При этом закон получил силу обратного действия. Поскольку имелся в виду доход казны от штрафов с нарушителей устава, правительство Юстиниана стало рассылать по городам особых ревизоров – *discussores*, которые в числе прочих обязанностей должны были проверять городское строительство частных домов. Устав Зенона требовал соблюдения особого расстояния между постройками (воздушного пространства – *ἀήρ*), и потому штраф за нарушения устава назывался «*ἀερίκόν*». Прокопий в «Тайной истории» возмущался назначением такого налога, называл его упавшим с неба!¹⁹ Сохранилась надпись о посылке подобных *discussores*²⁰ в Палестину. Дата надписи – октябрь 548 г.²¹ Поскольку по содержанию трактата можно относить деятельность Юлиана Аскалонита к VI в. (позже законов Зенона и распространения их действия на провинцию), т. е. ко времени Юстиниана, весьма возможно, что в числе комиссии, посланной Юстинианом в Палестину, находился и сам Юлиан Аскалонит и что именно тогда поручено было ему составить положение для городов Палестины. Это положение впоследствии использовалось городскими властями других городов, но сохранило название «О законе и обычаях Палестины».

Содержание трактата Аскалонита давно известно по «Шестикнижию» Арменопула²², которое было действующим законодательством в поздней Византии, Молдавии, Валахии, Грузии. Арменопул в 4-м титуле 2-й книги своего сборника, в разделе «О новостройках» (*περί καινοτομιῶν*), с 12-й статьи переходит к изложению сочинения Юлиана Аскалонита, причем приводит особое заглавие: 'Από τῶν τοῦ Ἀσκαλονίτου Ἰουλιανοῦ τοῦ ἀρχιτέκτονος ἐκ τῶν νόμων ἦτοι ἤθῶν τῶν ἐν Παλαιστίνῃ. Но в изложении Константина Арменопула не указывается, где заканчивается заимствование от Аскалонита. Всего глав после заголовка до конца титула 117 (от 12 до 128). Можно было думать, что все остальные главы являются тоже положениями Аскалонита. Издавая «Шестикнижие» Арменопула, Геймбах имел под руками весьма хорошо сохранившиеся рукописи – Cod. Haenelianus, Constantinopolitanus 1354.

В 1893 г. женеvский профессор Ж. Николь открыл в библиотеке г. Женевы рукопись № 23, в которой содержался трактат Юлиана Аскалонита²³. Однако

¹⁹ *Procopii Caesariensis. Anecdota* / Ed. M. Krascheninnikov. Jurievi, 1899. P. 95–96; *Dölger F. Das ἀερίκόν* // BZ. T. 30. S. 450–457; **Панченко Б. А.** О тайной истории Прокопия // ВВ. 1896. Т. 3. С. 507–511.

²⁰ CJ. X, 30, 4 (de discussoribus) – a. 530: 1, 26, 4; novell. Just. 17, 4, pr – 535 ann.; 24, 3; 25, 4; 26, 4; 30, 8; 128, 17.

²¹ *Corpus Inscriptionum Graecarum supplementarum*. VIII, 30.

²² *Constantini Armenopuli Manuale legum sive Hexabiblon* / Ed. G. Heimbach. Lipsiae, 1851. Константин Арменопул был критής гор.Фессалоники и в 1345, в 1349 гг. судья βασιλικού σερκρέτου, καθολικός критής (**Lemerle P.** Note sur le carrière judiciaire de C. Harmenopulus // *Τόμος Κωνσταντίνου Ἀρμενοπούλου*). Θεσσαλονίκη, 1952, P. 243–249 – мне недоступно).

²³ **Nicole J.** Le livre du Préfet. Genève, 1893. P. 67–75.

расположение статей в Женевской рукописи не совсем точно воспроизводило текст, известный по «Шестикнижию» Арменопула: глав было значительно меньше, в рукописи имелось особое введение, которого не было в «Шестикнижии». Палеографически Женевская рукопись № 23 относится к XIV в. Текст отдельных глав и статей мало отличался от текста Арменопула, но расположение глав было иное. При этом можно усмотреть превосходство Женевской рукописи – как в транскрипции отдельных слов, так и в наличии особого введения. Женевская рукопись кажется более правильной, чем рукописи Арменопула.

В 1937 г. греческий ученый Д. Гинис открыл в Константинополе третий вариант трактата Аскалонита – рукопись Метохия Тафа № 25²⁴.

Однако рукопись Метохия № 25 представляет собой весьма небольшую часть трактата Аскалонита – это видно из того, что приведенное в Женевской рукописи № 23 введение только частично передано в рукописи Метохия. Число глав значительно меньше, чем у Арменопула и в Женевской рукописи.

Приведем таблицу глав с нумерацией Арменопула:

Арменопул:	12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29,
Женев. 23:	12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, – 25, 26, 27, 28, 29,
Метох. 25:	12, 13, 14, 15, – – – 19, 20, – – – – – – – –
Арменопул:	30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47,
Женев. 23:	30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, – – 47,
Метох. 25:	– – – – – – – – – – – – – – – 47,
Арменопул:	48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65,
Женев. 23:	48, 49, 50, 51, – – – – – – – – – – – – – –
Метох. 25:	– – 50, 51, – – – – – – – – – – – – – –
Арменопул:	66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83,
Женев. 23:	– – – – – – – – – 75, 76, 77, 78, 79, 80, – 82, 83,
Метох. 25:	– – – – – – – – – – – – – – – –
Арменопул:	84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92–128
Женев. 23:	– 85, 86, 87, 88, – – – – –
Метох. 25:	– – – – – – – – – –

Возникает вопрос: какая редакция может считаться подлинным трактатом Юлиана Аскалонита? На первый взгляд, можно было бы полагать, что более полная редакция Арменопула ближе к подлинному тексту трактата Аскалонита. Однако расположение глав заставляет нас отказаться от этого вывода. В Женевской рукописи главы чередуются иначе, чем у Арменопула. После 44-й главы следуют главы 75, 76, 77, 78, 79, 80, 82, 85, 83, 86, 87, 88, 47, 48, 49, 50, 51. При этом нужно отметить, что такое расположение глав связано с введением, помещенным в Женевской рукописи. Во введении Аскалонит говорил о плане своего трактата. Он исходил из теории четырех стихий: огонь, воздух, вода,

²⁴ Γκίνης Δημ. Τό ἐπαρχικὸν βιβλίον καὶ οἱ νόμοι Ἰουλιανοῦ τοῦ Ἀσκαλωνίτου // EEBS. 1937.

земля. «Существуют четыре стихии: огонь, воздух, вода и земля; и от воздействия их у людей возникают недоразумения. Поэтому мы считаем необходимым соответственно порядку этих стихий расположить в трактате положения... И в первую очередь будем говорить о тех случаях, которые происходят вследствие применения огня», – и сразу же после этого следуют главы, касающиеся таких предметов, где имеем дело с дымом, дурным запахом, пожарной опасностью, т. е. главы 13–22. Далее следуют главы, где вопрос ставится о воздушном пространстве между домами, высоте домов, расстоянии между домами, портиками. Главы 75–84 – об использовании воды, водопроводов, каналов; главы 85–88, 47–51 – о сохранении преимуществ земельного участка – чтобы участок не потерял своего значения после застройки соседом смежной территории. Таким образом, текст Женевской рукописи по плану представляется более выдержанным, тогда как у Арменопула сквозит другое намерение – дать положения о новостройках в юридическом аспекте, в связи с другими законами, особенно Прохионом и Василиками. Те главы, которые не имеются у Арменопула и отсутствуют в Женевской рукописи, почти целиком являются выписанными из Прохиона²⁵. Кроме того, приводится и то обстоятельство, что главы 12–88 у Арменопула в лучших рукописях имеют надпись «ἐπαρχικόν», тогда как следующие главы до конца титула подобной надписи не имеют²⁶. Все содержание трактата Аскалонита относится к функциям ведомства городских властей, городского эпарха, потому и отмечались отдельные главы словом «ἐπαρχικά».

Другой вопрос – является ли Женевская рукопись полным текстом трактата Аскалонита – не может быть удовлетворительно разрешен. Рукопись заканчивается не заключением, а обрывается на главе о сохранении вида на горы и на море (гл. 51). Возможно, что некоторые главы трактата Аскалонита по Женевской рукописи и опущены переписчиком. Рукопись Метохия № 25 представляет собой очевидное сокращение рукописи Женевской, хотя непосредственной связи между рукописями и не наблюдается.

Женевская рукопись № 23, кроме трактата Аскалонита, содержит на первом месте «Книгу Эпарха» Льва VI. В каком отношении между собой находятся «Книга Эпарха» и трактат Аскалонита? По Дим. Гинису, между введением к «Книге Эпарха» и содержанием трактата Аскалонита, помещенного в рукописи Метохия, нет ничего общего²⁷. Это кажется только потому, что переписчик рукописи Метохия, списав введение к «Книге Эпарха», полностью пропустил содержание Книги и остановился на некоторых главах Аскалонита. Но содержание трактата Аскалонита совершенно естественно примыкает к «Книге Эпарха»,

²⁵ Γκίνης Δημ. *Op.cit.* σ. 184; Nicole J. *Op.cit.* P. 68.

²⁶ Глава 46 по своему содержанию не может принадлежать Юлиану Аскалониту, так как в ней говорится не об обычаях Палестины, а о «богоспасаемом городе» – Константинополе.

²⁷ Γκίνης Δημ. *Op.cit.* σ. 185.

как развитие последней главы. Как известно, «Книга Эпарха» заканчивается 22-й главой, посвященной строительным работникам и подрядчикам. В «Книге Эпарха» говорится об отношениях работодателей к работникам, к лицам, принявшим на определенных условиях заказ по строительству, ремонту или декорированию зданий, говорится о методах разрешения трудовых конфликтов, возникающих на стройках. Естественно, что после этих положений следует передать строительный устав.

Соблюдение норм строительного устава хозяевами и подрядчиками должно было контролироваться эпархом (закон Зенона адресован городскому эпарху Адаманцию). Поэтому после постановлений о корпорациях *περὶ πολιτικῶν σωματείων* и присоединен трактат Юлиана Аскалонита как необходимый для функционирования ведомств эпарха документ. Нужно признать, что и 22-я глава «Книги Эпарха» и трактат Аскалонита в одинаковой мере покоятся на базе закона Зенона. «Книга Эпарха» заимствовала из этого закона запрет работникам прекращать работу: как в законе Зенона, так и в 22-й главе «Книги Эпарха» строительным работникам, которые не выполняют по какой-нибудь причине условий найма и бросают работу, угрожает наказание – порка и изгнание (в «Книге Эпарха» прибавляется: «острижение волос», чего в законе Зенона нет)²⁸. Трактат Аскалонита фактически развивает в конкретном применении к отдельным видам построек закон Зенона, причем прямо ссылается на него в главе о преграждении новостройкой вида на горы и море (гл. 51)²⁹. Трактат Аскалонита является, таким образом, органической частью «Книги Эпарха». Мы можем привести аналогичное положение при издании Василик. Книга 53-я Василик составлена из самых различных цитат из Дигест и Кодекса Юстиниана, относящихся к вопросам мореплавания и морской торговли. Но к концу 53-й книги приложен Морской устав родосцев, который в некоторых частях не полностью соответствует приводимым положениям Дигест и Кодекса³⁰. Морской устав родосцев детально разрабатывал все казусы, встречающиеся в практике морской торговли, и потому был незаменим в случае разрешения конфликтов, возникающих на этой почве. Точно такое же значение имел и трактат Аскалонита по строительству в Палестине. Безусловно, трактат имел в виду условия и обычаи Палестины (в главе, касающейся правил надстройки этажей, Аскалонит приводил некоторые отличия обычаев города Кесарии Палестинской от обычаев города Аскалона)³¹. Однако трактат Аскалонита сделался обязательным уставом для строителей в городе Константинополе.

²⁸ CJ. VIII, 10, 12, 9 – Livre du Préfet. P. 61, 25.

²⁹ Harmenopuli. Op. cit. P. 275 – CJ. VIII. 10, 1, 4.

³⁰ Basillicorum libri, LX / Ed. Heimbach. Lipsiae, 1850. Vol. 5; L. LIII, Τίτλος Η', Τὰ κεφάλαια τοῦ νόμου τῶν Ροδίων.

³¹ Harmenopuli. Op. cit. P. 264, 42.

Относительно характера трактата Аскалонита в литературе имеются разные точки зрения. Христофилопулос в своей работе о византийских цехах³² считает трактат Аскалонита только научным произведением архитектора VI в. К «Книге Эпарха» трактат присоединен в Женевской рукописи только потому, что содержание его соответствовало тому, что находилось в ведении эпарха, но никакого законодательного характера это прибавление трактата к «Книге Эпарха» собой не влекло. Точно так же Феррини³³ считает трактат Аскалонита законодательным добавлением к «Книге Эпарха». По мнению Феррини, Арменопул ошибочно принял научное прибавление к рукописи «Книги Эпарха» за законодательство. Издатель «Книги Эпарха» Ж. Николь был того же мнения³⁴. Он считал, что рукопись «Книги Эпарха», которую имел под руками Арменопул, могла оканчиваться словом «Ἐπαρχικά». Это слово Арменопул принял за заголовок к трактату Аскалонита и поэтому ошибочно включил главы трактата в свой законодательный свод «Шестикнижие». Противоположные мнения высказаны давно издателем труда Арменопула – Геймбахом³⁵, а после издания «Книги Эпарха» – Цахариз фон Лингенталем³⁶. Они считали, что положения Аскалонита получили законодательную силу, причем особенно подчеркивали то обстоятельство, что у Арменопула над каждой главой Аскалонита стояла приписка «ἐπαρχικόν», т. е., что данное положение является обязательным как приказ эпарха города.

Мы должны считать мнения Геймбаха и Цахариз фон Лингентала более правильными. Разумеется, первоначально трактат Юлиана имел чисто местное, исследовательское значение и являлся частным пособием для архитекторов. Но подобно тому, как частные исследования римских юристов – Ульпиана, Гая и т. д. после включения их положений в Дигесты и в Василики сделались действующим правом, таким же образом и трактат Аскалонита, будучи включен в число распоряжений городского эпарха Константинополя, приобрел силу обязательного постановления. К главе Аскалонита об устройстве хлебопекарни (гл. 14) в рукописях Арменопула вставлена большая схолия³⁷, из которой явствует, что положения Аскалонита являлись обязательными для строителей. При этом указывалось, что в условиях Фессалоники правила должны быть изменены, так как в Фессалонике направление господствующих ветров иное, чем в Константинополе, и потому расположение дверей и печей в хлебопекарнях должно быть иным в отношении к окружающим зданиям. Это, безусловно, сви-

³² Χριστοφίλοπουλος Α. Τὸ Ἐπαρχικὸν βιβλίον Λέοντος τοῦ Σοφοῦ καὶ αἱ συντεχνίαι ἐν Βυζαντίῳ. Αθήναι, 1935. σ. 30.

³³ Ferrini G. Gli estratti di Giuliano Ascalonita (Opere G. Ferrini). 1929. Vol. 1. P. 444–445.

³⁴ Livre du Préfet. Op. cit. P. 10, n. 1.

³⁵ Kritische Jahrbücher für deutsche Rechtswissenschaft. 1939. Bd. 3. S. 961 ff.

³⁶ Byzanlinische Zeitschrift. 1893. Bd. 2. S. 132.

³⁷ Harmenopuli. Op. cit. P. 244.

детельствует о практическом применении положений трактата Аскалонита как в Константинополе, так и в Фессалонике.

Необходимо также обратить внимание на то обстоятельство, что в Женевской рукописи после «Книги Эпарха» следует заглавие «ἀπὸ τοῦ Ἰουλιανοῦ ἀρχιτέκτονος ἐκ τῶν νόμων»³⁸. Это означает, что приводится не весь трактат Аскалонита, но только отдельные выдержки из него, что не все, что касалось обычаев Палестины, признано обязательным для населения Константинополя³⁹. То, что трактат Аскалонита приведен не полностью, можно видеть по совершенно незначительным указаниям на «обычаи Палестины», которые только один раз встречаются во всех 49 главах Аскалонита. В том виде, в каком трактат приводится в качестве ἐπαρχικόν, он не соответствует своему заглавию. Следовательно, о трактате Аскалонита мы знаем только в той мере, в какой его положения были включены в «Книгу Эпарха».

Арменопул только в самой незначительной степени использовал первую 21 главу «Книги Эпарха»⁴⁰.

В XIV в. функции и значение должности городского эпарха были совершенно иными, нежели в X в. Положения «Книги Эпарха», которые предоставляли городскому эпарху самые широкие права над ремесленниками и торговцами, вряд ли были приемлемы в XIV в. Такие уставы корпораций, как метаксопратов, серикариев, катартариюв, в XIV в. были бы анахронизмами. И совершенно понятно молчание Арменопула об этих постановлениях «Книги Эпарха». Но в ином положении были статьи «Книги Эпарха» о лицах наемного труда, в основном строительных работниках. В самой «Книге Эпарха» глава 22-я как бы была внешним придатком: в первых 21 главах говорится о корпорациях, тогда как в 22-й главе нет и речи о каких бы то ни было объединениях, эта глава как бы не подходит к общему заглавию «Книги Эпарха». Но как раз эта 22-я глава полностью воспроизведена у Арменопула⁴¹, причем над каждой статьей главы стоит надпись «ἐπαρχικά».

Это показывает, что в XIV в. наблюдение за городскими стройками, равно как за поведением строительных работников, все еще возлагалось на городские власти, на ведомство эпарха (хотя само наименование эпарха к этому времени превратилось в титул). Между тем ремесло и торговля в условиях наличия разных привилегий иностранцам зависели не столь от городских, сколько от центральных властей. В XIV в. трактат Аскалонита имел большую актуальность, чем «Книга Эпарха» Льва VI, отражавшая совершенно иные условия и обстановку.

³⁸ Livre du Préfet. Op. cit. P. 69.

³⁹ Γκίνης Δημ. Op.cit. σ. 184.

⁴⁰ Harmenopuli. Op. cit. Cfp. VI, 14,5; III, 4,63; III, 3,59; VI, XIV, 16; VI, XIV, 12 – h.e. – Livre du Préfet: XX,3; XXI,5; XXI,6: 11,5; XVIII,5.

⁴¹ Harmenopuli. Op.cit. P. 446–448 (III, VIII, 40–43).

Трактат Аскалонита начинается (после упомянутого введения) главой «περὶ βαλανείου», т. е. о правилах при постройке частной бани⁴². Необходимо отметить, что так же начинается титул *De aedificiis privatis* Юстинианова кодекса⁴³. Согласно краткой сводки Типуцита (судьи Патцеса)⁴⁴, такой же статьей начинался и титул XI Василик «περὶ οἰκοδομημάτων ἰδιωτικῶν». Однако у Аскалонита в основном говорится о тех неудобствах для соседей, которые может доставить новая баня. При этом указывается на действие зимних ветров, которые зимой, когда окна соседей закрыты, не могут столь вредить их жилищам, как летние, почему расстояние новой стройки может быть меньше от соседних домов, если баня располагается на юг и запад, чем если в противоположные стороны. Те же требования предъявляются и строящим хлебопекарню⁴⁵, но расстояние между хлебопекарней и соседними домами должно быть больше, чем при постройке бани, так как баня топится редко, а печь хлебопекарни действует все время. Принимается во внимание и пожарная опасность. Обстановка, которую рисует эта глава Аскалонита, – большого города с многоэтажными домами вокруг хлебопекарни, с проастиями вокруг города. Как данные о господствующих ветрах, так и обстановка говорят о Константинополе, о чем и свидетельствует упомянутая выше схолия (которая в Константинопольской рукописи помещена на краях, а в *Cod. Haenelianus* включена в текст)⁴⁶. Можно даже предположить, что в подлинном труде Аскалонита требования, предъявляемые к строителям, выражены были несколько по-иному. Глава о постройке хлебопекарни соответствует также требованиям «Книги Эпарха» (XVIII, 3). Оба источника требуют, чтобы хлебопекарни строились на возвышенных местах во избежание пожарной опасности⁴⁷. Интересно обратить внимание на то, что все положения «Книги Эпарха», касающиеся регулирования выпечки и продажи хлеба, ограничения прибыли, в «Шестикнижии» Арменопула отсутствуют, а требования, касающиеся пожарной безопасности включены в этот сборник законов. Это тоже свидетельствует о том, что строгая регламентация торговли, которая существовала в X в., в условиях XIV в. исчезла (да ее и невозможно было проводить при господстве в торговле иностранцев в Константинополе). Однако строительные правила соблюдались.

Следующие главы трактата Арменопула касаются построек, различных эргастерий производственного характера. Гончарное производство – φοῦρνου κεραμικοῦ (§ 15), устройство печи для производства гипса, обжига извести –

⁴² **Harmenopuli.** Op. cit. P. 240, II, IV, 13; Γκίνης Δημ. Op. cit. s. 187.

⁴³ CJ. VIII, 10, 1... Et balneum, ut desideras, instruere...

⁴⁴ Basilicorum libri LX, v. V, 1.58 11 not. g.

⁴⁵ **Harmenopuli.** Op. cit. P. 242 (14).

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Ibid. P. 242: εἰς ὑψηλὸν ἔπαιθρον τόπον. Livre du Préfet. P. 54 – μὴ ὑποκείμενος οἰκήμασι.

γυψαρίου ασβέστου⁴⁸ требуют соблюдения тех же правил относительно ветров, причем гончарное производство вообще не допускалось в пределах города. Устройство керамической печи допускалось только в условиях пригородной деревни. Это тоже относилось только к большим городам типа Константинополя. Раскопки, произведенные в Афинах, показали, что там, в центре города, расположены были мастерские керамических изделий и гончарная печь⁴⁹. Но в Константинополе постановление, по всей вероятности, строго соблюдалось, так как все гончарные изделия продавались не в мастерских, их изготавливающих, а в лавках салдамариев⁵⁰.

В главе о красивых мастерских тоже указывается на пожарную опасность и вред, приносимый дымом соседним жилым строениям (§ 18). Особенно строго должны были соблюдаться правила о постройке стеклодувного предприятия и по обработке железа (по изготовлению топоров, серпов и всевозможных металлических орудий)⁵¹. Эти предприятия должны были помещаться в пригородных местностях или же, в крайнем случае, в пустынных, ненаселенных частях городов.

Мастерские по производству растительного масла, льняных веревок, различных маринадов, сыра тоже не должны были размещаться в пределах города из-за дыма и противного запаха, мешающего соседям⁵². Интересно отметить, что весьма вредное и распространяющее тяжелый запах кожевенное производство не упомянуто Аскалонитом, в «Книге Эпарха» это производство расположено в центре города⁵³. На этом и заканчивается первая часть трактата Аскалонита, т. е. касающаяся стихии огня. В следующих главах трактат касается построек, не связанных с производством. В 23-й главе говорится о постройке жилых домов, размещении дверей, причем имеются в виду и склады (ἀποθήκη, в более позднем понимании – «магазины»). Глава в основном соответствует положениям Кодекса Юстиниана и Василик⁵⁴. В главе 25-й говорится об устройстве конюшни, в 26-й – о правилах устройства трактира и любого иного заведения

⁴⁸ Harmenopuli. Op. cit. P. 244–246.

⁴⁹ Delvoye Ch. Travaux récents sur les monuments byzantines de la Grèce // Byz. 1949. T. 19. P. 319 sq. 330 sq.

⁵⁰ Livre du Préfet. P. 47 (с. XIII).

⁵¹ Τοὺς ἐργαζομένους τὰς ἀξίνας, καὶ τὰς ἀμάς, καὶ τὰ τοιαῦτα μεγάλα ὄργανα (Harmenopuli, 19).

⁵² Περί αμμουδαρίων (20) σχοινικοπλόκων καὶ ἐριοπλούτων (§ 21) γαρεψῶν, τυροποιῶν (§ 22).

⁵³ Livre du Préfet. P. 49. C. XIV. De lorariis... В «Scriptores originum Constantinopolitanarum» (1907. Vol. 2. P. 300) сообщается, что иконоборец Лев III вместо духовного училища передал помещение дубильщикам кожи (μαλκκαταρίους), но Вениамин Туделитанский передает, что кожевенное производство располагалось в Пере (см.: Успенский Ф. Анналы. Т. 3. С. 13).

⁵⁴ CJ. De aedificiis privatis – VIII, 10,10 – VIII, 10,12,2; Bas. LVIII, 11,9.

(очевидно, не связанного с изготовлением предметов с применением огня). Глава 27 посвящается гостинице, обращается внимание на помещение для быков. Постоялый двор имел дурную славу и неприятен был для окружающих жильцов. Поэтому запрещалось строить постоянные дворы на улицах городов, площадях. В следующих главах говорится о нормах расстояния между высокими домами в несколько этажей, о расположении ворот, о постановке колонн, о стенах домов, различные правила об окнах, устройстве крыш, портиков, о балконах. Везде правила требовали удобства для соседей. В них предусматривались также случаи ремонта зданий. Указывалось, что пользующиеся портиками для эргастерии обязаны нести за свой счет расходы по ремонту в половинном размере (остальную половину – за счет жильцов дома – § 43).

Дальнейшие разделы (§ 75–80, 82–83, 85–88) касаются установки различных сооружений для использования воды и канализации. Главным образом правила предусматривают возможный вред, который может нанести соседям канализация⁵⁵. Особенно строго регламентировалось устройство при домах κοπροδοχεῖα (отхожих мест и навозных куч). Устройство клоак (τῶν ὑπονόμων) тоже требовало соблюдения правил, чтобы не нанести вреда соседним зданиям. Сточные канавы должно проводить так, чтобы они не подмачивали стены соседнего дома. Последние главы этого раздела (§ 86–88) предусматривали вред, причиняемый соседям слишком близким расположением сада, огорода, что может подрывать устойчивость соседнего здания. Трактат Аскалонита заканчивается главами 47–51. В них рассматриваются случаи, когда новостройка причиняет вред старым жилым домам тем, что преграждает вид на море, на сады, на площадь, представляющую интересный вид на памятники искусства (§ 49), на окрестные горы. Трактат Аскалонита свидетельствует, что соседи новостроек придумывали всякие доводы, чтобы доказать невыгоду своему жилищу постройкой нового здания. Раздраженно заключает Аскалонит: «Οὐ γὰρ δίκαιον δι' ἑτέρου βλάβην τὰ ἑαυτοῦ τίνα ἀσφαλίζεσθαι» (§ 50) – «Несправедливо защищать свои права причинением неудобств другому!» Аскалонит говорит о людях, любящих сутяжничать, людях, «завидующих» тем, кто строит новые дома. Конечно, возведение крупного дома в несколько этажей могло закрыть доступ к солнцу и воздуху. Понятны были протесты владельцев небольших домов, хижин, которые вытеснялись домами богачей в городах, где развивалась конъюнктура, благоприятная для торговли. Аскалонит называет протестующих людьми, «завидующими» чужому богатству. Социальные симпатии Аскалонита, несмотря на кажущееся беспристрастие, несомненно, на стороне богатых собственников, строящих большие дома с мраморной облицовкой и инкрустациями... Он требует только соблюдения определенного расстояния между домами, и тогда

⁵⁵ * Η δὲ τῶν ὑδάτων λύμη τοῖς γειτνιώσιν οὐκ ὀλίγην ἐπιφέρει βλάβην... (§ 75).

не могло быть больше речи о тяжбах относительно преграждения вида на море и т. д.

Аскалонит жил в VI в., когда Юстиниан предпринимал отчаянные попытки сохранить в неприкосновенности Римскую империю. Такие же реставрационные помыслы имеются и у Аскалонита. Весь его трактат фактически имеет в виду благоустройство византийского города, как самого солидного остатка античной культуры. При этом Аскалонит составлял свои правила в период некоторого подъема византийского города в VI в. Но он не мог предполагать, что не далее, чем через столетие, вся Палестина перейдет в руки арабов и его родные города потеряют свой прежний облик. Трактат Аскалонита оказался приемлемым при новом подъеме византийского города в X в. в связи с грандиозными возможностями торговли со славянскими государствами. Тогда положения Аскалонита снова стали приемлемыми – и положения его трактата были включены в «Книгу Эпарха». Во время латинского завоевания о новостройках нечего было и думать – Константинополь превращался в развалины, цены на дома катастрофически падали. Тогда положения о новостройках могли казаться совершенно отвлеченными юридическими сентенциями. Но в XIV в. мы можем отметить снова значительный рост городов, но уже на другой основе... Начинали развиваться некоторые элементы капиталистического уклада, правда, в соединении с ростом иноземного влияния. Именно в этот период нового подъема происходило мощное движение городского населения против феодальных устоев. Именно в это время писал Арменопул в Фессалониках, стремясь создать приемлемый для товарного хозяйства горожан законодательный свод. И в это время, среди бурь восстания зилотов, трактат Аскалонита, который предусматривал все необходимое для благоустройства города при соблюдении интересов горожан (фактически: средних слоев – мелких домовладельцев и богатых – владельцев многоэтажных домов), казался вполне приемлемым и был включен Арменопулом в его «Шестикнижие». Принятие трактата Аскалонита в качестве документа действующего права было актом новой рецепции Юстинианова законодательства в новых условиях, которые, однако, в результате поражения движения зилотов не могли получить развития.

ИЗ (ТРАКТАТА) АРХИТЕКТОРА ЮЛИАНА АСКАЛОНИТА О ЗАКОНАХ ИЛИ ОБЫЧАЯХ ПАЛЕСТИНЫ

Существуют четыре стихии: огонь, воздух, вода и земля; и от воздействия их (при строительстве зданий) у людей возникают недоразумения. Поэтому мы считаем необходимым соответственно порядку этих стихий расположить (в трактате) положения о тех случаях, которые возникают (от воздействия этих стихий), разясняя и причины, и происходящий вред или справедливое разрешение (возникшего недоразумения, т. е. каким образом избежать вреда). И в первую очередь будем говорить о тех случаях, которые происходят вследствие применения огня. Огонь и дым, и дурной запах при возжигании материалов предоставляют нам на выбор – или потерпеть вред, или же соблюдать определенные расстояния. Исходя из этого, на основании опыта мы будем говорить относительно расстояний (при соблюдении которых предотвращается вред от огня).

(13) О бане¹

(В рукописи заглавия нет)

Итак, тому, кто решает построить частную баню, надлежит расположить печи в определенном расстоянии от соседнего (строения). Если баня намечается к постройке на юг или запад от соседнего строения, которое имеет два или три этажа и окна, обращенные к бане, то надлежит соблюдать расстояние в 20 локтей: ведь обычно ветры в этом направлении бывают зимою, когда редко открываются окна соседнего помещения и когда сила жара от банной печи рассеивается и смягчается влажным ветром.

Если же частная баня строится на север или восток от соседнего здания, которое имеет два или три этажа и окна которого обращены в сторону бани, то строящему эту частную баню надлежит соблюдать расстояние не меньше 30 локтей. Ветры с этих сторон дуют обычно летом, когда окна часто открываются, и таким образом будет нанесен вред собственнику соседнего дома. Если же стены, обращенные к частной бане, являются сплошными (т. е. без окон и дверей), то строящему баню разрешается соблюдать расстояния в три раза меньше указан-

---

¹ Прилагая перевод трактата, мы должны предпослать следующее: 1. Перевод сделан применительно к тексту Женевской рукописи; только в тех случаях, когда в Женевской рукописи текст явно испорчен, мы использовали текст Арменопула; 2. Те главы из Юлиана Аскалонита, которые помещены у Арменопула, но отсутствуют в Женевской рукописи, мы не привели в переводе, поскольку не считаем их заимствованными от Аскалонита; 3. Заглавия статей приводим по Женевской рукописи. Там же, где заглавий в рукописи нет, мы приводим заглавия Арменопула; 4. Все разночтения, спорные места, толкования терминов, ссылки на законодательство мы относим к комментариям, которые намечены к выпуску в последующем сборнике; 5. Некоторые места текста нами даны в вольном переводе в случаях, когда в изложении Аскалонита слишком отрывочно передана мысль.

ных. Если же соседние дома одноэтажные, наравне с высотой бани, и если и имеют двери и окна, обращенные к бане, то тем не менее надлежит соблюдать такое же расстояние, как и при сплошных стенах. Если же при том эти дома обращены к бане сплошными стенами, то строящему разрешается соблюдать только одну шестую указанных расстояний. Все вышеизложенное относится к городу. В деревнях разрешается соблюдать только половину указанных расстояний.

(14) О хлебопекарнях

Кто в городе заново устраивает хлебопекарню, тот должен помещение для выпечки хлеба помещать на открытом возвышенном месте, соблюдая расстояние в шесть локтей, в том случае, если соседние строения низкие. Это расстояние требуется соблюдать, если печь строится на открытом месте, вследствие того, что от этих печей случаются пожары в домах. Если же соседнее строение имеет два или три этажа или больше, то строящий хлебопекарню должен соблюдать расстояние между хлебной печью и соседним (если здание на открытом месте еще столько же). Чтобы хлебопекарня не приносила вреда от дыма, требуется соблюдать половину того расстояния, которое требуется при постройке частных бань. Ведь в банях топка производится постоянно и непрерывно, тогда как в хлебных печах только частично, притом, главным образом, по ночам.

Вышеизложенное относится к городу. В деревнях и пригородах (проастиях) разрешается соблюдать только половину указанных расстояний.

(15) О гончарной печи

Тот, кто строит в деревне гончарную печь или печи, должен соблюдать расстояние в 20 локтей от соседнего строения в том случае, если оно имеет два или три этажа или выше и если печь будет расположена на северной или восточной стороне от соседнего строения, а двери и окна соседнего строения обращены к гончарной печи. Ведь использование гончарной печи и производство обычно состоится во время преобладания ветров с указанных стран света.

Если же гончарная печь помещается на юге или западе от соседнего строения, окна и двери которого обращены к печи, то следует соблюдать расстояние в 12 локтей, так как ветры с этих сторон обычно бывают зимою, когда не производятся работы в гончарных мастерских. Если же соседние строения обращены сплошной стеной или если они низкие, то тогда разрешается соблюдать только треть указанного расстояния. Если же при наличии гончарной печи какой-либо сосед пожелает поставить другую гончарную печь подле уже существующей, то строящий ее должен соблюдать расстояние от уже существующей гончарной печи 15 локтей в случае, если он располагает печь на севере или востоке. Если же на западе или юге, то расстояние между печами должно быть 30 локтей. Причина определена сказанным о банях. Те же расстояния должны

соблюдаться применительно к ветрам, если гончарная печь строится около тока для молотьбы.

(16) О гипсариях

Если кто в деревне или в городе желает организовать гипсарию, должен соблюдать расстояние между печью для обжигания гипса и соседним строением: если соседнее строение одноэтажное и окна выходят в сторону печи и если место печи открытое и не покрыто кровлей, и если место печи находится на севере или востоке от соседнего строения, то следует соблюдать расстояние в 8 локтей. Если же на западе или юге и притом, если соседние строения низкие и имеют окна (обращенные в сторону печи), то расстояние соблюдать в 4 локтя.

Если же место печи покрыто кровлей, но окна соседнего строения выходят к печи, то нельзя к помещению гипсария пристраивать портик, так как соседу через окна проникает удушливый смрад от дыма. Если же соседнее строение имеет два или три, или больше этажей и если окна строения выходят к гипсарии, то следует располагать печь от стены соседа на расстоянии 24 локтя. Если же стена сплошная, без окон и дверей, тогда расстояние между гипсарием и стеной соседнего строения может равняться только двум локтям – это расстояние нужно соблюдать вследствие порчи стены от огня.

Мешать и толочь гипс у стены соседнего здания не разрешается, но при толчении гипса следует соблюдать расстояние от стены соседнего здания в 6 локтей. Ведь толчки от ударов тоже могут разрушающим образом действовать на стены.

(17) О печи для обжигания извести

Кто желает построить печь для обжигания извести, должен соблюдать расстояние в сто локтей от всякого строения двух или трех или выше этажей, при любом направлении ветров – ведь от обжигания извести получается очень неприятный и вредный запах. От тока для молотьбы подобная печь должна отстоять на 50 локтей.

(18) О красильщиках и окрашивании ткани

Ремесло красильщиков и окрашивающих ткани связано по большей части постоянно с огнем и приносит вред прилегающим зданиям. Не разрешается, если дом одного находится внизу, другого же расположен выше него, разводить огонь подле находящегося выше строения. Как уже указывалось, частое и постоянное употребление огня не только доставляет живущим наверху чад, но и представляет опасность для пожара. Запрещается поэтому красильщикам не только располагать свои дома ниже других, но и требуется соблюдать от выше-расположенных домов расстояние в 6 локтей с половиной: ведь дым рассеется в отдалении 6 1/2 локтей.

(19) Об изготавливающих стекло и других подобных

Стеклодувы и обрабатывающие железо, которые изготавливают топоры и серпы, и разные крупные инструменты, а также ваятели статуй не должны располагать свои мастерские в городах. Если же встречается особая необходимость в городах, и располагать там свои мастерские, этим профессиям необходимо работать в ненаселенных и обособленно расположенных местах городов – ведь от огня этих мастерских существует большая опасность для соседних строений и также постоянно причиняется большой вред для здоровья людей.

(20) Об аммудариях и изготавливающих различные виды растительного масла

Ремесло изготавливающих растительные масла не только приносит вред от огня, но и даже запах от масла вреден для здоровья людей. Поэтому надлежит, чтобы мастерские этих профессий не находились ниже соседних жилых домов. В городе, как об этом говорю, именно для того, чтобы от них запах не проникал и вышерасположенные жилища и не причинил жителям указанный вред, двери стоящих друг против друга строений должны отстоять на три с половиной локтя.

(21) О канатчиках и валяльщиках

Многие считают, что ремесло канатчиков и валяльщиков никому не может причинить вреда; однако от этих ремесел существует немалый вред и опасность, так как во время работ эти ремесленники очень часто при окуливании возжигают серу, отчего противный запах распространяет среди населения страшное зловоние. Кроме того, эти ремесленники, окуливая веревки и шерсть, зажигают серу и от этого постоянно случаются пожары в смежных строениях. Опыт свидетельствует, как часто от домов этих ремесленников начинаются пожары. Поэтому эти дома следует строить уединенно, чтобы они не соприкасались с другими, если же встретится необходимость, чтобы эти дома размещались по соседству с другими и даже соприкасались с ними, то хозяин таких домов должен дать письменное обязательство живущим в смежных домах соседям, что он не будет окуливать, возжигая серу, канаты в своих домах.

(22) Об изготавливающих маринады

Ремесло изготовителей маринадов и приготавливающих сыр немалый приносит вред владельцам близ живущих строений: от этого производства на большом расстоянии распространяется сильный, нестерпимый, неприятный запах. Поэтому вообще не следует этим ремесленникам селиться ни в городе, ни в деревне. Если же в них встречается необходимость для потребления городов и сел, то следует им располагаться на расстоянии трех стадий (от соседних строений). Следует иметь в виду, что все вышесказанное относится к тем, которые воздвигают новые постройки. Если же имеются старинные документы, разре-

шающие подобные постройки, или существует соответствующее право на использование данной территории, следует соблюдать существующие с древних времен постановления относительно домов этих ремесленников.

Второе: ОТНОСИТЕЛЬНО ВОЗДУХА И СВЕТА

(23) О постройке домов

(В рукописи заглавия нет)

Тем, кто заново сооружают и строят дома, на ровных местах в городах надлежит соблюдать расстояние в десять шагов от соседнего здания и соседних строений. Можно делать окна в них, кто как желает. Если даже этот дом является аптекой (складом или лавкой), то его хозяева могут открывать окна, когда им угодно – ведь они открывают только раз, не беспокоят постоянно, поскольку это здание является аптекой.

(25) О конюшне

(В рукописи заглавия нет)

Если же строящееся здание является конюшной, открывать двери надлежит в обратную сторону от дверей соседнего здания, но не против и не рядом с дверью соседнего помещения.

(26) О трактире

(В рукописи заглавия нет)

Если же строится трактир или какая-либо иная эргастерия, то подобным же образом двери должны устраиваться в обратную сторону. Тот, кто строит заново подобное здание, не должен делать особые помещения «каливы», скамьи и стойки для тех, которые желают пить вино не в помещении трактира, а на улице или на площади, но пользоваться трактиром можно только внутри его помещения. Тому, кто строит трактир заново, нельзя устраивать возле трактира помещение для корма животных, так как животные вечно причиняют неудобства прохожим. Если же из двух соседей один имеет уже давно право на вышеназванные условия относительно конюшни, таверны и прочих строений, то он не должен встречать препятствия это делать со стороны того, кто заново строит помещение, поскольку данное место или данные места уже подлежат определенному сервитуту (т. е. уже предоставлены права для соответствующего пользования). Если же у обоих соседей дома уже существуют давно, и если один из них уже прежде своего соседа имел в пользовании и конюшню и вне таверны устроенные стойла и помещения для животных и пользуется помещением вне таверны, т. е. «каливой», – и если другой, имеющий строение напротив, не возбуждал притязаний в течение десяти лет (если он тут же жил) и в течение двад-

цати лет (если он не жил там или был в отъезде), то тому, кто пожелал бы заново устраивать эти сооружения, не будет разрешено, поскольку ли это было предоставлено тому, кто издавна имел соответствующее владение на этом месте, и не следует устраивать на одном месте двух стойл, двух конюшен или трактиров.

(27) О гетерии

(В рукописи заглавия нет)

Никому из них обоих не следует организовывать (при таверне) гетерию вследствие того, что на оба дома падет дурная слава. Это касается городов. В селах же относительно трактиров и подобных заведений пусть пользуются особыми постановлениями.

Что же касается стойла для быков, то расстояния между ними должны соблюдаться в половинном размере. Если это касается трактиров, то должно соблюдать двойное расстояние между ними, не только вследствие того вреда, который наносится друг другу, но вследствие той опасности, которая представляется прохожим со стороны животных. Следует, однако, знать, что нигде в общественных портиках и на улицах и на площадях, а также на общественных городских дорогах не разрешается устраивать стойла для животных ввиду опасности для прохожих.

(28) Об увеличении в высоту домов

(В рукописи заглавия нет)

Если одному принадлежит дом, который издавна имеет два этажа, а другой желал бы надстроить над своим домом второй этаж, который первоначально отсутствовал, то это ему может быть разрешено, если между домами существует расстояние в десять шагов, разумеется, если дома соответствуют друг другу по размерам (по занимаемой площади) и если они с самого начала не слишком разнятся друг от друга по размерам; не подобает постройкой бедного дома портить вид красивого дома такой надстройкой, но в таком случае дом должен отстоять на расстоянии двадцати шагов. И таким образом нужно строить дом и ставить окна, безразлично, имеет ли старый соседний дом или не имеет окон напротив строящегося дома. Это касается домов в два, три этажа и выше в городах. В деревнях соблюдается расстояние в десять шагов при любых постройках.

(29) О том, как должны открываться двери и окно в прилегающем другом доме

(В рукописи заглавия нет)

Когда в доме имеются небольшая дверь и маленькое окно, над ними стена, то в случае, если хозяин, владеющий маленьким окном и дверью, захочет пробить или расширить их, он не имеет права этого делать, поскольку над ними находится стена соседа. Если же дверь или окно (верхней стены) находятся над

маленьким окошком нижней стены или если нижняя стена сплошная, то в таком случае разрешается находящемуся внизу пробить окно и дверь с таким расчетом, чтобы не пробивать их также широко, как расположена находящаяся наверху дверь или окно, разрешается пробивать так, чтобы с каждой стороны пробиваемого окна, по сравнению с находящимися наверху, соблюдалась разница в 6 пальцев. И это можно делать лишь, дав письменное обязательство лицу, которое живет наверху, принять на себя весь ущерб, если в течение двух месяцев после того, как пробито внизу окно или дверь, в чем-либо пострадает стена; и поперечные балки этажей или верхние косяки дверей должны доставляться за счет того, кто пробивает внизу.

(30) О смене столба или колонны

(Заглавие в рукописи отсутствует)

Если в нижнем помещении имеется грунтовой столб, который несет на себе тяжесть верхнего помещения и если живущий внизу, в собственности которого находится грунтовой столб, пожелает сменить его на колонну, то ему это разрешается сделать с тем, чтобы вместо грунтового столба он соорудил колонну, диаметр которой имел половину ширины сменяемого столба. Таким образом, если столб имеет два локтя, то диаметр поставленной вместо него колонны должен иметь один локоть. Если же живущий наверху имеет столб и желает его сменить на колонну, то ему разрешается это сделать с тем условием, чтобы подставлена была под колонну поперечная балка в толщину не меньше 8 пальцев. Этим достигается прочность установки.

(31) О том, как можно пробить дверь в общий двор

(Заглавие в рукописи отсутствует)

В доме имеется дверь, которая ведет к одному двору. Если хозяин этого дома от этого двора пожелает сделать другую дверь к другому общественному двору, в котором имеет дверь, он может это сделать, но предварительно должен заделать существующую издавна дверь. Равным образом, если у общего двора находится аптека, которая имеет одну дверь либо на площадь, либо на двор, если хозяин пожелает сделать другую дверь, это ему разрешается при условии, если он предварительно заделает существующую издавна дверь. Ведь несправедливо будет предоставлять возможность одному дому распространять интриги из одного двора в другой или же аптеке или эргастерии затевать козни в общем дворе через пробитую дверь.

(32) О балконе

(В рукописи заглавия нет)

Если кто-нибудь с давних времен имеет у простора площади или вне площади выступающий наружу балкон и если сосед пожелает поставить заново

балкон или если первый имеет в доме окна для обозрения, обращенные к наметченному к постройке балкону, то строить балкон разрешается при условии, чтобы он отстоял от другого на расстоянии в десять шагов.

(33) О том, как пробивать окна в слепой стене
(В рукописи заглавия нет)

Если напротив стены, которая имеет окна для смотрения, расположена слепая стена и если владелец этой слепой стены пожелает пробить в ней окна для освещения, он может это сделать при условии, чтобы они отстояли в три с половиной локтя от основания его дома. Если же он пожелает пробить в слепой стене окно для высматривания, то он может это сделать при условии соблюдения расстояния от окна соседа в 20 шагов. Это расстояние необходимо, чтобы жильцы соседних домов не ругались друг с другом и не развращали друг друга.

(34) О том, как построить вблизи чужой стены
строение заново на пустом месте
(В рукописи заглавия нет)

Если издавна существует двор (обнесенный стеной) и рядом с ним находится и примыкает к нему пустое место другого лица, и если последний пожелает пристроить к уже существующей стене дом низкий или высокий, то в случае, если уже существующая стена – слепая, собственнику пустого места разрешается построить строения любой высоты, какой бы ни пожелал, с условием оплатить половину стоимости существующей стены. Если же вновь построенный дом не имеет надстройки, не имеет этажей, а только опирается на стену, в то время как уже существующий дом имеет этажи, в таком случае владелец пустого места обязуется покрыть стоимость трети уже существовавшей слепой стены, причем размеры стоимости расцениваются сведущими лицами.

(35) Если же уже существующая стена имеет только щели и жилища не пользуются иными окнами, и если этими щелями пользовались в течение 10 лет, в таком случае тот, кто желает строить заново дом, прилегающий к этой стене, должен соблюдать расстояние в три с третью локтей. Если же жилые строения, кроме щелей в стене, имеют и окна с другой стороны, то хозяин этого дома не может в своих претензиях указывать на наличие в стене щелей, но владелец пустого места может воздвигнуть свой дом непосредственно у стены уже существующего дома.

(36) Если издавна на указанном пустом месте протекали ручьи, а стена, отделяющая уже существующее строение (соседа) от пустого места, не имела ни окон, ни щелей и если собственник пустого места пожелает построить на том месте дом, он может это сделать с условием, что он примет под свою ответственность последствия действия воды; он должен отвести каналом воду, чтобы она не причинила вреда стене. Если же в уже существовавшей стене были

окна, расположенные в сторону пустого места, в этом случае необходимо соблюдать те постановления об окнах, о которых говорилось выше.

(37) Если собственник пустого места доведет постройку дома до плоской крыши соседа и приблизится к ней и если владелец существующего дома имеет к своей крыше для каждодневного входа крыльцо, то строящему новый дом не следует устраивать также крыльцо к своей крыше, чтобы не происходили ссоры между соседями. Но если построивший новый дом тем не менее пожелает там пристроить к своей плоской крыше крыльцо, то должен построить крышу выше, чем у соседа, на четыре с половиной локтя. Соблюдение этой высоты достаточно для того, чтоб избежать взаимных дразг между соседями.

(38) Если собственник издавна существующего дома не имел постоянного к своей крыше крыльца, а владелец пустого места в постройке нового дома примкнул к ранее существующей крыше, то он может устроить для себя крыльцо, для чего следует возвести торакион, или небольшую стену вышиной в три локтя между соседями, чтобы таким образом не причинять неудобства строениям другого. Это же относится и к другому, если тот пожелает построить постоянное крыльцо к своей крыше – при этом расходы по устройству торакиона должны лечь на обе стороны поровну.

(39) Подобным же образом надлежит поступать и в том случае, когда устраиваются помещения для определенного использования. Если только для развешивания платьев или для охлаждения хлебов, то использующие помещение участвуют в расходах собственника дома на одну треть, но если они в то же время живут или в шалашах летом или даже на открытом воздухе у помещения, то участвуют в половине затрат домовладельца. Если надстройки дома принадлежат тому, кто живет внизу, а пользуется ими другой, причем окна расположены над нижней частью дома, должен тот, кто пользуется домом, участвовать в двух третях издержек, а тот, кто имеет помещение, находящееся внизу, участвует в размере остальной трети расходов по постройке дома. То же самое нужно соблюдать и когда требуется сменить деревянные части в отношении доставки для ремонта дома бревен для перекрытия и остального материала – что следует представить находящемуся внизу и имеющему над собой потолок. Тому, кто живет наверху, не следует помещать тяжелые вещи, особенно зимой, чтобы не причинить вреда бревнам перекрытия. Если требуется в доме выложить пол цветными плитами и если это пожелает живущий в верхней части дома, если он пожелает также покрыть свой этаж мраморной облицовкой и украсить бревна инкрустациями в полоску или кругами, то должен это производить полностью на свой собственный счет.

(40) О домостроителях

Если двор является в общем пользовании нескольких лиц и если требуется или разложить и построить вышиной в два, три, четыре этажа, все, которые

живут над основанием из первого этажа и последующих, соединяются вместе для участия в затратах по постройке фундамента соответственно высоте этажей.

Положим, что при согласии всех заинтересованных общая высота стены будет равняться 20 локтям, то распределение между участниками постройки расходов будет таково: положим, что высота первого этажа 4 локтя, второго – 6, третьего – 10 локтей. Участвовать в расходах по постройке фундамента первый должен в размере одной пятой всей суммы, поскольку высота этажа – 4 локтя, доля второго этажа в 6 локтей – одна треть и одна десятая, доля третьего этажа в 10 локтей – половина суммы. Если же, как это часто случается, стена первого этажа вместо насыпи помещается в глубине земли на полтора локтя, то эта часть засчитывается в счет стоимости фундамента, в остальном же, что касается постройки этажей над землей, то каждый должен строить свой этаж вплоть до бревен вышестоящего этажа, а соединение этажа с этажом должен делать живущий на следующем этаже. Если же стена живущего на первом нуждается в ремонте и ее следует разрушить, между тем как стены других этажей не нуждаются в этом, тогда каждый из живущих на верхних этажах должен поддерживать на сваях свою стену, пока живущий на первом этаже разберет и заново сложит стену вплоть до бревен перекрытия над первым этажом, причем живущий выше должен указывать место расположения поясов облицовки и соединения бревен. Если же вся стена во всех этажах нуждается в ремонте, то каждый должен ремонтировать стену своего этажа.

(41) О ремонте стены вестибюля

(В рукописи заглавия нет)

Если же (ремонта требует) стена вестибюля или прилегающего выхода из дома, то живущему в строении, примыкающем к вестибюлю, надлежит покрыть половину издержек по ремонту, все же те, кто пользуется вестибюлем, должны покрыть остальную сумму соответственно вносимой квартирной плате и тому вреду, который ими причинялся строениям.

(42) Об этажах

Если имеется незастроенное место в общей собственности и если собственники этого места пожелают построить дом и надстраивать над ним этажи, и если самым нижним этажом владеет по договоренности один, вторым этажом – другой, третьим этажом – третий и так далее, или (если решили строить) вследствие падения старого дома, или же если они попросту купили это место, то при постройке нового дома должны соблюдать те же правила, которые имеются при ремонте уже существующего дома: относительно же этажей, если, как сказано, этажи строятся заново, а не существовали издавна, каждый должен строить свой этаж вплоть до скрепления к следующему этажу.

Если все этажи дома находятся уже в готовом виде и владелец первого этажа окажется вынужденным приступить к ремонту своего этажа, то в отношении издержек по ремонту существуют разные обычаи: в Кесарии принят обычай, что каждый полностью за свой счет производит ремонт по своему этажу; в Аскалоне же принято, что живущий внизу и живущий над ним поровну распределяют расходы по ремонту; мы же предпочитаем занимать среднюю линию: и считаем, что живущий внизу должен оплатить две части (расходов по ремонту своего этажа), а живущий над ним – одну часть. Таким образом, распределение расходов должно происходить в таком виде: две трети и одна треть. Если же в ремонте нуждается самый верхний этаж под плоской крышей, тому, кто живет наверху, надлежит провести ремонт этажа полностью, причем все пользующиеся плоской крышей, каждый соответственно своему жилищу, должны ему помогать в прибивании гвоздями досок и прочего. Если же помещения на этажах используются в качестве складов для хранения вина, гороха и чего-либо подобного, то в представлении строительного материала живущие выше должны давать две части, живущие под ними – остальную треть. Каждый может пользоваться общественными и частными портиками и проходом, примыкающим к его дому вплоть до середины тех стен, которые отделяют его жилище от соседа.

**(43) О ремонте общественных портиков, если к ним примыкают
или над ними находятся частные жилища**
(В рукописи заглавия нет)

Если к портику примыкают или возвышаются над ним частные дома, низкие или многоэтажные, и если общественные портики нуждаются в ремонте и улучшении, должно иметь в виду, что при разборе и установке колонн и при работе над эпистилем (настилка над колонной) эргастерии, которые помещаются в портиках, несут половину расходов вследствие той пользы, которую они извлекают, – ведь эргастерия очень много получает пользы в портике. Для того, кто живет над портиком, – половина расходов, поскольку над портиком довлеет тяжесть от надстройки. Свободен от участия в расходах тот, кто примыкает к портику наравне с ним и если его жилище обращено в сторону портика – ведь он не причиняет портику никаких неудобств и никакой ему пользы от портика не достается, скорее, наоборот (ему причиняется вред) от того, что портиком заслоняется (в его жилище) свет. Если же в указанном портике нуждается в ремонте потолок, то эргастерии должны принять на себя половину расходов, тот, который обращен к портику и примыкает к нему, несет одну шестую часть расходов. Тот или те, кто помещаются над портиком, несут остальную третью часть расходов. Имеющий эргастерию должен оплачивать половину расходов вследствие использования им портика. Тот, который находится под потолком портика, дает одну шестую вследствие того, что потолок портика защищает его от дождей; тот же или те, кто помещаются над портиком, платят третью часть

вследствие отягощения, которое причиняют портику. Однако нужно иметь в виду, что если будет повреждена колонна общественного портика или капитель, или базис, или же пострадает постройка вплоть до грунтового столба, то расходы по ремонту должна брать на себя казна.

(44) О месавлонах и эпавлонах

Если месавлон является частью трехстороннего атриума, причем с одной стороны атриум охватывает этот месавлон, другой стороной касается другого атриума, то в отношении атрия, который соприкасается одной стороной и не дает возможности пользоваться месавлоном, нужно иметь в виду, что если понадобится для месавлона ремонт или еще какие затраты, то тот, который лишен им пользоваться, свободен от несения затрат на ремонт. Но если вся стена неиспользуемого атриума нуждается в разборке и новой установке, причем стена высокая (в несколько этажей), не следует возлагать на того, кто пользуется месавлоном, весь расход по ремонту всех этажей стены, но только фундамента и до четырех локтей высоты половины той стены, поскольку она (эта стена) охватывает и ограничивает (прочих жильцов). То же самое касается и эпавлия: если эпавлий пустой и если жилища, соприкасающиеся с ним, разделяют и эпавлий, и чужой атрий, тогда следует ремонтировать всю стену хозяину атрия, но собственник эпавлия должен представить нужные средства на устройство фундамента и половины стены до высоты четырех локтей: ведь эта стена служит ему в качестве внешней стены или в качестве ограды.

(75) О положении труб для отвода воды, об окнах и щелях в стенах

Что касается каналов, то обычно это относится к трубам для отвода дождевой воды. Если эти трубы существуют издавна и отводят воду на пустой чужой участок, они должны достигать три с третью локтя – это нормальная протяженность труб для отвода дождевой воды. Что касается окон и щелей в стене, то об этом уже было сказано. Следует, однако, знать, что тот, кто пользуется трубами для отвода дождевой воды или окнами, или щелями в стене, но не является собственником, не имеет права входить в прилежащий пустой участок, куда разрешается входить только хозяину стены в случае необходимости ее ремонта. Но и владелец пустого места не должен орошать свой участок, засаживать растениями вблизи стены, но должен соблюдать то расстояние от стены, которое указывается относительно насаждения растений. Ведь разрушительное действие воды приносит немалый вред соседним строениям, о чем в связи с прочим мы сочли необходимым говорить в соответствующих разделах.

(76) О каналах, водопроводе, водоотводах

Кто желает в своем саду или в каком ином участке провести канал, водопровод, водоотвод, должен соблюдать расстояние от соседней стены в один локоть

вследствие того, что протекание мимо воды доставляет гниение. Если же по соседству находится не стена, но поле, то разрешается ему проводить каналы так, как он пожелает.

(77) О бассейнах, дождевых водах

Кто желает устроить у себя бассейн, может это сделать при условии соблюдения расстояния от фундамента стены соседа в шесть и две трети локтя. Это расстояние достаточно для того, чтобы вода не просочилась и не подмочила стену соседа.

(78) Об отхожих местах и выгребных ямах

Кто желает на своем участке устроить заново отхожее место или выгребную яму, если строится стена для отхожего места поблизости от соседа, то нужно соблюдать расстояние от соседней стены в три локтя, притом таким образом строить стену, чтобы она была из камня и не менее одного локтя в толщину. Если же подходящий к самой стене край выгребной ямы или отхожего места обит досками или медью, то достаточно половины локтя. Но расстояние до стены должно быть не меньше трех с третью локтей вследствие того, что при копании разрыхляется земля, и поскольку просачивается вода. Если же для отхожего места и для стока нечистот вырыты ямы, но не устроена стена, тогда должна отстоять от соседней стены та сторона ямы отхожего места, которая обращена к соседу в шесть с половиной локтей, и при соблюдении этого можно копать яму. Если же кто во время копания ямы будет придерживаться вышесказанного расстояния в три с третью локтя, то в таком случае принуждается устроить стену так, как это было указано выше. Все это относится к тем выгребным ямам, которые строятся вблизи соседних жилищ. Если же участок соседа представляет собою незастроенное пустое место, то соблюдать нужно расстояние в половинном размере. Если же и с той и с другой стороны имеются отхожие места, то расстояние между ними устанавливается в два локтя.

(79) О христериях и о подземных каналах для стока воды

Если кто в своем дворе не имеет христерия и пожелает провести его у стены, общей с соседом, необходимо устроить со своей стороны общей стены для сооружения христерия зацементированную стену толщиной не менее полутора локтя. То же самое надлежит соблюдать и при устройстве подземных каналов для стока нечистот. Таким образом окажется неповрежденной общая стена.

(80) При постройке или ремонте подземной канализации надлежит принимать работу друг от друга, от двора к двору, от дома к дому. Например, если подземные каналы идут от двора, то хозяин его должен на свои средства провести их до тех пор, пока не достигнут общественной клоаки. Если же общественная клоака находится на слишком далеком расстоянии от последнего дво-

ра, надлежит последнему двору проводить каналы также, как и те, которые проводили раньше, но по причине протяженности остального канала необходимо разделить труд между остальными участниками проведения канализации.

(82) Об отводе грязной воды

Кто желает из находящегося на высоте христерия провести спуск в подземный канал, должен это делать у себя и не использовать чужие стены. Если же будет применено право сервитута и будет использована чужая территория, и от этого стене будет причинен какой-либо вред, тогда тот, который имеет в пользовании спуск воды, обязан покрыть вдвойне ущерб. То же самое нужно сказать и о том случае, когда дождевую воду отводят в бассейн. Одним словом, всякий канал и спуск грязных вод не должен отводиться из дому ни на широкую улицу, ни на площадь, ни к общественному портику, ни на дорогу, и, вообще говоря, ни к какому месту общего прохода в городе и в селе вследствие вреда, наносимого от этих грязных вод прохожим.

(85) О копании

Не следует копать кому-нибудь землю во вред соседу около фундамента (его здания): от этого порождаются немалые воды его опасности для строения. Но копать около фундамента соседнего строения можно только соблюдая то, что сказано было относительно построения отхожих мест, выгребных ям и бассейнов. Если же соседу понадобится заново отремонтировать свой фундамент, соприкасающийся с фундаментом соседа, то ему нельзя разрывать землю вблизи фундамента соседа, потому что от этого разрыхления земли может вместе с ним пасть старый фундамент и фундамент соседа.

(83) О возведении насыпей

Если кто-либо на поле или на пустом незастроенном месте, или в эпавлии устроит ров или что-либо подобное около стены соседа, то не должен бросать землю к стене (соседа), чтобы не причинить вреда от этого собственнику дома: ведь когда у соседнего дома образуется возвышение от насыпанной земли, то строение соседа станет непрочным, поскольку в насыпанной земле имеется сырость или же когда эта насыпь становится сырой от действия дождевой воды, очень легко может развалиться стена соседа. Если же представится особая необходимость и будет дано разрешение копать около стены соседа, то нельзя на долгое время оставлять выкопанную землю в стороне от вскопанного места, но ограничить это несколькими днями; в течение этих дней не произойдет гниения, к тому же за это время сосед будет следить за состоянием своей стены. Если же насыпь устроена для укрепления стены того лица, кому принадлежит дом, то тот сосед, который имеет пустой незастроенный участок рядом, не имеет права запрещать ему устраивать насыпь.

(86) О деревьях больших и малых и о кустарниках

Посадка деревьев наносит немалый вред домам, если при этом не соблюдается расстояние от жилищ соответственно величине деревьев: ведь деревья пускают корни, притом для того, чтобы они росли, их поливают водой; в своем росте они все более приближаются к стенам, жилищам, дверям и очень вредят подземным каналам, находящимся в саду, кроме того, особенно вредят, подрывая с фундамента стены, к тому же дают ворами возможность пробираться на деревьях через окна в дома для кражи; они набрасывают тень на тех, кто желает надстраивать верхний этаж, причиняют поломку и разрушение винограднику и садовым подземным каналам; поэтому лицу, которое пожелает рассаживать деревья, необходимо соблюдать расстояние от соседнего дома в следующем порядке:

(87) Если кто пожелает развести виноградник, не имея его до тех пор, должен соблюдать расстояние шесть с половиной локтей. Если же яблоню или гранатовое дерево и подобные по величине деревья, то соблюдать расстояние в десять локтей. Если же смоковницу или же платан, или же пирамидальный тополь, или же подобные по величине деревья, то соблюдать следует расстояние в 20 локтей. Если же даже при соблюдении этих расстояний ветви деревьев будут распространяться над домом соседа, хозяин того дома может пользоваться плодами с того дерева до тех пор, пока ветви деревьев будут висеть над домом или жилищем его. Если же желает посадить кустарники, то соблюдать нужно расстояние в три с третью локтя. И те растения, для которых не нужно вспахивать землю, то есть или кинары, или плющ, или розовый куст, или подобные растения, для которых, как сказано, земля не обрабатывается, можно рассаживать у самой стены.

(88) Вспахивать землю и орошать ее разрешается собственнику земельного участка при соблюдении трех с третью локтей (от соседнего строения). Но это касается только тех, кто не имел издавна указанных деревьев. Если же деревья уже росли на незастроенном участке и если собственник незастроенного участка заново желает построить дом, то эти правила к нему не относятся. Ведь он сам себе строит новый дом, а не кто-либо другой рядом с ним, – так пусть он сам себе припишет тот вред, который причиняют его дому посаженные им деревья.

(47) О виде на местность, который представляется из дома

Способность зрения, являющаяся наиболее острой из всех чувств, обнаруживает свою силу на очень далеком расстоянии. Поэтому не следует об этом говорить общими словами, но нужно устанавливать определенные границы.

По законам существуют три вида апопсии (т. е. вида на местности, который дает право на отвод соседнего строительства) – вид на море, вид на сады, вид на общественные памятники. Эти законы, составленные недостаточно ясно, доставляют тем, кто строит новые здания, много недоразумений. Ведь море видно и часто на расстоянии сорока миль и даже дальше. Сад и деревья, и роша

видны на расстоянии двадцати миль. Общественные памятники видны на расстоянии не менее 200 локтей, и если мы будем требовать соблюдения права апопсии, т. е. сохранить возможность иметь вид на эти объекты, то нельзя строить ни дома, ни села, ни города. Существуют и другие виды обозрения местности, которые не непосредственно представляются взору, но заслоненные (т. е. когда между обозревателем и предметом обозрения находятся и другие объекты). Именно такие виды обозрения я и не считаю апопсиями. Тот, который при постройке дома имеет дело с правом на вид на море, притом в положении непосредственного, незаслоненного вида на море, может отвести строительство, чтобы не лишать вида на море, если этот вид непосредственный и незаслоненный. Если представляется вид на гавань, залив прямо со стороны села или города или же на стоянку кораблей, не имеющей настоящей гавани, то такой вид на море ни в коем случае не должен быть нарушен, поскольку обозревающим доставляется этим много душевных наслаждений. А если море видно издалека, мы это вовсе не считаем дающим право на апопсию: ведь громадное пространство моря видно на расстоянии сорока миль и несправедливо было бы на таком расстоянии препятствовать тем, которые желают строить дома.

(48) Относительно вида на сады

Местность, засаженная садом или деревьями, видна на указанном выше расстоянии и совершенно не следует мешать строить, исходя из этого расстояния. Но тому, кто препятствует постройке на основании данного права на сохранение вида на местность, следует препятствовать строительству не вообще, не по произвольному требованию, но только настаивать на соблюдении расстояния в пятьдесят шагов от строения.

(49) Относительно общественных памятников

На таком же расстоянии надлежит строить здание тому, кто этим лишает соседа вида на общественные памятники, в том случае, если данный вид представляется на памятник, известный в истории. Например, если кто, рассматривая памятник, интересуется сущностью его и, например, кто видит из своего дома изображение Ахилла или Аякса, или какой-нибудь другой памятник в этом роде – в таком случае он имеет право помешать (в строительстве дома) тому, кто этим желает лишить его возможности вида на памятник. Но если это лицо совершенно несведуще в значении изображенного на памятнике, если не видит исторического значения этого памятника, какое же удовлетворение имел бы от этого тот, который препятствует лицу, строящему дом?

(50) О подсматривании в чужой дом

Многие из числа любящих сутяжничать и завистливых людей берутся за то, чтобы помешать строящим дома, обвиняя их в том, что они хотят со своей пост-

ройки подсматривать в дома соседей. Но мы об этом ничего не знаем из законов, не можем видеть это и на примере постройки старинных домов, чтобы полагать, что в старину люди считали это предосудительным. Мы можем заметить, что почти все дома строились так, что они давали собой вид на соседние строения и что это обстоятельство вовсе не вызвало недовольства у людей в старину. Поэтому и мы оттого, что новые постройки дают возможность подсматривать в дома соседей, вовсе не считаем, что этим причиняется кому-либо вред. Итак, каждый, который полагает, что это доставит ему вред, должен тем не менее не препятствовать соседу строить дом, но сам должен принять меры, чтобы его жилище было недоступно обозрению или через открывающиеся ставни, называемые канцеллами, или через особые поднимаемые и опускаемые занавеси, как кому угодно. Ведь несправедливо, чтобы кто-либо укреплял свое положение путем нанесения вреда другому.

(51) О виде на горы и море

Под предлогом лишения вида на горы никто не имеет права препятствовать строительству домов, как указывал Папиниан в третьей книге вопросов в последнем вопросе титула. Постановление Зенона гласит, что если сосед строит дом на расстоянии ста шагов, то желающий строить дом не должен встречать никаких препятствий оттого, что он тем лишает соседа вида на море. Это самое положение мы можем привлечь и к виду на горы, так как можно иметь особое удовольствие от вида на горы, так же как и от вида на море: подобные случаи вызывают подобные решения.

Все вышеизложенное приведено для руководства; но если что-либо случится непредусмотренное тем, что нами сказано, то при аналогичных обстоятельствах нужно выносить аналогичные решения. Если неудобства действительно причиняют вред, а не придуманы вследствие зависти, то эти неудобства нужно пресекать, внимательно обсуждая, как об этом говорилось в предисловии, не будет ли чем нанесен вред противоположной стороне. На основании этого принципа должны выноситься решения по тяжбам людей.

МОРСКОЙ ЗАКОН¹

Морской закон как важнейший источник часто использовался в исторической литературе, но до сего времени он не появлялся в русском переводе. В конце 50-х гг. на историческом факультете Уральского университета был организован специальный семинар, посвященный изучению Морского закона. Студенты первоначально воспользовались латинским переводом в 53-й книге Василия по изданию Геймбаха. Обсуждению текста предшествовало заслушивание докладов, как общетеоретических, так и по обрисовке той социально-политической обстановки, в которой был создан Морской закон. Семинар проводился по следующему плану:

1. Средиземноморский мир в раннем средневековье.
2. Положения о характере торговли, купеческого капитала в средние века.
3. Положения римского и византийского права о торговых компаниях.
4. Общественный строй Византии в «темные века».
5. Происхождение Морского закона.
6. Техника морского дела в раннем средневековье.
7. Фронтальное занятие: «Кто такой навклир, его права и функции».
8. Купцы-предприниматели по Морскому закону.
9. Положение пассажиров по Морскому закону.
10. Состав команды. Права и обязанности моряков.
11. Предметы торговли. Особые права и правила, связанные со спецификой товаров.
12. Трудности и опасности мореплавания.
13. Чтение и толкование текстов относительно характера компаний в морской торговле.
14. Заключительная беседа.

---

¹ АДСВ. 1969. Вып. 6

МОРСКОЙ ЗАКОН РОДОСЦЕВ

Сохранившийся под названием МОРСКОЙ ЗАКОН РОДОСЦЕВ ΝΟΜΟΣ ΡΟΔΙΩΝ ΝΑΥΤΙΚΟΣ свод морского права представляет собой исключительно интересный документ, освещающий многие стороны экономических отношений в Византии. Как и всякое действующее морское право в средние века, оно носило в определенной степени международный характер для моряков, плавающих в восточной части Средиземноморья. Безусловно, это морское право являлось правом обычным, но признаваемым византийским правительством, несмотря на некоторые отличия от традиционного римско-византийского права Юстиниана. Остров Родос был крупным центром еще в эллинистическое время, и обычное право Родоса принималось широким слоем моряков. Сущность родосского права заключалась в особенностях родосской торговли: если торговля с материковых морских гаваней в позднеантичный период связана была в основном с массовой перевозкой казенных грузов, анноны, то Родос был центром частного предпринимательства в области частной морской торговли, почему в тех статьях Дигест, которые касались частных перевозок, торговли купцов-предпринимателей, указывалось, что положения права заимствованы из обычного права родосцев (Dig. XIV, 2, 9). Это позднеантичное родосское право зафиксировано в Дигестах в титуле XIV, 2 – *De lege Rhodia de actu*.

Это право как обычное, но допускаемое и признаваемое римским законодательством², с течением времени изменялось и в период VII–IX вв. во многом отличалось от первоначального содержания. В конце X в. в Василики были вклю-

---

² Дела по морским вопросам развиваются по закону родосцев, если ему не противоречит другой закон (Dig. 14, 2, 9; Bas. 53, 1, 1). Морское право Дигест более связано было с государственными повинностями по перевозке натуральных поступлений, с поставками городского управления по снабжению города в порядке литургии. Поэтому в основном морское право Дигест занимала проблема ответственности доверенного лица, которое принимало на себя перевозку груза – безразлично, в порядке ли государственных повинностей или частного соглашения. С развитием частной торговли право Дигест не могло удовлетворять купцов и капитанов, потому в практике торговли родосцев и выработалось такое право, которое в основе имело отношения капитана корабля и купца. Право родосцев в значительно измененном виде представляло собой такую практику морской торговли и мореплавания, которая вытекала из обстановки в Восточном Средиземноморье в VI–VII вв.

В Синописе Малом о законах родосцев говорится: все судебные дела, которые касаются дел, связанных с мореплаванием, разрешаются на основании родосских законов, если только нет законов, которые отменяют их. Родосские законы самые древние и в основном они хороши, но некоторые из них достойны порицания, так как в прошлом некоторые люди использовали эти законы для обмена, и многие законы требуют изменения. Но пока нет других законов, дела морские разрешаются по родосским.

чены положения Дигест о родосском праве (книга 53), но поскольку на практике моряки уже пользовались измененным морским правом, то к той же 53-й книге Василик в качестве специального прибавления включен Морской закон родосцев, по содержанию отличающийся от старинных положений родосского права, зафиксированного в Дигестах. Поскольку Морской закон родосцев помещался в списках иконоборческой Эклоги, можно с уверенностью считать, что морской закон перенесен в Василики уже в готовом виде, как давно существовавшее морское право моряков. Относительно времени оформления Морского закона в приемлемую для византийского законодательства компиляцию особых разногласий среди современных историков нет: Г. Острогорский, Р. Лопец, Е. Э. Липшиц отказываются дать более тесное определение времени составления компиляции и примерно датируют ее от VII до IX в.³

Основная публикация текста Морского закона с большим количеством комментариев принадлежит Эшбернеру⁴. Нельзя считать, что Морской закон родосцев был только добавлением к изданиям Василик подобно тому, как в рукописях помещали «Закон» после Эклоги, Прохирона, Эпанагоги, Расширенного Прохирона. Текст Морского закона цитировался позднее как основное содержание 53-й книги Василик, например, ссылка на 14-ю статью Морского закона приведена в схолии 8-й к тексту кн. 24, 1,62 (относительно наказания за обман при получении вещи на хранение на корабле).

Действие Морского закона продолжалось в течение VII–XII вв. вплоть до Четвертого крестового похода, когда византийское мореплавание потерпело

Кроме Морского закона родосцев, имеются и более поздние западные морские статуты – тоже основанные на обычном праве. Целый ряд таких статутов издан Пардессю в 7 томах, в особенности: *Consulat de la mer* / Ed. Pardessus. V. 2, а также статуты далматинских и итальянских городов. В этих поздних статутах чувствуется влияние родосских законов. Целый ряд греческих терминов вошел в торговые соглашения Запада (Lopez R. *The Role of Trade in the Economic Readjustment of Byzantium in the Seventh Century* // DOP. 1959. Vol. 13. P. 82. Nr 30).

³ Lopez R. *The Role of Trade...* P. 78; Ostrogorsky G. *Geschichte des byzantinischen Staates*. München, 1963. S. 75; Липшиц Е. Э. *Очерки истории византийского общества и культуры*. М.; Л., 1961. С. 96. Естественно, что делались попытки сблизить Морской закон с Эклогой, что считалось несомненным (Цахариз фон Лингенталь). Так, в статье МЗ, § 14 о клятвенарушении чувствуется Эклога (XVII.2). Требование трех свидетелей тоже по Эклоге (XV.1), хотя и имеется в CJ. (VIII.17.1.1, IV.2.17 = Bas. 23.1.61).

Но в отношении наказаний Эклога не использована – телесных наказаний за кражу нет, приводятся нормы Дигест. Трудно точно определить состав источников Морского закона, по Константину Багрянородному, существовали особые книги – руководства для мореплавателей (*De serim*. 467.8). По Эшбернеру (CXII), редактор 53-й книги Василик составил из разных источников в качестве дополнения к книге, совершенно не вдаваясь в критику источников, чем и определяются некоторая несвязность, несоответствие I и III частей, повторения в тексте.

⁴ Мы использовали как текст, помещенный в издании Василик Гоймбахом и Ферини, так и детальное исследование и критическое издание Эшбернера: *Nomos Rhodion Nautikos. The Rhodian Sea Law* / Ed. by V. Ashburner. Oxford, 1909.

решительный удар и когда в основном морская торговля безвозвратно перешла в руки итальянских купцов. Поздние кодификаторы законов в XIV в. (Властарь и Арменопул) вовсе не включают положений Морского закона в свои сборники.

В VII в. вплоть до конца первой половины VIII в. вследствие постоянных войн (гражданская война во время Фоки, тяжелая война с персами, когда вся территория Византии вплоть до азиатского берега Босфора подвергалась нашествию врагов, затем бесконечные наезды арабов) сухопутная торговля была настолько затруднена, что единственно возможной связью между отдельными провинциями Византии стала морская торговля. Потеря Египта сказалась на положении городской знати двойственно: с одной стороны – прекращение эксплуатации Египта, безусловно, принесло ущерб городской знати. Но, с другой стороны, сократились принудительные формы торговли через выполнение государственных повинностей по транспортировке продовольственных грузов. Это стимулировало самостоятельную морскую торговлю; о коллегии навикюляриев источники больше не упоминают: снабжение столицы и других городов перешло предпринимательству горожан – усилилась роль спекулянтов хлебом (σιτοκόπῃλοι). Повысилось значение торговых пошлин для центральной власти⁵.

В это время выросла роль собственников кораблей и капитанов, ведущих торговые судна с товарами. Именно тогда морская торговля стала главным путем извлечения доходов ростовщической византийской знатью. В житиях святых особенно часто встречаются навклиры и рассказы о морской торговле (Жития Иоанна Милостивого, Стефана Нового, Нила, Луки Нового, Феодора Сикеота, Григория Декаполита, в Чудесах Дмитрия, Артемия).

Собственники кораблей, как кажется, были наиболее состоятельными людьми в период VII – середины IX в. Когда Никифор I конфисковал ряд земель у мятежных аристократов, то он приказал навклирам Малой Азии в принудительном порядке купить конфискованные земли, несмотря на то, что эти люди никогда не занимались сельским хозяйством (Феофан. 487, 13). Вероятно, трудно было найти свободные средства у других слоев населения.

Особенно влиятельными моряки были в конце VII – начале VIII в. Государственные перевороты происходили при мощном участии моряков. Но можно сказать, что иконоборческая династия сильно урезала политическое влияние

⁵ Каждый собственник корабля любой величины, нужно полагать, облагался особым налогом; на приобретение корабля нужно было получить особый документ, дававший право владеть кораблем и в то же время устанавливающий величину налога (ср. хрисовул 13 декабря 984 г., который дает право Афону владеть кораблем: I.G.R. V. III. XVI. XXVI). Организованы были таможенные пункты (чтобы попасть в Константинополь, следовало подвергнуться контролю и платить пошлину «коммеркий» в Абидосе или Иероне). Величина пошлины и привилегии устанавливались особыми императорскими указами или соглашениями с иностранными государствами и городами. Наиболее полно о морских пошлинах: **Danstrup J. K.** *Indirect Taxes at Byzantium* // *Classica et medievalia*. 1946. Vol. 8. P. 167 sq.; **Antoniadis-Bibicou H.** *Recherches sur les Douanes a Byzance*. Librairie Armand Colin. P., 1963. P. 107 sq.

флота – на первый план приходят сухопутные военные силы, стратеги крупнейших сухопутных фем.

Возникает вопрос: как примирить повышение роли морского промысла в хозяйстве Византии с безусловным фактом упадка морской торговли в VII–IX вв.⁶

Кризис рабовладельческой империи ощущался не только в области землевладения, но в морском деле. Общие показатели упадка хозяйства (нумизматические и археологические данные), культурный упадок несомненны для VII – середины IX в.

Однако общий упадок товарного хозяйства и международной торговли в Византии вовсе не помешал развитию в это время мелкого свободного крестьянского хозяйства, можно сказать, что кризис рабовладельческого землевладения даже обусловил преобладание свободной крестьянской общины. Подобно тому и в морском деле произошли прогрессивные перемены.

Р. Лопец считает, что в VII в. завершился переворот в управлении кораблем: треугольный парус, который был знаком и раньше, но мало употреблялся, к тому времени стал всеобщим достоянием⁷. Появился новый быстроходный тип кораблей, т. н. δόρκον, названный за свою легкость «газелью». В X в. встречается наименование «галеа» (γαλεῖα – меч-рыба, γαλέας – акула). Но следует отметить, что корабли, ведущие морскую торговлю по Морскому закону, становятся значительно меньше по вместимости, чем в римское время. Вместо трех крупных по вместимости трирем и quadrirem стали появляться мелкие корабли⁸. Это свидетельствует о значительной демократизации морской торговли,

⁶ Lewis A. R. *Naval Power and Trade in the Mediterranean A.D. 500–1100*. Princeton, 1951. P. 124 sq.; Сюзюмов М. Я. Роль городов-эмпориев в истории Византии // ВВ. 1956. Т. 8. С. 26–41; Наследова Р. А. Ремесло и торговля Фессалоники конца IX – начала X в. по данным Иоанна Камениаты // Там же. С. 61–84; Каждан А. П. Деревня и город в Византии IX–X вв. М., 1960. С. 288–299. По технике мореплавания см.: Classon L. *The Sails of the Ancient Mariner* // *Archaeology*. 1954. Vol. 7; Lopez R. *Op. cit.* P. 71, где приводятся описания парусов, барельефы треугольного паруса (самый ранний – III–IV вв.). В генуэзских статутах Кафы в § 11 говорится о кораблях, которые плавали под квадратным парусом. Но, кроме того, применялся и треугольный парус, причем по контексту § 11 видно, что квадратный парус имели небольшие суда прибрежного плавания. Более дальнее плавание совершалось под треугольным парусом. У L. White (*Technology and Invention in the Middle Ages* // *Speculum*. 1940. Vol. 15) приведены данные об изменениях в порядке управления кораблем в конце позднеримского периода в связи с переходом на треугольный парус (P. 145. Nr. 5–6).

Моряки плавали по звездам. В Житии Феофана Сигрианского говорится о морях, которые, блуждая по морю в непогоду, с радостью видят звезды на небе, которые им указывают путь; также см.: Житие Стефана Нового. Гл. 20.

⁷ Lopez R. *The Role of Trade...* P. 71.

⁸ Leontius. *Vita S. Iohannis Eleemosynarii* / Ed. N. Gelzer. Leipzig, 1893. Развитие типов быстроходных кораблей в первую очередь наблюдается в военном флоте (Тактика Льва VI. Гл. 19). Подробное исследование о типах военных кораблей см.: Ahrweiler H. *Byzance et la mer*. P., 1966. (*Bibliothèque Byzantine*).

о том, что в седьмом, восьмом веках торговля получила определенный сдвиг в сторону привлечения значительного количества менее состоятельных предпринимателей. Увеличение элемента риска в связи с опасностями в пути тоже приводило к использованию более мелких по вместимости кораблей. Основная масса кораблей находилась в VIII в. в руках навклиров, приморских горожан Греции и Малой Азии, которые жили исключительно на доход от морского промысла – ναυκλήρους μηδέποτε ὑπὸ νηικῶς ζήσαντες (Феофан, 487)⁹. Именно эти мелкие собственники – владельцы небольших по вместимости собственных кораблей – провозили товарные грузы и снабжали продовольствием такие центры, как Константинополь и Фессалоники. Иногда упоминается о совместной собственности на корабле нескольких лиц.

Можно думать, что в течение ряда веков существовала корпорация моряков-навклиров, вышедшая из прежней корпорации навикуляриев. В Василиках (53, 1,105) приводится закон: «Если навклир умрет, не оставив наследников, то его имущество переходит не казне, а корпорации моряков» (CJ. VI, 62,1). При Юстиниане эта корпорация существовала. Когда в конце IX в. составлялся кодекс Василики, то именно 55-я книга редактировалась наиболее тщательно – и сохранение сведений о корпорации моряков мы можем считать доводом признания существования в то время этой корпорации. В XIV в. имеется много сведений о корпорации моряков, которая играла ведущую роль в выступлении зилотов.

Морской закон родосцев не говорит о навклирах, которые на своих кораблях вели самостоятельно торговлю по вполне понятным причинам: в родосском праве отмечались только затруднительные случаи соглашения между навклирами и прочими лицами, но не правила ведения морской торговли вообще.

Преобладание свободной крестьянской общины в экономике страны сказалось и на составе моряков. Положение команды кораблей сделалось иным. Излишнее население свободных деревень стало устремляться в приморские города, а оттуда – на корабли в качестве матросов. Ведь на триремах гребцы фактически были каторжниками, прикованными к веслам. На мелких кораблях Морского закона мы не видим таких гребцов. Все – свободно нанятые лица, все заинтересованы в выгоде перевозки грузов, в благополучном исходе рейса.

Купцы, провозящие груз из одежд, тканей и разных драгоценностей, были мелкими, они даже не назывались в Морском законе купцами (ἔμποροι), но

⁹ Зап. ист.-филол. фак. С.-Петерб. ун-та. СПб., 1909. Вып. 95. С. 3, 5, 9, 33, 39, 55–57. Ср. также сведения в «Чудесах св. Димитрия» (PG. 116. Col. 1253 и 1381), где определенно говорится о навклирах-навархах, собственниках кораблей, ведущих самостоятельную торговлю. По «Чудесам св. Артемия», торговцы являются иногда и капитанами, отправляются на собственных кораблях. Навклир мог быть и священником: на найденном в подводных раскопках безмене надпись «Γεοργίου πρεσβυτέρου ναυκλήρου» (см.: Bass G. F. Underwater Excavations at Yassi Ada: A Byzantine Shipwreck // AA. 1962. Hf. 3. S. 563).

пассажирами (ἐπιβάται) (Морской закон. § 34 и 40). Наоборот, когда говорится там же (в § 38) о провозке зерна, масла, вина, то мы можем создать представление о более крупном торговце, так как в статьях Морского закона говорится не о многих, а об одном хозяине продовольственного товара. Мы можем полагать, что для снабжения городов более состоятельные купцы скупали на местах продовольствие, которое и отправляли относительно крупными партиями в большие города. В этих купцах (ἐπιβάται) Морского закона мы можем видеть предшественников тех Μονεμβασιωτῶν, которые, согласно хрисовулам 1284 и 1317 гг., захватили в свои руки сбыт зерна и вина в Константинополь¹⁰.

Однако небольшие размеры кораблей, на которых перевозились все грузы, свидетельствуют о том, что и эта относительно «крупная торговля» не выходила за рамки мелких предприятий, поскольку общая стоимость такого груза вряд ли превышала стоимость небольшой партии тканей или драгоценностей. К тому же наряду с купцом, зафрахтовавшим целый корабль для своего груза, в Морском законе постоянно говорится о коллективном предпринимательстве мелких купцов, составляющих товарищество на паях.

Таким образом, морское предпринимательство приобрело иной характер, более мелкий по объему, но более связанный с личной инициативой купца, т. е. стало более подходить к типичным условиям средневекового города-эмпории.

Жители прибрежных местностей Малой Азии, островов Эгейского моря, занимавшиеся морским промыслом, торговлей, перевозкой грузов, а также менее состоятельные люди, поступавшие по найму работать на кораблях навклиров в качестве ναῦται, все они были заинтересованы в сохранении товарных связей, в существовании государственной власти и являлись основой поддержания морской силы Византии в новой форме – создания фем Киверриотов и Эгейского моря.

По Морскому закону мы можем судить о характере того морского предпринимательства, которое существовало во время действия морского права родосцев. Рассмотрим отдельные категории предпринимателей, которые являются объектами правовых норм Морского закона:

1. Лица, финансирующие морское предпринимательство, но юридически не несущие риска за могущие произойти потери (Μ3. 1,18). Они получали за-

¹⁰ Dölger F. Regesten. Bd. 4. Nr. 2102, 2383. Торговая предприимчивость византийцев оспаривалась главным образом на том основании, что, начиная с XI–XII вв., итальянцы стали вытеснять византийских купцов (Heyd W. Geschichte des Levantenhandels. Stuttgart, 1879. Bd. 1. S. 64 ff.). Однако причины отставания византийцев нужно искать не в характере византийцев, а в политической обстановке (перманентная военная экономика, переход в XI в. государственного аппарата в руки представителей интересов провинциальной землевладельческой знати, преобладание в то время сеньориального типа эксплуатации, привилегии итальянскому торговому капиталу, подавление городского самоуправления и переход византийских провинциальных городов под власть землевладельческой верхушки с конца XII в.).

конный процент в течение ряда лет, не имея права требовать более высокий процент, чем установленный *foenus nautikuis* (12 %). Государственная власть строго требовала выполнения долговых обязательств. В агиографии рассказывается о том, как потерпевшие кораблекрушение заключались в долговую тюрьму (Патр. Гр. 87, 3064, 3068, 5072). Однако фактически и займодавцы несли некоторый риск, поскольку должник мог погибнуть на море, а его семья и наследники могли быть совершенно неплатежеспособными.

2. Лица, не имевшие кораблей, но вкладывавшие деньги в морское предприятие и участвующие в риске предприятия. Они могли брать мирской процент (Bas. 53, 5,18) или же, давая деньги в кредит, обуславливали свою долю в прибылях (хреокойнония). В сущности, этот вид предпринимательства и является прототипом излюбленной в итальянской средневековой торговле практики, когда *stans* давал средства, а *tractans* фактически вел предприятие, причем прибыль делилась, согласно соглашению, преимущественно на половину.

3. В основном Морской закон имеет дело с навклирами. Под навклиром разумеется и собственник корабля, и наемный капитан, и арендующий корабль предприниматель, т. е. лицо так или иначе участвующее в предприятии, основанном на морской торговле.

В Василиках (53, 1.2) в издании Феррини (т. 7. С. 96) дается определение навклира: навклир – тот, которому принадлежит доход от корабля и который несет риск, собственник ли это корабля, либо арендовавший корабль на определенный срок, или бессрочно; причем безразлично, мужчина это или женщина, самостоятельным лицом или рабом является навклир.

В Морском законе мы встречаемся с разными типами навклиров. В громадном большинстве случаев под навклирами понимается капитан корабля, *magieter navia* (безразлично, собственник или наемное лицо, или арендующий корабль), который нанимает команду по вольному найму, ведет корабль на море и договаривается с пассажирами по приемке груза от купцов, причем, доход навклира заключается в долях платы за провоз грузов и пассажиров.

В начале VII в. исчезли повинности, падавшие на часть состоятельной городской знати по снабжению византийских городов зерном из Египта: корпорация навикуляриев исчезла, однако, перевозка казенных грузов в целях снабжения столицы по-прежнему в какой-то мере существовала¹¹. Навклиры привлекались к перевозке казенных грузов (Bas. 55,1,90). Совместные интересы навклиров привели к созданию союза моряков, о котором мы говорили выше. Правда, в агиографии VIII–IX вв. иногда говорится о казенных кораблях, которые перевозили хлеб¹². Однако эти грузы на государственных кораблях, по всей

¹¹ Theal J. The Grain Supply of the Byzantine Empire // DOP. 1959. Vol. 13. P. 122.

¹² Vita Nicolai Studiti // PG. 105. Col. 893–897.

вероятности, перевозили доверенные лица «пистики»¹³.

Каждый корабль, нужно полагать, привлекался для выполнения государственных повинностей. Освобождение от них оформлялось особым актом (ср. более поздний хрисовул 1088 г., дающий право владеть кораблем без несения повинностей и выплаты подати (МЗ. VI, 51).

Во время войн по повелению императора корабли частных собственников могли быть реквизированы для военных надобностей, как это было при Юстиниане II, который послал против Херсонеса все корабли, вплоть до мелких рыбацких кораблей¹⁴ и небольших «хеландий местных ремесленников».

Доход навклира мог быть разнообразным:

1. Μίσθωσις – заработная плата, когда навклир брался за определенную плату ναῦλον довести груз и пассажиров. В данном случае транспортные функции отделялись от торговых. Как видно из Морского закона, это не было общим правилом.

2. Κοινωνία – совместное участие в прибылях предприятий как вид оплаты за провоз груза. Это интересовывало капитана в своевременности и благополучии доставки груза целиком.

¹³ Б. А. Панченко (Βασιλικὸς τίτληός // ИРАИК. 1901. Т. 7) считает, что по Морскому закону навклир – это капитан корабля, обычно нанимаемый собственником корабля. *Magister navis* в правовом отношении имеет сходство с подрядчиком по строительному делу (ἐργολάβος). Навклир – лицо, управляющее кораблем – либо по найму и соглашению, либо сам хозяин, если он в то же время отваживается самолично вести судно. Ему противопоставляется в Дигестах экзерцитатор – тот, который распоряжается кораблем и имеет от использования корабля выгоду – либо хозяин корабля, либо получивший от него судно на время или вечно (Dig. XIV. 1.1.15). Экзерцитатор – «хозяин» мог быть любым лицом. Даже граждански неполноправные раб, женщина, малолетний отвечали личным имуществом или пекулием за действия своего «магистер навис». Все эти отношения установлены Дигестами как случай «мандатум». Если экзерцитатор нагрузил корабль запретным товаром – то товар конфискуется вместе с кораблем. Если же «пистикос-магистер навис» это сделал, то отвечает он вместе с командой своим имуществом. Навклир мог быть в то же время и экзерцитатором, если имел специальные на то права, мог там, где выгоднее и нужнее, продать груз. В «Чудесах св. Димитрия» навклир вез мрамор. Он не хотел продавать его в Фессалонике, но все же под влиянием святого Димитрия пожертвовал мрамор на храм св. Димитрия (PG. 116. Col. 1381). Капитан корабля сам распорядился также и зерном (PG. 116. Col. 1253). В морском деле по римскому и византийскому праву необходимо отличать *locatio navis* – *locatio rei*, *locatio ad onus vehendum* – *locatio-conductio operis*. Капитаны не отвечают за долги своих матросов, но за их преступления отвечают! Кто назначил капитана (предполагается – на своем корабле), отвечает за его проступки. Если назначает капитана женщина, то отвечает за деликт сам капитан, а не женщина (Synopsis minor. § 56).

¹⁴ Theophanes. 317.26. Хеландии – небольшие легкие корабли: – в военном флоте имелись в большом количестве. Так, против болгар снаряжено было в конце VIII в. 2500 хеландий, собранных отовсюду (Ahrweiler H. Byzance et la mer. P. 91, 102). Первоначально хеландия – небольшой корабль у частных лиц, занимающихся промыслами; позднее военные корабли вообще стали называться в просторечье «хеландиями», этим словом стали обозначать исключительно военные корабли (Ahrweiler H. Byzance et la mer. P. 412–413).

3. Χρεοκοινωνία – совместное участие в финансировании и прибылях рейса корабля и торгового предприятия в целом. Вступивший в сообщество навклир заключает письменное соглашение (МЗ. III, § 32).

4. Навклирами называются также лица, имеющие в собственности корабль, но лично не отправляющиеся в путешествие, а сдающие корабль на определенный срок в аренду предпринимателю. Юридически они не участвовали в риске, однако, практически при гибели корабля и должника и неплатежеспособности его семьи собственник корабля терял свой капитал. Григорий Нисский говорит о таком собственнике корабля: «А если дал займы кораблю, то (собственник) сидит у берега, заботливо следит за ветром, постоянно расспрашивает пристающих к берегу моряков, не слышно ли что о кораблекрушениях» (Патр. Гр. 41, 92). В Морском законе такой судовладелец называется δεσπότης τοῦ πλοίου, или же обобщенным термином «навклир». Таким образом, навклирами считались и сами отправляющиеся в путешествие, и принимающие пассажиров и купцов или лично проводящие торговые операции. Если навклир имел собственный корабль, о нем говорилось ὦν καὶ ναύκληρος ἰδίου πλοίου. Если же такой навклир вступил в товарищество с купцом, то стоимость корабля входила в сумму общего вклада его. Корабль мог быть собственностью нескольких лиц (Bas. 53,1).

5. Навклиром мог называться и навклир-экзерцитор, который от своего имени вел торговое предприятие на средства богатого вельможи. Этот *exercitor* фактически являлся арендатором, в порядке полной аренды *conductio generalia* снявшим корабль или на срок, или на весь период годности корабля («вечно»). Таким съемщиком мог быть и частный торговец, и раб, получивший право свободного распоряжения пекулием. Такой раб на положении экзерцитора был выгоден для константинопольской знати. Если бы раб в качества управляющего вел предприятие от имени господина, то господин нес полную ответственность *in solidum*. В качестве же навклира-экзерцитора раб нес самостоятельно ответственность, а господин – только в пределах объявленной стоимости пекулия и то только в продолжение одного года (Bas. 55,1,30). В Морском законе нет прямых указаний на такой тип предпринимателя, однако, мы можем предполагать наличие такого экзерцитора в § 8 основного текста Закона.

В агиографии часто говорится об аренде корабля (Иоанн Кущик для того, чтобы уйти из родного дома, заарендовал за 100 номисм корабль – Патр. Гр. 114, 572). Для перевозки мощей заарендован был корабль за 50 номисм (Синакс. 864). Фрахтование корабля для перевозки грузов и соглашение купца с навклиром не имели существенных отличий от существовавшей во втором веке практики (ср.: разбираемый Пепинианом спорный случай считать, что корабль сдан в аренду или же что имеется соглашение о перевозке груза – Dig. 19,5,1 = Bas. 20,4,1). В случае аренды корабля расчет производился не по количеству груза, а исходя из вместимости корабля (ср.: папирус, Pap. Ros. Georg. III; МЗ.

III, 19, 20)¹⁵. Зафрахтовать весь корабль называлось τὸν ὅλον γόμον... стоимость провоза – ναῦλον (МЗ. III, 19, 20).

6. В источниках часто встречается понятие доверенного лица – управляющего, ведущего предприятие по морской торговле, «пистика» πιστικός. Такой управляющий (ἰνσίτωρ) отвечал полностью перед хозяином, нанявшим его (иногда мог быть и раб), но перед кредиторами и вообще за всякое происшествие нес ответственность хозяин. Однако пистик как доверенное лицо обладал широкими правами распоряжаться грузом и юридически нес ответственность за ведение предприятия. Частично ответственность снималась с хозяина и возлагалась на пистика. Если, например, хозяин сам погрузил корабль, то при нарушении правил вывоза (запрещенные товары) конфисковывались и груз, и корабль. Если же погрузил пистик, то конфисковывался только груз, но не корабль. Уголовную ответственность нес пистик за нарушение правил.

В Морском законе в таком понимании слово «пистик» не встречается, поскольку Морской закон имеет дело с мелкой морской торговлей, но не относился к ведению крупных предприятий при помощи доверенного лица. Но по мере развития морской торговли такой тип управляющего проводился в жизнь. Таким образом, понятие «доверенное лицо» может употребляться не только в узком смысле *insistor*, но и с широкими правами, приближаясь по значению к итальянскому *tractans* (ср.: ἔχω ὡς πιστικόν – Патр. Гр. 87, 2936).

В Василиках «пистик» – доверенное лицо, а поставивший пистика во главе своего морского предприятия отвечает так же, как собственник мастерской, за своего управляющего мастерской (Bas. 53, 1,30).

7. Лицами, которые противопоставляются навклирам в Морском законе, являются купцы ἔμποροι и пассажиры ἐπιβῆται. Наименование «ἔμποροι» в папирусах обычно прилагалось к владельцам крупного масштаба, тогда как мелких торговцев называли κάπηλοι, πρῆται, πῶλαι. В Морском законе это противопоставление, видимо, сохраняется. Слово «ἔμποροι» употребляется только тогда, когда говорится о лице, своим товаром загрузившем весь корабль, или вообще когда с навклиром вступает в соглашение один предприниматель. Под пассажирами – ἐπιβῆται – подразумевались лица, отправляющиеся по морю по своим делам. Особенно развитым было сообщение из восточных владений Византии в Сицилию, Южную Италию, Равенну. Кроме того, постоянны внутренние связи Византии – островов с континентом и провинции с Константинополем. Но под наименованием ἐπιβῆται подразумевались и мелкие торговцы, которые отправлялись с товаром, не занимающим много места, например, с куском тканей, драгоценностями. Таких торговцев трудно было отличить от любого пассажира, поэтому в Морском законе они подходили под общую руб-

¹⁵ Mitteis Wilken. Grundzüge und Chrestomatie der Papyrskunde. Leipzig, 1912. Bd. 1. S. 268.

рику ἐπιβῆται. Считалось, что их товар не превышал стоимости одной литры золота. Никаких особых соглашений такие купцы с навклиром не заключали, они вносили плату за провоз, соглашение же предусматривало лишь случай сбрасывания части груза в море во время бури или нападения пиратов (МЗ. III, 9).

Конкретная обстановка состояния морской торговли переносит нас в самые тревожные времена. Никакой устойчивости не ощущалось – всюду опасности от нападения морских разбойников, которыми тогда называли и арабских моряков, совершавших налеты на корабли и на прибрежные местности¹⁶. Несмотря на все опасности, пока в руках византийцев находились Сицилия и остров Крит, морская торговля проводилась еще в сравнительно лучших условиях.

В житиях упоминаются навклиры из Сицилии; рассказывается о частых поездках сицилийских греков в Константинополь; называются гавани в Эпире, откуда путешественники отправляются через остров Коркиру в Калабрию.

В Житии Льва Катанского рассказывается о рейсе: Катана, мимо Регия, Идронта и как конечный пункт гавань Вуколеон в Константинополе. В Житии Иллариона Иверийца – Грузина рассказывается, что путь из Константинополя в Рим обычно проходил через Фессалоники. Названы главные морские пути на Черном море – в сторону Кавказа и Северного Причерноморья через Амастриду и Трпезунт.

Завоевание Сицилии арабами было страшным ударом для византийского мореплавания.

Беглецы из низов населения устремлялись из Сицилии, с островов под напором арабов главным образом в Пелопоннес и Фессалоники¹⁷. Торговые связи с Сицилией были прерваны. Захват арабами Крита, где было основано разбойничье государство, также значительно ухудшил положение византийской торговли. Критские арабы буквально терроризировали византийских навклиров. В Житии Григория Декаполлита (IX в.) рассказывается, как в Эфесе собралось множество кораблей, но они не могли отплыть, поскольку ожидали нападения арабских пиратов. У Коринфа моряки снова боялись плыть дальше из-за разбоя сицилийских арабов; а у Христополя моряков поджидали славянские пираты¹⁸.

¹⁶ Ekkehard Eickhoff. Seekrieg und Seepolitik zwischen Islam und Abendland. Geschichte des Mittelmeeres unter byzantinischer und arabischer Hegemonie (650–1040). B., 1968; Mickwitz G. Der Verkehr auf dem Westlichen Mittelmeer um 600 // Festschrift A. Dopsch. Leipzig, 1958; Medieval Trade in the Mediterranean World. Illustrative Documents Translated with Introduction and Notes by R. Lopez and I. W. Raymond. N.Y., 1955.

¹⁷ Чудеса Феропонта, Acta Sanctorum // Majus. VI, 678; PG. 105, 945; Menologium Basilii, 225 (Житие Афанасия Метонского // Лопарев Х. Греческие жития святых VII–IX вв. СПб., 1912. С. 437).

¹⁸ Dvornik F. La vie de S. Gregoire le Dekapolite et les Slaves macedoniens au IX-e siècle. P., 1926. P. 53–65. Торговля с Северным Причерноморьем была налажена уже с античного времени. О торговле с Херсонесом Таврическим писал Константин Багрянородный (De administrando

С этого времени сухопутные пути стали предпочтительнее для путешественников. Правда, Византия энергично строила флот и, несмотря на временные неудачи, при Льве VI значительно окрепла на море. Начинается контрнаступление против Крита, завершившееся победой Никифора II Фоки.

Общая политика византийских императоров с конца VII до X в. носила двойственный характер: с одной стороны, она клонила к удовлетворению интересов городских предпринимателей, с другой стороны, боялась создания такой могущественной городской знати, которая, сконцентрировав в своих руках землевладельческие поступления, доходы от морской торговли, политическое влияние и морскую силу, превратилась бы в аристократию, подобно венецианской, и превратила бы Византию и отдельные города-эмпории в аристократическую республику. Отсюда постоянная забота, чтобы чиновная знать – «архонты» – не вела торговлю¹⁹.

Эта политика продолжалась и в X–XI вв. Морское обычное право родосцев таким же образом благоприятствовало мелкой морской торговле, как Земледельческий закон содействовал внутренней сплоченности крестьянской общины. Византийская аристократия, маневрируя между двумя путями развития: феодализацией с руководящей верхушкой из городской землевладельческой торговой знати и феодализацией на основе господства провинциальной землевладельческой знати, стремилась в течение некоторого времени (вплоть до конца XI в.) поддержать мелкую морскую торговлю, пока, наконец, интересы византийского мореплавания не были принесены в жертву политическому союзу с итальянским торговым капиталом. Но привилегии, которые оказывались итальянскому купечеству, являлись началом конца для действенности Морского права родосцев.

---

imperio. P. 53). Также о торговле с Русью (вина, стекло, пряности и ювелирные изделия) отмечено у Константина Багрянородного и Ибн-Хордадбека (Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 203; Рыбаков Б. А. Ремесло в Древней Руси. М., 1948; Каждан А. П. Деревня и город в Византии в IX–X вв. М., 1960; Leaf W. Trade routes and Constantinople // Annual of British School at Athens. 1911–1912. Vol. 18). Несмотря на постоянные враждебные отношения между византийским и арабским миром, морские торговые связи были непрерывны: византийские купцы имели свои фактории в Египте, а мусульманские – в городах Эллады и Константинополе (Lewis A. H. Op. cit. P. 175).

¹⁹ Император Феофил приказал сжечь корабль жены, говоря, что он не желает, чтобы царь стал навклиром! (Zonara. XV. 357; Genesisios. 75; Theophanes Continuatus. Theophilos. Cap. IV).

ЗАКОН РОДОСЦЕВ

по выборке из 14-й книги Дигест

ΝΟΜΟΣ ΡΟΔΙΩΝ ΚΑΤ' ΕΚΛΟΓΗΝ ΕΚ ΤΟΥ ΙΔ ΒΙΒΛΙΟΥ ΤΩΝ ΔΙΓΕΣΤΩΝ

І. ГЛАВЫ (ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ) ЗАКОНА РОДОСЦЕВ

1. Навклира¹ (ναύκληρον) плата – две доли.
2. Кормчего (κυβερνήτην) плата – доля и половина.
3. Прорея² (πρорέως) плата – доля и половина.
4. Корабельному мастеру (ναυπηγῷ) плата – доля и половина.
5. Керовита³ (καρβίτου) плата – доля и половина.
6. Матросу (ναύτη) плата – доля.
7. Паресхариту⁴ (παρεσχαρίτη) плата – половина доли.
8. Торговцу дозволяется иметь двух рабов (παῖδας)⁵. Он должен внести плату за их проезд.
9. Пассажира место длиной 3 локтя, шириной – один локоть⁶.
10. Пассажир на корабле пусть рыбу не жарит, навклир это ему не должен разрешать.
11. Пассажир на корабле не должен колоть дрова. Навклир это ему не должен разрешать⁷.
12. Пассажир на корабле воду получает по мерке.
13. Женщина на корабле получает место в один локоть, маленький ребенок – половину локтя⁸.
14. Если пассажир войдет на корабль и будет иметь золото, он должен сдать его навклиру на хранение; если же кто не отдает на хранение и заявит, что золото или серебро похищено, его жалоба на навклиров не будет иметь значения, так как он не передал (золота капитану).
15. Навклир, пассажиры и матросы⁹, плывущие вместе на корабле, должны присягнуть на Евангелиях.
16. Корабль вместимостью на каждые 1000 модиев¹⁰ вместе со всем снаряжением расценивается в 50 золотых, и эта сумма пусть засчитывается в общий расчет (стоимость груза); корабль же ветхий оценивается в тридцать золотых и при расценке стоимость снижается до 1/3 и таким образом 3-я часть пусть засчитывается в общую стоимость.
17. Закон предписывает: на море не должны оформляться никакие сделки, по ссуде с условием полной обеспеченности имеющимся на земле состоянием¹¹; если же кто оформит такую сделку, то сделка будет считаться недействительной согласно закону родосцев, но те, кто находится на полях или в горах, согласно закону родосцев, могут заключать подобные сделки.

18. Если кому-либо будет дана ссуда под проценты¹² и (должник) ежегодно будет выплачивать установленные законом проценты и если после 8 лет случится гибель (существа) или от огня, или от ограбления варваров, уплата процентов, согласно закону родосцев, должна быть прекращена; если же (должник) не вносил процентов согласно письменному договору, то соглашение должно быть действительным на прежних условиях¹³.

19. Если навклир сам ведет предприятие, но если более чем на три четверти корабль нагружен за счет полученной в ссуду суммы денег, то навклир должен строго придерживаться соглашения, куда направить корабль, каким образом должно получить выгоду от ссуды, отправиться ли на корабле с использованием ссуды только на время летнего плавания или же на время плавания вообще. А тот, кто сдал ссуду, должен направить доверенное лицо, чтобы получать доход с данной ссуды¹⁴.

II. ИЗБРАННЫЕ ГЛАВЫ ЗАКОНА РОДОСЦЕВ О ДЕЛАХ МОРЯКОВ

1. О похищенных якорях корабля¹⁵.
2. О похищенных якорях и другом снаряжении.
3. О морях, совершивших кражу.
4. О кораблях, разграбленных ворами или пиратами.
5. О морях, которые нанесут в драке рану.
6. О морях, которые в драке совершат убийство.
7. О морях, которые в драке выколют глаза или причинят в паху грыжу.
8. О навклире и морях, захвативших чужое имущество и скрывшихся на кораблях.
9. О том, как навклир и пассажиры должны совещаться при сбрасывании груза.
10. О корабле, получившем повреждение или потерпевшем кораблекрушение.
11. О купцах, нанимающих корабли.
12. Обо всем, что отдано на хранение на корабле или дома.
13. О тяжбах относительно золота, сданного на хранение
14. О том случае, когда принявший на хранение (ценности) отопрется в этом.
15. О том, если купец, пассажир или раб, сдавший вещи на хранение, останутся на берегу при стоянке, а корабль отправится в результате угрозы¹⁶ или нападения разбойников.
16. О деньгах, отданных под морские проценты.
17. О золоте и серебре, взятых в долг на ведение предприятия на основе товарищества.
18. О том, кто возьмет деньги на срок и уедет за пределы страны.
19. О том, кто зафрахтует корабль и дает задаток.
20. О том, кто зафрахтует корабль и заключит письменное соглашение или запись.

21. О двух навклирах, вступивших в товарищество, но ведущих друг против друга судебное дело.
22. О купце, который зафрахтует под свой груз весь корабль.
23. О навклире и купце, которые заключат соглашение о грузе корабля.
24. О навклире и купце, которые оформляют документы фрахта, а затем, уплатив половину суммы фрахта, хотят изменить условия.
25. О том случае, когда купец просрочит назначенное в условиях время (для погрузки зафрахтованного корабля).
26. О том случае, когда корабль потерпит повреждение в то время, когда моряки спали вне корабля.
27. Если потерпит крушение корабль, везущий груз купца или товарищества.
28. О корабле, потерпевшем крушение по вине купца или члена товарищества.
29. О корабле, потерпевшем крушение до или после обусловленного соглашением срока.
30. О том, если везущий груз корабль погибнет, а купец, везущий с собой золото, спасется.
31. О корабле, потерпевшем крушение, если груз частично будет спасен.
32. О том, если корабль, который был зафрахтован или снаряжен на основе товарищества, потерпит крушение во время плавания или в портах.
33. О корабле, потерпевшем крушение после разгрузки.
34. Если корабль везет ткани и в результате непогоды и бури будет причинен ущерб товару.
35. О корабле, потерпевшем крушение в результате падения мачты.
36. О корабле, который распустил паруса и столкнулся с другими кораблями.
37. Если корабль погибнет, а вещи купцов и пассажиров будут спасены.
38. О корабле, нагруженном зерном и застигнутом непогодой.
39. О корабле нагруженном и об учете количества сохранившегося имущества.
40. О происшедшем кораблекрушении, когда сохранились частично корабль и имущество.
41. О погибшем корабле, если пассажиры спасены или же вместе с ним погибли.
42. О корабле, везущем груз и получившем пробоину.
43. О корабле, который выбросит груз и корабельные спасены.
44. О корабле, который из-за непогоды потеряет мачту или рулевое управление.
45. О том, кто с корабля, потерпевшего крушение, что-нибудь достанет из моря и доставит в сохраненном виде на землю.
46. О том, кто спасет сорвавшуюся лодку.
47. О том, кто что-нибудь спасет из глубины моря имущества из потерпевшего крушение корабля.

III. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЗАКОНА
(᾿Αρχὴ τοῦ νόμου)

1. Если корабль причалил к берегу или к порту и якоря окажутся украдены, и если вор схваченный сознается, закон призывает его (вора) подвергнуть пыткам и заставить возместить убыток в двойном размере.

2. Если матросы по вине навклира украдут якоря другого корабля, остановившегося в порту или у берега, отчего случится гибель корабля, и если это будет достоверно выяснено, за весь ущерб, который был причинен, и в отношении того, что было на корабле, полностью отвечает навклир, который разрешил кражу. Но если же кто похитит что-либо из снаряжения корабля или того, что принадлежит кораблю, как, например, веревки и канаты и даже хотя бы и цинковку, должен возратить в двойном размере.

3. Если матрос по вине навклира совершит кражу у купца или пассажира и избитый будет схвачен, навклир должен в двойном размере возместить тому, у кого совершена кража, моряк же должен получить 100 ударов палкой. Если же моряк совершил кражу по своей воле и если будет схвачен или уличен свидетелями¹⁷, он должен быть подвергнут жестокой пытке, в особенности это относится к похищению золота; причем (похититель) должен вернуть потерпевшему похищенное.

4. Если корабль будет направлен в место, безопасное от грабежа или нападения разбойников, несмотря на то, что пассажиры (заблаговременно) предупреждали навклира от опасности этого места, и если корабль будет действительно ограблен, то навклир должен возместить убыток потерпевшим. Если же капитан предупредит (что место безопасное), а пассажиры будут настаивать на направлении корабля в это место и если что-нибудь случится, то пассажиры несут ответственность за ущерб.

5. Если моряки вступят в ссору между собой, то пусть они ограничатся словесной перебранкой, чтобы никто не наносил другому ударов. Если же кто ударит в голову и нанесет рану или причинит другое какое-либо повреждение, нанесший рану должен оплатить расходы на врачей и покрыть все убытки пострадавшему, а также выплатить заработную плату за время, которое оставался неспособным к работе и за лечение¹⁸.

6. Если моряки совершат кражу и если кто кого ударит камнем или поленом¹⁹, и если в свою очередь тот, кто был ударен, нанесет удар тому, кто первый ударил, то необходимо считать, что в данном случае он совершил это вынужденно. Если тот, которого ударили, умрет и свидетели докажут, что он сам первый нанес удар камнем или поленом, или железом, то ударивший его и убивший его не будет нести ответственности, потому что тот, то хотел совершить (убийство), сам пострадал.

7. Если кто из навклиров или купцов, или моряков ударит кого кулаком и повредит глаз или ударит ногой в пах, что причинит грыжу, то тот, кто ударит,

должен уплатить врачу за лечение и потерю глаза 12 золотых, а за грыжу – 10 золотых. Если ударенный ногой в пах умрет, тот, кто ударил, подлежит наказанию, как убийца.

8. Если навклир, которому был доверен корабль²⁰ (πιστευθεῖς), по договоренности с матросами бежит в другую страну, захватил золото, то все имущество моряков, движимое и недвижимое, и самодвижущееся, подлежит конфискации. И если все это имущество по расценке будет признано недостаточным для покрытия стоимости корабля и расходов за работу и время, в которое производилась продажа (конфискованного имущества), то матросы вместе с тем, кто был навклиром, должны работать в качестве наемных работников и таким образом полностью возместить понесенный ущерб²¹.

Если навклир пожелает договориться на случай сбрасывания груза в море, то он должен опросить пассажиров, имущество которых находится на корабле, и пусть они решат голосованием, как поступать²², и пусть будет произведен общий расчет стоимости имущества. И пусть войдут в общий расчет все принадлежности, ковры (постели), платья, утварь, если будет произведено сбрасывание грузов. То имущество навклира и пассажира не следует расценивать более одной литры, кормчего и вахтенного – не более половины литры²³, а матросов – три грамма²⁴. Что касается слуг или кого другого, не предназначенного к продаже, то такое лицо расценивается в три мины²⁵.

Если же отправляется раб, предназначенный на продажу, то не более двух мин.

Согласно этому же расчету производится расклад ущерба, если имущество вместе с тем, что относится к морякам, будет разграблено врагами или разбойниками, или пиратами. Если же корабль отправляется в море при наличии соглашения о товариществе по извлечению прибыли (χρεοκοινωνία) от морской торговли²⁶, то после того, как все (имущество) будет расценено, как все, что на корабле, так и стоимость самого корабля, и соответственно расчету доли в прибылях, должно выплачиваться и доли в понесенном ущербе.

9. Если навклир вместе с моряками будет недобросовестно относиться к делу и случится из-за этого потеря имущества или кораблекрушение, то навклир и моряки пусть возместят купцу убыток; если по вине купца произойдет гибель корабля или груза, то пусть отвечает купец за кораблекрушение и гибель корабля; если же кораблекрушение или какой другой ущерб произойдет не по вине ни навклира, ни моряков, ни купца, то сохранившаяся часть корабля и груза должна быть расценена и распределена согласно раскладке по долям.

10. Очень тяжеловесные товары и драгоценности купцы и пассажиры не должны погружать на ветхий корабль; если же кто, тем не менее, нагружает на ветхий корабль, и корабль в пути потерпит ущерб или погибнет, то тот, кто нагрузил на ветхий корабль, сам себя погубил, отплыв от земли.

И когда купцы отправляются в плавание, пусть они тщательно допрашивают купцов, кто прежде плыл на судне, и применительно к этому пусть производят вклад в предприятие²⁷; и пусть разужают, имеются ли на корабле полнос-

тью оснащение и крепкие паруса, рей и кожаные покрытия, якоря и различные конопляные канаты, оснащенные лодки и пригодные рули и в достаточном ли количестве матросы, опытные ли они и постоянно бодрствующие, прочно ли сложены бока корабля. Ибо обо всем этом купцы должны тщательно разузнать и только тогда пусть нагружают корабли.

11. Если кто на корабле или дома вручит что-либо знакомому или внушающему доверие лицу (πιστικῶν)²⁸, пусть это сделает при трех свидетелях, если же что-либо ценное было, то пусть передача произойдет по описи, если тот, кто, получив вещь, сданную на хранение, заявит, что она погибла, следует произвести расследование, почему произошла пропажа или грабеж, и тот должен принести присягу, что не сам виноват в пропаже; если же не докажет свою невиновность, то каким образом принял вещь, то и должен вернуть ее в сохранности.

12. Если войдет на корабль пассажир, имея золото или другое что ценное, он должен передать самому навклиру, а если тот, который не сделает это, заявит: «золото или серебро у меня пропало», – это заявление никакого значения не имеет. Навклир и моряки, вместе плывущие, пусть принесут присягу (о том, что не брали ценности)²⁹.

13. Если кто, получив на хранение, станет отрицать и если будет уличен свидетелем или же³⁰ если со временем вещь, отданная на хранение, будет найдена у того, кто путем присяги или письменно отрицал прием вещи, пусть он отдаст двойную стоимость (похищенной вещи), а за ложную клятву пусть понесет особое наказание.

14. Если корабль везет пассажиров или купцов, или рабов и если принявший груз на хранение навклир причалил к городу или гавани, или берегу, а некоторые из находящихся на корабле оставят его, и если в это время произойдет набег разбойников или нападение пиратов, и навклир, подав сигнал, отчалит и спасет корабль и имущество пассажиров, и купцов, пусть каждый получит свое, и товары, и вещи ушедших с корабля пусть будут возвращены. Если же кто станет утверждать, что именно по намерению навклира они были оставлены на берегу, где подверглись опасности от разбоя, то их утверждение не будет иметь силы, потому что навклир и моряки отчалили под давлением опасности. Если кто-либо из купцов или пассажиров оставит в каком-либо месте порученного ему на хранение раба, то он, упустивший раба, обязан дать возмещение господину этого раба.

15. Навклиры и купцы, все те, кто получает ссуду на плавание, не должны брать ссуду под залог фрахта и груза в надежде, что корабль и груз будут спасены и что имуществу (хранящемуся на корабле) не будет угрожать никакая опасность от морских бурь или пиратов. Ведь ссуду с морскими процентами нужно покрывать из заложенного имущества³¹.

16. Если кто внесет на потребности товарищества золото и серебро специально для участия в товариществе по морской торговле и в договоре обусловит срок действия товарищества³² и если тот, кто получает золото и серебро, не вернет

по истечении срока полученного заимодавцу, и если после этого случится, что ценности погибнут от огня или разбойников, или кораблекрушения, то собственник золота не должен иметь убытка и должен получить свое полностью. Если же обусловленный соглашением срок еще не истек и если в течение этого срока на море случится несчастье и имущество погибнет, то в той же мере, как в отношении прибылей, так и в отношении убытков, каждый должен принять на свой счет согласно той доле, которая обусловлена соглашением.

17. Если кто, получив ссуду, уедет из страны, и если истечет срок, обусловленный соглашением, ссуда должна быть покрыта, согласно закону, из имущества, находящегося на земле. Если же из этого имущества нельзя покрыть ссуду, то их имущество должно быть заложено и из полученной суммы нужно выплачивать морские проценты в течение всего времени пребывания (должника) в чужих странах³³.

18. Если кто наймет корабль и даст задаток и после этого заявит: «Мне это не нужно», то он теряет задаток; если же договор нарушил навклир, то он должен вернуть купцу задаток в двойном размере.

19. При фрахтовании корабля должны иметь силу законным образом заключенные письменные соглашения. Если же таковые не были заключены письменно, то никакой силы не имеют. В соглашение, если пожелают стороны, можно включать и размеры вещи; и если не внесут соответствующего добавления о цене в соглашение и при том нарушат соглашение или навклир, или наниматель, то поступать нужно следующим образом: если наниматель предоставит свои ценности, то за наем корабля навклиру должна быть дана половина фрахта. Если же навклир не выполнит соглашение, то он должен вернуть половину стоимости фрахта купцу. Если же купец захочет обратно разгрузить корабль, то должен дать навклиру полностью стоимость фрахта. Взыскание этих пеней должно происходить в порядке предъявления судебного иска³⁴.

20. Если двое заключат письменное соглашение и обеими сторонами будет признано, что «в дальнейшем мы будем договариваться без записи, и будем взаимно друг другу верить и налог выплачивать как за общий вклад»; если один из кораблей понесет убыток, безразлично, будет ли он плыть нагруженный песком в качестве балласта или же будет нагружен товаром, то из имущества, которое уцелело (на другом корабле), должно выплатить четвертую часть потерпевшему. Это требуется в том случае, если не было заключено соответствующего письменного обязательства; но если были заключены письменные обязательства, то они должны соблюдаться твердо и нерушимо, и то имущество, которое сохранилось, должно идти на покрытие ущерба, понесенного вследствие гибели (корабля).

21. Навклир пусть не берет с собой ничего, кроме воды, съестных припасов и канатов, в которых корабль нужду имеет, если купец, согласно письменному соглашению, договорился заполнить своим грузом весь корабль, а если же на-

вклир пожелает вместе с этим погрузить другие товары и если на корабле остается для этого место, то он может это сделать. Если же корабль не вмещает этот добавочный груз, то купец в присутствии трех свидетелей предупреждает навклира и моряков, что в случае, если предстоит выбрасывание груза, убыток должен быть покрыт за счет навклира. Если же купец не сделает этого предупреждения, то ущерб пойдет в общую раскладку (по стоимости груза)³⁵.

22. Если навклир и купец заключат письменный договор, то он должен иметь силу; если купец не доставит на корабль полностью груз, то, тем не менее, он должен выплатить проездную плату и за недоставленный груз в размере, обусловленном письменным соглашением.

23. Если навклир получит половину платы за провоз и отплывает, а купец пожелает вернуться, то в случае наличия письменно оформленных соглашений купец за причинение препятствия теряет половину платы; если же навклир будет действовать в нарушение заключенных соглашений, то он должен отдать в двойном размере половину стоимости фрахта.

24. Если срок, назначенный в письменном соглашении, будет просрочен до десяти дней, пусть купец обеспечивает продовольствием моряков; если же истечет и вторично условленный срок, то купец пусть полностью выплатит плату за проезд и уходит³⁶. Если же купец пожелает добавить количество (груза), то пусть заплатит плату за провоз и добавит груз по соглашению.

25. Если кто из моряков или навклиров вне корабля будет спать, корабль же погибнет днем или ночью, то весь убыток должен быть отнесен за счет моряков и навклиров. Те же, которые оставались ночевать на корабле, не должны участвовать в покрытии ущерба. Те, которые нерадиво относились к своим обязанностям, должны собственнику корабля возместить тот ущерб, который он потерпел из-за их небрежности.

26. Если корабль отплывает с грузом купца или товарищества и случится, что корабль потерпит аварию или погибнет вследствие небрежности моряков или навклира³⁷, то собственник груза, который находился в трюме, не должен пострадать. Если же будет засвидетельствовано, что корабль погибнет вследствие бури, то все спасенное от корабля и грузов должно пойти в раскладку ущерба, согласно расценки. Навклир же удерживает за собой половину платы за проезд. Если кто откажется от сообщества и будет уличен тремя свидетелями, то он должен отдать ту долю, которая полагалась по условиям товарищества и, кроме того, подлежит наказанию за отказ от выполнения соглашения.

27. Если корабль при погрузке задерживается по вине купца или соучастника товарищества, причем назначенный срок будет просрочен, и если затем случится, что корабль будет схвачен пиратами или погибнет от пожара, или по причине кораблекрушения, тот, кто нарушил условие, должен покрыть убыток.

28. Если купец в том месте, относительно которого было обусловлено договором, не предоставит для погрузки товар, причем условленный срок будет

просрочен, и случится, что в это время корабль будет схвачен пиратами или погибнет от огня или кораблекрушения, весь убыток должен быть отнесен за счет купца. Если же срок поставки товара не будет просрочен и случится что-либо из-за перечисленного, то убыток будет распределен на общей раскладке.

29. Если купец нагрузит корабль, золото же будет при нем, и если случится, что корабль пострадает от какой-либо морской опасности и груз пропадет, и корабль погибнет, все, что будет спасено от корабля и от груза, пойдет в общую раскладку, золото же купца должно сохраняться за ним, но он должен отдать десятую часть. Если же ничего не спасется из снаряжения корабля, то имевший золото платит за проезд половину фрахта. Если же будет спасено что-либо из снаряжения корабля, то (имевший золото) платить должен пятую часть.

30. Если купец будет нагружать корабль и с кораблем в это время что-нибудь случится, то все, что будет спасено у каждого пассажира, должно пойти в общую раскладку ущерба. Если же кто спасет из серебра, должен отдать 1/5 часть. Навклир и матросы должны оказать помощь при спасении груза.

31. Если корабль с грузом отправлен в плавание купцом на правах аренды или товариществом и если что-нибудь произойдет в море, половину фрахта не должно требовать от купца, стоимость же корабля и сумма вклада³⁸ пусть пойдут в общее распределение убытков по раскладке, если же что было дано купцом или соучастником товарищества предварительно, то пусть останется в силе то, о чем было условлено в соглашении.

32. Если купец выгрузит товар на условленном соглашением месте и если корабль потом пострадает, навклир должен получить полностью с купца плату за провоз и за товары, которые были выгружены, но не должны входить в общий расчет при раскладке убытка между теми, кто вместе с ним ехал на корабле, и командой корабля. Все же, что находится на корабле вместе с самим кораблем, должно пойти в общее распределение ущерба по раскладке.

33. Если корабль повезет полотно и платья, навклир должен предоставить кожаные покрывала, чтобы товар не пострадал во время бури от волн, если трюм корабля наполнится водой, навклир пусть тотчас объяснит тем, кто имеет товар на корабле, чтобы они произвели перекладку товара, если же матросы не сообщат навклиру³⁹ о наполнении водой корабля и если в результате груз потерпит ущерб, то пусть несут ответственность навклир вместе с матросами; если же навклир с моряками предупредят, что трюм корабля наполняется водой и что требуется перекладка груза, а имеющие товар не позаботятся перегрузить товар, то навклир и моряки не должны нести никакой ответственности (за порчу товара).

34. Если произойдет сбрасывание вещей с корабля в море в результате того, что мачта или случайно падет, или же что ее пришлось подрубить, в таком случае товар и все, что удалось спасти (из имущества) моряков и купцов, груз и корабль, пусть идет в общую раскладку убытков.

35. Если корабль столкнется в пути с другим кораблем, который стоял на якоре или со сложенными парусами, притом среди дня, весь ущерб и гибель имущества относится на счет навклира и плывущих на корабле, в крайнем случае, даже груз должен пойти в общую раскладку при покрытии причиненного ущерба, если же это произойдет ночью, тот, кто опускает паруса, пусть зажжет огонь; если нет огня, пусть подает голос, а если это не сделает из-за беспечности и произойдет гибель корабля и если это подтверждается свидетелями, то будет признано, что нарушивший правило сам виновен в своей гибели. А если проявил небрежность поставленный к парусам, а также если тот, который стоял на страже, заснул, так что и плывущий корабль погиб на мели, то в пользу того корабля, которому нанесен удар, должно покрыть убыток.

36. Если корабль постигнет бедствие и спасены будут вещи купцов и пассажиров, корабль же погибнет, то из всего того, что будет спасено, надлежит отдать 1/15 часть, купец же и пассажиры не должны в этом случае навклиру оплатить стоимость (проезда) на корабле⁴⁰.

37. Если корабль, нагруженный зерном, будет застигнут бурей, то навклир пусть предоставит кожаные покрывала, а моряки пусть вычерпывают воду, если это они сделают небрежно и груз подмокнет от воды, накопившейся в трюме, убыток пусть будет отнесен на счет моряков; если же груз пострадает из-за бури, следует возложить убыток на навклира и на моряков вместе с купцом, но 1/10 или 1/6 часть⁴¹ спасенного груза пусть получит навклир корабля вместе с матросами. Если же произойдет сбрасывание груза в море, то первыми пусть сбрасывают моряки. Но, приступая к этому, никто из моряков не должен допускать грабежа, если кто что-нибудь похитит, то должен будет возратить в двойном размере, тот, кто бросился грабить, должен утратить полностью право на свою долю в доходе⁴².

38. Если корабль, нагруженный пшеницей или вином, или оливковым маслом, по воле навклира и моряков, спустивших паруса, причалит к местности или к берегу против желания купца и если произойдет гибель корабля, груз же и товар будут спасены, купец не должен участвовать в покрытии ущерба вследствие гибели корабля, потому что он не желал причалить к тому месту; если же на корабле, который совершает путь, купец скажет навклиру: «Здесь мне следует остановиться», — хотя остановка в том месте в договоре не указана, и если здесь произойдет гибель корабля, а товар будет спасен, навклир должен получить корабль от купца в сохранном состоянии; если же погибнет корабль, причалив к опасному месту, по вине обеих сторон, весь ущерб должен быть распределен согласно раскладке.

39. Если кораблю случится потерпеть кораблекрушение, но часть груза и корабль будут спасены, если пассажиры везли с собой золото или шелковые ткани, или серебро, или жемчуг, то подлежит представить для покрытия ущерба 1/10 часть спасенного золота, одну пятую часть серебра; в отношении тка-

ней, если они спасены неподмокшими, то надлежит внести 1/10 часть, подобно тому, что полагается при спасении золота. Если шелковые ткани подмокнут, то следует вычесть ущерб, причиненный тем, что ткани окажутся слипшими и подмокшими, и таким образом производят общий подсчет при раскладке убытков. Жемчуг же, согласно расценке, идет наравне с золотом при распределении убытков при крушении.

40. Если пассажиры плывут на корабле, а корабль потерпит ущерб или погибнет, вещи же пассажиров будут спасены, то пассажиры будут привлечены к участию в расходах за гибель корабля; если же некоторые пассажиры, два или три, потеряют свое золото или вещи, они должны получить за гибель от всех соответственно стоимости спасенных товаров каждого вместе с распределением ущерба от гибели корабля по раскладке.

41. Если корабль, перевозящий груз, получит повреждение, а груз будет снят с корабля, от навклира зависит, везти ли груз на корабль в обусловленную договором гавань, когда корабль будет отремонтирован. Если же корабль не удастся отремонтировать и груз придется отвезти на другом корабле в обусловленную договором гавань, то навклир должен полностью оплатить стоимость фрахта.

42. Если корабль застигнут бурей и придется прибегнуть к выбрасыванию груза в море и если разорваны будут реи и падут мачты, и руль, и якоря, и челноки, должны войти в общий подсчет при раскладке убытков, вместе с тем учесть надлежит и стоимость корабля и спасенных вещей.

43. Если будет иметь груз и в бурю произойдет падение мачты, повреждение руля и гибель какого-либо челнока и если из-за бури груз будет подмочен, необходимо, чтобы все это было подсчитано при раскладке убытков. Если же груз в трюме значительно промокнет и не вследствие бури, то пусть навклир получает полную плату за провоз, но товар должен передать таким же сухим, каким и принял.

44. Если в море корабль будет сбит волнами и сильно поврежден, то тот, кто из него что-нибудь спасет и снесет на землю, в награду пусть получит пятую часть.

45. Если лодка, принадлежащая данному кораблю, из-за разрыва канатов потонет вместе с плывущими в ней и если плывущие в ней потонут или умрут, годовую заработную плату навклир должен полностью за весь год передать их наследникам. Кто спасет лодку со снаряжением, пусть все возвратит в том виде, в каком нашел, но пусть получит за спасение пятую часть.

46. Если золото или серебро, или другое что будет поднято из глубины в 8 сажень, пусть получит тот, кто спас, третью часть, если же из глубины в 15 сажень, то тот, кто спас, пусть получит половину из-за той опасности, которую представляет глубина; из тех вещей, которые выброшены морем на землю⁴³ и найдены на суше или если они были погружены на глубине в один локоть, то тот, кто спасет их, пусть получит десятую часть⁴⁴.

Комментарий к Морскому закону родосцев

¹ Следует оплата труда команды корабля. По обычным законам капитан являлся как бы подрядчиком, который нанимал наемных работников за заработную плату. Однако ничего похожего на определенное положение о заработной плате мистия здесь нет. Это товарищество по извлечению дохода от мероприятий (*societas quaestus, sed non locatio-conductio operarum*). Команда вся распределяет доход от фрахта, от всякого рода предпринимательства, соглашений с пассажирами и купцами – и между собой в конце плавания. Необязательно все было построено по этому принципу – в иных случаях капитан-подрядчик набирал матросов по обычному найму рабочей силы за $\mu\sigma\theta\theta\upsilon\nu$. По Цахариэ фон Лингенталю (*Zacharia*. S. 318. Anm. 76), команда набиралась на двояких началах: или за твердую зарплату, или же за долю в выгоде: 1) $\acute{\alpha}\lambda\omicron\tau\alpha\chi\tau\acute{\alpha}\rho\iota\omicron\varsigma$, получающий определенную заработную плату по соглашению (*Ecloga ad Prochiron mutata*. XL. 40); 2) $\mu\epsilon\rho\acute{\iota}\tau\eta\varsigma$ – участвующий в доле прибыли. В данном случае, получая две доли, капитан являлся главой товарищества. Поражает невысокое отличие дохода капитана от заработка матроса (2:1). Навклир брал плату за провоз пассажиров, товаров и багажа, и в связи с этим навклиром часто называли также лицо, собирающее взносы за арендованные помещения (*Lexicon Cantadrigiensis*. S. v.; *Suidas*. S. v. id.; *Bas*. 53.1). Навклир мог быть и рабом, если ему поручалось ведение корабля в качестве пекулия. По Василикам (53.1.30), навклир отвечает по искам, как свободный. Но если (*Bas*. 53.1.30) навклир-раб умрет, то все претензии к нему должны передаваться его господину в течение года, и тогда господин $\tau\epsilon\rho\acute{\iota}\ \tau\epsilon\chi\omicron\upsilon\lambda\iota\acute{\alpha}\nu\ \acute{\alpha}\gamma\omega\upsilon\eta$ – в порядке иска о пекулии должен нести материальную ответственность за умершего навклира. Рядом с капитаном помещается кормчий. При мелких размерах кораблей роль кормчего выполняет сам капитан – термины «навклир» и «кивернит» смешиваются (МЗ. III. § 10, 26, 39). Обязанность кормчего – вести корабль по звездам, наблюдать за положением солнца, луны (*Tactica Leonis*. VI // PG. 107. Col. 987). Кормчие пользовались массой народных примет. Особенное значение придавали полету птиц. Но в основном нужно было тогда изучать направление ветров. Этот круг знаний был обязателен как капитану, так и кормчему.

² Прорей – вахтенный – находился на носу корабля и должен был сигнализировать обо всех опасностях или случайностях. Иногда это $\beta\upsilon\lambda\epsilon\omicron\theta\epsilon\omicron\rho\omicron\varsigma$ – наблюдающий за морем с вершины мачты, где прикреплялся валик. Особенно важно было сообщать о приближении какого-нибудь корабля, возможно, пиратского. Он же сообщал об изменении направления ветра (*Tactica Leonis*. VI. Col. 1000; МЗ. 9.36). Он же и бросал якорь.

³ Корабельный мастер. Термин «навпигос» – обычно в смысле подрядчика, взявшего подряд на постройку корабля, распределявшего работы между различными видами ремесленников, привлеченными к постройке (PG. 45. Col. 165). Корабли строились особыми подрядчиками примерно так же, как в «Книге Эпарха» установлено о постройке зданий. Приблизительно в таком же духе подробно приведены правила в «*Consulat de la mer*» (§ 7–9. P. 50–62): строитель «калефато» нанимает рабочих и расплачивается с ними. В тексте МЗ навпигос, вероятно, – просто ремесленник, знакомый с корабельным делом, который должен был в случае поломок и аварий организовать ремонт в пути и при стоянках. Можно полагать, что навпигос выполнял и некоторые функции боцмана. В обязанности прорея входило наблюдение за сигналами маяков, которые находились у входа в Босфорский пролив, в Константинополе, южнее дворца, у Хрисополя, у Фессалоники. В маяках по ночам выставляли факелы, а днем – жгли сырое дерево, чтобы был густой дым.

«Каравит» – неясно, что означает этот термин. Дословно – «корабельщик». Судя по повышенной доле оплаты, он принадлежал к руководящему составу корабля. Возможно, что это лицо, занимающееся записями и расчетами.

Характерно для средневековых морских порядков наличие особого писца, *scribanus*, ответственного перед государством: он имел тетрадь, где вел официальные записи. Эти записи являлись материалом для процесса (Статуты Рагузы. VII; Статуты Зары. IV. 15–18). Он же был чем-то вроде бухгалтера, хозяина или патрона. Особенно важны его записи о состоянии груза и т. д., которые использовались как для последующего расчета в случаях сброса груза, так и при выплате пошлин.

⁴ Парасхарит – лицо, заботящееся о поддержании сигнального огня или же сторож вообще. Но некоторые считают, что это корабельный повар. Это возможно: он получал только половину доли матроса, так как зарабатывал он в основном варкой пищи для пассажиров, с которых брал, разумеется, плату. Он готовил пищу и для команды, за что назначалась ему половина доли. Варка пищи запрещалась пассажирам (МЗ. § 10, 11). Пассажир мог иметь при себе запас пищи готовой, но не готовить ее сам – это мог только корабельный повар. При подводных раскопках в найденном затонувшем корабле обнаружен котел для варки пищи (Bass G. F. Underwater Excavations... P. 559).

⁵ Кто такой торговец, купец? Особенно четко в «Consulat de la mer», § 43: *mercader* – купец, который имеет также количество товара, что он фрахтует корабль для его перевозки и не платит за проезд на корабле за себя лично. Наоборот, пассажирами-путешественниками – *pelegri* – являлись те, которые имели *sua roba*, но не *mercaderis*, или же торговцы, везущие с собой небольшое количество товара (меньше двух квинталов). Эти лица должны платить *nolit* – плату за проезд. По «Consulat de la mer», каждый купец получает место на корабле сообразно тому, сколько он заплатит: § 31. P. 78. За особое место для ящиков, сундуков, кровати и т. п. едущих далеко требовалась особая плата – 20 безантов (Гл. 32–33. P. 80). Под словом «*παῖδας*» необязательно понимать раба – это может быть слуга вообще.

⁶ Античный *πῆχυς* (локоть) содержал 24 пальца (*δάκτυλοι*), т. е. равнялся приблизительно 46 см. Был другой вид локтя – 27 пальцев, приблизительно 61 см. Возможно, что в данном случае идет речь о более длинном локте (Ashburner V. Introduction. P. 60). Нужно отметить, что в Морском законе имелись в виду меры, действовавшие в позднеантичное время. Для регулирования заработка капитана тот должен был предварительно сообщить хозяину, на сколько частей он разделит корабль, вернее, сколько мест будет предоставлено для пассажиров (так по «Consulat de la mer». Гл. 2, 47. С. 50).

⁷ В издании Феррини § 11 отсутствует. Поскольку в предыдущем параграфе речь шла о запрете жарить рыбу, запрет связан с опасностью на корабле разводить огонь.

⁸ «Маленький ребенок» – возможно, нужно читать (Ashburner V. Introduction. P. 61) *το μὴ τέλειον*, т. е. «не достигший зрелости». Но возможно, что место испорчено, что читать следует *το ἔτειον*, т. е. «возрастом в один год», значит, ребенок меньше года совсем не получал места, а находился при матери. Родившийся на корабле ребенок освобождался от платы за проезд: Bas. 53.1.60.

⁹ Слово «*αἰῶται*» во многих рукописях отсутствует. Присяга матросов, вероятно, касалась их честного отношения во время поездки, принимая во внимание, что иногда команда корабля превращалась в пиратов. То обстоятельство, что матрос по некоторым рукописям не должен давать присягу, показывает, что он обычно был наемным лицом, но мог быть и членом артели, участвующей в прибылях.

¹⁰ Стоимость корабля – 50 номисм – относительно низкая. Это, безусловно, небольшие корабли. Купцы из приморских городов (Амастриды, Константинополя) торговали на своих кораблях небольшого размера (см.: Житие Св. Артемия / Изд. Пападопуло-Керамевс // Зап. ист.-филол. фак. С.-Петерб. ун-та. СПб., 1909. Вып. 95). В Морском законе в основном имеются в виду небольшие корабли, хотя (по Генезию) корабль, принадлежавший Феодоре, жене Феофила, вмещал около 1000 человек (Cedrenus. II. 102; Theoph. Cont.; PG. 109. Col. 101). Большого размера были и корабли, разграбившие Фессалонику в 904 году! В основном корабли плыли на парусах. У вышеупомянутого корабля Феодоры паруса затеняли падающей тенью всю пристань! Что касается цены корабля – 50 номисм, то фактически это зависело от характера денег. В VI–XI вв. номисма – 4,25 г чистого золота. В XIV в. номисма – иперпир – стоила уже менее чем 1/5–1/12 прежнего курса, так что в Рагузе в 1369 г. за 50 иперпиров плотник обязался смастерить для предпринимателя ловли кораллов в море небольшую лодку (Krekic. Regestes. 277).

Вместимость корабля рассчитывалась амфорами, модиями (зерна), бочками (*cupa*), в византийское время – модиями (Bas. 53.1.84). Вместимость высчитывалась или по размерам корабля, или по размерам места для груза; сколько может вместить груза корабль. В Дигестах упоминается корабль в пятьдесят тысяч модиев (50.5.3. Пр.) и выше. Величина модия недостаточно выяснена.

В Византии было несколько видов модия. В данном случае модий – $\mu\acute{o}\delta\iota\omicron\varsigma\ \theta\alpha\lambda\acute{\alpha}\sigma\sigma\iota\omicron\varsigma$ – морской модий равнялся около 20 кг. Если же речь идет о грузе, то модий равен приблизительно 8 кг (ср.: **Dölger F.** Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. § 13. Anm. 13 – $\mu\acute{o}\delta\iota\omicron\varsigma$).

О модии в практике византийской торговли см: **Манандян Я. А.** Римско-византийские хлебные меры и основанные на них индексы хлебных цен // ВВ. 1949. Т. 2. С. 60–74. Манандян различает 4 вида модия: посевной – $\mu\acute{o}\delta\iota\omicron\varsigma\ \sigma\tau\acute{o}\rho\iota\omicron\varsigma$ = 13,056 кг; большой = 9,792 кг; модий перегруженный – $\mu\acute{o}\delta\iota\omicron\varsigma\ \upsilon\lambda\epsilon\rho\upsilon\omicron\varsigma$ = 8,16 кг; модий малый = 6,528 кг. О модии морском Манандян не упоминает. Ср. вычисления М. Гуды вместимости кораблей (**Липшиц Е. Э.** Очерки... С. 98. Примеч. 38). Вместимость корабля, по М. Гуде, исчислялась так: длина корабля умножалась на ширину и высоту (в локтях), затем полученное произведение умножалась на величину модия (выраженную в локтях). Торговые позднеримские корабли – сравнительно небольшой вместимости. Парусник в 200 т – 140–160 кв. м площади. Средняя скорость – 5 миль (морских) в день. От Сицилии в Александрию при благоприятных условиях требовалось 12 дней плавания (**Haussy.** Op. cit. S. 69).

¹¹ Так по Эшбернеру (р. 67) перевозу слова $\xi\gamma\gamma\alpha\iota\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \acute{\alpha}\kappa\iota\nu\delta\upsilon\nu\alpha$ – заем, обеспеченный всем состоянием: движимым и недвижимым.

¹² Несмотря на то, что в отношении морского предпринимательства процент оставался в том положении, как было установлено Юстиниановым правом – *foenus nauticum* = 12 %. Император Никифор I в начале IX в. предпринял меры к ограничению ростовщичества, он запретил всякое взимание процента по ссудам. Однако, понимая, что без ссуды невозможно вести морскую торговлю, для стимулирования морского предпринимательства он ввел правительственное кредитование навклиров, ведущих морскую торговлю. Навклиры обязаны были брать от казны определенную сумму денег для оборота и платить высокие (16,6 %) проценты, а также пошлину. Это мероприятие было встречено враждебно византийской знатью, которая занималась ростовщичеством. С другой стороны, принудительное предпринимательство, которое должно было, по мысли Никифора I, укрепить морскую торговлю Византии, оказалось очень тяжелым для навклиров, так как в морской торговле не всегда выгодно было рисковать жизнью и состоянием (**Theophanes.** P. 437.17; 488.11).

¹³ После данного параграфа по рукописи, изданной Феррини, включено предложение: «Нельзя навклирам участвовать в общих взносах», т. е. навклиру запрещалось вступать в товарищество по извлечению прибыли, этот запрет включен без подразделения на параграфы и в других рукописях отсутствует, и поскольку этот запрет полностью противоречит смыслу остальных статей Морского закона, нужно признать это предложение поздней вставкой. Возможно, монастырские навклиры позднего времени действительно не имели права участвовать в торговых мероприятиях монастыря и должны были только перевозить груз за определенную плату, поэтому писец, знакомый с правилами монастыря, от себя и прибавил это предложение.

¹⁴ Греческий текст, по-видимому, несколько испорчен, и дословный перевод недостаточно ясен. Дословно – говорится о многих навикуляриях при одном корабле, нагруженном на одну треть (по Эшбернеру – на три четверти). Неясно выражение $\kappa\alpha\tau\grave{\alpha}\ \theta\epsilon\rho\iota\omega\nu\ \kappa\alpha\iota\ \kappa\alpha\tau\grave{\alpha}\ \lambda\acute{o}\upsilon\nu$: имеются различные попытки исправления текста. Перевод дан так, чтобы можно было представить сущность установления – навикулярии должны строго придерживаться плана рейса, а если плавание назначается больше, чем на сезон, то кредиторы могут послать за процентами доверенное лицо.

На этом заканчивается первая часть Морского закона. Вопрос о соотношении первой части со второй и третьей не выяснен. Ясно, что первая часть во многом отличается от последующих. В первой части говорится о долях членов артели, во второй и третьей частях – о степени участия в прибылях. Некоторые части незначительно разнятся, но о некоторых, наоборот, можно сказать, что составитель второй и третьей частей заимствовал из этих глав § 14–15. По Эшбернеру, первая часть составлена в 600 г. Вторая и третья части – примерно в период от 600 до 800 гг. Во всяком случае, во второй и третьей частях море было уже не полностью под контролем византийцев, тогда как в первой части этого нельзя проследить. Время составления второй и третьей частей относится к периоду, когда остров Крит находился уже во власти арабских пиратов, т. е. с первой четверти IX в., хотя и отражал порядки более раннего времени, т. е. VII–VIII вв.

¹⁵ Было обычно в византийской письменности перед книгой давать обзор содержания глав. Эшбернер отмечает (Ashburner V. Introduction. P. 69) противоречия между оглавлением и содержанием некоторых глав, но эти несогласованности столь незначительны, что, по-моему, на них не стоит обращать внимания – такие погрешности – неточности в изложении содержания глав в оглавлении – могут произойти в любой книге даже в наше время. Можно считать, что вторая часть была составлена одновременно с третьей, как обычное оглавление книги.

¹⁶ Так в издании Феррини; по другим рукописям: «из-за пиратов».

¹⁷ А если виновник не будет обнаружен? Можно думать, что отвечать будет навклир на основании закона (Bas. 52.1.5): стоящий над кораблем отвечает за дела своих подчиненных, хотя бы он сам и не участвовал в проступке. В Василиках (53.1.15): по соглашениям матросов навклир не несет ответственности, но отвечает за их проступки. Он обязан предупреждать обманы, небрежность или преступления своих подчиненных (Bas. 53.1.26): за всех матросов несет ответственность навклир, являются ли они свободными или рабами, если проступок совершен на корабле. Но если проступок совершен вне корабля, то навклир не привлекается к ответственности (Dig. 4.9.7. Пр.). Но за преступления, совершенные пассажирами, навклир не несет ответственности (Bas. 53.1.73; Dig. 47.5.1.6).

В более позднем морском праве наказание за воровство гораздо жестче: матрос, попавшийся в воровстве, теряет зарплату и все свои пожитки, может быть закован в оковы и сдан властям по приезду (Consulat de la mer. 122/167).

¹⁸ Команда корабля обычно состояла из лиц, нанятых по вольному найму. Величина заработной платы моряка была вполне определенной, так как по смыслу данной статьи матрос должен был получить заработную плату за все время нетрудоспособности от обидчика. Можно поражаться, что ни в одной из глав, касающихся матросов, нет никаких сведений о конфликтах по заработной плате. Между тем в прочих, более поздних статутах по морскому делу часто говорится о столкновениях по вопросам заработка матросов. В статутах острова Фара говорится: если моряки не получают вовремя заработной платы, то хозяин или капитан должен заплатить вдвойне (Статуты Фары. V. IV. С. 211). В «Consulat de la mer» имеется специальная статья (XCIII/138) об обязанности нанимателя в первую очередь расплатиться с матросами. В случае, если средств не хватает, следует продать корабль и расплатиться! Там же (ст. 134/179): в случае увеличения продолжительности рейса матрос должен получить соответствующее увеличение заработной платы. Имеются и статьи о гарантии получения полной заработной платы матросами: в статье 148/193 сказано: «матрос не может потерять свою плату ни в результате бегства, ни обмана или смерти капитана». В Иерусалимских ассизах (Ed. Pardessus. Vol. 1. Ch. 43. P. 278) упоминаются многочисленные конфликты между матросами и капитаном относительно заработной платы. Если матрос получит задаток в половину заработной платы за поездку и не захочет ехать, то должен платить вдвойне нанимателю.

Но если матрос получил задаток, а капитан отменил рейс, задаток остается у матроса. Если капитан отправился в другой, более длинный или трудный путь вместо обусловленного, матрос может не следовать в поездку. Тем не менее матросы волновались. В статутах Фара (V. 7) приводится угроза репрессиями со стороны корабельного руководства: если кто из матросов станет волноваться, должен платить штрафа 10 либр и писец корабля должен написать графу о возмутителе и принимавших участие в возмущении, – причем, если писец не сообщит об этом, то сам должен платить 10 либр – половину коммуне, половину хозяину корабля.

Отсутствие глав о трудовых конфликтах в Морском законе можно объяснить существованием некоторой корпоративности среди моряков. Подобно тому, как в ремесле и торговле существовали более тесные связи, так же и моряки объединялись в своего рода артели, в которых капитан был тесно связан с матросами, по большей части принимавшими участие в прибылях или убытках плавания. В Далматинских статутах капитан и команда называются *naulerius cum societate sua* (Stat. Ragus. VII.2.52). В дальнейшем под влиянием дифференциации внутри византийского общества артели соучастников исчезали, и матрос становился в больших городах люмпеном, ищущим работу, а капитан стал приближаться по положению к положению династа – предпринимателя. Это вполне соответствовало общему развитию Византии в период генезиса феодализма.

¹⁹ В некоторых рукописях: «поленом или кирпичом». О драках матросов, пьянстве часто говорится в источниках.

²⁰ В Василиках различаются навклир и пистик: в данном случае навклир является доверенным лицом. Такой навклир, в сущности, – наемное лицо, получающее плату за проведенное поручение. В Дигестах (39.4.11.2 = Bas. 53.1.69), положения которых включены в 53-ю книгу, помещенную непосредственно перед Морским законом, приведена подобная статья, но в несколько ином виде: «Если хозяин корабля и моряки что-нибудь предпримут противозаконное, то корабль конфискуется. Но если моряки и доверенное лицо проступок совершат без ведома хозяина корабля, то корабль возвращается хозяину, а моряки осуждаются в четверократном размере, а товар конфискуется». Но в данном случае вопрос, очевидно, шел о «противозаконном», вероятно, в смысле транспортировки для продажи запретных товаров (дорогих тканей, оружия и вообще таких предметов, которые правительство не желало передавать в варварские страны).

²¹ О случае, когда сам капитан со своей командой стали пиратами, рассказывает Житие св. Нифонта (Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917. С. 163).

²² Другая редакция статьи: «Если навклир будет советоваться с купцом относительно сбрасывания груза и если купец не даст согласия [на сбрасывание], и если корабль потерпит крушение, купец должен возместить [навклиру] убыток. Если же не будут препятствовать [сбрасыванию груза] ни купец, ни навклир, ни матросы и если причинится ущерб кораблю или произойдет кораблекрушение, спасенные части корабля и груза должны пойти в общую раскладку».

Нужно иметь в виду, что указанное в статье голосование о том, как надлежит поступить в случае опасности, должно было происходить не в момент бури или нападения на корабль, но предварительно – при отплытии. Корабль в море представляется как сообщество лиц, поклявшихся выполнять правила на Евангелии (I. § 15). Согласно XII.1.29, если нет предварительной договоренности о долях в прибылях и убытках, то в случае ущерба распределение убытков совершается поровну, независимо от стоимости или веса имущества: «Если не обусловлены доли, как следует делить [убытки], то доли считаются равными. Ведь имеется возможность договориться – тому одна доля, тому две, тому три». Сбрасывание с корабля груза во время бури было обычным явлением в течение ряда столетий в мореплавании. В «Consulat de la mer» (§ 54, 55. С. 104–106) приводится речь, с которой должен обратиться капитан корабля в случае сбрасывания товаров: «Господа купцы! Мы очутимся в большой опасности, если не облегчим [корабль], и имеем большой риск потерять и свою жизнь, и свои товары. Если вы, господа купцы, пожелаете облегчить корабль, мы сможем, с помощью Бога, спасти свою жизнь и большую часть своих товаров».

Но если мы не сбросим товары, мы окажемся в опасности погибнуть самим и всем своим товарам». Если большинство согласится, то начинается сбрасывание. Но если один или некоторые купцы уже начнут сбрасывание своих товаров, то капитан может сбрасывать уже не спрашивая, пока не исчезнет опасность. При этом писарь должен зарегистрировать соглашение или, если нет возможности писать, то матросы должны быть свидетелями. Если же к моменту опасности купца – собственника товара на корабле не окажется, то капитан может самостоятельно в присутствии всех бывших на корабле решить вопрос о сбрасывании. Согласия на сброс требуют и разные средневековые морские правила: только в исключительных случаях (корабль идет на скалу) допускается *jactus sine concordia* (Статуты Пизы. 29; Статуты Перы. V. 25; Статуты Амальфи. 1.49). Сложным был вопрос об оценке брошенных и оставшихся грузов. По римскому и византийскому праву, когда кораблю угрожает опасность и когда приступают к сбрасыванию вещей груза, погибшие вещи расцениваются по той цене, по которой куплены, а уцелевшие – по той цене, по которой их можно продать по прибытии в порт назначения (Dig. 14.2.2.4; Bas. 53.3.3). Однако в первой части данной статьи говорится не о товарах, а о бытовых вещах – ручной клади пассажиров. Как их оценивать? Можно думать, что в данном случае имеется покупная цена. Оценка товаров, сбрасываемых в море, уточняется в дальнейшем. В «Consulat de la mer» (§ 52. Р. 102): если сбрасывание произойдет на полпути до места назначения, то оценка производится по ценам места отбытия; если больше полпути пройдено, то по ценам места прибытия (Там же. § 53. Р. 103 сл.).

Ставится вопрос: при подсчете стоимости спасенных вещей нужно ли вставлять в сумму, полученную за провоз вещей? Если капитан берет плату и за погибшие товары, то нужно считать; если берет плату только за спасенные, то не нужно, ведь капитан и без того страдает от потери платы за провоз сброшенных товаров.

²³ Литра золота – 327,5 г. В литре золота 72 номисмы.

²⁴ Понимание текста затруднено: между долей капитана и его помощников и долей, получаемой матросами, слишком большая разница. Если считать грам-фоллу равной 1/288 литры, то отношение доли навклира к доле матроса 288 : 3, т. е. доля матроса в 96 раз меньше.

Эшбернер считал данный текст испорченным, не соответствующим положению о том, что доля матроса равнялась половине доли капитана (§ 1–8). Поэтому он предлагал внести исправление: под литрой понимать не золотой фунт, а серебряный, в то же время грамм считать золотым. Следовательно, доля капитана при сбрасывании груза – 60 милиарисиев (т. е. литра серебра), а доля матроса – 3 г (равна 36 милиарисиев, если золотой грамм составлял 12 милиарисиев), т. е. доля матроса равна половине доли капитана. Но это – искусственное построение. Речь в данном случае, очевидно, идет о выбрасывании груза. У простого матроса не могло быть особого груза, тогда как капитан мог иметь очень ценный груз. Соответствия с начальными положениями о долях совершенно не применимы к случаю сбрасывания грузов: ведь там учитывался труд матросов, а в § 9 – наличие имущества. Доля пассажира не могла превышать 1 литры. Нужно считать, что для оценки имущества (кровать, ковры, одежда) это довольно высокая сумма. Ведь при уровне цен X в. простой плащ стоил 3 милиарисия, одежда в 10 номисм считалась изысканной роскошью, продажа подобных платьев иностранцам вообще запрещалась без особого разрешения епарха.

Данная статья не дает ясного представления о способе раскладки ущерба после сбрасывания груза. Можно думать, что означенные суммы стоимости багажа пассажиров и команды являлись и максимально допустимыми при приеме на корабль. Если произойдет сбрасывание груза, то после приезда на место назначения, сколько бы ни было у пассажиров или членов команды имущества, максимальная выдача не должна была превышать указанной стоимости. Данная статья, разумеется, имеет в виду только потребительское имущество, но не товары, предназначенные к продаже: сбрасывание товара происходило на условиях иного порядка, в соответствии со стоимостью груза или по долям взноса в товарищество.

²⁵ Здесь тоже следует иметь в виду, сколько находилось, имелось при слуге или при рабе. При этом вполне понятно, что раб-слуга имел имущества при себе больше, чем раб, отправляемый на продажу. Имущество раба расценивается в 3 мины. По некоторым рукописям – в издании Геймбаха – не 3 мины, а 3 номисмы. Мы считаем, что чтение Геймбаха более правильно. В данном случае учитывалась стоимость не самих слуг: если они свободные, то вообще учесть их стоимость невозможно – оценивалась стоимость их имущества. У Е. Э. Липшиц (Очерки... С. 119), наоборот, приводится расчет стоимости раба. Это неправильно. Ведь раб, хотя и был имуществом господина, но не подлежал сбрасыванию в море, принимались во внимание лишь те вещи, которые были при нем. Если считать «три мины», то получается довольно высокая сумма. По «Книге Епарха», мина равняется 3 литрам. Считая литр серебра равным 5 номисмам, долю слуги или прислуживающего раба равной 45 номисмам, а продажного раба – 30 номисмам. Это невероятно высокая сумма. Впрочем, стоимость мины недостаточно ясна.

В отношении термина: «Не предназначенных для продажи...» Кто это могли бы быть? По всей вероятности, это свободные мистии, нанятые для услуг при проезде; но как же можно оценивать эти личности? Ведь свободный человек по римскому и византийскому праву не оценивался. Это тоже приводит к мысли, что в данном случае вовсе не говорится о расценке стоимости раба... Что в данном месте речь идет о том же, что и о навклире, моряках и пассажирах, т. е. о сбрасывании в море поклажи. Раб имел на корабле определенное место, за его провоз платили навклиру, и, безусловно, раб мог иметь небольшую поклажу. Можно думать даже, что эта поклажа должна быть довольно большой у слуг и рабов из челяди – ведь им могли поручать нести разные вещи господ. Таким образом, нет ничего удивительного, что поклажа раба-слуги оценива-

лась примерно в 12–15 номисм, а поклажа раба, которого вели на продажу, в 10–12 номисм. Если принять во внимание эти предположения, статья делается более понятной.

²⁶ Кердокойнония, хреокойнония – товарищество, заключенное на использование собранных средств для ведения какого-нибудь предприятия, дающего доход, с тем, чтобы как доход, так и убытки покрывались пропорционально внесенным суммам денег или товаров. Участие в убытках покрывается только за счет тех сумм, которые были внесены участниками товарищества. Если кердокойнония имела в виду морскую торговлю, то в случае крушения, гибели части товаров или грабежа со стороны пиратов убытки шли только за счет внесенных сумм. При кердокойнонии одни только вкладывали свои деньги, другие вели предприятие, при этом доли должны были быть четко указаны в соглашении. Если же ведущие предприятие терпели убыток, то он распределялся по соглашению пропорционально обусловленным долям в прибылях и убытках. Если же ведущие предприятие нарушали соглашение (в отношении сроков и характера извлечения дохода), то ведущий предприятие отвечал не только своей долей, но и всем состоянием.

Хреокойнония, как представляется в Морском законе (III. § 9, 17) и в Эклоге (X.5), является исходным опытом, который использовался впоследствии Западом, итальянской торговлей для организации сообществ предпринимателей в морской торговле по принципу коллеганции или комменды (**Lopez R.** Op. cit. P. 80).

Вопрос о связи византийской хреокойнонии с венецианской коллеганцией давно трактовался в византистике. Первый документ, характеризующий венецианскую коллеганцию, относится к 1073 г., по нему кредитор давал две части, отправляющийся в море – одну часть, а прибыль делилась поровну.

Астути (**Astuti G.** Origine e svolgimento storica della comenda fino sec. XIII. Turin, 1933) считал, что венецианская коллеганция прямо восходит к византийскому Морскому закону (§ 19). Напротив, Конданари-Михлер (**Kondanari-Michler S.** Zur frühvenetianischen Collegantia // *Munchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte.* 1937. Н. 25) старался доказать, что ничего общего с византийским Морским законом коллеганция не имеет, что в основе ее – германское право (из соглашений об аренде и особенно положений закона Ротари и других германских правовых документов). Однако Конданари-Михлер не встретил сочувствия даже среди германских историков. Дельгер в своей рецензии отметил, что Конданари неправильно понял хреокойнонию как только *Erfolgsgemeinschaft*, тогда как, по мнению Дельгера, венецианская коллеганция была *Vermögensgemeinschaft*. § 17 Морского закона свидетельствует, что это было соглашение на совместное ведение торгового предприятия (**Dölger F.** *Paraspora.* Ettal, 1961. S. 321–322). Дельгер справедливо замечает: почему нельзя считать коллеганцию исходящим от Морского закона правом? Ведь Венеция во время действия Морского закона находилась под властью Византии? Еще энергичнее доказывает преемственность коллеганции от хреокойнонии Р. Лопец (**Lopez R.** *The Role of Trade...* P. 81), причем, приводит как полную византийскую параллель текст из Жития св. Спиридона Триминутского, где говорится, как один капитан-навклир просил денежную сумму в долг, чтобы мог вложить эти деньги в «морское предприятие», «чтобы этим поддержать свою семью».

²⁷ В «Consulat de la mer» (§ 20. P. 73) говорится: «Никто не может быть ответственным, если убыток произойдет по воле Божьей, моря, ветра или государя...»

Морской закон (§ 11) интересно сравнить с далматинскими статутами о морской торговле. В византийском Морском законе ответственность за ущерб, нанесенный купцу из-за неисправности корабля, лежит на самом купце, который должен сам исследовать, достаточно ли пригоден данный корабль для морского плавания. В Далматинском уставе Фары, наоборот, ответственность за ущерб, причиненный купцу из-за ненадежности корабля и его оснащения, лежит всецело на хозяине корабля или его ставленнике. Интересы купчества явно преобладают над интересами хозяина судна.

Слово ἐνὸρτῆς означает имущество, богатство, средства, вклад в предприятие, особенно при сделках в торговле и ссудах (встречается в § 8, 39, 40 и гл. 11, 21, 32). В Морском законе этот

термин означает общую стоимость имущества, которое передано для перевозки, фактически – груз корабля, однако, расцененный по долям вкладчиков или пассажиров. Слово ἐνθήκη, обозначающее вклад в предприятие, перешло в итальянские документы на латинском языке – *entica, hentica* – и в далматинские документы – *entigum, entega* (Lopez R. The Role of Trade... P. 82. Nr 30). В дубровникском статуте 1272 г. энтега – общая стоимость имущества в товарах, деньгах, принадлежащих товариществу или предпринимателю. Энтега понималась и как объединение тех лиц, которые непосредственно вели торговлю, оперируя суммой энтеги как оборотным капиталом (Чудиновских Э. И. Торговля далматинских городов: По материалам Трогира, Дубровника, Котура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Львов, 1968).

²⁸ Πιστικός здесь употребляется не в смысле термина, обозначающего особо доверенное лицо, но вообще честного человека. Специальный термин «πιστικός» – агент, доверенное лицо – к данному тексту не подходит. Наоборот, в Морском законе (III.8) термин Πιστευθείς соответствует понятию доверенного лица, которому поручается ведение предприятия (в данном случае доверялся корабль).

²⁹ Статья повторяет § 14 первой части.

³⁰ У Геймбаха стоит η, т. е. «или же».

³¹ Перевод данной статьи затруднителен. Слово ἔγγυα – «залог», но в рукописях стоит также ἔγγυα – то, что находится на земле. Геймбах принял транскрипцию ἔγγυα – «залог». По Эшбернеру, перевод иной: навклиры и купцы, все, которые получают ссуду на корабле, не должны принуждаться закладывать фрахт и погруженные товары, пока не исчезнет опасность кораблекрушения и не будут в безопасности корабль и груз. Из заложенного таким образом имущества нужно расплачиваться с морскими процентами. Текст этой статьи не ясен. Нельзя быть уверенным в приложенном переводе. Эшбернер сознается, что он не в состоянии разрешить трудности в переводе (р. 96). Я не согласен с переводом статьи у Геймбаха и Эшбернера. По-моему, речь идет о первых попытках создать нечто вроде страхования имущества... Мой перевод имеет в виду то обстоятельство, что если заем дается под залог корабля и груза под высокие проценты, то разве это не особого рода страхование имущества? Данная статья запрещала такие попытки страхования, которые вошли впоследствии в практику морской торговли на Западе, в Италии, а именно – *cambium nauticum*: купец, отправляя груз, получал заем, примерно равный стоимости груза. Если груз спасен, то навклир, используя заем, дает кредитору высокие проценты. Если он не может уплатить, то корабль и груз будут вручены как залог. Но если корабль потерпел крушение? То навклир не в убытке – он получил заем, а выданная в ссуду сумма фактически превращается в страховую премию. Это самый примитивный вид коммерческого страхования, в котором законодательство видело какое-то неосознанное жульничество.

³² Речь идет о хреоконии. Таков перевод применительно к пониманию слова ἐγγυαίων как имущество, находящееся на земле вне тех средств, на которые было заключено товарищество.

³³ Но есть и другой перевод, который слово ἔγγυα понимает как поручительство. Для данной статьи это подходит больше, т. е. если должник не придет в срок, то обязаны платить поручители, если же они не в состоянии заплатить, то их имущество следует заложить, и они должны выплачивать морские проценты...

³⁴ В данном переводе тоже имеются трудности: 1) почему сразу должны платить поручители, разве у должника не было собственного имущества на земле? 2) одно и то же слово ἔγγυα по-разному понимается в данном переводе. Предпочтителен перевод Эшбернера.

³⁵ Три свидетеля – по Эклоге (XV.1), однако там говорится о письменном соглашении. Возможно, что речь идет о том добавочном грузе, который навклир хотел погрузить во время стоянки в плавании, где нельзя было оформить письменно новое соглашение.

³⁶ Это вполне логично: ведь, согласно Василику (XV.1.36), отправить корабль в плавание после того, как пройдет удобный для мореходства сезон, является проступком, который влечет судебное преследование виновного в ἀμέλεια (преступное безрассудство).

³⁷ В Кодексе Юстиниана (XI.5.2) приводится требование отдавать навикулярия под суд с целью выяснить причину крушения. Это связано было с повинностями навикуляриев, которые провозили казенный груз. Это соответствует современному требованию судебного разбора обстоятельств катастрофы. Но в Морском законе это требование проводилось только в случае конфликтов, возникших на базе взаимных претензий капитана, моряков, пассажиров и купцов. В Морском законе не говорится о казенных грузах, в отношении которых соблюдалось действующее право... Об ответственности капитана и моряков – в Синописис Минор (§ 17) и у Арменопула (2.11).

³⁸ Здесь говорится о весьма тесном сообществе капитана, моряков и купцов по извлечению дохода от морской торговли. Тут противопоставляется стоимость корабля и энтеке, причем обе суммы соединяются при распределении убытков (ср.: *Ashburner V. Introduction. P. 259*).

³⁹ В издании Феррини положение трактуется иначе: «если пассажиры объявят навклиру...»

⁴⁰ О случае, когда весь экипаж и груз спасены, но корабль погиб, рассказывается в Житии св. Евстратия (*Пападопуло-Керамевс А. И. // Аналекты... СПб., 1897. Т. 4. С. 367–400. § 36*).

⁴¹ Статья обязывает моряков проявлять особую заботу о сохранности груза. Работа моряков по наблюдению за грузом была очень сложной, и поэтому в случае бури купец должен был вознаградить матросов (по Эшбернеру – шестью сотыми из оставшегося целым зерна). Еще более тщательная забота требуется в последующих статутах. По «*Consulat de la mer*» (§ 22. P. 75), если крысами съеден товар и капитан не имел кошки, то он отвечает за ущерб.

⁴² В отношении кражи матросами имущества купца приведены полностью нормы Юстинианова права по *actio furti* (Dig. 47.9). Кроме того, в целях поддержания дисциплины введено дополнительное наказание – лишение доли в распределении дохода (конечно, если матрос является соучастником в предприятии).

⁴³ У неизвестного автора Синописиса Минор имеется положение: если кто, рискуя жизнью, спас вещь, брошенную в море, то делается ее господином. По Арменопулу (II.19), это серьезное отступление от права. По римскому праву, выброшенная с корабля вещь при спасении от бури остается собственностью хозяина и тот, кто ее возьмет, является вором (Dig. 14.2.2.8; 41.1.9.8).

В Василиках, в той же книге, где помещен был Морской закон, говорится: «...Если же кто захватит вещь, которая выброшена из корабля во время бури, тот тоже совершает кражу, безразлично – на море или на берегу» (53.3.39). Эта статья противоречит утверждению о существовании в Византии так называемого берегового права. Спасение имущества потерпевших кораблекрушение предусмотрено всеми законодательными документами. Грабеж при кораблекрушении рассматривался как преступление. М. М. Фрейденберг (К истории классовой борьбы в Византии в XII в. // Учен. зап. Веліколуц. пед. ін-та. 1954. С. 44) считает, что в Византии существовало «береговое право» землевладельцев на груз, вынесенный морем на берег. К нему присоединился А. П. Каждан (Деревня и город... С. 287). Но это «береговое право» никогда «правом» не было. Это был грабеж в условиях слабости центральной власти, когда правительство не могло наказать грабителей. Следует отметить, что Никита Хониат не называет это «правом» – *δίκαιον*, а *ἡθος ἀλεχότατον* (р. 423); любой грабеж можно было бы в таком смысле назвать «правом». Если говорится, что Андроник Комнин отменил «береговое право», то нужно понимать это как принятие Андроником мер по прекращению разбоя, который препятствовал морской торговле.

Так как крушение кораблей происходило часто, то вопрос о судьбе выброшенных на берег или вблизи берега вещей сделался очень важным для развития морской торговли. Помимо норм Морского закона, у Арменопула имеется упрощенное положение (II.VI.1): «Если золото, серебро или нечто другое кто-либо спасет с глубины от восьми сажен, пусть тот получит вследствие опасности глубины половину спасенного, а если на суше или на море с глубины до одного фута – то одну десятую».

Очень подробно разбирается вопрос о находке вещей в море и на берегу в Каталанском праве (§ 207–252). По статуту Зары (IV.45; *Ashburner V. Introduction. P. CCLX*), если кто спасет выбро-

шенную с корабля вещь, то спаситель получает 1/3 стоимости вещи, если она находилась на поверхности воды, а если вещь была в воде, – то половину. По Иерусалимским ассизам отчасти соблюдается «береговое право» собственника вещи: треть получает спасший вещь в море, но если она выброшена на сушу, то принадлежит прежнему собственнику, за исключением того, что достается по законам королевства сеньору местности (Ассизы. Гл. 46).

⁴⁴ У Геймбаха прибавлено: «Кто что-либо похитит из кораблекрушения, должен вернуть в четырехкратном размере (CJ. II, 48 – закон 400 г.). Кто, везя казенный груз, присоединит частные товары и принуждает к этому навклира, и извлекает выгоду путем злостного обмана, будет наказан не только тем, что несет ответственность за кораблекрушение, но будет подвергнут особо суровому наказанию (CJ. V, 49 – закон 395 г.). И из 5-го титула 42-й книги Дигест (наверно, нужно: Dig. 47.9.4.2): (50) «Если кто воспользуется несчастьем потерпевших кораблекрушение и ограбит их или будет извлекать выгоду путем злостного обмана, должен возместить потерпевшему в четырехкратном размере. (51) Если кто с применением насилия жестоко ограбит потерпевшего кораблекрушение после отремонтирования корабля, то если это сделает свободный, его следует осудить на изгнание на 43 года, если это бедняк – то отправить на общественные работы на этот срок. Если же раб – то подобным же образом следует отправить на самые тяжелые работы в пользу казны».

ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД: СЕРЕДИНА VII – СЕРЕДИНА IX в.¹

Проблема города в «темные века» византийской истории представляет особую значимость, так как вопрос о роли города за период VII – середины IX в. является в то же время проблемой континуитета позднеимперского общества и влияния античной традиции. Анализ затрудняется исключительной бедностью источников. В источниках того времени (акты соборов, исторические произведения, агиография) и в трактате о фемах Константина Багрянородного мы встречаем большое количество названий городов, существовавших и в предшествующие, и в последующие века, часто с наименованием *κἀστρον* – крепость, но не получаем никакого представления относительно характера одних городов и укрепленных центров. Археологические материалы, безусловно, могут дать более яркие сведения, хотя и далеко не бесспорные и убедительные. То же самое можно сказать и относительно данных нумизматики. Эпиграфические памятники чрезвычайно скудны и содержат только косвенные сведения о положении города или укрепленного центра.

В основном сущность проблемы в том, возникли ли средневековые города Византии в результате внутреннего развития экономики переходного времени, выделения ремесла из сельского хозяйства, или же эти города включились в процесс феодализации общественного строя уже в готовом виде, не переставая быть центрами окружающих районов в хозяйственном, социальном, политическом и идеологическом отношении.

Для VII – середины IX в. вопрос о византийских городах разрешался в исторической литературе противоречиво. Если в старинной литературе, начиная с Э. Гиббона, непрерывное существование византийских городов (изучавшихся главным образом на материалах Константинополя) представлялось несомненным, то, когда историки стали исследовать историю отдельных провинциальных городов, появилась противоположная теория – о полном упадке городов в этот период.

Так, Ф. Грегоровиус писал об Афинах: «Город (в византийскую эпоху) являлся как бы перегорелым шлаком идеальной жизни своего прошлого... “Средние века для Афин – столетия мрака”»².

---

¹ Византийский временник. 1967. Т. 27.

² Грегоровиус Ф. История города Афины и средние века. СПб., 1900. С. 28.

Особенно распространенной эта теория стала с тех пор, как известный историк византийской литературы Карл Крумбахер назвал период с середины VII до середины IX столетия «темными веками».

Однако в то же время ни один из историков не мог отрицать, что в источниках всех периодов византийской истории говорится о множестве городов, что именно повествуя о времени, близком к периоду «темных веков», Константин Багрянородный (как бы ни толковали этот факт) называл города, которые существовали и на рубеже V–VI вв., но только он перечислял их в ином порядке, в соответствии с новой фемной системой административного устройства империи. Нельзя отрицать также наличия определенной степени развития товарного производства в Византии интересующего нас времени; очевидно также ее превосходство в культурном отношении над западными странами того периода.

В советской литературе проблема города в VII–IX вв. вызвала особый интерес, поскольку она связана с вопросом о времени и характере перехода Византии от рабовладельческого строя к феодальному. Е. Э. Липшиц и М. Я. Сюзюмов отстаивают тезис о непрерывности существования городов в Византии, тогда как А. П. Каждан последовательно придерживается мнения о полном уничтожении византийских городов в VII – середине IX в. и о последующем возникновении их вновь в X–XII вв. в результате выделения ремесла из сельскохозяйственного производства деревни.

В современной зарубежной литературе по данной проблеме также существуют противоречивые точки зрения. Если западногерманский историк Э. Кирстен в своем докладе на XI Международном конгрессе византистов в Мюнхене проводил теорию полного отмирания античного города в «темные века»³, то югославский византист Г. Острогорский, американец Р. Лопец, наоборот, настаивают на непрерывности существования византийского города.

В целом можно считать, что большинство современных историков признают процесс дезурбанизации Византии в середине VII в., а некоторые даже говорят о совершенном исчезновении в этот период византийских провинциальных городов как производственно-торговых центров⁴.

Проблема византийского города VII – середины IX в. осложняется различным содержанием, вкладываемым разными исследователями в само понятие «город» в переходный период. Дело в том, что в интересующую нас переход-

³ Kirsten E. Die byzantinische Stadt // Berichte zum XI. Internationalen byzantinischen-Kongress. München, 1960. S. 27.

⁴ Zakythinos D. A. Le despotat grec de Morée. T. 2. Athènes, 1953. P. 142; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63. С. 301; Талис Д. Л. Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья // ВВ. 1961. Т. 18. С. 61; Charanis P. The Significance of Coins // Historia. 1955. Т. 4, Nr 2/3. P. 169.

ную эпоху некоторые экономические и политические институты, характерные для античного города, отмирают, тогда как новые институты, свойственные средневековому городу, еще не оформились, поэтому определение понятия «город» оказывается весьма сложным. Однако если характерные для античного города черты уже исчезли, основные качества средневекового города еще не сформировались, значит ли это, что в переходное время город как таковой перестал существовать? Люди переходного времени пользовались термином «город» – πόλις, и историк обязан выяснить, каковы те хозяйственные, социальные и политические особенности, благодаря которым отдельные населенные пункты назывались «городами». В странах, где процессы феодализации развивались на базе разложившегося рабовладельческого строя, там, где не прерывался континуитет государственной власти и традиции управления страной, город в противоположность деревне не мог не иметь особого значения в выполнении хозяйственных, социальных и политических функций государства. О византийском городе нельзя судить по аналогии с западноевропейскими городами, где феодальное государство развивалось на базе разлагающегося родоплеменного общества и где прежний государственный аппарат был полностью разрушен. При наличии континуитета государственной власти юридический статус города не может быть оставлен без внимания при определении понятия «город» для переходного времени. Юридический статус города не обязательно подразумевал некоторые права самоуправления по типу античного или средневекового города. Достаточно было признания со стороны центральной власти данного населенного пункта «городом», что, безусловно, было связано с выполнением в этом населенном пункте каких-либо управленческих – государственных либо церковных – функций.

Бесспорно, в классовом обществе, где наблюдается противоречие между городом и деревней, хозяйственная роль города как центра товарно-производственных отношений была доминирующей, тем не менее не следует сводить его общественное значение исключительно к выполнению им определенных экономических функций и отрывать экономическую роль города от административно-политической. Осуществление через посредство населенного пункта таких функций, как военно-оборонительные, церковно-управленческие, административные и финансовые, хотя и является основным признаком города, однако в обществе, где существует более или менее централизованный церковный и государственный аппарат, нельзя представить себе выполнение этих функций вне связи с хозяйством данного поселения.

Осуществление через определенные населенные пункты централизованного управления со стороны государства или церкви, несомненно, стимулировало концентрацию здесь товарно-производственных отношений. Наоборот, наличие удобных для товарных отношений поселений приводило к перераспреде-

лению в них государственного административного аппарата и созданию автономного церковного управления.

Нет никаких оснований также отрывать понятие военного укрепления от хозяйственного значения населенного пункта. В обстановке постоянной военной опасности ни один город не мог существовать без солидных укреплений и, напротив, ни один крупный военный центр не мог обходиться без соответствующего развития экономики. Поэтому в терминологии источников VII – середины IX в. наименования «кастрон» и «полис» переплетаются⁵. Суть проблемы византийского города VII–IX вв. не в том, можно ли называть городами населенные пункты того времени, исходя из современного понятия города, а в том, какие функции выполняли тогда населенные пункты, называвшиеся городами.

Общий хозяйственный упадок городов в Византии, начиная с первой четверти VII в., несомненен.

Если говорить о городе как производственно-товарном центре, то наиболее ярким показателем упадка является резкое уменьшение количества монет с середины VII до середины IX в., находимых при раскопках территории византийских городов. Так, при раскопках в Коринфе было обнаружено монет:

	Всего	На 1 год
От Анастасия до Фоки (492–610)	114	Около 10
От Ираклия до Константина II (610–668)	111	Около 2
От Константина IV до Никифора I (668–811)	19	Около 0,13
От Михаила I до Михаила III (811–867)	194	Около 3,5
При Василии I (867–886)	315	Около 11,5
От Льва VI до Никифора II (886–969)	3450	Свыше 415 ⁶

Примерно таково же соотношение различных монет, хранящихся в коллекциях в музеях.

⁵ В западноевропейской историографии нет общепринятого определения города. Определение Армака Кювийэ (*Cuvillier A. Manuel de Sociologie. P., 1950. P. 357 sq.*): «город – поселок, где земледелие перестает быть единственным видом производственной деятельности», – слишком широко. По Ф. Дельгеру, епископский центр, или местопребывание административного органа, обозначался словом «полис», а местопребывание гарнизона и военного командования – «кастрон». Ф. Дельгер приводит примеры массового смещения понятий «кастрон», «полис», «хорион», «полисма» (*Dölger E. Die byzantinische und byzantinisch beeinflusste Stadt // Παράσπορά. Ettal, 1961. S. 114*). Дельгер рассматривает сущность города только с внешней стороны: наличие стен (конечно, это важный признак города в то время), ипподром, партии цирка. Но мы не можем проследить на материале VII–VIII вв. в городах провинций такие ипподромы, хотя по материалам раскопок они продолжали существовать. К важным признакам города Дельгер относит также наличие гавани и ремесленных кварталов (*Ibid. P. 115*).

⁶ **Каждан А. П.** Византийские города в VII–IX вв. // СА. 1954. Т. 21. С. 166, 171.

Чеканка монет в отдельных городах в VIII в. прекратилась. В частности, в Херсонесе перестали чеканить монету уже с начала VII в.⁷ Монет VIII в. там вообще почти не найдено, тогда как монеты VI, X, XI вв. встречаются в большом количестве. Так же обстоит дело и с находками монет за пределами Византии⁸. Создается впечатление, что связи Византии с западноевропейскими странами и Восточной Европой в этот период прервались и возобновились только в X в.⁹

Археологические раскопки ряда городов свидетельствуют о почти полном отсутствии следов культурных слоев периода середины VII – середины IX в. (особенно в Херсонесе)¹⁰. Каменное строительство, как показывают археологические изыскания, в этот период было незначительным (можно говорить только о строительстве в Фессалонике, Коринфе, Афинах, особенно в Константинополе при Феофиле). Письменные источники тоже говорят об упадке городов. Неоднократно встречаются сведения об их полном разрушении. Так, Феофаном сообщается, что город Тиана разрушен арабами, жители «покинули город, оставили его пустым, каким он остается и до настоящего времени».

Папа Мартин, сосланный в Херсонес, пишет в своих письмах в 655 г. о полной нищете в Херсонесе: «Хлеб известен только по имени», а Анастасий Библиотекарь про Херсонес 60-х гг. IX в. писал, что «город совершенно обезлюдел. храм в развалинах...»

Арабский географ IX–X вв. Ибн-Хордабех упомянул только шесть городов в Малой Азии: Эфес, Никею, Анкару, Аморий, Самалу и Никомидию, которая, по его сообщениям, тогда находилась в развалинах¹¹.

Значительно уменьшилось население городов. Даже в относительно крупных городах, таких, например, как Смирна, городская территория значительно

⁷ **Якобсон А. Л.** Раннесредневековый Херсонес. С. 33. Находки монет в северо-восточной части Херсонеса: V–VII вв. – 421 шт.; IX в. – 318 шт.; VIII в. – монеты отсутствуют; X в. – 1082 шт.

Ту же картину рисуют находки монет в Пергаме, Сардах, в малоазиатских кладах (см.: **Каждан А. П.** Византийские города... С. 171).

⁸ Необходимо отметить, что решающим доводом для признания хозяйственного упадка является не количество монет, находимых в забытых кладах (см.: **Соколова И. В.** Клады византийских монет как исторический источник // ВВ. 1959. Т. 15), а количество монет, найденных при раскопках городских районов.

⁹ **Каждан А. П.** Византийские города... С. 169.

¹⁰ То же самое можно сказать и о других городах (см. о Пергаме: **Gelzer H.** Pergamon unter Byzantiner und Osmanen // Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. 1903; о Смирне: **Neumann R.** Selahattin – Kantar: Die Agora von Smyrna. Klein Asien und Byzanz. B., 1950; об Афинах: **Thompson M.** The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Princeton, 1954; о Пелопоннесе: **Bon A.** Le problème slave dans le Peloponnèse à la lumière de l'archéologie // Byz. 1950. Т. 20; о Сардах: **Bell H. W.** Sardis: Publications of the American Society of the Excavation of Sardis, XI. Leiden, 1916).

¹¹ **Gelzer H.** Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899. S. 82–84.

сократилась, большая часть площади оставалась незаселенной. Сильно убыло население и в Константинополе; особенно заметное уменьшение произошло в 715 г., когда перед осадой столицы арабами из Константинополя были выселены жители, которые не могли приобрести запасы продовольствия на 3 года. Население сократилось также в результате последующих эпидемий¹². Более 100 лет жители Константинополя оставались без водопровода, разрушенного аварами в 626 г. и восстановленного только в 766 г. Следы разрушенного водопровода имеются и в Афинах¹³.

В источниках того времени вместо термина «полис» – город появляется название «кастрон» – укрепленное место, крепость. Все вышеназванные факты в совокупности с данными о несомненном упадке цивилизации, оскудении историографии, упадке юриспруденции дают полное представление о «темных веках».

Византийская культура была в основном городской культурой, поэтому с упадком античных городов неотвратимым явился и упадок культуры в целом.

Относительно причин и обстоятельств упадка городов в историографии было выдвинуто несколько теорий. Ростовцов и Рамзей считали, что упадок городов происходил еще до падения Западной Римской империи. По мнению Рамзея¹⁴, в связи с изменением торговых путей в IV–V вв. ряд городов потерял свое экономическое значение. Однако в отношении византийских городов это положение не подтвердилось дальнейшими исследованиями. Несмотря на страшные разрушения и опустошения, причиненные нашествием варварских племен, несмотря на налоговый гнет, заставлявший население, по словам оппозиционных авторов, бежать из пределов Византии, нет оснований констатировать, что в V–VI вв. происходили процессы отмирания и вообще упадка городов. Надписи, археологические изыскания говорят скорее о процессе урбанизации в этот период, чем о дезурбанизации.

Город этого периода, по терминологии Д. Закифиноса – «протовизантийский город», существовал, согласно его периодизации, до середины VII в. (324–642 гг.). С падением «протовизантийского города» начинается рождение и медленное развитие средневизантийского города в «темные века». Этот период, по Закифиносу, продолжался до 961 г., т. е. до отвоевания византийцами острова Крита¹⁵.

¹² Teall J. L. The Grain Supply of the Byzantine Empire: 330–1025 // DOP. 1959. Vol. 13. P. 100, 104–105, 108; Lopez R. S. East and West in the Early Middle Ages: Economic Relations // Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. 1955 (Firenze). Vol. 3; Theophanis. Chronographis / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883. T. 3. P. 384.7.

¹³ Theoph. Chronog. P. 440.17.

¹⁴ Ramsay W. M. The Cities and Bishoprics of Phrygia. Oxford, 1895–1897.

¹⁵ Zakythinos D. A. Korreferat zu E. Kirsten. Die byzantinische Stadt // Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress. 1958. S. 48.

Теория перерыва в истории византийского города в советской историографии разделяется А. П. Кажданом. Согласно этой теории, в VII в. византийский город в основном перестал существовать, и рождение нового города на месте старинного является после двухвекового перерыва делом последующего времени¹⁶.

Причины упадка византийских городов разные исследователи объясняли различными факторами экономического развития VI–VII вв. М. Ломбар связывает дезурбанизацию с сокращением денежного обращения в результате оттока золота на восток и в варварские страны¹⁷. Известна также попытка объяснить упадок городов постепенным уменьшением политического влияния горожан в связи с ростом крупного землевладения¹⁸.

В качестве общих причин приводятся последствия внешних нашествий, особенно арабов: депопуляция местностей, островов, перемещение населения, изменение образа жизни, опасности мореплавания вследствие появления на море арабских корсаров. В этих условиях городам трудно было сохранить свое значение экономических центров. Нашествия нарушали всю хозяйственную жизнь страны, население или уничтожалось, или отводилось в плен. Города вследствие военной опасности превращались в военные укрепления – кастра. Под влиянием передвижения славян население Балкан оставляет старинные города и бежит к Далматинскому побережью и Фессалонике¹⁹. Город становится, за немногими

---

¹⁶ Отмирание городов – явление, знакомое античному миру. В обстановке рабовладельческого общества постоянно происходило перемещение городских центров, процветание одних и упадок и даже отмирание других. Однако в истории Византии VII в. происходило не перемещение городских центров, а переход от одной формации к другой, поэтому упадок византийских городов имел совершенно иные причины. Основная причина упадка городов в Византии та же, что на Западе: переход от рабовладельческого к феодальному строю. Но нельзя считать, что полное исчезновение городов (дезурбанизация) есть закономерное и обязательное явление при переходе от рабовладельческого к феодальному обществу. Это характерно только для тех стран, где такой переход происходил в условиях полной ломки государственного аппарата при варварском завоевании. При известном континуитете государственного управления имущественные отношения продолжают охраняться частью там, где территория находится под контролем государства. Но нужно отметить, что при всяких изменениях в экономике страны отдельные центры могут захиреть, а другие – получить импульс к развитию. Это увядание отдельных центров наблюдается и при переходе от феодализма к капитализму. Всеобщего явления дезурбанизации мы не можем отметить ни для Византии, ни для Италии, ни для арабских стран, ни для Китая.

¹⁷ **Lombard M.** L'évolution urbaine pendant le haut moyen age // *Annales*. 1957. Vol. 12. P. 7–28.

¹⁸ **Hunger H.** Diskussionsbeiträge zum XI. Internationalen Byzantinistenkongress. München, 1961. S. 99 (далее: Diskussionsbeiträge).

¹⁹ Diskussionsbeiträge. S. 83–84; **Lemerle P.** Invasions et migrations dans les Balkans depuis la fin de l'époque romaine jusqu'au VIIIe siècle // *Revue historique*. 1954. Vol. 2. P. 265–308. Подобное положение наблюдается и в итальянских владениях Византии, в Сицилии, где города были объектами нападения сарацин. В Житии Ильи Молодого говорится, что население городов бежало, захватив с собой все, что могло (*Vita di san l'Elia il Giovane* / Publ. G. Rossi Taibbi. Palermo, 1962. P. 55).

исключениями, землевладельческим поселением, имеющим значение как военный, административный, церковный, но не торгово-ремесленный центр.

Э. Кирстен объясняет потерю городами своего экономического значения освобождением крестьян от зависимости в результате восстания Фоки, заселением земли славянскими поселенцами на западе и выходцами из халифата на востоке²⁰. Безусловно, возникновение новых поселений, появление пришлого элемента – славянских племен и горцев из халифата – привело к усилению элементов натурального хозяйства.

Естественным следствием упадка городов и во многих случаях полного их разрушения явилось увеличение населения деревни и укрепление ее роли в стране²¹.

Культурный упадок городов связывался в историографии и с политикой грабежа провинциальных ценностей в пользу Константинополя. Например, при постройке храма св. Софии Юстиниан приказал перевезти в Константинополь большое количество памятников искусства из городов Европы и Азии (в том числе колонны и мраморные плиты из Афин).

Нужно думать, что некоторый удар самодеятельному населению провинциальных городов был нанесен переселением в Константинополь ремесленников – или в результате эпидемий, или для проведения общественных построек (для постройки водопровода в Константинополь было переведено 1000 каменщиков и 500 гончаров из провинции)²².

Особенно повлияла на упадок культуры в городах конфискация средств, принадлежавших им. Так, согласно Прокопию²³, Юстиниан конфисковал средства, завещанные отдельными меценатами на поддержание философских школ.

К этому следует добавить теологизацию общественной мысли и вандалское уничтожение многих памятников искусства эллино-римской религии, что в свою очередь повлияло на упадок ремесел, связанных с производством художественных изделий.

Вместе с упадком античной образованности города теряли и внешний облик, характерный для античной цивилизации.

Этот несомненный общий упадок городской античной цивилизации являлся вполне закономерным явлением: падение рабовладельческого строя, безусловно, должно было сопровождаться некоторым снижением культуры в тех областях, которые наиболее были связаны с рабовладением²⁴. Тем не менее упадок городов еще не дает основания говорить о процессе дезурбанизации Византии.

---

²⁰ Kirsten E. Die byzantinische Stadt. S. 20.

²¹ Lopez R., Lemerle P. Diskussionsbeiträge. S. 93.

²² Theoph. Chronog. P. 440.

²³ Procop. Anecdota. XXVI, 5.

²⁴ Однако при конкретном рассмотрении мы не можем игнорировать результатов военных событий и считать структурными сдвигами то, что являлось, в сущности, следствием войн.

По мнению А. П. Каждана, в VII–VIII вв. настоящими городами – экономическими центрами – можно считать только Константинополь, Фессалонику, Эфес, Трапезунт, Никею и Атталию; все остальные старинные города в VII–VIII вв. превратились в деревни и только с IX в. начали снова возрождаться. Заново выделились из сельскохозяйственной округи такие центры, как Афины, Коринф, Фивы, Спарта, Олинф, Селимврия, Родосто, Адрианополь – на Балканах, а на Востоке – Авидос и Пергам. Вновь возникают в IX в. такие города, как Монеувасия, Навпакт, Никия-Кония, Амастрида, Филиппы. Сугубо административными центрами оставались Патры, Милет, Селевкия, Кесария, Феодосиополь, Анкира и Аморий.

Однако справедливо ли говорить о такой сплошной дезурбанизации в VII–VIII вв.? Действительно ли такие центры, как Афины, Селевкия, Родосто, Авидос, в VII–VIII вв. были только огороженными, защищенными стенами деревнями?

Нумизматические данные, безусловно, свидетельствуют об упадке товарно-денежных отношений, однако и в VII–VIII вв. выпускалось большое количество всех типов монет²⁵. Находки золотой монеты значительны; уменьшение находок относится только к медной разменной! Это обстоятельство заставляет предполагать, что упадок товарно-денежных отношений в VII–VIII вв. был относительным²⁶.

Археологические раскопки тоже свидетельствуют об упадке городов. Однако данные археологии недостаточны для прямолинейного заключения о дезурбанизации²⁷.

²⁵ Ostrogorsky G. Byzantine Cities in the Early Middle Ages // DOP. 1959. Vol. 13. P. 51 f. Отсутствие монет VIII в. не может свидетельствовать о полной дезурбанизации. Ведь в небольшом селении Лагбе (Памфилия) найдено много монет второй половины VIII и первой половины IX в. (см.: Каждан А. П. Византийские города... С. 172; Ostrogorsky G. Byzantine Cities... P. 12, 50). Не объясняется ли отсутствие монет тем, что раскопки производились не в тех районах города, которые в VII и VIII вв. были центрами хозяйственной жизни, а в тех местах, которые были в это время оставлены населением?

²⁶ Высказываемые иногда мнения о том, что золотая монета не является показателем развития торговли, не могут быть приняты всерьез: раздел об аргиропратах и трапезитах в «Книге Эпарха» дает наглядное представление о золотой монете на рынке. Даже продовольственные товары покупались на золотую монету (см.: Cedrenus. Historiarum compendium, II. Bonnae, 1839. P. 373.15; 374.15).

²⁷ Наиболее прямолинейные выводы о дезурбанизации делает Э. Кирстен в докладе «Die Byzantinische Stadt». Основная его цель – показать, что развитие византийских городов ничем не отличалось от западноевропейских. Хотя его доклад называется «Византийский город», однако Кирстен исключил все данные о наиболее важных византийских городах – Константинополе и Фессалонике, потому картина византийского города оказалась превратной. Выводы Кирстена покоятся на отсутствии данных и, как всякие доказательства *ex silcitiio*, не могут стать достаточно убедительными. Можно ли делать из отсутствия археологических находок в слоях VIII–IX вв. вывод о замирании жизни в городах того времени? Ведь сам Кирстен говорит о массовом перемещении городов в условиях военной опасности в более безопасные места. Например, город Колоссы исчез, и, если бы мы не знали, что жители переехали на новое место – за 4 км от Колосса, то поверили бы археологическим данным о полном исчезновении этого города в VII–VIII вв.

Письменные источники не могут дать картины столь широкого исчезновения городов, к тому же сведения их довольно туманны и часто противоречивы. Как говорилось выше, географ Хордадбех писал о наличии в Малой Азии только шести городов. Однако неясно:

1) что подразумевал Ибн-Хордадбех под городами (но понимал ли он город в значении *μεγαλόπολις*)²⁸;

2) намеревался ли Хордадбех вообще дать исчерпывающий список городов, почему он умолчал о Трапезунте и Смирне?

Пленный араб Ибн-Яхья, по Острогорскому, в 913 г. писал, что он по пути в Константинополь встретил только один большой и один малый город. В то же время он сообщал о числе сел. Но что понимал Ибн-Яхья под «селом»?

Безусловно, ряд городов в результате вражеских нашествий, ужасающих опустошений и увода в плен ремесленного населения мог на некоторое время превратиться в деревни. Относительно города Тианы, например, засвидетельствовано, что в 709 г. после арабского налета город опустел «до сего времени», но через 30 лет арабы вновь подступили к Тиане и пленили множество людей²⁹. Больше всего влияние вражеских нашествий ощущалось в районах Пелопоннеса, Фессалии и Македонии, где только к концу VIII в. византийцы смогли восстановить свою власть³⁰. Но как только города вновь попадали под контроль византийского государства, они восстанавливались при содействии императорской власти. Так, Ирина восстановила Анхиал. Вновь была отстроена Верея (под именем Иринополя). Восстановление разрушенных стен квалифицируются в надписях как восстановление города (Селимврия, Никея).

В условиях почти перманентной войны, как на Балканах, так и в Малой Азии, только защищенные могучими стенами населенные пункты могли становиться центрами хозяйственной деятельности, ремесла и торговли.

В период республики и ранней Римской империи завоеватели – римляне, боявшиеся, чтобы города не стали центрами сопротивления, препятствовали созданию вокруг них солидных укреплений и стремились, чтобы города развивались на равнинах. Позднее, с IV в., а в Малой Азии с VII–IX вв. военная опасность стала, наоборот, требовать возведения городских укреплений на труднодоступных возвышенностях. Население вынуждено было уйти с равнины³¹.

---

²⁸ Вопрос о терминологии Ибн-Хордадбега спорен (см.: *Ostrogorsky G. Byzantine Cities...* P. 62). У Хордадбега имеется большое число упоминаний о «военных укреплениях» (в переводе de Goeje), но что представляли они, неясно. Если византийцы часто смешивали термины «*πόλις*» и «*κάστρον*», то нет никаких гарантий, что арабский путешественник употреблял слово «город» в том смысле, в каком его понимают историки-марксисты.

²⁹ *Theoph. Chronog.* P. 411–19.

³⁰ *Bon A. Le Peloponnèse byzantin jusqu'en 1204.* P., 1951. P. 39 sq., 103 sq.

³¹ *Kirsten E. Die byzantinische Stadt.* S. 28.

Бывшие же места равнинных городов превращались в пустыни, степи или же заболачивались, как это происходило в Италии.

В некоторых случаях отдельные части городов оставались населением. Города замыкались на узких участках, защищенных укреплениями. Так было почти во всех городах того времени. Раскопки в Афинах, Коринфе, Милете, Пергаме, Эфесе, Никее подтверждают это. Анастасий Библиотекарь передал уже приводившееся сообщение Кирилла, что часть Херсонеса в середине IX в. совсем опустела, храм находился в развалинах³².

Разумеется, такие перемещения населения, опустение отдельных районов были связаны с упадком городской экономики, но это вовсе не является свидетельством превращения города в деревню³³.

При разрешении вопроса о существовании города в Византии нельзя строить выводы, исходя из отсутствия прямых данных о производственном значении города. Необходимо учитывать все имеющиеся сведения о товарном обращении в Византии в то время. Весьма серьезный недостаток теории дезурбанизации заключается в том, что недостаточное значение придается существованию Константинополя и *μεγαλόπολεις*, которые оказывали большое влияние на периферию в распространении товарного производства и обращения.

Имеются косвенные данные о положении городов. Особенно интересны каноны пято-шестого церковного собора 691 г., т. е. периода уже после того разгрома, который претерпела Византия в VII в., в наиболее «темное время» своей истории – правление Юстиниана II. Каноны относятся главным образом к провинциальным церквям, которые требовали наладить дисциплину среди церковников. В канонах изображается бойкая городская жизнь. 65-й канон свидетельствует, что в городах были эргастерии: около них в дни новолуний возжигались по языческим обрядам костры; вряд ли эти обряды совершались в Константинополе, – имеются в виду провинциальные города. 76-м канонам запрещалось устраивать лавки с различными товарами в ограде церквей; 68-й упоминает об эргастериях мироваров, книгопродавцов; клирикам не разрешалось иметь *καπηλικὸν ἐργαστήριον* – таверны (канон 9-й). Епископу или священ-

³² Лавров П. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности // Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып. 2. С. 141. В письме дается объяснение упадка Херсонеса: город находился под страхом осады со стороны соседей, жители во главе с епископом фактически были как бы в тюрьме и не могли выходить за пределы города.

³³ В связи с перемещением горожан в другие районы происходило переименование городов (Эпидавр – Рагуза, Колоссы – Хоны, Потидея – Вероя, Аргос Фессалийский – Ларисса, Кромна – Амастрида). Пригородные районы, заселенные славянами, становились центром города, и славянские названия заменяли старые: например, Сингидун – Белград, Эдесса – Водена, Никополь – Струмица, Додона – Вондица, Сердика – Триадница. О некоторых переименованиях свидетельствуют византийские авторы. См., напр.: *Constantini Porphyrogeniti. De thematibus*. Bonnae, 1840. P. 280–281.

нику строго запрещалось взимать проценты (канон 10-й). В канонах говорится о еврейском населении в городах, о том, что они принимают христианство, чтобы получить право продавать и рабов. Правило 34 запрещает клирикам и монахам организовывать противозаконные сборища и устраивать заговоры – *φράτρια*: речь идет, очевидно, о городских движениях против господствующей церкви или правительственных властей в городах. Говорится о роскошных платьях, которые одевали женщины перед вступлением в монастыри. Можно считать, что церковные иерархи, определяя нормы поведения клира и светских людей того времени, исходили из образа жизни в городах, а не в деревне.

Теория дезурбанизации Византии аргументируется не столько фактом исчезновения городов, сколько их аграризацией. Действительно, в источниках всякий раз, когда описывается богатство городов, содержатся упоминания только о виноградниках, оливковых рощах, обилии скота и прочих сельскохозяйственных благах. О ремесленном производстве обычно не говорится; исключением является описание Фессалоники у Камениаты³⁴. Однако наличие богатых пригородных хозяйств, виноградников, огородов, оливковых рощ вовсе не говорит об аграризации города: такие сельскохозяйственные пригороды имели и крупнейшие производственные центры не только в средние века, но даже в новое время.

Горожане Константинополя и Фессалоник, не смотря на ярко выраженный характер городов как производственных центров, имели пригородные хозяйства. В VII в. площадь городских владений сокращается, они сосредоточиваются вокруг внутренних укреплений, как бы возвращаясь к типу городских поселений архаических времен. Вокруг них находились земли, которые использовались в качестве сельскохозяйственных участков, а также виноградники или пригородные сады.

Таким образом, в период VII – середины IX в. можно констатировать сильную степень аграризации товарного производства в городах. С разложением рабовладельческого строя, с сокращением размеров прибавочного продукта, сосредоточенного главным образом в руках господствующего класса, уменьшилась платежеспособность, а следовательно, сократился спрос на предметы роскоши (дорогие ткани, парфюмерию, ювелирные изделия, стекло), соответственно значительно сократилось и товарное производство, которое ограничилось в основном производством продовольственных, т. е. сельскохозяйственных, товаров. Однако подобную аграризацию нельзя считать дезурбанизацией. И из факта, что историки того времени, описывая богатства города, упоминают только о виноградниках и скоте, не следует делать вывод, что речь идет о деревне и что «ремесло еще не отделилось от сельского хозяйства».

Нельзя при определении населенного пункта как города исходить только из наличия в нем развитого ремесленного производства, как это делает А. П. Каж-

³⁴ *Ioannis Cameniatae. De excidio Thessalonicensi. Bonnae, 1938. Саш. 9–10.*

дан в своей статье о византийском городе. Мы не имеем права модернизировать понятие «город», сводя его исключительно к понятию экономического центра товарного производства (по аналогии с более поздней спецификой городов позднефеодального и капиталистического времени).

Основная масса предметов товарного производства в раннем средневековье, как и в античное время, состояла не из изделий ремесла, а из продовольственных товаров. Не обувь и ткани, не парфюмерия и предметы ювелирного искусства, а вино, мясо, оливковое масло, рыба, мед, хлеб были основными товарами в раннем средневековье. И потому совершенно понятно, что, когда современники говорят о богатстве какого-либо города, они молчат о сапожниках и ткачах, но говорят об обилии в пригородных районах виноградников, скота, оливковых рощ, садов, огородов и хозяйств, доставляющих вино, пшеницу, мясо, мед и воск. Можно сказать, что все известия о любом городе ранневизантийского и средневизантийского периода заключали сведения о том, что жители городов возделывали поля и виноградники, что реки и заливы изобиловали рыбой, и что близ городов было множество садов и огородов. Товарное производство продовольственных и прочих сельскохозяйственных товаров в раннем средневековье делало город производственным центром в рамках простого товарного производства. Разумеется, виноградники вокруг городов, сады, огороды, оливковые рощи и пчельники не были натуральными хозяйствами: этим города и отличались от деревни, где торговали только «излишками» продуктов натурального хозяйства. Показательно в этой связи исключительно влиятельное положение, занимаемое в Константинополе в VI в. коллегией садоводов – κηπουρῶν³⁵.

Наличие пригородного сельскохозяйственного района, вовлеченного в товарное производство, является самой характерной чертой средневекового города как экономического центра. При этом необходимо иметь в виду, что земли в пригородном районе в основном принадлежали жившим в городе землевладельцам³⁶.

Не только городская знать, но и широкие массы городского населения имели в пригородах свои собственные или арендованные участки, виноградники, оливковые рощи, сады, ульи, огороды. Ни хозяева, ни арендаторы, как правило, не жили на своих пригородных участках, которые обрабатывались или рабами, или наемными работниками-мистиями.

³⁵ Nov. Just. 64.

³⁶ В письмах Феодора Студита, которые являются ярким документом эпохи, часто рассказывается о том, как Студит во время преследований скрывался в пригородных владениях – проастиях константинопольской знати; его дружелюбно принимали в проастиях Прузы (см.: Творения Феодора Студита. СПб., 1908. Ч. 2. С. 647, 651). Тарасий имел солидные проастии в районе близ монастыря св. Маманта (*Theoph. Chronog.* P. 500; *Pseudo-Codinus* / Ed. Preger. *Scriptores originum Constantinopolitanarum*. Vol. 3. Lipsiae, 1907. P. 266).

Патриарх Никифор в «Бревиарии» сообщает, что, когда в 641 г. сторонники Константа стали опустошать пригородные виноградники жителей Константинополя, население столицы взбунтовалось против императрицы Мартины и ее сына и заставило признать императором Константа.

Пригородные земельные участки назывались проаствиями (предградье). Несколько позднее (с VIII в.) это название распространилось на всякое имение, в котором не жил сам землевладелец (предполагается, что хозяин участка жил в городе). В инструкции по податному обложению говорится: «проастии... отличаются тем, что в них не живут сами хозяева, но проживают рабы, мистии и подобные»³⁷.

Пригородные земельные участки, вовлеченные в товарное производство, имели наиболее высокую стоимость и, нужно думать, поэтому иконоборцы во время правления Константина V особенно охотно конфисковывали земли пригородных монастырей, например, Хора у Константинополя³⁸.

Пригородные участки составляли основное богатство константинопольской знати; приобретая пригородные имения, служилые люди тем самым включались в состав городской знати. Пригородные районы во время междоусобных войн и нашествий врагов оказывались беззащитными³⁹. Жители городов оставляли свои участки, скрываясь за стенами города. Пригородные хозяйства жестоко опустошались, но затем сравнительно быстро восстанавливались⁴⁰.

Вдоль константинопольской Длинной стены пасли стада скота императора и вельмож, откуда они приводились в Константинополь и продавались на форуме Тавра⁴¹.

Примечательно, что в VIII–IX вв. в предместьях городов создавались целые группы монастырей, получивших большую славу (особенно вокруг Константинополя, около Прусы, у Смирны, Апамеи, Никеи, Эфеса).

Пригородные монастыри часто не являлись ни церковными, ни самостоятельными монастырскими владениями, но были собственностью городской знати. В VIII и в начале IX в. распространяется ктиторское землевладение: знат-

³⁷ Dölger F. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. München, 1927. S. 115.

³⁸ Земли монастыря Хора были конфискованы иконоборцами, но при Михаиле III и Феодоре вновь возвращены монастырю (Юпарев X. Греческие жития святых VIII и IX вв. Пг., 1914. С. 222). Монастыри вокруг Эфеса также были разгромлены Михаилом Лахондраконом (Theoph. Chronog. P. 445, 2–8).

³⁹ «Все за пределами города, даже сама почва, поражается» (Miracula St. Demetrii // PG. T. 116. Cap. VIII, 65).

⁴⁰ Когда Маслама в 716–717 гг. осаждал Константинополь, Фракийский пригородный район был сильно опустошен в результате гражданской войны («Теперь же, – прибавлял аль-Вакида, – этот район густо населен»). Brooks E. W. The Campaign of 716–718 from arabic sources // JHS. 1899. T. 19. P. 23.

⁴¹ Teall L. J. The Grain Supply... P. 105; Brooks E. W. Arabic Lists of the Byzantine Themes // JHS. 1901. Vol. 21. P. 72 f.

ные горожане принимают монашество, но живут в проастиии, обращенном в монастырь. Феодор Студит резко выступал против такого обычая. Он писал своему приятелю, который решил таким образом преобразовать свое владение в собственный монастырь: «Или отдай владение полностью... или живи дома мирянином и спасайся скромною жизнью и не оправдывайся нынешними примерами»⁴².

Пригородный монастырь стал видом собственности городской знати⁴³. Выгоды ктитора заключались в привилегиях, свойственных статусу монастыря, и в возможностях получения особых доходов, связанных с культом и т. п.

В пригородных монастырях для иностранных и иногородних купцов устраивались особые гостинные дворы – «подворья». В Константинополе для купцов, приезжавших из Палестины, имел подворье монастырь Хора, для русских купцов – монастырь св. Маманты, расположенный несколько севернее Константинополя, на побережье Босфора⁴⁴.

В предместьях Константинополя, как свидетельствует «Книга Эпарха» (VI, 16), жили также еврейские ремесленники. В пригородные районы включались и деревни – свободные общины. Будучи вовлеченными в товарное производство, они теряли характер деревни и превращались в небольшие пригородные селения, называемые *πολύχνη*, например, против Амастриды – Кромны⁴⁵.

Большое число разных названий населенных пунктов на территории между стеной Феодосия и стеной Анастасия свидетельствует о высокой плотности населения пригородных районов. В источниках постоянно говорится о большом количестве пленных из пригородных районов, которых враги уводили во время осады городов.

Пригородный район крупных городов был центром противоречий между товарным хозяйством, обслуживавшим город, и возникавшими феодальными институтами, поэтому тесные связи города с пригородными хозяйствами приводили к тому, что широкие движения в городе подчас сливались с движениями, выражавшими недовольство деревни. И наоборот, движения в деревне нередко находили отклики в движениях горожан⁴⁶. Пригородные районы Константинополя были опорным центром Фомы Славянина во время народного восстания 820–824 гг.

Экономическое значение города заключалось не только в его ремесленном производстве и в пригородах, вовлеченных в товарное хозяйство, но также

⁴² Творения Федора Студита. Ч. 2. С. 541.

⁴³ **Zhischman I.** Das Stifterrecht in der morgenländischen Kirche. Wien, 1888.

⁴⁴ Первые сведения о русских купцах в подворье св. Маманта относятся к началу X в., но можно думать, что купцы, совершавшие поездки по великому пути «из варяг в греки», и раньше останавливались на этом подворье.

⁴⁵ Житие Георгия Амастридского // **Васильевский В. Г.** Труды. СПб., 1915. Т. 3. С. 5, 10.

⁴⁶ **Сюзюмов М. Я.** Экономика пригородов византийских крупных городов // ВВ. 1956. Т. 11.

и в распространении влияния товарного обращения на натурально-хозяйственную деревню. Город выполнял функции центра товарного производства, втягивая в товарное обращение известную часть продукта труда населения деревни, ведущего в основном натуральное хозяйство. Этот процесс обращения части продукта натурального хозяйства в товар (продажа так называемых излишков) осуществлялся разными методами. В зависимости от специфики этих методов или, вернее, от преобладания одного из них можно было бы выделить несколько типов городов. В VII–IX вв., когда еще не окрепли сеньориальные формы эксплуатации, центрами угнетения населения были не замки и поместья, как в развитом феодальном обществе, а города – средоточие фискального гнета, осуществляющегося через государственные учреждения, и церковной эксплуатации, а также эксплуатации через торговые операции. В зависимости от преобладания в данном городе того или иного типа эксплуатации следует различать города – административно-фискальные и судебные центры, города – чисто военные центры, центры церковные и епископские и, наконец, города торговые, транзитные пункты морской и сухопутной торговли. Разумеется, наиболее крупные города, такие, как Константинополь, Фессалоника, Эфес, были одновременно и административными, и военными, и церковными, и в то же время производственными и торговыми центрами внутренней и внешней торговли – городами-эмпориями (приморские города-гавани на путях морской торговли и торговые города на путях сухопутной торговли).

Византийские города V–VI вв. находились в руках урбанизированной провинциальной рабовладельческой знати, имевшей крупные земельные владения и постоянно проживавшей в городах. С разгромом крупного рабовладельческого землевладения, когда свободная крестьянская община стала преобладающей, характер города изменился. Города стали существовать как центры рабовладельческой эксплуатации и превратились в опорные пункты централизованной эксплуатации через новую систему. Прежнее административное деление в VII в. постепенно отмирало. С появлением крупных военных округов – фем (Опсикий, Анатолик, Армениак, Кивероетов, Фракия, Сицилия) роль главных городов провинций уменьшилась, хотя до конца VII в. в гражданских и церковных делах продолжало учитываться прежнее административное деление на провинции. К началу VIII в. фемное устройство из чисто военного превращается в военно-административное, и административно-фискальные права главных городов провинций переходят к фемному командованию. В условиях неустойчивости границ вопросы военной безопасности становятся основными. По традиции за провинциальными городами сохранялось только преимущество в делах церковного управления.

В источниках VIII–IX вв. наряду с названием «полис» – город все чаще стало попадаться наименование «кастрон» – укрепленное место, крепость. Археологические изыскания обнаружили следы военных укреплений: стены, башни,

притом возведенные, как правило, на более высоких местах. Кастрон обычно занимал сравнительно небольшую территорию, внутри которой помещались общественные здания: церковь, тюрьма; жилых помещений было немного. Вокруг укрепленного центра кольцеобразно или полукругом располагались террасами дома. Около стен или в непосредственной близости находилось место для рынка. Не все города имели укрепления: множество старинных, особенно пограничных городов были совершенно беззащитными и в условиях постоянных набегов врагов не могли продолжать свое существование как города. Во время опасности кастрон являлся убежищем для жителей округи.

В крупных торговых центрах для охраны собственности горожан, выросшей на базе эксплуатации пригородных хозяйств, строились стены вокруг всего города. В городах стоял постоянный гарнизон; сами горожане выполняли в случае опасности военные обязанности.

Во время нападений врагов, как Константинополь, так и Фессалоника, и Херсонес, спасались благодаря наличию мощных стен. В описании «Чудес святого Димитрия» рассказывается, как горожане Фессалоники отражали наступление некоторых славянских племен. Судя по данным Симеона Магистра, такие города, как Адрианополь, Родосто, Панион, также имели оборонительные сооружения. Жители запирались в крепости и защищались против врага. Окруженный стенами город представлял собой солидную крепость, поэтому в источниках, когда речь шла о военных действиях, такой город называли «кастрон»⁴⁷.

Таким образом, словом «кастрон» мог обозначаться и город в целом, и отдельное укрепление-убежище возле населенного пункта. Впрочем, в большинстве случаев, когда в источниках говорится, что императоры восстановили укрепления города, или кастра, имеются в виду только укрепления возле городов.

Кастра, которые создавались в VII – середине IX в., фактически были укреплениями при населенных пунктах, в основном в крупных городах фемного управления⁴⁸. Военный центр сам по себе не является основой для развития товарного хозяйства, но наличие такого центра было благоприятным условием для развития разных ремесел: военное командование Византии постоянно нуждалось в боевых материалах. Константин Багрянородный пишет, что европейские фемы были обязаны изготовить большое количество стрел, копий, щитов⁴⁹. Кастрон не мог обойтись без кузнецов, медников, плотников, каменщиков и т. д. В условиях более или менее развитого товарного обращения это не могло не служить стимулом к развертыванию городского ремесленного производства.

⁴⁷ Symeon Magister / Rec. I. Bekker. Bonnae, 1838. P. 614–615.

⁴⁸ Kirsten E. Die byzantinische Stadt... S. 22.

⁴⁹ Constantini Porphyrogeneti. De ceromoniis aulae Byxantinae libri duo, I. Bonnae, 1829. P. 657–658. В «Чудесах Артемия» говорится о τοξοποιός (Varia graeca sacra: Сб. неизд. богосл. текстов IV–XV веков / Изд. А. Пападопуло-Керамевс // Зап. ист.-филол. фак. имп. С.-Петербург. ун-та. 1909. Ч. 95.

Если кастрон находился на земле собственника территории и окружающий кастрон район тоже был земельной собственностью архонта этого укрепления, то, безусловно, такой кастрон являлся бы уже ни чем иным, как феодальным замком. Но такие кастра относятся к более позднему времени, хотя условия для создания центров сеньориальной эксплуатации уже создавались в этот период. Мы еще не можем для VII–IX вв. говорить об укрепленных кастра как собственности какого-либо крупного землевладельца: в то время государственная крепость еще не стала феодальным замком⁵⁰.

Однако в специфических условиях горной Армении, где центральная власть имела мало возможностей контролировать отгороженные горными хребтами селения, попадавшие полностью под власть местной родовитой знати, подобные укрепления представляли собой именно частную собственность знатного землевладельца.

Главный город фемы являлся также центром по сбору налоговых поступлений: *διοίκησις* в широком значении этого слова. Хотя налоговое обложение землевладельцев и деревни происходило независимо от принадлежности их к городской общине, однако именно город, стоявший во главе фемной территории, был проводником фискального гнета населения империи. При сохранении централизованного государства, налогового обложения невозможно игнорировать экономическое значение города – административного центра.

Нет никаких оснований также проводить аналогии между византийским и меровингским административными центрами: на Западе государственный аппарат Римской империи с ее налоговой системой был уничтожен, тогда как Византия, несмотря на нашествия, сохраняла свои государственный аппарат и налоговое обложение.

Город как административно-фискальный центр выполнял функцию превращения в товар определенной части продукта натурального по своей основной цели хозяйства. Феофан и патриарх Никифор рассказывают о том, что император Константин V добился обилия продуктов на константинопольском рынке: он стал жестоко притеснять крестьян, и в результате такой фискальной политики крестьянин для того, чтобы уплатить налоги в денежной форме, вынужден был дешево продавать продукты и скот, лишая себя необходимого. Эта политика привела к развитию товарно-денежного обращения⁵¹.

Разумеется, власть византийской администрации не везде была одинаково сильной. В ряде районов нападения арабов и славян выводили территорию из-под контроля византийской администрации, причем на Балканах это было связано с почти полным уничтожением городского строя. Однако там, где нападе-

⁵⁰ Kirsten E. Die byzantinische Stadt... S. 20.

⁵¹ Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880. P. 76; Theoph. Chronog. P. 443, 18–22.

ния племен не завершились разрушением города, несмотря на то, что пришлое население оказалось чуждым византийскому городу, оно попадало под его влияние. Племена давали городским властям заложников, платили взносы на содержание городской администрации – стратига – и, кроме того, должны были выполнять повинности государственного порядка. Окрестное славянское население Фессалоники платило подати городу (πρὸς τῇ πόλει τελούσι)⁵².

Город – военно-административный центр – был также проводником политики византинизации окрестных славянских племен, что особенно важно отнести к Фессалонике и к городам на Пелопоннесе, где этот процесс проходил хотя и медленно, но неуклонно со времени установления там византийского контроля. Естественно, что торговые отношения, в которые входили славяне с горожанами (например, славяне, поселившиеся недалеко от Фив и Димитриады, очень скоро стали вести относительно крупные торговые операции, снабжая продовольствием Фессалонику во время осады)⁵³, в значительной степени содействовали византизации славян. Укрепленный военный пункт Патры после неудачного восстания славян стал центром ужасающей эксплуатации податного населения. Именно в этот период создались такие крупные поместья, как Даниэлиды с многочисленными рабами. Политика императора Никифора I по переселению греков в города Пелопоннеса создавала устойчивую базу для процесса грецизации пелопоннесских славян.

Как и в античном обществе, в течение всего раннего средневековья Византии город являлся центром идеологического воздействия на население страны. В «темные века» роль города как церковного центра получила еще большее значение. В период вражеских нашествий, гражданских войн, когда территории выходили из-под контроля центральной власти, единственной силой, сплачивавшей византийское население, оставалась церковь с ее установившейся иерархией и веками закрепленными приемами эксплуатации. Несмотря на введение фемного деления страны и создание новых военно-административных районов, большинство городов прежних «епархий» – провинций по-прежнему оставались центрами церковных митрополий с подвластными суффрагантами, подчиненными митрополиями.

Роль города как идеологического центра в период VII–IX вв. особенно ярко сказывается в активности творчества в области канонического права. Вопросы семейного права, церковной и монастырской собственности играли важную роль в развитии византийского права, и их значение особенно ощущалось в среде городского населения и включенных в епархию⁵⁴ деревень. Особенно много

⁵² Ioannes Camtiniates. De excidio Thessalonicensi. P. 498.

⁵³ PG. T. 116, cap. 11.86.

⁵⁴ Хотя греческая транскрипция слова не дает разницы, но мы употребляем термин «епархия» в значении «провинции» диоклетиановского деления империи и «епархия» – традиционно в значении церковного района.

положений по устройству церкви внесли каноны пято-шестого Трулльского собора (691) и седьмого собора (787), а по организации монашеской жизни – монастырские уставы и сочинения Феодора Студита. Это дало возможность во второй половине IX в. окончательно отредактировать текст Номоканона («синтагмы канонов»).

В тех городах, которые отошли к болгарам и арабам, епископ оставался представителем всего гражданского христианского населения перед болгарскими и арабскими властями. Но в византийских владениях епископ, разумеется, не выполнял этой функции. Однако церковь имела все возможности осуществлять изъятие у населения деревень прибавочного продукта. Сама по себе эта эксплуатация не вовлекала натуральное хозяйство деревни в товарные отношения, однако город – местопребывание епископа и особенно митрополита – становился крупным потребляющим центром, причем потребление прибавочного продукта деревни связано было в таком городе с развитием в нем некоторых ремесел, которые неизбежно должны были появляться в крупных церковных центрах. Было бы неверным считать, что ремесленники, строители были зависимыми от церкви людьми и выполняли барщину; это были свободные люди, которые продавали свои изделия, в случае неуплаты могли обратиться и суд (в «Житии Германа» рабочие-строители даже связали святителя, когда тот не смог расплатиться за работу)⁵⁵. Как показывают сочинения Феодора Студита, у церкви в VIII в. еще не было зависимых людей (кроме рабов, которых имели отдельные монахи), и все необходимые вещи, которые не могли изготовить сами монахи, покупались на рынке. Однако епископ обладал значительными правами в отношении населения: в области семейного права, брачных отношений, клятвенарушений, борьбы с колдовством и пережитками языческих верований и обрядности. Характерно, что в Земледельческом законе нет и следа часто встречающихся в условиях деревни названных выше бытовых явлений: этими вопросами занималась не община, а церковь, и основной инстанцией для определения решения по таким бытовым вопросам являлся епископ, имевший свое местопребывание в городе, центре данной епархии. В Византии епископ мог даже сильнее воздействовать на деревню из своего города, чем на Западе. Варварские правды значительно шире по содержанию, чем Земледельческий закон, на Западе население привлекалось к ответственности общиной и за такие преступления, которые вовсе не были упомянуты в византийском законнике, фиксировавшем правоотношения в сельской общине. Организующая роль города как церковного центра в Византии несомненна. Поэтому нет оснований рассматривать церковные центры как «огороженные деревни». Необходимо учитывать также и ранг, занимаемый данным церковным центром в общей церковной иерархии. Безусловно, возвышение какого-либо населенного пункта

⁵⁵ Лопарев Х. Греческие жития святых... С. 483.

в ранг самостоятельной автокефальной архиепископии, особенно в ранг митрополии, не могло произойти без предварительного возвышения данного пункта в экономическом отношении. Содержание митрополита или автокефального епископа ложилось тяжелым бременем на население, и вряд ли бедное население небольшого аграрного местечка или небольшого военного укрепления могло справиться с подобными функциями⁵⁶.

Во всяком случае, в Византии, где каноническое право было тесно связано с гражданским, где крупнейшие политические движения представляли собой также движения церковные, роль епископских, особенно автокефальных городов в области общественных отношений была значительной.

Привилегии для города оформились как привилегии для епископа и кафедральной церкви. В VI в. высшие должностные лица провинций избирались местной знатью совместно и даже при решающей роли местного епископа⁵⁷. Епископ в Византии не мог получить такого самодовлеющего положения, как на Западе, но он был тесно связан с самоуправлением города⁵⁸.

Наиболее крупные населенные центры были митрополиями или автокефальными (зависящими только от константинопольского патриарха) архиепископиями. Митрополии складывались исторически в зависимости от административного деления империи и последующих изменений в VI–VII вв. Деление на фемы в общем не отразилось на распределении митрополий: епископские епархии по-прежнему отражали то деление империи на провинции, которое было зафиксировано по Синекдему Гиерокла. Однако, несмотря на преданность церкви традициям IV–VI вв., известные изменения в распределении церковных центров происходили, отражая сдвиги экономического и социально-политического характера.

Потеря городом своего экономического значения приводила к утрате церковного влияния. Так, известный по документам собора IV в. город провинции

⁵⁶ В качестве важнейшего источника для изучения городского строя в Византии VII–IX вв. привлекаются так называемые *Notitia episcopatum*, списки митрополий и епископатов, подписи иерархов на церковных соборах (см.: **Beck H. G.** *Kirche und Theologische Literatur im Byzantinischen Reich*. München, 1959; **Ostrogorsky G.** *Byzantine Cities...*). У некоторых историков (и в первую очередь у Э. Кирстена) имеется тенденция недооценивать значение этих источников и даже утверждать, будто бы эти списки не противоречат признанию полного исчезновения отдельных городов, превращения их в деревни. Однако это не так: если обратить внимание на подписи членов вселенских соборов VII–IX вв. то оказывается, что подписи иерархов малоазийских городов почти без изменения повторяют церковную географию IV–VI вв. Что же касается подписей балканских иерархов на соборах 692 и 787 гг., то их осталось ничтожное количество по сравнению с числом подписей от предшествующих соборов. Разрушение городов на Балканах в VII в. отразилось в епископских «нотичиях». Внимательно изучая «нотичии», мы можем проследить упадок и увядание митрополичьих городов.

⁵⁷ **Dölger F.** *Regesten der Kaisererkunden des Oströmischen Reiches*. B.; München, 1924. T. 1. S. 12.

⁵⁸ **Dölger F.** *Die frühbyzantinische Stadt...* S. 88–89.

Пафлагония Гангры, по-видимому, впоследствии потерял свое значение. Вместо него возвысилась Амастрида⁵⁹, становившаяся важным торговым центром Пафлагонии. В конце VIII в. амастридский епископ вышел из подчинения гангрского митрополита, получив автокефалию, и в первой половине X в. был возведен в ранг митрополита. Песиунт – митрополия провинции Галатии Второй – тоже потерял свое значение крупнейшего города провинции, вместо него возвысился Аморий, который в VIII в. получил автокефалию⁶⁰. Торговое значение Трапезунта быстро возрастало, и это сказалось на его церковном положении. В первой половине IX в. Трапезунт получил автокефалию, а во второй половине столетия – митрополию. По мере роста Хоны (возникшего в результате переселения жителей города Колоссы на другое место) этот город также получил автокефалию⁶¹.

Епископ, как глава церкви данной епархии, был распорядителем церковных имуществ. Каноны соборов и новеллы императоров устанавливали неотчуждаемость церковных земельных владений и в то же время требовали от епископа поддержания их доходности. Церковные земли использовались местной знатью на условиях эмфитевтной аренды. Епископский город всегда был центром эксплуатации населения, работавшего на церковных землях.

В другом положении находились монастырские хозяйства, которые в VII–VIII вв. в основном оставались еще городскими или пригородными. Согласно предписаниям монастырских уставов, эти хозяйства должны были носить замкнутый характер и иметь слабые связи с городским рынком. Монастырь, в котором игуменом был Феодор Студит, согласно его уставу, должен был превратиться в большой религиозно-трудовой коллектив с многочисленными монахами, ремесленниками всевозможных профессий. Однако планы Феодора Студита были фантастическими, превратить городской монастырь в трудовой коллектив ему не удалось. Городские монастыри независимо от их устава становились центрами эксплуатации как городского населения, так и крестьян – арендаторов

⁵⁹ В середине IX в. об Амастриде писали так: «Амастрида – око Пафлагонии, а скорее – всей вселенной! И скифы, обитающие по северной стороне Евксинского моря, и население южного его берега, стекаясь сюда, как в общее торжище, поставляют продукты своей страны и получают взамен местные товары. Этот город, лежащий посредине между Востоком и Западом, не испытывает недостатка в каком бы то ни было товаре, поставляемом морскими или сухопутными путями, обставлен великолепными зданиями и твердынею стен, снабжен лучшим портом» (PG. Т. 105. Col. 421).

⁶⁰ Аморий, по словам арабской хроники Масуди, – «глаз и основание христианства, почетнее у греков, чем Константинополь» (Васильев А. А. Византия и арабы. СПб., 1900. Ч. 1. Прил. С. 74). В «Сказаниях о 42 аморийских мучениках» (изд. В. Васильевского и П. Никитина // ЗАН. Сер. 8, Ист.-филол. отд. 1905. Т. 7, № 2. С. 13) говорится: «Второй после Константинополя город».

⁶¹ К автокефальным архиепископиям относились Амастрида, Трапезунт, Керазунт, Смирна, Селимврия, Аркадиуполь, Визия, Аморий, Апамен, Колония, Евхапта, Милет, Хоны, Николия, Аталия, Одессос, Херсонес.

монастырских земель и прочего зависимого населения. В VIII – начале IX в. при Феодоре Студите монахи, несмотря на запреты, пользовались трудом рабов.

Особого рассмотрения заслуживают приморские населенные пункты на побережье в Малой Азии и на Балканском полуострове, служившие центрами транзитной торговли, а также особо важные центры сухопутной торговли на существовавших тогда торговых дорогах. В какой мере можно назвать их городами при отсутствии данных о наличии других признаков, позволяющих считать населенный пункт городом? Имеют ли вообще данные о морской торговле значение для изучения городского строя в Византии VII–IX вв.? Вопрос осложняется тем, что относительно ряда старинных торговых античных городов греческого мира, расположенных на побережье Эгейского, Ионического и Адриатического морей, от VII–IX вв. почти не сохранилось никаких сведений, но в то же время можно считать, что они оставались греческими и не попали под власть славян или арабов. Строить какие-либо выводы о значении таких приморских центров можно только при учете данных о состоянии морской торговли в то время.

Э. Кирстен и А. П. Каждан почти игнорируют роль морской торговли в вопросе о признании населенного пункта городом. Так, например, А. П. Каждан, основываясь на lamentациях некоторых авторов об упадке Афин и на данных раскопок в некоторых районах этого города, приходит к выводу, что Афины превратились в «малонаселенную деревню», хотя тут же, вступая в очевидное противоречие, пишет: «Возможно, что афинская гавань играла известную роль и корабли поддерживали связь между Афинами и Константинополем»⁶².

Разумеется, любой византийский автор, говоря о византийских Афинах, не мог не отметить относительно ничтожество этого славного своим прошлым города. Разумеется, в период упадка целый ряд районов Афин мог быть заселенным, и центр наибольшей плотности населения города мог переместиться. Если имеются данные об упадке Афин в VIII в., то наряду с этим сохранились и сообщения о том, что Афины были морским портом, имели свою влиятельную знать и пользовались вниманием со стороны правительства в конце VIII в.⁶³

Нужно иметь в виду, что всякий приморский центр был связан с кораблестроением, а постройка кораблей предполагала наличие целого ряда ремесленных профессий и, кроме того, участие в морской торговле.

⁶² Каждан А. П. Византийские города... С. 179.

⁶³ Так же, как и Фессалоника, Афины назначались местожительством попавших в опалу членов царствующего дома и самых влиятельных лиц; и данном случае речь идет не о содержании в тюрьме, а о жизни вдали от столицы при соблюдении достойных сан условий быта (Theoph. Chronog. P. 473. 19). Всякий раз, когда сосланные на жительство в Афины репрессировались, они удалялись из города. Во время правления Ирины в Афинах возведены были некоторые постройки, что вполне понятно, поскольку этот город был родиной Ирины (см.: Каждан А. П. Византийские города... С. 178). Возможно, что в VIII в. в Афинах чеканилась собственная монета (Thompson M. Some Unpublished Bronze Money of the Early VIIIth Century // Hesperia. 1940. № 9. P. 373; Каждан А. П. Византийские города... С. 178).

Для разрешения проблемы византийского города в века упадка необходимо иметь в виду всю обстановку, которая сложилась для византийской торговли и производства после потери Египта, Сирии и Палестины, время длительных войн и полной необеспеченности сухопутной торговли.

Потеря Египта и Сирии двояко отразилась на положении византийского города: с одной стороны, прекращение эксплуатации Египта, безусловно, принесло ущерб богатству городской знати; но, с другой стороны, сократились принудительные формы торговли, связанные с выполнением государственных повинностей по транспортировке продовольственных грузов, – анноны. Это стимулировало самостоятельное предпринимательство в морской торговле. О коллегии навикуляриев больше не слышно, снабжение столицы и других городов перешло предпринимателям-горожанам, усилилась роль спекулянтов хлебом – *σιτοχάπηλοι*. В Морском законе (§ 38–39) встречаются сведения о кораблях, целиком зафрахтованных для перевозки зерна.

Потеря Египта стимулировала развитие зернового хозяйства во Фракии и Анатолии, а потеря Сирии привела к развитию шелковой промышленности в Константинополе. «Книга Эпарха» для начала X в. говорит о вполне налаженном и, следовательно, уже задолго до того времени существовавшем производстве шелковых тканей как предмете морской торговли⁶⁴.

В VII в. особенно возросла роль собственников кораблей и капитанов, ведших торговые суда с товарами. Именно тогда морская торговля стала главным источником извлечения доходов для византийской ростовщической городской знати. В житиях VII в. особенно часто встречаются упоминания о навклирах и рассказы о морской торговле⁶⁵.

Собственники кораблей, с одной стороны, и лица, финансировавшие морскую торговлю под «морские проценты», – с другой, были наиболее состоятельными людьми в период, когда существовала постоянная угроза вражеских нашествий⁶⁶. Именно тогда, судя по зафиксированным в Морском законе обычаям, установилась практика финансирования морской торговли с участием в прибылях, заимствованная впоследствии итальянцами в форме коллегаций или комменды⁶⁷.

⁶⁴ Nicole I. Λέοντος τοῦ Σοφοῦ τὸ Ἐπαρχικὸν βιβλίον. Genève, 1893. § 6–8; Lopez R. East and West... P. 72; Idem. Silk Industry in the Byzantine Empire // Speculum. 1945. T. 20.

⁶⁵ Особенно нужно отметить «Чудеса Артемия», где неоднократно говорится о ряде навклиров, собственников кораблей, а также жития Иоанна Милостивого, Стефана Нового, Нила, Луки Нового, Феодора Сикеота, Григория Декаполита, «Чудеса Димитрия».

⁶⁶ Когда Никифор I конфисковал ряд земель у мятежных аристократов, он приказал навклирам Азии в принудительном порядке покупать конфискованные земли, несмотря на то, что эти люди никогда землевладельцами не были и сельским хозяйством не интересовались (Theoph. Chronog. P. 487). Вероятно, трудно было найти свободные средства у других слоев населения.

⁶⁷ Νόμος Ναυτικός. III, § 9, 17; Ecloga Leonis et Constantini / Ed. C. E. Zachariae a Lingentha // Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum. Lipsiae, 1852. X, 5; cp.: Lopez R. S. The Role of Trade in the Economic Readjustment of Byzantium in the Seventh Century // DOP. 1959. Vol. 13. P. 80, 97.

Мы должны особо отметить, что в «темные века» города Сицилии, Калабрии и Апулии входили в состав Византийской империи и вели оживленную торговлю с такими итальянскими городами, как Бари, Амальфи⁶⁸. Только в середине IX в. захват арабскими завоевателями Сицилии и постоянные нападения на Южную Италию в значительной мере подорвали размах торговли портовых центров западного побережья Малой Азии и городов Эгейского моря. Центр торговли тогда переместился на север, в Адриатику, что благоприятно отразилось на положении далматинских городов и Венеции, хотя они в VII – середине IX в. не имели еще того значения, которого достигли впоследствии.

События конца VII – начала VIII в. говорят о сильно возросшем политическом влиянии приморских местностей. Ряд государственных переворотов происходил при активном участии моряков. В 726 г. приморские местности Греции и острова смогли снарядить большой военный флот, пытавшийся свергнуть Льва III. Только иконоборческая династия сильно понизила политическое влияние морских сил, и на первый план выступили сухопутные войска, стратеги крупнейших континентальных фем.

Ко времени «темных веков» относится Морской закон родосцев, который включает установившиеся в практике морской торговли обычаи, освещает состояние морской торговли в то время. Судя по статьям Морского закона, корабли стали более мелкими по вместимости в сравнении с кораблями египетских навикуляриев. Обеднение городской знати, с одной стороны, и усиление опасности мореплавания из-за пиратов – с другой – приводили к использованию более мелких кораблей. Это говорит также о демократизации морской торговли, о вовлечении в морское предпринимательство значительного числа менее состоятельных людей, отдельные сведения о которых содержатся в Житии Иоанна Милостивого и другой агиографической литературе того времени. Известно, что во второй половине IX в. натиск арабов усилился, острова Эгейского моря были основательно опустошены, а Крит был занят арабскими корсарами, которые создали там свое разбойничье государство. Однако до этого, в VII, VIII и первой половине IX в. острова Эгейского моря вели самую оживленную торговлю. Остров Родос, обычай которого легли в основу морского законодательства, играл видную роль и в VII–IX вв. В «Чудесах Артемия» дважды говорится о предпринимателях с Родоса. Этот остров и его главный город (тоже Родос) в VII–VIII вв. были объектами частых нападений со стороны арабских завоевателей, однако отпор населения и помощь византийского флота не давали арабам укрепиться на острове и захватить его центр⁶⁹.

⁶⁸ Schaube A. Handelsgeschichte der romanischen Völker des Mittelalters bis zum Ende der Kreuzzüge. München, 1901. P. 35.

⁶⁹ В 620 г. город Родос разрушили персы, и в 653 г. арабы на время захватили и продали металл, из которого был изваян знаменитый Родосский Колосс. В 672 г. арабы вновь заняли город,

О размахе морской торговли мы можем судить по данным Морского закона. В числе купцов были продавцы одежд, тканей, драгоценностей. Купцы вели мелкую торговлю; в Морском законе они назывались не ἔμποροι, а ἐπιβῆται, что более соответствует понятию «пассажир»⁷⁰. Там же, где говорится о провозе зерна, оливкового масла, вина (например, ст. 38 и 39), по-видимому, имеются в виду торговые операции более широкого размаха: в них участвовали крупные торговцы-владельцы продовольственных товаров, для перевозки которых требовалось нанять корабль с капитаном и командой. Можно полагать, что для снабжения городов более состоятельные купцы скупали на местах продовольствие, которое и отправляли крупными партиями в большие города.

Следует подчеркнуть также связь морской торговли с ростовщическими операциями городской знати. В статьях Морского закона уделяется большое внимание вопросам о морском проценте и о порядке выплаты долга и процентов.

Исходя из агнографических данных и Морского закона, мы можем прийти к определенному выводу, что в тяжелое для Византии время морская торговля поддерживала товарное обращение и содействовала превращению в товар продуктов натурального хозяйства. Таким образом, городские центры того времени выполняли экономическую функцию как центра, распространявшего на периферию товарное производство и обращение.

Центром морской торговли был, разумеется, Константинополь, куда доставлялись грузы, как с продовольственными товарами, так и с предметами роскоши, пряностями, шелком-сырцом. Из Константинополя в страны Западной и Восточной Европы вывозили товары не только константинопольского ремесла, но и восточного происхождения. Константинополь и в «темные века» оставался «золотым мостом» между Востоком и Западом. Однако, как это следует из «Книги Эпарха», правительство Византии вовсе не было заинтересовано в массовом вывозе и интенсивном поощрении заморской торговли. Поездки константинопольских купцов в чужие страны могли быть выгодны только отдельным торговцам, тогда как для всего прочего населения Константинополя – сановой знати, домовладельцев, ремесленников – было выгоднее, чтобы иностранные и византийские провинциальные купцы сами приезжали в Константинополь.

Из других городов-эмпориев большую роль играла Фессалоника, потреблявшая большое количество иностранных товаров, предметов роскоши, известная своей ярмаркой, а также металлообрабатывающим производством.

но в 678 г. изгнаны. Население Родоса, жившее морской торговлей, оказывало влияние на политические события. В 715 г. императорский флот собрался в Родосе, но там вспыхнуло восстание, и флот отправился в Константинополь для свержения императора. В 717 г. арабы оккупировали остров, однако не смогли там укрепиться и в 718 г. оставили его. К 807 г. относится новая безуспешная попытка арабов захватить Родос.

⁷⁰ Νόμος Ναυτιλός. III, § 34, 40.

Крупным центром морской торговли являлся и Эфес, который VIII в. славился своей ярмаркой, приносившей государству крупные доходы от торговых пошлин. Трапезунт получил значение транзитного пункта – через него товары из Месопотамии и восточной части халифата направлялись в Константинополь. Экономическое значение Трапезунта отчасти было связано и с добычей железа в окрестностях города⁷¹. К началу IX в. возвышается Амастрида, значение которой современники видели в ее торговле с Северным Причерноморьем. Крупным транзитным пунктом в торговле с Италией становится Навпакт.

В Северном Причерноморье важной гаванью, привлекавшей внимание хронистов, считался Херсонес, бывший посредническим пунктом торговли кожей и воском со странами Восточной Европы, в частности с Хазарским каганатом. Кроме того, Херсонес торговал собственной продукцией – солью и рыбой.

Смирна была важным портовым городом, центром эмигрантов, бежавших из халифата. Благодаря своему положению на море, выдвинулась как портовый город основанная в начале VII в. Монеувасия.

Особое значение приобрели также морские таможни – Кизик у входа в Геллеспонт и Авидос – на самом узком месте Геллеспонта. В этих пунктах осуществлялся контроль над морской торговлей, который имел не столько экономический, сколько политический характер, преследуя цель не допустить перехода к иностранцам секретов производства ценных изделий, а также товаров, имевших военное значение⁷².

Для континентальных городов имели особое значение узловые центры сухопутных путей. Балканы за период VII – середины IX в. представляли много трудностей для сухопутной торговли; византийская власть постепенно, после того как походы в Склавинию вернули под контроль империи юго-восточную часть Балканского полуострова, восстанавливала свои позиции в этом районе.

К концу интересующего нас периода известная со времен Римской империи *Via Egnatia*, соединявшая Константинополь и Фессалонику с побережьем Адриатики, оказалась полностью в руках Византии. Это привело к возвышению Диррахия, который имел особенно большое значение для торговли с Северной и Средней Италией.

Пути Константинополь – Ниш – Белград и Фессалоника – Ниш – Белград только частично находились под византийским контролем. Однако использование этих путей в целях торговли подтверждается как договорами с Болгарией (716), так и данными о торговом значении их в конце IX в., характеризующими торговлю на этих путях как вполне налаженную. Перемещение центра торговых связей из Константинополя в Фессалонику вызвало в конце IX в. войну с Болгарией.

⁷¹ Житие Афанасия Трапезунтского / Изд. А. Пападопуло-Керамевс // ВВ. 1906. Т. 12. С. 140.

⁷² Lopez R. S. The Role of Trade... P. 73.

Сухопутные дороги в Малой Азии получили значение уже в VIII в., когда ослаб натиск со стороны арабов. Главнейшими путями были следующие: дорога из Константинополя вдоль черноморского побережья в Трапезунт через Сангарий (у реки того же названия) и Колоний; дорога из Константинополя к Евфрату через Анкиру, которая стала приобретать значение крупного города; дорога из Константинополя вдоль средиземноморского побережья через города Никею, Аморию, Иконию (которая названа арабским путешественником крупным городом), откуда она разветвлялась на Авидос и на Атталию. Аморий в начале IX в. считался уже крупнейшим центром; только взятие города арабами в 836 г. серьезно подорвало его значение.

Сухопутная дорога вела из Трапезунта через Арце и Феодосиополь (Эрзерум) в халифат. Эта дорога имела особое значение, так как все восточные товары приходили в Византию и Северное Причерноморье главным образом через Трапезунт.

Морская и сухопутная торговля способствовала сосредоточению в городах населения, оторванного от натурального хозяйства. Моряки, об этом свидетельствует Морской закон (§ 1, 6), обычно набирались в портовых городах по вольному найму. Сухопутный транспорт требовал еще больше наемной рабочей силы, поскольку для ухода за лошадьми, ослами, верблюдами нужны были погонщики. В Византии, если судить по миниатюрам, долгое время (вплоть до XV в.) сохранялась неуклюжая упряжка, которая требовала громадного числа животных и людей (груз около 500 кг считался максимально допустимым для повозок с наиболее сильной тягой)⁷³. Кроме того, для сухопутного транспорта требовалась охрана. Все, кто принимал участие в транспортировке грузов морским либо сухопутным путем фактически принадлежали к городскому населению, поскольку получали необходимое содержание из ресурсов городского товарного хозяйства.

Своеобразной была экономика Прузы (Бруссы). Основой городского хозяйства служили теплые минеральные воды. Это был город-курорт, куда съезжались для лечения византийские знатные лица. Туда, будто бы для лечения, прибыл Константин VI. Предместья Прузы состояли из подгородных имений – нечто вроде современных дач. Феодор Студит очень расхваливал одно из таких имений, в котором он останавливался⁷⁴. Он писал, что жители города и окрестностей покупали, отправляли и принимали грузы⁷⁵.

Анализ общественных отношений VII – середины IX в., как производственных, так и торговых, административно-фискальных и церковных, позволяет сде-

⁷³ Lefebvre des Noëttes. La système d'attelage du cheval du boeuf à Byzance // Mélanges Ch. Diehl. P., 1930. Т. 1. Р. 183–190.

⁷⁴ Творения Федора Студита. Ч. 2. С. 647.

⁷⁵ Там же. С. 787.

лать вывод о широком распространении товарно-денежного хозяйства в «темные века» византийской истории. Небольшое количество находок монет того времени говорит об относительном упадке городов, о перемещении в города центров хозяйственной деятельности, но не о полном отмирании городской жизни.

Мы должны отметить, что число различных типов чеканенной монеты императоров конца VII–VIII в. и первой половины IX в. ничуть не уступает числу типов монеты, выпущенной императорами IV–VI вв. В «темные века» выпускались разные типы номисм, а также семиссиев и тримиссиев, серебряных милиарисиев и медной монеты. Это, безусловно, было результатом более или менее развитого товарного обращения. Товарные связи охватывали и деревни, об этом достаточно ярко свидетельствует статья 70-я Земледельческого закона, предусматривающая санкции против продавцов вина и зерна, пользовавшихся фальшивыми мерами.

Континуитет денежной системы способствовал развитию нормальных товарных отношений: на протяжении всего раннего средневековья и золотая номисма сохраняла устойчивый характер. Однако серьезные неудобства для населения вызывала практика искусственного занижения ценности монеты старой чеканки (эта практика была ликвидирована при Льве VI в конце IX в.). О значительном распространении денежного обращения можно судить также по тому, что уже к концу IX в. появилась возможность ввести в действующее право – в Василики положение о том, что только такое торговое соглашение имеет силу перед судом, которое выражено определенной денежной суммой⁷⁶.

Проблема континуитета городской культуры Византии связана не только с признанием непрерывного существования городов как центров товарного хозяйства, но и с вопросом о непрерывности производственных процессов в городах. Наличие континуитета позднееримской городской культуры – это основное, что отличает развитие Византии от развития Запада, где континуитет выражался менее явственно⁷⁷.

⁷⁶ Basilicorum libri. LX / Ed. G. E. Heimbach. Lipsiae, 1833–1870; lib. XIX. Т. 1, 2. Разумеется, имела распространение, особенно с болгарами на Балканах, меновая торговля. Но подобная торговля не нуждалась в оформленных соглашениях, и никакие требования о порядке *actio de redhibitoria* или *quanti minoris* при меновой торговле не могли быть предъявлены. Меновый характер торговли с Болгарией объясняется почти полным отсутствием товарно-денежного обращения в Болгарии VIII–IX вв. (Лишев С. За проникването и ролята на парите във феодална България. София, 1958. С. 69).

⁷⁷ Об этом уже писали: Neumann C. Die Weltstellung des byzantinischen Reiches vor den Kreuzzügen. Leipzig, 1894. S. VII; Dietrich K. Zur Kulturgeographie und Kulturgeschichte des byzantinischen Balkanhandels // BZ. 1931. Т. 31. S. 36. Противоположная теория (особенно Э. Кирстена) связана со стремлением рассматривать историю Византии с точки зрения западноевропейского развития.

Сила Византии состояла в ее непревзойденной до XI в. цивилизации, внешним выражением которой были грандиозность городов с их многочисленным населением и величие двора и знати, показное богатство. Производство предметов роскоши поэтому имело особое значение для Византии; Константинополь и в «темные века» оставался «мастерской величия», как его называли в IV в.

В середине VIII в. Византия поражала Запад своим грандиозным органом. Всех приезжавших во дворец византийского императора удивляли механизированные львы и деревья, изготовленные в первой половине IX в. из золота; это показывает, что в производстве подобного рода украшений с применением механизмов в Византии сохранились традиции древности⁷⁸. Данные «Книги Эпарха», относящиеся к производству роскошных тканей, свидетельствуют о длительном существовании этого вида ремесла: в источниках содержится множество установившихся терминов для обозначения производственного процесса, немало названий сортов тканей. Окраска в пурпур и связанные с ней общественные ограничения прямо восходят к позднеримскому времени (Книга Эпарха. § 8). Находки керамических изделий того времени свидетельствуют о производственном континуитете в гончарном ремесле. Константинопольские ремесленники медленно совершенствовали свою технику, лишь постепенно отходя (приблизительно во второй половине IX в.) от античных традиций⁷⁹.

Континуитет производственных традиций чувствуется и в стеклодувном ремесле⁸⁰.

Широко обсуждается в исторической литературе вопрос о континуитете византийских ремесленно-торговых корпораций⁸¹. В Константинополе преемственность корпораций вполне очевидна. Изданная в начале X в. «Книга Эпарха» представляет собой кодификацию прежних постановлений императоров относительно константинопольского мастерства и во многих местах восходит к Дигестам и Новеллам Юстиниана⁸².

Разумеется, не все корпорации VI в. сохранились в последующие века. Принудительные корпорации фискального характера, как, например, навикулярии, исчезли. Эти объединения не носили ни производственного, ни торгового характера. Их существование как корпораций было обусловлено только выполне-

⁷⁸ Theoph. Chronog. P. 173.

⁷⁹ Каждан А. П. Деревня и город... С. 217.

⁸⁰ Там же. С. 223. О континуитете в экономике Византии см.: Lopez R. The Role of Trade... P. 69.

⁸¹ По вопросу о континуитете привлекался материал из истории византийских владений в Италии. Как показывают письма папы Григория I, в Неаполе на рубеже веков существовал цех сапонариев — мылоторговцев. В дальнейшем наименование «коллегия» в итальянском ремесле под византийским влиянием заменилось словом «схола». Хартманн, Миквиц, Эннен считают преемственность итальянских цехов Южной и Средней Италии от позднеримских корпораций вполне очевидной.

⁸² Сюзюмов М. Я. Византийская «Книга Эпарха». М.; Л., 1962. С. 24.

нием общих повинностей – литургий по доставке казенных грузов, и поэтому такие корпорации исчезли в начале VII в., когда изменился характер снабжения городов. Но корпорации, связанные с определенными производственно-торговыми профессиями (трапезиты, аргиропраты, хлебопеки-манкипы, салдамарии, макеллари), продолжали существовать и в X в.

Одним из существенных доказательств наличия континуитета корпораций VII в. и в X столетии является «Книга церемоний» Константина Багрянородного. В ней описываются веками складывавшиеся и застывшие правила придворного церемониала. Наряду с прасинами и венетами, которые в конце IX в. уже не могли иметь столь важного влияния, но сохранили свои привилегии, упомянуты также и представители городских корпораций *συστήματα τῆς πόλεως*⁸³.

Некоторые обычаи корпораций также свидетельствуют о продолжительности традиций IV–VI вв. Установившийся обычай принимать в некоторые корпорации рабов восходит к обычаю приема рабов в *collegium tenuiorum*⁸⁴.

Обычаи, установившиеся в строительном деле, например порядок регулирования конфликтов между работодателями и работниками, отраженный в XXII главе «Книги Эпарха», также восходят к порядкам, засвидетельствованным в Кодексе Юстиниана⁸⁵. В византийских эргастериях установился обычай нанимать мистиев – наемных работников – сроком на один месяц с предварительной выплатой заработной платы. Этот обычай существовал еще в VI в. и, как видно из агиографии⁸⁶, очевидно, держался в течение всех «темных веков» вплоть до X столетия.

В историографии (особенно в работах А. П. Каждана) существует тенденция изображать византийские корпорации по образцу западноевропейских цехов. Однако византийские корпорации находились совершенно в иных условиях, чем в странах Запада: ведь западноевропейские цехи развились тогда, когда уже сложились феодальные институты, в Византии же корпорации развивались в период, когда феодальные институты еще находились в стадии возникновения и когда крестьянство еще не было закрепощено.

На Западе для принятия в цех или гильдию требовалось представление доказательства свободного состояния; в Византии в корпорацию могли приниматься и рабы, что было для Запада немыслимым. Лица, занимавшиеся ремеслом или торговлей, в Византии не представляли собой особую сословную группу. Раб-вестиопрат и свободный вестиопрат, хотя и имели одну профессию, но

⁸³ Constantini Porphyrogeniti. De ceremoniis... I. P. 12–13.

⁸⁴ Dig. XLVII, 22,3.2; CJ. VIII, 10.12.9.

⁸⁵ CJ. VIII, 10.12.9.

⁸⁶ Приходит к хозяину эргастерия монах, желающий заработать, и говорит: «Дай мне тримеся, и я буду один месяц работать для тебя, где ты пожелаешь!» (Leontios v. Neapolis. Leben des Johannes Barmherzigen / Ed. H. Gelzer. Leipzig, 1893. S. 81).

по правовому статусу принадлежали к совершенно разным сословиям. Именно это приводило к отсутствию сплоченности городского ремесленно-торгового населения и было одной из важных причин слабости народных масс города перед лицом городской землевладельческой и сановной знати.

Византийский город вошел в средневековье в «готовом виде». Это означает, что город в период перехода от рабовладельческого строя к феодальному все время оставался центром товарного хозяйства на фоне натурально-хозяйственной периферии. Однако это не означает, что в течение данного периода не происходили серьезные изменения в составе населения и в управлении городом. Городское население, по кодексу Юстиниана, делилось на духовенство, ктиторов, собственников домов и земельных участков в городе или пригородах и жильцов – οἰκήτορες τῶν πόλεων⁸⁷. Перед историками встает проблема континуитета византийской городской знати.

Э. Кирстен отвергает континуитет знати, считая, что в Византии городская знать образовалась так же, как и на Западе, только в период средневековья в процессе развития городского строя. Конечно, городская знать античного происхождения сильно пострадала во времена Фоки, террора Юстиниана II, гражданской войны начала VIII в. Исчезла знать в тех провинциальных городах, которые были уничтожены во времена нашествий славян и арабов. Однако в житиях VIII–IX вв. постоянно встречаются указания на знатных родителей святого⁸⁸.

Поскольку Э. Кирстен намеренно не рассматривает Константинополь и даже Фессалонику, его общее представление о состоянии византийских городов получается неправильным. Наличие сильной городской знати в Константинополе в то же время предопределяло наличие такой знати и в провинциальных городах. Но в городах появилась также многочисленная пришлая знать из славян, армян, выходцев из Сирии и Палестины.

Как и в IV–VI вв., этнический состав городского населения был очень пестрым. На Балканах широкой струей вливался в городское население славянский элемент, на Востоке еще в большей степени, чем в предшествующие века, увеличивалось армянское население, на юге Малой Азии селились в большом числе сирийцы, эмигрировавшие из халифата⁸⁹.

Отвоевание Византией потерянных территорий происходило постепенно, причем долгое время населенные славянами провинции Балкан не удавалось

⁸⁷ Nov. Just. CXXVIII. 16.

⁸⁸ Х. Лопарев, автор монографии «Греческие жития святых», стоявший на позициях православной церкви, смущен, что почти все святые происходили из знатных и богатых семей. Он пытался опровергнуть данные, приводимые в житиях, считая их шаблонным местом: «Это житийное данное не должно признаваться верным, ибо это значило бы, что все святые могли появляться только в богатой семье» (С. 23).

⁸⁹ Charanis P. Ethnic Changes in the Byzantine Empire in the Seventh Century // DOP. 1959. Vol. 13. P. 29.

полностью подчинить византийской администрации. Но как только военные силы Византии оказывались хозяевами завоеванного района, начиналось подчинение населения как в фискальном, так и в административном и идеологическом отношении. Последнее означало распространение господствующей религии.

Земли, заселенные славянскими племенами, под влиянием связей с городским товарным хозяйством становились частной собственностью представителей племенной знати⁹⁰. Славянская знать византизировалась, вливалась в состав городской аристократии.

В «Хронографии» Феофана и в «Бревиарии» Никифора постоянно встречаются упоминания о городской знати⁹¹. Ее богатства, как об этом свидетельствуют некоторые данные, характеризующие имущество некоего Тарасия, одного из представителей крупнейшей константинопольской знати VIII в., состояло из домов и земельных участков в пригородном районе. Земельная собственность и домовладение в городе и в пригороде – вот основа собственности городской аристократии как в Константинополе, так и в провинциальных центрах⁹².

Сведения об архонтах и протевонах в Херсонесе⁹³ свидетельствуют о наличии в составе населения Херсонеса знати, ведшей свое происхождение от позднеримских времен.

Однако мы должны отметить и существенные изменения в имущественных отношениях городской знати VIII – середины IX в.

После краха провинциального землевладения, основанного на эксплуатации труда рабов и энапографов, в результате возобладания в деревне свободной общины утратила свое экономическое значение та прослойка знати, которая состояла из поселившихся в городах крупных провинциальных землевладельцев. В то же время знать, связанная с городским пригородным землевладением, сохранила значительное влияние в своих собственных интересах, стала более монолитной; особенно выгодным для нее было занятие государственных должностей, связанных с получением доходов от эксплуатации населения путем налогового обложения. Земельная знать в Константинополе была в то же время сановной знатью.

Наоборот, в главных городах фем большинство представителей растущей военно-землевладельческой знати было связано с фемной администрацией.

⁹⁰ Липшиц Е. Э. Из истории славянских общин в Македонии // Сборник в честь академика Б. Д. Грекова. М., 1952. С. 53.

⁹¹ Theoph. Chronog. P. 450.10, 438.3, 453.11.

⁹² Janin R. Constantinople byzantine. P., 1950. P. 437–438. Феофор Студит в переписке с представителями городской знати характеризует их как со стороны происхождения, так и размера и состава имущества (роскошный дом, виноградники, драгоценности, толпы рабов из челяди и «любящие господина телохранители»), т. е. в таком же духе, как представляли знатного горожанина в V–VI вв. (см.: Феофор Студит. Ч. 2. С. 378).

⁹³ Theoph. Chronog. P. 378.

Интересы этой знати находились в противоречии с интересами константинопольской, что и отразилось на остроте борьбы во время иконоборчества.

Однако в конце VIII и в IX в., когда провинциальная знать еще не приобрела особой силы на местах, для руководства фемами, турмами, клисурами посылались представители константинопольской городской знати⁹⁴.

Необходимо отметить существенные изменения в положении городских ремесленников: если, судя по Новеллам Юстиниана, ранее в городе торгово-ремесленные мастерские находились в собственности знатных горожан, то в начале X в., как это видно из «Книги Эпарха», ремесленно-торговые корпорации уже не имели никакого отношения к городской знати. Городская знать Константинополя сильно пострадала во время террористического правления Фоки и Юстиниана II, а также от гражданской войны в начале VIII в., когда ворвавшиеся фемные войска жестоко разграбили столицу. В результате массовых конфискаций много помещений для эргастериев перешло в распоряжение казны, так что ремесленники, занимавшие затем мастерские в правительственных помещениях – рядах и портиках, – платили так называемый энэйкион – квартирную плату.

В источниках VIII–IX вв. содержатся сведения о сословии ремесленников и мелких торговцев – ἐργαστηριακοί, которые всегда характеризуются как лица свободного и независимого состояния. Юстиниан II обложил эргастериаков налогом для организации экспедиции против Херсонеса, Константин V принял присягу, в том числе и от эргастериаков. Он же переселял техников-ремесленников, сведущих в строительстве, в Константинополь⁹⁵.

Огромная масса византийских ремесленников работала в портиках в одиночку. Однако типичной мастерской для Византии был эргастерий с хозяином-мастером во главе, с наемными работниками-мистиями, рабами и учениками. Такой эргастерий по своему характеру является переходным от позднеантичного к средневековому.

Как пережиток рабовладельческого строя сохранилось право рабовладельцев рекомендовать своего раба для самостоятельного ведения хозяйства в мастерской. Таким образом, городская знать отчасти сохранила возможность иметь в некоторых корпорациях подставных лиц в качестве хозяев мастерских.

⁹⁴ Творения Феодора Студита. Ч. 2. С. 696.

⁹⁵ Theoph. Chronog. P. 377, 447; Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica. P. 76. В письмах Феодора Студита упоминаются его послушники из ремесленников, в том числе плотник, который «был примером для всех плотников» (по благочестию), но потом ушел из города. Феодор Студит имел переписку с керуларием – торговцем воском; с митанами – торговцами и ткачами льняных изделий; с мироваром – парфюмером, которому советовал беречься от павликиан; сам Ф. Студит в изгнании занимался за плату рисованием миниатюр для книг и перепиской. В письмах есть упоминания о мясниках, ткачах, кузнецах, сапожниках, красильщиках, виноторговцах.

Плебейские массы Константинополя составляли большое число моряков, грузчиков, мистиев, работавших по найму в эргастериях; особенно нужно отметить большое количество строительных рабочих, а также многочисленный люмпен-пролетариат из нищих, преступного элемента, зачастую из беглых рабов, обедневших отставных военных, беглых монахов. Все эти широкие массы назывались *λαὸς, πλῆθη, πλῆθη τῶν ὀχλῶν*⁹⁶, *πολιτικὸς ὄχλος*⁹⁷.

В конце VII и в начале VIII в. плебейские массы города еще могли принимать участие в выступлениях партий, в VIII в. цирковые партии существовали, но политического влияния не имели, хотя, как сообщает патриарх Никифор, во время вторичного выступления иконоборцев члены цирковых партий выступали в рядах сторонников иконоборцев.

В 715 г. плебейским массам города Константинополя был нанесен сильный удар: были выселены из столицы все те, кто не имел трехгодичного запаса продовольствия. В результате этой меры в течение всего VIII в. в Константинополе ощущался недостаток трудящегося населения. Это вынудило иконоборческую династию переселить в столицу большое число ремесленников из провинции, что значительно укрепило положение свободного ремесла в Константинополе.

Влиятельной прослойкой населения столицы было сословие военных, которые жили со своими семьями. Ирина изменила состав константинопольского гарнизона: перевела прежние воинские части в провинцию, а в Константинополе разместила преданное иконопочитанию войско из европейской провинции. Военные, поселившиеся в Константинополе, безусловно, стремились обзавестись городскими или пригородными земельными угодьями, и превращение их в городских ктиторов являлось лишь делом времени⁹⁸. Приобретение иконоборческой знатью значительной земельной собственности было причиной ослабления иконоборческого движения.

Управление ранневизантийских городов V–VI вв. протерпело существенные изменения. Влияние городских землевладельцев, занимавших, по существу, наследственные должности в курии и управлявших городскими земельными финансовыми богатствами, было подорвано; начиная с IV в. в городском управлении все большую власть приобретает императорский чиновник – просид. Тем не менее сохранялись некоторые элементы самоуправления. Новеллой 128, 16 Юстиниан предписал, чтобы *πατὴρ τῆς πόλεως* и *defensor* избира-

⁹⁶ *Const. Porph. De cer.* I, 11, 87.

⁹⁷ *Ibid.* II, 10, 575.

⁹⁸ Так, отец Антония Кавлея, военный, приехал в Константинополь (приблизительно конец VIII – начало IX в.); женившись, он приобрел проастий недалеко от столицы (см.: *Papadopoulos-Kerameus A. Monumenta graeca et latina ad historiam Photii patriarchae pertinentia*. I. Petropoli, 1899. § 2).

лись ежегодно епископом и первейшими гражданами – *πρωτεύοντες* и чтобы ежегодно создавалась комиссия из епископа и пятерых *πρωτεύοντες* по проверке отчетности⁹⁹.

Настроения городской знати, связанной с муниципальным самоуправлением, оказывали определенное влияние на выборы епископа. Росту значения знати способствовал эдикт Юстиниана II, предписывавший занятие высших должностных лиц провинции из местной городской и поместной знати¹⁰⁰. Городам давались определенные права, в частности называемое *δίκαιον τῆς πόλεως*¹⁰¹.

К концу VI в. роль городской знати, главой которой являлся епископ, возрастает. Самоуправление города принимало особые формы, когда он находился под угрозой вражеского нападения. После ослабления центральной власти города вновь приобрели некоторую возможность распоряжаться своими средствами, например, строить стены за собственный счет.

Согласно относящимся к 595 г. данным, сообщаемым Феофилактом Симокаттой, балканский город Аземос, во главе которого стоял епископ, сохранил и некоторые элементы самоуправления, в частности, располагал собственными *οἰκτιχόν* – особым городским ополчением, прекрасно вооруженным, которое, однако, пользовалось привилегией не участвовать в военных операциях вне города¹⁰². Попытки византийского полководца нарушить привилегии города и присоединить городское ополчение к войску, сражавшемуся на Дунае, вызвало дружный протест со стороны населения города с епископом во главе. Город закрыл ворота перед командующим правительственной армией.

Город Аземос являлся пограничным, но такими же привилегиями обладали и более отдаленные города: они имели свое войско и могли отстаивать свои привилегии даже перед командующим правительственными войсками.

Позднеримская система городского самоуправления долго держалась в городах, отдаленных от Константинополя. Итальянские и далматинские города, Херсонес управлялись местной знатью. В числе далматинских городов, сохранивших в VII в. старинные формы самоуправления, нужно отметить Ядер (Зару), Трагурий (Трогир), Веклу (Крк), Эпидавр (Рагузу), Декатеру (Каттаро), Арбу (Раб)¹⁰³.

В Венеции во главе управления стоял дож, которого избирали *publico placito*, т. е. епископы, судьи и *boni homines*. Неаполь управлялся выборным дуксом,

⁹⁹ Nov. Just. 15, epil., a. 535; Nov. Just. 128, 16.

¹⁰⁰ Dölger F. Regesten... I, № 12, a. 569.

¹⁰¹ Захария Ритор, рассказывая о постройке Дары, сообщает о том, что Юстиниан возвел Дару в ранг города, построил церкви, бани, водопровод и дал городу привилегии (см.: Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 155–156).

¹⁰² Theophylacti Simocatae. Historiae / Ed. C. De Boor. Lipsiae, 1887. VII, 3.

¹⁰³ Dölger F. Die Frühbyzantinische Stadt. S. 125–126; Mayer E. Die dalmatisch-istrische Munizipalverfassung im Mittelalter und ihre römische Grundlagen // ZSSR. GA. XXIV. 1903. S. 211 f.

должность которого, несмотря на формальную выборность, фактически превратилась в наследственную, причем и епископ, и дукс в Неаполе происходили из одной фамилии. Дукс Неаполя в то же время находился в подчинении у византийского стратига.

Во второй половине VII в. муниципальное управление в византийских городах проявляло еще некоторую активность. Как и в VI в., имелись дуумвиры, куратор, патрон, патер города, которые избирались населением, но утверждались центральным правительством и, таким образом, лица, избранные местной знатью, являлись в то же время представителями центральной власти¹⁰⁴.

Сообщение Константина Багрянородного об осаде Патр говорит об инициативности и организованности горожан. В 807 г. Патры, называвшиеся кастрон, ввиду опасности нападения славян собрали общее собрание горожан и организовали оборону города¹⁰⁵.

Старинное *κοινόν* и городская милиция существовали, по-видимому, вплоть до IX в. Как свидетельствуют некоторые данные эпиграфики, горожане иногда собственными силами, исходя из интересов города, воздвигали или восстанавливали городские стены¹⁰⁶. Только в 739 г. вместо восстановления стен Константинополя горожане стали платить специальную подать в размере $16\frac{1}{4}\%$ от основных налоговых ставок.

Во главе Херсонеса в начале VIII в. стояли протополит и 40 представителей знати, почти номинально подчинявшихся византийской власти¹⁰⁷.

По сохранившимся свинцовым печатям, опубликованным в трудах Шлюмберже, можно заключить, что во главе некоторых городов стояли так называемые архонты, выбиравшиеся из местной городской знати. Термин *πρωτεύοντες* встречается на печатях вплоть до начала XI в.

Согласно надписи из Херсонеса, командующий гарнизоном викарий распоряжался также и финансами. Упоминается *πρωκτεῖον* – учреждение по сбору налогов и пошлин. Из собранных сумм предписывалось построить стены¹⁰⁸.

Сохранение элементов самоуправления в городах в условиях крушения устоев рабовладельческого общества и значительного ослабления позиций центрального правительства таило реальную опасность превращения Византии в ряд феодализирующихся независимых городов-государств. Это было несовместимо с попытками зарождавшейся военно-служилой фемной знати создать прочные порядки централизованного государства для обеспечения возможнос-

¹⁰⁴ Такую картину рисуют документы Равенны (см.: Diehl Ch. Études sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne, II. P., 1888. Cap. II. P. 93 sq., 103 sq.).

¹⁰⁵ Const. Porph. De adm. imp. 49, 17.

¹⁰⁶ Kirsten E. Die byzantinische Stadt. S. 20; S. 11, Anm. 6.

¹⁰⁷ Theoph. Chronog. P. 378.

¹⁰⁸ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 21–22.

тей развития крупного землевладения, которое могло бы стать основной предпосылкой для дальнейшего развития сеньориальной формы эксплуатации. Со времени правления Юстиниана II, стремившегося к укреплению фемных войск и созданию военных колоний, византийская власть проводит энергичную политику уничтожения городского самоуправления посредством замены муниципальных органов города назначенным стратигом с подчиненными ему военными и гражданскими должностными лицами.

В главном городе фемы имел местопребывание стратиг с ответственным перед ним претором, ведавшим судопроизводством по гражданским делам, и подчиненный как стратигу, так и непосредственно центру хартулярий фемы, ведавшей финансовыми делами фемы, сбором налогов¹⁰⁹.

Что же касается статуса военных центров – «кастра», то, если они и не выполняли других характерных для города функций, они, безусловно, не пользовались самоуправлением и управлялись военными властями. Население этих «кастра» имело особые привилегии, характер которых зависел от рода занятий и повинностей живших вокруг «кастра» ремесленников и земледельцев – «кастринов», среди которых можно выделить моряков, добытчиков пурпура, специалистов по изготовлению хартий и др.¹¹⁰ Эти привилегии заключались в освобождении их получателей от всех существующих в государстве повинностей для того, чтобы они могли сосредоточить все силы на несении той повинности, которая связана с их профессией. Такой характер привилегий прикреплял «кастринов» к их ремеслу. Прикрепление *κοῦχουλεύται* к ремеслу означает прямой континуитет с теми *murileguli*, которые закреплялись за данным промыслом в IV–VI вв.¹¹¹ Процесс ликвидации городского самоуправления затянулся на длительный период. В Херсоне самоуправление с протополитом во главе держалось до 834 г., когда Феофил поставил во главе города стратига¹¹².

VIII – середина IX в. – период исчезновения автономии города и перехода его в систему фемной организации. Завершение этого процесса следует отнести ко времени издания известной 47-й Новеллы императора Льва VI (конец IX в.).

Автономия городов не имела ничего общего с интересами широких слоев городского населения. Политика постепенного уничтожения такой автономии в VIII в. проводилась в соединении с борьбой против городской знати под лозунгом иконоборчества и сопровождалась демагогическими обращениями императорской власти к более широким кругам горожан (Константин V созывал «силенции» – выступления императора перед различными слоями городского

¹⁰⁹ Dölger F. Beiträge... S. 68. C.T. XI, VIII, 11.

¹¹⁰ Kirsten E. Die byzantinische Stadt. S. 27.

¹¹¹ CJ. XI, VIII, 11.

¹¹² Theophanus Continuatus. III, 28. P. 125; Const. Porph. De adm. imp. C. 42.

населения, в том числе и перед ремесленными корпорациями). В это время императоры в своих распоряжениях часто адресовались непосредственно к народу города или провинции.

Несмотря на проводимую политику уничтожения городской автономии, правительство продолжало использовать местную городскую знать в деле управления городом, и принадлежавшие «протевонтес» печати свидетельствуют о том, что бюрократизация управления городом не могла быть в условиях того времени проведена полностью.

В Византии город вошел в средневековье в готовом виде: налицо были производственные традиции, торговые связи, веками сложившиеся нормы гражданских отношений, вполне установившаяся роль города в осуществлении административно-фискальных функций, а также в насаждении господствующей идеологии – христианской религии. В отличие от большинства стран Центральной Европы, где город как экономическая категория создавался в результате выделения ремесла из сельского хозяйства, на византийской территории города в основном развивались не на базе деревенского ремесла, а в условиях старинного города и его пригородных хозяйств.

Те грандиозные события, которые произошли в VII в., когда славянское вторжение и арабские завоевания и набеги развязали внутренние революционные силы в Византии, безусловно, привели города к временному упадку, однако и в этот период в них развивались свободные торговля и ремесло, а также появилась богатая прослойка населения, связанная с доходами, отличными от доходов, получавшихся путем сеньориальной эксплуатации. Однако в дальнейшем переселение в города военно-служилой землевладельческой знати сделало город центром реализации феодальной ренты.

Можно отметить двойственный характер византийского города так называемого средневизантийского периода (X–XII вв.). С одной стороны, город был оплотом социальной реакции, поскольку это центр сохранения традиций рабовладельческого общества с его имущественными отношениями, пережитками рабства. Но, с другой стороны, средневизантийский город выполнял прогрессивную роль, так как именно в городах сохранялись и развивались те нормы гражданского права, которые регламентировали частную собственность и товарное производство, а также сохранялись элементы античной культуры, благодаря которым феодальное общество в Византии достигло такого производственно-культурного уровня, который являлся более высоким этапом развития человеческого общества, нежели рабовладельческий строй.

В VII–VIII вв. уже создавались некоторые экономические предпосылки феодальной раздробленности. Городская знать стремилась сохранять за собой привилегии данного города. Особенно в этом отношении выделялся Констан-

тинополь. Торговцы столицы имели особые привилегии, причем торговля организована была так, что столичный купец относился к иногороднему, как к иностранцу, т. е. внутренняя торговля была организована по образцу внешней. В результате всякий город стремился к независимости, а не к расширению связей с другими городами на базе общего рынка.

С другой стороны, нужно отметить и начало процесса создания своеобразного византийского феодального города: он стал местопребыванием феодальной администрации, которая впоследствии настолько подчинила себе города политически, что они в дальнейшем могли стать центрами сеньориального типа эксплуатации населения.

О ФУНКЦИЯХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА¹

Проблема раннесредневекового города все еще висит над исторической наукой. Вопрос не о том, что представлял собой город в общем и единичном, а в том, существовал он ли вообще в раннем средневековье². Не являлись ли упоминаемые в источниках города только аграрными поселениями? В нашей исторической литературе развивается мнение, что городами могут считаться единственно те, которые являлись центрами ремесла, поскольку только материальное производство должно быть определяющим. Но так ли это?

Что же можно считать критерием для признания поселения городом? Какое место занимают надстроечные элементы? Надстройка зависит от базиса, но в свою очередь воздействует на развитие базиса через идеологию, право, потребности культуры, литературу и т. д.

Экономику создают люди и именно для укрепления, направления и развития их деятельности необходимо создавать идеологию, «климат» для соответствующего экономике образа жизни.

Каждая новая формация, каждый этап развития экономики накладывают свой отпечаток на надстройку. Базис оказывает влияние на надстройку потому, что нуждается в ней. Но надстройка только тогда может стать силой, когда распространится в общности человека как «общественного животного» – в поселениях, деревнях, городах, где осуществляется диалектическая связь противо-

---

¹ АДСВ. 1977. Вып. 14.

² Именно этот вопрос смущает студенчество. С одной стороны – учебник, с другой – тексты из источников, в которых события разворачиваются вокруг городов античного происхождения... В одном и том же сборнике (СВ. 1975. Т. 38) приводятся противоречивые утверждения. Так, С. М. Стам категорически отвергает теории существования раннесредневековых городов до XI в. Наоборот, Л. А. Котельникова тоже категорически утверждает о продолжении существования древних античных городов в раннем средневековье. А. Д. Люблинская устанавливает факт многовекового непрерывного существования старых римских городов, игравших роль в развитии раннего средневековья. Резкие противоречия теоретической мысли зависят от выяснения роли города как общественного института в разные этапы истории человечества. Вопрос о преемственности и исторической роли античного города был поднят фактически уже в XVIII в. в споре германистов и романистов. Резкое отношение к теории преемственности не соответствует ленинской диалектике, согласно которой отрицание отжившего в то же время требует использования достижений старого. Ленинская теория преемственности ничего общего не имеет с теориями эволюционизма, что иногда нечетко проводится у некоторых медиэвистов.

речий между созидательной силой материального труда и зависящей полностью от него творческой непроеизводственной мыслью и взаимовлияния этих имеющих как бы самостоятельные формы развития видов труда. Диалектическое взаимодействие материального и духовного труда существует с самого начала деятельности *homo sapiens*. Виды духовного труда появляются с самой примитивной истории человечества.

Человеческий труд является естественным использованием богатств природы для существования. Но над природой нужно не только работать, но и понимать ее, и изучать. *Наряду с общественным материальным трудом необходим и духовный.* Хотя базис определяет характер надстройки, но существовать и развиваться он без надстройки не может. И в то же время умственный труд должен покоиться на существовавших результатах материального. Уже со времени выделения в общине жрецов их поселки делались как бы конденсаторами материальной и познавательной деятельности всего окружающего района, племени. Путем совершения жертвоприношений в жреческий поселок стекались все достижения хозяйственной деятельности населения. Сама умственная деятельность жречества покоилась на коллективном наблюдении населения над природными явлениями, на создававшихся народных приметах и вылилась в примитивно-научную работу изучения природы, начал астрономии, хронологии. Жреческий поселок делался распространителем достижений наук в форме мифологии. Учет времени, основанный на изучении небесных явлений, был необходим и проводился в каждой общности. Создание календаря привело к руководству (хотя бы путем суеверий) сельскими работами (связь умственного труда с моментами управления характерна уже для примитивного общества). Различные природные явления становились для жречества аргументом для направления различных сторон общественной жизни народа, даже для решения вопросов войны и мира³. Идеологические функции жречества соединялись с распорядительными, и естественно, что в окружении жрецов на практике выделялась *административная функция*⁴.

Межплеменные войны приводили к концентрации добычи, которую естественно было хранить в укрепленном месте и «под защитой богов». Жреческий аппарат с многочисленным обслуживающим персоналом в соединении с выделяющейся военной знатью создавал поселение непроеизводственных профессий, нуждающихся постоянно в продуктах земледелия и ремесла, как в поселении, так и в окружающей хоре. Союзы племен, война, как самая эффективная «проеизводственная деятельность», рабство, разделение труда, появление резкого неравенства в имущественном отношении вызвали формирование класса

³ Читая Ливия, мы можем удивляться, как широко в важнейших вопросах жречество использовало все приметы и гадания в Римской республике даже в поздние периоды.

⁴ В зависимости от развития производительных сил усиливается роль субъективного фактора – возрастает роль управления (см.: Рязин В. И. // ВФ. 1976. № 5).

рабовладельцев, а вместе с тем *государства*. Жреческие поселения – убежища и военные центры племенных союзов с появлением государства превратились в подлинные полисы. ...Государственный аппарат, естественно, для получения силы должен иметь централизованную организацию, специфика которой зависела от структуры общности. *Невозможно поэтому теорию сущности города отрывать от функций управленческих*. Город является категорией классового общества, тесно связанной с государством как аппаратом угнетения в самых различных формах⁵. Поэтому в городах увеличивалось количество лиц непроизводственных профессий управленческого состава и лиц обслуживающего персонала. Вместе с тем повышалась потребность в строительных рабочих, город становился и центром ремесла, особенно для тех профессий, в которых не было потребности в деревнях. Город был и центром *обработки того материального сырья, добыча и производство которого остались навсегда за внегородскими поселениями и деревней*. Отделение обработки от добычи сырья привело к появлению в городах разных специальностей, требующих значительно более широкого культурного кругозора.

Мы считаем, что основой генетического понимания сущности города как общественного института следует считать положение Ф. Энгельса – «наибольшее разделение материального и духовного труда – это отделение города от деревни»⁶. Но здесь выдвигается положение о том, что разделение труда приводит «...к отделению промышленного и торгового труда от земледельческого и тем самым к отделению города от деревни»⁷. Ф. Энгельс поясняет: «Разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда»⁸. Здесь мы видим диалектическую связь материального и духовного труда, который на базе соответствующего способа производства делается органической необходимостью для общества, дошедшего в степени развития материального труда до возможностей обслужить материально людей духовного труда. Получается своеобразный «обмен» достижений духовного труда на объекты материального труда.

Осуществляя функции связи с окружающим миром, город становится *центром обмена*, а в своих связях с деревней – *центром превращения натурального прибавочного продукта в товар, центром выделения посредника в обмене – купечества*.

⁵ В отношении тех лиц, которые, целиком объясняя все экономикой, не придавали особого самостоятельного значения праву, государственной власти, Ф. Энгельс возражал: «К чему же мы боремся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть бессильна? Насилие (т. е. государственная власть) это тоже экономическая сила» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 420). Статус города в государстве имеет определенную силу в зависимости от общественной структуры власти того времени.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 49.

⁷ Там же. С. 20.

⁸ Там же. С. 30.

Город как центр управления был и субъектом легализованного грабежа и своих трудящихся, и побежденных вражеских народностей, и в то же время заманчивым потенциальным объектом грабежа со стороны враждебных сил, которые могли на длительный срок даже прекратить существование отдельных городов. Город был всегда в определенных направлениях регулятором общественной жизни населения в интересах господствующей прослойки, выступая как хранитель пережиточных традиций, так и основных существующих отношений и зародышевых элементов будущего строя. Совершенно ясно, что для понимания категории «город» необходимо считаться с его юридическим статусом, поскольку не количество и специфика населения исторически сыграли решающую роль в признании данного поселения городом, а именно права, степень участия в существующей государственной машине управления, что в конечном счете определялось экономикой общности в целом. Таким образом, город как общественный институт является концентрацией населения, выполняющего различные функции применительно к потребностям динамики страны, региона, человечества. Он многофункционален. Поэтому понятие «город» – не столько предмет абстрактной формулы, сколько исторического исследования о том, какие функции специфически присущи ему в течение его существования в спиралевидном развитии от древности до современности.

Для каждого этапа развития производительных сил город должен выполнять определенные функции. В государствах Древнего Востока, экономика которого покоилась на рабстве, порабощении разных народностей, требовалась особая концентрация материальной и культурной мощи отдельной народности именно в столичных городах.

Античный город выполнял функции центра достижений материального труда рабовладельческого способа производства, выделялся как центр материального и духовного труда; в то же время город был необходим для сохранения рабовладельческого строя путем концентрации и единства свободного населения полиса против возможных выступлений рабов и для развития соответствующей идеологии и создания высокой культуры с особым почетом роли духовного труда среди граждан наук и искусства. Города были центрами управления, руководства, распространения на всю ойкумену великой античной культуры как субъекты концентрации богатств и достижений.

Буржуазные города – центры капиталистического способа производства, диалектически связанного с мощным буржуазным государством правом, моралью, образом жизни, идеологией, наукой, но эти же города диалектически связаны с неодолимым усилением пролетариата.

Но каковы же должны быть функции раннесредневекового города в период, когда закономерными были тенденции к созданию нового основного производственного класса – феодального крестьянства, когда были тенденции к развитию свободных деревенских общин и вместе с тем – к возникновению вотчин с концентрацией на местах, вне городов, добываемых трудом богатств, когда цен-

тральная власть склонялась к упадку и общество шло по пути феодальной раздробленности?

Раннесредневековый город не мог в этих условиях выполнять, функции производственного центра. Наоборот, деревня и вотчина привлекали в то время ремесленников к себе. Город не мог быть и центром сильной централизованной государственной власти, поскольку развитие шло к слиянию землевладения с элементами государственного суверенитета над населением. Но тем не менее феодализм не мог укрепиться без городов. Диалектически феодальная раздробленность могла существовать только при единстве народности, образа жизни, идеологии, при наличии внутренней связи самостоятельных единиц феодального общества. Город должен был выполнять функции центра идеологии, притом в соединении с традиционной властью над людьми... Такова раннесредневековая христианская церковь, у которой «духовный меч» соединялся со своей противоположностью – принуждением реальной силой.

Для укрепления феодального способа производства необходимо было воспитать преданного своему земледельческому труду, примиряющегося со своим зависимым положением «от Бога предназначенного», послушного своим господам труженика. Для этого нужно было распространить повсеместно единую христианскую идеологию. Христианство имело стройную, сильную своим единством организацию, центрами которой могли быть именно епископальные города с традиционным аппаратом власти над населением. Кроме того, поскольку феодальный способ производства должен стать более прогрессивным, чем рабовладельческий, для его развития в дальнейшем необходимо было, при всем закономерном упадке и отрицании античной идеологии, сохранять по возможности достижения античной культуры...

Поэтому не будем удивляться, что раннесредневековые города не обязательно были центрами ремесла... В силу существовавшей тогда ситуации в развитии экономики. Конечно, бессмысленно было бы думать, что в раннефеодальных городах не существовало разделения материального и духовного труда, отделения ремесла от земледелия – ведь не сами же епископы готовили себе платья и предметы культа. Но центрами ремесла в *раннем средневековье* города на Западе в основном не являлись. Тем не менее, особенно в отношении *отрицания* или *удержания* античного наследия, с учетом закономерностей перехода к феодальному способу производства роль города была необходима и неотделима от диалектического единства базисных и надстроечных элементов в построении нового общества.

Перейдем к центральному вопросу: могли ли существовать в раннем феодализме такие города, которые были готовы к выполнению функций, необходимых для укрепления возникающего феодального строя?

Начиная с XVIII в. в исторической науке создалось два направления по вопросу о роли города после гибели Западной Римской империи. Ведущая роль оставшейся культуры позднеримского города противопоставлялась теории само-

бытного развития новой цивилизации, проводимой германскими завоевателями. Борьба германистского направления привела к появлению теории полного *Kulturbruch*'а и утраты всякой роли городов в развитии раннего феодализма⁹.

В современной историографии, когда проблема генезиса феодализма выступает как основная, вопрос о переходе города к феодализму стал подниматься как дилемма: развился ли феодальный город как продолжение античного или же необходимо полностью сепаратизировать возникновение города от античного¹⁰. В основе этого противопоставления *aut – aut* – или эволюционный переход старого к новому, или же совершенная гибель старого и зарождение нового города – лежит игнорирование диалектики, которая содержит элемент отрицания и притом как важнейший элемент: отрицание как момент развития с удержанием положительного.

Теории гибели или полной аграризации античных городов связаны с положением о том, что только последующее отделение ремесла от земледелия превратило эти «аграризованные поселения» в настоящие города. Подобная теория генезиса феодализма отрицает всякую роль городских центров (несмотря на наличие указаний на них в источниках). При этом теоретики, отстаивающие идею заново возникших старинных городов, не имевших будто бы никакой генетической связи с античностью, абсолютизируют и ставят во главу рассуждений очевидный факт экономического спада античных городов, начиная с конца II в. до н. э.¹¹ (значительно преуменьшая факты ужасающего разгрома городов и культурного упадка после завоевания Римской империи варварами). Настоящее же возникновение средневекового города эта теория относит к XI–XII вв.¹²

В нашей историографии встречается попытка приписать эту теорию К. Марксу и Ф. Энгельсу: «Вообще можно сказать, что результаты научных исследований почти на протяжении полутора столетий подтвердили правильность выво-

⁹ Особенно полемику против континуитета римской культуры в раннее средневековье с позиций германизма вели: Hermann, Wopfner (*Wege der Forschung*. 1921, см.: **Dopsch A.** *Rez. Hermann Aubin. Zur Frage der historischen Kontinuität* // *HZ*. 1943. Nr 168) und Vom Absterben antiken Lebens im Frühmittelalter in «*Wege der Forschung*». Darmstadt, 1968. Т. CCI. S. 203–258).

¹⁰ См. дискуссию на конференции в Москве в мае 1966 г. (СВ. 1968. Т. 31).

¹¹ Экономический спад античных городов закономерно отмечался марксистской историографией как результат кризиса рабовладельческого строя, но независимо от этого в буржуазной историографии этот спад с конца II в. связывался с теориями варваризации римского города в результате постепенного упадка античной культуры в целом. См.: **Altheim F.** *Spätantike als Problem* // *Wege der Forschung*. 1969. Т. 51. S. 114–143; **Hübinger P.** *Spätantike und frühes Mittelalter* // *Ibid*. S. 145–206. В противовес им выдвигалась теория «катастрофы», т. е. гибели вследствие завоевания и разрушения, что как с германфильских, так и с антигерманских позиций проводится в безбрежной литературе (особенно четко: **Piganiol A.** *La civilisation romaine n'est pas morte-elle a été assassinée*. L. Empire Chrétien. P., 1947. P. 442).

¹² **Fevrier F. A.** *Le développement urbain en Province de l'époque romaine à la fin du XIV siècle*. P., 1964. P. 211–213.

да, сделанного Марксом и Энгельсом: средневековые не получило городов в готовом виде из прошлой истории»¹³. Это положение даже вошло в учебник для университетов¹⁴. Однако можно удивляться, где об этом писали К. Маркс и Ф. Энгельс? Приведенная ссылка имеет совершенно обратный смысл: именно К. Маркс и Ф. Энгельс писали о том, что в городах, которые не вошли в средневековые в «готовом виде» из прошлой истории, а которые образовались из освободившихся крепостных, в этих городах единственной собственностью каждого... был особый вид труда...¹⁵ Это положение К. Маркса и Ф. Энгельса можно понимать только в смысле противопоставления двух типов городов, вошедших из прошлой истории и новообразованных. Это делается совершенно ясным из дальнейшего чтения работы Ф. Энгельса «Фейербах». Именно через две страницы после вышеприведенного текста мы читаем, что образование «особого класса купцов... было унаследовано в *сохранившихся от исторического прошлого городах* (между прочим, с еврейским населением) и очень скоро появилось во вновь возникших городах». Из этого текста делается неоспоримым, что К. Маркс и Ф. Энгельс не только считали, что существовали вошедшие в феодализм в готовом виде города, но и что они выполняли особые функции в отношении связей с окружающим миром, передавая унаследованные традиции торговли.

Обратимся к тем городам, которые вошли в раннее средневековье от античности. Если говорить о «готовности» к феодальному строю, то следует полагать, что эти города имели уже такие институты, которые отражали тенденции перехода к феодализму. Можно ли об этом говорить в отношении городов в поздней античности? Это не так ясно, как в отношении деревни. В сельском хозяйстве в поисках рабовладельцами более выгодных форм эксплуатации появились и стали оформляться в позднеримском законодательстве новые институты: вместо хозяйств типа Катона-Варрона-Колумеллы и вместо *locatio-conductio rerum* развивались формы самостоятельного управления пекулием, *coloni-glebae adscripti, servi censiti, coloni* по закону Анастасия, распространялся патронат с патронием... Позднеримское, так называемое вульгаризированное право оформило все те институты зависимости крестьянства, которые почти полностью утвердились в развитом феодализме. Но в IV–VI вв. это были поиски не нового общественного строя, а новых институтов в интересах сохранения рабовладельческого государства. Рабовладельческий класс еще был силен — он опирался на всю историю прошлого, на римское государство, которое являлось

¹³ Стам С. М. Экономическое и социальное развитие раннего города. Саратов, 1969. С. 13.

¹⁴ История средних веков. М., 1966. С. 230: «Города... средневековые не получило в готовом виде из прошлой истории, они заново были образованы освободившимися крепостными».

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 50. В подлиннике: «In den Städten, welche im Mittelalter nicht aus der früheren Geschichte fertig überliefert waren, sondern sich neu aus den freigewordenen Leibeigenen bildeten, war die besondere Arbeit eines Jeden sein einziges Eigentum» (Marx K., Engels F. T. 4. S. 40).

объединением класса рабовладельцев многих народов под эгидой Рима и затем Константинополя. Это не переходный строй – это последний этап рабовладельческой формации, когда уже потерпели жизненный крах и рабовладельческая экономика, и античная идеология. Переходный период к феодализму должен начаться с создания условий для того, чтобы появившиеся новые институты получили решающее значение, для этого следовало повысить производительность обнищавшей деревни, укрепить самосознание крестьянства как класса, допустить перемещение земельной собственности в пользу крестьянской общины, снизить на некоторое время действенность оформленных в римском праве форм зависимости. И только после укрепления свободной деревни, могущей давать солидную ренту, повести широкую кампанию за закрепощение крестьян – к развитому феодализму¹⁶.

Положение в городах Римской империи в IV–VI вв. тоже изменялось. Рабы все меньше использовались в городском производстве. Разорялись мелкие рабовладельцы, развивалось свободное ремесло, объединявшееся в коллегии; вместе с тем усиливалась и роль наемного труда. Корпорации и объединения наемных работников стали организовывать, по терминологии V в., «монополии» в своих экономических интересах (CJ. 4, 59, 2, 2). Составлялись компании навклиров по крупной морской торговле. Создается впечатление, будто позднеантичный город уже стал приближаться к развитому средневековому городу с его цехами и гильдиями. Но было еще далеко до феодализма. Рабовладельческое государство было еще сильно. Поиски новых форм эксплуатации свободного населения в период кризиса рабовладения привели и город к закрепощению со стороны государства.

С IV по VI в. ряд важнейших корпораций был закреплен к месту работы. Прикреплены были и лица, выполнявшие в принудительном порядке необходимые для городов и государства повинности (*collegiati*). Правда, эти прикрепленные не считались рабами, но, во всяком случае, имелась полная аналогия с поисками форм закрепощения крестьянства к земле – *glebae adscriptitii*. Таким образом, позднеантичные горожане-трудящиеся были уже не свободными гражданами полиса, а зависимыми. Об этом так ярко свидетельствуют резкие конституции Кодекса Феодосия (кн. X) и Юстиниана (кн. XI).

В поздней Римской империи и ранней Византии все понятия демократии в городе были уже позабыты. Понятие «гражданин – квирит» потеряло всякое значение, Юстиниан считал *quiritium nomen* только пустым и излишним словом *vacuum et superfluum verbum* (CJ. 7, 25). Традиции классического полиса, сохранявшиеся в Римской империи в форме господства курии, начиная с IV в. подавлялись органами центрального государственного аппарата. Но поскольку крупные должностные лица являлись (или становились) крупными земле-

¹⁶ Об этом см.: Сюзюмов М. Я. Дофеодальный период // АДСВ. 1972. Вып. 8.

владельцами, имеющими в своих руках в условиях новых юридических прав массу материальных продуктов агрикультуры и промыслов, политика централизации обернулась к власти крупной феодализирующейся знати (экономическая зависимость, соединение городской средневладельческой знати, патронат над городом) – это фактически приводило к децентрализации, к власти крупных владельцев. Юстиниан вел политику против всевластия местных вельмож: в знаменитой халкидонской конституции VIII июльских календ (530 г. – CJ. 1, 4, 26) он оформил управление городом возглавляемой епископом комиссией из именитых жителей. Но эта конституция поставила епископа как будто на место «владельца» города, а его комиссия состояла из живущих в городах крупных земельных собственников окружающего района. Создались такие условия, что город стал как бы подвластным развивающимся феодалам. Горожане – уже не граждане, а обыватели, хотя и гордились, что они «римляне», но были не *politai*, а *oikountes*¹⁷. И если уже не было никаких узаконенных народных собраний, то стремление народа проявить свою активность осуществлялось в эрзацдемократии только в церковных приходах и в спортивных партиях. Централизация носила все еще традиции рабовладельческого Рима: исключительно тяжелый налоговый гнет в основном был в интересах столичного города – Константинополя, который, по традициям Рима, жил за счет других городов, где церковная и спортивная квазидемократия могла увлекать широкие массы и оказывать влияние на политику. Такая централизация была невыгодна и для крупного землевладения, не могущего извлекать солидную ренту от обнищавших крестьян, и вызвала недовольство масс. Создалась революционная ситуация, которая в 602 г. перешла в гражданскую войну. Фактически рабовладельческая знать погибла; временно как бы отпали феодализирующие поиски позднеимперского права, а сельская община стала ведущей организацией аграрного производства. Город лишился подвластных деревень, и прямая эксплуатация крестьянского хозяйства горожанами – владельцами деревень прервалась.

Начались века тяжелого упадка города. Власть перешла к военному сословию (фемный строй), город стал в первую очередь локальным центром военной организации. Традиционная централизация в интересах Константинополя, однако, осталась, что привело Византию к длительной борьбе между феодализирующейся сановной знатью – столичной (сторонниками строгой централизации) и возникающим в недрах военного сословия классом крупных землевладельцев. В условиях, когда государственная власть находилась в руках сторонников цент-

---

¹⁷ **Irmischer J.** Die Polistradition im Spätantiken Rom // Βυζαντινά. 1974. Т. 6 (Thessalonike). S. 181–190; **Курбатов Г. Л.** Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. Л., 1971. С. 200–203; **Paschoud Fr.** Roma aeterna. Études sur le patriotisme romain latin à l'époque des grandes invasions. Attingen, 1967.

рации, интересов Константинополя, где правительство стремилось развивать имевшиеся корпорации, провинциальные города восстанавливались очень медленно, их торговцы в столице ограничивались в правах. Это приводило к тому, что в случаях апостасий провинциальные города часто становились на сторону мятежников. Однако города, хотя и в состоянии упадка, тем не менее осуществляли необходимые для развития общественного строя функции.

Правда, мелкий провинциальный город уже не мог быть производственным центром: с развитием сельской свободной общины количество горожан, живших доходами от крестьян, значительно поубавилось. Но ремесло не окончательно исчезло: епископ, стратиг и все окружение должностных лиц не могли обходиться без соответствующих ремесленников, важным было и производство военного снаряжения, которое города поставляли в порядке повинностей. Упадок провинциальных городов был обусловлен и значительным сокращением внутренней торговли вследствие опасностей сухопутной торговли в VII–VIII вв., когда фактически граница была открыта для набегов... Но мы не можем согласиться с теорией полной аграризации византийских городов (за исключением приморских) Е. Кирстена¹⁸ и А. П. Каждана. Кроме военно-организационной, города осуществляли и идеологическую функцию – епископ по-прежнему имел значительное влияние на всю епархию, которое особенно усилилось в «темные» века, когда происходила внутрицерковная, связанная с политической борьба – сначала монофелитство, затем, с особенной силой и массовостью, иконоборчество. Город, правда в упадочном состоянии, оставался центром образованности – грамотности (хотя для дальнейшего обучения следовало отправляться в столицу).

Что же касается приморских провинциальных городов, то они в значительной степени сохранили свое экономическое значение, вели оживленную морскую торговлю¹⁹, имели значительно развитое ремесло, являлись центрами производства и концентрации богатств. Ремесло и торговля не были закрепощены, но города не имели никакого самоуправления и зависели от стратига и должностных лиц.

Провинциальные города оставались судебными центрами. В Земледельческом законе, действие которого в качестве обычного права, а потом и закона относится уже к VII в., большая часть казусов из гражданского и уголовного права

¹⁸ Kirsten E. Die byzantinische Stadt // Berichte zum XI Internationalen Byzantinisten – Kongress. München, 1958. S. 19–24. Разбирается положение городов за исключением крупных (Константинополь, Фессалоники), игнорируются функции городов и значение их в общественном развитии. Между тем влияние города как общественного института не зависит от количества и величины городов, а проявляется в том, как через посредничество города регулируется развитие социально-экономическое, политическое, идеологическое и культурное.

¹⁹ Показатель развития морской торговли – Морской закон, относящийся к VII–X вв. Экономическое положение приморского провинциального города дано на примере Фессалоники в произведении И. Камениаты «Взятие Фессалоники» (начало X в.).

опущена (оформление соглашений о займе, продаже земли, тяжбы по завещаниям и опеке, казусы семейного права, убийство, кража, изнасилование, мятежи, колдовство, оскорбление величества); все эти судебные дела решались не по сельскому закону, а в городе, где были гражданские архонты, табулярии, экдики²⁰, где жил епископ, судивший по каноническому праву. Хозяевами города стали стратиги, архонты, военные и гражданские судьи, епископы и их иерархия, а в более торговых городах – богатеющее купечество и ростовщичество. Полное отсутствие политических прав населения в управлении городом оформлено Львом VI. Слово «демократия» приравнивалось к понятиям «мятеж», «убийство»²¹.

В византийской истории нет главы о коммунальной революции. Правда, географическое положение Византии в центре Восточного Средиземноморского региона давало экономические возможности пойти по линии развития северо-итальянских городов, что мы видим в фактах отпадения городов Далмации, волнений в Херсонесе. Но наличие континуитета в существовании сильной государственной власти затрудняло выступления горожан. К тому же психологически характерная для Византии возможность вертикального восхождения по социальной лестнице путем включения в государственный аппарат ослабила порывы к борьбе за автономию. После перехода власти к феодализованной знати провинциальные города хотя и стали быстро развиваться, но итальянское засилье, которое внесли Комнины, фактически привело византийские города к непреодолимому отставанию от Запада. Тем не менее немногие из них в XIII–XV вв. получали такие привилегии, которые превращали их в подобие античного полиса и западных коммун²². Турецкое завоевание окончательно нарушило развитие этих тенденций.

На Западе разгром городов при нашествии варваров привел к перемещению собственности и фактически к ликвидации городской рабовладельческой знати.

Существовавшие формы подчинения городом деревни прервались: вместе с крушением римского государства, его аппарата принуждения количество в городе лиц непроизводственных профессий резко упало. Закрепощенные корпорации освободились, но из-за отсутствия клиентуры рассыпались: ремесленники при разгроме городов или обращались в рабов²³, или спасались от голода в деревнях. Элементы аграризации, которые всегда существовали в античных городах и субурбиях, усилились. Города в известной степени натурализировались,

²⁰ Эклога. IX, X, XIV, 10; XVII.

²¹ **Irmischer J.** Die Polistradition im Spätantiken Rom. S. 136; **Kirsten E.** Die byzantinische Stadt... S. 37–43.

²² **Kirsten E.** Die byzantinische Stadt... S. 37–43.

²³ Мы знаем, как высоко оценивалась жизнь захваченных и обращенных в рабство ремесленников (ювелиров, кузнецов, плотников) по варварским правдам (Lex Burg. 10).

хотя, как сообщают подробности войн, без доставки продуктов из деревни существовать не могли.

Несмотря на опустошения, города все еще считались источником особого дохода в силу сохранения торговли. Меровинги вели постоянные войны за обладание ими. И короли, и графы, и епископы имели в городах свои резиденции²⁴. Доходы с городов сделались объектами пожалований.

В буре постоянных войн город был некоторым убежищем и гарантом сохранения собственности. В общем хаосе люди нуждались в элементах устойчивости. При полной слабости королевской власти только блестяще организованная церковь сумела сохранить свой аппарат идеологического воздействия. Церковный аппарат представлял собой элемент непроектного населения в городах епископий и парохий. Церковь полностью приспособилась к переходу власти к германцам – понятие «варвар» фактически исчезло²⁵. В состав епископата и клира стали входить и германцы.

Все необходимое епископский двор мог заставить сделать в порядке повинностей. Григорий Турский рисует, какую сохраняли власть, какой произвол могли епископы совершать над городским населением! Нейстрийский король совершенно резонно сетовал, что в городах «одни епископы только властвуют» (Григорий Турский. VI, 46). Фактически старинные города становились чем-то вроде епископского поместья. Разумеется, и король, и графы, рассматривавшие их как военную добычу, стремились обременять горожан обложениями и повинностями, доводя иногда их до мятежей.

В противовес деревне, которая сделалась на время «дофеодального периода» свободной общиной, город стал феодально зависим. Это и есть те города, которые «в готовом виде вошли в средневековье». Невзирая на уменьшение населения и упадок экономики, эти города в продолжение раннего феодализма имели важнейшее значение для всей народной жизни Запада. Город сохранил свою идеологическую и торговую функцию.

В течение всего средневековья религия имела регулирующую силу. В условиях слабости центральной власти организация церкви представляла собой одну сторону распавшегося государственного аппарата, епископская власть из города была «одним из двух мечей», которые заставляли население соблюдать необходимые для общественного строя устои. Варварские короли это осознавали. Епископы имели от королей привилегии: епископ в своей епархии пользовался *bannus episcopalis* по примеру графа, к тому же имел особые права отлучения, церковного покаяния.

---

²⁴ То, что короли жили «в своих поместьях», не имело особого значения. Так, местопребывание в «поместье Берн», почти в нескольких лье от Суассона, равносильно пребыванию в Версале, Потсдаме, Петергофе и т. д.

²⁵ Günther R. Von der antiken zur frühfeudalen Christlichen Kirche // Wiss. Zt. K. Marx Universitat. Leipzig, 1976. H. 1. S. 69–78.

В нашей историографии недостаточно оценивается организующая управленческая роль города как епископского центра в регулировании основной ячейки общества – семьи и вообще деятельности частного человека. Ни один агент светской власти не имел так много контактов с населением. Ни одно светское учреждение не имело таких возможностей транслирования своих законов среди населения. Уже с IV в., когда произошла трансформация христианства в результате союза с римским государством, развилась практика созыва (помимо вселенских) также и поместных соборов. После варварского завоевания церковь особенно часто стала собирать в сохранившихся городах или пригородных дворцах королей (Брен, Аквы) церковные соборы государственного значения, когда созывались все епископы, знать из приближенных короля, причем положения этих соборов утверждались королями. На таких соборах, помимо догматических и литургических, разбирались вопросы морали, поведения частных лиц и духовенства, семейного права, отношения к власти, именно все то, что требовалось для общества, переходящего в феодализм. Путем созыва соборов создавался прототип представительного правления, которого фактически классическая античность не знала. Из епископских центров распространялись рукописи различных собраний канонов. С VI в. стали вводиться общецерковный кодекс канонов Дионисия Малого, календарные таблицы празднования пасхи, летоисчисление Дионисия. Власть города над деревней особенно чувствовалась в предпринимаемых ежегодно съездах местных священников в епископский город²⁶. На съезды прибывали и светские знатные лица. Все поручения зачитывались священникам с требованиями неукоснительного проведения их в жизнь. Вслед за этим ежегодно проводились епископами или архидиаконами визитации в провинции. Тогда собирали в поселении всех жителей для ревизии деятельности местной церкви и выполнения жителями обрядов и взносов с проведением церковного суда²⁷. Церковь становилась феодалом, эксплуатирующим население через «десятину» (утверждена на втором маконском соборе 586 г., проводилась в жизнь энергично под угрозой отлучения во Франции Пипином, в Баварии – Тассило; окончательно повсеместно десятина была введена Карлом Великим)²⁸.

Христианство – централизованная, «письменная» религия, поэтому священник (и в частных церквях) должен быть обязательно человеком грамотным. Города превращались в центры образованности²⁹. Правда, в века ужасов варварс-

²⁶ **Barion H.** Fränkisch-deutsche Synodalrecht des Frühmittelalters // Kanonistische Studien und Texte. 1931. Т. 5–6.

²⁷ **Kirn F.** Mittelalterliche Staat und das geistliche Gericht // Zeitschr. für Rechtsgeschichte. Kanon. Abt. 1916. № 37.

²⁸ Геристальский капитулярый. 779, § 7.

²⁹ В. М. Долгий и А. Г. Левенсон (см.: Архаическая культура и город // ВФ. 1971. № 7. С. 91–102) считают, что появление письменности укрепило положение города. Говоря о многофункциональ-

ких нашествий только монастыри имели возможность заниматься просвещением и быть центрами науки. Но использовать свою ученость грамотные люди могли не в монастырях, а в городах, в канцеляриях епископа и графа, при короле, оформляя путем «формул» гражданские обязательства и королевские приказы. Интересно отметить, что известный составитель Кодекса формул Маркульф был монахом, работал по поручению епископа города Парижа Ландерика (644–657)³⁰. Как бы ни было ограничено образование христианскими текстами, преподавание семи свободных наук от Марцианна Капеллы и Боэция сохранилось – Вергилия цитировали, даже епископы им увлекались! Постоянная борьба с ересями требовала более углубленного изучения позднеримских христианских трудов IV–X вв., к тому же и государственный аппарат требовал грамотных людей. Великая античная культура не погибла, хотя и сильно пострадала.

Установленное в IV в. единство христианского мировоззрения считалось необходимым условием для укрепления феодализирующихся институтов, для ломки пережиточных тенденций родоплеменной демократии и античной языческой идеологии.

Можно удивляться тому диалектическому единству между общей и обязательной для всех идеологией культа, латинской образованностью и в то же время сохранением специфики народностей в той же идеологии, в тех же верованиях и в переосмысленных обычаях.

Эпоха феодальной раздробленности была не только перенесением центральной власти на локальную. Это была эпоха, когда Западная Европа, несмотря на свои национальные и локальные различия, стала представлять как бы нечто целое в производственных и культурных отношениях народных масс, рыцарства и клириков.

Однако создание условий для полного господства над подвластным населением не могло осуществляться одним моральным воздействием без объединения со светскими формами принуждения. В конкретной реальности процессов развития раннего феодализма это приводило к распространению светской власти графов, епископов, фогтов. В сознании феодалов горожане стали рассматриваться наряду с феодально-зависимыми, а бенефициальный город – как собственное поместье³¹.

ности города, авторы характеризуют его в семантическом плане как «грандиозный контейнер и транслятор» культурной информации, как центр институционального управления жизнедеятельностью общества, как храмовый, дворцовый и рыночный центр межиндивидуальных сношений.

³⁰ Попытка отнести Маркульфа к более позднему времени несостоятельна. См.: **Buchner R.** Die Rechts Quellen. Weimar, 1965. S. 52, Abb. 39 // Wattenbach-Levinsen. Deutsche Geschichtsquellen im Mittelalter. H. 11.

³¹ О «сервильном» положении массы горожан, о «сеньориальном суде и произволе» см.: **Люблинская А. Д.** Сельская община и город в Северной Франции XI–XIII вв. // СВ. 1976. Т. 38. С. 119.

Но город как институт, генетически произошедший из позднеантичной римской культуры, христианизированный, епископальный или парохальный центр не мог стать феодальным поместьем ни епископа, ни феодала, ни самого герцога или короля. Если аграрное мелкое хозяйство, объединяемое поместьем, закономерно вело к феодальной раздробленности, то, наоборот, в городе, при всем стремлении правителя сделать его локальным центром, столь же закономерной была тенденция города как общественного института иметь связи в широком масштабе как экономические, так и научно-образовательные и идеологические³². При всех связях горожан с натуральным хозяйством основное отличие города от деревни – в многообразии деятельности и личной инициативе. Жители даже самого мелкого города всегда считали себя горожанами, традиционно – *oppidanorum alumni*.

Зависимый статус горожан оказался несовместимым с развивающимися производительными силами, что после ряда веков привело к коммунальной революции. Горожане иногда путем восстания, иногда путем переговоров добивались относительного перехода управления в руки городской владельческой, торговой и ремесленной верхушки.

Коммунальная революция с укреплением самостоятельного аппарата управления развивалась в Северной и Средней Италии и в стране со слабой центральной властью – в Германии, тогда как во Франции в основном города сделались королевскими, но результатом этого было повсеместное развитие светского образования и тенденций к возрождению свободной мысли³³. Развивающийся город стал неотъемлемым звеном дальнейшего развития феодальной системы и вносил элементы будущего строя в производственные отношения.

В истории Западной Европы после победы коммунальной революции произошел как бы процесс восстановления классического античного прошлого – на базе нового способа производства восстановилась система самостоятельных и автономных полисов. Старинные города Италии, Франции и возникшие по образцу их развития новые города Германии как бы превратились в античные полисы. Восстановилась и старая типология городов в различных формах и стадиях развития: классического (греческого) как города – суверенного государства с элементами демократии и неизбежной борьбой внутри и переворотами и в то же время с высокой степенью культурного развития и экономической активности. Другой тип полисов – эллинистические столицы с концентрацией

³² Отметим характерный факт: в Лионе в X в. (самый «темный» век) можно было изучать *artes liberales*: Vita Mioli abbatis Cluniacensis, auctore Odilone abbate Cluniacensi eius successore // MPL. T. 142. P. 945. О значении светских школ в старинных городах Италии в X–XI вв. см.: Werner E. Anselm von Besate und die neue Dialektik in XI. Jh. // Pädagog. Hochschule «K. Liebknecht» (Potsdam). 1975. H. 2. S. 210 sq.

³³ Классически четко представлено развитие светского образования в городах времен коммунальной революции в работе: Сидорова Н. А. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции. М., 1953.

богатств из провинций; и третий тип – провинциальные города Римской империи – это города под властью короля с патрициатом, подобно римским куриалам, разделяющим власть с представителями королевской администрации.

Пусть это аналогия, но аналогии как раз дают яркое представление о спиралеобразном процессе развития города как общественного института. Старинные города осознавали связь с античным прошлым, об этом свидетельствуют остатки памятников античности; часто как бы сознательно стремясь быть продолжением римских цивитатес, города давали своим магистратам римские названия. Подобно римским, средневековые города вновь стали такими же самоуправляющимися центрами образованности, внешних связей, ремесла и отчасти своими статутами коллегий и корпораций в виде цехов и гильдий³⁴. Но способ производства в таких городах был совершенно иной, чем в рабовладельческое время. Государственный аппарат действовал в нескончаемой борьбе в различных ситуациях и комбинациях трех сил: живших в городе феодалов-крепостников, помимо доходов от земле-владения стремившихся изыскивать доходы и от городского населения; купечества и сливающейся с ним верхушкой ремесла, заинтересованной в развитии производства, в предоставлении широких прав цехам; и, кроме того, третьей силы – широких плебейских масс трудящихся – ремесленников и наемных работников, в руки которых иногда во время мятежей могла переходить власть.

Единство идеологии, обрядов, образа жизни объединяло Западную Европу. *Узкий конкретный интерес* к городскому производству в соединении с *широким международным кругозором* и развивающейся в городах образованностью привел к невиданному в античное время техническому прогрессу.

Ведя борьбу против поместий и замков феодалов за свободную и безопасную торговлю, покупку продовольствия и сырья для ремесла, за свободу против стремлений феодалов подчинить города, автономный или независимый средневековый город в период расцвета средневековья вовсе не выступал против феодализма как общественного строя. Город сам был воинственным феодалом. Ряд старинных городов в Италии пошел по пути захвата территорий с аграрными хозяйствами и подчинения других городов.

Церковь легко примирилась с городами-коммунами. Для самой церкви раздробленность власти епископов – самостоятельных феодалов, правителей городов – была опасной, приводившей к так называемой германизации церкви,

---

³⁴ Конечно, античные объединения отличались от средневековых стадияльным положением. Однако и в эпоху феодализма цехи в Венеции, Франции, Германии, Англии во многом не были тождественны в правах. Общее античных коллегий и средневековых цехов – объединение трудящихся по профессиональному признаку. Но и отдельные положения поразительно схожи: так, например, у фуллонов имелось монопольное право заниматься своим мастерством, как и у многих средневековых цехов, особенно в корпорациях позднеримской империи; запрет быть членами двух коллегий, правила приема в цехи и т. д.

что было прекращено «клюнийским движением» для восстановления «чистоты» догматики и культа. С конца X в. значительно окрепла централизованная деятельность папской власти в городах. Избавившись от сеньориальной власти епископа, города тем не менее находились полностью во власти церковной идеологии, даже поддерживали ужасающие институты религиозного фанатизма. Несмотря на наличие плебейских еретических движений, горожане, ставшие более свободными, в основном оказались ортодоксальными католиками, строили пышные храмы и спокойно смотрели, как на зрелища, на казни еретиков, осмелившихся проявлять самостоятельность мысли.

Можно сказать, что основной путь развития средневекового города вообще пролегал именно в рамках тех городов поздней античности, которые «вошли в феодализм в готовом виде». ... В Италии сохранившиеся от античности города, несмотря на разрушения лангобардами, смогли использовать в большей мере достижения прошлого, диалектически соединяя их с потребностями развитого феодального общества³⁵. Возрождение как городское интеллектуальное движение, возникшее, в конечном счете, на базе материального развития итальянских городов путем восприятия и развития достижений античности, оказало грандиозное влияние на ускорение прогрессивного процесса мировой экономики и культуры на Западе.

В заключение в общих чертах коснемся роли «новых городов», возникших в средневековье. К. Марксу и Ф. Энгельсу приписывается мысль, что новые города «образованы освободившимися крепостными». Но К. Маркс и Ф. Энгельс вовсе не так формулировали эту мысль, в подлиннике значит: *sich neu aus den freigewordenen Leibeigenen bildeten*, т. е. города «образовались из освободившихся крепостных». Это совсем другое понимание.

Но могла ли в период феодализма группа беглых крепостных основать город (подобно колониям в античности)? Они могли основать только *поселение*. Ведь мы имеем дело с христианизированными крестьянами и наличием государства. Всякое поселение (если это не было разбойничьей шайкой, грабившей проезжих) организовывалось именно как христианское сообщество, которому было необходимо иметь священника, связанного с епископией. Превращение поселения в город и основание города могли происходить только тогда, когда разросшееся экономически по военным или политическим соображениям по-

---

³⁵ Господствовавшие в прошлом теории полного «бруха» в Северной Италии в городах, будто бы уничтоженных лангобардами, постепенно теряют свои позиции. Так, Л. А. Котельникова, доказывая наличие ремесла в старинных городах лангобардской Италии, пишет: «В настоящее время применительно к Италии полностью доказана несостоятельность теории об исключительно вотчинном характере ремесла в раннее средневековье, о поместном дворе как единственном центре ремесленного производства в то время и родоначальнике городского ремесла» (см.: СВ. 1976. Т. 38. С. 107).

селение получало статус города – в первую очередь в церковном отношении – епископию, архидиаконство, деканат и феодальные права локального административного, а также военного центра.

Что же касается ремесла, то позднее античное ремесло не умирало, помимо уцелевших городов оно развивалось в королевских, монастырских и прочих поместьях, замках. О сохранении самого квалифицированного ремесла в начале IX в. блестяще свидетельствует капитулярый *De villis*.

Можно отметить, что в силу спиралеобразного развития отдельные процессы с поразительным подобием повторялись. В начале перехода к феодализму ремесло из городов перемещалось в деревню, в имения, монастыри... Но по мере развития производительных сил начался обратный процесс устремления ремесленников в города. Для старинных, сильно разрушенных городов это было повторное отделение ремесла от сельского хозяйства, для новых городов это разделение являлось как бы первоначальным, но уже на базе новой внешней экономической ситуации. Феодализм стал более прогрессивной общественной формацией после рабовладельческой. Прогрессивной, поскольку развился в основном на отрицании прошлого способа производства, но исторически прогрессивность нового способа производства могла стать только на базе преемственности основных достижений античности, а не на основе эволюции родоплеменных традиций. В этом отношении важнейшую роль сыграли именно уцелевшие от античности города, во взаимосвязи которых и создано то единство, которое мы называем европейским средневековьем, как в Византии, так и на Западе. Итак, в заключение мы можем утверждать, что основанный в античности город продолжал существовать в раннем средневековье. Он стал «раннесредневековым городом». Разумеется, специфика раннесредневекового города отличается, как мы пытались показать, от специфики города в развитом феодализме. Античный город не перешел прямо, эволюционно в «феодальный», но путем развития в продолжении длительного периода, как мы пытались доказать, «раннесредневекового» города, отражавшего потребности переходного периода³⁶.

---

³⁶ Считаясь с господствующей теорией города как производственного центра, А. Р. Корсунский (История Испании IX–XI вв. М., 1976) недоумевает, можно ли говорить о городах Испании времен реконкисты (Леон), которые современники резко отличали от деревень, но которые не были производственными центрами. Он считает тем не менее их *городами*, хотя и прибавляет, что для превращения их в «подлинные *феодальные* города необходимы были еще значительные сдвиги в социально-экономическом строе Испании» (С. 81–83).

**ЗАЧАТКИ БУДУЩЕГО
В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ
РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И РАННЕЙ ВИЗАНТИИ
(К постановке вопроса)¹**

...История средних веков показывает, какое влияние на общество имели средневековые университеты, изучавшие римское право. Особенно важно, что после победы Французской буржуазной революции Наполеон принял созданный на основе римского частного права «Code civile» в качестве классического свода законов, отвечавшего потребностям капиталистической Франции. Игнорировать эти факты было бы также не историчным.

Как же разрешить это кажущееся противоречие?

Все явления и процессы необходимо рассматривать в них движении во времени как проходящие через определенные стадии, этапы развития. Любое общество основано на организации форм использования результатов человеческого труда; а в классовых обществах – на использовании в интересах господствующего класса прибавочного продукта труда. При этом слишком многое зависело от форм эксплуатации человека: было ли это рабовладение, феодальный способ производства или капитализм.

Разные формы эксплуатации часто использовались одновременно в любом антагонистическом обществе, но только одна из них являлась экономически и социально решающей, другие же выступали лишь как отмирающие или как развивающиеся, как элементы будущего². Поэтому, указывая на зарождение в Римской империи элементов, напоминающих капиталистические, мы используем также и ретроспективный метод.

...Обратимся к вопросу о том, что представляли собой элементы, напоминающие капиталистические, в античном Риме.

Сущность капиталистического строя, основанного на частной собственности, широком товарообмене и развитой технике, состоит прежде всего в том, что

---

¹ АДСВ. 1981. Вып. 18.

² В буржуазных энциклопедиях по классической древности утверждалось, что в древнем мире капитал был вполне развит. К. Маркс, критикуя Моммзена, считает это «нелепым утверждением» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 178. Примеч. 39).

собственник, обладающий капиталом, выраженным в деньгах, эксплуатирует труд других свободных, не имеющих собственных объектов приложения труда, по соглашению с ними как с якобы юридически равными ему лицами, уплачивая им меньше, чем стоят те товары, которые были созданы в результате их производственной деятельности. Лишь при совокупности всех этих условий можно констатировать наличие элементов капиталистических отношений.

Можно ли в связи с этим утверждать, что в Римской империи также имело место в практической деятельности людей функционирование подобных элементов? Рассмотрим эти явления по порядку.

1. Охрана частной собственности всегда стояла здесь в законодательстве на первом плане (квиритская, латинская, провинциальная собственность) вместе с указанием на степень свободы собственника. Понимание собственности в Римской империи (а если судить по главному объекту собственности в рабовладельческом мире – рабу, то это была полная наследственная собственность, ограниченная лишь государственной регламентацией) не отличалось в основном от понимания частной собственности при капитализме³. С 212 г. н. э. к тому же все свободные люди считались в сфере частного права равными друг другу⁴. Наводнение Западной Европы германцами устранило на время представления о равенстве, создав постепенно социальную и политическую иерархию, какой до тех пор не существовало.

2. В Римской империи, как во внутренней, так и во внешней торговле с далекими странами, осуществлялся широкий товарообмен, имелось и развитие предпринимательство⁵.

³ Мы считаем недопустимым функции государства – управление, регулирование отношений людей, охрану страны и подданных отождествлять с верховной собственностью (Штаерман Е. М. Древний Рим. М., 1978). К. Маркс и Ф. Энгельс иронически отзывались о подобном смешении (Соч. Т. 3. С. 353). Все мероприятия власти относительно собственности проводились из принципа: «для государства важно, чтобы никто не использовал свою вещь вредно» (Inst. I, 8.2).

⁴ Как пережиток родового обычая римское классическое право вводило серьезное ограничение полной собственности совершеннолетних детей подданных (*commercium*). Но позднее был введен *peculium castrense* – служащие в армии могли иметь самостоятельное имущество, не зависимое от отца.

⁵ Право свободной торговли (*commercium*) имели все свободные римляне, провинциалы, перегрины по *ius gentium* («купцы из наших провинций, которых занесла во вражескую землю свобода торговли *ius commercii*, жажда наживы...» (см.: Тацит. Анналы. II, 62). Широко распространенным в Римской империи было ростовщичество, которое, однако, не содействовало развитию хозяйства, а скорее вело к его развалу. Впрочем, существовало и вложение денежных средств в оптовую морскую торговлю. В отличие от ростовщичества, оно стимулировало развитие экономики и могло создавать денежное богатство. Петроний в «Сатириконе» высмеял, но ярко показал все виды предпринимательства: «Уже маячил миллион (доходов), но свихнулся бедняк» (Сатирикон. 38). Некий Тримальхион отправил с целью торговли 5 кораблей, но они погибли. Тогда, собрав все свои пожитки, он снарядил 5 кораблей и разбогател (Там же. 76).

3. Римские собственники обладали крупными средствами: земля, дома, сырье, суда, предметы роскоши и, в особенности, – деньги⁶.

4. Все сделки между свободными лицами оформлялись в соответствии с регулируемыми государством соглашениями⁷. Раб, считавшийся вещью, не мог быть субъектом права. Он мог проявить в обществе активность только с соизволения господина, при ответственности господина. Все результаты его труда были доходом господина⁸.

Предприниматели строили дома (*insulae*) для извлечения дохода от квартирной платы. О крупных богатствах от предпринимательства отпущенников нам известно из надписей (Белова Н. Н. Рабство в западных провинциях Римской империи I–III вв. М., 1977. С. 106). Данные надписей и папирусов дают представления о предприятиях по производству стеклянных товаров, полотна, шерсти, ковров (см. эдикт Диоклетиана о ценах).

Во внешней торговле предприниматели старались приобрести янтарь на севере, а за предметами роскоши организовывали караванные сообщества на востоке. Крупным предпринимательством можно считать и поставку диких зверей для зрелищ, поскольку на это правительство, городами и отдельными лицами расходовались колоссальные деньги.

Предпринимательство оформлялось или как *unius negotii*, или *guaeustus* (в отношении предприятий, дающих постоянный доход): термином *quaestuosus* обозначался предприимчивый человек. Составлялись многочисленные *societates* – товарищества (Inst. 3,25; Dig. 17,2). Предприятия аграрного порядка сочетали использование рабства, как в производстве, так и в управлении (виллики), с наемным трудом и арендой по соглашению.

Наибольшая аналогия с капиталистическим сельским хозяйством, по К. Марксу, обнаруживается в Карфагене и Риме. В Сицилии встречались «арендаторы», по словам К. Маркса, «в современном значении слова» (Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 350). Масса лиц занималась предпринимательством: «На море больше людей, чем на земле! и флот приплывает, куда бы ни манила прибыли жажда» (Ювенал. XIV, 275–278). Мы не можем согласиться с теми исследователями, в том числе с М. Финли (1973), которые, изучая античность, полностью отбрасывают современные экономические категории, например понятие предпринимательства. На наш взгляд, такая позиция ведет к отказу от необходимости изучать любое явление в движении и развитии. Адекватное раскрытие сущности явления возникает только при его изучении на стадии полного развития. Особое «предпринимательство» было распространено в империи в целях продвижения по социальной лестнице, как и для получения возможности к дальнейшему росту богатства: это путь служения прихотям и тщеславию сильных, подхалимство и доносы (ср.: Лукиан. Т. 2. С. 629 – о карьере бедного философа). Этот вид «предпринимательства» сохранялся столетиями – от республики до гибели Константинополя. Такое «предпринимательство» имело дело с торговлей невещественными ценностями – честью, совестью, наукой. Такой вид «предпринимательства» в его классическом выражении развивался в наше время в странах буржуазной «демократии».

⁶ О создании в Риме крупных денежных капиталов К. Маркс говорил: «В ходе римской истории они (свободные крестьяне. – М. С.) были экспроприированы... это влекло за собой образование крупных денежных капиталов» (Соч. Т. 19. С. 120). В Древнем Риме «купеческий капитал, денежно-торговый капитал и ростовщический капитал достигли – в пределах античных форм – высшего пункта развития» (Соч. Т. 25. С. 142).

⁷ «Ни одна сделка не может считаться законной, если не было соглашения» (Dig. 2, 14, 1, 3 – *conventionem*).

⁸ Рабы (с соизволения господина) могли принимать активное участие и в крупных коммерческих сделках, несмотря на сохранение своего статуса. «И в этой ситуации фактически различие между рабами и свободными предпринимателями теряет свое значение» (Шифман И. Ш. Сирийское общество в эпоху принципата. М., 1977. С. 128; ср.: Dig. 45,1 122,1).

5. Все сколько-нибудь серьезные соглашения оформлялись с оценкой взаимных обязательств в денежном выражении (*emptio, venditio, locatio – conductio, creditor – debtor*), т. е. в цене⁹.

6. Получение прибыли, т. е. факт эксплуатации свободных лиц, считалось естественным¹⁰.

7. Политическая власть, функции управления осуществлялись в основном богатыми собственниками империи¹¹.

8. Наемный труд существовал, официально оформляемый законодательством, со всеми противоречиями, присущими этому институту и при капитализме¹². В отдельных производственных отраслях имелись и объединения работников в соответствии с техническим разделением труда, напоминающие мануфактуру¹³.

---

⁹ Во всех предприятиях учитывались *lucrum* (доход) и *damnum* (убыток), которые и определялись согласно размеру вложенных сумм денег. Иногда выполненная в предприятии работа засчитывалась как вклад денег (Inst. III, 25, 2).

В Римской империи наблюдался известный прогресс по сравнению с классической Грецией. Если в греческих источниках мало говорится о ценах производимых продуктов, и греков интересовало лишь обилие потребительских стоимостей, а не меновая стоимость, то Диоклетиан указал в своем эдикте о максимальных ценах именно на покупную цену, а римские историки постоянно писали о борьбе против дороговизны хлеба (об этом писал Либаний. См. также у Прокопия в «Тайной истории»).

¹⁰ Dig. IV, 4, 16, 4. Ульпиан: *in pretiis emptionis et venditionis naturaliter licere contrahentibus se intervenire* – Dig. 19, 2, 22. Указания на справедливую цену (*iustum pretium*) встречаются в папирусах (см.: **Taubenschlag R.** The Law of Greco-Roman Egypt. Warschawa, 1955. P. 330).

¹¹ Граждане делились на *testabiles* – достойных доверия, имевших состояние в 50 золотых монет (Dig. 48, 2, 10. Гермогиан), и недостойных доверия (ср.: **Patlagean E.** Pauvreté économique et pauvreté sociale à Byzance aux 4e–7e siècles. P., 1977).

¹² «Наемный труд, в котором уже содержится в зародыше весь капиталистический способ производства, существует с давних времен: в единичной, случайной форме он существовал в течение столетий рядом с рабством» (**Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. Т. 20. С. 282). Положение античного Рима как центра колониальной системы товарного обращения той эпохи стимулировало развитие предприятий, напоминающих мануфактуры.

¹³ Хотя разделение труда в докапиталистических формациях сводилось в основном к ограничению профессий в ремеслах, а не к разделению функций внутри мастерских, тем не менее внутреннее разделение труда существовало и в Римской империи, особенно в морской торговле и в кораблестроении. Григорий Нисский описывает постройку корабля как работу с применением внутреннего разделения труда: «Кораблестроитель покупает дерево за деньги, делит на части производство работ, один пилою распиливает дерево на доски, другой строит подводную часть корабля, у кого забота о мачте, у кого о киле; одни вяют канаты...» и т. д. («О Судьбе»: Творения св. отцов. М., 1861. С. 166). Корабль всегда служил и для рыбной ловли, и вообще для предпринимательства. В мануфактуре разделение труда состоит в том, что отдельный рабочий не производит товара. Римское право, на наш взгляд, было вполне приспособлено для мануфактуры (*Locatio-conductio operis*) – учитывался не труд личности, но организация выполнения законного предмета – *apotelesma* – подрядчиком (Dig. 45, 1, § 8, 20–21; 19, 2, 36). Насколько развита была такая «мануфактура» в строительстве в античном Риме, видно из законов Зинона (CJ. VIII, 10, 12).

9. Имело место использование результатов научных изысканий в производственных целях, в строительстве и в военном деле (Колумелла, Плиний Старший, Витрувий и т. д.)¹⁴.

10. В отношениях между производством и потреблением господствовала анархия, сходная с «анархией производства» при капитализме и вызывавшая частые выступления народных масс.

11. Существовала и господствующая идеология, пронизанная идеей патриотизма¹⁵ и связывающая воедино римско-греческое этническое чувство с культом правительства, которое фактически являлось идейным обоснованием и гарантом интересов господствующего класса в целом.

12. Развивалась уже и критика этого строя в форме сатирических сочинений, высмеивающих общество того времени, и в форме философских доктрин¹⁶.

Несмотря на приведенные параллели, при изучении всех этих реальных явлений приходится самым решительным образом подчеркнуть коренное отли-

Узкая специализация и разделение труда широко применялись в Римской империи. «В IV–V вв. в мастерской серебряных дел даже маленькие серебряные сосудики изготовлялись многими людьми» (Зеест И. Б. Ремесло // Античная цивилизация. М., 1973. С. 174).

¹⁴ Нельзя сказать, что наука не имела значения в Древнем Риме. «Машина в ее элементарной форме завещана была еще Римской империей в виде водяной мельницы» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 361. Примеч. 43). У Петрония: «Наука – это клад, и искусный человек никогда не пропадет». «Посмотрите на Филепона – если бы он не учился, давно бы с голоду подох» (Сатирикон. 46). О важности астрономии для ведения сельского хозяйства сказано у Плиния Старшего (XVIII, 207, 284).

¹⁵ Патриотизм античного Рима был связан со стремлением к единству господствующего класса в целях обеспечения экономических интересов и централизации. Так, все сенаторы провинции по распоряжениям Траяна и Адриана должны были покупать земли в Италии, чтобы считать Рим и Италию своей родиной (Плиний Мл. 6, 19, 4). Что же касается широких масс, то рассеяние мелкой собственности ветеранов с их привилегиями, естественно, укрепляло значение такого патриотизма как опору центральной власти. Предоставление гражданства всем свободным провинциалам в 212 г., с одной стороны, укрепляло патриотизм, противопоставляя гордых римлян презренным «варварам», с другой, стимулировало влияние местных интересов и рост центробежных тенденций. Тем не менее римское влияние оказалось сильнее. Слово «римлянин» стало наименованием наднациональной общности: так именовали себя и свое государство византийцы до гибели империи (1453).

¹⁶ Особой критике подвергались нравы всего римского общества у Ювенала. Поскольку статистических данных не имеется, постольку сведения из сатирической художественной литературы могут, на наш взгляд, служить материалом для общих выводов вернее, чем единичные данные надписей и папирусов. С точки зрения социально-экономической, особенно язвительно критикуется общественный строй империи Петронием в «Сатириконе» (в «Поэме Эвмолла», гл. 119): «Стал продажен народ, и отцов продажно собрание, любит деньги толпа, исчезла собственная доблесть, рост баснословный процентов, в войско идут бедняки – ищут богатство в крови...» Резко критикуется и внешняя политика: «Римлянин – ненасытен... Суда, нагруженные войсками, рыщут по морю, – ищут богатства...» (сходные явления имели место и в деяниях европейской буржуазии XIX–XX вв.).

чие римского общественного строя от капиталистического, каким он был уже на начальной стадии, в XVII в. В самом деле:

1. Поскольку собственность на вещь в римском праве считалась естественной (Inst. II, 1, 9), понятие собственности, сформулированное римскими юристами II–III вв., действительно, в теории в основном соответствовало капиталистическому. Однако все явления надлежит рассматривать с учетом стадии их развития. И здесь неизбежно возникает вопрос – почему же в Риме наличие известных предпосылок (разорение крестьянства, например) привело не к капитализму (при тех же, казалось бы, представлениях о собственности), а к развитому рабству? Все дело, видимо, в том, что рабство более отвечало реальным экономическим условиям, а частнособственнические отношения в производственной деятельности не достигли полной зрелости.

В силу известной диалектической закономерности перехода количества в новое качество укрупнение хозяйства фамилии, захваты пленных, развитие организации труда рабов – все это привело патриархальное рабство к его новой, развитой стадии. Затем в результате бурного роста культуры высококвалифицированный раб стал осознавать свою ценность и поэтому оказался опасным для господина. И вновь количество перешло в новое качество: отдельным рабам начали поручать надзор и распорядительные функции, а массе рабов предоставили возможность трудиться заинтересованно, с проявлением самостоятельности (пекулии, статус типа колоната). А это означало возникновение тенденций к переходу на феодальный путь развития (IV–V вв.).

Собственность в Римской империи оставалась относительно мелкой. Даже при концентрации крупных богатств не возникало капитала, организующего крупное производство. Это богатство складывалось из доходов рабовладельческих хозяйств. Сама собственность в условиях рабовладельческого хозяйства приобретала особый характер: поскольку изолированный рабовладелец был бы совершенно беззащитным перед массой своих рабов, постольку он должен был иметь опору в свободной плебейской бедноте. Поэтому собственность рабовладельца оказалась связанной с разного рода материальными обязательствами перед обществом, особенно перед плебсом, и в существенной степени зависела от политики государства. Провозглашение в 212 г. гражданского равенства всех свободных подданных отнюдь не отменило привилегированного статуса богатых в отношениях *honesti-humiliores*.

Предпринимательство, хотя и широко распространившееся, оставалось относительно мелким, редко принимающим характер расширенного. Для представителей низов общества (вольноотпущенников) предпринимательство служило средством проникновения в высокие социальные сферы. Поощрение предпринимательства зачастую имело целью направить активность лиц из низов на путь легальных методов обогащения, отвлекая их от социальной борьбы.

2. Товарное хозяйство, внутренняя и внешняя торговля, сравнительно с эпохой нового времени, имели скромные масштабы. Крупное товарное производство, оптовые закупки выступали лишь в зачаточном виде.

3. Богатства, получаемые от предпринимательства, обычно расходовались на роскошь, использовались в политических целях, но не на расширенное воспроизводство.

4. «Добровольные» соглашения зачастую были сопряжены с политической и экономической зависимостью (клиентела, патронат, прекарий, долг).

5. Хотя юридическое оформление соглашений в денежном выражении имело место, сохранявшие существенное значение натурально-хозяйственные отношения нередко приводили к замене денег соответствующими продуктами труда, что практически ослабляло роль денежного капитала.

6. Положение права о «естественности» стремления к наживе являлось уже как бы элементом защиты существующих форм эксплуатации, зафиксированных в заключенных соглашениях.

7. Богатство давало возможность обретения власти, но превращение возможности в действительность тормозилось традициями правовых привилегий знати на управление государством, произволом императора и упадком демократических институтов на местах.

8. Наемный труд использовался по преимуществу лишь как дополнительный, в случае недостатка или дороговизны рабов и их содержания, причем главным образом – в сфере услуг потребительского характера¹⁷. Производственная же роль наемных работников заключалась только в эпизодическом их использовании в сельском хозяйстве, строительстве, судостроении и судоходстве, но и тогда положение дел существенно осложнялось натуральными, трудовыми повинностями в пользу государства.

9. Если наука в Римской империи и применялась в производстве, то внедрение научных достижений, с одной стороны, было связано с рабовладельческим характером управления производством, а с другой – тормозилось презрением к производительному труду среди свободных. В земледелии роль науки сводилась к учету метеорологических «примет»¹⁸.

Для представителей господствующего класса античного общества наука выступала в качестве объекта роскоши, занятием которой (наукой) знатная молодежь могла гордиться точно так же, как дорогим ожерельем; для лиц же из

---

¹⁷ Нельзя трактовать античных наемных рабочих как класс (несмотря на его организованные выступления и «забастовки» (см.: Сюзюмов М. Я. Трудовые конфликты в Византии // Византийские очерки. М., 1971).

¹⁸ «Только в крупной промышленности человек научается заставлять продукт своего прошлого, уже овеществленного труда действовать в крупном масштабе даром, подобно силам природы» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 399).

низов она служила средством социального продвижения. Ювенал высмеивал стремление приобщиться к греческой культуре, особенно старание женщин походить на гречанок (Ювен. III, 60 и сл.; VI, 176). Отмечая стремление молодежи к науке, сатирик тем не менее был в отчаянии от приниженного положения учителей (VIII, 175), которых знатные ученики даже избивали (VII, 203 и сл.).

10. В военном деле, при особых потребностях императорского двора, отчасти в организации зрелищ, наблюдалась некоторая плановость. Но и в этих случаях производством конкретно руководили откупщики, которые при выполнении поручений преследовали личные цели. Все же остальное производство велось стихийно, удовлетворение потребностей носило анархический характер – оно регулировалось лишь силой традиций античного города, заинтересованного в спокойствии народных масс.

11. Влияние античной религии на общество нельзя переоценивать, поскольку она не имела такой организации, которая была характерна для христианства. Каждый жрец, поэт и философ мог создавать свои догматы морали и модели образа жизни. Более устойчивы были обычаи, возникшие в трудовой деятельности масс и оформленные олимпийской религией. Эти обычаи христианству впоследствии пришлось переосмысливать.

12. Нельзя сказать, что рабовладельческая интеллектуальная верхушка не сознавала недостатков своего общества (назовем хотя бы Апулея, Ювенала, Тацита, Петрония). Однако настоящая глубокая оппозиционность возникла только тогда, когда стала проявляться экономическая невыгодность рабовладельческого способа производства. При этом подлинные причины критики общества не выступали наружу, а оппозиция нередко обрушивалась на достижения античной культуры, толкая общество порой не к прогрессу, а на путь культурной деградации и упадка. Традиции демократии выражались в создании особых сообществ (оппозиционного и легального направления) по преимуществу в спорте и религиозной догматике (спортивные организации – димы; религиозные секты).

Таким образом, проведенное сопоставление приводит к констатации того, что в Римской империи действительно, с одной стороны, было немало явлений и институтов, напоминающих капиталистические, но с другой – они представляли собой лишь неосознанные попытки внедрения в практику как бы «забежавшей вперед» теории, причем в определенной, неповторимой обстановке. Ни в коей мере эти попытки не играли решающей роли ни в экономике, ни в социальном строе. Они были слишком слабы, чтобы противостоять тенденциям к феодализации, хотя в последующем как «модели», зафиксированные юридически, имели существенное значение при переходе от феодализма к капитализму (как «отрицание отрицания», как «развитие по спирали, а не по прямой линии»).

Перейдем теперь к проблеме кризиса рабства в условиях действия римского права.

Выдвижение на передний план организации хозяйства на основе соглашения свободных лиц вело логически к признанию «неестественности» рабского труда¹⁹. Во II–III вв. рабство было уже всецело регулируемым законами институтом. В общественной мысли рабы рассматривались как «естественные враги» свободных. Но считало ли общество Римской империи труд раба непроеводительным? Поскольку над рабом тяготел страх ответственности и поскольку у него теплилась надежда на освобождение, раб в эту эпоху был нередко усердным и изобретательным²⁰. Но в условиях бурного развития культуры от рабского труда требовалась все большая квалификация, а от этого объективно производство, основанное на рабстве, становилось все более убыточным²¹, так как квалифицированного и дорогого раба надо было кормить, одевать, воспитывать его детей, лечить. Чтобы избавиться от этих забот, господин стал предоставлять рабу пекулий, с которого раб должен был и давать доход по усмотрению господина, и содержать себя и свою семью. Выгоднее оказывалась эксплуатация свободных по схеме *locatio-conductio*, но она зависела от срока соглашения и не гарантировала хозяина от ухода арендатора. Попытки удержать арендатора силой после истечения срока аренды до IV в. запрещались законом²². В результате землевладельцы стали отдавать предпочтение не арендаторам, а наследственно прикрепленным к хозяйству зависимым работникам. Эта практика противоречила основным положениям юридической теории, но в сложившихся условиях состояния производительных сил она являлась экономически необходимой. С поисками выхода из противоречий выступил Диоклетиан. Он знал, что реформы вызовут недовольство в народных массах, и заявил в связи с этим: «Не нужно обращать внимание на пустые возгласы толпы»²³.

В первую очередь Диоклетиан принял меры к усилению роли государственной власти в хозяйственной жизни империи, что, кстати говоря, противоречит

¹⁹ «...*Jure naturali omnes homines liberi nascuntur*» (Ulpianus. Dig. I. 1,4). «...*Servitus autem est... quia quis dominio alieno contra naturam subicitur*» (Inst. 1, 3,2).

²⁰ Так, Сенека считал, что все изобретения – дело рук не ученых, а рабов: «Все это придумано теми, кто занят этим... зеркальные стекла, пропускающие дневной свет... трубы, по которым проходит тепло, о мраморе, которым сверкают дома... о значках, слово за словом подхватывающих сколь угодно быструю речь» (стенография)... «Все это придумано ничтожными рабами...» (Письмо к Люцилию. 90, 24–25). Конечно, Сенека имел в виду не закованных в цепи рабов в производстве.

²¹ Уже Плиний Старший считал убыточным рабовладельческое поместье: «Нет ничего убыточнее наилучшей обработки земли» (18, 36), «но она может быть и неубыточной, если поселянин обработает землю сам с семьей» (18, 38).

²² Против попыток задержать арендатора после истечения срока аренды высказывались император Адриан (Dig. 49, 14, 3, 6) и особенно Гордиан в 244 г.: «*invitos conductores seu heredes eorum post tempora locationis impleta non esse retinendos saepe rescriptum est*».

²³ CJ. 10. IX, 47, 12: «*Vana voces populi non sint audiendae...*»

одному из важнейших принципов капиталистического общества (свободная договоренность сторон при заключении сделок). Более не было речи о том, что в торговле естественно право каждого нажиться на обмане другого. Напротив, Диоклетиан опубликовал знаменитый эдикт о максимальных ценах²⁴, которые запрещалось переступать при любой сделке, продаже, найме. Известно, что эдикт не получил силы, попытка не удалась, но император выдвинул в конституциях 285 и 293 гг. (CJ. IV, 44, 2 и 3) вместо положений права о договоренности сторон принцип *iustum pretium*, т. е. «справедливой цены». Отныне сделки, не соответствующие этому принципу, подлежали пересмотру (*laesio enormis*)²⁵.

Новшество касалось главным образом торговли и заработной платы. Однако оно вызвало затруднения: было не ясно, касается ли новый закон таких соглашений, как *locatio*, частная срочная аренда, особенно при подряде на крупные работы, наемный труд. Сам Диоклетиан выступал и здесь как решительный сторонник соблюдения нового закона (*circa locationes atque con-ductiones maxima fides contractus servanda est* – CJ. IV, 65, 19) 293 г. Однако это нововведение вызвало опасение правительства, не будет ли содействовать новый закон еще большему социальному усилению отдельных крупных землевладельцев и не повредит ли, таким образом, целостности государства. Особенно страшила центральную власть развившаяся практика патрониниев. Появились конституции, запрещающие давление крупных собственников на *tenuiorum* (293 г.; CJ. II, 13), а также старающиеся, по возможности, сохранить положения права о частной собственности (CJ. II, 14, 2 – Диоклетиан).

Крупные реформы, проведенные затем с целью изменения в характере управления, сделали возможным постепенный переход к все более решительному искоренению элементов, напоминающих капиталистические (переход от договорных отношений господина земли со свободными работниками к организации поместья, основанного на труде зависимых людей). Подлинное начало закрепощению крестьян было положено эдиктом Константина I от 332 г. (CJ. 5, 17, 1; XI, 68). Но характерно, что колон-энапограф прикреплялся не лично к господину, а к его имени, «к земле» (CJ. XI, 52, 1). Фактически это делало господина как

²⁴ Максимальные нормы касались и размеров заработной платы наемных рабочих. Из декретов 1344 г. в Англии и из статуса Елизаветы известно, что суровые наказания грозили тем, кто нарушал постановления о предельной высоте зарплаты.

²⁵ Это явное ограничение «свободной договоренности» при сделках. В юридической литературе встречаются попытки доказать, что последняя фраза у Павла (Dig. 19, 2, 22, 3) является позднейшей вставкой, так как в Дигестах (IV, 4, 16, 4) этой фразы нет. Можно, однако, отметить, что и в других местах купля-продажа часто приравнивалась к локации (Dig. 41, 3, 21: *in venditione idem iuris est quod in locatione*). Что это поздняя вставка (т. е. сделанная уже после Диоклетиана), вполне возможно (см.: Mayer-Maly Th. *Locatio-conductio*. 1956. S. 66). В классическом праве отмечаются попытки путем принудительного патроната подчинить себе свободных собственников. Закон это запрещал (Павел. Dig. 50, 17, 69 – *invito beneficium non datur*).

бы неполным собственником в понимании классического права, так как, по более позднему разъяснению, господин не мог продать землю без того адскрипция (энапографа), который к ней приписан, и не мог прогнать или продать адскрипция без земли (CJ. XI, 21, 2). Практически участок стал для крестьянина особой формой наследственного владения, уже не известного классическому праву. Собственность и владение как бы сливались. Однако эти нормы были введены для материального укрепления рабовладельческих вилл, для поддержки рабовладельческой формации, вся власть по-прежнему оставалась в руках того же господствующего класса. До феодализма было еще далеко. Закономерный ход развития требовал ликвидации политического господства рабовладельческого класса и самого этого класса.

В то же время наиболее глубокое и действенное изменение в сфере права произвел переворот в идеологии²⁶: право оказалось связанным с догмами и моралью реорганизованного в 325 г. христианства. Вместе с тем это означало, как выяснилось впоследствии, удар по античному мировоззрению и достижениям античной науки.

Фанатичное преследование сторонников олимпийской религии привело к упадку культуры, относительному на востоке империи (в Византии)²⁷ и глубокому на западе; зарождавшееся каноническое средневековое право надолго задержало впоследствии закономерный переход от феодализма к капитализму.

Обратимся теперь к проблеме отношения императорской власти к общественным настроениям. После полного прекращения деятельности органов республиканской демократии, когда власть в городах оказалась в руках богатой верхушки, все проявления агитации и критики находили выражение лишь в возгласах и криках толпы. Лозунг «*panem et circenses*» был основным для обеспечения опоры императорской автократии со стороны люмпен-пролетариата. В условиях, когда власть над городом переходила к правительственным чиновникам, необходимо было организовать выступления масс как с целью создания настроений лояльности, так и для некоторого контроля за деятельностью чиновничества.

²⁶ Вера в истину божественного предопределения стала выше классического «естественного права», что создало потенцию к беспрекословному примирению со своей ролью эксплуатируемого; фактически тем самым полностью отвергалось положение права о «свободной личности».

²⁷ Византия не знала такого упадка культуры, как на Западе, поскольку элементы, подобные капиталистическим, проникли более глубоко и сохранились здесь при дальнейшем развитии права. Но нигде на Западе не было столь сурово преследование язычества, как в Византии. По Евagriю и Иоанну Эфесскому, вспыхивали грандиозные восстания плебейских масс городов против остатков язычества, в основном – против рабовладельческой знати, против судей. Император обрушился на восставших жестокими преследованиями. Можно сказать, что народные массы вели борьбу против господства рабовладельческой знати под предлогом борьбы против остатков политизма (см.: **Rochow J.** Die Heidenprozesse unter den Kaiser Tiberius II // Studien zum 7.–9. Jh. in Byzanz. B., 1976. S. 120–130).

В 331 г. Константин издал эдикт (Cod. Theod. I, 16, 6), по которому предоставлялось право либо порицать, либо прославлять в выкриках высших чинов государства, чтобы император мог одних награждать, а других наказывать. Центром информации и выражения общественного мнения в Римской империи стал ипподром, где вслед за обнародованием текущих распоряжений властей происходили «политии»²⁸: путем рукоплесканий, восторженных восклицаний или, напротив, резких выкриков население могло выражать свое отношение к администрации (Сократ. Церковная история. VII, 13). На практике правитель обычно подкупал группы «рукоплескателей». «За деньги все можно сделать», «деньги – дороже душ», – говорил Либаний (Речи. 49, 22; 45, 20).

Политическая оппозиция стала соединяться со спортом. Димы, как чисто спортивные ранее организации, начали участвовать в коллективных выступлениях на «политиях». Вместо нестройных выкриков отдельных лиц из толпы теперь организовывались выступления от имени дима в целом²⁹. Спортивная борьба стала политической, а дим – объединением единомышленников с верхушкой из богатых во главе. В борьбе партий отдельные димы иногда лишались права *politeuesthai*. Таким образом, IV столетием можно датировать зарождение политических партий³⁰.

Поскольку важную роль в отношении партий играла позиция императора, их борьба приобретала серьезное значение в политической борьбе за власть, а в кризисные моменты жизни государства деятельность именно этих партий (вплоть до середины VII в.) становилась иногда решающей в определении курса власти. Эта «демократия» димов была возможной в условиях, когда значение рабовладельческой знати упало, а феодальная знать еще не оформилась.

В сложной ситуации протекало развитие Византии в правление Юстиниана I. Реформы Константина I и последовавшее социальное законодательство содействовали углублению прогрессивных тенденций: массы крестьян, которые в эпоху расцвета рабовладения в основном лишились собственности и трудились на чужой земле «по договоренности», теперь получили некоторые юридически

²⁸ Сюзюмов М. Я. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV века // Учен. зап. Урал. ун-та, 1952. А. П. Дьяконов (см.: Византийские димы и факции в V–VII вв. // Византийский сборник. М., 1945) относит начало политических выступлений димов к более позднему времени, имея в виду полное отделение «димов» от «факций» и их отход от спорта (ср.: Cameron A. Demes and factions // BZ. 1974. T. 67. S. 74–91; Winkelmann F. Zur politischen Rolle der Bevölkerung Konstantinopels von der nachjustinianischen Zeit // Studien zum 7. Jh. in Byzanz. S. 101–119).

²⁹ По Феофану, правление дима организовывало коллективные возгласы политического характера, в ответ на которые мандатор отвечал за императора (см.: Theophanes / Ed. de Boor. P. 183–184).

³⁰ Как понимать термин *politeuesthai*? Полагаем, что для этого не стоит страшиться «модернизации», а понимать просто: «заниматься политикой», как мы говорим о современных партиях. В те времена запрет *politeuesthai* понимался именно как запрет выступать на «политиях» от имени партии дима.

признанные наследственные права на землю и орудия труда, хотя и ценою унижения их «личности». Перед Юстинианом стояли важные задачи: сохранить централизацию и экономическое могущество, связанное с развитием правительственного и частного предпринимательства; создать условия для интеграции – очистить Средиземное море от пиратов-вандалов, возобновить традиционные связи с Италией и Сицилией, освободив эти земли от власти германских завоевателей; создать единое право, в котором элементы классического права были бы увязаны с социальными нововведениями³¹.

Все это требовало усиления налогов, роста повинностей, напряжения всех сил страны, что вызвало острое недовольство правлением императора, как в среде народных масс, так и в среде господствующей верхушки. Складывалась революционная ситуация. Чувство опасности социального взрыва побудило Юстиниана принять особые меры для упорядочения управления. Он сделал своей целью восстановление значения частной собственности и основанных на ней порядков путем создания единого кодекса законов, сохраняя и систематизируя выработанную юристами II–III вв. теорию права. Принимая энергичные меры по реорганизации управления, Юстиниан несколько отсрочил социальный взрыв в обществе.

Глубокий переворот произошел в послеюстиниановской Византии. Страшные разрушения во время гражданской войны и нашествия персов, славян и арабов дезорганизовали крупное землевладение. Господа и патроны гибли в столкновениях с врагами или бежали, бросая свое хозяйство³². Зависимые земледельцы избавились от господ и умножили число свободных общин. В течение VII в., благодаря расселению славян, община заметно укрепилась, упрочились и внутриобщинные связи. Община стала подлинным институтом крестьянства, выражением его самосознания, опорой при дальнейшей эволюции в феодальном мире³³.

Участие масс населения в борьбе против врагов нашло оформление в создании фемной системы. Сложилась новая военно-землевладельческая знать.

---

³¹ Ряд конституций и новелл Юстиниана отражают как будто его стремление помочь бедноте добиться через суд справедливости против знати и чиновников (Nov. 8, pr.; 85, pr.). Эти положения его распоряжений можно объяснить попыткой направить их борьбу на путь лишь легальных методов поисков справедливости. Но и легальная борьба могла превратиться в революцию, поэтому Юстиниан (новелла 80,3) решительно запрещает крестьянам приходить в Константинополь с жалобами многочисленными группами.

³² «Старая сенатская аристократия в VII в. исчезла» (см.: Yannopoulos P. *La société profane dans l'Empire Byzantin des VII–IX s.* Louvain, 1975. P. 14). Автор считает только крестьянскую общину в то время прочной социальной группой, элитой общества признает чиновников военных властей, ростовщиков и более крупных торговцев. Впрочем, согласно новеллам Ираклия 612, 619, 620 гг., на первое место в судах выдвигается духовенство (см.: Липшиц Е. Э. *Право и суд*. М., 1979. С. 194).

³³ Byzanz im 7. Jahrhundert. B., 1978. S. 58–60.

Однако оформление феодальных институтов в Византии тормозилось фиксированными в теории права (Василики) элементами, напоминающими капиталистические.

Крепкие узы римских традиций избавили Византию от упадка юриспруденции, категории классического права по-прежнему утверждались в действительности как охраняемые законом нормы. В развившихся общинах частная собственность классического права доминировала над «трудовой» (т. е. над находящейся в наследственной аренде или держании). Закон утверждал зависимость общины по важнейшим социально-политическим и идеологическим вопросам от центральной государственной власти (Земледельческий закон). В городах-эмпориях сохранились регулируемые правом торговля и предпринимательство. Константинополь оставался центром мировых торговых связей³⁴. К концу VII в. на основе норм классического права стали возникать новые товарищества (*chreokoinoniai*), нашедшие оформление в статьях Морского закона (III, 9, 17) и Эклоги (X, 5). Воспринятые из Италии, они развились в коменды и стали в правовом отношении исходной моделью при позднейшем переходе к капиталистическим формам морского предпринимательства. Византийские интеллектуалы высоко ценили нормы римского частного права, утверждавшие свободу предпринимательства³⁵. И вполне объясним поэтому, казалось бы, запоздалый для XII в. ужас, с которым Никита Хониат воспринял меры Мануила II Комнина по передаче военным в пронию (условную собственность) земель со свободными гражданами, т. е. оформления чисто феодального института византийский писатель страшился как крушения древних традиций, относя торжество новых (феодальных) порядков к числу «еще более тяжких зол, которые нам угрожают»³⁶. Любопытно отметить, что как раз в то время, когда писал Хониат, на Западе, в Болонье, студенты университета штудировали классическое римское право.

Это право сложилось в период рабовладельческих отношений. Но поскольку раб являлся не субъектом, а только объектом права, задачей теории римского права становилось оформление порядка эксплуатации свободных лиц в условиях договоренности юридически равноправных сторон. Собственность при этом признавалась как неограниченное и вещное право (CJ. VII, 26). Именно в этом аспекте римское право и является элементом, зародышем капиталистического правосознания. Обратная сторона того же права – его бесчеловечные

³⁴ От своего основания вплоть до начала XIII в. он неоспоримо занимал первенство в морской торговле и кораблестроении (Ahrweiler H. Byzance et la mer. P., 1966. P. 117; Удальцова З. В. Византия и Западная Европа // ВО. М., 1977. С. 45–46).

³⁵ Положение о том, что при сделках естественно обманывать другого – *perigrafein allasotas*, сохранилось в Византии (Bas. X, IV, 16).

³⁶ Никита Хониат. Мануил. VII, 4.

законы о рабах, жестокие антидемократические положения о всевластии в автократической монархии, нормы, практически делающие невозможным развитие общества «равноправно договаривающихся сторон», провозглашаемого в теории. Теория римского частного права потребовалась буржуазии лишь через многие столетия, практика же жизни той эпохи вела к конституированию феодальных форм отношений между собственниками и зависимыми от них людьми. Развивавшееся с IV в. постклассическое право отражало тенденции перехода к феодализму, но тем не менее в нем сохранялись, хотя по большей части уже лишь в теории, и те нормы классического права, которые отражали элементы намечавшихся, но не ставших решающими закономерностей развития, но они тормозили складывание законченных форм феодализма в Византии³⁷.

Возникает поэтому вопрос, почему же элементы, напоминающие капиталистические, играли роль тормоза на пути прогресса в ту эпоху. Ведь в Византии они воспринимались уже как традиции «великого прошлого», как «старина». Византийская империя представляла собой в то время «молодой» социальный организм в стадии его перехода к феодализму. В эпоху Юстиниана и последующий за ней период, несмотря на рост и упрочение новых явлений в производственных отношениях, византийцы, напротив, гордые еще отчасти сохранившимся античным культурным наследием, упрямо цеплялись за то римское классическое частное право, которое практически было уже неприменимым и отнюдь не содействовало преодолению пережитков старого. Они старались при этом искусственно увязать и новые формы производственных отношений, и новую идеологию с древней, отжившей юридической теорией. Византийские юристы, охраняя древние достижения юриспруденции, не сумели полностью отбросить все те нормы права, которые не отвечали новому рождающемуся строю. Вплоть до конца существования империи в ней так и не была создана стройная система своего феодального права.

В заключении коротко обобщим сказанное по вопросу о том, в чем же состояло кажущееся противоречие между действительной приемлемостью римской юридической теории для капитализма и резкой противоположностью рабовладельческой формации (породившей это право) капиталистическому строю.

---

³⁷ Насколько прочно при сохранении норм римского права укоренились в Византии элементы, подобные капиталистическим, можно видеть из того, как туго входили в практику в Византии даже в X в. те узаконения Константина I, которые путем указов о прикреплении колонов фактически оформили феодальный способ производства. Судя по новелле Константина VII Багрянородного (Jus. Zach.-Ling. III. P. 266), приобретаемые крупными землевладельцами имения обрабатывались не закрепощенными колонами, но сдавались либо по соглашению с «приходящими лицами», либо за плату наемникам: *edexanto paroikein aite theteuein*. Эти принимаемые из «жалости присельники» стали впоследствии «париками» на положении старинных колонов – приписных. Происхождение термина «парик» связано с пришельцами, поселявшимися некогда на церковных землях (см.: Нов. Зав. Петра. I, II; Nov. Just. VII, пр. I, 435 и Nov. 120, I, 535).

Мы считаем, что суть дела заключалась в своеобразии путей развития самого рабства в Римской империи. Развитие производства привело к тому, что раб (первоначально, в условиях патриархального рабства – член «фамилии») стал превращаться как бы в домашнее животное, стал вещью («*Quod attinet ad jus civile, servi pro nullius habentur*» – см.: Ulpian. Dig. 50, 17, 32; 15, 1, 41).

В отличие от стран Востока, раб в Риме признавался лишь объектом права, и поэтому все нормы частного права регулировали отношения только свободных и якобы юридически равных лиц. Отсюда и некоторая общность классического и капиталистического права. Но поскольку правом стремились регулировать и порядок управления, и охрану личности, и отношения лиц друг с другом, и другие стороны жизни, постольку эти нормы классического права можно рассматривать как проявление зачаточных элементов капиталистических отношений.

Все общественные явления развиваются во времени по зигзагообразному, спиралевидному пути. Дать окончательную дефиницию такому явлению можно только при достижении им зрелой стадии развития. Разумеется, сами современники не сознавали того, что в античном Риме существует эксплуатация человека человеком. Они полагали вполне естественным, что каждый при стремлении к наживе делает это за счет другого (конечно, через «добровольное соглашение»).

Цель нашей статьи, таким образом, состоит в попытке объяснить, почему основы римского частного права оказались приемлемыми для Наполеона в начале XIX в., но были неприемлемы для Константина Великого в начале IV в. Ответ может заключаться, по нашему мнению, в том, что в Римской империи существовали в зародыше такие элементы в производстве, которые уже превосходили, хотя и в зачаточной форме, элементы капиталистического способа производства. Именно в соответствии с этими зачаточными элементами (в условиях, когда лишь свободные были субъектами права) талантливые римские юристы создали такое право, которое в его основе оказалось утопией для античности, но вполне (в главных чертах) отвечало потребностям французской буржуазии начала XIX в.

...Систематизация римского права в Кодексе Юстиниана и сохранение этого права в западных университетах явились важными факторами для правового оформления развивающегося капитализма.

К ВОПРОСУ О КРИЗИСЕ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В III в.¹

С конца II в. и до конца III в. политическая история Римской империи и связанные с нею экономические и социальные явления представляют сложную для понимания картину как бы отступления от закономерного развития. Мы вправе называть III в. кризисным, тем более что в последующем, IV в., в империи произошел крутой перелом в политических, экономических и идеологических отношениях.

Экономический способ производства не есть некая стабильная модель, но явление в движении по этапам развития, расцвета и разложения. При этом каждый этап развития формации вызывал специфические противоречия. Эти противоречия в классовых обществах, связанные с борьбой в сфере производственных отношений, борьбой внутриклассовой и межклассовой, и создают так называемые *кризисы*.

В развитии определенного способа производства могут возникать кризисы в устройстве государственных форм организации власти в интересах определенных прослоек господствующего класса, могут быть кризисы внешнеполитического характера, острые кризисы могут происходить от вражды трудящихся к эксплуататорам.

Поскольку в конечном счете способ производства является определяющим состоянием общества, легче всего было бы при всяком развитии противоречий объяснить их непосредственно состоянием способа производства. Но это было бы проявлением экономического материализма. Ведь порожденные материальными отношениями элементы надстройки могут самостоятельно развиваться, со своей стороны влияя на материальный базис.

В советской историографии распространено мнение, что кризис III в. есть кризис всего общественного строя, основанного на рабовладельческом способе производства, когда рабство перестало «уже» удовлетворять запросы общества². Но можно ли назвать кризисом рабства этап его развития, когда продукты раб-

---

¹ Статья написана совместно с Н. Н. Беловой (см.: АДСВ. 1978. Вып. 15).

² См.: Штаерман Е. М. Кризис III в. в Римской империи // ВИ. 1977. № 5. С. 142–156; Штаерман Е. М., Трофимова М. К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи. М., 1971; Кузищин В. И. Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. – I в. н. э. М., 1974; Павловская А. И. К вопросу о рентабельности труда рабов и колонов // ВДИ. 1977. № 1.

ского труда не могут достаточно удовлетворить потребности государства? Ведь мы знаем из истории человеческого общества, что один рабский труд *нигде и никогда* не мог удовлетворить потребности государств, развития культуры, величия народности, — для этого приходилось или использовать насильственно все население страны через государственные повинности, или собирать богатства войнами, путем грабежа или дани. Отношение прибавочного труда, полученного от рабов, к труду свободного населения определялось развитием общества на данном этапе. Отсюда невозможно понять сущность кризиса III в., не учитывая положения свободной части населения в его эволюции, которое зависело не только от состояния рабства на том или ином этапе его развития, но и от ряда других факторов.

В отношении кризиса нужно отметить еще одно важное обстоятельство. В классовом обществе всегда огромное большинство отрицательно относилось к установившимся производственным отношениям. Люди говорили о «золотом веке» прошлого, но считали существующие порядки непреодолимыми, так как не знали, как организовать иной, более выгодный для них строй; люди не видели альтернативы и считали установившиеся условия жизни естественными. Были мечтатели, философы, утописты и теоретики, вникавшие в сущность противоречий строя. Но поскольку каждое явление существует только в динамике, в каждом строе имеются пережитки старого, основы существующего и зачатки будущего. В процессе вечного движения появляются элементы новых производственных отношений. *Только тогда, когда в жизни начинают понимать о существовании альтернативы данному строю, только тогда может существовать подлинный кризис всей данной формации.*

Поэтому общий кризис (но не конец) рабовладельческого строя начинается тогда, когда появляются удачные, оформляемые в праве формы новых видов и методов накопления прибавочного продукта, новые формы способа производства. Для Римской империи такие условия создались только в IV–V вв.

Для уяснения проблемы кризиса III в. необходимо через определение диалектического развития Римской империи проследить возникновение противоречий и их разрешение.

Архаическая *община*, объединявшая узко агрономический натурально-хозяйственный коллектив (хотя и имевший начатки разделения труда, даже духовно-жреческого), в период Римской республики трансформировалась в *городскую общину*, так что каждый деревенский мелкий собственник мог себя считать горожанином. При этой трансформации частная собственность *res privata* стала направляющей, ведущей в хозяйстве³, диалектически связанной

³ Ужасающее влияние частной собственности понимали философы, связанные с практикой Римской империи. Так, Сенека, идеализируя общинный архаический быт, писал: «Они сообща владели природой, а у той, как матери, довольно было сил всех опекать, позволяя всем безопасно

тем не менее с государственной собственностью *res publica* в процессе регулирования государством деятельности свободных граждан – квиритов. Разумеется, государственное регулирование проводилось в интересах господствующей прослойки – собственников рабов и землевладельцев. Все должности, дающие право на регулирование общественной жизни, предоставлялись более крупным и родовитым собственникам даже после удачного выступления плебеев. Это, естественно, вызывало противоречие, борьбу бедных против богатой родовой верхушки. Такое противоречие разрешалось, с одной стороны, объединением всех свободных граждан перед все увеличивавшимся количеством рабов и, с другой стороны, наступательной внешней политикой в целях добычи, что было в интересах всех римских граждан. Главная цель *полиса-государства* – *концентрация*⁴ в Риме всех доходов от грабежа или власти над побежденными городами. Эта политика привела и к концентрации рабов во владениях Рима, дала возможность перейти к относительно более крупному рабовладельческому хозяйству, поставить вопрос о продуктивности рабского труда, так сказать, о своеобразной «научной организации» труда рабов в трактатах Катона и Варрона. Но эта концентрация богатств в Риме вызвала серьезные разногласия между римскими гражданами и привела к борьбе за распределение этих богатств. Это противоречие было частично разрешено:

- 1) наличием особой формы управления через народные собрания и сенат, когда борьба приобретала особый легальный характер;
- 2) наличием идеологии о величии Рима и о долге каждого гражданина перед родиной;
- 3) преимущественным положением всех граждан Рима как завоевателей над населением подчиненных городов, что давало возможности обогащения;
- 4) общественным использованием богатств в виде элементов культуры и развлечений;
- 5) возможностями социального вертикального восхождения через обогащение военной добычей и торговлей и особенно через сознание свободными гражданами

пользоваться общими богатствами. В этот порядок дорвалась жадность и, желая отделить, присвоить хоть что-то... принесла с собою бедность...» (Письмо к Люцилию. 90, 38); «Скажи мне, что общего со свободой имеют эти блюющие натошак толстяки с ожиревшим телом и отошавшей, одряхлевшей душой?» (Там же. 88, 19).

⁴ В статье используется термин «концентрация». Латинский язык не знает слова *concentratio*; в истории под концентрацией обычно понимается объединение капиталов, земель частными собственниками. Этим же термином можно назвать политику объединения богатств всей Римской империи вокруг столицы – Рима, вместо часто употребляемых «сильная власть давала возможность перекачивать в Рим богатства провинций» или: «Рим все еще высасывал из провинций богатства» (см.: Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя... С. 308). В отношении римской политики – направления богатств в Рим как *центр* страны – термин «концентрация» точнее отражает сущность политики Рима.

данами единства интересов перед все обостряющимися выступлениями рабов. В условиях римского права, основанного на частной собственности и свободе предпринимательства⁵, предоставленной каждому гражданину, внутренние противоречия были неустранимы. Но основную власть сохраняла в городе-государстве, хотя и в обостряющейся обстановке, аристократическая родовитая прослойка. Внешнее развитие Рима от города к мощному государству связано было с противоречиями в организации власти над подчиненными городами.

Но каким образом Рим мог сохранить власть над завоеванными свободолюбивыми городами, даже странами и народами? Мы можем это объяснить только особой *выгодой для завоеванных состоять в единстве с Римом*. Закономерное развитие рабовладельческого строя тормозилось наличием множества отдельных самостоятельных и враждующих между собой общин – городов; расширяющиеся элементы интеграции, торговли и культуры требовали более широкого единства и общности интересов. Именно на этом пути можно было преодолеть противоречия и закрепить *создание римской общности в интересах господствующей верхушки городов*, тоже терзаемых внутренними противоречиями. Политика Рима – поддержка в подчиненных городах власти богатой прослойки. При этом Рим стремился укрепить свою власть путем предоставления наиболее влиятельным лицам римского гражданства. Проводя политику концентрации в Риме богатств подвластных городов, римляне гарантировали местной знати права эксплуатации низов населения. Проводя такую политику, Рим фактически становился центром рабовладельческого класса всего Средиземноморья. При сознании общности интересов все шире проводилось предоставление прав римского гражданства (в Италии с 89 г. до н. э. все итальянские города получили права по *Lex Plautia Papiria*).

Противоречия между Римом и получившими права городами тем не менее существовали и преодолевались политикой романизации внутреннего управления этих городов по примеру порядков управления в Риме (закон Юлия Цезаря 45 г. до н. э. *Lex Julia municipalis*). Местные деревенские общины (*vici*) подчинились городскому управлению. Подобная муниципализация стала проводиться и в провинциях, так что родоплеменная община античности трансформировалась повсеместно в городскую одновременно с романизацией населения. Но нельзя считать, что мелкое крестьянское хозяйство потеряло значение, как в фискальном, так и в военном отношении⁶.

⁵ Пример предпринимательства дает Сенека в лице Корнелия Сенециана: «...Он пробился своими силами, начав с малого, подошел вплотную к богатству – умение приобретать и беречь... из них можно сделать любого богачом. Он, пускавший деньги в оборот по морю и по суше и не оставивший ни одного источника прибыли... умер...» (*Сенека*. Письмо к Люцилию. 101, 1, 2).

⁶ Римская деревня, разумеется, не походила на германскую с ее родоплеменными пережитками. Но нельзя преувеличить эту разницу, если это касается территории Римской империи, где господствовала частная собственность. А. Р. Корсунский в статье «О деревенском устройстве и системе землепользования» (ВДИ. 1977. № 1) особенно отмечает отсутствие альменды в римских

С развитием товарного обращения облегчились возможности путем обогащения добиться получения прав римского гражданства квиритов. Однако такое объединение внесло новое противоречие: если города и села включались в Римское государство, то новые полноправные граждане не могли уже удовлетворяться гарантией собственности и самоуправлением, вопрос возникал уже о возможности *включиться в управление государством на одних правах с римлянами*.

В последней трети I в. до н. э. особенно остро стало проявляться противоречие: Рим, ставший уже не простым полисом, а мощным государством, общностью рабовладельческого господствующего класса, все еще управлялся как старинный полис – в основном сенаторской родовой знатью города и его народными собраниями. Это тормозило развитие Римского государства как общности господствующего рабовладельческого класса. Данное противоречие разрешено было организацией *принципата*.

Романизация проводилась с сохранением главного противоречия: *завоеватель* Рим, проводящий концентрацию богатств, и *завоеванные*, вносящие ему подати. При завоеваниях чувствовались и этнические противоречия. В Италии эти противоречия смягчались тем, что все население легко стало единой этнической общностью. В I–II вв. при принципате в завоеванных варварских странах Галлии, Иберии, Нижнего Рейна и Придунайских странах, несмотря на некоторые происходившие восстания, римлянам удалось почти полностью, кроме Британии, преодолеть противоречия этнического характера путем ассимиляции и колонизации. Представители господствующего класса, как Италии, так и провинций, стали вводиться в состав римского сената, армии, управления и в развитие римской культуры. На Востоке, в провинциях греческой цивилизации, Рим принужден был проводить «греко-язычную» романизацию, устанавливая государственным латинский язык, и сохранять тем не менее греческий язык, даже как преобладающий в культурных связях⁷. Поскольку Римское государство являлось общностью господствующего рабовладельческого класса, этнические проблемы не носили уже решающего характера ни на Востоке, ни в Африке, достаточно было вовлечь свободных собственников в римскую государственность, чтобы все считали себя римлянами, несмотря на то, что сохраняли свою народность греки, сирийцы, армяне, грузины, копты...

деревнях. Но ведь без *ager compascuus* вообще не могло существовать сельское хозяйство в деревне. Разница только в оформлении приобретения: в римской деревне участок покупали *vicini*, а по Салической правде даже захватывали «кровавым завоеванием». И те, и другие были собственниками альменды, одни по правилам *societas-collegia*, другие не допускали чужаков по статье *de migrantibus* – нужно получить от соседей согласие на пользование травой, водой и дорогой...

⁷ Но тенденции к необходимости знания латинского языка имелись. Так, император Клавдий лишил знатного грека прав римского гражданства за незнание латинского языка. Писавший об этом Светоний (Клавдий. 16) уже в начале II в. этот поступок считал необычным.

Внутриримская колонизация, военная служба, торговля, культурные связи фактически на долгое время, так сказать, затормозили этническую проблему в рамках государственности и социальных противоречий, что в свою очередь обострило внутриклассовые противоречия.

Политика противопоставления «завоеватель – завоеванные» противоречила созданию общности господствующего класса. Поэтому при принципате стали выдвигать проблему социального мира (*Pax Romana*)⁸, что в свою очередь обострило внутриклассовые противоречия. Поскольку же рабовладельческий строй диалектически связан со спецификой структуры рабовладения, рабовладельческий способ производства перешел на новый этап своего развития.

Pax Romana был необходим для всех носителей частной собственности. Господствующему классу нравилось жить под эгидой римского права! Все собственники-горожане называли себя римлянами и как бы считали счастливым тот день, когда их предки лишились своей независимости. Но политика «римского мира» имела своей задачей и смягчение противоречия власти с интересами низшей прослойки свободных горожан и деревенских мелких землевладельцев, и рабовладельцев. Интересы фиска противоречили интересам городской состоятельной прослойки и в то же время были диалектически с ними связаны, так как развитие городов как центров эксплуатации через курию было необходимо и для фиска; города в своем самоуправлении сделались промежуточными центрами концентрации в пользу Рима⁹. Римское право способствовало развитию торговли, ремесла, культуры. Именно при принципате усилилась деятельность юристов, которые принимали участие в оформлении законодательства, даже в периоды правления «самых худших» императоров. В законах делались попытки смягчения противоречий между требованиями фиска и интересами широких масс мелких и средних собственников и плебса: 1) путем укрепления в законах свободы предпринимательства и в то же время регулирования общественных связей установлением прав свободной договоренности экономического порядка – облигационного права *locatio-conductio*, *emptio-venditio*, *creditor-debitor*¹⁰; 2) путем предоставления полных гражданских прав и земельной соб-

⁸ *Pax Romana* (см.: Сюзюмов М. Я. Закономерный переход к феодальному строю и синтез // АДСВ. 1975. Вып. 12. С. 31–40).

⁹ Попытка Домициана отстоять противоречивое единство города и империи, по Г. С. Кнабе, фактически означала не просто требование придерживаться «консервативной римской идеологической и моральной базы», а проводить концентрацию доходов в Рим в противоречивом единстве с провинцией. Мятёж 97 г. правильно характеризуется как отдаленное предвестие кризиса III в. (Кнабе Г. С. Спорные вопросы биографии Тацита // ВДИ. 1977. № 1. С. 138).

¹⁰ Характерно, что по римскому праву как *locatio-conductio*, так и *emptio-venditio* социальный статус ни продавца, ни покупателя, ни локатора, ни кондуктора не менялся (Dig. 19, 2, 2). Таким образом, можно было эксплуатировать свободного гражданина. Отмечается, что при *locatio-conductio* собственность остается (Dig. 19, 2, 39).

ственности после службы в армии; 3) в пользу плебейских масс городов требовалось, чтобы богатые собственники города через курию организовывали продовольственное снабжение, устанавливали доступные цены, устраивали празднества, зрелища; 4) проведением широкой легализации ремесленных и культовых объединений, коллегий и 5) возможностью гордиться тем, что он – свободный римлянин, а не раб, не презренный варвар.

Идея *Pax Romana* не была простым лозунгом. Во внешней политике это было переходом от наступательной политики к оборонительной: оставшиеся независимыми страны на Западе не представлялись выгодными для получения добычи, но вызывали только трудности войны. Притом политика «мира» стала более полезной для взаимных связей и для распространения римского влияния. *Pax Romana* в данном направлении содействовал укреплению и развитию интеграции, развитию предпринимательства, обогащения. Однако это достижение в то же время вносило новые противоречия, которые значительно усложняли положение, создавая новый «экономический климат» в обществе. С расширением производственных возможностей и доходов в концентрации богатств со всего мира значительно возрастали и потребности, как у господствующего класса, правителей, так и материальные запросы у широких масс. Возрастание потребностей – одна из ведущих сил, направляющих изменение структуры общества и приводящих к новым противоречиям¹¹. Всякая предприимчивость, безусловно, связана с гражданскими правами. В I и II вв. гражданство давало возможности богатым использовать свои права среди неполноправных, а низам – повысить свое стремление к социальному продвижению путем труда и изобретательства.

Традиционные рабовладельческие хозяйства типа Катона, Варрона, Колумеллы не могли уже удовлетворять запросы общества. Не заинтересованность и не самостоятельность рабского труда были тормозом для повышения производительности и доходности поместья. В сферах господствующего класса это противоречие частично стало разрешаться путем новых отношений с рабами, что привело к популярности философии стоицизма. Раб уже стал признаваться человеком. Рабам стали доверять самостоятельно вести ремесло и торговлю. Стал разрастаться институт пекулия с рабом-ординатором во главе викариев¹², тем не менее раб оставался рабом.

Добиться свободы путем вооруженной борьбы в условиях принципата, когда государственный аппарат хорошо налажен и когда всякие выступления пре-

¹¹ См.: Дилигенский Г. Г. Проблема теории человеческих потребностей // ВФ. 1976. № 9; 1977. № 2.

¹² Разнообразные виды использования рабов привели к различным положениям раба перед судом. В случае жалобы раба на нанесенную ему обиду посторонними лицами, по Ульпиану (Dig. 47, 10, 15, 44), следует отличать положение раба, был ли он *boni frugi, ordinarius, dispensator-aut-vulgaris vel mediastinus*... Раб-ординатор мог выступать как самостоятельный владелец в отношении своих викариев-рабов (Ульпиан. Dig. 15, 1, 17).

секались в зародыше, было невозможно, отдельные убийства господ оказывались бедствиями для самих рабов – законодательство было ужасно. Бегство рабов обычно заканчивалось неудачей. Но все-таки свобода являлась заманчивой. Окружающая обстановка, возможности свободных граждан обогащаться путем предпринимательства стимулировали рабов к легальной борьбе за свободу, которая могла быть оформлена только путем манумиссии. Этот стимул привел к тому, что труд раба становился заинтересованным, самостоятельным, даже изобретательным. Сенека в письме к Люцилию говорит о некоторых изобретениях: «Все это придумано ничтожными рабами!» (90, 25)¹³. «Все свое достояние, скопленное за счет своей утробы, они отдают за свободу» (80, 4).

Рабский труд, таким образом, под влиянием окружающей обстановки стал более ценным. Рабовладельческий способ производства при влиянии стоицизма приходил не к кризису, а к своему развитию, и законодательство стремилось регулировать отношение к рабам, избавляя последних от безумной жестокости господ и в то же время прикрепляя раба надеждой на манумиссию или хотя бы на пекулий. Особых самостоятельных вооруженных выступлений рабов в I–II вв. не отмечается в источниках. Регулирование отношения к рабам было в интересах не столько рабов, сколько господствующего класса – *dominorum interest*, как отметил Антоний Пий (Inst. I, VIII, 2).

Возросшие потребности рабовладельческой знати и правительства не могли удовлетворить ни повышение производительности труда рабов, ни доходы от арендаторов и ремесленников. Требования государства, знати все возрастали, и это приводило к противоречивым поискам новых источников концентрации доходов. Если трудно было добыть средства для окружения принцепса, для роскоши и блеска Рима, то принцепс прибегал к давлению на свободное население. Легче всего стало проводить по доносам конфискации у крупнейшей сенаторской знати. Это практиковалось, но противоречило основному направлению политики в интересах господствующего класса, такие принцепсы кончали жизнь как тираны, осуждаемые со злобой всеми современниками.

Другой путь – обложить налогами и повинностями городских средних провинциальных собственников. Это тоже было противоречиво, так как для силы и могущества Римской империи являлось необходимым сохранение и развитие городов, интеграции, культуры и такое обложение налогами тоже осуждалось как губительное для империи. К тому же именно средние слои рабовладельцев были основной опорой режима в I–II вв. Основным средством получения дохо-

¹³ Изобретательство в процессе практики – это тезис Сенеки против Посидония, который считает, что все изобретения, нужные в практике, изобретаются «мудрецами». Сенека, наоборот, считает, что все эти изобретения – дело работников: «...как будто сейчас земледельцы не придумывают много новых способов увеличить плодородие» (Письмо к Люцилию. 90, 2).

дов для казны, для удовлетворения потребностей фиска стало обложение налогами и повинностями массы мелких свободных собственников, как в городах, так и в оставшихся *pagi, vici*. Стали усиленно облагаться налогами ремесленники, торговцы и все свободное население. Императоры, философы и римские юристы осознавали тяжесть налогов для населения, постепенное обнищание мелких хозяйств и затруднения от сосредоточения бедноты в крупных городах. Развитие товарного обращения, ужасные последствия ростовщичества, засилье откупщиков и правителей, задолженность арендаторов – все это приводило к возрастанию внутренних противоречий.

«Политика мира», *Pax Romana*, в отношениях с варварами вызвала особые противоречия и была двойственна. С одной стороны, Рим перешел (кроме Траяна) от наступательной политики к оборонительной, но, с другой стороны, не отказывался от тенденций господства над варварами. Мир с варварами, на первый взгляд, был выгоден. Вместо дорогих войн рабов можно было покупать от самих варваров, для которых раб являлся своего рода валютой в торговле. Через культурное влияние Рим мог привлекать на свою сторону часть «варварской» знати, которую использовал в качестве союзников. Но возникало противоречие: предоставляя варварам свободно развивать свои родоплеменные устои, трудно было объединять интересы экономически и социально противоположной знати, римской и германской. Германская знать развивалась в направлении к военной демократии, когда основным видом предпринимательства стали войны и грабежи, тогда как римская знать развивалась на усилении эксплуатации – производственной, торговой, ростовщической и административной. «Политика мира», с одной стороны, развивала возможности интеграции, с другой, – чем больше варвары знакомились с римской культурой, тем опаснее становились они для Рима. В результате римлянам приходилось военизировать *limes*, строить укрепления, создавать военный флот, содержать полумиллионную армию, отвлекая массу свободного населения от производительного труда и увеличивая многократно налоги. Но политика *Pax Romana* вызывала еще одно противоречие: все преимущества на войне имели в данных условиях варвары. Наступательные порывы варваров связаны были с закономерностями последней стадии родоплеменного общества, с легкостью и быстротой мобилизации: не нужно иметь ни денежных затрат, ни обозов. Легко было собрать молодежь, прорвать фронт где-либо неожиданным нападением, вести далее войну за счет снятия урожая в деревнях и разорения городов. И поражения варваров ни к чему не приводили, поскольку через некоторое время можно было снова собрать людей для нового нападения. Такие войны могли доставить варварам богатства, военный опыт, мощь племени и вели к еще более решительным нападениям. Общественный строй Рима являлся чуждым варварам, но это делало их более настойчивыми в планах гра-

бежа и завоеваний. Парадоксально, но развитие мирных культурных связей в исторической ситуации I–II вв. н. э. стало опасностью для существования великой культуры на Западе в дальнейшем¹⁴.

Преодолевая противоречия и трудности, Римская империя в I–II вв. н. э. продолжала оставаться общностью господствующего класса рабовладельческого строя и на большей части своей территории, вплоть до конца II в., могла пользоваться благами «мира». Тенденции к единству всех внутренних сил империи (особенно при обострении внешней опасности) сказывались в распространении прав полного римского гражданства на все свободное население страны. Римским юристам Папиниану и Ульпиану удалось завершить и оформить эту тенденцию. С 212 г. все свободное население смогло считать себя полноправными римскими гражданами (кроме дедитициев, перизков, некоторых слабо романизированных областей). Реформа фактически отражала то, что распространялось на практике, и потому в источниках слабо отражена. *Проблема «завоеватели и завоеванные», таким образом, была снята.*

Но тем сильнее выявлялись противоречия экономического и социального порядка: катастрофическое обеднение масс в результате повышающегося налогового обложения, развивающаяся военная опасность – все это было непреодолимо и вело к кризису III в. Этот кризис коснулся в первую очередь положения всего свободного населения страны, положения римского гражданства.

Все остатки полисной идеологии исчезли: понятие свободного гражданина полиса «связывалось с некоторыми привилегиями, частично с использованием» прибавочного продукта от труда рабов. Теперь же все стали гражданами Рима, привилегии в результате стечения всех богатств в Рим имели только его жители, а свободные стали только основным объектом обложения. Само понятие гражданской свободы было дискредитировано, поскольку свободный гражданин, обремененный налогами и повинностями, обязательствами перед локаторами и ростовщиками, фактически лишался средств к существованию и должен был искать работы, при этом бедняк, не имеющий имущества в 50 фунтов золота, ограничивался в некоторых правах. Единственный путь устройства жизни для многих – идти в услужение к богатому хозяину или же попытаться делать карьеру, поступая в армию, что стало реальным в условиях организации власти с конца II в.

Дискредитирование понятия свободы отразилось и на положении рабов. Исключительная старательность и изобретательность рабов, стремившихся получить статус свободного, исчезла, поскольку рабам делалось ясно, что бедняки «свободные» стали жить хуже, чем рабы. Ведь рабы, хотя и страдали от

---

¹⁴ Эта мысль проводится повсеместно. Например, Коммод обвинялся за то, что он фактически прекратил войну с варварами (История Августов: Коммод. 14, 3).

своеволия господ, но имели все для жизни¹⁵. Отмечались даже случаи, когда «свободные» добровольно переходили в рабство. Рабский труд стал проявляться со всеми недостатками – полной незаинтересованностью, безынициативностью. Иметь пекулий – единственная «карьер» раба, которая, давая некоторую самостоятельность, фактически закрепляла его рабство: в предпринимательстве, торговле, рабовладении полностью равняла его с прочими свободными гражданами, но не давала никакой гарантии от произвола господина над личностью раба и его имуществом. Только экономическая выгода от пекулия умеряла своеволие рабовладельца. Значительное развитие пекулия в III в. – тенденция к переходу рабовладельческого строя на последний этап его развития с IV в.

Важно отметить, что, несмотря на красивые положения стоиков и христиан о рабах, несмотря на некоторое смягчение обращения с ними в результате ряда правительственных эдиктов, нигде не поднимался вопрос о полном освобождении всех рабов, об уничтожении этого института. Рабство еще не доставляло экономической невыгоды от его использования. Страх перед возможностью восстаний рабов несколько отошел на второй план. Рабы убегали, но к другим, более снисходительным господам или же, скрывая свой статус, находили работу, а в крайнем случае вступали в банды *latrones* грабить проезжих. Обладание рабами по-прежнему считалось богатством, раб представлял собой ценность и в производстве, и в быту. Безусловно, рабы сознавали бесчестие своего статуса, в этом они были в оппозиции к существующему строю, но самостоятельное их выступление не могло привести к революционной ситуации, ведь самые озлобленные рабы мечтали не об уничтожении рабства, а о том, чтобы «первые стали последними», чтобы господа стали рабами, а рабы господами. Такие мысли проводил у самых радикальных христиан в III в. Коммодиан.

В III в. ярко обнаружилось полное несоответствие потребностей господствующего класса «империи существовавшим производственным отношениям, в частности формам эксплуатации свободного населения. Так как рабский труд не мог покрывать все потребности, а эксплуатация свободного человека на основах частного римского права носила спорадический характер, не приносила постоянного дохода ни крупным рабовладельцам и землевладельцам, ни империи, она не давала средств для поддержания античной цивилизации. Необходимыми стали поиски *новых форм эксплуатации, которые могли бы упрочить доходность поместий как дополнение к труду рабов*. Эксплуатация свободного человека была крайне ограничена в формах аренды и ростовщичества. Но не имелось еще альтернативы для широкого внедрения эксплуатации свободного человека. Между тем проблема использования свободного труда обо-

---

¹⁵ Раб мог и самостоятельно вести судебный иск – *qui de statu suo litigant* (Ульпиан. Dig. 3, 3, 33, 1).

стрялась, ценность самостоятельного инициативного мелкого хозяйствования становилась бесспорной.

Концентрация доходов правительством очень тяжело стала отражаться на положении городской господствующей прослойки, которая беднела¹⁶ и искала возможности добыть средства для выполнения обязанностей курии. Это отразилось особенно остро на землевладельцах – мелких собственниках, арендаторах, колонах, потерявших свою собственность на землю в тех селениях, которые были приписаны к городу¹⁷. Остро в III в. стоял вопрос и об обложении муниципальными налогами и повинностями этих территорий. Город стремился локально концентрировать в свою пользу прибавочный продукт свободного населения в деревнях. Несмотря на эдикт 212 г., *rustici* ограничивались в своих правах¹⁸, считались перизками в некоторых областях. И хотя формально все главные виды эксплуатации в сельском хозяйстве проводились на основании личной договоренности, оформляемой в праве как *locatio-conductio*, законы в III в. юристами истолковывались фактически в пользу богатых землевладельцев. Так, локатор мог нарушить соглашение в любой момент и выгнать арендатора раньше срока договора, а кондуктор-арендатор не имел права уйти не только до окончания срока договора, но лишь после полной расплаты за аренду и покрыв все виды ущерба, причиненного локатору¹⁹. Стремясь теоретически показать значение договоренности, юристы III в. неоднократно отмечали в конституциях запрет задерживать арендаторов после окончания срока аренды. Но как раз это в конечном счете оказалось в III в. невыгодным не только локаторам, но и самим арендаторам²⁰. Локаторам важно было иметь постоянно обрабатываемый, дающий доход участок. Между тем в процессе общего обеднения свободных все меньше лиц стремилось быть арендаторами. Сельское хозяйство «обезлюдывалось». И понятно, что локатор стремился задержать арендатора и потому был заинтересован не в повышении доходности участка, стремился выжать все,

¹⁶ При Галлиене предпринимались некоторые ограничения своеволия агентов фиска при налогообложении (CJ. 4, 62, 36; 7, 73, 7) в интересах мелких и средних землевладельцев.

¹⁷ Так, при Галлиене наметились определенные стремления оживить городские организации мелких собственников и ремесленников. На праздниках выступали коллегии со своими знаменами (История Августов: Галлиен. 8, 6).

¹⁸ В начале III в. крестьяне даже лишались права самостоятельно продавать хлеб на рынках и должны были передавать его для продажи купцам (так как это освобождает крестьян для производства анноны! – Каллистрат. Dig. 50, 11, 2).

¹⁹ Ульпиан. Dig. 43, 32, 1, 4; Павел. 19, 2, 55, 2; CJ. 4, 65, 3 – эдикт Каракаллы 214 г. Подробно см.: Mayer-Maly Th. *Locatio-conductio*. Vien; München, 1956. S. 216.

²⁰ В конституции Анастасия, наоборот, отмечалось, что запрещение арендатору покидать участок после срока аренды 30 лет было «выгодно и господину и земледельцу» (CJ. 11.48.19). В процессе поисков выхода из кризиса это была единственная альтернатива для арендатора – стать крепостным в относительно мягких условиях.

что можно, от кондуктора, разорить его, чтобы из-за задолженности кондуктор не мог бы бросить работу на участке. Задолжавших арендаторов хозяин даже мог передавать по завещанию. Естественно, что и желающих быть колонами становилось меньше, особенно после реформы 212 г., когда значительно облегчилась возможность миграции в провинции, где имелись свободные, не обрабатываемые государственные земли.

Проблема эксплуатации свободного гражданина в дополнение к труду рабов стала важнейшей в оформлении производственных отношений в гражданском праве. Именно это обстоятельство и выдвинуло к началу III в. виднейших юристов Ульпиана, Папиниана, Гая, Каллистрата.

Правили императоры, но *оформляли законы юристы*, которые одновременно являлись должностными лицами. Законодательство было действенно, касалось мельчайших случаев юридической практики. Юристы разрабатывали право казуистически, регулируя в рамках теории все случаи, встречающиеся в жизни. Эти знаменитые юристы, согласно своей теории, стремились создать такое общество, где все производственные, товарные и семейные отношения должны оформляться только на основе свободной договоренности равноправных граждан. Социально-экономические конфликты разрешались в империи на основании римского права, которое вело к обогащению одних и к лишению всех средств к существованию у других. Как в дальнейшем эксплуатировать свободных бедняков, если сохранять законодательство Ульпиана, Папиниана и Гая (особенно на западе, где товарные отношения были более развиты)? Это стало неразрешимой проблемой. Ведь созданные богатства в условиях античности не влекли вложений капиталов для создания производственных предприятий, и вместе с тем было мало потребностей использовать *locatio operarum* – наемный труд. Поэтому *попытки* юристов-теоретиков оформить нечто подобное капиталистическим формам эксплуатации *вносили* непреодолимые для того времени противоречия.

Доконстантиновское римское право, столь удачно применявшееся при Наполеоне, оказалось неприемлемым в III в., когда частная рабовладельческая собственность была диалектически связана с регулированием рабовладельческим государством и специфическими целями потребления прибавочного продукта, состоянием производительных сил, созданных на базе рабовладельческого общества, надстроечных элементов античной религии и этики. Крупное производство в условиях того времени было невозможно при тех орудиях труда, которые соответствовали только мелкому частному производству, бывшему опорой древнего римского государства.

Римское право, основанное на свободе предпринимательства и роли денежного хозяйства, способствовало гибели мелкого самостоятельного хозяйства. Восстановить его в условиях перехода основного средства производства – земли

в собственность крупных рабовладельцев можно было только в форме зависимого мелкого хозяйства, путем внеэкономического давления, путем оформленного государством закрепощения. Необходимо было объединить формально невозможное для римского частного права – личную зависимость и самостоятельное ведение хозяйства, т. е. сравнять аренду с пекулием, свободного – с рабом. В III в. уже начались эти поиски в жизненной практике. Эти поиски были тогда незаконны. Но поскольку проводились в интересах господствующего класса, незаконное стало законным в IV в. Незаконные действия знати особенно тяжело отзывались в среде мелких деревенских собственников.

Стремление к самостоятельному хозяйству соединялось со стремлением к протесту против государственной и городской концентрации доходов населения. Этим можно объяснить возникновение движения багаудов – свободных мелких производителей, имевшего прогрессивное значение, так как багауды боролись за самостоятельное хозяйствование, в основном необходимое для будущего процесса феодализации (создавалась предфеодалная община), но движение это было пока несвоевременно, поскольку силы рабовладельческого класса еще не были сломлены, а рабовладельческий способ производства не исчерпал себя. Первые выступления багаудов противоречили интересам всего общественного строя, единству империи и были подавлены.

Но важнейшей социально-политической проблемой в III в. по-прежнему оставалась старинная политика концентрации доходов империи в Риме²¹.

Римское гражданство уже было гражданством не города Рима, а Римской империи, между тем город Рим рассматривался в фискальном отношении по-прежнему как полис-государство. В III в. это стало уже анахронизмом. Безусловно, население Рима, особенно римский люмпен-пролетариат и ростовщики, все окружение императора, было заинтересовано в сохранении такого преимущества города. Но уже никто из горожан империи не считал тогда себя «завоеванным», а горожане Рима все еще находились как будто на положении «завоевателей». Такая политика стала ненавистной для провинций. В источниках самым злобным образом перечислялись формы расходования правительственных доходов²², которые ничего общего не имели с потребностями государства, – безумная роскошь, дорогие удовольствия, ненужные подачки солдатам-преторианцам или ставленникам императора. Против политики концентрации богатств в столице выступали даже сенаторы, поскольку их состав уже давно,

---

²¹ «До каких пор целый народ будет снимать для нас урожай? до каких пор для одного будут приплывать бесчисленные корабли из разных стран?» (Сенека. Письмо. 60. 2). С какой злобой Лампридий в биографии Гелиогабала перечисляет в 24 главах все дикие виды роскоши, которые использовал император из доходов государства и повинностей населения разных стран! (Ист. Авг.: Антонин Гелиогабал. XIX–XXXIII).

²² В биографии императора Проба (Ист. Авг.: Проб. 15, 2), 278 г.

особенно с конца II в., провинциализировался. Выступала и средняя муниципальная знать, поскольку большая часть прибавочного продукта от труда рабов и арендаторов не использовалась на местах, а отправлялась в Рим на роскошь и прихоти императора. Солдатские волнения (помимо того, что существовали тенденции создания военного класса «внутренних завоевателей») фактически связаны были с интересами отдельных провинций в вопросе о распределении доходов фиска. Во второй половине III в. целые провинции (Галлия, Испания, Паннония, Палестина и Сирия) стали оспаривать правомочность такого ограбления провинций, что привело к тяжелым сепаратистским тенденциям и даже к формальному отделению провинций от империи, к восстаниям местных легионов и знати, которые подавлялись с большим напряжением всех сил империи. Но к концу III в. проблема управления империей полностью сосредоточивалась вокруг императорской власти. Республиканские пережитки уже не имели влияния. *Кризис III в. был и кризисом старой политики Римской империи как государства-полиса вокруг Рима и тех правовых порядков, которые теоретически возникли на базе полисной демократии, препятствовали закономерному развитию общественного строя.*

Кризисные явления остро проявлялись и в идеологии. Религия была особой формой общности населения. В этом отношении религиозные общины сделались как бы некоторым подобием демократии, потому что все старинные формы демократии низов были подавлены. Объединяя рабовладельческий класс всей ойкумены, Римская империя объединяла и различные местные культы, притом вводя обязательными для всех культ Рима, культ императора, а для частных «фамилий» – культ гения господина.

Греко-римская олимпийская религия, будучи сгустком самых различных влияний, при своем политеизме могла удовлетворять своими обрядами, общением различные слои античного общества и даже оказывать влияние на этику. Эта религия отражала традиции античного полиса, была аристократична в своей организационной структуре и в своем понимании основывалась на достижениях художественной литературы и философии. Олимпийская религия не имела догматов, священной литературы и богословия как отрасли античных наук, а также обязательного, закреплённого в письменности ритуала. Развиваясь в городской общине, религия приобрела специфические особенности в деревне. Поскольку политеизм был связан с олицетворением сил природы, в деревенском населении утвердились обряды, связанные с природными явлениями, и деревня крепко держалась старинных верований. Но эти культы вносили пестроту в мифологию, иногда отражая враждебные господствующим направлениям мотивы. В связи с культом императоров олимпийская религия потеряла свои полисные традиции, начались поиски более глубоких религий, более эмоциональных и связанных с разрешением проблем новой нравственности, когда распрост-

ранилось всеобщее гражданство, когда требовалась от непосредственного производителя хозяйственная самостоятельность, соединенная с признанием установленных порядков, терпения и подчинения власти господина и государства.

В поисках новых религиозных связей привлекались культы религий Востока; в понятие божества вводилась абстрактная человеческая личность, стремящаяся к совершенству в следовании религиозным нормам морали.

Особенно уверенно и оппозиционно выступало разрастающееся движение христианства. Правда, оно не выдвигало лозунгов против Римского государства, не требовало ликвидации рабства, но было направлено против всех моральных устоев античного строя. Самые радикальные высказывания доходили до требования общей собственности, обязательного труда для всех, распределения по потребности, социального переворота в пользу «последних», выносились эсхатологические проклятия в адрес «нового Вавилона» – Рима (Lactantius. *De mortibus persecutorum*. VI, 18).

Поиски новых религиозных связей населения вызвали мероприятия со стороны императоров III в., которые стали все решительнее проводить политику борьбы за единство идеологии общества путем принудительного сохранения олимпийской религии и усиленного преследования чужих религий, особенно раннего христианства. В III в. наблюдается стремление повысить роль религии в регулировании общественной жизни и укрепить организационное единство как разбеденных социальными противоречиями христиан (власть епископа), так и, с другой стороны, придать олимпийской религии стройность в почти «богословском» философском труде Плотина. Выдвижение на авансцену религиозной мысли является показателем кризиса в отношениях общества к объективной действительности.

Внешняя опасность со стороны варваров обострилась. Оборонительная тактика защиты границ провалилась. Повсюду лимес прорывался варварскими племенами, которыми захватывались даже целые области. Тогда римляне сменили тактику – стали переходить в наступление. Императоры еще обладали хорошо организованными легионами, которые, хотя и включались во внутреннюю классовую борьбу, но в отношении к варварам оказывались едиными в «освободительной войне» против «захватчиков-варваров» и одерживали над ними блестящие победы.

Идеология провиденциальной власти Рима над ойкуменой, экономические интересы империи еще были действенны, так что даже в самые тяжелые для единства империи исторические ситуации вызвали энергию для противодействия. Территориальное единство империи (за исключением Дакии) сохранилось. Военная опасность, столь повлиявшая на остроту кризиса III в., в то же время повлияла противоречиво и на преодоление кризиса. Победы над вторгшимися варварами доставили массу пленных, которым предоставлялось жить в организационных поселениях под начальством римских правителей.

Римляне были в восторге от удачи такого опыта: «Уже варвары для нас пахнут земли, несут для нас как бы рабскую службу и в то же время сражаются за нас против внутренних германских племен». Это в некоторой степени укрепило положение империи. Создалось даже особое представление о важности борьбы против варваров: когда все варвары подчинятся Риму, то не нужно будет облагать население налогами и наступит «золотой век»! Отсюда следовало, что все должны стоять за сильную военную императорскую власть. Борьба с варварами укрепила римский «патриотизм» и в то же время повлияла на поиски такой формы эксплуатации, когда формально свободный земледelec будет прочно связан со своим участком, оставаясь под властью господина, и в то же время самостоятельно и заинтересованно работать как в свою пользу, так и в пользу собственника земли. Такие поиски стали проводиться для укрепления доходов рабовладельцев и для сохранения рабовладельческой собственности на новых экономических и правовых положениях.

Конец III в. и был концом кризиса III в., началом государственного оформления всех поисков новых форм эксплуатации населения, веком, когда классическое римское право превратилось в «вульгарное», оформляющее все вводимые жизнью новые формы управления хозяйством. Тогда пришел конец и олимпийской религии, которая заменилась, с одной стороны, самой полной автократией императора и, с другой – фактической автократией церкви, когда социальные движения стали разворачиваться в форме религиозной борьбы и когда варварский мир стал вовлекаться в проблемы империи. Тогда и начался заключительный этап рабовладельческой формации, продолжавшийся два века общий кризис рабовладельческого строя с характерным для этого этапа стремлением рабовладельцев сохранить за собой полную власть над обществом, реставрируя все строгие законы о рабах, доходы от труда которых уже стали отходить на второй план. Законы о рабах стали перемешиваться с законами о колонах. Рабство еще давало определенные выгоды и в городах, и в поместьях последующих времен. Конец рабовладельческого строя был связан с перемещением собственности и с уходом со сцены рабовладельческого господствующего в государстве класса, что может быть отнесено к концу V в. на Западе и к началу VII в. в Византии.

Таким образом, кризис III в. не был еще кризисом рабовладельческого строя в целом. Важнейшая составная рабовладельческого способа производства – рабский труд – в значительной части Римской империи продолжала сохранять свою роль²³. Всеобщий развал стабильности в империи в III в. был порожден продолжением традиционной римской политики управления как полисом-госу-

²³ См.: Штаерман Е. М., Смирин В. М., Белова Н. Н., Колосовская Ю. К. Рабство в Западных провинциях Римской империи в I–III вв. М., 1977. С. 37, 119, 148, 190 и др.

дарством и концентрации богатств в Риме, несмотря на изменения в социальной структуре империи. Эта политика вызвала серьезное перенапряжение материальных сил, особенно в среде мелких и средних собственников, в большинстве своем оказавшихся в зависимости от крупных владельцев. Получившие в IV–V вв. правовое оформление и потому прочно утверждавшиеся различные формы эксплуатации содержали элементы новых производственных отношений и стали альтернативой рабству, что означало уже подлинный кризис рабовладельческого способа производства, который привел, в конечном счете, к краху рабовладельческого строя в целом.

ДОФЕОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

І. Дофеодальный период в Византии¹

...Наличие такого переходного строя («дофеодального периода») видели в замечании Энгельса о том, что существовал период, когда «между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин»². По Энгельсу, господствующий класс феодалов создавался не в процессе гибели Римской империи, а именно в этот четырехсотлетний период.

Такой период совершенно четко выявляется при сопоставлении общества времени Земледельческого закона, где между энапографом и париком стоял свободный георгос, с обществом времени Салической правды, когда между колоном и крепостным вилланом стоял свободный общинник-крестьянин. И в том и в другом случае свободная крестьянская община существовала в обстановке классового общества и в период господства идеологии частной собственности. И в том, и в другом обществе налицо тенденции к феодальным процессам, уже заметные со времен поздней Римской империи, но когда еще были живы традиции рабовладельческого общества и когда в то же время в результате варварского проникновения в общество включились архистаринные пережитки родоплеменного общества, такая теория вполне соответствовала той периодизации истории человеческого общества, которую выдвинул К. Маркс в 1859 г.

Теория переходного «дофеодального» или, вернее, «предфеодального» периода давала понимание преемственности исторического процесса, а также положения о том, что феодальная формация, создавшаяся на базе античности, являлась более прогрессивной формой общества в целом, чем рабовладельческая.

Но подобной теории дофеодального общества, выраженной при защите моей кандидатской диссертации (1943) и опубликованной в кратком изложении в 1948 г.³, непримиримо противостояла, как на западе, так и в советской литературе, доктрина о возникновении феодализма на Западе непосредственно в не-

---

¹ АДСВ. 1972. Вып. 8.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 154.

³ Сюзюмов М. Я. Проблемы иконоборчества в Византии // Учен. зап. Сverdл. гос. пед. ин-та. 1948. Т. 4. С. 48–110.

драх общинных институтов родоплеменного общества⁴, из которой вытекает, что возможен прямой самобытный переход от первобытного общества к феодализму⁵. Поэтому «дофеодальным обществом» стали называть последний этап родоплеменного общества. А. И. Неусыхин понимал под «дофеодальным обществом» тот период саксонского родоплеменного строя, который существовал до франкского завоевания⁶.

Теория генезиса феодализма в обществе родоплеменной стадии значительно развилась в 1956 г., когда А. И. Неусыхин в своей работе нарисовал картину перехода древних родоплеменных институтов в феодальные⁷. Труд А. И. Неусыхина приобрел признание в зарубежной литературе и стал основополагающим в советской литературе.

Общественный строй периода варварских правд А. И. Неусыхин считал раннефеодальным периодом. По отдельным же статьям правд, которые отражают обычаи последнего этапа родоплеменного доклассового строя, А. И. Неусыхин дал картину «дофеодального» общества. Естественно недоумение Н. И. Соколова на конференции⁸, — зачем употреблять термин «дофеодальное общество», если подразумевается последний период родоплеменного строя? Этим определением подчеркивалось, что родоплеменное общество в заключительный этап своего существования уже представляло собой переходный период к феодализму и что прямой путь к феодализму помимо рабовладельческого строя⁹ был у германских племен предопределен с самого начала их исторического существования. И теория «синтеза» является только отражением случайностей, с которыми встретила на своем пути самобытно развивающаяся феодализм родоплеменная община германцев. Но эта теория мало считается с наличием в

⁴ «Общинный строй времен Ротаря находится на стадии эволюции от родоплеменного общества к классово-феодальному» (см.: **Неусыхин А. И.** Общественный строй лангобардов в VI–VII вв. // СВ. 1942. Т. 1. С. 42).

⁵ **Неусыхин А. И.** Общественный строй лангобардов...; **Он же.** Свобода и собственность в варварском обществе по «Салической правде» // Изв. АН СССР. Отд. общ. наук. 1945. № 4; **Он же.** Эволюция собственности и свободы в родоплеменном обществе // ВИ. 1946. № 4; **Он же.** Структура общины в Южной и Юго-Западной Германии в VIII–X вв. // СВ. 1953. Т. 4.

⁶ **Неусыхин А. И.** Крестьянские движения в Западной Европе в VI–IX вв. Из истории социально-политических идей. М., 1955. С. 115.

⁷ **Неусыхин А. И.** Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI–VIII вв. М., 1956.

⁸ Научная сессия в Москве 30 мая 1966 г.: Прения по докладу А. И. Неусыхина «Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному» // СВ. 1966. Т. 31. С. 56.

⁹ **Неусыхин А. И.** Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному: На материалах истории Западной Европы раннего средневековья // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. С. 603. Характерно, что история дофеодального общества создается на материалах раннефеодального общества, тем не менее понятие раннефеодального общества строго отделяется от понятия дофеодального периода.

родоплеменном обществе тенденции к зарождению рабовладельческого строя. Примитивный характер рабства в родовой общине вполне соответствовал примитивному хозяйству того времени и был вполне законченным общественным институтом. Раб считался вещью, полностью подвластной господину, который мог заставить его работать по своему желанию и убить по капризу¹⁰.

Мне кажется, что основным вопросом в анализе переходного общества следовало бы поставить не вопрос о самобытности вырастания феодализма из недр первобытного общества, а о том, как закономерные тенденции к развитию рабства в «дофеодальный период» сменились иными тенденциями... В этом суть проблемы.

...В наше время византийскому обществу этого периода уделено усиленное внимание, и именно то обстоятельство, что и в Византии между колоном и средневековым париком стоял свободный георгос Земледельческого закона, заставляет говорить о закономерности отмеченного Ф. Энгельсом явления не только для Франции, но и для других стран. Между двумя совершенно подобными формами зависимости непосредственного производителя в сельском хозяйстве, как на Западе, так и на Востоке, стоял свободный крестьянин-общинник.

Чтобы выявить сущность такого явления, мы начнем с классического примера Византии, где социальная динамика не подвергалась ударам в такой разрушительной форме, как на Западе, и где государственный строй и центральный аппарат власти продолжали существовать непрерывно.

Мы считаем, что причину преобладания в определенный период свободного крестьянства следует искать не во влиянии родоплеменных обществ, а во внутренних закономерностях разложения рабовладельческого общества с учетом внешних воздействий.

Элементы феодализации, закрепощения крестьянства интенсивно развивались в позднеримской империи. Достаточно перечислить ряд конституций и новелл римских императоров¹¹. Но почему же они не восторжествовали, а напекор тенденции к закрепощению развилась свободная крестьянская община?

Ответ в историографии недостаточно оформлен и убедителен. Цахариэ фон Лингенталь и «русская школа» византиноведения считали это влиянием славянской колонизации, которая якобы в Византию принесла общинный строй. Даже предполагалось, что императоры-иконоборцы в своей реформационной деятельности издали особый эдикт об освобождении от зависимости...

В «Истории Византии» переход к преобладанию свободного крестьянства в значительной степени объясняется в основном результатом нашествия и коло-

¹⁰ Полная нерегулированность власти господина у варваров (скифов) над рабом хорошо охарактеризована в беседе Приска с одним перебежчиком в лагере Атиллы. Сказания Приска Панийского // Учен. зап. 2-го отд. Имп. Акад. наук. 1861. Т. 7, ч. 1. С. 57.

¹¹ Nov. 80,2; 152,2; 156; CJ. XI, тит. 48, 51, 52, 63.

низации славян, отчасти внутриклассовой борьбой и, кроме того, военными реформами¹².

Происхождение «дофеодального периода» после разложения рабовладельческого способа производства нам кажется совершенно закономерным. Сущность рабовладельческого способа производства состоит в том, что непосредственный производитель – раб не имел ни права, ни реальной возможности борьбы за свои потребности. Поэтому рабовладельческое производство развивалось, не считаясь с потребностями производителя, и зависело только от потребностей рабовладельца и цивилизации рабовладельческого общества. В рабовладельческих странах всегда замечался разрыв между уровнем цивилизации и возможностями, которые имелись у непосредственных производителей. Рабы работали сверх возможностей, рабовладельцы развивали цивилизацию «не по карману», не по возможностям общества. Но на определенной стадии великой античной цивилизации количественного роста производства количество переходит в новое качество: дешевый труд раба стал дорогим. Предметы цивилизации, требующие высшей квалификации работника, постепенно переставали быть объектами приложения труда рабов (требовалось обучение и, что особенно важно, соответствующий потребностям высшей квалификации уровень запросов). Постройка роскошных храмов, водопроводов, больших кораблей, горное дело все более становились делом свободных, работающих по соглашению. К тому же практика пекулия показала выгоду самостоятельного хозяйчика, дающего взносы господину. Для поддержания роскоши и соответствующего уровня цивилизации стала необходимой эксплуатация свободных лиц. Но традиция рабовладельческого общества по-прежнему не считалась с потребностями трудящихся в размахе культурного строительства. Требовалось все больше и больше внепроизводственных профессий, в связи с чем колоссально расширился (для укрепления власти над непосредственным производителем) государственный аппарат принуждения и многочисленное духовенство. Налоги назначаются, не исходя из возможностей, но по потребностям рабовладельческого государства. Разрыв между цивилизацией и производственными силами общества стал еще более ощутимым. Закономерно, что население стало сопротивляться разрастающемуся давлению потребностей цивилизации и власти. Главный метод сопротивления – бегство с обложенного налогом и поборами хозяйства. Не только правительство, но и землевладельцы, сдающие колонам в аренду участки земли, почувствовали это сопротивление – начался процесс запустения и «обезлюдения» земель¹³. Правительство Кон-

¹² История Византии. М., 1967. Т. 1. С. 351, 376.

¹³ Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в Западных провинциях Римской империи. М., 1957; Рец. А. М. Дьякова // ВДИ. 1959. № 4. В зарубежной литературе особенно ярко об «обезлюдении» и начавшемся техническом регрессе см.: Karphann F. Zwischen Antike und Mittelalter. München, 1947.

стантина стремилось остановить запустение земель, давая возможности колоно-арендатору действовать легально – подавать в суд на господина, требующего от колона слишком высокую плату. Суд должен был заставить господ не допускать нарушения обычных норм и возратить колону излишне затребованное¹⁴. Затем начинается политика прикрепления свободного земледельца к ведению обложенного налогами хозяйства. Начиная с IV в. появляется ряд конституций с угрозами применения самых суровых мер к оставившим свои хозяйства.

Проблема стабилизации хозяйства была в то же время проблемой сохранения рабовладельческого строя и спасения античной цивилизации. Прикрепление к хозяйству не лишало прикрепленного статуса свободного. Прикреплялись духовные лица к служению церкви, монахи к монастырям, куриалы к курии. В связи с борьбой против запустения и за гарантию денежных и натуральных поступлений в казну создавались жестокая кадастровая система и тенденции к закреплению производителей. В результате прикрепления к казенным и частным хозяйствам появились адскрипции, прикрепленные городские низы. При этом в праве подчеркивалось прикрепление именно к земле, к хозяйству, хотя в действительности для колонов это означало прикрепление и к личности землевладельца. Однако, хотя хозяин земли и делался «господином» приписанного, но он не являлся распорядителем в его мелком хозяйстве.

Начался исключительно важный процесс, выражавшийся в тенденции к созданию мелких хозяйств. Непосредственному производителю давалась возможность самостоятельно распоряжаться средствами производства, будь ли это пекулий раба, участок колона приписанного либо колона свободного арендатора, либо свободного крестьянина в митрокомии, либо мелкое ремесло и промысел, зафиксированный как имперская повинность.

Юридический статус свободного отходит на второй план перед относительной, но реальной хозяйственной самостоятельностью мелкого хозяина¹⁵. Хотя человек, потерявший статус свободного, и не мог вести процесс против господина и патрона¹⁶, такой адскрипций, приписанный к цензу, имел право обращаться в суд по делам экстраординарным и криминальным, что, конечно, его отличало от раба¹⁷. Можно считать, что правительство Римской империи вре-

¹⁴ CJ. XI, 50 (49), 1.

¹⁵ Отсюда туманность и нечеткое отличие разных юридических статусов. Так, даже в конституциях появлялся недоуменный вопрос: а в чем же разница между рабом на пекулии и адскрипцией? (CJ. XI, 48, 21, 530 г.). Неясно о характере хозяйства адскрипция – оно называется пекулием (CJ. XI, 48, 19, 500 г.), иногда – *terra sua* (CJ. XI, 48, 21, 530 г.). Возможно, что если приписывался безземельный бедняк, то даваемый ему участок земли назывался пекулием, а если приписывался со своей землей, то пекулием уже не назывался. Но в практической жизни это не давало различия.

¹⁶ CJ. XI, 50 (49), 2, 1.

¹⁷ CJ. XI, 50 (49), 2, 4. О юридической правоспособности колонов см.: Корсунский А. Р. О колонате в Восточно-Римской империи. М., 1956. С. 45–47.

мен домината сознательно стало на путь содействия рассредоточению мелких хозяйственных единиц, распоряжающихся средствами производства¹⁸, что в связи с политикой прикрепления не только не препятствовало, но имело целью способствовать росту крупного землевладения.

Интенсификация хозяйственных забот и труда мелких распорядителей средствами производства создавала основу для рентных отношений. Именно нерентабельность рабовладельческих отношений привела к рождению новой тенденции, которую можно считать элементом феодального способа производства, но которая только адаптировалась господствующим классом и властью для сохранения существовавшего рабовладельческого государства и права, а не для создания нового общества. Весь позднеримский период прошел под знаком нерентабельности рабского труда, когда общество бессознательно стремилось к ликвидации отживающих рабовладельческих отношений, но без потрясений, с сохранением господствующего класса и его собственности, путем медленных сдвигов. Это выдвигало в законодательстве особые тенденции, называемые *favor libertatis*¹⁹. При выяснении, является ли данное лицо рабом или свободным, любая неясность должна решаться в пользу свободы. В вопросе о статусе рождавшихся в смешанных браках в позднеримском законодательстве всегда давалось предпочтение более свободному статусу, тогда как позднее, в варварских обществах – потомство смешанных браков наследовало статус «худшей» стороны²⁰. Кроме того, в тенденцию к *libertatis* можно включить и стремление закрепить за крестьянином его участок – по закону Анастасия все нисходящее поколение колона должно работать на его участке, если его арендный срок превысил 30 лет – и в то же время законы Юстиниана устанавливали неизменность платежей и повинностей землевладельцу. «Пусть остерегаются господа этих владений, в которых размещались подобного рода колонны, вносить какое бы то ни было нововведение или насилие в отношении к ним. И если это будет удостоверено и объявлено через судью, то сам правитель провинции, где подобное произойдет, всемерно должен предусматривать и ту обиду, которая была допущена, исправлять и сохранять им старинный обычай во вносимых платежах, но в то же время не предоставлять колонам никакого разрешения оставлять то владение, в котором они обосновались»²¹.

В данном случае прикрепление к земле обусловлено было статусом свободного гражданина. Можно сказать, что *favor libertatis* сменился на *favor* мелкого

¹⁸ Каждан А. П. О некоторых спорных вопросах становления феодальных отношений в Римской империи // ВДИ. 1953. № 3.

¹⁹ Imbert J. *Favor libertatis* // *Revue historique du droit francais et étranger*. P., 1949. P. 270–280. Castello C. *Note in tema de «Favor libertatis»* // *Studia et Documenta Historiae et Juris*. Roma, 1956. P. 348–361.

²⁰ Корсунский А. Р. О статусе франкских крестьян // СВ. 1969. Т. 32. С. 33.

²¹ CJ. XI, 48 (47), 23, 2.

производителя, свободно распоряжающегося своим мелким хозяйством при условии внесения определенных платежей. Интересно отметить, что даже при преследовании самаритян, которые лишались свободы завешания, делается исключение для самаритян-крестьян – они могли завещать наследникам хозяйство, даже если останутся в своей вере. Мало того, даже в случае интестато (смерти без завешания) земля переходила родственникам, хотя бы они были самаритянами²². Чувствовалась важность сохранения мелкого хозяйства.

Неприкосновенность владения и свобода завешания сами по себе не могли внести особого улучшения в состояние крестьянского хозяйства в условиях непосильного обложения, отсутствия правильного контроля за сборщиками налогов. Деревне нужно было дать некоторое самоуправление в крестьянских делах. Юридическое закрепощение не могло обеспечить сплоченность деревни. Обнищавшая деревня с крестьянином, мало заинтересованным в укреплении своего хозяйства, не давала крупному вельможе достаточных, соответствующих его положению доходов. Единственным выходом для вельможи было количественное расширение своих владений. Поэтому из новелл Юстиниана делается понятным, почему знать в провинции пыталась путем насилия увеличить свои владения за счет крестьянства.

Юстиниан, как выходец из крестьянской среды, прекрасно это понимал. В его новеллах отражены все действительные причины бедствий – насилия со стороны знати, произвол и коррупция чиновничества; военные смотрели на провинцию почти как на завоеванную страну. Но Юстиниан не мог отказаться от налогов, которые в основном шли не на личную роскошь (сам он жил скромно)²³. Но отказаться от построек пышных храмов он не мог, так как этим давал работу константинопольскому и других провинциальных городов плебсу²⁴. На одной постройке храма св. Софии (после восстания Ника) было занято несколько десятков тысяч людей из плебса.

Колоссальные подарки варварам, за что так укоряют Юстиниана историки того времени, тоже отвечали его цели сохранить крестьянское хозяйство – ведь любое вторжение варваров – в первую очередь бедствие для деревни, и Юстиниан, осознавая это, стремился всеми мерами предупреждать варварские наше-

²² Особенно ярко в новеллах 8, 134, 135.

²³ Интересно отметить, что скупые на роскошь императоры были очень непопулярны в Византии. Так, скупой и бережливый Анастасий был ненавистен плебсу, который все время выступал против этого императора. И только к концу своего правления Анастасий приступил к постройкам. Юстиниан тоже, несмотря на большие траты на войну, особенно после восстания Ника, занялся крупнейшими постройками, после чего в столице уже не было таких волнений. Можно думать, что это относительное спокойствие плебса – результат не поражения восстания, а наличия заработка у плебейских масс города. Да и само восстание Ника произошло в январе, зимой, когда, как говорил Златоуст, бедняку негде было заработать на питание!

²⁴ Прокопий. Тайная история. 13, 28–32; Он же. О постройках. 8, 134.

ствия. Повинности, взносы в государственную казну Юстиниан считал «священной» обязанностью каждого гражданина.

Но общие задачи управления и поддержания соответствующего уровня высоты культуры позднеримского периода требовали огромных затрат, непосильным бременем ложившихся на плечи населения, так что в конце правления Юстиниана деревня была совершенно истощена. Экономической основой аграрной политики Юстиниана было укрепление крестьянского хозяйства и проведение мероприятий по прикреплению крестьян к земле. Одна сторона этой политики имела целью борьбу против мобильности крестьянства, другая же – стремление к стабилизации повинностей крестьян-арендаторов и адскриптициев. Самые резкие конституции Юстиниана направлены против тех землевладельцев-локаторов, которые увеличивают повинности прикрепленных к ним крестьян. В политике Юстиниана можно отметить также тенденцию к уменьшению количества лиц непроизводственных профессий. По ламентациям Лида Юстиниан сократил число лиц в государственном аппарате, в значительной степени упростил ведение дел...²⁵ Закрывая философско-риторические школы в городах, он, сохранив элементы психики деревенского жителя, по-видимому, считал ненужным наличие такой армии философов. Нельзя снимать со счета жалобы Прокопия на угнетение знати, на конфискацию колоссального количества имущества крупных землевладельцев, зависимое население которых после этого становилось государственным плательщиком налогов, фактически «свободным» в понимании постклассического римского права.

Юстиниан ограничил штат «великой церкви». Большое количество монастырей и льгот духовенству как будто противоречит положению о том, что Юстиниан стремился к уменьшению лиц непроизводственных профессий. Но нужно иметь в виду господствовавшее в то время представление, что имущество церкви – это имущество бедных, что вопросы социального обеспечения сирот, странников и больных, престарелых – задача церкви²⁶. Поэтому все дарения Юстиниана в пользу церкви казались ему актом милосердия в интересах бедноты.

Таким образом, в обществе приходящего в упадок античного мира были две тенденции: одна – ведущая к укреплению мелкого хозяйства²⁷, другая – к развитию крупного землевладения. Для процессов феодализации обе тенденции представляли собой закономерное внутреннее единство.

²⁵ Lydus I. De magistratibus. II, 21.

²⁶ Canones apostolicae. 39; Chrysostomus J. // Matthaeum homil. 86,3 (PG. 58,761). Ambrosius. Ep. 18 ad Valentianum 16 (PL. 16,1018): «*possessio ecclesiae sumptus est egenorum*» – «церковное имущество – это пропитание нуждающихся» (ср.: Молле М. Бедные и средневековое общество // Междунар. конгр. ист. наук. М., 1970).

²⁷ Karayannopulos J. Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates. München, 1958. S. 199. Идеализируя законодательство позднеримской империи, Караяннопулос тем не менее отметил тенденцию к защите интересов мелких собственников в деревне. Особенно выдвинул он заботы законодательства о создании привилегированной прослойки мелких сельских собственников из ветеранов.

Но до феодализма было еще слишком далеко. Господствующий класс еще был преисполнен рабовладельческих традиций – не соразмерять свои потребности с возможностями и силами непосредственных производителей. «Доходы и царская казна были истощены не на полезные дела, а на непристойные зрелища, на безрассудную пышность, на забавы и на другие издержки, от которых благоразумный человек и среди счастливейшего состояния государства должен удерживаться». Так писал Приск (фрагм. 5) о расходах византийского государства в V в. Разрыв между размахом цивилизации и состоянием производства был колоссален. Это осознавалось современниками.

Резкая противоположность между развитием города и деревни была тоже очевидной для людей позднеримского времени. Законы Зенона, трактат Аскалонита рисуют яркую картину стремительного роста городского строительства (Константинополь, Антиохия, Александрия и другие центры, в особенности в Сирии, в местах, удобных для развития торговли) в IV–VI вв.²⁸ Города бурно развивались, население прибывало²⁹, росли дома, быстро увеличивалось число архитекторов, декораторов и рабочих разных квалификаций³⁰.

Противоположную картину представляла собой деревня. Как раз о Сирии, где был такой подъем городов, Либаний пишет: «Всюду бедность, нищенство и слезы, а землевладельцам представляется удобнее просить милостыню, чем обрабатывать землю»³¹.

Перманентная опасность всеогражающих нашествий племен, расходы на освобождение территорий Римской империи от господства варваров усугубляли тяжелое положение крестьян. Отсутствие общественного контроля мешало преодолению коррупции бюрократии и своевластия господ. Таким образом, к концу царствования Юстиниана положение деревни оставалось отчаянным. Правительство совершенно ясно осознавало размеры бедствий, но фактически не имело представления о путях поднятия хозяйства в деревне. Характерной является новелла 163 Тиверия (572 г.): «Мы знаем, что постоянные и различные ущербы, причиненные людям, привели владения в такую нищету, что не могли ни доставлять владельцам доходов, ни вносить полностью положенные налоги». Тиберий на основании жалоб землевладельцев мог видеть невозможность ведения хозяйства для крестьян и для самих господ.

Процессы феодализации, явственно отмечавшиеся в жизни и законодательстве, зашли в тупик, поскольку основа феодальной эксплуатации – феодальная

---

²⁸ CJ. 8. 10. 12. Правила были распространены на всю империю Юстинианом в 531 г. (CJ. 8. 10. 13); **Юлиан Аскалонит.** О законах и об обычаях Палестины / Рус. пер. и введ. статья М. Сюзюмова // АДСВ. 1960. Вып. 1.

²⁹ Themistii orationes. 13, 206.

³⁰ **Левченко М. В.** Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V–VI вв. // ВС. 1945. С. 17.

³¹ **Либаний.** Речи. Письмо Феодорита // PG. Т. 83, 1217, 1221, 1261.

рента не могла извлекаться в достаточном количестве. Поэтому до торжества феодального способа производства было еще далеко. Какие же меры вводило правительство Тиберия, опиравшееся на землевладельческую знать? Были представлены различные паллиативы, сняты недоимки, разрешен платеж налогов в рассрочку, очень много говорилось о недопущении незаконных поборов (но никакого контрольного органа с привлечением общественности не было). Эти мелкие поблажки вводились как в отношении к крестьянам, так и к господам имений, как подчеркивалось в новелле, но налоговый гнет по-прежнему оставался основной причиной нищеты. Правительство высказывает двойную озабоченность, откуда черпать налоги для государственных потребностей... и в то же время изжить нищету! Из многих забот проблему «милосердия» к «подданным», т. е. проблему борьбы с нищетой, Тиберий считает первостепенно важной. Режим экономии, установленный Маврикием, тоже был проявлением осознания несоответствия существующей цивилизации возможностям населения. Прекратилось пышное строительство, но... население осталось без заработков, и на фоне общего недовольства произошел взрыв.

У нас мало осталось документов о правлении Фоки, которое продолжалось восемь лет. В советской историографии этому восьмилетнему господству поставших низов не придается должного значения главным образом потому, что не сохранилось никаких законодательных актов Фоки. Отсюда делается заключение о том, что вообще никаких изменений, никаких реформ в интересах низов и не было проведено! Указывается на то, что Фока не уничтожил влияние той части знати, которая, наподобие Приска, признала переворот и стала служить новому императору.

Разразившаяся гражданская война распространилась по всей территории империи. «Всем известно, какую тучу пыли поднял дьявол после Маврикия против города, убив любовь и поселив вражду во всем Востоке, Киликии, Азии и Палестине и по всем соседним местам даже до самого царственного города до такой степени, что народные массы не только насыщались тем, что упивались на площадях кровью своих соплеменников, но и нападали на дома друг друга, безжалостно убивали тех, кого находили живыми, сбрасывали на землю с верхних этажей женщин, детей, стариков и юношей, слабых, которые не могли бежать от преследователей, затем грабили, как варвары, своих соседей, знакомых, можно полагать, родственников и, наконец, сжигали и самые жилища»³².

Расправа Боноза со знатью, выступившей против Фоки, привела к уничтожению целых фамилий... Масса крупных землевладельцев со всем потомством погибла. Лишившись патронов, зависимые стали свободными. Хотя правление Фоки не ввело новых реформ, но стихийно произошло перемещение прав собственности.

³² Acta Sanctorum. Octob. 26, 132.

Персидская интервенция подорвала возможности как внутренних реформ, так и подавления сопротивления со стороны знати. Все силы сторонников Фоки брошены против интервентов, но войска, сражаясь в обстановке гражданской войны, стали терпеть поражения. Деревни, имения, их жители стали объектами грабежей и убийств со стороны персов³³.

После подавления мятежа Фоки Ираклием государственная машина рабовладельческого государства в значительной степени ослабла и не смогла больше защищать в провинции собственность крупных землевладельцев. Слова «колон», «энапограф» уже не появляются в источниках – ни в повествовательных, ни в юридических, ни в житиях святых, ни в канонических постановлениях.

Оказывается, для того, чтобы перейти к подлинному феодальному способу производства, пришлось временно отказаться от тех элементов феодализации, которые уже существовали в Римской империи...

Крестьянство в обстановке нашествий персов вынуждено было самоорганизовываться – следует значительное укрепление общины. Еще рано говорить о влиянии славян на укрепление общинного строя. Славяне вторгались на Балканский полуостров, но смешение их с местным населением, нужно считать, произошло много позднее развития свободной крестьянской общины.

Постоянные нападения персов и затем арабов вызвали сопротивление сельского населения. Подобно мардаитам, о которых дают сведения более поздние источники, население здесь вело местную партизанскую борьбу. И нужно думать, что именно здесь кроется начало фемной организации византийской провинции – в военной самоорганизации деревни против врагов. Ираклий воспользовался этой инициативой масс. Фемный строй возник снизу, а не в результате реформы³⁴.

С 618 г. Константинополь уже лишился анноны египетских крестьян. Масса плебейского населения вынуждена была уходить из столицы и больших городов в провинции, населяя пустующие территории. Это тоже явилось моментом укрепления сельского хозяйства. Снабжение столицы и городов теперь стало зависеть только от провинций, что заставило правительство еще более внимательно относиться к состоянию хозяйства в деревне...

³³ См. донесение управляющего имением о грабеже и зверствах персов в папирусе: Pap. Ros. Georg. / Ed. Zereteli. IV. P. 100.

³⁴ Можно задаться вопросом, а почему не возник фемный строй среди провинциальных крестьян на Западе, в Галлии, Италии, на Рейне, на Дунае? Нужно отличать нападения персов и арабов на Малую Азию от нападений германцев и славян. Персы и арабы приходили, грабили, убивали и уходили. Они не имели ни необходимости, ни возможности полной колонизации областей Малой Азии. Совсем другое положение существовало при нападениях германцев и славян, когда переселялись целые племена, которые оседали на захваченных территориях. К тому же на Западе центральная власть оказалась мало способной объединять то сопротивление, которое оказывало местное крестьянство завоевателям-варварам (см.: Сиротенко В. Т. Дис. ... д-ра ист. наук. Пермь, 1968. Рукопись. В ней приведено колоссальное количество данных о сопротивлении местного населения варварам).

То самоуправление, которое уже имелось в митрокомиях (с предоставлением населению права иметь собственную полицейскую силу иренархов с их локальными функциями)³⁵, послужило базисом для создания того деревенского устава, который получил название Земледельческого закона.

Деревенское население стало самостоятельно управлять своими делами, сохраняя в то же время связь с имперской городской юстицией в наиболее важных делах.

Вся дальнейшая история Малой Азии проходила в обстановке непрерывных арабских нашествий. На западе – нашествия авар и славян. Конечно, всюду опустошения, разгромы... Правительство стремилось заселять заброшенные земли, создавая поселения военнотружеников. Недостаток анноны приводил к стремлению посадить солдат на крестьянское хозяйство. Именно в это время, во второй половине и конце VII в., вместе с созданием воинских поселений и начинает проявляться влияние славянских традиций на внутренний строй общины. Не сразу это влияние славян сказалось. Попытки Юстиниана II, организовавшего славянские поселения, заставить славян жить по византийским обычаям провалились.

В дальнейшем уже нет данных о чисто славянских поселениях в Малой Азии. Вполне возможно, что, руководствуясь практикой Римской империи, византийцы стремились создавать поселения из лиц разных народностей, что могло распространить славянское влияние и на греческие по составу поселения.

По образцу малоазиатских образовались фемы и на Балканском полуострове – там, где удалось остановить нашествие славянских племен. Но влияние славян не внесло нового в организационное устройство общины. Даже с наличием славянского населения община жила в рамках митрокомии. Славянское влияние сказалось на внутреннем ее укреплении – на большем значении кровнородственных отношений, что привело к сплоченности и устойчивости общины³⁶. Наоборот, создавшиеся в условиях византийской митрокомии порядки оказали сильное влияние на славянские общины на Балканском полуострове, когда славяне Балкан смогли принять нормы Земледельческого закона. Жестокое преследование городской знати при Юстиниане II и Фоке нанесло тяжелый удар городам и в некоторой степени уменьшило культурный разрыв между городом и деревней. Константинополь освобождался от лишнего населения – те лица, которые не имели запасов продовольствия на три года, удалялись из столицы. Наступали «темные века» для Византии.

Соотношение между размахом культурных затрат, массой непроизводительных профессий и состоянием производительных сил стало выравниваться.

---

³⁵ О самоуправлении в деревенских общинах IV–VI вв. (см.: **Левченко М. В.** Материалы... С. 38, 39).

³⁶ **Сюзюмов М. Я.** О характере и сущности византийской общины по «Земледельческому закону» // ВВ. 1956. Т. 10.

Пышное строительство в городах приостановилось, образованность значительно снизилась. Города уменьшились. Их население сократилось. Не требовалось уже такого большого количества продуктов питания для городов. Деревня укреплялась. В условиях военизации деревенского населения стала вырисовываться зарождающаяся военно-земледельческая фемная знать в провинции.

Только ежегодные наезды арабов на территорию Малой Азии постоянно наносили вред хозяйству деревни. Укрепление центральной власти стало необходимостью для всех слоев населения Византии. Пока граница была открыта, трудно было добиться рентабельности сельского хозяйства. Для поднятия экономики Византии в условиях преобладания свободной крестьянской общины необходимы были победы Исаурийской династии.

К концу VII в. укрепилась византийская деревня, выросшая из митрокомии свободных крестьян, из создавшихся некогда поселений ветеранов римской армии, беженцев из завоеванных арабами стран (мардаитов), бывших адскриптициев и колонов, пленных и переселенных славян, армян, сирийцев. Примерно в то время и появился Земледельческий закон. Обычное право и закон объединились в этом уставе. Законы, по которым жила митрокомия, давно стали установившимся обычаем, а вновь внесенные обычаи – законом. Земледельческий закон должен был укрепить свободную крестьянскую общину.

С точки зрения исторического процесса перехода от рабовладельческого строя к более прогрессивному этот закон был в интересах и крестьян и, в конечной степени, эксплуататоров, поскольку только после создания прочного крестьянства можно извлекать достаточную феодальную ренту. Правительство нуждалось в более крепком крестьянстве в интересах фиска. Бывают в истории особые периоды, когда временно сходятся цели и угнетенных, и эксплуататоров, когда, по выражению Анастасия, «это выгодно и для господина, и для крестьян»³⁷.

Это византийский *дофеодальный период*, период подготовки к феодализации общества. Деревня далеко не имела возможностей полного самоуправления. Самые главные статьи в Земледельческом законе отсутствуют. Семья не упоминается вовсе, это – компетенция церкви, канонического права и императорских новелл... Имеются в виду только хозяева участков земли, рабы, наемные работники и арендаторы. Нет никаких положений о завещаниях – это компетенция общеимперских законов. Ничего не говорится о купле-продаже земли. Такие сделки оформлялись нотариально по существующим законам – известна была цена участка земли (ст. 16). Нет статей об убийствах, ересях, колдовстве, политических преступлениях против церкви... Все это было функцией центрального судопроизводства, Земледельческий закон имел целью только упорядочить отношения в общине для создания рентабельного крестьянского хозяйства.

³⁷ CJ. XI, 48,19.

Закон явственно стремился создать внутреннюю хозяйственную связь общинников не на началах коллективного земледелия, а на укреплении внутридоговорных отношений между мелкими собственниками. Статьи 3, 4, 5, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16 требовали соблюдения твердости в выполнении договоров и принятых обязательств.

Это проявляется в заботе о пастухе. Ведь пастух представлял интересы деревни в целом. Закон входил в положение пастуха, работа которого протекала в тяжелых условиях. Пастух освобождался от ответственности, если мог выдвинуть уважительную причину, причем было достаточно его клятвы, чтобы снять с него вину за пропажу животного (ст. 23–29).

Некоторая помощь обедневшим хозяйствам предусматривалась законом (ст. 11, 13, 14). На стремление помочь мелкому хозяйству указывает статья 37, которая гласит, что если бык, взятый бедняком заимообразно для определенной работы издохнет, то взявший быка не отвечает. Но если бык издохнет на иной работе, нежели договаривались, то взявший должен возместить полностью убыток. Здесь очевидна поправка в пользу бедного крестьянина: ведь по юстиниановскому праву *de locato-conducto* взятую внаем вещь нужно вернуть неповрежденной *ut incorruptam redderet*³⁸.

Печать снисходительности к членам общины лежит на решениях об ответственности: видно стремление сохранить от ответственности, если не было намерения причинить вред, даже в том случае, когда от разведенного костра гибнут дома в деревне. Положение о снятии ответственности с лица, случайно нанесшего кому-либо вред, повторяется в 13 статьях Закона. В деревне, безусловно, были и ростовщики. Статья 67 говорит о смягчении расплаты по ссуде — через семь лет половина дохода от сданного в залог поля засчитывается в счет оплаченной ссуды.

Все статьи Земледельческого закона представляют собой несомненную защиту частной собственности, имеют цель привязать материально к деревне, создать особую общность быта и традиций, тесно связанную с господством частного хозяйства, укрепить самосознание и сплоченность класса крестьян. Можно сказать, что статьями 1–6, 18, 19, 21, 31, 32, 57, 58, 59, 60, 79, 80 Земледельческий закон гарантировал неприкосновенность частной собственности и возможность распоряжения личными средствами производства византийского крестьянина. Только создав производственные условия для феодального общества, можно было говорить о выступлении класса феодалов.

Сказались ли на положении крестьянства наличие внутреннего самоуправления и хозяйственная политика Земледельческого закона? Объективные факты свидетельствуют об этом. Уже при Константине V источники говорят о вновь

³⁸ Ср.: Dig. 19,2, 19,4: *in pristinan faciem reddat*; 19,8, 25,3: *ne deteriorem fundum faceret*; 19,2, 19,2: *si culpa coloni, quid corruptum sit*.

начавшемся заселении столицы, о проведении новых массовых работ (водопровод, новые стены). Сообщается о том, что в столице появилось обилие продовольствия. Деревня стала давать больше продуктов. Феофан отмечает, что крестьяне вынуждены были для выплаты налогов в денежном выражении усиленно продавать продукты своего хозяйства; таким образом расширилась внутренняя торговля³⁹. Естественно, что сразу же по мере укрепления хозяйства в деревне начались попытки ее эксплуатации. В самой общине тенденция защиты и покровительства частной собственности приводила к имущественной и социальной дифференциации. Провинциальное военное сословие имело, естественно, тенденцию к превращению в крупноземлевладельческое сословие, подчинив себе деревню, используя при этом свое командное положение в фемной армии.

Но поскольку в Византии сохранились централизованное правительство, финансы и суд, процессы феодализации стали протекать в иных, нежели на Западе, условиях. Прямое насилие над собственностью крестьян не могло быть на первом плане: частная собственность была основой политики в Византии и ее прямолинейное насильственное нарушение в тот период византийской истории не могло казаться выгодным для эксплуататорских групп. Поэтому процессы феодализации, имеющие в виду подчинить и эксплуатировать крестьянское хозяйство, проходили в Византии, так сказать, «легальным путем» – через акт скупки крестьянских земель, пользуясь обычными в крестьянском быту несчастьями, и через дальнейшую передачу этой земли зависимому крестьянину. Простое насилие для представителя знати сопряжено с риском. В хрониках имеются данные об ответственности за произведенное насилие, за проведение таких актов, как зафиксированный в «Пире» случай судебной практики⁴⁰.

Разумеется, и в недрах самой византийской общины имелись возможности выступать за неприкосновенность земельных участков крестьянина. Но нужно отметить, что статьи касались только вспашки чужой земли и т. д. Самый акт грабежа не был подсуден деревенскому самоуправлению, поэтому на определенном этапе развития процессов феодализации вполне можно было использовать нормы Юстинианова права и Василик в интересах закабаления крестьян⁴¹.

Как со стороны провинциальной знати, так и со стороны церковных учреждений процессы феодализации развивались в продолжение всего «дофеодального периода», который, по-видимому, завершился к моменту овладения властью династией Комнинов, когда стали оформляться феодальные институты. Но уже в первой четверти IX в. мы можем усмотреть в восстании Фомы Славянина моменты борьбы масс против начинающегося развития феодализации.

³⁹ Theophanis. Chronographia / Ed. de Boor. P. 443.

⁴⁰ Peira, J.L.R. Vol. 1. Lipsiae, 1856.

⁴¹ Сюзюмов М. Я. О социальной сущности законодательств «Василик» // ВВ. 1952. Т. 6. С. 72–87.

Таков «дофеодальный период» в Византии со всей его спецификой. Та же самая закономерность проявила свое действие и на Западе – как в областях «синтеза», так и вне контактной зоны.

II. Дофеодальный период во франкском обществе

Мы перейдем к дофеодальному периоду в странах «синтеза», характерным типом которого является⁴² Франкское государство. Именно там элементы поздней античности и варварские в равной степени влияли на развитие общества, уравнивались, почему и введен был термин «страны уравновешенного синтеза»⁴³.

Принято считать, что первоначальные, т. е. «протофеодальные» элементы генезиса феодализма имелись как в недрах позднеримского общества, так и в варварском догосударственном родовом строе, вырастая из общиннородовой организации.

Нельзя ни в малейшей мере сомневаться в наличии элементов феодального способа производства, существовавших в позднеримском обществе, хотя они и вводились не в целях перехода к новому общественному строю, а для укрепления рабовладельческого государства. Колонат – адскрипции, патроний – прикрепление к земле – все эти мероприятия, которые соединяют личную зависимость от землевладельца с правом личного распоряжения средствами производства, безусловно, были элементами, ведущими к феодальному способу производства.

Но мы не можем согласиться с теориями о самобытном генезисе феодальных процессов в недрах родоплеменного строя.

В настоящее время в основу методологии изучения Салической правды принято положение, что феодальный строй развивался эмбрионально от того времени, когда франки жили до завоевания Таллии в родоплеменном обществе. Эти несколько столетий доклассового общества А. И. Неусыхин и считает «дофеодальным периодом», ставя знак равенства между этим термином и названием «варварский» строй.

Родоплеменное общество в своем развитии имело прямое тяготение не к феодальному обществу, а к рабовладельческому. Нельзя считать признаком феодализма наличие зависимого населения от мелких территориальных владетелей (в данном случае мы имеем дело с понятием суверенитета, а не феодальной собственности). Эта зависимость характерна для предрабовладельческого строя.

---

⁴² Наиболее яркими выступлениями в типологии стран генезиса феодализма в советской литературе можно назвать работы: Люблинская А. Д. Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза // СВ. 1968. Т. 31; Корсунский А. П. Образование раннефеодальных государств в Западной Европе. М., 1968.

⁴³ Удальцова З. В., Гутнова Е. В. Генезис феодализма в странах Европы // XIII Междунар. конгр. ист. наук, 16–28 августа 1970 г. М., 1970.

Если же говорить о тенденциях, то следует иметь в виду соотношения равных членов общества в динамике. Самые древние статьи Салической правды дают основание полагать, что все виды взысканий в конечном счете имели своей целью наказание путем обращения в рабство. Так, в титуле 56 говорится о таком человеке, который не имеет возможности уплатить долг и отказывается явиться в суд или выполнить обязательства; после целого ряда процедур суд решает: «Тогда и сам виновный и все имущество делаются собственностью истца»⁴⁴.

В титуле 41 (§ 8) дается указание, что виновный в преступлении выдается врагам. Эта передача в полное распоряжение истца тоже свидетельствует о тенденции к рабству: ведь виновный передается обиженному с правом жизни и смерти над ним⁴⁵. Судя по титулу 58, выражение «платит своей жизнью» означает тоже передачу в полное распоряжение. Неплатящий виру передавался в кабалу истцу! Можно привести аналогию из древнейшего римского права, когда виновный, не выполнивший решение суда, передавался истцу в полное распоряжение с правом жизни и смерти⁴⁶. Указанные положения Салической правды считаются старейшими, относящимися ко времени до завоевания Галлии⁴⁷.

Что же касается структуры общества по Салической правде, то сущность ее построена на основах рабовладельческого деления: *ingenui* – свободнорожденные и *servi* – рабы⁴⁸.

Нелепо было бы предположить, что рабство по Салической правде являлось только результатом внешнего влияния, этот институт возник в результате племенных войн, трибализма, характерного для последнего периода родоплеменного общества. Рабство первоначальное, еще не регулируемое государством, стало регулируемым местными обычаями, превратившимися в право.

Рабство как развивающийся институт родоплеменного общества встретилось с рабством позднеимперского общества, уже нерентабельным, регулируемым госу-

⁴⁴ Салическая правда. 56 / Пер. Н. И. Грацианского. В некоторых рукописях текст изменен: «*res suae erunt in fisco*», т. е. «и виновный и все его состояние делаются собственностью фиска или того, кому это фиск передаст».

⁴⁵ Несколько спорный для понимания текст: является ли вира за то, что виновный вмешивается в право мести, *Fehderecht* (см.: **Brunner H.** Deutsche Rechtsgeschichte. München, 1928 (NDr.) II. 527, п. 1; 604, п. 14) или же потому, что снижает тяжесть наказания по суду (**Thomissen.** Contribution à l'histoire du droit germanique. 1880. P. 163–167), или же из гуманных соображений сократить страдания, т. е. проявление своеволия над судебным решением и права лица, получившего власть над выданным обиженному преступником (см.: **Wilda.** Das Strafrecht der Germanen, 1842. P. 683. II. 3).

⁴⁶ По римским законам 12 таблиц можно было на должника наложить *manum inicere*, т. е. обратить в раба и даже убить.

⁴⁷ **Неусыхин А. И.** Возникновение зависимого крестьянства... С. 76.

⁴⁸ В переводе Грацианского неточно переводится *ingenius* словом «свободный». Точный перевод – «свободнорожденный» передает представление об обществе, где основное деление – раб и свободнорожденный! Как и у римлян, общество разделяется на свободных и рабов, в положении рабов нет никаких внутренних различий, в отношении же свободных много различий... (Inst. I, 3, 5).

дарством в условиях новой общественной идеологии. В концепции А. И. Неусыхина⁴⁹ понятие «дофеодальный период», т. е. период, когда уже в эмбриональном положении имеются тенденции к феодализму, не может относиться к странам, которые прошли рабовладельческий строй, так как он считает дофеодальный период бесклассовым строем, тогда как переход к феодализму в странах рабовладельческого общества совершался уже в недрах классового общества.

Но мы не можем так ригористически отделять периоды истории человечества. Классовое общество появляется не в определенный момент, а в продолжение долгих лет переходного периода, когда элементы классового общества начинают преобладать и вызывать переворот в родовом строе.

Переход от бесклассового общества, жившего по «естественному праву» к рабовладельческому обрисован прекрасно в римском праве юристами II–III вв. – по естественному праву все люди рождались свободными, но в результате человеческих потребностей начались между племенами войны, плен и рабство, которое развивается в противоречии естественному праву⁵⁰. Гай, безусловно, под народами, жившими «естественным правом», понимает примитивное родоплеменное общество, в последний период которого в силу разросшихся потребностей началась эксплуатация человека человеком в виде рабства.

Можно ли полностью так строго называть последний период родоплеменного общества франков, до их завоевания Галлии, бесклассовым обществом? Помимо того, что франки уже знали соответствующее их хозяйству рабство, нельзя забывать, что франкские племена длительный срок находились в орбите влияния Римской империи, хотя и не под непосредственным управлением Рима. Франки были вспомогательными союзными войсками, т. е. фактически военным сословием в грандиозной системе римского мира (*Pax Romana*)⁵¹. Именно тогда постепенно франкские племена все более и более стали испытывать и активно перенимать римское влияние. Никаких элементов феодализма даже в зародыше у салических франков до завоевания Галлии не могло быть, а если они и проникали, то только под влиянием тех элементов феодализации, которые уже встречались в Римской империи.

Все элементы развивающегося социального неравенства в примитивном франкском обществе, как это можно судить уже по архаическим статьям варварских правд, свидетельствуют о денежном обращении, т. е. о высокой степени влияния римского общества. Государственная граница Римской империи не могла быть границей рабовладельческого общества того времени в целом. Рабовладельческий мир с его психикой был гораздо шире, чем римско-эллини-

⁴⁹ ВИ. 1967. № 1. С. 87.

⁵⁰ Inst. 1, 2, 2.

⁵¹ Wirt G. Zur Frage der federierten Staaten in der späteren römischen Kaisezeit // Historia. ZfG (Wiesbaden). 1967. T. 14. S. 231–251.

тический⁵². И понятие варварства ни в коем случае не равнозначно понятию бесклассового родоплеменного общества⁵³. Более высокая цивилизация обладает силой радиации, распространяющей свое влияние на соседние страны и народы.

Что же касается франкского общества, то римское влияние на франков до завоевания было бесспорным. Франки в период «военной демократии» с середины III в. неоднократно врываются в римские пределы для грабежа, их разбивали, при Констанции их заставили служить Риму, создавали из них вспомогательные войска, которые особенно отличились против севов и вандалов в 401–407 гг. Франки превратились в военно-земледельческое сословие, причем в середине V в. во главе их встал на некоторое время римский полководец Эгидий, правивший через своих римских чиновников⁵⁴.

Таким образом, мы пришли к выводу, что «военную демократию» варварских племен не следует рассматривать как дофеодальный период. Только тогда, когда между римским колоном и франкским крепостным стал свободный франкский крестьянин, начался дофеодальный период и создавались условия для феодального способа производства.

Разумеется, на Западе дофеодальный период проходил в другой обстановке и в других формах, чем на Востоке, в Византии. В Византии континуитет поздней античности проводило местное население, хотя и сильно перемешанное с

⁵² Christ K. Rom und Barbaren in den hohen Kaiserzeit // Spaculum. 1959. Nr. 10. S. 273–289.

⁵³ См.: Нестор Н. «Варварский мир» и конец античного мира // Междунар. конгр. ист. наук. М., 1970. Попутно следовало бы коснуться концепции Ф. И. Поршнева, который аргументированно протестовал против полного отрыва «варварского мира» от римского, видя в периоде рабовладельческого строя единство противоположностей рабовладельческой цивилизации и варварства. Однако совершенно нельзя согласиться с его подразделением – Рим – вампир, а варвары – жертвы. Германские и прочие народы, стоящие на грани рабовладельческого строя, нельзя особенно идеализировать, полагая их только жертвами. Раз у них была постоянная война, перешедшая в промысел, постоянное стремление поживиться за счет ограбления границ римского мира – римские власти на границах находились в перманентной военной опасности, и понятно стремление римского правительства в период империи обезопасить себя от постоянных нападений путем включения под свою власть и распространить внутренний мир на соседние области. Доктрина Рима периода империи «*Pax Romana*» – не пустые слова (Themistii orationes. Lipsiae, 1832. Т. 10. Р. 168) и не только лозунг агрессии, она имела реальное значение для прекращения ужасного периода «военной демократии», когда война была промыслом, от которого страдали в первую очередь простые земледельцы Римской империи и сами наступающие племена, постоянно боровшиеся между собой и продававшие пленных на международном рынке.

Римская империя, безусловно, оказывала на соседние народности свое влияние, распространяя рабовладельческие устои. Но и варварские племена в свою очередь тоже имели внутреннюю тенденцию к рабовладельческим порядкам, тоже, когда могли, обращали римлян в рабство. Положение о «вампирах и жертвах» субъективно и фактически превозносит роль варварских нападений на Римскую империю (см. ниже примеч. 97).

⁵⁴ Gregorius Turon. II, 12. Fredegarius / Ed. Krusch // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichte. 1882. B. 7. C. III, 11.

различными народностями. На Западе же континуитет в основном стали проводить германские племена⁵⁵.

Это военное сословие франков западно-римское правительство стремилось (так же, как и на Востоке) превратить в обыкновенных послушных трудолюбивых крестьян, обязанных по призыву служить в армии во время войны. Приведем известные слова из панегирика Констанцию Евмена: «Ведь этот хамав пашет для меня, из грязного грабителя он сделался приносящим аннону земледельцем – если же его призывают на военную службу⁵⁶, он восторгается, что служит в воинском звании»⁵⁷. Но Евмен, по-видимому, ошибался... не так легко грабителя сделать послушным крестьянином, полностью платящим налоги! Уже из того восторга, который этот хамав проявлял при призыве в армию, видно, что далеко ему до послушного смиренного крестьянина – в тех условиях он им не хотел быть... он хотел принадлежать к военному, а не к производственному сословию!

В таком же положении оказался и император Валент, который тоже старался превращать грабителей в послушных крестьян⁵⁸. Валент наивно думал, что вестготы из военно-эксплуататорского сословия, по большей части уже рабовладельцы, поселившись на Балканах, превратятся в скромных, платящих аннону военнообязанных крестьян! Не прошло и года, как вестготы восстали. Германские племена в период, когда война была промыслом, могли быть или только вспомогательными войсками с самоуправлением на службе у империи, привилегированными карателями, или же военным сословием завоевателей.

На Западе в период Великого переселения народов для перехода общества к феодализму нужно было преодолеть два препятствия: невыносимую в условиях налогового гнета жизнь римского крестьянина и воинственность завоевателей, не имевших особого желания из привилегированного военного сословия превратиться в податное и трудовое. Такова была задача, которую люди того

⁵⁵ По Аубину и Курту Бенеру, континуитет признается только в том случае, когда носителем его является местное население или его остатки. **Aubin H.** Von Altertum zum Mittelalter. München, 1944; **Böhner K.** Die Fränkischen Altertümer des Trier Landes (Römisch-Germanische Kommission, Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit. T. 1–2. B., 1958; **Ders.** Die Frage der Kontinuität zwischen Altertum und Mittelalter im Spiegel der fränkischen Funde des Rheinlandes. 2 Aufl. Trier, 1959. S. 85–109.

Но нам непонятно, почему континуитет не может продолжаться другими народностями, занявшими территорию данной цивилизации? Блестящий пример: континуитет в распространении христианства – от иудеев к грекам и римлянам, и от них к германцам и славянам... Поэтому положение о полном исчезновении римского населения в определенных местностях не может быть доказательством наличия цензуры и «Bruch'a».

⁵⁶ «...*praedatur exercitici sgualidus operatur*» (Eumenii panegericus Constantio Caesari dictus / Ed. E. Baerens. Lipsiae, 1874. S. 9.

⁵⁷ Там же: «*se servire militiae nomine gratulatur*».

⁵⁸ Themistii orationes, X-*epi tes eirenes*.

времени понимали как потребность в наличии трудолюбивого сословия крестьян. Однако не осознавалось, что эта закономерная необходимость становления нового строя в конечном счете идет на пользу господствующему классу будущих феодалов.

Франки уже до завоевания были эксплуататорским военным сословием, они, как союзные войска, пользовались поставками продовольствия от римского правительства⁵⁹ и разными подачками для сохранения «верности», но тем не менее они рассматривали свое подданство Римской империи как тягчайшее иго⁶⁰. Когда франки ворвались в римскую Галлию как завоеватели, их общество, безусловно, не было уже доклассовым.

Франки вступили в Галлию с наличием архистаринных пережитков, которые никак не могли соответствовать обществу римского права, начиная уже с III в. переходящего от рабовладельческих отношений по направлению к феодальным в своих институтах, вторгавшихся в жизнь. Франки в своем быту были связаны примитивными кровнородственными связями с родовой местью, трибализмом, с постоянными межплеменными войнами, с примитивным судом («котелок»), с пережитками общественной собственности в землепользовании в общине.

Хотя франки были грозными завоевателями, но они до того времени не знали расходов по организации защиты границ, трат на поддержание высокой цивилизации, на образование и на содержание массы лиц непроизводительных профессий. Им были чужды регулярные налоги. Франки фактически не знали бюрократии, так распространенной в поздней Римской империи.

...Институты, которые отразились в Салической правде, были присущи давно пройденному этапу развития римской истории. Так, у римлян в долибеллярном судебном процессе на первый план выступала общественность (римская стипуляция); в добюрократический период Рима обязанность вызова в суд ложилась на обвинителя; имело значение поручительство; налоговая система не занимала прочного места. Франки-завоеватели получили привилегии перед завоеванными, как в Риме некогда квириты перед провинциалами. Этот «скачок назад», однако, соответствовал выходу из того кризиса, в который вошла рабовладельческая Римская империя в результате несоответствия потребностей высокой цивилизации и производственных возможностей трудящихся.

Выход мог быть двоякий.

Или же в духе смены общества древнего мира по теории циклизма, т. е. путем гибели общества и перехода руководящей роли другому народу. Или же

⁵⁹ Считалось обычным, что варварам римляне платили ежегодными продовольственными пайками: «император же... отказал им (варварам) в ежегодном продовольственном пайке» (Themistii orat. X, p. 161).

⁶⁰ Пролог I к Салической правде: «*jugum durissimum...*»

путем революционных сдвигов и выступлений, переходом к дофеодальному обществу.

Рабовладельческий строй в Римской империи достиг столь высокого уровня, что дальнейшее его развитие могло пойти только по линии перехода к новому, что осознали и господствующие круги общества, вводя новые формы эксплуатации, и вступающее в борьбу трудовое население. Создавалась революционная ситуация.

До завоевания Галлии франками на территории Римской империи развивалось местное крестьянство, задавленное налогами, зависимое, которое в условиях нерентабельности рабовладения должно было стать основой феодального общества. Институты зависимости, которые использовались в позднеримском обществе для сохранения рабовладельческой частной собственности, уже были прообразом феодального общества.

В условиях разложения рабовладельческого строя общество было чревато революцией. Однако нашествия варваров, разрушения, архистаринные институты, привносимые варварами, низвели общество на более низкую ступень развития. Отсюда совершенно ясно, что вместе с варварским завоеванием революционная ситуация, которая существовала в Западной Римской империи, исчезла. Варвары сорвали начинавшуюся революцию. Сальвиан ярко рисует революционные настроения⁶¹ в недрах римского общества в Галлии. Недовольство позднеримским строем приняло характер тотального отрицания государства, Сальвиан видел в государстве господство знати, где налоги брались для богатых от бедных, где любая власть рассматривалась как угнетение бедноты. В условиях военного проникновения варваров фактически революционному движению багаудов был положен конец. Григорий Турский сообщает только о мелких народных волнениях локального характера, несоизмеримо меньшего размаха, чем движение багаудов. Варвары отсрочили существование крупного землевладения и зависимости, поскольку их вожди сами стремились быть рабовладельцами и входили в связь с римской знатью, делались карателями поднимающейся революционной струи. Все, что внесли варвары, было деструктивным, архистаринным, возвращением вспять, и только наличие элементов феодализации в недрах самой империи помогло преодолеть господство пережитков родоплеменного общества и тенденцию к рабовладельческому. Повторяющиеся нашествия, борьба племен германцев между собой в Римской Галлии, все новые и новые разрушения во времена борьбы двух королей – в темном и ужасном свете хаоса VII в. старинное крупное землевладение с элементами феодализации почти исчезло.

---

⁶¹ *Salvianus. De gubernatione Dei* // PL. Vol. 53. Col. 156.

Те тенденции к развитию рабства, которые были в древнефранкском родоплеменном обществе, теперь продолжали свое развитие... Получив привилегированный статус по сравнению с местными оставшимися в живых обитателями Галлии, франки, уже прежде имевшие тяготение к рабовладельческим отношениям, теперь приобрели в буре завоеваний массу рабов, еще в большей степени стали рабовладельцами. В изданиях Салической правды понятия «раб», «рабыня» встречаются в 9 титулах, 44 параграфах и 18 добавлениях. Нет никакого сравнения с Земледельческим законом, где слово «раб» встречается только 5 раз. Статьи о похищении свободных людей рисуют тенденции общества Салической правды.

По Салической правде раб участвовал в производстве и агрикультуре (раб-виноградарь) и в ремесле (рабы-плотники и кузнецы), причем стоимость рабов соответствовала существующей в Римской империи оценке (титул X, § 2, прибавление 4)⁶².

Франки из общества, в котором рабство было еще неразвитым, перешли в общественный строй, где рабство уже становилось нерентабельным, уже было почти пройденным этапом хозяйственной жизни. Именно это и помешало завоевателям-франкам в Галлии превратиться в подобие римских квиритов в Италии.

Франки становились все менее монолитными. Франкские набеги и грабежи способствовали внутренней дифференциации общества «военной демократии». А при ликвидации Римской империи акты завоевания, переселения, оседания варваров на римской территории были и актами становления франкского крестьянства.

Быстро размножившиеся франки уже не могли существовать как военное сословие, в котором осталась только верхушка, как королевские дружинники, королевские люди; громадное же большинство осевших франков должно было опуститься в социальном отношении в крестьян. Это социальное расслоение, однако, не являлось совершенно новым институтом, привнесенным германцами на территорию бывшей Римской империи, так как в Галлии развивалось свое крестьянство, которое в буре войн меровингского периода лишилось своих «господ» и «патронов». Такое крестьянство становилось, как и в Византии, свободным на королевских территориях.

Таким образом, большинство франков из военного сословия с течением времени должно было опуститься до положения оставшегося римского крестьянства.

---

⁶² О серьезном значении рабства в дофеодальный период можно судить по актам того времени, см.: Данилов А. И. К вопросу о роли светской общины в эпоху генезиса феодализма // СВ. 1958. Т. 12; Конокотин А. В. Элементы рабства в меровингской и короллинской Франции // Учен. зап. Иван. пед. ин-та. 1957. № 11; Bosl K. Frankentum um 800. Strukturanalyse einer fränkischen Königsprovinz. München, 1959. Рабы жили в качестве челяди или в домиках вокруг господского дома. Босл отмечает дарственные Фульде – землю, не разделенную на крестьянские держания, но обрабатываемую рабами (С. 35) – безземельные манципии, что подтверждается раскопками (Müller-Mertens E. Die Genesis der Feudalgesellschaft // ZfG. 1964. S. 1392).

яинства и слиться с ним, поскольку их отделяла только вира, но не фактическое социальное и производственное положение.

Завоевание Галлии сопровождалось и принятием идеологии позднеантичного общества – христианства, которое привносило варварам все то из античного наследия, что соответствовало тенденциям разрыва с идеологией как рабовладельческого общества, так и, особенно, родоплеменного. Христианство смотрело на население с позиции частной собственности и развитого классового общества.

Что касается положения самих завоевателей-франков, то вопрос шел не о разложении родоплеменного общества, а о превращении завоевателей-франков из военного сословия в крестьянство. Для Меровингской Франции это было трудным, но необходимым в закономерном развитии общества процессом. Нужно было, с одной стороны, отличать от военно-земледельческого сословия франков непродовольственные профессии, с другой – превратить грабителей-воинов в трудолюбивых крестьян.

По Салической правде из числа франков выделялись более высокие по положению разряды людей – граф, сацебарон, епископ, священник, дьякон, свободный человек на королевской службе, антрустион. Этим уже намечается внутри военного класса завоевателей противопоставление непродовольственных профессий непосредственным производителям, что, в конце концов, приблизило франкское общество к такому же делению, как и у «римлян» (посессоры и трибутари). Франкского свободного человека нужно было убеждать неравенством вир, что есть люди, принадлежащие к более высокой, чем он, группе. Ничего подобного не нужно было давать ни в Земледельческом законе, ни в Эклоге⁶³. Традиции прошлого у византийских крестьян – труд, у франкских – война с грабежами и убийствами.

Нашествия кончились, но психика франков не изменилась. Можно поражаться, сколько места занимают в Салической правде статьи об убийствах, разбое, квалифицированном грабеже, совершаемых и единолично, и скопом. Как адаптированный пережиток родоплеменного общества свирепствовала родовая месть (упомянутый нами казус Салической правды (тит. 41, § 8) – как враги из мести оставили на дороге умирать свою жертву, отрубив ей руки и ноги, и как судья наказывает того, кто из сострадания убивает несчастного; как из мести враг посадил на кол голову убитого им человека, и как судья наказывает того, кто снял голову). Совершенно понятно, почему адаптируется этот пережиток: разве страх перед вирой мог удержать франка от разбоя? Нужен был добавочный страх перед родовой местью со стороны родных убитого или пострадавшего.

---

⁶³ Эклога. Введ. Льва и Константина. М., 1965. С. 42.

Трудно было законами Салической правды ликвидировать грабежи и разбои. Поэтому в декретах Хильдеберта и Хлотаря введена была смертная казнь (без выкупа) за разбой. В этом проявлялись трудности низведения франков из статуса эксплуататоров в статус непосредственного производителя.

Обилие статей относительно квалифицированных форм грабежей (об уводе стада в 50 свиней, 25 голов крупного рогатого скота, 40 и более баранов, 7 и более пчелиных ульев; причем такие насилия совершаются скопищем и с применением вооруженной силы) свидетельствует о том, что традиции войны как промысла были живучи в обществе франков. Статьи титулов 42, 43 прямо говорят о вооруженных нападениях на виллы, чужие дома, причем такие нападения связывались с убийствами и похищением имущества.

В Салической правде ярко рисуется образ франка, становившегося крестьянином: это драчун, насильник, буян. Статья 29 перечисляет страшные увечья, которые наносили франки друг другу – вырванный глаз, оторванные нос, ухо, вышибленный зуб, кастрирование, насилия и оскорбления женщин, – все это характеризовало воина, свыкшегося с грабежами времени нашествия⁶⁴. Только преодолевая подобную психику можно было думать о создании такого крестьянства, которое могло бы безропотно давать феодалу ренту со своего трудового хозяйства.

Статьи Салической правды, безусловно, охраняют крестьянскую собственность: на некоторые угодья, домашний скот, птицу, пчел (тит. 2–8), земельный участок, усадьбу, личное имущество (тит. 9–12, 14–16, 21–23, 27, 33, 34, 38, 39), на право занятия промыслами (тит. 21, 27, § 20). Укрепление частной собственности – общая тенденция Салической правды. Иначе не могло быть в условиях наличия товарного обращения римского общества, окружающего франков, тем более что вступая в контакты с римской знатью, франкская знать, овладевая землями, сразу же превращалась в полных частных собственников.

Статьи Салической правды направлены на укрепление моногамной семьи (тит. 13, 15, 59). И в то же время, содействуя развитию единоличного хозяйства, в части судебных тяжб Салическая правда стремится сохранить единство общины, защиты близких путем соприсяжничества, даже отражая архаические пережитки родоплеменного общества в ответственности родичей за преступ-

⁶⁴ Что не сразу после завоевания успокаивались победители, мы можем усмотреть и из других источников того времени. Завоеватели-варвары, образуя особое сословие военного характера, тем самым уже становились в ряды господствующего класса. Они использовали юридическое неравенство римлян (*Lex Burgund.* 22; 54, 2). Местное население, особенно деревня, страдало от варваров даже после окончательного установления их власти, поскольку те захватывали земли, рабов, скот и т. д. (*Lex Visig.* X, I, 18; X, I, 16; *Lex Burgund.* 54; *Cassiodorus. Varia.* I, 18, 2). Об этих насилиях пишет Кассиодор. Местами варвары заставляли римское население выполнять для себя различные повинности (*Varia.* 39). (Корсунский А. Р. Государство и народности в раннефеодальный период // СВ. 1968. Т. 31. С. 126–127).

ление их родственника, хотя скоро и подобные пережитки выходят из практического применения⁶⁵.

Процесс перевода франка из военного сословия в статус простого крестьянина, естественно, касался и имущества франка.

Кто такой по Салической правде франкский крестьянин? В первую очередь – это богатый человек, которого можно наказать за малейшую вину солидным штрафом в золотых монетах! Это или сам грабитель, награбивший в нашествиях, или же его наследник. Но эти богатства не создают стимул к производительному труду, который требовался от крестьянина. Ужасающие по своей величине денежные виры имели целью не только доходы графу и королю, но и, изъяв награбленные ценности путем судебных штрафов, создать крестьянство, которое свое существование могло бы видеть исключительно в упорном труде в собственном хозяйстве. Франки не были подготовлены к феодально-зависимому положению крестьян, процесс феодализации требовал появления скромного, бедного, трудолюбивого крестьянина.

Пережитки последнего этапа родового общества в правах на землю отчасти сохранились и в меровингское время по Салической правде (тит. 59, § 5). В период, когда франки становились военным сословием, было естественно, что владение земельным участком связано с военным делом, и потому земельное владение могло переходить только мужскому поколению. В данном случае родовое право адаптировалось в интересах внутренней сплоченности военного сословия: земельный участок передавался при отсутствии мужского наследника, нужно полагать по решению общины, какому-либо мужчине из семейства соседа. Однако, когда начался процесс перехода массы франков в статус простого крестьянина-производственника, для укрепления заинтересованности крестьянина важно было закрепить за прямыми наследниками индивидуальной семьи участок земли, и при Хильперихе пережитки родового права были совершенно отменены⁶⁶.

Обратимся к вопросу, что же стало с теми элементами феодального строя, которые уже совершенно явственно пробивались в позднеримской империи? Как сказалось завоевание франками Галлии на институтах, пригодных для феодализации, т. е. на колонате, адскрипциях, патронате? Можно сказать, что элементы феодализации, бывшие в позднеримском обществе, в Салической правде не отражались вовсе. Общества Салической правды и Земледельческого закона – не раннефеодальные и не позднерабовладельческие – это общества

---

⁶⁵ Имеется в виду тит. 58: *de chrenecruda*, в конце которой в рукописях 3 в (Lex Salica / Ed. Behrend. Weimar, 1897) говорится, что с принятием христианства эта статья об ответственности родичей никогда не применялась: *«lege, quae paganorum tempore observabant, deinceps numquam valeat...»*

⁶⁶ Capitulare. V, § 3 (583–584).

«дофеодальные», хотя и в рамках всемирно-исторического процесса, но относительно самостоятельные *sui generis* – в силу сложившейся конкретно-исторической ситуации⁶⁷.

Но нужно отметить, что в условиях, когда из единого франкского военного сословия стала выделяться знатная верхушка, король из военного вождя превратился в суверенного правителя страны, он стал выполнять основные функции римского государя в упрочении господствующего класса, основой могущества которого были землевладение и власть над населением.

Еще большее значение приобрела церковь, которая, выполняя особые благотворительные функции, оказывалась на положении патрона с реальной властью над становившейся зависимой беднотой. Поскольку мелкое сельское хозяйство постоянно зависит от случайностей погоды и стихий, церковь использовала это для превращения свободного мелкого хозяйства в зависимое. Таким образом, подготавливался конец «дофеодального периода» – создавались феодальные институты, которые являлись фактически продолжением позднеримских, но уже в форме процесса превращения государственных повинностей в пользу отдельных лиц, как это было и в Византии в XII в. Но эти институты вводились уже не для укрепления рабовладельческого общества, не для забытых крестьян IV–V вв., не для воинов-франков, а для крестьян, которые уже настолько укрепили свое хозяйство, что были в состоянии давать солидную ренту для господ и могли содержать устойчивый сплоченный класс феодалов – светских и духовных. Элементы феодализации, существовавшие в позднеримской империи, не могли полностью забыться и использовались как уже готовые образцы для закабаления трудящихся. Через королевские пожалования, через сближение франкской знати с позднеримской, через подчинение франков церковным институтам позднеримские элементы становились по мере развития «дофеодального периода» как раз тем феодализмом, который якобы «принесли германцы в Римскую империю».

... Но рабовладельческие порядки не могли снова восторжествовать, поскольку появились и развились в недрах «дофеодального» общества новые формы эксплуатации через укрепившееся крестьянство, способное давать солидную ренту. Так подлинные феодальные институты сложились не прямо из изолированных от античного мира варварских дружин, а в обществе, подготовленном «дофеодальным периодом» на базе земельной ренты в процессе развития военного франкского сословия, адаптировавшего в дальнейшем позднеримские эле-

---

⁶⁷ Мюллер-Мертенс считает, что производственные отношения, сложившиеся в раннем средневековье, нельзя считать ни пережитками родоплеменного общества, ни раннефеодальными, но отношениями *sui generis* (Müller-Mertens E. Die Genesis der Feudalgesellschaft im Lichte schriftlicher Quellen // ZfG. 1964. Н. 8. S. 1402). О конкретно-исторических ситуациях см.: Кертман Л. Е. Законы исторических ситуаций // ВИ. 1971. № 1. С. 55 и сл.

менты феодализма. Хозяйственно окрепшее крестьянство, господа-землевладельцы чувствовали себя гораздо увереннее, чем их римские предшественники...

Новое поколение, имея основу феодального общества – феодальную ренту, – действительно могло быстро развивать феодализм в «родовых муках новой цивилизации», распространяя феодальные порядки на новые территории.

К концу дофеодального периода и Византия и Запад как бы структурно и в социальном смысле сблизились... Но в дальнейшем темпы развития феодальной культуры и специфика ее зависели от существовавших условий окружающей среды. Помимо географических, климатических факторов иногда решающими были факторы внешних связей. В Византии существовала перманентная опасность со стороны мощных соседей – персидского, потом арабского государств и нашествий многочисленных племен авар, славян, хазар, печенегов, половцев, турок-сельджуков и осман. На западе же феодализм мог развиваться в более спокойной обстановке – набеги небольших партий норманнов не могли ни в коем случае равняться с мощными нашествиями многолюдных полчищ племен, а набег арабов, далеко оторванных от своих баз, при Карле Мартеле не мог сравниться с той опасностью, которую представлял халифат в центре своей этнической базы для Византии. Закономерно прошел дофеодальный период, закономерно появился феодальный строй и в Византии и на Западе, но темпы развития феодальной культуры оказались разными. Однако характерно, что дофеодальный период и на Западе и на Востоке развился на базе позднеимперского общества. Нам остается проследить, как развивался дофеодальный строй там, где не было римской государственной власти, за границами римского «лимеса».

III. Дофеодальный период в «безсинтезном» районе Германии

Если можно говорить о «дофеодальном» периоде как подготовке условий для феодализации на примере Византии и салических франков, то можно ли это сказать о тех районах Западной Европы, где, как уверяют, вовсе не было римского влияния, поскольку территория никогда не была подвластна римлянам. Именно эти районы и привлекаются как пример прямого перехода от родоплеменного общества в феодальное, притом в таком виде, что уже в родовом обществе были налицо мощные тенденции к феодализации.

Это – теория самобытного прямого перехода от родоплеменного общества к феодализму. Всякие теории самобытности и автохтонности всегда были популярны, поскольку подлинный патриотизм часто подменялся дешевым, «квасным» патриотизмом: всякое выступление против самобытности считалось как бы выступлением против своего народа.

Историография Германии в начале XIX в. как бы удовлетворялась положением историков-германистов о том, что германцы освободили римлян от рим-

ского государства и внесли новый феодальный строй. Поскольку другие виды феодализма в науке не были изучены, то в XIX в. феодализм называли иногда «германским» строем.

Конечно, после детального изучения истории меровингской Франции нечего было и думать о германском самобытном развитии феодализма. Именно тогда теория самобытного развития феодализма у германцев стала покоиться на развитии тех областей Германии, где не было римской власти. Принималось за аксиому, что именно в тех областях самобытное становление феодализма у германцев очевидно, с чем связано отрицание марксистской периодизации исторического процесса по формациям.

Но поскольку в дальнейшей истории Германии влияние античности было очевидно, появилась теория «культурного континуитета», с которой выступил в 1883 г. Георг Вольф⁶⁸. Это было серьезным ударом по господствующей в германской историографии теории германского самобытного развития феодализма.

Только Альфонсу Допшу удалось изобрести формулу, согласно которой самобытное германское развитие было в то же время и континуитетом античной культуры. Германцы, по Допшу, были такими поклонниками римской культуры, что, собственно, можно говорить о единстве культурного континуитета. Для этого, конечно, нужно было в значительной мере извратить состояние древних германцев (в чем дружно критикуют Допша советские историки). Теория Допша встретила массу противников. Одни вообще оспаривали тезис о континуитете античности и выступали против недооценки самобытности германского развития (Аубин), другие обвиняли его за извращение исторического прошлого древних германцев и за теорию континуитета античности в целом. Допша, в полном соответствии с «нордической» теорией германского расизма, стали обвинять в том, что он мало уделял внимания северным германским племенам. Так, Эрнст Патцгельд⁶⁹ выдвигала положение о том, что не «влияния», а органические силы Севера Германии привели к тому, что германцы стали «ведущим народом» в развитии западной цивилизации. Не было *Bruch*'а, было только самобытное, прямолинейное развитие северного пути германского исторического процесса. Германская доисторическая культура без скачков и потрясений, без всякого перерыва развивалась до расцвета средневековья! Нужно снять с германцев название варваров, разоблачить «односторонность» римских писателей⁷⁰.

---

⁶⁸ Wolf G. Übergang vom Altertum zum Mittelalter // WZ. 1883. Nr. 2; Böhner K. Die Frage der Kontinuität zwischen Altertum und Mittelalter im Spiegel der fränkischen Funde des Reinlandes // Aus den Schatzkammer des antiken Trier. Trier, 1959. S. 85–109.

⁶⁹ Patzelt E. Die Kontinuitäts Frage // Festschrift zum 70. Geburtstag von A. Dopsch. 1938. S. 18–37.

⁷⁰ Höfler O. Das germanische Kontinuitäts Problem // HZ. 1937. T. 157.

В результате полемики против Допша более распространенной германистской теорией стала концепция Аубина, согласно которой⁷¹ в проблеме континуитета следует различать три зоны: 1) собственно германскую, северную и восточную зоны и Скандинавию, т. е. страны, где «не было вовсе римского владения», поэтому можно говорить только о континуитете самобытного развития германской культуры; 2) пояс от границ Шотландии – Нидерланды, Бельгия, Северная Франция, левый берег Рейна и правый берег Дуная – именно в этом поясе наиболее выражена система взаимоотношений германских и римских институтов; 3) Италия, долина Роны, Аквитания, Испания, где германское влияние незначительно и преобладает римский элемент⁷².

Таким образом, признано, что в отдельных районах был континуитет римской культуры, но настоящим, чисто германским путем к феодализму признавался только путь через Северную Германию. Однако римское влияние (в языке, культуре) было настолько очевидно, что германским историкам приходилось разрешать много трудностей.

Так, уже Георг Вайц (1848) утверждал, что германцы воспринимали только жизненные удобства, орудия труда, что облегчало им условия жизни, – и не более. На организационную сторону жизни римские влияния никакого воздействия, по его мнению, не оказали⁷³. Но это тоже было слишком схематично и не отвечало средневековой реальности: разве система образования, календарь, письменность, законы, любая наука не имели античного влияния?

В наше время вопрос ставится иначе: что было «растущим семенем» и «питательной средой» в развитии? Римская ли культура продолжала развиваться в германской среде, а германцы оказывались лишь продолжателями римской культуры – *die Germanen also die Weiterführung übernahmen und damit eine Neuschöpfung einleiteten*, или германская самобытная культура продолжала развиваться, пользуясь римским влиянием только как питательной средой (*Nahrungsmittel*)⁷⁴. Само собой разумеется, что германская историография высказывалась за последнее. Это казалось логичным... Но если мы поставим вопрос с точки зрения прогрессивного перехода формаций, как раз наоборот – прогресс осуществляется путем диалектического отрицания – отбрасывая реакционные

---

⁷¹ Aubin H. Maß und Bedeutung der römisch-germanischen Kulturzusammenhänge im Rheinland // 13. Bericht der römisch-ermanischen Kommisson. B., 1921; Ders. Zum Absterben antiken Lebens im Frühmittelalter // Antike und Abendland. 1948. Nr. 3. S. 88–119; Ders. Vom Altertum zum Mittelalter. Das Kontinuitätsproblem // Kulturbruch oder Kultur Kontinuität im Übergang vom der Antike zum Mittelalter. Darmstadt, 1968. S. 78–103.

⁷² Aubin H. Die Frage des historischen Kontinuität // HZ. 1943. S. 229–262.

⁷³ Waitz G. Deutsche Verfassungsgeschichte. Abt. 1. 1848. S. 260.

⁷⁴ Dopsch A. Frühmittelalterliche und spätantike Wirtschaft // Gesamnte Aufsätze von Alfons Dopsch. Wien, 1928; Neudr. Aalen, 1968.

элементы, строить новое, развивая достижения прошлого. Именно продолжателями диалектического процесса развития античного общества оказались германские и славянские народности.

Можно сказать, что, несмотря на признание самобытности германской культуры и германского пути развития к феодализму, никто из историков не отважился бы полностью отвергать римское влияние... и уже давно встал вопрос о положительной или отрицательной оценке римского влияния.

Известна старинная дискуссия между французскими историками и Зибелем, с одной стороны, и Ротом, с другой стороны, об оценке римского влияния на германское самобытное развитие. Оспаривая взгляд о положительной роли античности и влияний римской культуры, Пауль Рот писал, что основная причина превращения германской демократии в крепостническое феодальное общество лежит в «злосчастном влиянии» римских и кельтских институтов на германское внутреннее развитие⁷⁵. На более полной основе эта дискуссия продолжалась между Допшем и его сторонниками и Аубиным с его школой, причем в противовес континуитету римской культуры выдвигалось положение о том, что германская культура после обнаружения археологией палеолита на территории Германии должна считаться более старинной, чем римская⁷⁶.

В странном переплетении различных концепций эта отрицательная оценка римского влияния в нашей литературе *mutatis mutandis* отразилась в виде теории, считающей вообще рабовладельческую формацию «извращением» на пути развития человечества, что близко к утверждению Рота о «злосчастном влиянии античности»⁷⁷.

⁷⁵ Roth P. Feudalität und Untertanenverband. B., 1863. S. 32, 104.

⁷⁶ Patzelt E. Op. cit. S. 24.

⁷⁷ Штаерман Е. М. Античное общество, модернизация истории и исторические аналогии // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. Античное общество было не правилом, а исключением. В том же направлении построены все статьи данного сборника. Рабовладельческий строй признается как исключение только во Вьетнаме. Тепфер (Töpfer Â. Zu einigen Grundfragen des Feudalismus // ZfG. 1965. Nr. 5. S. 807) считает рабовладельческую формацию только как *Nebenform innerhalb vorkapitalistischen Produktionsweisen*. Но следует думать, что это не последнее слово исторической науки.

Мы не можем относиться серьезно к теории, считающей античную цивилизацию Аристотеля, Витрувия, Гая и Ульпиана, Сенеки и Юстиниана ошибкой человечества: скорее это положение является доведением *ad absurdum* теории непосредственного перехода родоплеменного общества в феодальное. Странно звучит и утверждение, что высшее развитие рабовладельческого строя проявилось только как исключение, тогда как все остальное человечество проходило к феодализму прямо от родоплеменного общества. Нужно иметь в виду, что при неравномерном развитии общества в результате различных условий только некоторые страны выходят в авангард развития, другие же, более отсталые, всегда находятся под определенным воздействием более высокой цивилизации и общественного строя. Дальнейшая история всех стран состояла в освоении наследия передового опыта. Это освоение и является континуитетом.

Наиболее ярким примером генезиса феодализма германских племен «без римского влияния» является Саксония. Развитие саксонских племен в период «военной демократии» в основном мало отличалось от прочих германцев – с точки зрения организации военного сословия, в обстановке перманентных войн и походов. Саксы – «товарищи по мечу»⁷⁸. Саксонский племенной союз, возникший во II в. н. э. в приморской западной части Шлезвиг – Гольштейна в период военной демократии начал завоевания соседних племен на юге и западе⁷⁹. В 531 г. саксы овладели частью Тюрингии. С захватом земли борутуариев стали соседями франков. К VII в. почти вся Северная Германия стала владением саксов. Начались войны К. Мартела с 738 г., с 744 – началась христианизация. В источниках очень мало данных о связях саксов с франками и о влиянии франкского общества на развитие Саксонии.

Имеются данные о том, что часть саксов была покорена франками и платила Франкскому королевству дань по 500 коров в год. Франки считали саксов *tendaces, nec omnino quod promiserunt Jimpleturos*⁸⁰, т. е. никогда не выполняющими обязательств, – это говорит о том, что саксы в VI в. не имели прочного единства, так что договариваться с ними о мире было трудно.

Саксы служили в качестве союзников в войсках франков у Теодоберта, герцогом у франков стал сакс Эгинан⁸¹. До середины VIII в. саксонцы изображались относительно бедным, отсталым народом. В правление Карла Великого, когда была составлена Саксонская правда, общество саксов состояло из этелингов, фрилингов, лассов и рабов. Саксонцы, завоевав обширную территорию и подчинив многие племена, стали военным сословием, фрилинги и лассы происходили из покоренных на разных условиях племен⁸².

Из среды военного сословия уже выделялись благородные по происхождению (аналогия с «длинноволосыми мальчиками» франков). Этелингам было запрещено вступать в брак с фрилингами⁸³, что является ярким свидетельством особенно привилегированного состояния «благородных этелингов» по аналогии с различными запретами смешанных браков у римлян. Военный характер наследования земельного владения по мужской линии, подобно Салической правде, проводился и правдами саксонцев и тюрингов⁸⁴. Исключительно четко

⁷⁸ Жирмунский В. М. Введение в сравнительное изучение германских языков. М., 1964. С. 46.

⁷⁹ Можно вспомнить, что весьма популярный в римском обществе янтарь добывался в то время в основном на западном побережье Ютландского полуострова, где (совр. Шверин) и жили саксы. Несомненно, что торговля янтарем вызывала связи с римлянами, что и дало возможность саксам выделиться из среды других народностей севера Германии и начать завоевания.

⁸⁰ Gregorii ep. Turonensis. Historiarum I. IV, 14.

⁸¹ Fredegarii. Chronicarum I. IV / Tred. par M. Guizot. 1862, 38.

⁸² Deutsche Geschichte. Batmus H. J. Die Völkerschaften auf dem Gebiete Norddeutschlands und Ihre Unterwerfung durch das fränkische Königtum. Leipzig, 1965. S. 22.

⁸³ Vidukindi Res gestae Saxoniae. I, 14.

⁸⁴ Leg. Saxonum. XLI, XLIV.

проводится связь земельного наследства с военным строем германского общества в Правде тюрингов: «К кому переходит земельное наследство, тому же следует получать и военные доспехи, т. е. кольчугу...»⁸⁵

Положение этелингов в сравнении с другими слоями населения было более привилегированным, чем в правдах других племен. Родовая знать под влиянием непрерывных побед и завоеваний обрастала добычей, пленными рабами, почему и столкнулась с опасностью выступлений фрилингов и лассов. Как известно, разрыв между интересами знати и народных масс помог Карлу окончательно разгромить сопротивление саксонцев.

Фрилинги считались свободными, но не имели привилегий, которые были у саксов, как военного сословия, а лассы находились на положении подчиненных племен, но, как покорившиеся на более тяжелых условиях, должны были находиться в повиновении у этелингов и фрилингов. Ласса можно было превращать во фрилинга так же, как и раба, путем освобождения к «полной свободе»⁸⁶.

Рабство было развито в значительной мере, как можно понять из статей Саксонской правды. Постоянные походы против славян приводили к росту рабства. Саксы даже название «раб» – «склаве» как бы отождествляли со славянами, что говорит о массе рабов славянского происхождения.

У саксов могли быть «господами» (*domini*) и этелинги, и фрилинги, и даже лассы. *Nobilitas* – прерогатива завоевателей, в основном при генезисе рабовладельческого строя. Но рабами *jure gentium* мог владеть каждый и поэтому категория *dominium* уже означала переход к созданию класса рабовладельцев, к развернутой рабовладельческой формации⁸⁷. Однако этой тенденции не удалось осуществиться: под влиянием франкского общества и особенно после завоевания понятие «нобилитас» начинает приобретать характер доминииума над территорией и непосредственными производителями с санкции короля. Что же касается общества саксов до его завоевания франками, то мы не можем характеризовать его как находящееся в процессе феодализации – нет главного – крепкого устойчивого сословия крестьян, нет деления по профессиям (землевладелец, воин, клирик). Население Саксонии делилось по принципу рабовладельческо-

⁸⁵ Leg. Thuringorum. XXXI.

⁸⁶ Vinogradoff P. Die Freilassung zu voller Unabhängigkeit in der deutschen Volksrecht // Forschungen zur deutschen Geschichte. 1876. T. 16. S. 599 f.

⁸⁷ Мне не понятны те затруднения, которые испытывают Гекк и А. И. Неусыхин при разборе вопроса о сословиях нобилей и фрилингов у саксов. Историки генезиса феодализма не желают давать аналогии из древнеримского мира, поскольку это несовместимо с признанием генезиса феодализма из родоплеменного общества. Если считать нобилей, происшедших из господствующего племени, как квириды в Риме, то либеры Саксонской правды соответствуют лицам латинского права и т. д., и господство нобилей над фрилингами будет вполне понятно. Как и в Древнем Риме, понятие «свободный» означало только то, что он не раб и не кабальный (*sui iuris, alieni iuris*). Сословие нобилей всегда представляло собой социальный статус по рождению, так же как патриции в Риме, а потом и квириды в целом по сравнению с подчиненными провинциалами.

го общества по степеням свободы. Быстрый рост рабства в Саксонии как бы воспроизводит картину древнейшего Рима. Мы можем отметить ряд параллелей общества и Рима: республиканский строй, участие общественности при заключении соглашений типа стипуляций⁸⁸, деление по центуриям (*GO c Gograf* во главе)⁸⁹, непостоянный магистрат (герцог избирался на время войны – смена консулов), статьи о порабощении личности (даже нобиля нобилем!).

Правда, Франкское королевство не могло не оказывать влияния на верхушку саксонского общества. Саксонская правда составлена не саксонцами, она продиктована победителями-франками побежденным саксонцам.

Саксонская правда и предшествовавший ей Падеборнский капитулярий поражают своей свирепостью, везде на первом плане – наказание смертью. Чувствуется стремление Карла Великого подавить всякое сопротивление силой, особенно в народных массах, тогда как ему удалось разбить и потом привлечь на свою сторону этелингов⁹⁰.

Переход Саксонии под власть франков Карла Великого был переломным в истории саксонского общества. Та тенденция, которая имелаась в постепенном самобытном приближении к развитому рабовладельческому строю, пресеклась и направлена была к созданию сначала дофеодальных порядков в деревне, чтобы вместе с тем перейти к развитому феодализму. Хотя Франкское государство в IX в. уже находилось в фазе развития феодальных институтов, но победителям прямо переводить саксонцев к феодализму было невозможно, поскольку существовало много пережитков военной демократии. Саксонское военное сословие победителей пришлось расчленить полностью, выделив низы крестьянства и военную знать.

Карл Великий после того как верхушка военного сословия капитулировала и вошла в союз с Франкским королевством, особенно старался выделить знать, введя в Саксонскую правду шестикратную виру за убийство знатного сакса⁹¹. Шредер⁹² объясняет это тем, что нужно было защитить знать перед своими же саксонцами. Это быстрое выделение знати особенно содействовало созданию другого полюса в Саксонии – крестьянства с его общинной организацией. В Саксонской правде (как и в других) явственно чувствуется стремление укрепить крестьянское хозяйство, гарантировать неприкосновенность его от кражи.

⁸⁸ Schröder R. Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte. Leipzig, 1898. S. 60, 293.

⁸⁹ Schröder R. Gerichtsverfassung des Sachsenspiegel // ZfR. Germ. Abt. T. 18. S. 63. Nr. 39.

⁹⁰ Чувствуются властные приказы победителей-франков (Гл. 51–53) почти дословно с *Capitulatio de partibus Saxoniae*, а. 782 (M.G. Leges. 5, 34 – Boretius Capitularia. I, 68). Сходство Саксонской и Рипуарской правд объясняется тем, что обе правды составлялись на Ахенском съезде в 802 г.

⁹¹ Leg. Saxon. XXV, XXVI.

⁹² Schröder R. Lehrbuch... S. 215.

Так, смертью карается любая кража, если она совершена с проникновением во двор крестьянина.

Гарантировалась частная собственность хозяина. Конечно, раз появлялось частное хозяйство на земельном участке, то дальнейшее развитие подчинялось законам товарного обращения. Необходимо было сохранить создавшееся общинное крестьянство от продажи земли. Установлено правило предпочтения при продаже земельного участка в деревне⁹³, сначала следовало предлагать «близкому», затем патрону (дело в том, что патрон деревни, конечно, отдаст патронируемому участок и тем не нарушит единства хозяйства деревни) и только потом можно было продать любому лицу.

В правде подчеркивалось, что продавался участок земли только по необходимости, когда крестьянин голодал (тит. 62).

Можно считать, что так же, как и в Византии дофеодального периода, крестьяне продавали свои участки только в результате стихийных бедствий, неурожая⁹⁴.

Подобное стремление сохранить деревенское хозяйство в Саксонской правде полностью соответствует капитуляриям Карла Великого.

Особенностью саксонского общества по сравнению с франкским было прямое проникновение феодальных элементов, которые были еще незаметны у франков во время Салической правды. Роль патрона, без разрешения которого нельзя было продавать землю, данные о зависимости свободного от знатного представлены в Саксонской правде более ярко, чем в Салической правде.

Второй особенностью постановлений о Саксонии является особая роль христианства, поскольку завоевание Саксонии совершалось при помощи христианской церкви, которая была в руках Карла Великого мощным союзником, проводившим всю повседневную работу завоевания Германии.

Августиновская теория о *Civitas Dei* – царстве божьем в соединении с теорией о «двух мечах» представляла собой основу идеологии агрессии со стороны Франкского государства – проводить завоевательные походы против соседних племен («франка хорошо иметь другом, но не соседом!»). Франки считали всякое сопротивление саксонцев мятежом. И папская власть, укрепшая в условиях союза с Франкской империей, стала особой силой для ломки старинных устоев и создания условий для феодализации. Было ли общество саксов готово

⁹³ Интересно, что правила предпочтения в X в. особенно развились в Византии уже к концу «дофеодального периода», однако там на первом плане стоял не сосед, но кровные родственники, и только затем следовали односельчане. Предпочтение патрона в византийском праве отсутствовало; вообще было запрещено продавать землю динатам в годы наиболее острой борьбы за сохранение общины.

⁹⁴ Leg. Saxon. 62–64: «*si hereditatem suam necessitate coactus vendere voluerit, offerat eam primo proximo suo*».

к принятию христианства? Существует положение, что христианизация племен возможна только после того, как общество уже готово для ее принятия. Но воинствующие христиане вовсе не ждали, когда, благодаря миссионерам, народ подготовится к принятию нового вероучения. Миссионеры заботились в основном о том, чтобы привлечь военную верхушку племени, а затем, овладев властью, создать условия для внедрения христианства в массы...

«Дофеодальный период» в Саксонии начался в основном только в процессе войн с Карлом Великим и через посредство христианизации. Франкская церковь в середине IX в. в Саксонии и у фризов стала проявлять усиленную деятельность. Знаменитый Бонифаций имел настоящий аппарат по развитию миссионерской деятельности среди германцев, все еще остававшихся преданными своим богам. Деятельность его вызвала жестокое сопротивление фризов и саксов: в 753 г. был убит епископ Гильдегарий, а в 754 и сам Бонифаций. Карл понимал, какую могучую силу он имел в лице церкви, тогда уже организованной через епископат и послушное духовенство. На Западе в это время влияние епископата было значительнее, чем в Византии⁹⁵. Ряд постановлений съездов, как по церковным, так и по светским вопросам, предшествовавших появлению Саксонской правды, отводит христианскому духовенству первую роль в преобразованиях в Саксонии. Карл фактически направлял деятельность церкви⁹⁶.

С принятием христианства эксплуататорские группы господствующей верхушки военного сословия получали колоссальную силу. С помощью христианства власть могла ломать родоплеменной строй, вводить новые обычаи, проводить среди масс новую идеологизацию, воспитывая их в духе классового общества.

В 777–780 гг. было проведено деление Саксонии на церковные миссии, и только в 782 г. последовало деление Саксонии на графства. Церковный аппарат создан раньше светского и имел исключительную силу. Используя веру германцев в загробную жизнь, духовенство могло полностью проводить свои идеи о том, как нужно жить, угрожая наказаниями после Страшного суда.

Особую роль в процессе христианизации приобретает «покаянный устав». Если сначала покаяние было публичным актом, то папа Лев Великий (440–461) отменил эту публичную исповедь, превращавшуюся в обряд, и вместо нее рекомендовал тайную индивидуальную исповедь.

Это имело колоссальное значение. Церковь через свой аппарат: епископа и священников должна проводить собеседования с каждым лицом о дозволенном

⁹⁵ **Ewig E.** Das Fortleben römischer Institutionen in Gallien und Germanien // Relationi zum X. Internat. Historiker Kongress in Rom. 1955. T. 6. S. 567, 571; **Feine H. E.** Kirchliche Rechtsgeschichte. Weimar, 1954. T. 1. S. 114 ff, 139 ff.

⁹⁶ **Haendler G.** Epoche Karolingischer Theologie. B., 1958. S. 130.

и «грехе»⁹⁷. Такой потенции в транслировании нужных государству идей не имел ни один государственный аппарат, причем воспитание масс сопровождалось церковными указаниями.

Церковь ломала быт общинного германского строя. В «Падернском капитулярии» (785 г.) § 7 гласит: «Если кто по обычаю язычников предает пламени тело покойного и кости его обратит в пепел, смертью да умрет»; § 34: «Всем саксонцам запрещает собираться на народные собрания, и священник прихода должен наблюдать за исполнением этого запрета».

Дофеодальный период продолжается в Германии долго. Христианство вводилось с большими усилиями и при резком сопротивлении населения (восстание «Стеллинга»), во время которого массы перебили и духовенство и «господ», присоединившихся к новой вере. Почва и климат Германии, леса и болота долгое время не позволяли сделать северогерманское крестьянство столь производительным в хозяйстве, чтобы оно давало солидную ренту. Малый доход хозяйства и сопротивление крестьянской общины привели к тому, что феодальная военная знать, германские рыцари основное внимание устремили на походы против славян и в Италию, и только в XI в. феодальный гнет осилил свободное крестьянство и положил конец «дофеодальному периоду», когда основная масса крестьян стала зависимой и когда полностью восторжествовали феодальные институты.

Начиная с трудов Эйхгорна и Маурера, дальнейший путь генезиса феодального строя Запада связывается с развитием институтов свободной крестьянской общины. Однако в нашем анализе мы не смогли пойти по этому пути, сводящемуся к абсолютизации формы крестьянской собственности на землю. ...Каковы бы ни были формы хозяйства крестьян в раннем средневековье – франкская или саксонская общины, деревня галло-римлян или одиночное хозяйство – все они были подвергнуты действию процессов феодализации, хотя и различными способами закрепощения крестьян.

Тем не менее значение марки – соседской общины в дофеодальном периоде колоссально в подготовке условий для победы феодального способа производства. Отделенные от военного сословия франки, саксы и другие землевладельцы в общине сохранили сплоченность, приобрели прочную связь с хозяйством, осознали свое положение в обществе, так что их община стала образующим центром становления крестьянства как класса. И это представление о крестьян-

---

⁹⁷ В постановлении Ахенского капитулярия 789 г. в главе «О делах в церкви» имеется призыв ко всем священникам возвещать людям о грехах; причем требуется покаяние каждого из народа, кому возвещается, за какие грехи он будет осужден в загробной жизни. О проникновении индивидуальной исповеди в практику церкви VII–VIII вв. во Франкском королевстве (см.: *Feine. Op. cit. S. 198; Bußwesen: 92–93, 198 f., 379 f.* Индивидуальная исповедь не менее одного раза в год в западной церкви при Иннокентии III стала обязательной под угрозой отлучения.

янстве как едином классе в дальнейшем утвердилось, несмотря на разнообразие форм связей с сеньором, вплоть до существования аллодиальных крестьян.

Дофеодальный период является особой исторической ситуацией, сложившейся при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в тех странах, которые прямо или косвенно находились под воздействием исключительно высокой культуры разложившегося и готового к переходу к феодализму рабовладельческого общества. В этих странах, чтобы построить новое, более прогрессивное общество, нужно было освоить и превзойти достижения античности⁹⁸, а для этого требовалась особая подготовка главной производительной силы того времени – крестьянина.

---

⁹⁸ В настоящее время на позиции решающего влияния античности в развитии средневековой Германии в Демократической Республике Германии стоят Е. Мюллер-Мертенс, Е. Вельскопф. «Der Feudalismus dürfte im Okzident nicht der germanischen Entwicklung, sondern der Antike entsprungen sein. Er war im Schoße der römischen Sklavenhalterordnung herangewachsen... bevor Germanen ihre Reiche errichteten» (см.: **Müller-Mertens E.** Von Regnum Teutonicum zum Heiligen Römischen Reich Deutscher Nation // ZfG. 1963. Т. 2. S. 324). «Einflüsse und Überlieferungen, aus der Antike gehören zu den Voraussetzungen, unter denen der deutsche Staat und das Deutsche Volk entstanden sind... Die antiken Traditionen und das Bild der Antike haben sich für die Deutschen in entscheidenden Phasen ihrer Geschichte gebildet und gewandelt: es ist nicht möglich das eine ohne das andere zu sehen» (**Welskopf E. H.** Antike Traditionen und das Bild der Antike Geschichte und Geschichtsbild der deutschen Nation // ZfG. 1963. Т. 5. S. 902).

О «САМОСТОЯТЕЛЬНОМ ПУТИ» СТАНОВЛЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА У ГЕРМАНЦЕВ¹

Как проходил генезис феодализма на западе Европы? Самая простая и понятная теория: в Западной Римской империи при кризисе рабовладельческого способа производства, достигшего высшего развития, количество переходит в новое качество. Но имеется и другая теория: феодализм стал развиваться в результате синтеза элементов разлагающегося рабовладельческого строя и примитивного родоплеменного общества, поскольку Римская империя в V в. превратилась в ряд государств германского происхождения. Третья теория, полностью отрицающая роль Римской империи в переходе к феодализму, говорит о развитии элементов феодализма непосредственно в недрах родоплеменного общества германцев и дальнейшем континуитете развития германского феодализма во всей западноевропейской цивилизации.

Наиболее четко подтверждается источниками первая теория. Основные элементы феодализма юридически оформлены в кодексах Феодосия и Юстиниана². Затруднения возникают лишь в вопросе о существовании синтеза. Результаты синтеза зависели не только от количественного соотношения завоевателей и побежденных, но и от соотношений имеющих поместья и ведущих хозяйство по поздне римскому праву и свободных германских общин и взаимосвязи между ними. В результате недостаточно полного анализа появляется дилемма: существовал ли вообще синтез в начале перехода к феодализму или же, может быть, вместо синтеза необходимо иметь в виду *борьбу* между варварством Салической правды и положениями римского права (руку в котелок с кипятком по Салической правде против судебных следствий по римскому праву?).

Теория трехчленной типологии, *der drei Hauptzonen* перехода к феодальному общественному строю развивалась в 30-х – начале 40-х гг. в Германии³. Согласно этой теории, переход к феодальному строю состоялся в результате син-

---

¹ АДСВ. 1983. Вып. 20.

² Поэтому у некоторых советских медиевистов и антиковедов имеется мнение о том, что в позднем Риме, начиная с IV в., отчетливо проявились тенденции феодализации (см. работы Е. Э. Липшиц, Е. М. Штаерман).

³ Aubin H. Zur Frage der historischen Kontinuität im Allgemeinen // HZ. 1949. T. 168. S. 239–242.

теза римской и германской культур: во Франкской области с преобладанием германских элементов, в Испании – элементов римских, а на севере Европы переход к феодализму произошел будто бы спонтанно, без какого-либо существенного влияния римских элементов. Отсюда шовинистически настроенные ученые вывели, что именно германцы «изобрели самостоятельно феодализм и путем войны, завоеваний ввели на территории Западной Римской империи феодальный строй». По их концепции, Западный Рим не был «убит» германцами. Он сам погиб в своих внутренних кризисах. Наоборот, германцы одно время даже защищали римские владения от наступлений других германцев. Но, скажем мы, каким же образом попали германцы в империю? Ведь римляне уже при Антонинах не вели захватнических войн, а стремились соблюдать *Pax Romana*? Именно страшные перманентные разрушительные нашествия германцев подорвали экономику империи, особенно деревню. Это были ужасающие нашествия, неожиданные нападения в конце II, III и IV вв. Современные историки забывают это, считают их не имеющими теоретического значения: поскольку римская государственность исчерпала свои внутренние силы управления, германские народности взялись вкладывать свои молодые силы и с помощью своих родоплеменных примитивных традиций стали создавать взамен римского свои народные государства. В процессе синтеза с римлянами они вводили те феодальные институты, которые будто бы совершенно самостоятельно развивались в родоплеменных общинах различных народностей Германии.

В XVIII в. прогрессивные деятели Западной Европы, стремящиеся бороться против абсолютизма, выдвинули лозунг «из лесов Германии пришла свобода», т. е. германцы разрушили древнеримскую тиранию императоров и тем самым принесли демократию. Это было как бы призывом к французской революции. Но когда революция сменилась завоевательной войной Франции, среди немецких государств развился сначала патриотизм, который быстро превратился в национализм: политический – к объединению Германии, а затем и к завоеваниям, к колониализму. В историографии возвеличивались победы германских народностей над Римской империей, развитие германцев в средние века, их власть над всей западной частью Европы, величие их городов. Все достижения культуры Европы объявлялись плодом величия германцев как единой расы! Но величие германцев определялось и развитием науки, в том числе и блеском университетов... И тут возникло противоречие: в университетах учили о величии античного Рима, особенно в римском праве, и о великой культуре греков и римлян! Это было как бы отрицанием ведущей роли германцев.

Только к началу XX в., чтобы добиться признания исторической роли германцев и одновременно не относиться критически к роли античного Рима в развитии европейской цивилизации, выступил крупный историк Альфонс Допш

с положением о полном равенстве в культурном отношении германцев с римлянами и несостоятельности применения к германцам термина «варвары». Допш признавал фактически приоритет римлян в культуре, но считал, что германцы полностью продолжали развивать в раннем средневековье именно римскую культуру⁴. Это было как бы одним из путей возвеличивания вильгельмовской, сильной своими колониями Германии. Но завершилась поражением Первая мировая война. Германия лишилась колоний и международного авторитета. И тогда в историографии немецкие историки начали усиленно возрождать германистские теории. Даже А. Допш, возвеличивавший германцев в античности и раннем феодализме, стал казаться недостаточным патриотом для Германии (Х. Вopfнер, Г. Аубин и др.)⁵.

Дальнейшее развитие германской националистической историографии таково. В 1937 г. на специальном немецком конгрессе было принято положение О. Хофлера о том, что в истории западного средневековья следует иметь в виду континуитет не римской, а германской культуры. Признано, что только германцы имели особую мощь использовать собственную силу и осуществлять господство над другими народностями. Считалось, германцы получили какую-то сверхъестественную благодать (харизму) для своих вождей, королей и для своей знати, дающую возможность господствовать над всем миром, устанавливая свой порядок!⁶ Все германское будто имеет континуитет от самого начала, не завися ни от какого влияния! Именно это расистское самовозвеличение сделалось идеологической основой фашизма. В германской историографии этого периода национализм развился до фазы безумия. Так, желая прославиться, историк фон Вендрин выдвинул теорию о том, что город Рим будто бы основали сами германцы и фактически вели свою победную историю.

Теория германизма сделалась в школах для молодежи как бы призывом к главенству немцев над «ничтожными прочими народами всего мира» и установлению везде германского порядка. Ценою жизни миллионов советских героев-воинов фашизм уничтожен. Псевдоидеологическая самовозвышающая теория германского континуитета была притуплена⁷.

---

⁴ **Dopsch A.** Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung aus der Zeit von Caesar bis auf Karl des Großen. Wien, 1918–1920. Т. 1–2.

⁵ **Wopfner H.** Rezension von A. Dopsch // Historische Vierteljahrschrift. 1920–1921; **Aubin H.** Maß und Bedeutung der römisch-germanischen Kulturzusammenhänge im Rheinland // Bericht der römisch-germanischen Kommission. 1921.

⁶ **Höfler O.** Das germanische Kontinuitätsproblem // HZ. 1938. Т. 157. S. 1–26.

⁷ Поражение фашистской Германии привело немецких буржуазных историков в тяжелое расстройство. Ряд видных ученых даже стал высказываться о катастрофе в германской исторической науке, положения которой необходимо полностью пересмотреть (см.: **Могильницкий Б. Г., Черкасов Н. С.** О некоторых тенденциях развития современной буржуазной историографии ФРГ // СВ. 1976. Т. 40. С. 202).

С 50-х гг. снова стали проявляться стремления широко продолжать традиции националистической историографии. Именно появление подобного рода статей псевдонаучного характера вызвало критику со стороны историков ГДР. В 1967 г. появилась резкая статья Э. Вернера⁸ против попыток восстановить в научном обращении псевдонаучную проблему германского континуитета. Приводились примеры из работ О. Хефлера, который в 1938 г., в разгар фашизма, выступил с положением о германском континуитете⁹. После некоторого молчания он возобновил публикации на эту тему в 1952, 1961 гг. Вместе с тем примерно на эту же тему стали писать К. Гаук¹⁰, В. Шлезингер¹¹ и др. В статьях снова выдвигалось положение о континуитете германской идеологии, о чисто германском мировоззрении – совершенно без какого-либо существенного влияния со стороны. Начало тенденций к феодализму отводилось прямо к родоплеменным германским общинам, которые будто бы никогда не знали рабовладельческого строя. Рим погиб из-за рабства. Западная Европа перешла в руки более прогрессивного народа, идущего против рабства! Против подобных статей выступил медиевист А. И. Неусыхин в рецензии на статью К. Гаука «Историческое значение германской концепции королевской власти и знати»¹². А. И. Неусыхин отметил, что К. Гаук не смог доказать, что в Германии существовало сословие жрецов и были широко распространены своя религия, особое мировоззрение, «верность» и «порядок». К. Гаук, как показал А. И. Неусыхин, неправильно характеризовал полновластие короля, вождя: нужно сказать не «вождь», а «вождь – знать – народное собрание», ибо они руководили политикой и составляли народные законы. Но об общегерманской религии, общегерманских традициях в культовых обрядностях источников не сохранилось сведений – германские языки вообще не имели особых наименований «жрец» и «религия» (по К. Хельму)¹³. Но, несмотря на то, что в отношении власти вождь и знать зависели всецело от народных масс, нельзя не усмотреть, что в отношении культурно-идейной массы не имели ведущего значения в условиях, когда они находились в отсталой стадии развития и когда их соседями были высококультурные римляне, с которыми имели индивидуальные контак-

⁸ **Werner E.** Chorismatisches Erbe merowingischer Adelssippen? // ZfG. 1967. Nr. 7. S. 1207–1211.

⁹ **Höfler O.** Germanisches Sakralkönigtum. Tübingen; Münster; Köln, 1952. Т. 1; **Idem.** Siegfried, Arminius und die Symbolik. Heidelberg, 1961. О германских королях, мистически получивших особую «королевскую святость», писал и О. Бруннер (см.: **Brunner O.** Land und Herrschaft. Wien, 1943. S. 513).

¹⁰ **Hauck K.** Lebensnormen und Kultmythen in germanischen Stammes- und Herrschergenealogien // *Spaeculum*. 1955 Vol. 6. P. 2.

¹¹ **Schlesinger W.** Über germanisches Herrkönigtum: Das Königtum. Seine geistigen und rechtlichen Grundlagen // *Vorträge und Forschungen* (Lindau; Konstanz). 1956. Nr. 3. S. 104–141.

¹² См. рец. А. И. Неусыхина на одну из работ К. Гаука: СВ. 1961. Т. 20. С. 296.

¹³ **Helm K.** Altgermanische Religionsgeschichte: Die Westgermanen. Heidelberg, 1953. S. 189.

ты не отдельные свободные германские крестьяне-земледельцы¹⁴, а только отдельные знатные и романизованные лица из знати. Очеловечение сил природы у германцев развивалось уже при сношениях с римлянами, поэтому германские названия богов отдельных племен стали идентифицироваться с римскими наименованиями богов (Юпитер – Доннар, Венера – Фрейя).

Что же касается отношений германцев к христианству, то никакой связи с германскими племенами, которая была у греков и римлян в I в., не имелось. Ведь народные массы германцев в это время жили в родоплеменных отношениях, и тех элементов острой классовой борьбы, которые первоначально включало в себя христианство, у германцев быть не могло. Христианство же ломало быт народных масс и народностей в целом. Германцы приняли его в готовом виде под давлением своей романизированной знати. В IV в. продолжалась борьба против арианства, которое, впрочем, существовало недолго: с начала VII в. арианство полностью у германцев отмерло. Католичество стало единой религией всех германских народов. В общем, церковь вошла и окрепла в германских странах как «римлянка»¹⁵. Завоеватели-германцы сами оказались полностью завоеваны христианством – через массы, которые могли выступать и против своих королей. Но христианство могло использоваться массами против самого католицизма в выступлениях ересей, которые под видом христианских евангелических истин выступали с социальным протестом против феодальной эксплуатации.

В раннем средневековье у германских феодалов была тенденция подчинить церковь с ее доходами и влиянием на массы (через так называемые частные церкви и зависимость назначения епископа от короля). В XI в. клунийское движение полностью восстановило римский католицизм и укрепило мощь римской курии, хотя и развило внутри германской феодальной знати борьбу против грабежа населения папой под видом получения вечного спасения.

Даже идеи и догмы Реформации основывались не на идеях германизма в народных массах, а на текстах Нового Завета и Библии. Так что если говорить о континуитете, то и в данном отношении следует понимать континуитет поздней античности, но не германизма.

Переходим к самой основе нашей дискуссии. Коснемся главного тезиса. «Германцы принесли феодализм в Западную Европу». Но как это соединить с

---

¹⁴ Не имея в виду жреческие руны, необходимо отметить полную неграмотность германцев. «Тайна письма неведома и мужчинам и женщинам» (Tacit. Germ. 19). «Говорят, что древние франкы не умели читать и писать. Более того, все живущие в Европе варвары считали подобные занятия позором» (Элиан. Пестрые рассказы. VIII, 6).

¹⁵ *Ecclesia vivit lege Romana-Lex Ribnaria* (см.: Feine H. E. Kirchliche Rechtsgeschichte. Weimar, 1954).

элементарным знанием римского права в поздней Римской империи? Ведь всем известно, что в начале IV в. классическое римское право значительно изменилось. В отношении способа производства оно стало отходить от рабства и начало, как в деревне, так и в городе, вводить элементы феодализации и прикреплять наследственно крестьян-колонов к земле, ремесленников – к корпорациям¹⁶.

После германских завоеваний на территории бывшей Римской империи роль элементов феодальной формации начала спадать: завоеватели-германцы пришли свободными крестьянами, притом, что очень важно, имевшими общинный строй, пережитки родоплеменной стадии. Новые крестьяне имели хорошие самостоятельные хозяйства, но они своими родоплеменными пережитками тормозили основу феодализма – феодальный господствующий класс! Но постепенно развившаяся влиятельная германская знать, устроившаяся на землях бывших римских поместий, вместе с уцелевшей римской знатью вела хозяйства в приобретенных поместьях не по крестьянскому, но по римскому константиновскому феодализованному праву – с рабами на пекулиях и с зависимыми колонами.

Если в начале завоеваний таких поместий насчитывалось сравнительно немного (вся завоеванная земля попала под управление короля), то впоследствии поместья стали развиваться с одновременным обеднением, полным разорением большей части свободных крестьянских хозяйств. Управление короля являлось направленным против интересов крестьян, от них требовалось участие в военных походах за свой счет. Они должны были платить «виры» по ужасным правилам «Правд». Крестьяне страдали из-за насилия должностной знати и из-за «благодений» со стороны церкви, монашества. Таким образом, обедневшие свободные германцы переставали быть свободными, но фактически стали такими же зависимыми колонами, работающими на господина – германского феодала. Как будто бы вернулись условия жизни IV–V вв. позднего Рима! Но не все изменилось! За долгое время, когда германские крестья-

---

¹⁶ Еще в 244 г. издавались резкие конституции: «Насильно задерживать арендаторов или их наследников после окончания срока аренды запрещается; это часто устанавливалось в рескриптах» (CJ. IV, 65.11). Со стороны собственников поместий были попытки закрепостить крестьян, но подобные феодализационные явления пресекались. Все же, начиная с конституции Константина I от 332 г. (Cod. Theod. V, 17.1), работающие арендаторами крестьяне-колоны прикреплялись к своему земельному участку наследственно (ср.: CJ. XI, 51, 52, 63.3; Cod. Theod. 18.1; CJ. XI, 48.2 – запрещение продавать землю без колона). О прикреплении ремесленников к их ремеслу см.: CJ. XI, 7–10. Таким образом, начиная с IV–V вв. в результате поисков господствующим классом оптимальных способов эксплуатации были оформлены основные элементы феодального способа производства. Но они оказались по традиции слишком приближены юридическим нормам рабовладельческой эксплуатации, что препятствовало необходимому для самостоятельного хозяйствования самосознанию крестьян окончательно сформироваться.

яне (так же, как и византийские в то время по Земледельческому закону) – свободные общинники приобрели самосознание и любовь к своему труду, хозяйству с проявлением привязанности к традициям общины (тоже впоследствии ставшей зависимой), появился подлинный феодальный класс крестьян, дававший солидную феодальную ренту. Таким образом, оформление Константином элементов феодализма стало у германцев подлинным институтом развитого феодализма через 400 лет...

Обедневший, обнищавший свободный крестьянин по Салической правде должен был или наниматься на совершенно негарантированную работу, или же согласиться быть закрепощенным крестьянином наследственно на все время. Таким образом, изобретенные римскими посессорами новые формы эксплуатации трудящихся были оформлены Константином и последующими римскими и германскими законодателями.

Германцы не могли «создать» феодализм: это римские крупные землевладельцы, поняв дороговизну содержания рабов, делали попытки переходить к феодальному способу производства, что и было оформлено Константином, который начал вводить обязательное закрепощение трудящихся. Разгромив империю на Западе, что особенно сказалось после победы франков, германцы внесли упадок общекультурный и стадийный – примитивные родоплеменные элементы управления «омолодили» общественный строй, значительно сократили временно применение феодального способа производства в оставшихся поместьях. Упадок чувствовался долгое время и в сравнении с Византией, и с арабами в городах вплоть до коммунального движения. Можно было бы вспомнить, что именно от римлян многим мы и сейчас пользуемся. Ведь до сих пор с самого основания Рима – почти 2600 лет – вся европейская цивилизация называет месяцы года так же, как первые римляне, – март, апрель и т. д. Можно вспомнить, что Рим принес латинскую письменность для всей Западной Европы и Америки! При Цезаре римляне создали юлианский календарь, которым (с небольшой поправкой при Григории XIII) пользуется еще до сего времени весь сегодняшний мир. Римское право до сих пор в капиталистическом мире в номенклатуре и понятиях существует и в теории, и на практике.

Чем же отличались германцы от римлян в период перехода к феодализму? Историю делают люди, организованные по народностям. Народности в настоящее время мы различаем по стадиям развития: одни достигли развитого социализма, другие продолжают жить на стадии капитализма и имеют совершенно иные цели деятельности. При оценке любого исторического акта необходимо иметь в виду стадию развития, с тем, чтобы можно было понять взаимные основы борьбы. Именно тогда историк может научно понять отношения германцев с римлянами во время Цезаря, Тацита, Константина Великого, Григория Турского, Салической правды и римского права!

Для примера обратимся к пониманию события – поражения Квинтилия Вара с его колоссальными силами – тремя легионами – от слабо вооруженных сил германцев в 9 г. н. э. Почему погиб Вар? Выясняется, что он, не поняв отличия римлян от германцев, стал обращаться с последними по римским законам суда и управления...

Суд, по римскому праву, в условиях германской общины действительно казался германцам сплошным разбоем управителей-римлян! Конечно, германцев можно было тогда легко увлечь на борьбу за свою свободу, общинную демократию, несмотря на то, что эта демократия родоплеменной общины влекла за собой всеобщую неграмотность, межплеменную раздробленность и войны, господство вождей и жрецов, тормозила научный прогресс.

Единственно передовое заключалось для германцев в оседлости, развитии патриархального рабства, добыче в грабительских межплеменных войнах, продаже пленных и использовании захваченных римлян. Но все же нельзя отрицать и влияния римской культуры при сношениях на отдельных вождей и отчасти на народные массы при товарообмене.

Чтобы определить сущность отношений германских племен с римлянами, следует не просто изучать сведения Цезаря и Тацита, но и считаться со стадией развития, искать аналоги в древнейшей истории римлян и греков у Гомера, Гесиода, Тита Ливия, сличать с этими материалами X–VIII вв. до н. э. факты из истории германцев, сохранившиеся у Цезаря, Тацита и в других источниках вплоть до Салической правды и капитуляриев. Тогда асинхронное придется использовать как элементы синхронного, а этапы синхронного сделают понятной сущность асинхронного.

Первые сведения о германцах были получены афинянами от Пифея в 325 г. до н. э. Реально узнали римляне германцев во время ужасных вторжений кимвров и тевтонов в 102 г. до н. э. Подробно описаны Цезарем вторжения Ариовиста, затем через полтора столетия Тацитом – борьба римлян с германцами, сначала наступательная, потом (после Вара) уже оборонительная. Германцы представляли собой множество разобщенных племен, имеющих и свою знать, своих вождей, свои диалекты, иногда союзы племен – в этом древние германцы очень походили на греков времен Гомера, народности Италии ко времени основания Рима. Но можем ли мы сравнить положение греков и германцев? Правда, греки сами дали свою раннюю историю, а германцы известны только по римско-греческим записанным источникам. Греки имеют Гомера, всесторонне рисующего в своих песнях всю их древнейшую жизнь.

Каково же было самосознание германцев первых веков нашей эры, во время Тацита, Плиния? Можно ли их отнести к стадии греков времени Троянской войны? В основном аналогия приемлема. Ведь германцы сознавали свое един-

ство, хотя и в среде множества мелких народов велись войны и кровавые, как у греков, нашествия дорийцев. Их вели вожди, у них собирались народные собрания. Как у греков, так и у германцев было много царей-«базилеев». И те, и другие были оседлыми земледельцами. Также и те, и другие признавали много разных богов, которые вселяли силу и удачу своим героям. Ведь героические типы германских мифов очень похожи на отдельных героев (Зигфрид – Ахиллес). Но если сравнить германцев с греками Гесиода, то уже невозможно найти аналогию – автор выступал с критикой судопроизводства греков, основанной на продажных судьях, а не на народных собраниях. Таким же образом можно отождествлять характер римских героев времен царского периода, но время 12 таблиц уже не дает аналогий вплоть до V в. – Салической правды. Но, усматривая в положении германцев северного региона много общего с античной стадией X–VII вв. до н. э., можем ли мы в этих аналогиях находить тенденции к феодализму? Ни большое количество самостоятельных общностей, вождей, знати, народных собраний, ни жрецы, ни дружины вокруг царей, ни регулирование владения земель, как у патрициев Рима в древности, не несут характер специфически феодального.

Ввиду того, что связи с германцами, особенно в конце династии Антонинов, стали более глубокими и частыми, римляне все больше использовали германцев как военных союзников и наемников. Среди выдвинувшихся военачальников появились крупные землевладельцы – собственники поместий. Естественно, что среди них появились и знакомые с тенденциями закрепощения всех работников – колонов. Так, впервые, начиная с реформы Константина Великого, романизированные германцы познакомились с элементами феодализма. Соприкосновения германцев с обществом, переходящим к элементам феодального строя, не приносили как будто тенденций к элементам феодализма. Наоборот, свободные германцы, не вышедшие еще из примитивной родоплеменной стадии, наиболее воодушевленно стали бороться за «свободу» и за свои обычаи (вплоть до восстания Стеллинга – 841–843 гг.).

В таких условиях германцы ничего феодального самостоятельно не могли бы дать. Могли только присоединиться к римским землевладельцам знатные германцы. После реформ IV в., после германских завоеваний количество реформированных римлян уменьшилось. Тенденции к элементам феодализма сохранялись только у приближенных королю посессоров, у графов и других обогатившихся землевладельцев-германцев.

Что феодального могли принести в Римскую Галлию такие завоеватели, как франки? Все было против элементов феодального, введенного римлянами с IV в. Все основное для простых завоевателей вело не к элементам феодализма, а к стадии сохранения остатков родоплеменных традиций: на первом месте маллус, тунгины и рахинбурги, преимущества завоевателей, наличие влиятельных

людей. Много статей Салической правды было посвящено рабам. Что касается производства, на первом плане стояло скотоводство как основное богатство, земледелие – на втором (в сравнении с Земледельческим законом, где почти все связано именно с земледелием!). Но нужно отметить, что Салической правдой включены в производство и атрибуты новой стадии развития – виноград, водяные мельницы. Это уже не германская культура. Исторически особенно важно, что вместе с франкским королем были и его римские приближенные – римские посессоры, крупные землевладельцы (они и представляли элементы феодализма). Совершенно ясно, что посессоры того времени имели хозяйство, используя рабов на пекулиях и колонов на земельных участках, ведя хозяйство на основе позднеримского права, отражающего наметившиеся тенденции феодализации. Что же касается свободных завоевателей – крестьян, они вовсе не хотели стать зависимыми колонами. Получив землю и право участвовать в собраниях, они, сделавшись хозяевами уже обрабатываемых участков бывших хозяев-римлян, переняли передовое в земледелии от завоеванных народов.

ВОЗРОЖДЕНИЕ, ГУМАНИЗМ И ФЕОДАЛИЗМ¹

Проблемы Возрождения, которые начались с изучения истории Италии, в последнее время стали принимать глобальный, всемирный характер. ...Проблема итальянского Возрождения и гуманизма связана с изучением развития стран средневековья, которые на долгое время после крушения рабовладельческого строя на Западе находились в большей или меньшей степени в состоянии культурного упадка. В течение всего «средневекового мрака» проявлялось стремление сохранять и развивать не только оставшееся агрономическое и ремесленное наследство, но и бороться за восстановление пришедшей в упадок и даже почти погибшей интеллектуальной культуры. Естественно, что постепенное количественное ее развитие вызвало и новое качество, когда удалось постигнуть подлинную основу высоты античной культуры, когда феодальное общество становилось и в интеллектуальном отношении более прогрессивным, чем греко-римское.

Колоссальное количество исследований и теорий связывает Возрождение с кризисом феодального строя, феодального способа производства, феодальной собственности, феодальной идеологии². Нам хочется отметить, что нельзя иметь в виду феодализм вообще. Как и всякое историческое явление, его следует рассматривать только в движении, учитывая, на каком этапе развития феодализма зарождался и стал расцветать комплекс явлений, именуемый Возрождением. ...Наличие зачатков будущего характерно для всякого общественного строя. Появление их означало, что старые производственные отношения уже не соответствовали производительным силам, общественным потребностям развившейся культуры. Необходимо было соединить принудительность труда с самостоятельностью ведения хозяйства, сохранить зависимость трудящегося и в то же время заинтересовать его в производительности труда.

---

¹ АДСВ. 1979. Вып. 16.

² В последние годы вопросам эпохи Возрождения в СССР была посвящена специальная конференция в Москве, проходившая с 8 по 10 декабря 1975 г. См. также тезисы Х. Мора (ГДР): Мор Х. «Ренессанс» и Ренессанс: Рецепция древней культуры в средние века как всемирно-историческая проблема // СВ. 1976. Т. 40; Рутенбург В. И. Италия и Европа накануне нового времени. Л., 1974; Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. Л., 1976.

Концентрация прибавочного продукта рабовладельческой знатью отражалась на выступлениях трудящихся в разных формах протеста против установившегося строя. Но нельзя игнорировать и роль господствующего класса³, который свои управленческие функции использовал для укрепления собственных хозяйственных позиций, стремясь повысить производительность труда подчиненных, но в то же время подвергая критике отдельные стороны рабского труда (Варрон, Колумелла). Не сами рабы убеждались в недостаточной производительности своего труда, а их господа, и потому эти господа стали искать новые формы эксплуатации, регулирования отношений с рабами, свободными арендаторами и наемниками. Поиски велись не для создания нового строя, не против рабства, а для расширения возможностей и форм личного господства рабовладельцев, хотя эти формы и облекались в проявление гуманизма в выступлениях философов и правителей. Эти поиски в начале IV в. были оформлены в праве. В практику вошли такие формы производственных отношений, которые полностью соответствовали будущим феодальным институтам (так называемое вульгарное римское право).

Но римской знати не удалось эволюционно превратиться в феодалов, оставаясь рабовладельцами! Прибавочный продукт не вырастал: трудящиеся не были готовы к перемене; для того, чтобы стимулировать повышение производительности труда, следовало выработать классовое осознание своих собственных интересов, скрепить общину; а чтобы примирить крестьян с зависимым положением, нужно было создать новую идеологию, которая порвала бы античное сознание «свободной» личности, члена античного полиса, вытравила бы сознание человека – «персоны», вводя идеалы скромности, аскетизма, общего детерминизма, снизила бы представление о собственном достоинстве человека, т. е. нанесла бы смертельный удар тому «гуманизму», который проскальзывал в учениях античных мыслителей, той демократии, которая отчасти существовала для свободного населения греко-римских полисов. Это было сделано в IV–VI вв. Но новые формы права создали новые противоречия: власть осталась старой, потребности господствующего класса прежними, доходов стало меньше. Перевод массы свободного населения в положение «полурабов» отразился и на спаде военной мощи империи.

---

³ **Энгельс Ф.** Юридический социализм // **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. Т. 21. С. 502. Против Менгера: «Тот факт, что господствующие классы в период своего восходящего развития выполняют вполне определенные социальные функции и именно благодаря этому становятся господствующими, – этот факт ему (Менгеру. – М. С.), следовательно, совершенно не известен». При всяком переходе к новому строю отрицание старого, деструктивные акции принадлежат, безусловно, массам, но конструктивная управленческая деятельность – новому господствующему классу на базе достижений прошлого.

В результате сложившихся исторических ситуаций на Западе и в Византии класс рабовладельцев сошел с авансцены истории. Начался новый период прогрессивного развития человечества: период, когда ведущей в экономике стран оказалась свободная аграрная крестьянская община. Освободившиеся от гнета, существовавшего в последнем этапе рабовладельческой власти, почувствовали себя хозяевами на своих участках, не завися от власти господина земли. Это – первый этап феодализма – создание человека – производственного для формирующегося феодального способа производства. Это был период некоторого упадка, особенно на Западе («темные века»). Общинники стали самостоятельными распорядителями своих хозяйств. Земледельческие культуры, агрономические порядки, частное владение участками земли продолжались или были заимствованы пришельцами. Сохранилось в прежней или только в подобной форме управление – государство. Но наиболее важным являлось сохранение или восприятие идеологии поздней античности – христианства, которое стало в то же время элементом управления, регулирования норм поведения. В этот период христианству удалось так переосмыслить весь окружающий мир – и настолько, что для широких масс оно стало и единственной формой всякой образованности, и исходной основой всякого мышления.

Результат первого этапа феодализма – крестьянство окрепло и стало в силах давать солидный прибавочный продукт – это предпосылка для перехода на новый, второй его этап: создание класса феодалов в Византии проходило как рецепция римского права с включением канонического, т. е. фактически вело к восстановлению тех форм феодализации, которые существовали в позднеримский период. Такое же возвращение к этим позднеримским институтам произошло и на Западе. Началась борьба за концентрацию собственности на землю в руках феодалов, за захват крестьянских земель – обедневшие крестьяне вынуждены были работать уже в качестве зависимых. Это период полного господства в государствах поместий провинциальной знати с почти неограниченным произволом на местах при расширении власти церкви. Это этап полного хаоса среди феодальных войн, упадка городов и образованности. При этом прибавочный продукт, особенно на Западе, оставался на местах, его использовали на военные нужды, строительство замков, монастырей. Это проходило в обстановке социальных противоречий, которые часто оформлялись духовными лицами как самостоятельное религиозное миропонимание (ереси), особенно среди низов, подавленных епископами и феодалами городов. Как на Западе, так и в Византии более твердо требовалось признание установленных догматов христианства и все более сильную власть приобретали представители церкви. «Клунийское движение», разделение церквей в 1054 г., Каносса, сама идея Крестовых походов являлись страшными ударами для сво-

бодной мысли светского человека⁴. Эти надстроечные элементы препятствовали развитию производительных сил. Подавленное положение городов на Западе было непреодолимым тормозом в связях с окружающим миром, препятствием для всякой возможности прогресса, как в производстве, так и в интеллектуальной культуре. Для преодоления этого противоречия закономерно произошла коммунальная революция.

Город приобрел самоуправление свободных граждан. Этот новый, третий этап феодализма был переходом от ведущей роли автаркического феодального поместья, от стадии внутреннего товарного обращения к стадии более широкого товарного производства. Прибавочный продукт все более превращался в товар. Развивалось свободное предпринимательство, основанное на индивидуальных соглашениях. Коммунальная революция как спиралеобразное «возрождение» порядков античного полиса в новых условиях привела к бурному развитию производственного значения средневекового города, к основанию объединений людей по профессиям, к созданию корпоративной экономики, но привела и к тенденциям городского сепаратизма, и к стремлениям к господству над деревней и поместьем. Внутренняя ассоциация коммун соединилась с внешним антагонизмом, и в то же время этот антагонизм и узкий профессиональный интерес должны были соединяться с развитием самого широкого кругозора, поскольку товарное производство в ремесле вызвало потребность контактов с соседними и далекими странами, а также знаний экономических возможностей и исторической ситуации в окружающем мире.

Новый этап феодализма, окрашенный взрывом узкого собственнического индивидуализма, стал эпохой экономической экспансии, развития производства и торговли и явился значительным шагом вперед в истории человечества. Этот новый этап феодализма, неравномерно распространившийся по Европе и Византии, начиная с расцвета дученто вплоть до конца кваттроченто, этап, когда именно узость средневекового способа производства в соединении с расширенным кругозором в целях товарного производства стала вызывать поиски нового, в том числе и зачатков капиталистических форм эксплуатации человека. Именно тогда стали обращать критическое внимание на сущность производственных отношений феодальной сословности. Традиционная мораль в вопросах распределения – «приличествующая сословному

---

⁴ Наибольшую силу в общественности приобрела западная церковь тогда, когда в условиях полной феодальной раздробленности в спорах церкви со светской властью реализовывались тенденции борьбы за единство. Начиная с 1054 г. при разделении церквей, затем в происшествиях в Каноссе и в начале Крестовых походов вплоть до 1303 г. власть римской церкви была особенно экспансивной и возвышалась над светской. Ср.: **Werner E.** Konstantinopel und Canossa. Lateinisches Selbstverständniß im XI. Jh. B., 1976; **Fögen M. Th.** Rez.: **Dilcher H.** Die Sizilianische Gesetzgebung Kaisers Friedrich II // BZ. 1977. T. 2.

положению»⁵, – характерная для натурального хозяйства, фактически отпала вместе с распространением индивидуальных возможностей реализации прибавочного продукта, с развивающейся погоней за прибылью...

По мере расширения кругозора в трудящихся массах стало распространяться переосмысление и религиозных тезисов, и форм морали. Узкий индивидуальный интерес в рамках мелкого, но корпоративного производства буквально преображался в условиях развития широкого интеллектуального кругозора. Все это особенно стимулировалось результатами крестовых походов, интернациональными университетами, интернациональной латынью, схоластическими спорами и произвело скачкообразное изменение человека нового этапа феодализма. Каждый крестьянин-общинник хотел сделаться торговцем излишками производства, конкурентом феодала – его господина; каждый ремесленник фактически стремился быть и ученым-изобретателем разных производственных секретов; каждый моряк – исследователем неизвестного мира и новатором морской техники. Магистры и доктора пытались традиционные догмы аргументировать текстами античных гениев, извлеченными из переводов испанских арабов⁶, а потом и по подлинным греческим оригиналам; студиозусы в горделивом пренебрежении к окружающему невежеству делались ожесточенными критиками современности, а поэты под влиянием примеров из античности увлекательно-иронически выступали против стесняющей человека аскетической морали. Именно тогда начался колоссальный, абстрагирующий все окружающее сдвиг в мировоззрении и образе жизни прогрессивных группировок людей того времени. Везде чувствуются разрыв со средневековой *традицией* и стремление к *новому* (особенно радикально уже у Иоахима Флорского)⁷. В Италии началось развитие капиталистического уклада и тенденций к созданию нового господствующего класса.

⁵ Standesmäßige Existenz // Маркс К. Архив. II (VII). С. 110.

⁶ Стремление возродить античную культуру и использовать достижения прошлого наблюдается в течение всего «средневекового мрака». Совершенно не исторично отвергать такие попытки Возрождения при Карле Великом. Еще ярче они проявлялись «как проблески света у средневековых интеллектуалов, занимавшихся философией – хотя бы и на христианизированном Аристотеле, а затем при создании университетов эта тяга к возрождению и светскому гуманизму приобрела уже опасный для средневекового мировоззрения характер» (Р. Бэкон), особенно выступления аверроиста – Сигера Брабантского в Париже, повлиявшего и на итальянских гуманистов дученто (Быховский Б. Э. Луч света во мраке схоластики // ВФ. 1978. № 2).

⁷ Иоахим и его последователи считали, что роль Ветхого Завета отпала в связи с появлением Нового Завета, который в свою очередь отпадет в третий период с появлением «вечного Евангелия». Так радикально не решались снижать значение Библии и Нового Завета даже самые радикальные вожди крестьянской войны («*novum Testamentum evacuandum sit sicut vetus evacuatum est-Introductorius Gerardi*»).

Появление в рамках старого способа производства элементов нового будущего господствующего класса характерно для любой экономической формации в период, когда эта формация приближалась к началу своего конца. Но в XIV–XVI вв. феодализм еще был силен. Крупное землевладение с зависимым крестьянством еще повсеместно не исчезло, но принаравливалось к развитию новых потребностей. Вот именно только на этом этапе феодализм стал *во всех отношениях* подлинным, всесторонне *прогрессивным* строем, не уступающим, но превосходящим античное общество и развивающимся на базе всех его достижений. С элементами упадка, которые характерны были для феодализма, прогрессивная часть человечества стала вести непримиримую, как казалось, борьбу.

Внедрение элементов нового общественного строя отразилось на бурном росте всех существовавших в античное время наук – как гуманитарных, так и технических. Стремление к античности нельзя объяснить и без указания на одно из высших ее достижений – классическое римское право. В условиях развитого феодализма с развитием товарного предпринимательства классическое римское право было близко к жизненным потребностям свободных. Именно в Италии началось университетское преподавание римского права, причем желающие получить юридическое образование студенты самостоятельно организовали университет в Болонье⁸. Основанное на полной частной собственности классическое римское право вносило в общественность Италии понятия, противоположные феодальной собственности и с тенденциями к капиталистическому мировоззрению, что стимулировало развитие гуманистических светских воззрений. Основы предпринимательства были ярко изложены в римском праве в понятии *consensus* – обоюдное согласие (Dig. 44. 7. 2; Inst. 3. 22; Гай. 3. 145; Bas. 52. 1). При этом в Дигестах самым откровенным образом признается совершенно *естественным*, что в соглашениях каждый стремится обойти друг друга, продать дороже, купить дешевле, получить плату за работу выше, платить за нее меньше (Dig. 4. 4; 16. 4; 19. 2; 22. 3). Эксплуатация, таким образом, признавалась естественной, законной. Только при Диоклетиане началось регулирование прибыли (CJ. 4. 44; 2. 285). Запрещалось получать 50-процентную прибыль в торговле). Таким образом, римское право, если исключить рабов, давало полный простор эксплуатации человека человеком только на основании «свободной» в рамках закона договоренности, не считаясь с теми причинами социального порядка, которые вызвали необходимость вступить в такую договоренность. Классическое римское право, подобно капитализму, не признавало в отношениях человека к человеку насилия (*per vim*) и в то же время давало под видом «соглашения» широкие возможности «законного» угнетения и подчине-

⁸ Kobben A. B. The medieval universities, their development and organisation. L., 1975.

ния личности. Именно такие «равенство» и «справедливость» вполне устраивали большинство гуманистов и способствовали укреплению элементов капиталистического уклада. Конечно, нельзя особенно преувеличивать значение капиталистического уклада в Италии периода гуманизма. Италия, стоявшая на авансцене истории XIII–XV вв., все еще имела сильные, характерные для феодализма соотношения политической раздробленности, как в аграрном строе, так и в ремесленных организациях. Хотя в Италии, безусловно, в XIV–XV вв. существовал кризис в сфере феодальных отношений, но это был не кризис феодализма как формации, а кризис старого этапа его развития.

Установление прочных связей феодальных вотчин с городом, ставшим центром производства, закономерно выдвинуло заключительный этап феодальной формации – абсолютизм. В основном включение в феодальную систему элементов капитализма – стремление к первоначальному накоплению капитала, распространение мануфактур, связи развившегося производства с науками – и привело феодализм к кульминационному этапу блестящих достижений феодального общества в XVI–XVII вв.

Обрисовывая социально-политические и культурные воззрения гуманистов XIII – начала XVI в., вряд ли можно изображать их как выступающие с определенными, уже устоявшимися взглядами – своим «кредо»; у всех гуманистов много внутренних противоречий. Они стояли как бы на перекрестке путей, не зная, в каком направлении и как оформить свое мировоззрение. Это люди, которые (подобно Августину) не вступали в жизнь с готовым мировоззрением, но старались приобрести его, болезненно отражая все факты из жизни; именно их взгляды оказывали существенное влияние на окружающую обстановку. Ярko наблюдается это у ранних поэтов и людей Возрождения, как в создании своего мировоззрения, так и в своей деятельности в исторической ситуации окружающего мира. Особенно показательны положения Макиавелли: будучи смертельным врагом феодальных поместий, он призывал к физическому уничтожению господ. Но когда встал вопрос о решении конкретной задачи, вызванной политической ситуацией в Италии, – борьбы за объединение и самостоятельность, он вынужден был стать за абсолютизм с самым откровенным отказом от всяких гуманистических предпосылок, пропагандируя аморальные методы борьбы за интересы Италии в целом. Конечно, Макиавелли осознал закономерную необходимость, сохраняя феодализм в целом, передать дальнейшую историю развития Италии абсолютизму. Позиции Макиавелли определялись тем, что он искал не приложения своих взглядов на вещи, исходя из общечеловеческого, а, наоборот, меняя свои взгляды, приспособлявая их к исторической ситуации, в которой оказалась Италия.

Развитие технических наук, искусство, философия – все это связано было, однако, с наличием богатых центров светской и церковной власти, городского

патрициата, которые могли быть меценатами. Все научные произведения, гениальные мысли, художественные творения делались по заказу, под покровительством лиц, обладавших властью и богатством, — все было связано с концентрацией прибавочного продукта из деревни, поместья, т. е. или от крупных землевладельцев, или «квазифеодальных» — от горожан (*mezzadria poderale*)⁹. Гуманизм и Возрождение античного являлись протестом против феодального внутреннего хаоса и произвола привилегированных феодалов. Но этот протест уже в начале организации национальных государств соединялся с тенденциями к усилению королевской власти. Во всей этой всеобщей путанице королевская власть стала прогрессивным элементом. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противовес раздробленности. В период гуманизма вопрос шел уже не о королевской власти сословного государства, а именно об абсолютизме на базе сохранения феодального класса, полностью подчиненного правительству, с предоставлением защиты и покровительства частному предпринимательству развивающейся буржуазии...

Развитие научного мировоззрения нельзя отрывать от объективной реальности. Ведь Возрождение покоилось на изучении античного, на развитии нового мировоззрения. Но наука, особенно искусство, литература, философия, должна иметь материальную основу! Именно эту материальную базу Возрождения все еще давали меценаты. Всякое научное исследование и произведение искусства финансировались феодальными князьями, герцогами, папой — крупными представителями феодальной знати. Нужно отметить также превращение буржуазных гуманистов во дворянство, личную связь отдельных гуманистов с абсолютизмом и феодализмом одновременно. Так, при укреплении абсолютизма Д. Гвиччардини в конце своей деятельности стал самым обычным помещиком. Объединение господствующего класса феодалов при наличии гуманистической культуры под эгидой абсолютизма было всем, чем за-

⁹ Самаркин В. В. Тосканская испольщина в начале XV века // СВ. 1973. Т. 33. С. 110, 183; Котельникова Л. А. Аграрные отношения в Италии XIV–XV вв. // СВ. Т. 40. С. 232. Необходимо отметить двойственное отношение церкви к возвышению королевской власти в отдельных странах. С одной стороны, борьба за власть над населением, с другой — необходимость воспользоваться «светским мечом» для подавления развивавшихся ересей как выражение недовольства населения социальным строем. Однако появление ересей во внутрицерковной догматической борьбе не всегда можно расценивать как социальный протест трудящихся против феодальной эксплуатации, но характеризовать как внутрицерковную конкуренцию богословов за господствующее влияние в церкви с привлечением в догматические и обрядовые споры церковных прихожан, тем самым внося элементы демократии и самостоятельность мысли борющихся сторон. Роль королевской власти в сохранении единства церкви делалась одновременно одной из главных задач королевской власти (ср.: Керов В. Л. Южно-французские вальденсы // ВИ. 1974. № 5; Гутнова Е. В. Средневековое крестьянство и ереси // СВ. Т. 39).

вершилась деятельность этого гуманиста. При всей своей смелости против господствующего мировоззрения, мрака и невежества гуманисты мало занимались вопросами способа производства, экономического базиса общества, ведь основной интерес их составляли задачи развития наук, искусства, культуры, т. е. вопросы надстроечного порядка. Это характерно почти для всех гуманистов, их главное направление – на базе античного повысить роль человека и образованности в общественной жизни. Люди Возрождения не были принципиальными борцами против феодального строя, они не были революционерами; они были просветителями в целях развития индивидуального производства в направлении не локальных интересов помещика или цеха, а в интересах широкого масштаба нации или человечества и культуры в целом! Показательно распространенное Вазари предание, что будто бы Леонардо да Винчи умер на руках французского короля Франциска I; эта легенда как бы показывает, что достижения эпохи Возрождения переданы французскому абсолютизму. Как бы резко ни осуждали гуманисты тиранию, произвол, некультурность правителей, пап, королей, деятели науки и искусства всегда находили в них своих ценителей. Гуманисты нужны были королям, а короли – гуманистам. Правитель хотел быть покровителем наук, а для наук необходима концентрация прибавочного продукта, без чего невозможно развитие культуры, искусства, сооружений, исследований, открытий.

В эпоху феодализма прибавочный продукт мог извлекаться в основном эксплуатацией зависимых трудящихся. Только наиболее крупные феодалы – герцоги и отдельные мощные города-государства имели возможности для поощрения наук, искусств, общей культуры...¹⁰ Совершенно извинительной была связь гуманистов с папским престолом, который мог распоряжаться колоссальными богатствами. Еще более полезными для них делались абсолютные монархии, которым необходимы были и открытия в технике, особенно военной и морской, и изящество дворцов, и высота культуры для престижа своей власти. Силой вещей гуманисты становились сторонниками абсолютизма. Можно сказать, что именно поднятое ими стремление к развитию науки, культуры послужило одним из действенных факторов укрепления абсолютизма в XVI – начале XVIII в.

Но мы не можем характеризовать эпоху Возрождения с односторонней точки зрения возрожденцев и развития античного. Каждое принятие нового

---

¹⁰ Можно с уверенностью сказать, что основной конкретной причиной, почему Византия XII–XV вв. не внесла ни в науку, ни в искусство, ни в гуманизм никаких блестящих успехов, как на Западе, несмотря на то, что находилась в едином с Италией экономическом регионе, являлось отсутствие средств, как у византийского правительства, так и у церкви и отдельных феодалов, ведь экономика Византии была в руках итальянцев, и трудно было найти гуманисту влиятельного мецената.

вносит с собой и новые противоречия... Мы перейдем к роли религии в тот переломный период, когда на Западе и в Византии феодализм был тесно связан с христианством. В течение трех первых веков существования Римской империи христианство являлось стихийным движением, основанным на критике всего рабовладельческого общества. Начиная с IV в. оно стало распространяться принудительно, как обязательное для образа жизни и мировоззрения, перестало быть народным движением, но стало долгом для каждого гражданина. Норма поведения, угодная общественному классовому строю, стимулировалась не только страхом судебного наказания, но и идеологически – сознанием свершенного греха, угрозой вечного наказания в загробном мире. Твердая вера в догмы церкви была основой религии вместе с культом и обрядами. Всякое самостоятельное исследование в области богословия допускалось только для высоких духовных лиц и верхушки монашества в рамках богословия, принятого церковными соборами и святыми отцами IV в.; всякое независимое суждение в богословии легко переходило в политическое преступление, в ересь (*haeresis* – свобода выбора, мнения). Вместе с тем и в Византии, и на Западе развивалось каноническое право, которое широко распространялось среди населения. Среди образованных людей изучение христианских догматов и христианских письменных источников было обязательным и основным. Поэтому уже с начала сознательной жизни любого человека церковные положения ставились на первый план. Они оттесняли все остальное, светское, своим принудительным авторитетом они давили мысль; естественно, что люди Возрождения стали врагами и этих принудительных верований, и самого принципа поисков аргументации любой теории только в христианских догматах.

Нельзя сказать, что между церковью и античной философией, как на Западе, так и в Византии, существовала непроходимая пропасть. Для того, чтобы христианская догматика могла быть наукообразной, логически приемлемой, нужно было использовать элементы античной философии. И в то же время античная философия с элементами гуманизма вносила чрезвычайно опасные для христианства идеи, которые церковь поэтому стремилась во многом переосмыслить¹¹. Эта необходимость для христианской догматики аргументации античной философией сказалась даже на том, что и в среде духовенства возникали центры гуманизма (например, вокруг Амброджо Травесари – главы монастыря ордена Каммбоулов), и папы организовывали материальную по-

---

¹¹ Очень четко у С. С. Аверинцева: «Для христианского вероучения не было ничего более опасного и одновременно более необходимого, чем философская традиция» (Аверинцев С. С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 43).

мощь гуманистам. Со своей стороны, гуманисты часто аргументировали свои положения текстами из Библии (например, из ранних гуманистов – Салюта-ти, Манетти). Полностью связано было с сюжетами из Библии искусство. Правда, имели место и преследования отдельных гуманистов, но вплоть до Реформации при папском дворе в Риме с гуманистами отношения были вполне дружественными. Особенно выявлялась эта связь гуманизма с религией у Эразма, который, злостно высмеивая догматизм и схоластику богословия, тем не менее признавал христианскую мораль как дальнейшее развитие античного мировоззрения. Однако у гуманистов не было настоящих связей с широкими массами народа. Они, хотя и признавали роль трудящихся – крестьян и ремесленников (особенно Матео Пальмери), но не имели связей с деревней и резко относились к народным волнениям. Гуманисты не понимали, что в деревне XII–XIV вв. произошел крупный переворот. Развитие и переход центра экономики в городские коммуны привели поместье и деревню к отрыву от культурных достижений гуманизма. Иронически-насмешливое отношение гуманистов к религии, выставление ими на первый план *светского*, индивидуального было совершенно чуждо деревне. Но с развитием товарного хозяйства, торгового предпринимательства и в деревне произошел значительный моральный сдвиг: разложение деревенского сословного единства значительно увеличило количество лишенных всякого земельного владения, произошло их сближение с такими же прослойками городов. Тенденции к социальному протесту сделали массы деревенского населения озлобленными к городской учености, что так ярко проявилось в отношениях крестьян к бродячим студентам (вагантам)¹². Не все выступления, облеченные в христианские тезисы, были ересями и направлялись против церковных беспорядков. Религией аргументировались всякие национальные движения и национальные стремления к политической независимости¹³. Церковная догма являлась исходным пунктом и основой для всякого мышления. Но эта основа у гуманистов была поколеблена стремлением постичь полностью достижения прошлого – антич-

¹² Поэзия вагантов / Пер. М. Л. Гаспарова. М.; Л., 1975. С. 348, 507.

¹³ В отличие от средневековых ересей, которые преследовались как нарушающие единомыслие в церкви. Наоборот, лютеранство и кальвинизм были не ересями, а реформацией, связанной с крестьянской войной и буржуазной революцией (ср.: Vogel P. Zwischen Gott und Scheiterhaufen. Ketzer im Mittelalter. В., 1976). Революционизирующие выступления Гуса и впоследствии таборитов были выступлениями национального характера, облеченными в библейскую аргументацию – борьба за самостоятельность Чехии вначале против священников немецкого происхождения. Сам Гус нередко выступал против произвола немцев. «Убежденный в том, что немецкое преобладание в чешской земле противно божественному закону и церковным канонам, я утверждаю, что этого не должно быть!» (из артикулов свидетельских показаний с ответами Гуса, 1413 г.).

ности и сделать основой мышления для дальнейшего развития науки и искусства именно высоту античной мысли, а не христианское богословие.

Совершенно естественно, что стремление гуманистов ослабить влияние церкви должно было встретить сопротивление как со стороны духовенства, так и со стороны лиц, сознающих значение союза светской власти с духовной. В целях сохранения господства феодального строя являлось важным не допустить снижения религиозности у масс; наоборот, в условиях развития идей гуманизма выгоднее было углубить религиозное сознание масс, использовать идеи гуманизма в целях *исправления* церкви, направить основу критики не на христианство как идеологию, а на практику церковного управления со стороны Римской курии. Это было стремлением повысить интерес общества к проблемам религиозной мысли, догматам – к *реформации* церкви. Используя некоторое подобие христианских текстов о морали, тезис о равенстве всех людей перед Богом, деятели реформации сумели действительно направить светские положения гуманизма в сторону борьбы за «настоящее» христианство. Появился, так сказать, христианский гуманизм, критическое направление христианской мысли, сомнение, а подлинно ли католическая церковь передает учение Христа? Подобно тому, как Леонардо Бруни уличил переводчиков Аристотеля в фальсификации и издал истинный перевод его творений, гуманисты стали переосмысливать тексты Евангелий и даже издали ряд самостоятельных новых переводов Библии вместо принятой Вульгаты; причем, переводы делались и на национальные языки. Реформаторы имели в виду распространение своих религиозных концепций в массах. Это была борьба за массы, но не за повышение их жизненного уровня. Движение за реформацию церкви не было борьбой против феодализма в целом. Основа реформации в Германии – «христианское дворянство немецкой нации», к которому и обратился Лютер в борьбе против католицизма. Политические вопросы светского управления конфессионализировались, связываясь с проблемами реформации церкви. Реформаторы-гуманисты стремились только использовать массы в борьбе или за новую религию, или за сохранение старой. Но углубление религиозности и самостоятельности мысли в широких массах привело к нежелательным для господствующего класса и для гуманистов явлениям.

Совершенно особо среди масс и отдельных гуманистов развилось направление, которое можно назвать христианским Возрождением. Его представителей объединяло стремление вернуть свое общество к образу жизни и идеям первоначального христианства, когда оно было движением на базе социального протеста, выросшего в организационное учение. Используя для апологии христианства во II в. античную философию, главы церкви стали абстрагировать воззрения первоначальных общин в догматику, которая фактически

для народных масс погубила социальный смысл движения. Догматы стали оковами мысли, тормозом ее дальнейшего развития, однако господствующему классу самостоятельная мысль эксплуатируемых масс в идеологии была даже невыгодна.

Христианство в период средневековья глубоко проникло в самую гущу народных масс, и все, что затрагивало церковь, вызывало самый широкий отклик. Построенные почти в каждом поселении церкви были местом объединения населения. Организация церковных общин – приходов – первоначально являлась проявлением стремления к некоторой внутренней демократии, тогда как господствующая церковь стала считать приход только местом воспитания, организацией единства мировоззрения и подчинения власти церковной иерархии. Уже распространилось представление о священнике как пастухе, а верующие уже считались простым стадом и должны были только верить... (ср.: «Почто творити себе пастырем, будучи овцою» – Трулльский собор. § 64, «...не мудрствовати паче, аж подобает мудрствовать» – Там же. § 58)¹⁴. Церковь, как католическая, так и византийская, строго боролась со всякими самостоятельными рассуждениями: от трудящихся низов требовалась только безусловная вера, соблюдение норм поведения и подчинение церковной власти в рамках канонического права. Фактически самостоятельное чтение и рассуждения строго пресекались. Да и по степени развития образованности деревня и горнорабочие не имели никаких возможностей самостоятельно понимать тексты Библии и Евангелия.

Но положение в XIV в. начало изменяться. Развитие гуманизма повысило общее состояние культуры, даже в деревнях появились отдельные представители младшего духовенства, начетчики из бедноты, у которых возникла потребность самостоятельно ознакомиться с текстами Евангелия. Соединение распространяющегося предпринимательства с феодальной личной зависимостью, резкие социальные противоречия в жизненных условиях стали вызывать при самостоятельном разборе верующими текстов раннего христианства стремление к борьбе против извращений божественных повелений. Библейские тексты давали уверенность в правоте своих социальных и экономических устремлений, и поэтому появились тенденции возвращения к идеалам прошлого¹⁵. Нужно было снова сделать христианство социальным движени-

¹⁴ См. обвинение Гуса: «...смертная казнь... За то, что он сбил с пути много народу, предоставив народу право самому судить о делах веры, между тем народу спасительное ничего не знать и протестушно верить!» (Послания Я. Гуса. М., 1901. С. 262).

¹⁵ О связи исихазма Паламы с богомилством. Вряд ли простые крестьяне осознавали разницу между богомилством и учением Паламы. Фактически в канонизации Паламы в 1368 г. произошел синкретизм. Богомилы и родственные им паламиты фактически сыграли роль катализаторов, как и спиритуалистические движения западного монашества. Презрение к существующему

ем, вернуться к прошлому. Подобно гуманистам, которые возвращались к грекам, христианская деревня стала возвращаться тоже к античности и к началу христианства.

В противоположность гуманистам, которые имели дело с образованным обществом и с главами правительств, вожди нового христианского движения, опираясь на широчайшие массы, были настроены крайне воинственно, находя в текстах Библии примеры жесточайшей и беспощадной борьбы против безбожников. Социальной целью этого движения являлось разрушение «безбожной» структуры современного им общества. Конечно, для проведения буржуазной революции необходимо было непреклонное *отрицание* старого, отживающего общества; деструктивные мероприятия были исторически необходимы. Но в отношении конструктивных целей построения нового общества между опирающимися на религию гуманистами не могло быть единства. Гуманисты и Лютер, и Цвингли, и Меланхтон не ставили целью разрушение феодального общества, но хотели только приспособить его к развитию наук того времени путем «отпада» от власти Римской курии. Но какое общество хотели построить восставшие народные массы, не могли знать ни Мюнцер, ни Гайсмайер, ни анабаптисты... У них была только революционная воля провести отрицание старого не теоретически, а путем фактической революции. Дialeктически появилось противоречие, тесно связанное с исторической ситуацией: с одной стороны, ведется борьба с «христианским мраком средневековья», и в то же время – революционная борьба под лозунгами именно этого «христианского мрака и темноты», которые так осуждали радикальные гуманисты.

Конечно, народное христианизированное восстание не могло победить, поскольку не было никаких объективных предпосылок для построения нового общества; особенно четко это выражено в наиболее радикальной программе Гайсмайера: полная аграризация, уничтожение городов, выступления против частного предпринимательства, беспощадная борьба против безбожников, утопизм в организации государства. В каком отношении их выступления были актами первоначальной буржуазной революции? Конечно, ничего внешне буржуазного не могло быть ни у анабаптистов, ни у Мюнцера, ни у Гайсмайера, но тем не менее они были неизбежными явлениями именно для буржуазной революции. Ведь всякая революция требует и дест-

---

аморальному обществу и жажда личного спасения фактически деревулюционируют массы и утихомиривают народный гнев против притеснителей. Спиритуализм отчасти вносит дух прогрессивной критики церкви, особенно в среду неграмотных масс, но на почве идеологии для настоящего *отрицания* отжившего, реакционного действует отрицательно, даже антиреволюционно (ср.: Lambert M. Medieval Heresy: from Bogomil to Gus. L., 1977).

руктивных актов – элементов отрицания, и конструктивных актов созидания нового. Если гуманисты строили планы борьбы против недостатков феодализма через предварительное установление связанного с зарождающейся буржуазией последнего этапа феодализма – абсолютизма, то христианское возрождение – своим боевым призывом выступать против эксплуатации человеком человека. Этот призыв оказался важным для борьбы не только с основами феодализма, но и в будущем – против капиталистического общества.

Византия в отношении развития Возрождения и гуманизма имела свою специфику: перманентные нападения мощных племен (Манцикерт), никаких возможностей искать объекты первоначального накопления капитала; наоборот, Византия сама в конце XI в. стала жертвой развившегося за ее счет раннего накопления капитала со стороны итальянских городов – отсюда трудности развивать свои элементы капиталистического предпринимательства в обстановке итальянского экономического засилья. В некотором отношении усиление изучения античности в Византии приобрело, так сказать, служебный характер для удовлетворения потребностей Италии!

Обстановка в отношении церкви в Византии тоже имела особую специфику. Православная церковь за все время существования Византии фактически была активнейшим членом государственного аппарата. Изучение античности уживалось с церковью и проходило в рамках сохранения чистоты православия... Особых резких выступлений против «мрака средневековья» в Византии не могло быть, поскольку там не было столь стремительного упадка культуры, как на Западе, особенно в городах-эмпориях, в Константинополе. Однако после завершения перехода к феодальным институтам в значительной степени обострились имущественные противоречия, как в городах, так и в деревне. Городская беднота, которая впитывала в себя излишки населения деревни, имела больше возможностей вследствие развития грамотности самостоятельно читать Священное Писание, и социальные протесты против несправедливости общественного строя могли облекаться ссылками на тезисы первоначального христианства.

Так, гуманистические моральные рассуждения Алексея Макремволита прямо начинаются с резких нападок *бедных* против богатых со ссылкой на первоначальные христианские общины: «До каких пор общий для всех Отец будет терпеть, взирая, что вы присваиваете себе то, что принадлежит всем?»¹⁶ Это указание на общую собственность имеет в виду известные евангельские тексты о первоначальной христианской общине (Деян. 2.44: «И все верующие были вместе и имели все общее»; Там же. 4.32: «У множества же уверовав-

---

¹⁶ Пер. М. А. Поляковской // ВВ. 1972. Т. 33. С. 278.

ших была одна душа и одно сердце. И никто имения своего не называл своим, но все у них было общее»). По Макремволиту, бедные указывают, что напрасно богатые презрительно относятся к бедным, поскольку состоят из материального и духовного, одинаково благородного происхождения и что человек более всего уподобляется Богу. Высокое мнение о человеке характерно для гуманистов середины XIV в. Но в основном все рассуждения связаны с аргументами религии. Вот именно этим своеобразным апофеозом человека – уподоблением Богу – стремился показать свой гуманизм Палама в учении о Фаворском свете и умственной молитве. Но хотя гуманизм типа Макремволита разжигал классовую ненависть, стимулировал настроение борьбы, даже во многом походил на тип «листовок» накануне крестьянской войны в Германии, в Византии буржуазной революции не было. На базе социальных противоречий в Византии произошли только народные выступления 1341–1347 гг., однако, не оформленные текстами из Евангелия. Причина определена: в условиях наступления западной церкви в народных массах Византии появилось упорное стремление защищать свою церковь как свою народность. В тех условиях, когда вся экономика была в руках латинян, всякий сторонник чужой церкви казался предателем и всякая резкая критика своей церкви казалась поддержкой враждебной, тоже как бы приравнивалась к измене. Поэтому народные движения в Византии не были тесно связаны с критикой церкви и не оформлялись церковными лозунгами. Образованные же византийцы, люди с энциклопедическим воспитанием, пытались соединить изучение античной философии с тревожными спорами в религии. Это, конечно, связывало гуманизм как самостоятельное творчество мысли на базе использования античной философии, так сказать, христианизировало гуманизм¹⁷.

Крестьянское движение совместно с городами первоначально было как бы помощью законному правительству против мятежных феодалов Кантакузина, но было раздавлено сербской интервенцией и особенно включением в борьбу турецких полчищ, которые совершенно разгромили византийскую деревню так, что этот результат можно приравнивать к будущим поражениям Мюнцера и Гайсмайера...

Движение зилотов, партия которых руководствовалась группировкой городской предпринимательской торговой знати, корпорации моряков в борьбе против феодального господствующего класса тоже потерпели поражение. В 1347 г. наметилось полное торжество реакции. В таких условиях реакция распространилась и на церковь. Подобно тому как на Западе, в странах контрреформации, прекратилась критика церкви под страхом инквизиции, в Визан-

¹⁷ Beck H.-G. Humanismus und Palamismus // Actes du XII Congrès International d'Études byzantines. Ochrid; Beograd, 1963. Vol. 1. S. 69.

тии стало считаться ортодоксальным учение Паламы, которое распространяло на самые широкие массы настроения полной политической пассивности: в целях душевного спасения добиваться путем духовного экстаза соединения с Божеством¹⁸. Безусловно, цель Паламы – задушить всякую критику церкви и сделать всех преданными верующими православно, не считаясь с возможными историческими ситуациями! Эта пассивность, соединенная с твердостью веры, спасла православную церковь и народности, но привела к политической гибели Византии, а также к порабощению греков и южных славян турками на ряд столетий.

В конце существования Византии произошло парадоксальное, логически и политически нецелесообразное выступление против христианства в целом со стороны наиболее радикального возрожденца – гуманиста Плифона. Опираясь на положения платонистов и греческий «патриотизм», этот гуманист из старинной Спарты (Мистры) организовал целую подпольную группу врагов христианства за восстановление древнегреческого политеизма, обновленного философской символикой с организацией особого культа¹⁹, восстановлением старинного лунно-солнечного календаря (!) и церковного песнопения в честь древних философски переосмысленных богов по типу христианской литургии. Несмотря на попытки конспирации и пропаганды (дело Ювеналия)²⁰, выступление Плифона не имело никакого влияния на широкие массы. Можно полагать, что Плифону, прекрасно знакомому с западными гуманистами XV в. и их критикой католической церкви, показалось, что этой своей «возрожденческой религией» он сможет вместо христианства и на Западе, и в Византии создать единую, основанную на философии и положениях о вечности души религию для всего человечества и тем прекратить религиозные распри!

После разгрома крестьянской войны «контрреформация» победила повсеместно. Любые возникшие религии оказались такими же нетерпимыми в отношении догматов и обрядов, как и католицизм, и православие... Но век гуманизма преобразовал общество. Научная деятельность не встречала таких затруднений, как в период «средневекового мрака». Феодальное крупное землевладение сохранилось. Капиталистические уклады были внутренне слабы и нуждались в покровительстве абсолютных монархов, которые еще смотре-

---

¹⁸ О Паламе как аналоге западной контрреформации: **Meyendorff J.** Byzantine Hesychasm: historical, theological and social problems. L., 1974; **Clucas L. M.** Eschatological theory in byzantine hesychasm: A parallel to Joachim da Fiore? // BZ. 1977. Bd. 70. Hf. 2. S. 324–346.

¹⁹ Издан в русском переводе (см.: **Медведев И. П.** Византийский гуманизм XIV–XV вв. Л., 1976. С. 224 и сл. (Гимны богов).

²⁰ Подробно о деятельности Ювеналия, пропагандиста против христианства с позиций школы Плифона, жестоко казненного, изложено у И. П. Медведева (см.: **Медведев И. П.** Византийский гуманизм... С. 32 и сл.).

ли на государство как собственники страны – «господа», соединяя «по феодальному» интересы династий с интересами народов и стран. Но абсолютизм сознательно принял на себя роль наследника эпохи Возрождения и гуманизма. Центрами дальнейшего существования наук и искусства как последователей гуманизма и Возрождения стали столичные города – Мадрид и особенно Париж – центр моды, искусств и наук, где при Людовике XIV феодализм достиг предельного расцвета, в котором количество тоже перешло в иное качество: отрицание абсолютизма, даже «просвещенного», уже в XVII в. превратившегося в тормоз развития.

Общий вывод статьи: Возрождение и гуманизм XIII–XV вв. – этап феодальной формации, когда были отвергнуты элементы упадка, появлялись зачатки капитализма и когда феодализм стал всеобъемлюще прогрессивным строем. Возрождение античности сыграло грандиозную прогрессивную роль, но было оторвано от широких масс трудящихся и укрепило последний этап феодализма – абсолютизм. Возрождение же идей первоначального христианства идеологически оправдало, облегчило возможность революционизировать крестьянские массы, в то же время сузило социально-политический их кругозор, углубило религиозность, а их вождей связало с библейскими аналогами и лишило чувства реальности в конструктивных мероприятиях и тем предопределило неудачу крестьянских восстаний.

СУВЕРЕНИТЕТ, НАЛОГ И ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕНТА В ВИЗАНТИИ¹

Византия вплоть до последних лет своего существования не являлась национальным греческим государством. Историческое наименование *basileia ton Romaion* – «царство римлян» – было основой и для политических устремлений Византии, культурного континуитета и для самосознания народа, противопоставлявшего себя «варварам». «Царство римлян» – не отвлеченный официальный термин, оно было связующей силой многоплеменного населения империи, к тому же объединенного никейской верой, воспринятой прямо от Римской империи и тоже служившей основой для спайки населения. Это было исторической общностью господствующего класса различных народностей. Не народность, а суверенитет стал основой единства Византии.

Естественно, что и в литературных трудах, и в актах выдвигалось понятие суверенитета. Гордость быть полноправным свободным гражданином такой великой родины должна была воодушевлять рядового византийца и возбуждать его патриотизм².

Но, с другой стороны, Византия – страна, где действовало римское право, основой которого являлась частная собственность. В Византии, где во все времена существования относительно было развернуто денежно-товарное обращение³, законы ограждали неприкосновенность частной собственности не только от отдельных лиц, но и от представителей государственной власти. Частная собственность в Византии тоже была суверенной!⁴ Но в то же

---

¹ АДСВ. 1973. Вып. 9.

² Лев Дьякон. 1.6: «Мы – римляне, покажем своим мужеством благородство нашего знатного рода».

³ Утверждение единой формы полной частной собственности (CJ. VII. 25 и VII. 31. 4) в Византии в послеюстиниановский период стало настолько очевидным, что в Василиках положения о собственности уже понимались как само собой разумеющиеся (Zachariä von Lingenthal. Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts. B., 1893. S. 215).

⁴ «Римляне – рационалисты суверенной частной собственности» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. I. С. 345). «Вот каково на деле суверенное великолепие частной собственности, землевладения, о котором в новейшее время наговорили так много сентиментальных фраз и по поводу которого было пролито так много всякого рода крокодиловых слез!» (Маркс К., Энгельс Ф. Там же. С. 334).

время частная собственность, особенно в форме землевладения, была той внутренней силой, которая облегчала и оформляла проведение государством его основной функции – организации господствующим классом эксплуатации труда.

Полноправное положение византийского гражданина выражалось в основном в праве распоряжаться своей частной собственностью. Именно это выделялось в актах при передаче собственности: *teleian despoteian kai anaphaireton kyrioteta eis dienekeis chronois* – «полное господство и непререкаемую власть на все последующие времена»⁵. В самых поздних актах перечислялись все основные конституции, которые были направлены в защиту частной собственности еще с III–IV вв.: *te plane, te bia, te anagke, te dynasteia, te synarpage, kai apate, te perigraphe, te eggrapha kai agrapha hyposcheseis kai pantoia hetera nomike dikaiologia*⁶.

Суверенитет «римского народа» и суверенитет скрепленной римским правом частной собственности – вот две мощные традиции, которые оказали влияние на оформление феодальных институтов в Византии и которые имманентно сосуществовали с суверенной властью господствующего класса.

Суверенитет старше государства. Если правильное понимание сущности государства можно отнести только ко времени появления марксизма, то представление о суверенном обществе, самостоятельно управляемом народным собранием и магистратами, существовало уже с незапамятных времен. В племенном обществе в отношениях человека к человеку на почве присвоения материальных благ и общественного производства не могло быть внутренней борьбы. Но неравномерность в возможностях использования природных богатств приводила к постоянной борьбе племен между собой: «В принципе каждое племя считалось состоящим в войне со всяким другим племенем, с которым оно не заключило мирного договора по всей форме»⁷. И поэтому каждое лицо знало, что значит защищать независимость и интересы племени и жить по своим законам и традициям.

Когда же с развитием производительных сил появляются собственность, завоевания и порабощение соседних племен, то зарождается и подлинное государство, которое выступало уже как защитник не только от иноплеменников, но и частных собственников от своих же соплеменников. Выполняя функции управления в интересах господствующего класса, государственная власть всегда на первый план выставляла напоказ именно функции охраны

⁵ Acts de Xenophon / Ed. L. Petit.

⁶ Там же. С. 42, 53.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 94.

суверенитета страны и заботы о народном благе⁸. В этом причина столь длительного непонимания сущности государства. Так, римский император считал себя высшим должностным лицом суверенного государства и действовал от имени всего народа⁹. Категория собственности не рассматривалась как связь государей правительства с подданными¹⁰. К. Маркс, критикуя философию права Гегеля, писал: «Власть императора была не властью частной собственности, а суверенитетом эмпирической воли как таковой, *суверенитетом, который отнюдь не рассматривал частную собственность как связь между собой и своими подданными*, а, напротив, распоряжался произвольно частной собственностью, как и всеми остальными социальными благами»¹¹ (курсив мой. – М. С.).

Традиция охраны суверенитета общества была мощной: ведь племя во имя сохранения суверенитета, чтобы жить по своим законам, имело власть над жизнью, поведением и благами каждого члена общества. Эта традиция полностью перешла к государству греческого полиса и Древнего Рима, которые могли осуществлять свою власть над людьми и их имуществом, ни в коем случае не мотивируя это верховной собственностью государства. Но частная собственность, в особенности на землю¹², могла приобретать самостоятельную власть над людьми, иногда в противоречии с целями господствующего класса в целом. Римское государство в таком случае могло осуществлять право регулировать пользование частной собственностью, применяя особую формулу: *ne quis re sua male utatur*¹³ – «чтобы никто не пользовался преступно своей вещью!» Государство сохранило за собой право конфискации, если собственник оказался опасным для государства, а также право облагать налогами частную собственность как для охраны той же собственности, так и для внешней безопасности. Император Юстиниан в своих новеллах называет налоги «благочестивыми», необходимыми для общего блага, скрывая, однако, какие суммы народных средств идут на роскошь двора и на раздачу сенаторам, знати и церкви...

⁸ «*Touton gar panton eleutheros tous hemeterous hypoteleis phylattesthai boulometha*» (Just. Nov. XXX. III. Pr.).

⁹ «... Cum enim lege antiqua, quae regia nuncupabatur, omne jus omnisque potestas populi Romani in imperatoriam translata sunt potestatem» (Dig. Deo auctore. 7).

¹⁰ Включение в римское право *jus naturale*, *nullius res* говорит о том, что не было понимания верховной собственности государства на все природные богатства. Территория подвластных стран считалась собственностью римского народа *jure belli* и зависела от полноправности собственника.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I. С. 348.

¹² «Землевладение есть частная собственность в подлинном смысле этого слова» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I. С. 333).

¹³ Inst. Just. I. 8. 2.

«Нельзя сохранить все наше общественное устройство *politeuma* без сбора благочестивых налогов». Упоминалось и отражение «варваров», и внутреннего безопасность, и культурные мероприятия – все «для наших подвластных»¹⁴. «Так что-то, что берется от них, то и расходуется для них и через них»¹⁵. Ни в позднеримском праве, ни в новеллах императоров X в. нет положения о том, что налоги берутся за то, что государство, как «верховный собственник», предоставляет данному лицу за уплату налогов право пользоваться землей¹⁶.

Везде говорилось о нуждах государства, будь то военные потребности или необходимый блеск для престижа.

Это – официальная теория налогов с позиции суверенности государства, как бы стоящего над обществом и заботящегося об обществе в целом. Но в Византии существовала и другая теория налогов, распространенная не только среди низов общества, но и деятелей господствующего класса, иногда недовольных направлением налоговой политики: налог – грабеж! Так характеризовали налоговое обложение Иоанн Златоуст в проповедях и Прокопий в «Тайной Истории». Но и эта теория не видела в государстве «верховного собственника», поскольку тогда это был бы не грабеж, а право распоряжаться своей верховной собственностью! Налог как кумуляция прибавочного продукта индивидуального труда в общественных целях является необходимостью и неотъемлемым правом руководства во всяком обществе. В классовом же обществе налог – орудие господствующего класса. Но налог не есть категория эксплуатации человека человеком *par excellence*. В самой чистой форме экономическая эксплуатация человека человеком проявлялась в средневековые через собственность на объект приложения труда и в первую очередь – в форме земельной ренты.

¹⁴ Nov. Just. 8. 10 и 147. Пред.

¹⁵ Nov. Just. II. № 149. 2.

¹⁶ В византиноведении проводилась дискуссия о наличии в Византии верховной собственности государства над всем земельным фондом страны. В римском государстве квинтская полная собственность (*plena in re potestas*) противопоставлялась неполной собственности провинциалов на землю, которая считалась достоянием римского народа. Но в 212 г. (*Constitutio Antoniana*) все свободные подданные империи стали считаться полноправными гражданами, а Юстиниан вовсе отменил все виды собственности, кроме полной частной собственности (ср.: Хвостова К. В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии, XIV–XV вв. М., 1968. С. 177). Ф. Дельгер (BZ. 1952. Т. 45. S. 194) на основании новеллы 996 г. императора Василия II считает, что в Византии существовала верховная собственность государства на землю. К этой теории присоединились Г. Острогорский и А. П. Каждан (Деревня и город в Византии в IX–X вв. М., 1960). Однако в той же новелле император самым четким образом ограничивает государственную землю от частной собственности, требуя, чтобы чиновники разыскивали похищенную государственную землю *ekzetein di'holou ta idia* (Jus. III. 315). К тому же законодательство Василия (50. 1, 30. 59; Диг. 49. 14. 3. 10–11) и новелла Льва VI (№ 51) четко разграничивают частную и казенную собственность. Поздне-римское право и Василики – классическое выражение частной собственности.

Понимание сущности налогового обложения земельной собственности в Византии стало в советском византиноведении предметом острого спора, который имеет принципиальное значение для определения феодального характера финансовых институтов империи. Является ли византийское налоговое обложение в строе Византии «централизованной рентой» или же государство собирало налоги в силу суверенитета? Г. А. Острогорский и А. П. Каждан склонны считать, что между земельной рентой и налогами в Византии никакой разницы не было. Ю. М. Сапрыкин прямолинейно рассматривает налог как «разновидность феодальной ренты». Наоборот, Г. Г. Литаврин, В. А. Сметанин, К. В. Хвостова выступают против положений о налоге как ренте, получаемой верховным собственником земли – государством¹⁷. Этот вопрос кажется несущественным. Не все ли равно, как называется тот прибавочный продукт трудящегося, который передается господствующему классу в государстве? Но нужно иметь в виду изменение статуса налогоплательщика и в то же время феодализацию понимания римского права и его применения в Византии.

Налог денежный, натуральный, повинности в любой формации остаются правом суверенитета над личностью и хозяйством, но принимают особую специфику. При феодальном способе производства, при мелком, но относительно развитом, требующем товарообмена хозяйстве необходима была некоторая кумуляция прибавочного продукта на местах. Это приводило к созданию хозяйственных местных единиц, основанных на внеэкономическом принуждении, к передаче на местах элементов суверенной власти частному землевладению¹⁸.

Основой земельной ренты является факт получения от землевладельца участка земли, за что и требовалось платить отработкой, натуральными или денежными взносами. «В крепостном строе несостоятельный должен отработать те средства к жизни, которые он получил от помещика»¹⁹.

Этот экономический путь становления феодальной частновладельческой земельной ренты хорошо был известен в Византии.

Но для того, чтобы экономическим путем приобрести ренту, необходимо было иметь массу обездоленных, но привыкших к земледельческому труду крестьян, чтобы период преобладания в византийском аграрном строе свободной крестьянской общины завершился победой крупного феодального землевладения.

---

¹⁷ Сапрыкин Ю. М. В. И. Ленин и проблемы истории феодального общества // СВ. 1971. Т. 33. С. 21; Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960 (его полемика: с. 49–54); Хвостова К. В. Особенности аграрных отношений... С. 54–55; Сметанин В. А. К вопросу о свободном крестьянстве в поздней Византии // АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 52–53.

¹⁸ «Система хозяйства порождает здесь «внеэкономическое принуждение», крепостничество, зависимость юридическую, неполноправность» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 72).

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 495.

Но каким образом в Византии в X–XI вв. роль налогов стала заметно снижаться, уступая место земельной ренте? В каком отношении к налоговому гнету развилось в Византии зависимое, платящее землевладельцу ренту мелкое хозяйство?

Конечно, нельзя преуменьшать роль налогов в процессе феодализации Византии. Содержание аппарата централизованного государства со всей его коррупцией требовало усиления налогового гнета, который не могли выдержать менее состоятельные хозяйства общины.

Неимуший крестьянин или продавал свой участок²⁰ или, не имея возможности выплатить налоги, бежал из деревни (по прошествии 30 лет этот участок становился класмой²¹ и путем продажи или пожалования переходил динатам); в дальнейшем обезземеленный крестьянин становился присельником, зависимым париком у дината. Именно такой путь происхождения феодальной ренты в Византии X–XI вв. являлся основным, легализованным действующим правом Василик, против которого безуспешно (в конечном счете) выступали в новеллах императоры Македонской династии.

Но проблема отношений налога и земельной ренты в византийских условиях является очень сложной. В пользу отдельных юридических лиц императоры в порядке пожалования снимали налоги и даже запрещали вписывать расчет их в документы землевладельца²². Эта льгота (экскуссия) сама по себе ничего общего с земельной рентой не имела, налог оставался налогом: общая сумма пожалованного налога записывалась в кодексах провинциального управления²³. Это – рента, но не земельная – частнопрововая, а публично-право-

²⁰ В Византии Земледельческий закон не ограничивал собственности крестьян на их участки, которые продавались, и только волнения в деревнях заставили Льва VI издать новеллу 114 с установлением предпечения для крестьян местной общины. В то же время эта новелла подтверждала право каждого бедняка продавать свой участок земли. Ряд исследователей считают, что «георгос» по Земледельческому закону не имел права продавать землю (см.: **Каждан А. П.** Деревня и город... С. 44–45), так как в Земледельческом законе нет указаний на сделки купли – продажи земли, а только на обмен. Такие гражданские акты, как завещания (не признать ли поэтому крестьян того времени «мертвороучниками»???), дарственные, брак, купли – продажи, и такие преступления, как убийство, изнасилование, колдовство, мятежи были подвластны государственным инстанциям и не могли быть включены в законодательство автономии деревни. Что же касается *permutatio* – обмена, то таковой не имел значения, равного *emptio – venditio*: акт внутреннего обмена не вносил изменений в сумму обложения, тогда как акт продажи мог затронуть интересы иска. Дискуссию о праве крестьянина оставлять свой участок земли (см.: **Литаврин Г. Г.** Болгария и Византия... С. 48–53).

²¹ **Осипова К. А.** Система класм в Византии X–XII вв. // ВО. М., 1961. С. 174–185.

²² По Податному уставу эта льгота называлась «самовозвращенные платежи» (**Хвостова К. В.** Особенности аграрно-правовых отношений... С. 57). По переводу Е. Э. Липшиц – «преждеснятые платежи» (см.: Податный устав // Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951. С. 142).

²³ Податный устав. § 6; **Хвостова К. В.** Особенности аграрно-правовых отношений... С. 67.

вая²⁴. При острой нужде правительство могло и отменять льготу частично или полностью²⁵.

В подобных случаях пожалования налог сосуществовал с земельной рентой землевладельца в правительственных расчетах налогообложения. Тем не менее такое сосуществование укрепляло феодальные хозяйства – ведь характерная специфика феодальной эксплуатации и состоит в том, что наряду с земельной рентой землевладелец обладал и публично-правовыми привилегиями в своем хозяйстве в отношении зависимого населения. Земельная рента феодала соединялась с правами на пользование и налогами в локальном масштабе, особенно в период феодальной раздробленности.

Император иногда жаловал некоторым юридическим лицам право собирать в их пользу налоги с определенной территории. По терминологии Податного устава это «солемнии». Подобная передача налога никакого отношения к земельной ренте не имела. Это было жалованье, которое нужно собирать для себя с населения. В писцовые книги подробно вписывались поименно плательщики. Эта передача сбора налогов в пользу частного лица, на первый взгляд, совершенно не изменяла дело: крестьянин, плативший финансовому чиновнику налог, платит ту же сумму определенному лицу или монастырю. Как будто никакого изменения для крестьянина не произошло, тем более что никаких вещных прав на имущество налогоплательщика новому пользователю налогом не передавалось²⁶.

Однако сущность эксплуатации не в отношениях человека к вещи, а в отношениях человека к человеку. В статусе налогоплательщика произошел крупный скачок – он вступал в совершенно иные отношения, чем при уплате денежных и натуральных налогов и повинностей государству.

Функция суверенной власти – сбор налога – переходила к частному лицу. Динат тем самым приобретал и дисциплинарную власть в таком важном деле, как отчуждение в свою пользу части имущества, что всегда при сборе налогов вызывало конфликты. Прикрепление в отношении налогов и повинностей к определенному лицу затрудняло мелкому собственнику свободу передачи своего участка постороннему лицу – он фактически делался зависимым. Что же

---

²⁴ Dölger F. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung, besonders des X. und XI. Jh. Leipzig, 1927. S. 93.

²⁵ Острогорский Г. А. К истории иммунитета в Византии // ВВ. 1958. Т. 13. С. 94; Хвостова К. В. Особенности аграрно-правовых отношений... С. 171, 252.

²⁶ Так, предоставление протосевасту Адриану прав взыскивать налог с владений Лавры не давало никаких прав вещных, но тем не менее вызвало жаркий протест со стороны монахов: Острогорский Г. А. Византийские писцовые книги // BS. 1948. Т. 9. Р. 233; Хвостова К. В. Особенности аграрно-правовых отношений... С. 210.

касается получателя налогов, то, кроме пожалованных сумм налога, ему передавалась возможность извлекать квазиземельную ренту с той территории, которая не была его собственностью, но оказалась под его влиянием. Закабаление таких подвластных крестьян и захват территории делались вопросом времени.

Любая передача налогов фиксировалась перечислением налогов каждого плательщика, причем, как правило, налог передавался не полностью – отдельные налоги, как кастроктисиа, партенофториал, аир, по большей части необходимо было выплачивать казне. Так как обязанности подданных состояли из различных повинностей, то и наименования таких повинностей включались в отдельные хрисовулы, которые тем самым отмечали попытки регулировать эксплуатацию крестьян и в то же время определяли минимум обязанностей трудящихся, выполнения которых мог требовать получатель налогов.

В Византии наряду с передачей суммы налога существовало и пожалование фондов государственной земельной собственности²⁷. Любое пожалование земли частному лицу или монастырю сопровождалось подробным перечнем налогов, которыми облагалось трудящееся население, так что пожалование расценивалось не количеством зависимых душ, как в России в XVIII и XIX вв., а общей суммой налогов «посотис», которыми облагалось население. Налог всегда четко отмечался при всех видах пожалования земель – тем самым правительство стремилось показать наличие в Византии суверенной власти централизованного государства и суверенной воли императора.

В Византии примерно с VIII в. развиваются виды условного владения. В римском праве редко отмечался неразвитый вид передачи собственности «под определенное условие», что приводило к *possessio sub modo*²⁸. Наиболее характерными условными владениями являлись *харистикии* – с условным содержанием в подобающем виде монастыря и уплаты налогов, жаловалась монастырская собственность отдельному лицу²⁹ и *пронии* – с условием военной службы, и жаловались «на попечение» территория и плательщики налогов. Передавая землю и людей в условное владение прониару, государство предоставляло ему и *узуфрукт*³⁰. Получив пронию, прониар осознавал себя в рядах господствующей

²⁷ Система класм и конфискация земель политических противников в гражданских смутах создавали и постоянно увеличивали фонд государственной собственности. Государство, передавая условно земли в качестве пронии, имело реальные права собственности, а не фиктивные «верховной собственности», как на Западе (Хвостова К. В. Особенности аграрно-правовых отношений... С. 216).

²⁸ Dig. 35. 1. 17. 3–4: *conditionaliter concepta: sub modo legatum*. В Василиках: *epi horo touto, hypo haireten* (44. 19. 13). Cod. Just. VIII. 54/55 полностью включен в Василики (см.: 47. 1. 70).

²⁹ Glykatzī-Ahrweiler H. La concession des droits incorporels. Donations conditionelles // Actes du XII Congrès International d'Études byzantines. Beograd, 1964. Vol. 2. P. 107–109.

³⁰ Dig. 7. 1; В Василиках: *chresis carpon*.

шего военно-землевладельческого сословия. Поэтому у прониара был «анимус» собственника «своего» владения, тогда как римский узуфруктуарий общегражданского права сознавал, что он пользовался «чужой» землей. В пронии узуфрукт фактически превращался из *ius in re aliena* в *ius in re sua*.

Государство передает узуфруктуарию прониару также «узус» власти над населением – бывшими свободными гражданами – часть своего суверенитета, что характерно для феодальных форм собственности.

Естественно, что организация прониальной системы, приводившая к переходу свободных лиц в зависимое состояние, вызывала при Мануиле Комнине протесты, которые столь риторически отобразил Никита Хониат. Получилось, что фактически развившаяся условная феодальная собственность в обстановке Византии, при наличии действующего римского права в редакции Василика, имела тенденцию приобрести форму полной частной наследственной безусловной собственности. Но в отношениях с государством прониар не мог чувствовать себя уверенным – если на Западе вассал и сеньор были связаны обоюдными клятвами, общностью землевладения, то в Византии прониар зависел не от характера его собственности, а от суверенной воли государя. В Византии создалось такое положение, что и прониар³¹ и зависимые видели в своих отношениях личную частноправовую ренту³². Император же всюду выставял положение о службе за предоставление налога с подвластных, причем самый акт предоставления экскуссии считался проявлением воли суверенного государя. Экскуссия не превращала, подобно церковному преосуществлению даров, налог в ренту. И налог, и рента сосуществовали.

Нельзя отождествлять всю массу прибавочного продукта, получаемого имунистом от крестьян, с феодально-земельной рентой. Часть этого продукта представляла собой налог, который был пожалован за службу, часть – земельную ренту. В период феодальной раздробленности они не сливались, а внутренне сосуществовали в Византии в форме налогов, на Западе – в обличье ренты. Позднее налог на Западе и в России отделился от ренты, крупный землевладелец в эпоху централизованной монархии платил государству налог со всех своих подвластных, довольствуясь рентой. В Византии в гражданской войне 1341–1349 гг. попытки Апокавка и Иоанна Калеки добиться фактической централизации не удались, и потому сосуществование ренты и налога сохранилось вплоть до гибели государства. В Византии, где действующим считалось римское право, основанное на суверенитете частной собственности, понятия *dominium eminens*, *dominium*

³¹ Попытка отрицать прониальный характер мероприятий Мануила (Hohlweg A. Zur Frage der Pronoia in Byzanz // BZ. 1967. S. 288–308) опровергается Г. А. Острогорским: Die Pronoia unter den Komnenen // ЗРВИ. 1970. Кн. 12. С. 44 и сл.

³² Хвостова К. В. Особенности аграрно-правовых отношений... С. 214.

utile не могли получить распространения и всякое пожалование стремились рассматривать как *dominium plenum*, безразлично частного лица, церкви, фиска или императора, как *plena in re potestas*.

Феодальные институты в Византии проводились не путем включения в действующее право, в сборники законов, а изданием хрисовулов с привилегиями отдельным лицам или церкви. Земельная собственность регулировалась бюрократически: хрисовулом или решением суда. На Западе же пожалования проводились на базе распределения верховной собственности на землю, путем торжественных церемоний, оммажа, инвеституры, что содействовало относительной сплоченности господствующего класса. На Западе феодальная собственность проявлялась в открытом виде, тогда как в Византии маскировалась юридической внешностью частной собственности, так что отдельные собственники не имели земельно-имущественных связей между собой, подобно западным сеньору и вассалу. Хотя в классовом обществе и налоги, и земельная рента проводятся в интересах господствующего класса и в период феодальной раздробленности могли как бы сливаться, однако, налог и земельная рента в своей сущности – несравнимые понятия. Рента – категория вотчинного хозяйства, налог – суверенного государства. Стремление ликвидировать феодальную раздробленность приводило обязательно к отделению государственного налога от ренты, поэтому неприменимы при анализе феодальных институтов понятия «централизованная рента» и «налог как разновидность ренты».

О ПОНЯТИИ «ТРУДЯЩИЙСЯ» В ВИЗАНТИИ¹

При обозначении социального положения отдельного лица в Византии употреблялся термин «πένης», обычно переводимый как «бедняк». В римском праве этот термин имел точное определение, восходящее к Гермогениану (Dig. 48, 2, 10): бедняк – тот, кто имеет имущество ценой меньше 50 золотых. Великие юристы II–III вв., создавая гражданское право, теоретически воспроизводили идею общества, где господствует частная собственность и где все участвующие в товарном обращении имеют равные гражданские права. В теории гражданского права юристы, как бы отвлекаясь от реальности, предвосхищали капиталистический строй, в основном считая, что общество правоспособных не имеет никаких перегородок, кроме обладания собственностью. Ф. Энгельс писал: «Что же касается другой разновидности идеологов – юристов, то они были в восторге от новых порядков (т. е. правового нивелирования свободных граждан. – М. С.), потому что стирание всех сословных различий позволяло им разрабатывать во всю ширь свое излюбленное частное право»². Рабство оставалось незатронутым, хотя юристы и признавали его неестественным институтом, но и рабы, выступая в сфере товарного обращения (в случае предоставления свободного управления пекулием), включались как равноправные члены в области *emptio – venditio, locatio – conductio, mutuum* и т. д.

Юстиниан в знаменитом постановлении «*De nudo ex iure Quiritium tollendo*» (CJ. VII, 25) признает единую частную собственность. Имущественное неравенство в гражданском праве стало как бы единственной теоретической основой неравенства внутри свободных.

Положение о сословном неравенстве тех лиц, имущество которых расценивалось меньше, чем 50 ауреос, действовало во все времена существования Византии (Прохирон. 27, 22; Василики. 60, 34, 10; Арменопул. I, 6, 33: бедняк – тот, кто не имеет имущества в 50 номисм – «πένης δέ ἔστιν ὁ μὴ ἔχων πεντήκοντα νομισμάτων περὶ οὗς ἴσιν»). Судебная практика ограничивала таких лиц в праве свидетельствовать (Пира. 30, 11). В новеллах Македонских императоров тоже говорится о бедняке, имеющем имущество дешевле, чем 50 номисм (правда,

¹ ВВ. 1972. Т. 33.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 312.

с точки зрения некоторой привилегии для тех, кто «ὥς μηδὲ ν' νομισμάτων εὐπορεῖν»³.

Однако всегда ли можно считать «πένης» только как противоположное «πλοῦσιος»? В XIV в. действительно Алексей Макремволит в своем трактате о споре бедных с богатыми только противопоставлял «πένης» – «πλοῦσιος» без учета, трудящийся он или нет⁴. Как будто в Византии никакого противопоставления «трудящегося» и «нетрудящегося» и не было. Однако в древнегреческой литературе, которую знали византийцы, существовало и другое понимание слова «πένης», в основу которого ставилось признание труда. Это касалось противопоставления терминов «πένης» и «πτωχός». У Геродиана (II–III вв. н. э.)⁵ мы читаем: «Бедняк – тот, кто вследствие бедности добывает нужное для пропитания»; быть бедняком значит работать, как у Гомера: «они трудились и работали» (Илиада. V, 84. – М. С.). Нищий же – тот, кто вследствие недостатка просит подаяние, как у Гомера:

Это, однако, ему не по нраву, одно тунеядство
Любо ему; за работу не примется: лучше, таскаясь
По миру, хлебом чужим набивать ненасытный желудок.

Одиссея, XVII, 226–228.

В данном понимании не всякий бедняк подходил под термин «πένης», но лишь тот, кто добывал себе пропитание трудом. Таким образом, термин «πένης» приобретал значение «трудящийся», тогда как «πτωχός» означал попрошайку, отлынивающего от труда.

Характерно, что у Аристофана, который отражал идеологию трудовой части афинского демоса, имеется то же противопоставление: «Нищего жизнь, о котором ты говоришь, – означает жить, ничего не имея... а бедняка – жить скромно и добывать себе средства трудом»⁶.

Мы не станем обращаться к христианским определениям бедности в совмещении с трудом. В святоотеческой литературе под термином «πένης» часто понимался бедняк, которому другие помогают своим трудом (PG. 8, 621). Понятие «бедняк» отличается от понятия «трудящийся»; неимущий, даже не трудясь, получает милостыню и имеет право на богатство зажиточных⁷.

³ Zachariae a Lingenthal C. E. Ius Graeco-Romanum. Lipsiae, 1867. Pars 3. P. 254.

⁴ Ševčenko I. Alexios Makrembolites and his «Dialogue between the Rich and the Poor» // ЗРБИ. 1960. Т. 6. С. 205, 16–17.

⁵ Herodianus. De impropria dictione // Anecdota Graeca. Vol. 3 / Ed. V. Boissonadius (Paris). P. 264; Lexicon Vindobonense / Ed. Nauck. Petropoli, 1867. P. 316–317.

⁶ Πλοῦτος. 552–553; см. также диалог с сикофантом: «Ты земледелец? – Нет. – Ты учился ли какому ремеслу? – Конечно, нет. – Как же и на что же живешь, если ничего не делаешь?» (Πλοῦτος. 903–905).

⁷ П. Лемерль подвергает сомнению датировку новеллы (Lemerle P. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance // RH. 1958. Т. 219–220. P. 266. Однако то обстоятельство, что в этой новелле

Мы остановимся на значении термина «πένης» в новеллах Македонских императоров. Можно ли под понятием «бедные» (πένητες, πτωχοί, ἄλλοροι) разуметь лиц, имущество которых расценивалось «меньше 50 номисм» (см. выше)?

В новелле 114 Льва VI πένης и πτωχεῖα употребляются рядом в смысле вообще «сельские жители», причем «бедный продавец» страдает от своих соседей при попытке продать свое имущество. В новелле 922 г. слово «πένης» не встречается – говорится вообще о сельских собственниках земли. Слова «πένης», «πτωχός», «ἄλλορος» стали появляться в новеллах после великого голода в 928 г. В предисловии к новелле 934 г. говорится о насилиях над бедной, о столах неимущих.

В. Г. Васильевский при переводе πένης, ἄλλορος сначала употреблял исключительно слово «бедный». Но такой перевод этих слов привел к неловкому обороту: «если же бедный – состоятелен» (значит, бедный не беден!). Это, очевидно, заставило его пересмотреть в дальнейшем перевод: πένης и ἄλλορος не всегда должны обозначать неимущего бедняка. В понятие «πένης» должны включаться и зажиточные крестьяне...

В дальнейшем В. Г. Васильевский уже употребляет слово «убогий»⁸, заимствованное им из древнерусского перевода церковных источников. Предложенный им термин «убогие» сохранился в советской литературе⁹.

Вряд ли слово «убогий» можно считать удачным для обозначения византийского крестьянства: в этом слове чувствуется оттенок нищенства, покорности, забитости; оно не связано с понятием трудовой деятельности византийской общины. К тому же крестьяне X в. еще не были окончательно закабалены – в фемный период крестьянство составляло организованное народное ополчение. Притом, если по закону (Василики) «πένης» было понятием сословным, то фактически это понятие было относительным. Так, в X в. бедными, «ἄλλορος», считались не только крестьяне; обедневший стратиот, не имевший полного имущества в 4 литры, тоже считался ἄλλορος. Обнищавший стратиот мог считаться и ἄλλορος. Можно думать, что в новеллах Македонской династии под понятием «бедняки», πένητες, вовсе не разумелось определенно низкое имущественное состояние (ниже 50 номисм); новеллы имели дело с тем трудовым элементом, который жил в свободной крестьянской общине. (Разумеется, в понятие бедноты не включались рабы – раб не мог быть ни богатым, ни бедным, – это понятие

совсем нет тех ламентаций, которые создают картину нужды среди бедноты, говорит скорее о том, что новелла не могла быть издана после голода 928 г.; спокойный тон новеллы свидетельствует о том, что она написана в начале 20-х гг. X в.

⁸ Васильевский В. Г. Материалы для внутренней истории Византийского государства: Меры в защиту крестьянского землевладения // Труды. Л., 1930. Т. 4. С. 277–280.

⁹ См.: Каждан А. П. Деревня и город Византии IX–X вв. М., 1960.

относилось лишь к хозяевам рабов.) Следует обратить внимание на то, что в новеллах «бедные» противопоставляются не «богатым» (как у Макремволита), а «динатам», т. е. лицам, имевшим политическое влияние. Уже само это противопоставление показывает, что в термине «*πένητες*» вовсе не следует искать чисто имущественное противоречие¹⁰. *Πένητες* в новеллах противопоставлялись стратиотам, поскольку те занимали особое положение в фемном строе. Однако и *πένητες* и стратиоты противопоставлялись динатам как трудящиеся, имевшие свое личное хозяйство, и как жертвы экономической экспансии со стороны динатов. Простые крестьяне и стратиоты имели между собой преемственную связь. При системе принудительного включения более состоятельных крестьян в каталоги стратиотов¹¹ крестьянин *πένης*, имевший состояние ценою в 4 литры, мог быть записан в разряд стратиотов. Вертикальное социальное восхождение при господстве свободной крестьянской общины было вполне возможно. Наиболее богатые стратиоты, имевшие имущество в 12 литр, становились катафрактами, но можно было переходить, покупая должности, и в разряд динатов. X в. в условиях обнищания деревни стал кульминационным периодом социального размежевания в общине. В XI в. не термин «*πένης*», а термин «*πάροιχος*» становится основным термином в актах. Структура Византии – и аграрная и военная – испытала крутой надлом¹².

Необходимо отметить, что термин «*πτωχός*», который часто имеет особый смысл нетрудового характера, в новеллах X в. не отличается от термина «*πένης*». Что касается деревни, то, если там не было особого монастырского центра, все население, даже самое бедное, так или иначе было трудящимся. Поэтому в новеллах нет указаний на нетрудовое нищенство, и термин «*πτωχός*» означает также бедняка – собственника земельного участка.

Г. Острогорский¹³ замечал, что термины «*πένης*», «*πτωχός*» почти не встречаются в актах: в условиях зависимой деревни, при постоянных военных действиях во время гражданских войн и нашествий в деревне вопрос имущественного состояния не мог иметь особое значение – там произошло нивелирование трудового населения на низком уровне. В городах же в результате итальянского

¹⁰ П. Лемерль (**Lemerle P.** Op. cit. P. 272) считает, что термин следует переводить не *pauvres*, а *faibles* – «слабые».

¹¹ Яркая картина принудительного включения в каталог стратиотов – письмо 50 в сб.: **Darrouzès J.** Epistoliers byzantins du X-e siècle. P., 1960.

¹² Уже в середине X в. в хронике Продолжателя Феофана время правления Василия I (вторая половина IX в.) представлялось как сельскохозяйственная идиллия, когда каждый крестьянин мог спокойно работать на своем винограднике, выращивать оливковые деревья и смоковницы и когда никто не осмеливался чинить над ним насилия (**Theophanes continuatus** / Rec. I. Bekker. Bonn, 1838. P. 258). Автор сознавал, какой перелом произошел в Византии за сто лет!

¹³ **Ostrogorskiy G.** Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956. P. 17.

засилья, развала корпоративности, обеднения государства тоже произошло нивелирование населения на крайне низком уровне, но отсутствие возможностей приложения труда привело к массовой трудовой пассивности низов города, так что в трактате Макремволита «богатые» могли бросить укор «бедным» в том, что они не работают¹⁴. В городах понятие «πένης» понималось уже как «πτωχός» – нуждающийся в милостыне и требующий подаяний. При наличии довольно широкого товарного обращения в XIV–XV вв. возможности вертикального социального восхождения все-таки имелись для горожан, но при этом нужно было обладать состоянием; вот почему в последние годы существования Византии особенно остро стоял вопрос об имущественном положении.

Мы видим, насколько относительным было понятие «бедный» в византийских источниках. Но для X в., века надлома социальной структуры Византии, термин «πένης» следовало бы переводить не «убогий», а другим древнерусским словом – «трудящийся»¹⁵, что вполне отвечает противопоставлению «бедного» динатам.

---

¹⁴ См. примеч. 3 настоящей статьи.

¹⁵ Древнерусская Пчела по пергаментному списку // Изд. В. Семенов. СПб., 1893. С. 270: «троужающиеся».

СОЦИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ ЗИЛОТОВ В ФЕССАЛОНИКЕ В 1342–1349 гг.¹

Народные движения прошлого все больше привлекают внимание историков, как советских, так и зарубежных. Основным недостатком буржуазных концепций народных движений является сведение их к стремлению уничтожить имущественное и социальное неравенство, что представляется исторически необоснованным в условиях докапиталистических формаций. Многие советские историки народные движения рассматривают и, главное, расценивают с точки зрения борьбы антагонистических классов, абстрагированной от текущих политических задач момента, от острых противоречий среди эксплуататоров и внутри народных масс.

Развитие классового общества проходило путем замены одних эксплуататоров другими – носителями новых, более прогрессивных политических целей и передовых идей. В конечном счете, всякое прогрессивное движение было в интересах народных масс. Народные массы представляли собой физическую мощь движения, были основной движущей силой. Но направляющей силой были носители прогрессивных форм эксплуатации, передовых политических и социальных идей.

Рассмотрим, как это проявилось в движении зилотов в середине XIV в., в последний период истории Византии. В средние века всякая страна проходила через определенные этапы развития феодализма: предфеодалное общество (преобладание свободной крестьянской общины), сильная монархия для утверждения феодальных институтов, феодальная раздробленность, централизованная национальная монархия (сословная, а затем абсолютистская). Задержка страны в переходе на следующий этап порождала отсталость и загнивание общества. Выступление зилотов происходило в условиях, когда Византия задержалась на этапе феодальной раздробленности, тогда как на Западе уже создавались централизованные государства. Ликвидация латинских феодальных государств в Греции, ослабление феодальной знати, имевшей огромную власть в силу иммунитетов, создание национального греческого централизованного государства – вот главные задачи, без разрешения которых были невозможны не только экономический и политический подъем, но и само существование Византии. Перед Византией на первом плане стояла проблема политическая, которая, однако, без содействия народных масс не мог-

---

¹ Учен. зап. Сврдл. пед. ин-та. 1966. № 143.

ла быть разрешена. В Византии еще не было предпосылок для перехода к новым производственным отношениям. «Генеральный штурм феодализма»² для Византии того времени был бы утопией. Но именно с позиции борьбы двух антагонистических классов, феодалов и народа, и подходят некоторые историки к анализу событий 1342–1349 гг. в Византии. В развернувшейся гражданской войне круги крупных феодалов – иммунистов с Кантакузином во главе повели борьбу против центрального правительства, возглавляемого прослойкой дельцов, связанных с откупам, морской торговлей (Алексеем Апокавком). Началось преследование феодальной знати, сторонников Кантакузина³. Движимые ненавистью к феодальному гнету, народные массы стали громить поместья и дома крупных земледельцев и вельмож. Город Фессалоника как экономически передовой центр Византии стал на сторону центрального правительства, причем главной силой, противостоящей феодальной клике, были моряки (т. е. навклиры, хозяева и капитаны кораблей, лоцманы и др.). Вокруг корпорации моряков образовалась особая партия зилотов, как стали называть эту партию. В состав зилотов включались не широкие массы (источники противопоставляют понятия «народ» и «зилоты»), а представители более состоятельного городского населения – организованные по корпорациям ремесленники, торговцы, мелкие предприниматели⁴.

Партия носила демократический характер, более богатые горожане сторонились ее, как об этом рассказывает в своей «Истории» Кантакузин. Возглавляла партию зилотов семья Палеологов, выходец из которой Андрей Палеолог был председателем корпорации моряков, т. е. был из среды той знати, которая занималась морской торговлей. Первоначально зилоты проявляли себя только в поддержке правительства, в мероприятиях по обороне города. Поскольку горожане в период военной опасности образовали военную милицию⁵, защищавшую стены города, естественно, что глава зилотов получил реальную силу.

² Горянов Б. Т. Поздневизантийский феодализм. М., 1962. С. 339.

³ Кантакузин так объяснял политику Апокавка: «Сознавая, что его (Апокавка. – М. С.) власть благородным ненавистна и что они могут подготовить против него заговор, он решил всех их уничтожить, считая, что если останутся только люди низкого происхождения, то они легче будут повиноваться ему и потому в первую очередь решил уничтожить близких Кантакузину лиц, которых он боялся как очень богатых и влиятельных. Затем он (Апокавк) приступил по очереди к другим – никого не щадил, при этом соблюдал форму, будто это происходит по воле императрицы или по решению синклита или особенно по воле патриарха...»; «ты (т. е. Апокавк) покрываешь кровью города, строишь тюрьмы, наполняешь их» (см.: *Cantacuzeni. Historiarum libri IV. Bonnae*, 1828. Т. 2. Р. 279; Т. 3. Р. 219).

⁴ Были ли в Фессалонике XIV в. корпорации? Есть мнение, что в это время все корпорации уже распались. Однако Константин Арменопул, бывший во время движения зилотов судьей в Фессалонике, составил руководство для судебной практики «Шестикнижие». В главе о ремесленных и торговых организациях он совершенно опустил имевшиеся в Книге епарха уставы многих корпораций, сохранив, однако, уставы хлебопек, ювелиров, строителей, барышников по продаже лошадей. Можно полагать, что Арменопул отобрал то, что было реально для Фессалоники его времени.

⁵ *Thomas Magister. Migne. PG. T. 145. P. 509.*

В Фессалонике, в большом приморском городе, были сильно развиты деклассированные элементы, представлявшие собой низший, бесправный слой населения, находящийся вне феодальных связей, вне ремесленных и торговых корпораций. Именно эти элементы в Фессалонике во время гражданской войны были физической силой движения. Именно на них стремились опереться те прослойки общества, которые стремились овладеть властью, особенно зилоты, которые, в конечном счете, представляли собой бюргерскую оппозицию. Как правило, плебейские массы Фессалоники плелись в хвосте у зилотов. Бывали моменты острого напряжения, когда плебейские массы настолько увлекались перипетиями гражданской войны, что на короткое время выходили из-под власти зилотов и вносили свой самостоятельный вклад в движение, которым, однако, не могли воспользоваться сами⁶.

Когда осенью 1342 г. официальный правитель Фессалоники, крупный вельможа Синадин, недовольный правительственной политикой, поднял мятеж и перешел на сторону Кантакузина, зилоты при содействии народных масс подавили мятеж и взяли в свои руки управление городом, захватили весь управленческий аппарат. Новый официальный правитель, брат главы правительства, Иоанн Апокавк полностью зависел от них. Народные массы поддерживали зилотов, в течение почти трех лет власть их в Фессалонике была бесспорной и в то же время полностью лояльной по отношению к центральному правительству. Тяготясь их властью, правитель города Апокавк летом 1345 г. произвел переворот, убив вождя зилотов и сосредоточив в своих руках все управление городом. Народные массы не поддерживали зилотов. Можно полагать, что их правление не было бескорыстным. Многие зилоты, занимая управленческие должности, разбогатели. Никаких социальных реформ проводить они и не думали. Иоанн Апокавк, «боясь брата» (как передает Кантакузин), продолжал политику зилотов, даже обложил фессалоникскую знать большим денежным побором за «кантакузианство»⁷. Но как только было получено известие об убийстве Алексея Апокавка, его брат решил, что борьба окончена и объявил о своем переходе на сторону Кантакузина. Первоначально вождь зилотов Андрей Палеолог не возражал против этого, но когда стало известно, что народ в Константинополе растерзал убийц Апокавка, удерживать негодование народных масс Фессалоники стало невозможным. Иоанн Апо-

⁶ Историки движения зилотов обратили недостаточно внимания на эти плебейские массы, стоявшие вне феодальной сословной системы. Они были многочисленны. Источники упоминают о наличии «неизвестных казне лиц». Необходимо также отметить, что, в противоположность некоторым западным движениям, плебейская часть таких городов, как Константинополь, Фессалоника, не была увлечена бурей крестьянского выступления. Что же касается крестьянского элемента в движении 1342–1349 гг., то, разумеется, в Фессалонике было множество крестьян, спасавшихся в городе от неистовства турок, союзников Кантакузина. Эти крестьяне, на долгие годы оторвавшиеся от деревни, естественно сливались с городскими плебейскими массами.

⁷ *Cantacuzeni. Historiarum libri. IV. Bonnae, 1828. T. 2. P. 572.*

кавк и его окружение были перебиты, а часть знати, которая перешла на сторону Кантакузина, подверглась беспощадному погрому, имущество беглецов было конфисковано. Зилоты старались сдерживать массы, однако погром длился три дня. Потом власть снова перешла в руки зилотов, которые разделяли ее с митрополитом Иакинфом, рьяным зилотом, и Метохитом, представителем официального правительства. Связи с центральным правительством не прекратились; митрополит Иакинф свирепо преследовал церковных друзей Кантакузина – паламитов, проводя политику патриарха⁸. Но положение правительства после убийства Апокавка и турецкой интервенции пошатнулось. В феврале 1347 г. Кантакузин занял Константинополь и стал императором. Статус Фессалоники изменился: Фессалоника не признавала ни нового императора, ни нового патриарха. Но движение, ставшее локальным, начало деградировать. Вождь зилотов задумал сдать город сербскому королю Стефану. Используя патриотические чувства греков, Метохит организовал движение народных масс против зилотов. Был разграблен район моряков. Часть вождей зилотов бежала. Некоторое время власти Фессалоники, группировавшиеся вокруг Метохита, еще не признавали Кантакузина, но когда положение стало безнадежным, Метохит в 1349 г. сдал город Кантакузину, чтобы не попасть в руки сербов.

Попытка смирить феодальную знать и установить абсолютизм в Византии провалилась.

Чем объяснить такое неустойчивое отношение народных масс к делу зилотов, которые стремились ограничить роль феодальных магнатов, превратившихся в почти независимых государей? Какова была идеология угнетенных масс во время этой борьбы? Недавно колумбийским профессором И. Шевченко был опубликован небольшой памфлет византийского землемера Макремволита «Диалог между богатым и бедным»⁹, написанный во время гражданской войны 1342–1349 гг. Взгляды Макремволита были радикальными. Он писал, что если воздух и вода даны богом людям в общее пользование, то и земля и все, что в ней добывается, должно быть общим достоянием. Тирания же и ненасытная алчность присвоили эти блага себе. Это – идеология плебейских масс. По диалогу, «богатый» представляет собою вовсе не крупного феодала. Он отмежевывается от высшей знати. Это – предприниматель, который, затрачивая мало труда, получает большие

---

⁸ Патриарший престол в это время занимал Иоанн XIV Калека. Он вышел из среды белого духовенства, а не монашества, как почти все остальные патриархи поздней Византии. В условиях, когда монашество было наиболее феодализованной частью византийского общества, чувствовавшей себя независимой как от патриарха, так и от императора, Иоанн Калека начал проводить централизованную политику, солидаризуясь с Апокавком. Иоанн Калека фактически выступал против монастырского влияния и децентрализации в церкви. Митрополита Иакинфа обвиняли в том, что он подверг гонению монахов (см.: Migne. PG. T. 151. Col. 611–612).

⁹ Ševčenko I. Alexios Makrembolites and his «Dialogue between the Rich and the Poor» // ЗРВИ. 1960. Т. 6. С. 187–228.

выгоды. Под «бедными» понимаются не только неимущие, но все, кто трудится: «те, кто обрабатывает землю, строят дома и корабли, работающие ручным трудом...» «Бедные» – это те прослойки ремесленных низов, наемных работников и строительных рабочих, которые эксплуатировались предпринимателями. Городское население переживало сложный процесс, когда предпринимательские круги в жажде обогащения делались ненавистными трудящимся и когда борьба против феодальной раздробленности в значительной степени осложнялась противоречиями между более передовой прослойкой эксплуататоров и массой трудящихся. В такие моменты борющаяся против феодалов-иммунистов прослойка была очень слаба, и только поддержка со стороны власти обеспечивала такой прослойке возможность победы. Ф. Энгельс о ситуации подобного рода писал: «Будучи сами по себе еще слишком слабыми, чтобы осуществить свое желание на деле, элементы эти находили сильную поддержку со стороны главы всего феодального порядка – в королевской власти». Антифеодальные элементы были в Византии слишком слабы экономически, не могли возглавить народное движение, обращали недостаточно внимания на идеологическую сторону борьбы (против паламитов). В результате, когда императорская власть не вошла в число союзников движения, а очутилась в стане врагов, движение оказалось безнадежным, особенно в условиях интервенции турок и сербов, которые содействовали краху последней попытки Византии сохранить свое существование.

В самых тяжелых для Византии условиях, когда на нее наседали турки, итальянцы и сербы, только разлив революционный энтузиазм со стороны народных масс, можно было рассчитывать на победу. А этого можно было достигнуть путем проведения широких реформ социально-экономического характера. Ни о каких реформах в интересах масс ни центральное правительство, ни зилоты не думали.

Централизаторские попытки патриарха Иоанна Калеки и его борьба против мистики «исихастов» не удалась в результате победы Кантакузина. Слишком феодализованная церковь, и в особенности монашество, была препятствием к победе более прогрессивных кругов византийского общества. Победил мистицизм в самой последовательной его форме – «соединение с божеством» путем отвлечения от всего мирского. Проникая в массы, он размагничивал волю к сопротивлению. Торгово-ремесленные круги, потерпев поражение, больше уже не смогли организовать крупных выступлений, и Византия оказалась в руках завоевателей – фанатичных мусульман – турок.

ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В ВИЗАНТИИ¹

Все трудовые конфликты, в сущности, связаны с вопросом о характере применения в обществе индивидуального труда, который, будучи проявлением общественно-направленной деятельности индивида, образует собой в целом основу существования любого общества.

В сложных условиях широкого разделения труда, когда наличие непроизводительных профессий является закономерной необходимостью, одной из глубочайших проблем общественного устройства становится вопрос о соответствии занимаемого производственного места производителями материальных и духовных благ с их положением в системе общественного распределения продуктов и результатов деятельности людей. Устройство антагонистического общества поκειται на отсутствии такого соответствия в ущерб производителям материальных благ. Разрыв между степенью участия их в производстве и в потреблении является конечным источником многочисленных конфликтов. Те из причин несоответствия, которые порождены сущностью классового государства, могут быть разрешены только в политической и социальной борьбе. Те же столкновения, которые возникают в системе разделения труда на почве заключаемых соглашений и взаимных обязательств и условий, порождают так называемые трудовые конфликты. Темой нашего исследования являются нарушения соглашений между работодателями, *ἐργοδότες*, обязавшимися оплачивать труд и создавать условия для труда, и работниками, *ἐργολάβοι*, обязавшимися выполнять определенное трудовое задание в назначенный срок и требуемого качества.

При анализе трудовых конфликтов следует иметь в виду сущность и специфику тех общественных институтов, которые являются элементами структуры данного общества в системе установившегося на данный период разделения труда. Из этих общественных институтов одни могут быть господствующими, основными, определяющими структуру или же второстепенными, хотя и закономерно-необходимыми, но дополняющими, действующими спорадически, либо еще недоразвитыми, либо учреждениями пережиточного характера. Такого рода второстепенным, недоразвитым, действующим спорадически, но необходимым для того времени общественным институтом был наемный труд в рабовладель-

---

¹ Византийские очерки. М., 1971.

ческом и феодальном обществах, и в особенности в переходном периоде, когда одни институты делаются пережиточными, другие еще недостаточно адаптировались, приспособились к потребностям среды.

В нашем исследовании мы имеем в виду общество, юридические идеи которого развивались в недрах римского права времен великих юристов II–III вв., периода кодификации и византийского законодательства, преемственность которого от римского права постклассического периода неоспорима. В основном этот период совпадает с переходным периодом – от начала кризиса рабовладельческого общества до полного установления феодальных институтов. Поэтому в нашем исследовании о трудовых конфликтах время Ульпиана, Юстиниана и Льва VI мы рассматриваем как единый период.

Сущностью института «наемный труд» является такая деятельность индивида, которая направляется путем соглашения между лицом, ищущим средства к существованию, и работодателем, лицом физическим и юридическим, обладающим возможностями и потребностями приложения трудовой деятельности. Такой труд существовал на этих этапах классового общества. Эта сущность наемного труда как общественного института оставалась неизменной во все периоды истории человечества. Но как всякий институт наемный труд в процессе своего развития применялся в формах, специфически характерных для данной формации. В результате приспособления к экономическим потребностям докапиталистического общества в институте наемного труда образовались такие формы, которые вполне соответствовали основным экономическим производственным отношениям переходного и феодального общества. А вместе с тем в наемном труде той эпохи содержались спорадические, одиночные (в условиях господства простого воспроизводства) моменты расширенного воспроизводства.

Таковыми формами наемного труда, специально развившимися в результате приспособления этого института к условиям докапиталистического общества, явились поденщина и подряд, которые достигли высшего развития в докапиталистических формациях и только как пережиточные формы еще появляются в капиталистическом обществе.

Именно при применении этих форм наемного труда и возникали в Византии трудовые конфликты, как в сфере услуг, так и в отношениях хозяйствующего лица к непосредственному производителю.

Хотя трудовые конфликты были областью частного права, но никогда они не были частным делом. Трудовые конфликты затрагивали классовое государство во всей полноте его органической структуры, затрагивали тот установившийся порядок, который определял существовавшее «равновесие» в распределении общественных благ, нарушал сложившийся *modus vivendi* производственных и непроизводственных профессий в классовом обществе. Естественно поэтому, что господствующий класс, закрепивший через государственное законодательство в своих интересах *standard of life*, тем же самым способом, через опре-

деленное законодательство, осуществляет регулирование отношений работодателей и работников. Таким образом, в римском праве появились разделы *locatio – conductio operis, locatio operarum*, закрепленные в Юстиниановом законодательстве и перешедшие в последующее византийское право.

В нашем исследовании мы касаемся только таких конфликтов, которые возникали при наличии предварительного соглашения по принципу *do ut facias, facio ut des*. Такое соглашение – сущность наемного труда как общественного института. Те трудовые конфликты, которые происходили при выполнении государственных или феодальных повинностей или же являлись результатом внеэкономического принуждения или массового движения против существующего социального строя в целом, не входят в данное исследование.

В соглашении *locatio – conductio* определенное лицо, не имевшее в силу сложившихся социальных условий возможности приложить свою деятельность для удовлетворения потребностей², нанималось работником к работодателю. Термином *se locavit* обозначалось, что распорядительная власть направлять деятельность наемного лица передавалась хозяину, под контролем которого должен был работать наемник. Это касалось, нужно думать, в основном неквалифицированных работников, согласных на любую работу³.

В наиболее чистой форме наемный труд в докапиталистических формациях проявляется в поденщине. Налицо соглашение работодателя и работника (сроком на один день). Всякое длительное соглашение предполагает некоторое изменение социального статуса работника – оно делается на время найма *homo alieni iuris*, тогда как поденщик, нанимаясь последовательно на один день, не перестает быть *homo sui iuris*. Именно в поденщине *locatio – conductio* приближается к *emptio – venditio*, к купле – продаже рабочей силы. Именно поэтому нанимающийся работник считается локатором. Труд становился товаром – в форме ли услуг или в производстве.

Необходимо отметить, что в римском праве сохранилось двоякое выражение понятия найма: «себя отдал» и «свою работу отдал» в наем. Так, об одном и том же казусе (отдача в наем в цирк в качестве бойца со зверями) сказано у

² Встречается в текстах термин «ищущий наемной работы» («ἐπὶ διακονίαν διήκων» – PG. T. 86. Col. 612; T. 34. XIII (Lausiaci historia); в города прибывали лица, желавшие найти средства к существованию (Nov. Just. 80. 4; Bas. 6. 6). В Новом Завете рисуется картина, как на торговой площади (ἀγορά) празднично стояли люди, ожидавшие найма (Мф. 20: 3–7). Это – безработные, желавшие *operas suas locare*. В агиографии их называют φιλόπονοι (PG. T. 87. Col. 3044), χειροτέχνοι (PG. T. 87. Col. 2332). Встречается упоминание и о женщинах-поденщицах (μισθοαρνίσσαι).

³ В папирусах противопоставляются τεχνίτης, знающий определенное ремесло, и ἐργάτης, обладающий не τέχνη, а только своим трудом! (Thierfelder H. Zur Lage der Weber im ptolemäisch-römischen Aegypten // ZfG. 1957. № 1. S. 122). Opera (Singul.!) употребляется обычно в значении квалифицированного труда: *locat enim artifex operam suam, id est faciendi necessitas* (Dig. XIX. 2. 32, 2).

Каллистрата (Dig. XXII, 5, 3, 5) *se locavit*, а у Ульпиана (Dig. III, 1, 1, 6) – *operas suas locaverit*. Возникает вопрос: является ли наем временным закабалением за плату или же продажей своего труда⁴. Использование двух тождественных выражений для одного казуса говорит о том, что *se locavit* есть только абстрактирование конкретного выражения *operas suas locavit*. Юридически же *se locavit* не могло означать, что свободный человек продает свою свободу, так как «свобода вообще не продается» (*libertas inaestimabilis res est* – Dig. L. 17, 106). Поэтому заработная плата наемному лицу юридически не могла считаться ценой его личной свободы: понятие *merx* не относилось к свободному человеку (Dig. L. 17, 106).

В римском праве при наказании за членовредительство стоимость тела свободного человека не расценивалась, как в варварских правдах, но надлежало уплатить потерпевшему убыток за потерю рабочей силы, за ἀλώλειαν τῆς ἐργασίας (Dig. IX. 1. 3; Bas. 20, 2, 3; Nomos Nautikos. III, 46; Procheiron. 39, 65). Подобным же образом расценивается рабочая сила по Земледельческому закону (ст. 22): если кто-нибудь украдет во время пахоты лопату или мотыгу, то за каждый день (вынужденного бездействия пострадавшего) следует выплатить вознаграждение в 12 фоллов. Совершенно четко в «Максимальном тарифе» Диоклетиана (C. VII. De mercedibus) приводятся нормы оплаты различного вида труда за определенное время работы⁵. Несомненно, что по римскому и византийскому праву рабочая сила являлась объектом соглашений. То, что в капиталистическом мире стало основой, в древности и раннем средневековье существовало в зародышевой форме, но сущность наемного труда как передача в распоряжение нанимателя рабочей силы за плату всегда оставалась неизменной.

Первоначально в более ранних положениях права употребляется выражение: нанялся «вместо раба»⁶. Это понятно: раб дорог, и для некоторых сезонных или особых работ, для которых нет специальных рабов, выгодно нанимать мистия вместо раба.

Понятие «временное рабство»⁷, на которое будто бы отдает себя наемный работник, является фигуральным выражением. Нет ничего общего между рабом и наемным работником. Раб работает полностью для господина; все, что он зараба-

⁴ Robertis F. M. de. I rapporti di lavoro nel diritto romano. Roma, 1946. P. 52 sg.; Mauer-Maly Th. Locatio – conductio. Wien; München, 1956. S. 123 f. (согласно последнему, замена выражения *se locavit* словами *operas suas locaverit* является характерной только для постклассического периода римского права, когда рабочая сила стала объектом юридически оформленных соглашений).

⁵ Blümner H. Der Maximaltarif des Diocletians. B., 1958. S. 105 ff.

⁶ «...Которых мы имеем на месте рабов-мистиев» (οἱ ἐν τόπῳ δοῦλῶν ἔχομεν – τοὺς μισθίους // Bas. 60. 17. 7, σχ. 28).

⁷ Совершенно неприемлемо предположение, будто наемный труд являлся своего рода эрзацем рабского труда, институтом, возникшим уже после рабства; нельзя считать, что первоначальной формой эксплуатации человека человеком является именно рабство. Представление сенсимонистов, что с развитием нравственности пленных стали не убивать, а превращать в рабов и что таким образом возникла эксплуатация человека человеком, наивно и примитивно. Прежде чем

тывает, является собственностью господина, а наемный работник зарабатывает для себя и по исполнении работы совершенно теряет всякую связь с работодателем. Правда, мистий выполняет те же работы, что и раб. Но в данном отношении мы имеем дело только с симуляцией функций, с процессом уподобления различных видов общественного труда, по существу противоположных, но по выполняемым функциям ставших подобными. Наемный труд в форме поденщины – органическое и неизбежное дополнение к основным видам труда в рабовладельческом и феодальном обществах. Мы не можем считать подобный наемный труд разновидностью рабского, но расцениваем его как труд, существовавший до рабства, вместе с рабством и после рабства⁸. Несмотря на простоту наемного труда в виде поденщины, вряд ли можно говорить о нем, как о самом примитивном труде. Нужно полагать, что поденщина предполагает уже сильную дифференциацию в среде аграрных слоев населения, обезземеливание, невыгодность ведения сельского хозяйства в определенных районах страны, иными словами, поденщина связана с отходом от натурального хозяйства, с условиями, когда засеивалось значительно больше, чем можно собрать силами своих рабов, в результате приходилось приступать к сезонному найму работников. Особенно широко распространилась поденщина в аграрных приатках античного и византийского города (при уборке урожая в городских и подгородных виноградниках).

Подобные формы поденщины не могли создать прочную прослойку работников по найму, но скорее формировали неустойчивую политически, иногда опасную для общественного порядка массу безработных, которых нужно было подкармливать во избежание мятежей, люмпен-пролетариат, против которого правительство иногда вынуждено было принимать решительные меры (Nov. Just. 80; Bas. 6,6).

пленного стали заставлять работать на себя, уже существовали формы зависимости различного вида (семейные, сакральные, отношения дани, всевозможные виды хозяйственной зависимости в условиях имущественного неравенства и т. д.), предшествовавшие рабству. Ряд видов зависимости по принципу *do ut facias* или *per vim* существовал издавна, и их нельзя квалифицировать как рабство. «Классический раб – лишь частный случай более широкой типологической категории эксплуатируемых, характерных для всего древнего общества». К такому выводу пришел И. М. Дьяконов на основании анализа структуры общества Древнего Востока (см.: Дьяконов И. М. Проблемы экономики: О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. // ВДИ. 1968. № 4. С. 30). Можно даже допустить, что рабство как общественный институт, а рабы как юридически оформленное, лишенное прав сословие определились только примерно в VII–VI вв. до н. э. в греческих демократических полисах. Именно демократия нуждалась в юридическом противопоставлении свободного рабу, чтобы тем самым создать для граждан возможность уделять время для участия в управлении демократическим государством – полисом.

⁸ Можно считать несомненным, что слова *servus*, δοῦλος («раб») происходят от слов *servire*, δουλεύω, означающих услугу одного человека другому в самом широком значении. Совершенно иного характера слово *sclavus*, и было бы неправомерно переносить генезис этого слова на *servus* (Taubenschlag R. Survey of the Papyri published chiefly from 1944 until 1949 // The Journal of Juristic Papyrology. 1949. Vol. 3. P. 180).

Характер наемного труда различен (производство, исполнение личных услуг, интеллигентный труд, транспорт, труд наемного солдата), но юридически все виды наемного труда оформлялись соглашением, нарушение которого вызывало трудовые конфликты. Документами мелкие поденные работы обычно не оформлялись. Наиболее древние письменно оформленные в сохранившихся папирусах трудовые соглашения касались найма работника на срок для домашних услуг: наем няни, учителя, врача⁹.

Что же касается лиц непроизводственных профессий, служащих в государственном аппарате или у частных магнатов, то такие работники обычно фигурируют под названием ὑπρέται. Их заработная плата зависела от характера поручений и достигала весьма крупных размеров. Заработок врачей обычно оплачивался не заработной платой, а почетным подношением – гонораром¹⁰.

Одним из древнейших видов наемного труда можно считать наблюдение за скотом, что тесно связано генетически с родоплеменным обществом скотоводов, перешедшим к оседлой жизни. Пастух получал определенную плату, пастух нес солидную ответственность, пастух нанимался на длительный срок...

Особое место занимает наем работников в торгово-производственных предприятиях. С одной стороны, это связывается с переходом к средневековому типу свободного корпоративного ремесла – ремесленник принимал в эргастерий ученика, помощника на длительный срок. Но рядом с этим существовала и форма найма работника на определенный срок, сравнительно небольшой, для выполнения подсобной работы – такие наемные работники – мистии упоминаются в уставах производственных корпораций Книги эпарха.

Но мы не можем считать подобного типа трудовое соглашение характерным для средневекового общества. Такой порядок, какой существовал в Константинополе в X в. в мастерских серикариев и др., может быть объяснен только особым состоянием константинопольского рынка по производству предметов роскоши, сбыт которых всецело зависел от часто меняющейся конъюнктуры внешней торговли. Мистий, нанимаемый на месяц, является переходным типом работника – либо к постоянному средневековому подмастерью, либо к неполноправному, но постоянному работнику в средневековой ремесленной мастерской, которые существовали в крупных «старших» предпринимательского типа цехах средневековья.

В папирусах соглашения производственно-предпринимательского характера встречаются редко – подобные соглашения можно считать спорадичес-

⁹ Если по папирусам обычным было постоянное пребывание наймита на дому у хозяина, то иногда, наоборот, мы видим и обратное – нанятый на длительный срок работник является приходящим, живет в своей хижине: некий мистий, наемный работник-пекарь, жил в своем домике (οἰκητικὴ οἰκία) (см.: М. – W. II. 2. № 297).

¹⁰ Kipiszewski H. Ὑπρέται // The Journal of Juristic Papyrology. 1957–1958. Vol. 11–12. P. 141–166.

кими¹¹. Мы не можем составить представление по данным папирусов о наборе наемной силы для постоянной работы в производственном предприятии. Пример Пахомия, предпринимателя конца VI – начала VII в., стремившегося разбогатеть, показателен: это порфуропώλης, нанимавший работников в свою мастерскую по производству роскошного платья, окрашенного в пурпур. Но из папирусов видно, что особенно развернуть производственное предприятие он не мог и предпочитал расширять доходы, скупая многоквартирные дома¹².

Большое значение для наемного труда в позднеантичном мире имело горное дело. Оно давало частным предпринимателям широкие возможности для обогащения. Основные горные прииски были в руках государства, которое широко использовало горное дело для направления на каторжные работы осужденных преступников. Естественно, что там применялся в большом количестве рабский труд. Но сохранившиеся уставы горных предприятий II–III вв. указывают на преобладание наемных работников – мерценнариев, нанимаемых «кондукторами», получавшими на откуп управление рудниками¹³.

Более прочный характер наемный труд приобрел в строительном и морском деле, что организационно оформлялось системой подрядов.

Подряд (*locatio – conductio operis*) на выполнение какого-либо единичного мероприятия (*unius negotii, unius rei, ἐνὸς πράγματος*)¹⁴ был наиболее важной формой института наемного труда в позднеантичном и в византийском обществе.

Система подряда основана на широком вовлечении в относительно крупного масштаба производство свободной рабочей силы, лиц, обладающих знаниями, умением, сноровкой и опытом, деятелей искусства и техники того времени, независимо от того, являлись ли эти лица свободными или рабами, но обязательно через систему найма *locatio – conductio*. Локатор (ἐργοδότης) – хозяин материальных средств, нанимает для выполнения определенного дела кондуктора (ἐργολάβος), который обязуется организовать выполнение этого поручения – при определенной плате, на определенных условиях работы, при четком фиксировании, в чем и какого качества должна быть эта работа¹⁵. В простей-

¹¹ Среди папирусов характерны: Pap. Hermoupolis. 602a. (P. Lond. 1964), P. Grenf. II. № 87 – об организации пресвитером Киром окраски шерсти, и особенно папирус 606 г. о найме предпринимателем Пахომием работника (SB. 4503). См.: **Фихман И. Ф.** Египет на рубеже двух эпох. М., 1965. С. 94 и сл.

¹² **Фихман И. Ф.** Ремесленники позднеримского Египта по данным папирусов // Античное общество. М., 1967. С. 71.

¹³ Lex Metallī Vipascensis // Fontes iuris Romani antejustiniani. Florentiae, 1941. Т. 1. P. 502 sq.

¹⁴ Павел, используя трактат Лабеоны, особенно оттеняет, что в *locatio – conductio operis* речь идет не о работе вообще, а о завершеном, полностью выполненном деле – ἀποτέλεσμα (Dig. L. 16. 5. 1).

¹⁵ Dig. XIX. 2. 48. *Conductor* у Гая понимается как подрядчик, берущийся руководить работой (Dig. XIX. 2. 25. 7).

шем виде *do ut facias* – это заказ, который может быть дан ремесленнику. Но в системе подряда обычно имеется не одно лицо, а целая компания, и тогда кондуктор – это подрядчик, нанимающий себе работников. По «Суде», подрядчик-эрголаб – всякий, кто берет за плату работу и имеет помощников (τὸν ὑπὲρ τινῶν ἔργων μισθὸν λαμβάνοντα καὶ ἔχοντα τοὺς συνεργαζομένους)¹⁶.

Система подряда, таким образом, впитывала в себя и *locatio – conductio operis*, и *locatio – conductio operarum*. Подрядчик мог быть влиятельным лицом, которое действовало через нескольких субподрядчиков, берущихся за выполнение определенного раздела работы. Подряд мог быть крупным – постройка храма, водопровода, дворца и т. д., и быть дан государством, городом, церковью, богатым частным лицом, товариществом. В подряды могли включаться тысячи работников разных квалификаций. Подрядчик мог заключать множество отдельных соглашений. Все то, что в рабовладельческом обществе невозможно было выполнить силами рабов и клиентов, а в феодальном – крепостных, осуществлялось при помощи подряда. В системе подряда налицо некоторые черты предкапиталистического предпринимательства. Эргодот – собственник крупных средств, подрядчик-организатор проводимых через наемную силу работ.

В греческих полисах, Египте и римских городах в порядке литургий поручалось организовать проведение разных мероприятий отдельным состоятельным лицам, которые путем подрядов привлекали работников различных профессий¹⁷.

Подрядная система, таким образом, представляла собой в докапиталистических формациях спорадическую концентрацию разобщенного технического опыта, мобилизацию индивидуальных работников – технитов и неквалифицированную массу поденщиков для проведения крупнейших общественно необходимых работ. Подряд являлся закономерной формой приспособления института наемного труда к производственным отношениям рабовладельческого и феодального обществ¹⁸. Подрядная система не нарушала производственные

¹⁶ Эрголабом был и капитан корабля, подбирающий команду на определенный срок. В агиографии отмечается, что святой Кирилл нанимался матросом на три года (*Sargologos E. La vie de Saint Cyrille le Philéote. Ch. 5.1. Bruxelles, 1964*). Ряд статей Морского закона говорит о наемной команде корабля (III. 6. 46). Ср.: *Ahrweiler H. Byzance et la mer. P., 1966. P. 149*.

¹⁷ *Oertel F. Die Liturgie: Studien zur ptolemäischen und kaiserlichen Verwaltung Aegyptens. Leipzig, 1917*.

¹⁸ Крупные работы могли производиться, как это было в Древнем Востоке, с принуждением всего населения в порядке повинности участвовать в проведении определенного мероприятия, например постройке храма, плотин, пирамид. Но вовлечение всего населения в странах так называемого азиатского способа производства, отвлекая население от хозяйства, губительно сказывалось на экономическом положении страны. Передавать такие работы рабам тоже означало бы срывать каждодневную работу рабов в хозяйстве. В Римской империи некоторые крупные производственные работы выполнялись иногда воинскими частями. Был специальный термин *opera militaria*. В надписи из провинции Африки зафиксировано, что для водопровода нужно было прорыть туннель длиной в 428 м, причем руководитель строительства – *perforationis operis* организовал между *classici*

отношения того общества, не приводила к расширенному воспроизводству; она применялась спорадически и не создавала новый класс или даже новую прослойку. Система подряда порождала некоторый культурный, но ни в коем случае не структурный сдвиг в обществе.

Подряды выполнялись путем привлечения массы наемных работников; иногда и через рабовладельцев, которые для извлечения дохода предоставляли подрядчику своих рабов в качестве наемных работников, заработная плата которых являлась достоянием не трудящегося раба, но его господина. В данном случае мы имеем дело с продажей рабочей силы раба. В римских условиях, где натуральное хозяйство в поместье было прочнее, чем на более развитом по уровню отношений Востоке, отдача в наем рабов первоначально не имела особого развития; об этом свидетельствует применение греческого термина для обозначения дохода господина от продажи рабочей силы раба – *йор*. Малосостоятельному рабовладельцу трудно было содержать раба, домашней работой он вряд ли мог окупить свое содержание. В таких случаях выгодно было сдавать его на работу подрядчику¹⁹. Нужно отметить, что иногда рабовладельцы организовывали специальную подготовку рабов для отдачи в наем.

Практика сдачи рабов в наем господами явилась основанием гипотезы о происхождении института наемного труда из *locatio – conductio servorum*. Согласно этой гипотезе, первоначально раба передавали как вещь, но в связи с нуждой в квалифицированном труде стали сдавать его *opera*²⁰, и только впоследствии юридически оформленный институт сдачи раба на время чужому господину приспособили для найма свободного лица. Но основа *locatio – conductio* – принцип *do ut facia* – говорит о приоритете найма свободного лица; рабовладелец только приспособил к нетипичному использованию раба контракт *locatio – conductio*.

Разумеется, раб, имеющий право свободного распоряжения пекулием, мог наряду со свободными лицами²¹ наниматься и самолично.

Если в составе рабочей силы у подрядчика могли быть и рабы, и свободные, то возникал вопрос о том, какому виду труда нужно отдавать предпочтение. Естественно, что всякий эргодот был заинтересован нанять работника с высокой производительностью труда. Возникает проблема, которая в наше время вызывает так много дискуссий – о заинтересованности раба в труде и производительности его трудо-

milites (низший род воинов) и *gaesates* (вооруженные железными ломом лица, может быть, тоже воинская часть) соревнование – *certamen operis* (Gruendel R. Norm und Wettbewerb in einer lateinischen Inschrift? (zu CIL. VIII, 2728) // Античное общество. М., 1967. С. 106–108).

¹⁹ Biezuńska-Malowitz J. Quelques formes non typiques de l'esclavage dans le monde ancien // Античное общество. М., 1967. С. 91–96.

²⁰ Dechamps J. Sur l'expression «locare operas» et le travail comme objet de contrat à Rome // Mélanges Gérardin. P., 1907. P. 157 sq.

²¹ Dig. XIX. 2. 20. 7: «si ipse se locasset – ex peculio dumtaxat».

вой деятельности²². Эта проблема не может быть разрешена прямолинейно. Часто указывается, что рабский труд неинициативен, непроизводителен, так как раб не имеет заинтересованности в труде. Необходимо, однако, учитывать всю обстановку рабского труда. Было бы тривиальным ограничиться положением, что раб не имеет никаких мотивов и стимулов к работе, раз все, что им зарабатывается, является достоянием господина. Правильно ли думать, что у раба не было заинтересованности? Если раб юридически не имел собственности, означает ли это, что он не мог стремиться улучшить свое положение? Подняться по материально-бытовой лестнице, сделать карьеру ловкому рабу у богатого господина было гораздо легче и быстрее, чем свободному бедняку, наемному работнику или ремесленнику. Раб мог продвинуться путем подхалимства, беспрестанно превознося мудрость и справедливость своего господина, его вкусы и взгляды, ловкий раб должен был в первую очередь доказать, что он приносит выгоду своему господину, он хорошо работает, он полон рвения бороться за интересы господина не в пример прочим²³. Все это позволяло рабу выделиться благодаря своему рвению и преданности. Это идеал раба в глазах господина, и такие рабы, которые производственное рвение сочетают и с неприглядными доносами на своих товарищей-рабов, могли ожидать всяких милостей: получить приличный пекулий, стать надсмотрщиком и, наконец, получить свободу по завещанию. Рабу важно было, чтобы его работу или службу оценили, выделили бы его из прочих рабов²⁴.

Никаких подобных перспектив не мог иметь наемный работник-мистий, получавший самую жалкую оплату по соглашению. Кроме того, необходимо иметь в виду и действие такого принципа, как ответственность. Дурное отношение к труду мы называем безответственным. Раб, постоянно бывший при

²² О производительности труда раба и свободного производителя возникла дискуссия на XI Международном конгрессе историков в Стокгольме. З. Лауфер стремился доказать, что труд раба напрасно считают непроизводительным по сравнению с трудом свободных. Против его теории выступил Г. Г. Дилигенский (Проблемы истории античного рабства на XI Международном конгрессе исторических наук в Стокгольме // ВДИ. 1961. № 2). Нужно отметить, что в ходе дискуссии не были учтены основные факторы и стимулы производительности труда рабов: 1) возможность улучшить в результате работы свое материально-бытовое положение; 2) возможность добиться освобождения; 3) реальная ответственность за работу. В дискуссии в основном говорилось о непроизводительности труда рабов вообще, между тем нужно учитывать различие в рвении раба в присутствии господина или надсмотрщика, при выполнении определенного поручения, при работе на пекулии или когда раба отдают в наем. Следовало бы эти факторы сравнить со стимулами к эффективному труду свободного работника-поденщика.

²³ Характерны слова Полихарма, ставшего рабом у Митридата, обращенные к надсмотрщику: «Отдели нам особый участок, чтобы ленью прочих колодников ты не приписывал нам. Свой же участок мы ежедневно будем сдавать сами». Здесь характерно то, что Полихарм, называя прочих рабов лентяями, желал выделить себя и Херея (Харитон. Повесть о любви Херея и Каллирои / Пер. И. Толстого. М.; Л., 1954. С. 76).

²⁴ Нельзя недооценивать стимулирующую роль вольноотпущенничества. Надежда получить свободу заставляла раба всеми силами добиваться высоких показателей труда.

господине, нес самую серьезную ответственность за плохо выполненную работу, за испорченную вещь и т. д. Наоборот, наемный работник, получив плату за свою работу, не чувствовал за собой ответственности, поэтому в античном и византийском обществе смотрели на него как на плохого работника, безответственно относящегося к порученному делу²⁵.

Безусловно, рабство не могло бы длительно быть господствующим видом производственных отношений, если бы не имелось никаких возможностей возбуждать старание у рабов. И литературные источники, и надписи говорят о том, что многие рабы жили в лучших условиях, чем свободные граждане²⁶.

...Наймит-мистий, хотя и не имел господина, но в материально-бытовом отношении находился в самых тяжелых условиях. Изучая документы рудников Лавриона, Лауфер отмечает, что собственные рабы хозяина рудников работали значительно лучше, чем наемные лица²⁷.

Следует, однако, задать вопрос, почему же в подрядах, при крупных работах предпочитали нанимать наемника, несмотря на то, что труд раба имел основания стать более продуктивным, чем труд наемника. Нужно полагать, что подрядчик имел свои расчеты. С развитием товарного хозяйства произошла коммерциализация рабства. Для предпринимателя не имели особой ценности угодливость, подхалимство, показная преданность раба – на сцену выступает рентабельность. Уже в демократических Афинах считали более выгодным нанять работника для определенных работ, чем купить раба²⁸. Для подрядчика было бы невозможным покупать рабов соответствующей квалификации в ходе строительства. Подрядчик мог, не покупая раба, арендовать у богатого рабовладельца группу рабов. Но именно в данном случае, при найме рабов у господина, подрядчик мог быть уверен в непроизводительности их труда. Ведь отданный в наем раб не имел больше тех стимулов, какие мог иметь, работая на господина. Заработная плата его отходила господину, никаких возможностей выделиться на работе у подрядчика не могло представиться. В руках подрядчика был только один вид стимулирования – кнут надсмотрщика, но и то подрядчик не мог обходиться с чужим рабом слишком жестоко: ведь вещь, сданную по *locatio – conductio*, нужно возвращать хозяину в полной сохранности! Если кондуктор нанесет рану нанятому рабу, то он должен

²⁵ Эта мысль четко выражена в Новом Завете (Ин. 10: 12–13).

²⁶ В. Л. Вестерман и М. И. Ростовцев в своих трудах приводят ряд случаев, когда рабы достигали очень высокого уровня жизни в материальном и даже политическом отношении. «Лучше иметь знатного господина, чем скверно жить, будучи свободным!» – говорили в античной Греции (Phileton. Frg. 227; Menander. Frg. 1093 K). В Афинах в период расцвета демократии некоторые рабы могли жить даже роскошно. См.: [Ксенофонт]. Афинская полития. I. 10–12. Либаний считает общепризнанным, что рабы живут лучше, чем некоторые лица свободного труда, например, медники (Либаний. Речь XXV. 36).

²⁷ Lauffer S. Die Bergwerkssklaven von Laurion. Wiesbaden, 1955. T. I. S. 27 f.

²⁸ Theophrasti. Characterist. 22.

отвечать по суду²⁹. Вот почему прием на работу чужих рабов, сдаваемых в наем господином, не мог быть особенно распространенным. На строительных работах мы видим в основном свободных наемных рабочих³⁰. Законы Зенона, Юстиниана и Книга эпарха в положениях, касающихся строительных рабочих, обращены к лицам свободным.

Хотя в римском праве неоднократно говорится о найме рабов-ремесленников, вряд ли этот вид найма был широко распространен. В позднеегипетских папирусах IV–VII вв. вообще рабы-ремесленники встречаются чрезвычайно редко, в ничтожном количестве³¹.

В новеллах Юстиниана такой вид найма уже не выделяется. Хотя по-прежнему можно было нанимать чужих рабов у их господина, но какую выгоду представлял собой такой наемный раб, которого нужно кормить, одевать и притом отвечать, если он умрет от перенапряжения сил или от побоев надсмотрщика, — при наличии дешевой рабочей силы свободных наемных работников, предоставленных полностью самим себе!..

Многогранность работ при выполнении сложных подрядов, как, например, постройка крупного храма, требовала работы лиц самых различных профессий, притом высококвалифицированных³². Нужны были большой опыт и знание дела, что достигалось только при постоянной работе, т. е. требовались профессионалы, каких трудно было получить в среде рабов даже самой крупной фамилии. Участие «технитов» в сложной работе по выполнению подрядов связано было уже с честью профессионала; в той части, где требовалось художественное мастерство, проявлялась заинтересованность в качественной стороне произведенной работы.

Рентабельность и дешевизна свободного труда стали предпосылками развития системы найма. Но как получилось, что труд свободного человека стал расцениваться так низко, что при наличии рабства было выгоднее в городах и на строительных работах иметь дело со свободным наемником?

Дешевизна труда свободных в системе найма должна была иметь предпосылкой возможность широкого предложения со стороны свободных горожан, выходцев из деревни.

²⁹ Dig. XIX. 2. 43; Bas. 20. 1. 43.

³⁰ В связи с арендой рабов возникал вопрос, может ли кондуктор требовать от хозяина раба вознаграждения за то, что раб получил квалификацию, τέχνη, подобно тому как арендатор, построивший дом, мог требовать вознаграждения от землевладельца либо увезти материал с собой. Ответ был отрицательным, поскольку от раба нельзя отнять полученную им квалификацию, как это можно сделать со строением на участке земли. См.: Bas. 15. 1. 27. 5, σχ: «οὐδὲ γὰρ οἷόν τε ἐστὶν ἀφαίρεισθαι τοῦ οἴκετου τὴν τέχνην ὥς ἀφαίρεισθαι τοῦ ἐδάφους τὸ οἶκημα».

³¹ **Фихман И. Ф.** Ремесленники позднеимского Египта по данным папирусов. С. 68; **Westermann W. L.** The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955. P. 46 sq.

³² К таким работникам можно отнести упомянутых в Книге эпарха (XXII. 1) лепщиков по гипсу, работников по мрамору, маляров, не говоря уже о создателях архитектурных проектов и планов работ.

До возникновения крупных эллинистических государств в Римской республике предложение свободного труда как объекта сделки было весьма ограниченным. Такими ограничивающими моментами являлись пережитки родоплеменных отношений в крестьянской общине (кровнородственные узы и, в особенности, остатки первобытной общинной собственности на землю – этот социальный атавизм в условиях античной цивилизации), что приводило к тому, что каждого искавшего для своего труда приложение на стороне рассматривали как чужака. Позднее фискальные интересы государства и *glebae adscripti* закрепляли эту оторванность деревни от наемного труда. Что касается населения античных полисов, то всякий горожанин имел гражданство и отечество в своем полисе. В чужом городе пришелец – беззащитен и бесправен, он и свободен и несвободен. В классической Греции трудным был переход в гражданство другого города. Можно считать, что только крушение полисного строя привело к распространению свободного найма рабочей силы.

Римская империя, в особенности после *Constitutio Antoniana* 212 г. н. э., создала возможность свободным трудящимся искать работу не только в своих краях, но и далеко от родных мест. В этом отношении постепенная ликвидация полисной системы, ограничение локальных прав имели большое значение для развития труда свободного населения. Местные ремесленники, техниты устремлялись далеко за пределы своей родины³³.

Наиболее благоприятным периодом для развития наемного труда свободных лиц были IV–VI вв., когда население деревень стремилось спастись от закабаления, когда население городов стремительно увеличивалось за счет пришельцев³⁴. Это периоды крупного строительства³⁵, эпоха законов Зенона, трактата Юлиана Аскалонита, новелл Юстиниана³⁶.

³³ Так, происходящие из Фракии ремесленники встречаются в Лондини, Вьенне, Сагунте и в других городах (Фол А. Трудовая деятельность фракийцев в западных провинциях Римской империи I–III вв. н. э. // Античное общество. М., 1967. С. 76).

³⁴ Либаний гордился, что его родина Антиохия принимает множество пришельцев: «Нет города, часть которого мы не приняли бы!.. Мы приняли переселенцев к себе: одних – побуждаемых стремлением к жизненным удобствам, других – торговыми интересами, третьих – желающих показать свое искусство, четвертых – желающих избавиться от бедности» (Либаний. Речь XI, 164).

³⁵ «...Город во все времена в стройках, и одни здания кроют, другие возведены до половины, третьим только что заложен фундамент... всюду голоса людей, торопящих строителей...» (Либаний. Речь XI, 227).

³⁶ Поскольку в историографии распространено представление о всеобщем закреплении ремесла, встает проблема возможности передвижения наемной рабочей силы в Позднеримской империи. По-видимому, никаких стеснений в передвижении работников по империи не существовало. Ограничения встречаются только для лиц, имеющих собственность (или держание) на недвижимость или же состоящих в специальных государственных мастерских – «фабриках». В папирусах нет данных о препятствиях, чинимых передвижению лиц, ищущих работу (Фихман И. Ф. Египет... С. 70. Примеч. 365). В хронике Иешу Стилита говорится о беспрепятственном устремлении из деревень в города. Характерный факт: когда население Сирии узнало о начавшемся крупном строительстве в Даре,

Укрепление внутренних связей в византийской крестьянской общине с VII в. заметно ослабило этот приток в города. До середины IX в. строительные работы в значительной степени сократились, а кое-где и вовсе прекратились, сосредоточились разве только в кораблестроении, поскольку в этот период морская торговля, несмотря на опасности, все-таки была почти единственным путем товарных связей. С середины IV в., когда стало наблюдаться ослабление внутриобщинных связей и началось обезземеливание и одновременно развивался внешний рынок для предметов роскоши, начинается новый этап распространения наемного труда, отображенный в Василиках и, особенно, в Книге эпарха. Однако в дальнейшей истории Византии наемный труд на страницах источников не упоминается. Расцвет пронии и парикии ослабляет спрос на наемную силу. Тем не менее строительные работы сохраняются, и в середине XIV в. фессалоникийский судья Арменопул, очевидно, имея перед своими глазами солидное строительство со всеми присущими ему конфликтами, включил в свое «Шестикнижие» положение Книги эпарха о строительных рабочих.

Масса пришлого населения образует тот резерв рабочей силы, который необходим для сезонных работ на случай расширения экономики, усиленного строительства и т. д. В города в IV–VI вв., а затем в IX–XII вв. стекалось так много пришлого населения, что приходилось иногда из-за затруднений в снабжении выселять пришлых из города³⁷. Иоанн Златоуст указывал в проповедях на ужасающую нужду таких пришлых людей, которые только летом могли получить заработок, зимой же «не имели возможности найти работу». ...Потому что, «никто их, несчастных, не принимает в услужение»³⁸.

Труд свободного бедняка в силу того, что многие предлагали свои услуги, стал цениться минимально. Черноработчий-поденщик едва зарабатывал на пропитание; даже заработная плата более квалифицированных пришельцев доведена до предельного минимума. В таких условиях все то, что можно было выполнить путем эксплуатации дешевого труда бедняка – свободного, исключалось из сферы рабского труда и передавалось в систему *locatio – conductio*. В результате такой коммерциализации рабства сфера его применения суживалась, ограничиваясь только видами рабского труда, связанными с укреплением частной власти господина, с казусами, где требовались услужливость, преданность раба или где руководствовались соображениями моды³⁹ и представительства. В городском производстве труд раба стал нерентабельным.

туда со всех сторон устремились ремесленники (Захария Ритор. VII, 2 // Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 156). Таким образом, нет оснований для теории о всеобщем прикреплении ремесленников к наследственному ремеслу, о подобии кастового строя в ранней Византии (Левченко М. В. История Византии. М.; Л., 1940. С. 13).

³⁷ Либаний. Речь XI. 174–175; CTh. XIV.18; CJ. XI. 26; Nov. Just. 80. 5; Theoph. Cont. P. 384.

³⁸ PG. T. 49. Col. 276.

³⁹ По Иоанну Златоусту, в конце IV в. в Константинополе знатной даме было стыдно ходить в сопровождении только двух рабынь (см. примеч. 38).

Распространено представление, что «даровой» рабский труд не давал возможности распространения наемному свободному труду. На самом деле дорогой рабский труд после ликвидации системы полисов суживался, вытеснялся предельно дешевым наемным трудом. Наличие резервной армии бедноты, поденщиков-мистиев, естественно, было выгодно состоятельным кругам общества. Но свободный труд, построенный по системе *locatio – conductio*, не стал организующим началом нового создающегося единства противоречий. В период, когда орудия производства были мелкими и не представляли собой ценности, не доступной для непосредственного производителя, трудно было отличить самостоятельного производителя от мистия: систему заказов у ремесленника-хозяйчика тоже можно было подвести под принцип *do ut facias*, и римские юристы ломали голову над неразрешимой проблемой, где можно применить тезис *do ut facias* и где совершается купля – продажа, *emptio – venditio*. Положения римского и византийского права относительно найма принципиально отличаются от понимания их в настоящее время. В капиталистическом обществе в крупном производстве основа эксплуатации – собственность на орудия труда, на средства производства. Наоборот, в античном мире и в раннем средневековье, в условиях примитивной производственной техники, владение несложным ремесленным инструментом (иногда переносимым лично в котомке на плечах) не делало трудящегося самостоятельным хозяином. Основную ценность составляли материал, сырье для обработки. Амортизация инструмента представляла собой незаметную величину в сравнении с ценностью материала. Только имеющий материал для работы обладал хозяйственной самостоятельностью и мог быть продавцом изготовленной вещи. Наоборот, не имевший материала мог быть только наемным работником, хотя и обладал инструментом. Поэтому римские юристы и византийские схоласти рассуждали так: я заказал за определенную плату изготовить столько-то сосудов. Если материал, из которого они изготавливаются, твой – это *emptio – venditio*, купля – продажа; если материал для изготовления дал я – это *locatio – conductio*, наем (Dig. XVIII, 1, 65; Bas. 20, 1, 2; 19, 34). Наем смешивался с ремеслом в тот период, когда наемный работник (при несложности инструмента) обычно нанимался со своим орудием труда и когда не было и не могло быть постоянной наследственной прослойки наемных рабочих, поскольку основное применение наемного труда с большим количеством работников возможно было только в системе подряда; подряды же связаны были не с постоянным производством, а со спорадическими потребностями в строительном и транспортном деле.

В условиях поздне рабовладельческого общества практика наемного труда, хотя и сузила применение труда рабов в общественно-полезной деятельности, однако нисколько не повлияла на разложение рабовладельческих имущественных отношений. Можно даже полагать, что сосуществование наемного труда рядом с рабским в период, когда постепенно начинали понимать нерентабельность рабства, даже в какой-то степени задерживало падение рабовладельчес-

кой формации, так как замена раба в тех случаях, когда его труд явно был нерентабельным, смягчала широкую критику общественного строя.

Наем, таким образом, предполагает в позднеантичном и переходном обществе теоретически «свободное» соглашение между собственником рабочей силы (и, как правило, орудий труда) и собственником объекта приложения труда по принципу *do ut facias*. Последнее выражение давало неверную характеристику социальных отношений того времени. Получалось, будто работодатель является как бы просителем. Разумеется, хозяин-работодатель нуждался в подрядчике для крупной работы, поденщик тоже был нужен хозяину и подрядчику, но в то же время для широкой массы городской бедноты действовал скорее другой принцип – *faciam ut des!* (я сделаю, чтобы ты дал!): именно работник искал работы, чтобы найти пропитание.

Римское право признавало наличие факта эксплуатации, однако считало это, так сказать, биологическим фактором: казалось естественным (*naturaliter*), что в купле – продаже каждый стремится обставить друг друга, подешевле купить и подороже продать⁴⁰. Это же распространялось и на условия найма – работник стремится подороже расценить свою работу, работодатель – подешевле⁴¹. В юридической теории затушевывалось, что силы сторон были неравными. В соглашении подчеркивались добровольность, обоюдная согласованность: «Я должен получить от тебя, Исидора, в качестве заработной платы за каждый день по 200 драм, и никто из нас не должен нарушать наше соглашение, которое мы заключили добровольно и по обоюдному согласию, в чем даем настоящую расписку»⁴². Этот свободный характер соглашения наемного работника подчеркивается и в дальнейшем в схолиях к Василикам: мистий – обязательно свободный человек. «Называется мистием свободный человек (ἐλεύθερος ἄνθρωπος), который сдает в наем свои услуги (ὑπηρεσίας αὐτοῦ)» (Bas. 60, 12, 89, σχ. 2).

Обязательным условием соглашения являлось определение заработной платы в денежной сумме: никакой юридической силы не имело соглашение, не выраженное в деньгах⁴³.

⁴⁰ Dig. XIX. 2. 22. 3; Bas. 20. 1. 22.

⁴¹ Книга эпарха. 22. 3.

⁴² Boak A. E. B. Early Byzantine Papyri // Études papyrologiques. Le Caire, 1936. Т. 3. Р. 34–38.

⁴³ Dig. XIX. 22; Bas. 20. 1. 2. Несмотря на то, что в основном договор о найме должен был быть выражен в денежной форме, в состав заработной платы часто входила и натуральная выдача пропитания. В «Максимальном тарифе» Диоклетиана прослеживаются две формы заработной платы: 1) когда работник сам заготавливает себе пищу (*ut ipse sibi impensam praepararet*); 2) наймит обеспечивается хозяйскими харчами (*pasto*). См.: С. VII. De mercedibus; Blümner H. Der Maximaltarif... S. 105 ff. В папирусах выражение оплаты труда в обеих формах (денежной и натуральной) встречается часто, см.: Р. Оху. 1893 (кораблестроители, 535 г.). См.: Сюзиомов М. Я. О наемном труде в Византии // Учен. зап. Урал. ун-та. 1958. Вып. 25. С. 163. В документах по расправе с горнорабочими обычной является выдача и пропитания (CIL. III. 948; Mayer-Maly Th. Locatio – conductio. S. 138). Форма оплаты труда зависела от квалификации работника. Строительное дело считалось сложным мероприятием, фактически приближающимся к мануфактуре по внутреннему разделению

Соглашение о подряде юридически ничем от обычного найма не отличалось. Подрядчик отвечал за работу как простой технит, нанятый на изготовление какой-либо вещи. «Некто сдал в наем мне выполнить какую-то работу. Я сдал по найму эту работу другому. Всю ответственность за выполнение работы буду нести я»⁴⁴.

Имелись случаи, когда соглашение заключалось не только с подрядчиком, но и с его товарищами о коллективной ответственности подрядчика и лиц, которые вели работы под его руководством. В таком случае мы имеем дело с особым институтом докапиталистического общества – артелью⁴⁵. О коллективной ответственности лиц, принявших подряд, записано в Дигестах: «Если подрядчик принял заказ на транспортировку колонны, а она разобьется, то ответственность должен нести и подрядчик, и те, чьим трудом он пользовался» (Dig. XIX, 2, 25, 7)⁴⁶.

Общая ответственность за плохое выполнение дела возлагается по Книге эпарха (XXII, 4) не только на подрядчика, но и на его помощников. Особенно тесно связывается ответственность навклира, капитана корабля, нанявшего матросов, с нанятой им командой. По Морскому закону, в случае аварий по вине команды или нанесенного пассажирам ущерба материальная ответственность ложится не только на навклира, но и на всю команду⁴⁷. Команда корабля выступает в тесном единстве с его капитаном – навклиром. Иногда это единство принимает преступный характер – тогда отвечает вся команда, похитившая ценности пассажиров; ущерб должен покрываться путем принудительной работы в качестве наемных работников⁴⁸.

Фрахтование корабля во всем соответствует подряду. Обязательным является письменное соглашение, причем, после погрузки на корабль собственник груза

труда. См.: Григорий Нисский. О судьбе // Творения св. отцов в русском переводе, изд. Московской Духовной академией. М., 1861. С. 166: «кораблестроитель покупает дерево за деньги, делит на части производство работ, один пилою распиливает дерево в доски, другой строит подводную часть корабля, иной прилагает старание о приготовлении поперечных связей... у кого забота о мачте, у кого о киле, одни вяют канаты из льна, кормчему забота – правило у руля, иные обделывают палубу и готовят ветрила, другие наводят крашения живописью, иные обмазывают связи и строят трюм... один уже работу окончил, другие еще за делом...»

⁴⁴ Dig. XIX. 2. 48. Pr.

⁴⁵ Примеры ср.: P. Oxy. 1275; BGU. 1663; см.: Weber F. Untersuchungen zum graeco-ägyptischen Obligationenrecht. München, 1932. S. 45 f.

⁴⁶ Этот текст Гая подвергся критическому анализу со стороны адептов монокаузалитета (признание ответственности одного лица – подрядчика – за все, что произойдет при выполнении подряда). Основываясь на положении того же Гая (Inst. III. 24. 5: «*Coinductor omnia secundum legem legis constitutionem facere debet, et, si quod in lege praetermissum fuerit, id ex bono et aequo debet praestare*»), Ф. М. Робертис (I rapport... P. 151) предлагает читать вместо *eorumque* – *eorumve*, т. е. отвечать должен либо кондуктор, либо тот, по вине которого произошел ущерб; Робертис не принял во внимание, что речь идет об артели, от имени которой подрядчик заключает соглашение.

⁴⁷ Nomos Nautikos. III. 10.

⁴⁸ Ibid. III. 8.

должен выдать вперед навклиру половину фрахта, в случае же отказа собственника груза от поездки навклир должен получить всю стоимость фрахта.

Основную ответственность нес подрядчик, заключавший соглашение. Смерть его не прекращала действия соглашения: ответственность за выполнение подряда возлагалась на наследника подрядчика (Inst. III.24. 6). Кондуктор (подрядчик) расплачивался сам с работниками и только в этом случае отвечал за качество подряда. Если же хозяин, пригласивший подрядчика, сам оплачивал выполнение каких-либо поручений, подрядчик не отвечал за качество работы (Dig. XIX, 2, 51, 1).

Periculum (ответственность за причиненный ущерб) являлась причиной конфликтов между подрядчиком и хозяином, предоставившим работу. В Дигестах и Василиках разрешение вопроса сводилось к тому, что ответственность за все аварии, связанные с неподходящим грунтом (*solis vitio*), возлагалась на хозяина, но ущерб, явившийся результатом недоброкачественной работы или неумелого руководства (*operis vitio*), возмещал подрядчик. При невыполнении соглашения подрядчик должен был отвечать за весь ущерб (*lucrum*) локатора (Dig. XIX, 2, 33). Но и локатор отвечал за все нарушения с его стороны.

Обусловливался в соглашении также и порядок оплаты произведенной работы. Так, при строительстве здания подрядчик договаривался с хозяином, что тот должен за каждый фут кладки камня давать 7 номисм. Конфликты возникали относительно сроков оплат — следует ли платить только после того, как дом готов, или же во время стройки. В Василиках узаконена сентенция Павла — платить за отдельные работы следует и до полной готовности дома. Это совершенно понятно, иначе подрядчик должен был бы обладать солидными средствами для найма каменотесов, подвозки и кладки камня и т. д. (Bas. 20, 1, 30, sc. 4; Dig. XIX, 2, 30, 3). Более сложным был вопрос о случаях, когда ущерб при строительстве возникал не по вине хозяина и не по вине подрядчика (имелись в виду стихийные бедствия: землетрясения, проливные дожди, разливы рек, ураганы, нашествия варваров и т. д.). И Дигесты, и Василики единодушны в том, что в таких экстраординарных случаях весь убыток возмещался хозяином, а не подрядчиком (*periculum est locatoris* — Dig. XIX, 2, 15, 2). Такие экстраординарные случаи в результате *vis maior*, «силы, которую нельзя преодолеть», не должны причинять ущерб подрядчику (Dig. XIX, 2, 25, 6). Возникал вопрос, можно ли отнести к *vis maior* болезнь работника, заключившего соглашение на определенный срок. Особых законов на этот счет не было. Но в соглашениях подобные случаи могли предусматриваться. По договору из Дура Европос, некий Бардаа должен был выполнять службу безотлучно. В документе оговорено, что в случае заболевания семь дней болезни идут за счет хозяина, а за каждый день сверх семи дней взыскивается штраф в одну драхму⁴⁹.

⁴⁹ Welles C. B., Fink R. O., Gilliam J. F. The Parchments and Papyri. The Excavations at Dura Europos. Final Report. New-Haven, 1959. T. 5.

Мы можем сделать вывод, что правительство позднего Рима и Византии заботливо относилось к предпринимательским кругам: в течение ряда столетий в Константинополе у власти находились слои, которые свое могущество связывали с доходами предпринимательского характера (от домов и кораблей, от рабов, которые наделялись предпринимательским пекулием).

Обратимся к терминологии Дигест и Василик: локатор – хозяин, сдававший работу; кондуктор – принимавшийся за выполнение какого-либо дела. Что же касается работника, сдававшего в наем свой труд, то он тоже назывался локатором, а не кондуктором – кондуктор всегда предприниматель (хотя бы мелкий – арендатор). Все, что говорится о привилегиях для кондуктора, относится к предпринимателю, но не к наемному работнику. Наемный работник – локатор, сдающий в наем свою рабочую силу; он – хозяин своей силы, он ее *locavit*.

Следовательно, при стихийных бедствиях подрядчик, нанявший много рабочих, не должен нести ущерб. При проливных дождях, землетрясениях и т. д. весь ущерб ложится на хозяина – локатора, в том числе и на хозяина своей силы – работника. Если перерыв в работе произошел «по божьей воле», то локатор-работник должен нести ущерб – ничего работник от подрядчика за перерыв в работе «по божьей воле» не получал! Иначе нарушался бы принцип – кондуктор не несет ущерба от экстраординарных случаев. Из Книги эпарха следует, что в случае простоев не по вине кондуктора работники ничего не получали, и даже перейти на другую работу они имели право только с особого разрешения, «чтобы, оставшись без работы, не оставались лишенными пропитания» (Книга эпарха. XXII, 2). Мы должны отличать конфликты, возникшие по инициативе работодателя против наемного лица, от конфликтов, возбужденных трудящимися против работодателей – будь то хозяин или подрядчик.

В конфликтах по инициативе работодателя на первый план с его стороны выдвигалось требование качества работы и точного выполнения соглашения. При несоответствии работы этому требованию работодатель мог возбудить иск *actio locati*. Если господин сдал в наем рабов, не сведущих в данном деле, и они причинили ущерб хозяину, то отвечает господин рабов (Dig. XIX, 2, 60, 7). Если кто-нибудь принял работу, не рассчитав своих сил, знаний и опыта, и причинил вред нанимателю, то он несет ответственность (Dig. IX, 2, 8, 1). Принят был принцип, выраженный Гаем: неопытность причисляется к вине (*imperitia culpa adnumeratur* – Dig. IX, 17, 132; Inst. IV, 3, 7). Также за вину признается и слабость: если работник *propter infirmitatem* взялся за дело и причинил убыток, хозяин вправе возбудить *actio locati*⁵⁰.

Законодательство подчеркивало, что если свободный человек, поступивший на работу законным образом, причинит ущерб нанимателю, то он отвечает

⁵⁰ Т. Майер-Мали считает приравнивание слабости к вине необоснованным выводом компиляторов Гая (Mayer-Maly Th. Locatio – conductio. S. 159).

не по *actio locati*, а по закону Аквилія (возместить ущерб по высшей стоимости поврежденной вещи в последний месяц перед совершением деликта). Мотивировка: несмотря на то, что свободный, поступавший в услужение по найму, передавался под власть нанимателя и не мог свидетельствовать ни за, ни против нанимателя, во всем прочем он был человеком свободным, следовательно, отвечал за всякий нанесенный им ущерб (Bas. 60, 3, 13, sc. 5; Dig. IX, 2, 13, 1).

Работодатель мог возбудить иск и за то, что работник не принял мер к охране вещи, которая дана ему для работы. Этот конфликт связан с теоретическим спором между римскими юристами о *custodia* – охране. Следовало решить, является ли *custodia* принятой для работы вещи основной обязанностью для любого соглашения или же она не входит в обязанность работника. По Дигестам (Dig. IV, 9, 5), моряки, трактирщики и конюхи, хотя они получают плату за другие обязанности, тем не менее отвечают и за сохранность. Правда, имелись и специальные лица, которые нанимались только для охраны. Но по общему правилу, выраженному в Институциях, кондуктор должен так же внимательно заботиться о данной вещи, как *pater familias suis rebus* (Inst. III. 24.5).

Конфликты возбуждались работодателями-хозяевами и по поводу того, что подрядчики одновременно принимали несколько работ у разных лиц, затягивая их выполнение. В таких случаях закон требовал очередности в выполнении работ. В Книге эпарха рассматривается такой вид конфликта: «Бывает, что какой-либо технит, берясь за много дел одновременно, чтобы повсюду получить работу, то одного обманывает, то другого напрасно обнадеживает... В случае, если из жадности или же недобросовестности упомянутые работники, оставив работу, которую приняли на себя, примутся за другую, работодателю надлежит представить акроатам засвидетельствованную жалобу, причем работодатель должен напомнить о письменном соглашении или устной договоренности...» (Книга эпарха. XXII, 2, 3). Такие конфликты завершались расторжением договора и наказанием работников.

Со стороны трудящихся конфликты возникали либо по вопросам заработной платы, либо из-за невозможных условий труда. Меньше всего конфликтов могло возникать при поденщине. Плата выдавалась немедленно после работы, размер ее определялся договоренностью. Если плата не зависела от качества работы, то особых конфликтов не могло быть, всякие возражения были бесполезны: «Ты договаривался со мной за динарий? Получай свое и убирайся!»⁵¹

Поденный расчет мог применяться и при найме на более длительный срок работы, например на месяц, – при условии ежедневного расчета, η μερομίσθειν. Если условие выполнялось и если в договоренности ничего не было сказано о качестве работы, то особых конфликтов тоже не могло быть. Но поденная выдача заработной платы могла производиться и при выполнении работы определенного качества и количества. Разумеется, в таком случае возможны были иски дво-

⁵¹ Мф. 20: 13–14.

якого характера: работодателя за причиненный ему ущерб плохой работой и работника за слишком низкую оценку качества работы.

И египетские папирусы, и византийские источники считают обычной выдачу заработной платы вперед при найме работника. Во избежание абсолютизации этого положения необходимо выяснить, когда и в каком случае заработная плата выдавалась вперед. Являлось ли это законом или обычаем – всякий раз платить работнику вперед за определенное время? Или же вперед выдавалась заработная плата только при найме? Данные папирусов свидетельствуют, что при длительных сроках найма заработная плата выдавалась вперед только в начале работы, являлась как бы подъемным авансом, который должно было отработать в первую очередь⁵². Эта выдача заработной платы вперед фактически не отличалась от задатка⁵³. Принимая во внимание исключительную нищету лиц, определявшихся на работу по найму, выдача заработной платы вперед была фактически условием, дававшим работнику, не имеющему средств, возможность приступить к работе на определенный срок. В условиях же высокой конъюнктуры на рынке, когда обозначался недостаток в наемной силе, эта выдача заработной платы вперед являлась средством закрепить работника на данном месте в продолжение определенного соглашением времени. По Книге эпарха, заработная плата при соглашении на месяц выдается вперед, но при других формах соглашения работник подчас остается без задатка и не имеет средств к существованию (XXII, 2).

Выдача заработной платы вперед сопровождалась различными дополнительными условиями.

Согласно известному папирусу P. Grenf. II. 87 (602 г.), небольшая группа красильщиков получала работу по окраске крупной партии льна. Работникам выдано вперед пять неполных номисм (каждая без 6 кератиев). Обусловлено, что если работники уйдут, не закончив работу, то они должны вернуть задаток, но полными номисмами. Чтобы отработать полученный аванс, работники должны были красить лен по пониженной расценке (за каждую неполную номисму 225 связок льна, т. е. меньше чем по 1 фоллу за связку). Но после отработки аванса дальнейшая работа оплачивалась по несколько повышенной расценке: еженедельно работник получает заработную плату по 2 фолла за связку льна⁵⁴.

⁵² Pap. Ros. Georg. № 18. 309 sq.: при найме кормилицы был выдан аванс, который должен был погашаться ежемесячно при получении заработной платы.

⁵³ P. Oxy. 134. 18 (550 г.): при найме каменотесов выдавался аванс (см.: **Taubenschlag R.** The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri. Warshawa, 1955. P. 376–380; **Фихман И. Ф.** Египет... С. 90. Ср. также: Princ. III. 154 (545 г.); P. Oxy. 140 (550 г.); P. Grenf. II. 87. 13 (602 г.).

⁵⁴ Имеется ряд противоречивых толкований этого папируса. По мнению И. Ф. Фихмана, для понимания этого папируса нужно предположить, что после окончания работ должен был производиться общий перерасчет (окончание соглашения не дошло), что маловероятно: ведь 225 связок выделены из общего объема работы по особой расценке. Приведенное выше мое толкование папируса единственно объясняет всю обстановку казуса (ср.: **Фихман И. Ф.** Египет... С. 93–94).

Задаток (ἀρράβων, προχρεία), в сущности, не отличается от заработной платы, выданной вперед, но отличен от нее генетически. Предоставление задатка сближало наем с куплей-продажей. Задаток укреплял обязательство обеих сторон. Покупатель, отказываясь от соглашения, терял сумму задатка, продавец же выплачивал двукратную сумму задатка.

Если выдавалась заработная плата вперед, то работник, не выполнивший соглашение, обязан был вернуть сумму (если только он не причинил своим отказом особого ущерба). Но если выданная вперед сумма оформлялась как задаток, то ее приходилось возвращать вдвойне. В Книге эпарха задаток упоминается при актах купли-продажи для обеспечения сделки (VI, 11; IX, 2; X, 5; XI, 5), а также при найме работников, которые не имеют права бросать ту работу, за которую получили задаток (XXII, 1).

В определении высоты заработной платы особых установок после неудачной реформы Диоклетиана не существовало. Из папирусов мы видим, что фактически соглашения не имеют единства в определении условий оплаты наемного труда. Однако существовал исстари утвердившийся «обычный» уровень заработной платы наемных работников. Этот низкий уровень заработной платы правительство Византии стремилось сохранить. В 542 г. в новелле 123 Юстиниан отметил, что наемные работники после чумы в Константинополе требовали повышения оплаты. Юстиниан категорически настаивал на сохранении заработной платы на том уровне, который существовал до эпидемии: «Мы узнали, что после того поучительного наказания, которое постигло нас по человеколюбию нашего Господа, люди, которые устраивают свои дела в торговле и в разных предприятиях, а также люди разных ремесел, люди, обрабатывающие землю, и матросы – эти люди, которые должны были бы стать после божьей кары более хорошими, предались пороку алчности, так что требуют цену за свои изделия и заработную плату вдвойне против старинного обычая...» Новелла предписывает сохранять старинный обычай (ἀρχαῖαν συνήθειαν φυλάττειν).

Подобное регулирование цен с целью сохранить утвердившийся старинный уровень заработной платы характерно для раннего периода Византии. В Книге эпарха уже нет ссылок на «обычный уровень», а исходят из других принципов, определяя величину справедливой оплаты труда путем экспертизы (XXII) и государственного регулирования прибыли.

В папирусах сохранился ряд договоров типа «парамонэ»⁵⁵, которые связаны с обязательством отработать задолженность. Система отработки как бы слива-

⁵⁵ О системе парамонэ существует обширная литература: **Westermann W. L.** The Paramone as a General Service Contract // The Journal of Juristic Papyrology. 1948. T. 2. P. 9–50; **Schonbauer E.** Paramone. Antichrese und Hypotek. Studien zu P. Dura, 10 // Zeitschrift der Savigny – Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. 1933. Bd. 53. S. 422–450; **Adats B.** Paramone und die verwandten Texte // Studien zum Dienstvertrag im Rechte der Papyri. B., 1964.

лась с институтом найма. В различных странах институт наемного труда в разных формах сочетался с практикой денежной или натуральной ссуды, которая отрабатывалась личным трудом. Существует попытка вообще определить генезис наемного труда как результат подобной сделки⁵⁶. Однако практика парамонэ являлась институтом *sui generis* локального египетского происхождения.

Как известно, в папирусах сохранилось большое количество контрактов, которые можно относить к парамонэ. Но положения римского права о ссуде (*commodatum*) или займе (*mutuum*) не могут привести к соглашению об отдаче долга личным трудом. Контракт парамонэ был юридически своеобразным актом, притом актом вторичным на базе предшествовавшего соглашения⁵⁷. Поскольку соглашение парамонэ часто предполагало отдачу должником заимодавцу детей в услужение, возникали специфические конфликты, которые выражались в жалобах на бегство детей с работы⁵⁸.

Простейшим видом трудовых конфликтов являлась жалоба о невыдаче заработной платы. Можно думать, что этот вид правонарушения со стороны ра-

⁵⁶ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М., 1946. С. 183.

⁵⁷ Образцом такого двойного соглашения может служить папирус SB. 7358. Отец ткачихи задолжал кредитору некоторую сумму, но умер. Можно быть уверенным, что существовал документ о задолженности отца. Дочь не могла уплатить. Она обратилась с просьбой к богатой женщине дать ей три таланта для покрытия задолженности. Эту сумму с процентами дочь получила с обязательством наемной работы в качестве ткачихи на неопределенный срок до отработки полученных трех талантов с процентами. Фактически это и было соглашение о замене (*permutatio*), в чем и состоял акт парамонэ. Таких документов, которые явно имеют в виду замену выплаты ссуды с процентами личным трудом, немного. Типичным документом о парамонэ как о займе, выплата которого заменяется наемным трудом, является ранний (I в. н. э.) документ BGU. 1153. Кредитор подтверждает, что данные им в долг деньги получены и что тем самым обязательство парамонэ прекращается. Так же четко говорится о ссуде, которая возвращается, но проценты по которой отрабатываются, в BGU. 1154. Все эти документы раннего происхождения; влияние римского права, нужно думать, дало бы более солидный базис для гарантии выплаты долга, помимо обязательства парамонэ. Подавляющее большинство актов парамонэ, особенно позднеримского времени, можно вполне характеризовать как заказ с предоставлением аванса, *locatio – conductio* (например, Р. Оху. 1893). В условиях того времени, когда к предложению наемного труда прибегали в случаях имущественной катастрофы, при впадении в полную нищету, без выдачи аванса труд был бы физически невозможен. Хотя в практике применения могло быть много общего, но *locatio* – наем и *paramone* – отработка долга должны быть резко разграничены: в данном отношении мы имеем то же явление симуляции генетически разных институтов, входивших в сферу существовавших на данном этапе производственных отношений.

⁵⁸ Когда при наличии договора о парамонэ мистий бросал работу, то кредитор-работодатель подавал в суд не по *actio locati*, а по *actio furti*, о краже. Характерный пример – конфликт Петра, собственника мастерской по изготовлению консервов, с работником, варившим «гар», мистием, принятым «по парамонэ». Речь шла о задолженности только одного солида (SB. VI. 9456, 594 г.). В протоколе процесса чувствуется смешение понятий, и только традиционный термин «парамонэ» свидетельствует о долге. Однако заключительное обязательство мистия – в случае оставления работы уплатить штраф в два солида – говорит скорее об ущербе, принесенном работником.

ботодателей был достаточно распространенным⁵⁹, поскольку стала обычной расписка работника в получении заработной платы. Очевидно, встречались случаи подачи жалобы в суд на невыдачу заработной платы. В составленные византийскими деятелями для химьяритов законы включена статья о подобном конфликте: виновный в невыдаче заработной платы работнику должен был выплатить ее в двойном размере.

Расписка в получении заработной платы вперед прилагалась к акту о найме работника: «Я, Аврелий Полион, сын Петра, согласен на все условия и получил по соглашению талант серебра...» (297 г.). Основным видом недовольства работников было несоответствие величины заработной платы затраченному труду. Фактически это приводило к требованию повышения заработной платы (*pleomisthia*)⁶⁰. Требования повышения заработной платы могли быть поданы легально, путем обращения к акроатам и городскому эпарху (о чем ниже). Предусмотрены случаи отказа продолжать работу при наличии конфликта работников с работодателем. Чаше всего незначительность заработной платы приводила к оставлению работы и к поискам более выгодных условий найма. Против таких форм борьбы за повышение заработной платы работодатели применяли особые меры: хозяева вступали в соглашение не выплачивать наемным работникам заработную плату выше, чем установлено обычаем в данной местности⁶¹. В XI в. византийские мистии требовали повысить заработную плату в связи с ростом цен на предметы потребления, главным образом хлеб⁶².

Бегство, оставление работы было поступком, расценивавшимся как нарушение соглашения. Но византийское правительство выступало не только в защиту святости соглашения, но и против так называемых монополий. Под монополиями подразумевались соглашения (как между продавцами определенных предметов, так и локаторами своего труда) о повышении платы за свой товар, т. е. это была борьба за *pleomisthia*. Собственно говоря, никакого нарушения основных положений римского права в этом не было: как в купле-продаже, так и в найме действовало естественное право каждого стремиться подороже продать свое и подешевле купить чужое. Поэтому казалось совершенно в порядке вещей, что хлебопеки объединялись для поднятия цен на хлеб, строительные рабочие – для повышения заработной платы⁶³. Однако правящие группы Визан-

⁵⁹ «Мы уже не имеем денежной платы больше двух месяцев, а продуктов – один месяц. Если [не пришьешь], мы уйдем. У нас уже нет выбора» (PSI. 421). См.: Adams B. Paramone... S. 89; Till W. Die koptischen Arbeitsverträge // Symbolae Raphaeli Taubenschlag dedicatae. 1956. T. 1. S. 273–329.

⁶⁰ P. Oxy. 1414.13; 1968. 10–17; см.: Фихман И. Ф. Египет... С. 106.

⁶¹ BGU. 1121. 16–17; см.: Фихман И. Ф. Египет... С. 106.

⁶² Michael Attaliata. Historia. Bonnae, 1853. P. 200.

⁶³ Нужно иметь в виду серьезное различие в положении хлебопек и строителей. Хлебопеки имели дозволенную законом организацию; мало того, если судить по закону 473 г. *de prohibitis monopolis*, ряд коллегий и корпораций имел легальные права на монополии в силу того, что их

тии убедились, какую силу могли иметь объединенные трудящиеся (хлебопек-ки, огородники)⁶⁴, осуществляя на практике договоренность не продавать дешевле согласованной цены. Когда при недостатках продуктов питания в столице вспыхивало недовольство населения, правительство демагогически возлагало причины дороговизны на корпорации. Оно объявило преступлением договоренность о минимальном уровне цен на продукты и на заработную плату (CJ. IV. 59. 2, pr.). Само собой разумеется, принцип установления минимальных цен на предметы потребления, особенно на продукты питания, может оказаться источником самых широких спекуляций (и полной свободы использовать нужду) для обогащения носителей монополий. Но отсутствие установленного минимума заработной платы всегда приводит к ее снижению и ставит работника на грань полуголодного существования. Правительство Византии на всем протяжении своей истории всякий раз, когда вмешивалось в сферу отношений работодателей и работников, устанавливало не минимальные, а максимальные ставки заработка как для ремесленников, так и для лиц наемного труда⁶⁵.

Конфликты возникали и из-за условий труда.

Можно думать, что наемные работники работали весь день. Разумеется, нет никаких данных полагать, что в дни больших религиозных праздников наемные работники работали, но нет никаких данных и полагать, что они получали за праздничные дни заработную плату, если они оплачивались поденно. Конечно, при месячной заработной плате праздники входили в заработную месячную или годовую плату⁶⁶. При соглашениях на длительный срок; естественно, указывалась возможность «прогулов», почему вводилась система штрафов за пропущенные дни работы. Конфликты могли возникать и из-за дурного обращения работодателей с наемными работниками. Хозяин имел дисциплинарную власть над работником: можно было принимать меры против нерадивого работника или против того, кто работает не так, как следует. Даже мелкие кражи, совер-

---

монополии были в то же время и повинностями; принудительное ограничение их деятельности превратилось в свою противоположность – в привилегию, в право на монопольное производство и монопольную продажу. Ничего подобного не знали строители, работа которых была связана не с постоянной повинностью, а с отдельными соглашениями.

⁶⁴ Ср.: **Либаний**. Речь XXIX. В речи XXXVI. 4 Либаний, борясь за повышение расценок на хлеб, фактически становился на позицию предпринимателей, стремившихся устанавливать цены по своему усмотрению.

⁶⁵ Мы имеем в виду упомянутый выше эдикт Диоклетиана (С. VII), CTh. XIV. 22.1 (364 г.), Nov. Just. 122, Книгу епарха (о предельном заработке хлебопека, работорговца, мясника см.: XV. 2; XVII. 3; XVIII. 1).

⁶⁶ Воскресный отдых в позднее время в монастырях соблюдался строго. В типиконе Христу-дула Патмосского монастыря Иоанна Богослова (конец XI в.) мы можем наблюдать своеобразный распорядок: свободные наемные работники должны были работать в здании и мастерских монастыря пять дней в неделю, вечером в пятницу могли отправляться на отдых домой до понедельника (MM. VI. P. 67–68: «ἐφ' ὅλας ἐκάστης ἑβδομάδος ἡμέρας πέντε»).

шенные наемным работником во время работы, не подлежали передаче в суд: это оставалось в рамках дисциплинарной власти нанимателя (Dig. XLVII. 2. 90 (89). Возникали конфликты из-за суровости обращения и в монастырях⁶⁷.

В каких формах проявлялось выступление трудящихся против эксплуатации? Разумеется, все зависело от массовости протеста. Такие центры, как Александрия в римско-византийский период и Константинополь, давали трудящимся возможность выражать свои требования в активных формах протеста – в «мятежах» и «смутах». Низкооплачиваемые работники из наемной бедноты и мелкие ремесленники, работавшие на заказ (фактически тоже наемные работники), в Александрии, Константинополе и Антиохии всегда готовы были принять участие в любом выступлении против правительства или против богатой прослойки населения. Оставление работы имело смысл, только когда оно было массовым. В папирусах имеются туманные сведения о таких массовых выступлениях в египетских городах⁶⁸.

В некотором смысле на шумную толпу недовольных иногда рассчитывал при проведении в жизнь своих реформ *novator, turbator rerum* Константин, который издал известный эдикт 331 г. об *acclamations ad omnes provinciales* (CTh. I, 16, 6). Нам не известны социальные требования масс, примкнувших к восстанию «Ника», но тот факт, что немедленно после восстания Юстиниан приступил к возведению дорогостоящих построек с привлечением массы работников разных профессий, говорит о том, что император решил предоставить работу бедноте, чтобы устранить причину массовых выступлений: бережливое правление Анастасия, Юстина I и первых лет Юстиниана создало крайне напряженное настроение масс в Константинополе. Строительство в столице после восстания «Ника» разрядило обстановку. Смуты на почве низкого уровня жизни и в дальнейшем вспыхивали в Константинополе под разными предлогами. Наиболее бедные из ремесленников, катартари (Книга епарха. VII, 6), считались смутьянами (ταραχῶδαι).

⁶⁷ Работу в монастырях оставляли обычно по двум причинам: или из-за суровости устава, предписывавшего физический труд, или в результате чрезмерной требовательности управляющего. В Житии св. Власия говорится, что один свирепый монах, стоявший во главе монастырского кирпичного производства, «подражая мирскому стяжательству, бил и палкой, и кирпичом работников, и многие из-за этого, не вынеся такой свирепости, бежали» (AASS. Novembris. IV. P. 665). Хотя рядовые монахи фактически были эксплуатируемыми трудящимися в руках игуменов и монастырской верхушки, труд в монастырях отличался от труда в эргастериях. В монастырях труд выступал как один из видов подвижничества. По уставу одного монастыря, например, было положено выделывать по циновке в день. Особенно старательный монах изготовлял по две циновки. В наказание за желание выделиться среди прочих, которое расценивалось как гордыня, монах должен был стоять в стороне со своими циновками, пока монахи обедали, а потом его запирали в келью на 5 месяцев. О таком же отношении к труду можно судить и на основании правил Бенедикта на Западе (Regula Benedicti. 57).

⁶⁸ Сведения P. Brem. 63 о смутах в Ермуполе. И. Ф. Фихман считает, что там имела место демонстрация по улицам города с требованием повышения заработной платы (Египет... С. 191. Примеч. 351).

Наиболее решительным и организованным выступлением за повышение заработной платы трудящегося были συνωμοσίαι – подготовленные и организованные «забастовки». В египетских папирусах оставление работы иногда обозначалось словом ἀναχωρεῖν⁶⁹, что в других случаях применялось для выражения политического протеста египетского населения против гнета со стороны Константинополя. Как могло случиться, что формы классовой борьбы, свойственные капиталистическому обществу, существовали и в древнем мире, и в Византии? Разумеется, забастовки того времени не имели такого широкого распространения, той типичности, которой характеризуются забастовки эпохи капитализма, но нельзя отрицать, что формы протеста могут быть более ярко выражены, чем условия, их породившие. Нужно иметь в виду, что раз институт наемного труда существовал хотя бы в качестве зарождающегося, нетипичного, но необходимого для общества элемента, то соответственно и все конфликты, хотя бы в неразвитом виде, должны были сопутствовать ему. К тому же особенно нужно обратить внимание на то, что подлинные средневековые забастовки, о которых мы имеем неоспоримые данные, относятся к крупному строительству. Этот вид труда в структурном отношении менее всего отличается от современного; строительство связано с массовостью, по своей сущности требует объединенных усилий, почему работники чувствуют взаимную связь; в строительстве требуются работники и неквалифицированные, и высокой классификации и опыта, – все это создает условия для согласованных выступлений за интересы трудящихся.

Не всякое коллективное выступление с целью повысить свой заработок следует называть забастовкой. Объединение хлебопеков с целью повысить цены на хлеб, их выступление против правителя, описанное Либанием в речи 29, было направлено против трудящихся, и сами они, хотя и числились «людьми труда», ремесленниками, были владельцами рабов, которых жестоко эксплуатировали. Их забастовка состояла в припрятывании хлеба, тяжело отразившемся на положении низов Антиохии.

В 260 г. в Оксирихе произошло выступление трапезитов, которое имело сходство с забастовкой политического характера. Трапезиты закрыли свои заведения по обмену денег, протестуя против систематического обесценивания монеты. Хотя эта забастовка и носила серьезный характер, поскольку от обесценивания монет страдала масса населения, к трудовым конфликтам она не может быть отнесена. Забастовка была прекращена стратигом (Р. Оху. 1411)⁷⁰.

⁶⁹ Henne H. Documents et travaux sur l'Anachoresis // Mitteilungen aus der Papyrussammlung der Österreichischen Nationalbibliothek (Papyrus Erzherzog Rainer. N. F.). 1956. T. 5. S. 59–66.

⁷⁰ Rostowtzev M. Gesellschaft und Wirtschaft im Römischen Kaiserreich. Leipzig, 1934. S. 179; Taubenschlag R. The Law... P. 675. У Диона Хрисостома имеются данные о забастовках в античном мире, которые фактически были ни чем иным, как голодными бунтами. Материалы о забастовках в древнем мире сгруппированы в статье: Buckler W. H. Labour Disputes in the Province of Asia Minor // Anatolian Studies Presented to Sir W. M. Ramsay. Manchester, 1923. P. 27, 77.

Пятый и шестой века были для Восточной Римской империи эпохой усиленного строительства, и как раз к тому времени относятся надписи и юридические документы, сохранившие сведения о подлинных забастовках лиц наемного труда. В Сардах уцелела надпись 459 г., говорящая о конфликте между работодателями и работниками из корпорации строителей⁷¹.

Особенно четко поставлен вопрос о забастовках императором Зеноном. Работники бросали работу и даже больше того, препятствовали работодателю нанимать других работников.

«Мы узнали, что строительные рабочие осмеливаются поступать так, что и сами не доводят до конца начатую работу, и других не допускают закончить их работу, и тем самым наносят большой ущерб тем, кто желает строить дома» (CJ. VIII, 10, 12, § 9a). Забастовки строителей охватывали множество различных профессий и, можно думать, имели организованный характер благодаря руководству правления или общего собрания членов корпорации (см. ниже).

В критическое время господства Аспаридов в Константинополе, во время правления Льва I, когда опорой против варваров было городское население, принимать какие-либо серьезные меры против трудовых масс столицы и других городов было невозможно. Но в 471 г. опасность была устранена. Уже в 473 г. издан известный закон против монополий – против объединений или, вернее, против тех самостоятельных действий корпораций, которые они принимали в ущерб работодателям (CJ. IV, 59, 2).

Смуты во время правления Зенона не позволили провести этот закон в жизнь. И только после ликвидации новой опасности готского вторжения, после общего укрепления позиций правительства Зенона создались условия для дальнейшего наступления против трудящихся. В 483 г. последовал новый запрет «незаконных действий корпораций» (CJ. VI, 59, 2). На этот раз эдикт коснулся главным образом строительных рабочих. «Мастера строительного дела (*artifices*) или подрядчики (*ergolabi*), а также специалисты (*professores*) по другим работам (*operum*) и строители бань ни в коем случае не смеют заключать между собой соглашения, запрещающие выполнять ту работу, которая была поручена другому лицу, или перехватывать данное другому поручение. Настоящим дается право каждому принять без всякого страха начатую другим, но брошенную им работу». Отсюда следует, что корпорации или отдельные мастера угрожали тем лицам, которые осмеливались приниматься за прекращенную ими работу.

Новому префекту Константинополя Адамантию даны более подробные и точно сформулированные приказания о борьбе против забастовок. «Ваша свет-

⁷¹ Sardis. Publications of the American Society for the Excavations of Sardis. Leiden, 1932. Vol. 7. Pt. 1. Greek and Latin Inscriptions / Ed. W. H. Buckler, D. M. Robinson. Nr 18. Надпись широко освещена в литературе: **Waltzing J. P.** Études historiques sur les corporations professionnelles chez les Romains. Bruxelles, 1895–1900. Vol. 3. P. 49; **Buckler W. H.** Labour Disputes... P. 40 f.; **Grégoire H.** Recueil des Inscriptions Grecques chrétiennes de l'Asie Mineure. P., 1922. Vol. 1. Nr. 322.

лость должна позаботиться, чтобы никто из подрядчиков и технитов, начав работу, не бросил ее неоконченной, но того, кто раз начал работу и получил заработную плату, должно принудить завершить работу или покрыть происшедший из-за того убыток домостроителю и весь ущерб, вызванный прекращением работы. Если же виновный является бедняком, пусть он будет подвергнут побоям и изгнан из города. И пусть никто не чинит препятствий другому лицу того же ремесла, которому поручается продолжить брошенное дело, что, как мы узнали, осмеливаются делать подрядчики и техниты, которые сами не ведут начатую ими работу и препятствуют приступать к работе другим, но стремятся причинить чрезвычайный ущерб строящим дома... Тот же, который отказывается продолжать брошенную другим работу, мотивируя это тем, что ее начал другой, – сам будет подвергнут тому же наказанию, как и бросивший работу» (CJ. VIII, 10, 12, § 9; Bas. 58, 11; Eclog. ad Proch. Mutata. XXI, 17).

Мы можем констатировать наличие духа солидарности между работниками, их решимость не принимать брошенную товарищем работу. Закон был строг. Очевидно, в конце V в. в Константинополе отношения между работодателями и работниками крайне обострились.

Закон Зенона был распространен на провинцию Юстинианом в 531 г. Когда в IX–X вв. снова расширилось строительство, те же проблемы стали перед правительством. В Василиках воспроизводятся те же положения о строителях, которые были сформулированы при Зеноне. Нужно отметить, что рескрипт Зенона Адамантию не сохранился в дошедших до нас списках Кодекса Юстиниана, и мы познакомились с ним именно через Василики. В Книге епарха борьба против оставления работы выдвигается на первый план. Бросающие работу и нерадивые работники наказываются как нарушители соглашения лишением всей полученной заработной платы. В дальнейшем правила Книги епарха относительно строителей внесены были в «Шестикнижие» Арменопула, хотя большая часть статей Книги была опущена. Таким образом, законодательство против своевольного прекращения работы фактически существовало вплоть до 1453 г.⁷²

Работам общественного порядка, таким, как возведение водопроводов, постройки бань, роскошных храмов и дворцов, придавали большое значение в Византии. Следовало смягчать противоречия и разрешать мирно, без суда возникавшие

⁷² Некоторое недоумение вызывает толкование Книги епарха (XII. 1–2) И. Ф. Фихманом (Египет... С. 191. Примеч. 349): «Если работодатель срывал работу, то работник уходил (с разрешения епарха), не получив *никакого вознаграждения* (курсив мой. – М. С.); если же работник оставлял работу, то его наказывали плетью,стрижением волос и изгнанием, причем он должен был вернуть полученную им заработную плату». Здесь смешиваются два различных казуса. Во втором случае (XXII. 2) речь идет не о том, что работники бросают работу, а о том, что они нерадиво относятся к выполнению условий соглашения; в таком случае, если при расследовании обнаруживалось, что работники работали плохо, их можно было уволить с требованием возвращения полученной заработной платы.

на стройках конфликты. Так, на острове Парос была воздвигнута статуя агоранома, который при возникновении конфликта не стал передавать дело в суд (*ἀγοροδίκης*), но уговорил одних не нарушать соглашения и отправиться на работу, а других – выдать работникам зарплату, требуемую ими (CIG. 2874). Либаний, представитель состоятельных слоев Антиохии, гордился тем, что остановил безрассудства нанявшихся, которые выступали против нанимателей (Речь. XXXVI, 4).

Оценка произведенной работы, как и понесенного ущерба, да и вообще решение любых спорных вопросов, осуществлялась через арбитра. Хотя работа могла приниматься, если на то было соглашение, и по усмотрению хозяина (*arbitrio domini*), но все же справедливо было бы, как писал Павел (Dig. XIX, 2, 24; Bas. 20, 1, 24), действовать через арбитра.

Катон⁷³ писал, что если действия подрядчика нанесут какой-либо ущерб хозяину, то у подрядчика следует вычесть из платы за выполненный заказ такую сумму, которую определит арбитр. По Гаю, иногда в соглашении о заказе может быть указано, что расценка труда будет произведена по окончании работы в соответствии с качеством выполненного заказа. В таком случае договор мог быть законным, только если в нем указывалось, кто будет арбитром при приеме заказа (Dig. XIX, 2, 25; CJ. IV, 38, 15). Однако практика арбитра не могла удовлетворить стороны при расценке труда. В разрешении трудовых конфликтов необходимо наличие постоянного института экспертизы по сложным вопросам расценки труда и условий работы. Такие лица могли быть только из знающих производство. Они могли бы представить судье, рассматривающему дело, данные для принятия соответствующего казусу решения.

Экспертиза по качеству произведенной работы и по ее расценке издавна являлась одной из общественных функций объединений непосредственных производителей. В эллинистическом и римском Египте эти функции выполнялись главами корпораций⁷⁴. Классическое римское право знало подобную экспертизу при трудовых конфликтах. По Гаю, при наличии ущерба вследствие несчастной случайности работник не нес ответственности, если он выполнил точно все, что следовало при таких обстоятельствах (Dig. XIX, 2, 25, 7); ясно, что определение выносилось экспертизой.

Новелла Юстиниана 122 от 23 марта 544 г. трактует об обязанности лиц, которым поручалось производить обследования и расчеты и в соответствии с этим принимать решения по конфликтам, связанным с наймом и заработной платой. Характерно, что Юстиниан угрожал этим экспертам, если они будут что-либо присчитывать в пользу трудящихся. Подобным же образом действовали в пользу трудящихся оценщики из корпорации садоводов, как можно су-

⁷³ Cato. De agricultura. 144. 2.

⁷⁴ Kupiszewski H. Surveyorship in the Law of Greco-Roman Egypt // The Journal of Juristic Papyrology. 1952. Vol. 6. P. 257–268.

доть по 64-й новелле Юстиниана. Не доверяя садоводам, Юстиниан поручил добавочную экспертизу особым лицам, так называемым суммариям⁷⁵.

Наиболее четко выявляется деятельность экспертизы при разрешении трудовых конфликтов по Книге эпарха. Если работник возбуждал дело о том, что расценка его труда не соответствует проделанной им работе, или если соглашение об оплате было неясным, то по распоряжению эпарха дело передавалось для рассмотрения самым опытным техникам, которые и производили нужную экспертизу (XXII, 3). Можно думать, что при секрете эпарха в числе ἑξάρχου и πρὸς τῶναι значились такие эксперты от корпораций. Проведение расценок являлось государственной повинностью ремесленников – о такой обязанности говорится в главах об аргиропратах (II, 2) и вофрах (XX, 1). Такое привлечение опытных ремесленников в расценочную комиссию, безусловно, имело вес и способствовало разрешению конфликтов. В Книге эпарха (XXII, 2) говорится, что жалобы со стороны работодателя на работника должны передаваться «акроатам», которым работодатель обязан подробно сообщить об условиях найма. Акроаты, по всей вероятности, это те опытные ремесленники, которые занимались при эпархе расценками проведенной работы. Если же увещевания акроатов не действовали, то дело решал (очевидно, на основании донесений акроатов) эпарх⁷⁶.

Наличие института экспертизы с привлечением трудящихся к проведению судебного процесса по трудовым конфликтам свидетельствует о некоторых специфических особенностях права общества переходного периода. В классическом и в особенности в постклассическом римском праве мы встречаемся с таким

⁷⁵ Можно полагать, что организация садоводов с функциями экспертов сохранилась и в более позднее время (Bas. 55, 14).

⁷⁶ Толкование термина «ἀκροάτης» вызвало разногласие в литературе. Цахариэ фон Лингенталь считал, что акроаты – судьи (*Zachariä von Lingenthal K. E. Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts. B., 1892. S. 354, 359*). Но Книга эпарха во время выхода в свет труда Цахариэ не была еще известна. В Эклоге часто встречается термин «акроаты», они выполняли роль следователей. Акроаты занимаются подсчетом заработка мистия, выкупающего себя после освобождения из плена (Ecl. VIII.6). Разумеется, и сам судья может заняться расследованием дела, выполнять роль следователя – в таком понимании судья может быть акроатом. Слово «акроат» употреблено Юстинианом в новелле 25.3, в которой требуется, чтобы судья сам стал расследователем, прежде чем выносить решения или отправлять дело императору. Цахариэ изумляется, почему нигде не упомянут эпарх как судья. Но Эклога рассчитана не только на Константинополь, но и на провинцию. На основании расследования акроатов и выносится решение судьей данной частности, в том числе и эпархом, если это в столице. Тезис Христофилопулос (*Christophilopulos A. 'Ακροάται // BZ. 1951. Т. 44. S. 86–88*) о тождественности понятий «акроат» и «судья» неубедителен, так как слова δίκης ἀκροάται (*Cantacuzeni. Historiae. I. 63*) говорят скорее о предварительном расследовании, чем о решении судьи. Римское право не знает разделения роли судьи и следователя, но практика расследования по сложным вопросам трудовых конфликтов привела к отделению акроата от судьи, выносящего приговор, причем в этих делах акроат мог быть и привлеченным к расследованию ремесленником.

направлением юридической мысли, которое получило название *favor libertatis*, «предпочтение свободе», оно проявлялось в поощрении освобождения от рабства, приближении статуса вольноотпущенника к свободному. *Constitutio Antoniana* тоже следует рассматривать с точки зрения *favor libertatis*. Нельзя сводить эту реформу к фискальным соображениям, ведь это был век Гая и Ульпиана. *Favor libertatis* – непреложный факт, который нельзя отрицать или замалчивать. Но важно, какое значение и какой социальный смысл имел этот факт в органической структуре позднеимперского и византийского общества. Рабство вступило в полосу упадка, особенно после появления массового свободного труда. Законодательство было заинтересовано (в целях поддержания устоявшихся производственных отношений) сделать рабство более рентабельным, используя его только в том направлении, где оно было или коммерчески или политически выгодно.

Некоторые положения законодательства явно направлены на защиту интересов свободного наемного труда. В том случае, когда основной договор о найме оформлялся как *locavit operas* на твердо определенный срок и притом не было указано, в чем именно состояла работа, плата за весь срок должна была быть гарантирована, хотя бы конкретное дело и не было в этот срок выполнено и даже если вовсе не состоялась работа – разумеется, не по вине работника⁷⁷. Сюда можно причислить и все положения о *vis maior*, о которых шла речь выше. Если работодатель увольнял работника до истечения условленного срока, он обязан был выдать полную плату за весь срок работы⁷⁸.

К положениям в духе *favor libertatis* можно отнести также принцип *laesio enormis* (CJ. IV, 44, 2; Bas. 19, 10, 72; Книга эпарха. XII; Пира. 38), согласно которому работник мог подавать иск в случае непомерно низкой расценки его труда. Мы видим некоторые моменты, невыгодные для хозяина-нанимателя. Раз экспертиза из знающих ремесло лиц решала, что работа расценена слишком низко, хозяин фактически был обязан подчиниться решению акроатов. При купле-продаже хозяин товара мог не подчиниться решению оценщиков, если не желал продешевить; он мог просто потребовать свою вещь обратно – аннулировать сделку. Однако произведенную работу вернуть невозможно, и хозяин-наниматель должен был согласиться с переоценкой работы, если он платил меньше половины справедливой цены. Правда, это был в основном спор хозяев с подрядчиками. Но и подрядчику, нанимавшему рабочую силу, тоже приходилось считаться с возможностью выступления простых технитов против непомерно низкой расценки труда.

⁷⁷ Dig. XIX, 2, 38: «*qui operas suas locavit, totius temporis mercedes accipere debet, si per eum nun stetit, quo minus operas praestet*».

⁷⁸ SB. I. 4503 (Montevecchi O. Contratti di lavoro o di servizio dell'Egitto greco-romano e bizantino. Milano, 1950). При гибели матроса в результате несчастного случая (разрыв каната) навклир должен выдать наследникам матроса заработную плату за весь год (Nomos Nautikos. III, 46).

К тем же мотивам относится и положение о так называемом снисхождении (*remissio*). В основном оно касалось сбавки арендной платы при различных отягощающих труд арендатора условиях (Dig. XIX, 2, 15, 3). Такая политика имела целью предупредить бегство колонов-арендаторов, попавших в трудное положение, – в этом было заинтересовано правительство Римской империи⁷⁹. Но «снисхождение» относилось и к соглашениям об обязательствах выполнить работу, причем особенно важно, что определение, следует ли дать «снисхождение» работнику или нет, зависело от расследования характера работы, которое могли дать только специалисты. Разбирается такой случай: ювелир обязался обрезать дорогостоящую гемму. Во время работы гемма сломалась. Возникал вопрос, по чьей вине произошла поломка – из-за плохого материала геммы или по неопытности работника. Если от плохого материала, то убыток нес хозяин, а не работник (Dig. XIX, 2, 19). Общий принцип для «снисхождения» носил производственный характер: кондуктор не несет вины за нанесенный хозяину ущерб, если выяснится, что им было предпринято все, что полагается делать самому внимательному работнику⁸⁰.

Особенно интересно положение Ульпиана о *relocatio* (Dig. XIX, 2, 13, 10). Если кондуктор в назначенный срок не выполнил соглашение, то наниматель мог передать работу другому, а прежний кондуктор подлежал ответственности *lege operis locandi*. Однако ответственность нес только в том случае, если другой работник принял работу на тех же условиях. Разве можно было обвинять работника, что он не выполнил работу в назначенный срок, если наниматель сдал работу другому на более мягких условиях? Если наниматель не сможет на таких же условиях найти другого работника, то нельзя обвинять первого в том, что не сумел в столь краткий срок выполнить соглашение⁸¹. В некоторых случаях (при солидарности работников) это обязательство *relocatio* крайне затруднило бы хозяина-нанимателя.

Несмотря на наличие некоторых постановлений либерального характера, которые в какой-то степени сдерживали размах эксплуатации свободного труда, для хозяев-ктиторов и подрядчиков имелись самые широкие возможности держать в руках работников. Гражданские иски *locatio – conductio*, постановле-

⁷⁹ Mayer-Maly Th. *Locatio – conductio*. S. 142 f. Нужно отметить у Майера-Мали гиперкритическое стремление приписывать некоторые положения ремиссии постклассическим комментаторам, что кажется несколько догматичным и недостаточно аргументированным. К тому же для нашего исследования не имеет особого значения, является текст подлинным ульпиановским или же постклассической переделкой – важно, что подобное положение входило в действующее право Византии.

⁸⁰ Dig. XIX, 2, 25, 7: «*Culpa autem abest, si omnia facta sunt, qua diligentissimus quisque observaturus fuisset*».

⁸¹ Текст Ульпиана осмыслен в данном понимании в 8-й схолии к Bas. 20, I, 13.

ния императора Зенона, положения Василик и Книги эпарха вполне были достаточны, чтобы работник находился в распоряжении работодателя в период выполнения соглашения *locatio – conductio operarum*. Самым законным образом работодатель мог использовать безвыходное положение ищущего работы бедняка, чтобы заставить работать за половину обычной платы. Всякий протест, выраженный коллективно, подавлялся в силу законов о монополиях (см. выше). Мало того, если иметь в виду намек, имеющийся в Книге эпарха, можно представить, что работодателям известна была практика «черных листов», когда провинившийся строптивый работник вообще не мог найти работу по данному виду труда у других хозяев. В уставе табуляриев имеется статья (Книга эпарха. I,4): «Если писец, нанятый табулярием, провинится и будет уволен, то уволенный не должен приниматься другими табуляриями». У нас нет сведений, применялось ли такое правило и в других корпорациях, но само существование подобной сплоченности нанимателей говорит о возможности его широкого применения. Об этом же свидетельствует, хотя и косвенно, положение об изгнании смутьяна – катартария (VII, 6). Вообще власть городского эпарха была вполне достаточна, чтобы «облагоразумить» (σωφρονίζεσθαι) любого работника, регулировать отношения между нанимателями и наемными работниками и сохранить кадры дешевого наемного труда.

В заключение следует отметить, что никакого специального социального законодательства, направленного на поддержку более слабых экономически слоев трудящихся, не могло быть. Некоторые мероприятия и положения в пользу трудящихся, по сути дела, не отражали классовую сущность государства того времени, а являлись результатом неудовлетворительного состояния хозяйства поздне рабовладельческого общества, вынужденного идти на уступки некоторым слоям трудящихся. К тому же правительства поздне римской и Византийской империй были заинтересованы в сохранении кадров строителей разных специальностей, о которых дает представление XXII глава Книги эпарха; если не обеспечить минимально приемлемые заработки представителям этих специальностей, то в условиях развивающегося феодализма можно было полностью лишиться таких работников: ведь для них уже существовала возможность уйти в сельское хозяйство и на положении парика обзавестись хоть и зависимым, но собственным деревенским хозяйством. Между тем городское строительство, водопроводы, постройка крепостей, кораблей, храмов – все требовало соответствующей опытной рабочей силы. К тому же мы не можем забывать, что в Византии, как и на Западе, существовало представление о справедливой цене, причем, определение справедливой цены было связано не с административным введением твердых цен, а устанавливалось по определению лиц, знающих производство. Мы видели, что в поздне рабовладельческом обществе, начиная с III в., когда наметилась коммерческая невыгодность рабского труда в крупных

предприятиях и в ремесле, и в ранней Византии существовали такие порядки, которые в некоторой степени обеспечивали непосредственному производителю возможность бороться за минимальную справедливость в оценке труда и получении оплаты за труд.

Но можно ли точно так же сказать, что феодальное государство было комитетом, управлявшим делами класса феодалов? Ведь только при капитализме, когда общество раскалывается на два враждебных лагеря – эксплуататоров и эксплуатируемых, упростились классовые противоречия.

В докапиталистических обществах классовая структура была более сложной. Нельзя сказать, что в рабовладельческом мире все трудовые элементы принадлежали к классу рабов, тогда как класс рабовладельцев состоял из нетрудовых слоев. Нельзя точно так же прямолинейно утверждать, что в Византии эксплуатацию осуществляли одни только феодалы-землевладельцы, – к эксплуататорам принадлежали здесь и представители других прослоек: мастера, владевшие эргастериями, или купцы, или судовладельцы.

Соответственно византийское государство, защищая интересы эксплуататоров, не ограничивало эту защиту только отстаиванием выгоды феодальных земельных собственников – оно охраняло интересы крупных купцов, владельцев эргастериев, епископов, которые в Византии далеко не везде были собственниками земли, чиновников, которые опять-таки не всегда были собственниками поместий.

Сложность состава византийского господствующего класса, его раздробленность на отдельные прослойки приводили к тому, что частная собственность (т. е. та, которая дает возможность эксплуатации) в переходный период и эпоху феодализма приобретала сословный характер. Феодальная частная собственность давала возможность пользоваться трудом и услугами подмастерьев и учеников мастеру, рядовых клириков – епископу, членов артели – подрядчику, членов общины – старшинам, силами торгового капитала и корпоративными связями – купцу, иерархически организованной земельной собственностью – феодалу. Соответственно с расчлененностью направлений эксплуатации прибавочный продукт непосредственного производителя переходил не только (а иногда и не столько) феодалу-землевладельцу, но и другим обладателям сословной собственности и прав. В интересах организованных по сословиям эксплуататоров и государственная власть в какой-то степени была раздробленной: элементы суверенитета, участия в государственной власти передавались носителям сословной собственности. В позднем Риме и в Византии это проявлялось в привлечении к решению вопроса о справедливой цене (фактически о нормах эксплуатации) представителей мастеров, в привилегиях, иммунитете, пожаловании суверенных прав государства на взыскание налогов.

Рабовладельческое общество исчерпало все возможности присвоения прибавочного продукта непосредственного производителя. Не только расширен-

ное воспроизводство, дальнейший рост культурных ценностей, но даже поддержание прежнего уровня великой городской культуры античного мира было затруднительно. Развитие корпоративности и сословных привилегий, начиная с конца II и начала III в. н. э., означало уже борьбу за сохранение прежнего уровня общественной жизни при простом воспроизводстве общественных потребностей и производственных отношений. Византия была тоже в основном страной простого воспроизводства; мы не можем отметить фактов расширения производственных единиц – эргастериев, хотя спорадически и отмечаем высокую конъюнктуру, выражающуюся в количественном увеличении мелких производственных единиц. При наличии мелкого производства, индивидуального пользования мелким инструментом воспроизводство на прежнем уровне хозяйства зависело прежде всего от общей обстановки, способствующей привычной работе, от того жизненного уровня, который делал возможным продолжать привычное пользование инструментом, от возможности существования на прежнем уровне производственных, сословно организованных прослоек населения. Для сохранения условий простого воспроизводства нужно было именно то, о чем говорит римское право – *suum cuique tribuere*. Для устойчивости централизованного автократического государства, выражавшего интересы эксплуататорских групп различных сословно-организующихся слоев населения, необходимо было именно сохранение тех производственных отношений, на которых покоилось это автократическое государство. Отсюда и стремление сохранить свободную крестьянскую общину-митрокомию и поддерживать корпорации мелких ячеек производства в городе, отсюда, начиная с упадка рабовладельческого строя, некоторые положения «трудового законодательства» (*favor libertatis*) к выгоде мелкого производителя, несмотря на ярко выраженный эксплуататорский характер государства переходного периода в целом.

БОРЬБА ЗА ПУТИ РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВИЗАНТИИ¹

В отличие от западной буржуазной² в советской историографии не стоит вопрос о существовании в Византии феодализма. Но далеко не ясными являются время установления отношений, особенности византийского феодализма, своеобразие его генезиса.

Предлагаемая статья не имеет целью пересмотр всех положений о генезисе феодальных отношений в Византии. В ней рассматривается не столько специ-

---

¹ Византийские очерки. М., 1961.

² Вопрос о византийском феодализме по-разному трактуется в буржуазной историографии. С одной стороны, полностью отвергается общность экономического развития Византии и стран Запада. С другой, делаются попытки подводить византийский феодализм позднего времени в общих чертах к западноевропейскому и считать институты византийского феодализма перенесенными из стран Запада. Многое зависит от понимания слова «феодализм». Историки западных стран привыкли видеть феодализм в западном обличье и не склонны признавать феодальными те отношения, которые внешне не напоминают западноевропейскую ленную систему, феодальную иерархию и соединение суверенитета с собственностью землевладельца по типу меровинго-каролингской Франции. Отсутствие этого сходства трактуется как отсутствие феодализма. Так создается идея коренного отличия пути экономического и политического развития Византии и Запада. Нельзя думать, что под словом «феодализм» в настоящее время буржуазные историки понимают исключительно надстроечные моменты. Вопросы, связанные с феодальным землевладением, положением зависимого крестьянства, хотя и без марксистской терминологии, фактически вполне учитываются ими (Charanis P. *The Aristocracy of Byzantium in the Thirteenth Century* // *Roman Economic and Social History. Studies in Honor of A. C. Johnson*. Princeton, 1951; *Idem*. *On the Social Structure and Economic Organisation of the Byzantine Empire in the Thirteenth Century and Later* // *BS*. 1951. Т. 10). В трудах Ф. Дельгера чувствуется стремление избегать понятия «феодальный». Стоя на позициях эволюционизма, Ф. Дельгер в трактовке проблем социально-экономического развития Византии не учитывает ни сопротивления трудящихся эксплуататорам, ни острой борьбы владетельных прослоек знати за прибавочный продукт крестьянина. Он считает, что процесс социального развития Византии протекал постепенно – от свободного крестьянства через патронии к прониальному хозяйству XIV–XV вв. (Dölger F. *Der Feudalismus in Byzanz. Studien zum mittelalterlichen Lehenwesen* // *Vorträge und Forschungen* / Hrsg. Theodor Mayer. Konstanz, 1960. Т. 5; см.: *BZ*. 1960. Т. 53. S. 221; *Idem*. *Die Frage des Grundeigentums in Byzanz* // *Byzanz und die europäische Staatenwelt*. Ettal, 1953; ср.: *Idem* // *BZ*. 1956. Т. 49. S. 498). В последнее время несколько усиливаются попытки отрицать наличие феодального развития в истории Византии. Особенно это проявляется в исследованиях Лемерля (Lemerle P. *Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. Les sources et les problèmes* // *RH*. 1958. Т. 219–220; *Idem*. *Recherches sur le régime*

фика византийского феодализма, сколько особенности пути становления феодального общества в Византии³.

Специфические черты феодализма являются результатом воздействия исторически сложившихся условий, сопротивления широких масс эксплуататорам; они зависят также от меняющейся внешней обстановки страны и в какой-то мере от ее географических особенностей. Специфика феодализма в определенной стране не затрагивает основ феодального способа производства, но она отражает то обстоятельство, какая прослойка эксплуататоров присваивает основную часть прибавочного продукта трудящихся. Естественно, что различным прослойкам эксплуататоров, явно не удовлетворявшимся рабовладельческим способом производства, далеко не безразлично было, как утвердятся новые отношения, т. е. в интересах какой прослойки носителей новых форм эксплуатации будет происходить переход к феодальному обществу. Как при становлении буржуазного строя различные группировки боролись за тот или иной путь перехода к капиталистическим отношениям, так и при переходе к феодальным отношениям вопрос о путях перехода мог быть предметом внутриклассовой борьбы, острота которой зависела от потенциальных возможностей, имевшихся у отдельных прослоек эксплуататоров в результате исторически сложившихся традиций и относительно случайных внешних обстоятельств.

Не во всех странах возможна была сколько-нибудь серьезная борьба за тот или иной путь становления феодализма. Так, в Венеции, далматинских и ганзейских городах в силу их географического положения и исторически сложившейся оторванности от центрального управления, при относительной безопасности от вторжения со стороны внешних сил не могло быть острой борьбы за разные пути феодализма, поскольку враждебные господствующей группиров-

---

agraire à Byzance: la terre militaire à l'époque des Comnènes // *Cahiers de civilisation médiévale*. 1959. Vol. 2. P. 265–281; ср.: **Каждан А. П.** Еще раз об аграрных отношениях в Византии // *ВВ*. 1959. Т. 16. С. 92–113), а также у Тирье (**Thiriet F.** *La Romanie vénétienne au moyen âge*. P., 1959. P. 111), который считает, что ничего похожего на феодализм «в обычном понимании этого слова» не было в Византии. При этом под феодализмом Тирье понимает строй, сложившийся в результате распада Каролингской монархии. Необходимо, однако, отметить доклад Э. Кирстена на Мюнхенском конгрессе византиноведов. Изучая проблему развития византийского города, он постоянно приводил аналогии с развитием феодальных отношений на Западе (правда, эти аналогии касались не способа производства, а внешних надстроечных моментов). Кирстен отмечает также революционное выступление крестьянства при Фоке и острую классовую борьбу в позднем византийском городе по типу западных коммунальных революций (**Kirsten E.** *Die byzantinische Stadt* // *Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten – Kongresses*. München, 1958. S. 21, 39 f.).

³ На возможность двух различных путей генезиса феодализма в Византии впервые указано в моей статье (Проблемы иконоборчества в Византии // *Учен. зап. Сврдл. пед. ин-та*. 1948. Вып. 4. С. 68). Проблема генезиса феодализма разбирается А. П. Кажданом (Основные проблемы истории Византии // *Вестн. истории мировой культуры*. 1959. № 3). Изучая различные аспекты классовой борьбы, А. П. Каждан тем не менее считает возможным для Византии один, специфически византийский путь феодализации.

ке прослойки не имели каких-либо возможностей для борьбы за иной путь развития и за иную специфику феодальных отношений. То же мы можем сказать и о континентальной каролингской монархии, где социальной мощи сеньоров не могло быть противопоставлено противодействие со стороны какой-либо иной эксплуататорской прослойки. В результате в Венеции и ганзейских городах Северной Германии восторжествовали иные, нежели в каролингской Франции, формы и способы феодальной эксплуатации.

В государствах Востока при наличии необходимости централизованного регулирования систем орошения и связанного с этим комплекса исторических традиций феодальные отношения развивались особым путем.

Какие условия существовали в Византии? Был ли закономерно предопределен единственный путь ее перехода к феодализму?

Необходимо считаться с разными обстоятельствами, определяющими возможность того или иного пути развития. Относительно характера основного вида производства – сельского хозяйства – в историографии нет двух мнений: к IV в. в восточной части Римской империи основным рентабельным типом земледелия было мелкое хозяйство, эксплуатируемое собственником земли. Уже к концу IV в. завершается прикрепление колонов-адскрипциев, издавна осевших на владельческой земле и внесенных во владельческие списки по налоговому обложению. Можно было бы сделать вывод, что это и есть завершеного типа феодальный строй, феодальный способ производства в классической форме⁴. Однако это «закрепощение» не оказалось прочным: понадобилось еще 400–500 лет, чтобы закабалить окончательно византийского крестьянина; настоящий процесс превращения крестьянства в зависимое состояние в Византии приходится не на IV в., а на X–XI вв. Только к этому времени появляются в хрониках фамилии крупных землевладельческих магнатов феодального типа (Фоки, Склиры, Малеины, Малассины, Куркуасы и др.)⁵. Почему же закрепощение IV в. не завершилось полным торжеством феодальной формации в ранней Византии? В силу объективной экономической закономерности пробивающиеся новые производственные отношения, как более рентабельные, могут занять в обществе даже господствующее положение. И все же утверждение нового строя в целом зависит от того,

---

⁴ Именно в таком виде изображает Западную Римскую империю Е. М. Штаерман (см.: **Штаерман Е. М.** Проблема падения рабовладельческого строя // ВДИ. 1953. № 2). В отношении ранневизантийской империи к ней присоединяется Е. Э. Липшиц (см.: **Липшиц Е. Э.** Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии // ВДИ. 1955. № 4).

⁵ В отношении Франкского государства Ф. Энгельс писал: «Общественные классы IX века сформировались не в обстановке упадка гибнущей цивилизации, а в родовых муках новой цивилизации» (Происхождение семьи, частной собственности и государства // **Маркс К., Энгельс Ф.** Избр. произв. М., 1952. Т. 2. С. 289). В известном смысле, это можно отнести и к Византии. Нет убедительных данных считать, что парики X в. прямо восходят к колонам IV–VI вв. и что система патроната, упоминаемая источниками X в., имеет преемственность от системы патрониния IV–VI вв. (см.: **Kirsten E.** Die byzantinische Stadt. S. 11).

насколько весь политический строй, общественные учреждения и господствующая идеология закрепляют, а не стесняют развитие данных новых производственных отношений. Только при соответствующей экономическому базису надстройке мы можем назвать общество феодальным. Общество, в котором пробившиеся новые формы имущественных отношений еще не закреплены соответствующей юридической и идеологической надстройкой, мы вправе назвать разве только условным термином – предфеодальное⁶.

В период рабовладельческого строя при ничтожной стоимости орудий производства основным богатством являлась собственность на непосредственного производителя. Это была полная частная собственность; любая зависимость одного человека от другого понималась только как полная собственность (*dominium*) или как соглашение (*locatio – conductio*).

При таком правовом воззрении имущество адскрипция юридически и практически рассматривалось как пекулий, а власть над адскрипцией – как *plena in re potestas*. Естественно, что при сохранении в силе такой идеологической и политической традиции, при такой надстройке прикрепление колонов-адскрипциев не превращалось в элемент феодализации, а укрепляло прежние имущественные отношения; следовательно, адскрипций явился практически ни чем иным, как рабом в новых условиях. По нашему мнению, политика императоров IV в. была не передовой, направленной на закрепление новых производственных отношений, а сугубо реакционной⁷.

Народные движения IV–VII вв. происходили в сложной обстановке: народные массы выступали не только против старых, но и против новых форм угнетения. Против выступлений трудящихся объединенно действовали и мощное рабовладельческое государство, и носители новых производственных отношений, даже варварские вожди.

Только славянские вторжения развязали революционные силы страны⁸. В результате народных выступлений и наступления славян крупное землевла-

⁶ В некоторых трудах советской историографии употреблялся термин «дофеодальный период». В настоящее время в научной литературе по истории СССР утвердился термин «раннефеодальный».

⁷ См. мою статью: К вопросу о процессах феодализации в Римской империи // ВДИ. 1955. № 1.

⁸ Принятый одно время в нашей исторической литературе термин «революция рабов» ввиду теоретической нечеткости в настоящее время не употребляется. Однако несомненно, что именно революционные выступления как рабов, так и колонов были той силой, которая подорвала мощь господствующего класса рабовладельческой Византии (Алпатов М. А. Новый этап в разработке проблемы перехода от древнего мира к средним векам // ВИ. 1949. № 7; Пигулевская Н. В. К вопросу об общественных отношениях на Ближнем Востоке перед арабским завоеванием // Вестн. Ленингр. ун-та. 1948. № 4. С. 66–77; Она же. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.; Л., 1946. С. 114 и сл.; Дмитрев А. Д. Восстание вестготов на Дунае // ВДИ. 1950. № 1; Он же. Народные движения в восточных римских провинциях в период придунайских войн III века // ВВ. 1956. Т. 8. С. 97–123; Он же. Движение скамаров // ВВ. 1952. Т. 5. С. 3–14).

дение, основанное на труде рабов и приближающихся к ним по своему статусу адскриптицев, подверглось разгрому, сильно ослабла городская землевладельческая знать. Как старые, так и новые формы эксплуатации испытали тяжелые удары. Рабство значительно потеряло свой вес. Закрепощенное крестьянство, по-видимому, исчезло⁹.

Социально-экономической базой разветвляющегося с VII в. процесса феодализации являлись: 1) сохранившийся как центр товарных отношений город¹⁰;

⁹ Проблема исчезновения с VII в. закрепощенных крестьян была поставлена в связи с анализом Земледельческого закона К. Э. Цахариз фон Лингенталем, а затем В. Г. Васильевским. Папаригопулу в 1878 г. в своем труде «*Histoire de la civilisation hellénique*» развил теорию об освобождении крестьян иконоборцами. Н. Константиnescу (**Constantinescu N. A.** *Réforme sociale ou réforme fiscale?* // *Academie Roumaine: Bulletin de la section historique*. 1924) считал, что зависимое крестьянство полностью исчезло. Э. Кирстен связывает исчезновение зависимого крестьянства с освобождением при Фоке (**Kirsten E.** *Die byzantinische Stadt*. S. 26). В советской историографии признается революционизирующее влияние наступления славян в VI–VII вв., приведшее к краху рабовладельческого строя и сословий ранневизантийской империи.

¹⁰ Вопрос о преемственности византийского города VII–IX вв. от города IV–VI вв. обсуждается как в советской, так и в зарубежной исторической литературе. В западных трудах вопрос о преемственности ставится вне зависимости от проблемы феодализации Византии (**Dölger F.** *Die frühbyzantinische und byzantinisch beeinflusste Stadt* // *Atti del 3-e Congresso di studi sull'Alto Medio Evo*. Spoleto, 1959). В настоящее время можно выделить две стороны этого вопроса: 1) сохранился ли в византийской провинции город после событий VII в.? 2) чем отличается феодальный город в Византии от города в VI в.? По вопросу о сохранении города см. мою статью: Проблемы иконоборчества... С. 58 сл., где независимо от вопроса, насколько сохранились отдельные города, мною выдвинут тезис о том, что в течение всего периода генезиса феодализма в Византии (в противоположность Западу) город оставался экономическим, политическим и культурным центром. Е. Э. Липшиц выступила с положением о сохранности городов в византийской провинции на протяжении VIII–IX вв. (К вопросу о городе в Византии в VIII–IX вв. // *ВВ*. 1953. Т. 6. С. 113–131); ее положения основаны главным образом на данных агиографии и Морского закона. В последнее время с защитой тезиса о преемственности города выступил, основываясь на списках епископатов, Г. А. Острогорский (**Ostrogorsky G.** *Byzantine Cities in the Early Middle Ages* // *DOP*. 1959. Т. 13. Р. 47–66). Тезис о сохранении городов в VII–IX вв. поддерживает и Тилл (**Teall J. L.** *The Grain Supply of the Byzantine Empire 330–1025* // *DOP*. 1959. Т. 13).

Противоположного мнения придерживается А. П. Каждан, который, основываясь на данных нумизматики и отчасти археологии, проводит тезис о том, что в Византии исчезли почти все античные рабовладельческие полисы на Балканах и в Малой Азии (Византийские города в VII–XI вв. // *СА*. 1954. Т. 21. С. 187). Однако данные о кладах не могут служить основным аргументом для определения экономики (см.: **Соколова И. В.** Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII–XI вв. // *ВВ*. 1959. Т. 15. С. 50–63), а археологические данные о запустении некоторых районов городов в VII–IX вв. могут быть легко объяснены временным переселением горожан на другое, более безопасное место во время варварских нашествий. Колоссальную работу по истории провинциального византийского города проделал Э. Кирстен, который собрал весь археологический материал, касающийся этого вопроса. Он выявил, что так называемые темные века действительно раскрывают картину упадка ряда городов, но в то же время нельзя говорить об отсутствии преемственности. В ряде городов жители с епископом во главе сами укрепляют городские стены. В целях безопасности равнинные города перемещаются в ближайшие горы. Кирстен говорит и о кастрах, которые являлись убежищами для населения во время варварских

2) уцелевшая провинциальная (главным образом скотоводческая) знать, закрепляющая свои позиции в недрах фемного устройства империи; 3) крестьянские хозяйства слабо вовлеченных в товарное обращение мелких частных собственников земли, объединенных в свободные общины, зависимые только от государства¹¹; 4) мелкие предприятия ремесленников и торговцев, объединенных в свободные корпорации, зависимые от государства.

нашествий, а со временем превратились в города (в данном случае Кирстен является поборником «бурговой» теории происхождения городов из военных укреплений). На основании всей существующей литературы можно прийти к выводу, что в VII–VIII вв. действительно известные городские центры аграризировались, превратились в деревни, а местами вовсе исчезли. Но тем не менее множество городов продолжало существовать (особенно приморские центры). Городское население продолжало играть и политическую роль, поскольку товарно-денежное обращение не исчезло. Если сухопутная торговля действительно была в значительной мере надломлена, то зато повысилось значение морской торговли (Lopez R. S. The Role of Trade in the Economic Readjustment of Byzantium in the Seventh Century // DOP. 1959. Т. 13. Р. 69–85), а вместе с тем и роль приморских городов и ростовщического капитала (в связи с практикой *χρεοκοινωνία*).

Второй вопрос об отличии феодального города от позднеантичного более труден. Вопросы административного управления города, естественно, не могут быть основными при его решении. В то же время, поскольку товарное производство обслуживало и античное, и средневековое, и капиталистическое общество, мы не можем в явлениях, связанных с законами товарно-денежного обращения, искать принципиальное разграничение между античным и средневековым городом. Нам кажется, что специфической особенностью для феодального города в отличие от античного было следующее: 1) господство мелкого ремесленного производства, при котором средства производства в основном являлись частной собственностью непосредственного производителя, хозяина мастерской; 2) наличие эксплуатации мелкого ремесленника со стороны городского патрициата; 3) наличие резкого противоречия между городом и деревней, сословного неравенства горожанина и крестьянина, когда, основываясь на этом неравенстве, организованные в цехи и гильдии городское ремесло и торговля участвовали в эксплуатации деревни. Отличие позднеантичных корпораций от византийских нельзя считать принципиальным – принудительность пребывания в корпорациях являлась фактом не истории ремесленного производства, а финансового дела в позднем Риме. Так, ни навикулярии, ни сюарии ничего общего с ремесленным производством не имели – их литургии были делом исключительно правительственной политики возложения на горожан повинностей. В настоящее время в советской литературе продолжается спор о преемственности институтов византийского города между мной и А. П. Кажданом (см.: Сюзюмов М. Я. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века // ВВ. 1951. Т. 4; Каждан А. П. Деревня и город в Византии IX–X вв. М., 1960. С. 250–345).

¹¹ В настоящее время бесспорным является наличие в Византии организованной в общину деревни. Старое положение, принятое в дореволюционной русской историографии, о том, что общинная организация деревни была принесена в Византию славянами, теперь, особенно после труда М. В. Левченко (Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи в V–VI вв. // Византийский сборник. М.; Л., 1945), уже не встречает поддержки. Вопрос заключается лишь в том, что представляла собой византийская община в VII–X вв.? Является ли элементом сплочения крестьян вокруг общины форма собственности (т. е. общинная собственность на землю) или же община представляет собой коллектив мелких частных собственников земли, сплоченных общими производственными интересами? В советской историографии первая точка зрения выражена особенно четко у Е. Э. Липшиц (Византийское крестьянство и славянская колонизация // Византийский сборник. М.; Л., 1945), в дискуссионной статье З. В. Удальцовой и А. П. Каждана (см.: Удаль-

Генетически и сельская община, и городская корпорация в Византии вступили в процесс феодализации уже в готовом виде, т. е. уже со сложившимися формами собственности. Подчинить этих непосредственных производителей или феодалам-вотчинникам, или торгово-землевладельческой аристократии феодального города-государства при постоянном сопротивлении широких масс, как города, так и деревни, – в этом состояла сущность процесса феодализации Византии.

Обратимся теперь к вопросу, какие возможные пути для феодализации существовали в Византии, какая из прослоек эксплуататоров оказалась наиболее мощной, чтобы в своих интересах направлять процесс феодализации страны. Поскольку Византия вступала в стадию феодализма, пройдя длительное развитие в рамках рабовладельческого общества, на первый план выдвинулась городская знать, которая веками возглавляла городское самоуправление полиса, владела примыкающими к городу землями и свои доходы от земли соединяла с доходами, прямо или косвенно связанными с товарным хозяйством.

Политика централизации, проводимая императорами IV в. и направленная против самоуправления городов, а также повышение удельного веса землевладельческих доходов привели к относительному падению влияния городской землевладельческой знати (куриалов). Однако, поскольку города являлись экономическими центрами значительной округи, так или иначе, в разных формах, городская землевладельческая знать не потеряла своего влияния там, где город сохранил экономическое значение, а не полностью аграризировался. Географические особенности Византии явно давали преимущество крупным приморским торговым городам. Константинополь, Фессалоника, Антиохия, Коринф, Смирна, Эфес имели преимущества вряд ли меньшие, чем Венеция, Дубровник, Сплит, Генуя, Пиза, Амальфи; особенно это относится к Константинополю, который был как бы золотым мостом, соединяющим Восток и Запад, Северное Причерноморье и Египет, и к тому же административным и культурным центром государства. Эти особенности географического положения вместе с традиционным влиянием городской знати¹², притом

цова З. В., Каждан А. П. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии // ВИ. 1959. № 3) и в последней работе А. П. Каждана (Деревня и город в Византии IX–X вв.). Противоположная точка зрения выражена мной в статьях: О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону // ВВ. 1956. Т. 10; Некоторые проблемы истории Византии // ВИ. 1959. № 10. Что же касается вопроса об отличии крестьянской общины VII–IX вв. от общины IV–VI вв., то нет сомнения, что византийская община VII–IX вв. отличалась большей сплоченностью и привнесенными в ходе славянских вторжений элементами родовой спайки. Расхождение вызывает вопрос о том, является ли византийская община VII–IX вв. генетически связанной с митрокомией IV–VI вв., на чем настаиваю я, или же новая община является совершенно иным видом общины (А. П. Каждан).

¹² В IV в. городская знать представляла собой устойчивую касту. Либаний пишет об антиохийской городской знати: «Это величайшая из местных курий, которая в состоянии перечислить отцов, дедов, прадедов и предков в том же звании» (Ог. XI. 133). В Византии титулатура, выражающая «благородство», не была наследственной (Guillard R. La transmission héréditaire des titres nobiliaires

в обществе с развитыми товарно-денежными отношениями, делали городскую землевладельческую знать чрезвычайно влиятельной, чего ни в коем случае нельзя сказать про континентальные города меровингской и каролингской Франции.

Можно было бы думать, что естественное развитие городского строя приморских городов Византии к феодализму пойдет по пути Венеции, Дубровника и т. д.¹³ И действительно, такие тенденции мы можем встретить в Византии на всем протяжении ее истории. И еретические выступления Александрии и Антиохии, и выступления против варваров-наемников в IV и V вв., и направление борьбы партий цирка, и противодействие политике централизации иконоборцев со стороны городской знати иконопочитателей, и социальное направление новелл X в. против династов, и попытки учреждения в Константинополе XI в. сильных городских организаций знати с судебными и законодательными функциями, и бурные выступления горожан в конце XII в. – все это было проявлением тенденции к «городскому» пути развития феодализма. При этом нужно отметить, что горожане вовсе не выступали единым фронтом в борьбе за этот путь развития. Константинопольская городская знать стремилась опереться на централизованный государственный аппарат, чтобы держать в своем подчинении провинциальные города. Наоборот, знать провинциальных городов выступала за свою автономию. Как раз VII–VIII вв. были временем, когда фактически начинают свою самостоятельную историю Венеция и далматинские города. Именно тогда происходят выступления против византийской власти в Херсонесе¹⁴. В конечном счете этот путь развития привел бы к самостоятельному развитию Константинополя, городов побережья Эгейского моря и приморских городов Малой Азии. Этот путь феодализации вел к усилению влияния городских сословий (в Константинополе синклита и корпораций), к ослаблению власти императора до пределов власти дожа. Наиболее благоприятной для завершения такого пути становления феодальных отношений являлась середина XI в. Императоры, как сообщают Скилица, Атталиат, Пселл, буквально зависели от константинопольского синклита и вынуждены были заручаться согласием его членов. Кроме того, тогда же возрастает роль народного собрания: иногда представители городского торгово-ремесленного населения созывались во дворец, иногда стихийно возникали шумные сходки. Историки того времени уже считают невозможным проведение важных мероприятий царя

à Byzance // *Palaeologia*. 1959. Nr. 8; см.: BZ. 1960. T. 53. S. 218). Тем не менее в агиографии постоянно подчеркивается благородство происхождения – «евпатриды» (Guilland R. La noblesse de race à Byzance // BS. 1948. T. 9).

¹³ См.: Ostrogorsky G. Byzantium in the Seventh Century // DOP. 1959. T. 13. Как правило, самостоятельную инициативу горожане проявляли там, где государство не могло оказать им военную помощь (Kirsten E. Die byzantinische Stadt. S. 20). В таком случае города превращались в феодальные города-государства (αὐτοκράτορες, по Константину Багрянородному), где население избирало протевонτες.

¹⁴ Theophanis Chronographia / Ed. C. de Boor. P. 372 sq. Nicephori. Breviarum / Ed. Bonn. P. 46 sq.

без решения синклита и воли народа¹⁵. Городская знать в XI в. действовала энергично. Клика Пафлагонов, возглавляемая орфанотрофом Иоанном, выходцем из финансово-ростовщических кругов, стала овладевать государственными доходами и поместьями¹⁶. Провинции давались в управление отдельным лицам из финансовой знати – прообраз колониальной системы Венеции, при которой население подвластных территорий облагалось налогами и в то же время осуществлялся жесткий контроль над местными властями¹⁷.

Разумеется, на протяжении всей истории Византии этот путь развития вызывал сопротивление широких масс города – ремесленных низов и мелких собственников земельных участков в пригородах, которые ощущали гнет ненавистной городской ростовщической и сановой верхушки. Но эта тенденция встречала также острое сопротивление со стороны растущей провинциальной землевладельческой знати. Для Византии имелся и другой путь развития. Малая Азия с ее гористой местностью была удобна для крупного скотоводства и мелкого крестьянского хозяйства; там существовали старинные внутриконтинентальные центры. Новые производственные отношения в сельском хозяйстве уже с IV в. давали солидное преимущество доходам от сельского хозяйства; переход к эксплуатации мелких зависимых хозяйств энапографов выдвигал провинциальную знать, противопоставлял ее городской землевладельческой и столичной знати.

В IV–V вв. в борьбе против самоуправления провинциальных городов провинциальное крупное землевладение поддерживало императорскую политику централизации. Дальнейшее укрепление этой знати привело бы к развитию Византии по пути, близкому к развитию меровингской Франции. Необходимо отметить также тенденции землевладельческой знати к союзу с варварскими вождями; состав поместной знати постоянно пополнялся выходцами из племенной знати варваров, превращавшейся в военно-служилую землевладельческую знать.

В VII в. экономическое влияние этой знати пало, когда фактически крупное землевладение стало невозможным в результате вторжения славян и аваров со стороны Балкан, а также персов и арабов – с Востока. Мощь класса землевладельцев, опиравшихся на труд энапографов и рабов, была сокрушена, но зато зародилась военно-служилая знать нового типа – фемная.

В конце VII в. выступление провинциальной фемной знати проявляется в форме террора Юстиниана II против городской знати Константинополя и сепар-

¹⁵ «...οὐ συγκλήτου ψήφους, οὐ δῆμου βουλὴν...» Psell / Ed. Sathas. V, 125; Attal / Ed. Bonn. P. 70; Scyl. Bonn. P. 651; Christophilopulu A. Ἡ σύγκλητος εἰς τὸ Βυζαντινὸν κράτος. Ἀθήναι, 1949.

¹⁶ Так, сторонники Константина Далассина, поднявшие мятеж феодалов, потеряли свои имена, которые перешли к Константину Пафлагону из клики Иоанна Орфанотрофа.

¹⁷ Соколов Н. П. Народно-освободительное движение и классовая борьба на Крите в первые полтора столетия венецианского владычества // Учен. зап. Горьк. ун-та. 1958. Т. 46. С. 31–52; Он же. Возникновение «адриатического вопроса» // Учен. зап. Ин-та востоковедения АН СССР. 1956. Т. 14. С. 31–90; Noiret H. Documents inédits pour servir à l'histoire de la domination vénétienne en Crète. P., 1892; Gerland E. Kreta als venetianische Kolonie // Historisches Jahrbuch. 1899. Т. 20.

ратизма Херсонеса¹⁸. В дальнейшем особенно широкий характер выступления фемной знати приобретают при Сирийской династии, когда борьба против городской землевладельческой знати Константинополя приняла формы иконоборчества¹⁹. На первом этапе иконоборчества народные массы провинции и народные низы города поддерживали иконоборцев. Однако на втором этапе, когда окрепшая фемная знать перешла к закабалению крестьянства и когда народные массы перестали ее поддерживать, иконоборцы в страхе перед разросшимися народными движениями (восстание Фомы Славянина²⁰, движение павликиан) вынуждены были пойти на компромисс с иконопочитателями.

В борьбе против народных движений (павликианская война) обе прослойки знати были в тесном союзе. Но борьба за овладение государственным аппаратом, за влияние на императорскую политику обостряется с середины IX в.²¹ Политика императоров определенно проводится в интересах развивающегося экономического могущества Константинополя. Это вызывало постоянные вооруженные выступления провинциальной знати против центрального правительства в форме «апостасии». Особенно много таких выступлений было в X и XI вв. И, наконец, в конце XI в. провинциальная знать пришла к победе: византийские динаты стали вступать в тесные сношения с западным рыцарством, а складывающиеся в византийских условиях феодальные институты сомкнулись с уже готовыми институтами Запада, поскольку феодальная система Франции, Германии и Южной Италии развилась именно по аналогичному пути. К каким выводам можно прийти при констатации возможности двух путей феодального развития в Византии и острой борьбы за тот или иной путь развития?

Борьба двух группировок дала возможность в течение веков сохранять силу централизованного бюрократического государства и автократической монархии. При наличии двух борющихся сил, имевших примерно равное значение в экономике, для византийской монархии создавались условия вести более или менее самостоятельную политику, причем, императорская власть имела возможность маневрировать между сторонами и могла по некоторым вопросам политики встречать союзника в лагере городской землевладельческой знати, по другим – среди провинциальной землевладельческой. В то же время императорская власть боролась про-

¹⁸ Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X вв. по р. Хр. М., 1908; для более позднего времени (X–XIV вв.) см.: Яковсон А. Л. Средневековый Херсонес // МИА. 1950. № 17.

¹⁹ См. мою статью: Проблемы иконоборчества в Византии...

²⁰ Липшиц Е. Э. Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII–IX вв. // ВДИ. 1949. № 1.

²¹ Острая борьба в начале X в. подробно освещена: Jenkins R. J. H., Laurdas B., Mango C. A. Nine Orations of Arethas from Cod. Marc. Gr. 524 // BZ. 1954. Т. 49; Jenkins R. J. H. The «Flight» of Samonas // Speculum. 1948. Т. 23. Р. 217; Каждан А. П. Вводная статья // Две византийские хроники X в. М., 1959; Он же. Деревня и город в Византии. Гл. 7; Он же. Социальные и политические взгляды Фотия // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. Л., 1958. Т. 2.

тив слишком опасного усиления той или иной группировки. Основой политики императорской власти против усиления горожан было: 1) недопущение сановной знати к предпринимательству, морской торговле, производству и недопущение в состав государственных сановников лиц, которые не бросали предпринимательской деятельности (совершенно ясно было, что если бы городская землевладельческая знать овладела торговлей и предпринимательской деятельностью и получила бы политическое преобладание в государстве, то это неминуемо вызвало бы переход Константинополя на положение государства – города типа Венеции с дальнейшим распадом Византии на ряд городских аристократических республик; этого не хотело допустить правительство, и оно энергично запрещало сановной знати и городским динамам заниматься ремесленным производством и торговлей²²; 2) стремление держать все производственно-торговое население Константинополя в рамках строгой регламентации под контролем городского эпарха; 3) стремление не допускать военной организации провинциальных городов.

Выступления против городской сановной верхушки в пользу городских ремесленных и торговых организаций в условиях того времени носили в известной мере демократический характер²³. Можно думать, что эта линия велась при Льве VI во время правления его временщика Зауцы-Стилиана, выступавшего против влияния церкви, за развитие торгово-ремесленной деятельности, за рецепцию Юстинианова законодательства, отражавшего экономическое развитие Византии²⁴. В то же правление Льва VI была издана Книга эпарха, предоставившая ряд важных привилегий константинопольским торгово-ремесленным корпорациям²⁵. Фео-

²² Книга эпарха. VI, 10; VII, 1; XVI, 4.

²³ Об отражении острой борьбы внутри господствующих прослоек и о наличии демократических тенденций в хрониках IX–X вв. см.: **Каждан А. П.** Хроника Симеона Логофета // ВВ. 1959. Т. 15. С. 135. Связь с люмпен-пролетарскими массами, а иногда и с наиболее необеспеченными ремесленниками против богатых городских домовладельцев и хозяев мастерских привилегированных корпораций характерна для представителей церкви в их выступлениях против императоров, причем церковь вступала в связь с представителями знати в апостасиях (аристократический мятеж Андроника Дуки, оппозиция императору Льву VI со стороны Николая Мистика, использование им народных масс).

²⁴ См. мою статью: Экономические воззрения Льва VI // ВВ. 1959. Т. 15.

²⁵ В решении вопроса о корпорациях X в. в советской литературе имеются две тенденции: А. П. Каждан стремится видеть в корпорациях учреждение, сходное с западноевропейскими цехами развитой феодальной системы (Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX–X вв. // ВВ. 1953. Т. 6; **Он же.** Деревня и город в Византии IX–X вв. Гл. 5, 6). Наоборот, мной выдвинуто положение о непосредственной преемственности ремесленно-торговых корпораций X в. от производственных объединений IV–VI вв. (Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века // ВВ. 1951. Т. 4). Поскольку не было перерыва в товарном производстве в крупных городах Византии, я считаю предположение о катастрофическом упразднении в VII в. производственных объединений фантастическим. Отмерли только те корпорации, которые являлись не производственными, а чисто фискальными (например, навикулярии). Тенденция Книги эпарха к предоставлению привилегий торгово-ремесленным корпорациям создала популярность Льву VI в народных массах.

фил, составитель Книги епарха, в 90-х гг. IX в. был придворным, лицом, близким к правительству, и, очевидно, принадлежал к окружению Зауцы-Стилиана.

В то же время правительство стремилось не допустить слишком большого укрепления на местах власти военно-землевладельческой аристократии; оно принимало ряд мер по сохранению крестьянской общины, борясь против перехода крестьянской земли в руки динатов. Безусловно, исчезновение свободной крестьянской общины привело бы к такому усилению власти динатов на местах, что политическая раздробленность и фактическое ослабление центрального правительства стали бы вопросом времени²⁶.

Политика императоров против усиления фемной знати в значительной степени стесняла деятельность провинциальных динатов. Им оставалось выступать против правительства, на что и решаются многие динаты в X–XI вв., которые поистине были веками апостасий. Но в то же время X и первая половина XI в. были отмечены внешней экспансией, победными войнами византийских стратиотов, возглавлявшихся крупными малоазийскими землевладельцами.

На востоке активность проявляли провинциальные магнаты, на западе походы против Болгарии были в большей степени мероприятиями правительства, проводившего политику укрепления константинопольской ростовщической и сановной знати; всякая победа на фронте Малой Азии была победой феодалов; наоборот, всякое продвижение на Балканах – победой Константинополя. Острая борьба проводилась также за господство на местных рынках. Провинциальная знать стремилась захватить в свои руки ярмарки, базары. Специальное постановление Василия II²⁷ имело целью не допустить вытеснения столичного и местного купечества феодалами. Несмотря на новеллу Василия, византийские купцы не смогли организовать внутреннюю торговлю – она перешла в руки феодалов, в результате чего византийское купечество оказалось в дальнейшем слишком слабым перед лицом итальянского купеческого капитала²⁸.

Вторым следствием длительности борьбы обеих группировок за пути феодализации являлось постепенное отставание Византии от Запада в области экономики, военного дела и культуры²⁹. На Западе итальянские города оформлялись

²⁶ Заслуживает внимания попытка П. Лемерля видеть в *πένητες* X в. не экономически мощных, а сословно-ограниченных лиц. В некотором отношении эта точка зрения имеет основание. Новеллы X в. направлены были только против динатов. Мешали ли они, например, какому-нибудь состоятельному хозяину эргастерия скупать у крестьян землю? К динатам он не мог быть причислен. Однако весь смысл новелл, которые говорят о бедствиях в связи с голодом 928 г., заставляет отказаться от лемерлевского понимания термина «*πένητες*» (Lemerle P. *Esquisse pour une histoire agraire...* P. 270).

²⁷ Jus. III. P. 317.

²⁸ Danstrup H. *Commercial Policy of Byzantium* // *Classica et Mediaevalia*. 1949. Т. 10. P. 199.

²⁹ Медленность установления феодальных институтов в Византии – неопровержимый факт. Но объяснение этого явления дается по-разному в советской историографии; основной причиной считается наличие мощных пережитков рабовладения. Зворонос объясняет медленность оформ-

как республики без решающего противодействия феодальных вотчинников; оформление феодализма в этих городах шло в определенном направлении. В каролингской Франции, Англии, Германии феодальное развитие по определенному пути также не встречало сколько-нибудь серьезного препятствия. В этом разгадка пресловутой «реакционности» Византии и объяснение специфики византийского феодализма. В этом же мы можем найти некоторое оправдание схемы Гиббона о медленном загнивании Византии. Византия развивалась так же, как и страны Запада: здесь шли аналогичные процессы феодализации города и деревни. Маневрирование императорской власти в основном состояло не в том, что она, выражая интересы той или другой группировки, содействовала их развитию, но, скорее всего, в том, что монархия препятствовала развитию как той, так и другой стороны, выступая против той прослойки, которая на данном этапе представляла больше опасности для автократической монархии. Хотя для восточно-деспотической монархии в Византии не было социальной и экономической почвы, но эта возможность маневрирования временами представляла византийским императорам власть, близкую к деспотической. По нашему мнению, византийская автократия существовала не потому, что она выражала интересы какой-то определенной прослойки господствующего класса, а потому, что, являясь орудием эксплуататорских групп населения в целом, императорская власть имела возможность маневрировать между борющимися прослойками на протяжении длительного времени.

Несмотря на политику императорской власти в X – начале XI в., явно направленную против династов, взаимоотношение сторон в борьбе за путь развития феодализма склонялось в пользу провинциальной знати.

1. В то время как провинциальная знать имела общие цели (эксплуатация непосредственного производителя через феодальную ренту, укрепление частной власти на местах, захват государственного аппарата), городская знать была лишена единства. Константинопольская знать через систему откупов, налогов, привилегий местного купечества³⁰ осуществляла политику в ущерб провинциальным городам. Это приводило к тому, что при выступлениях местных феодалов города нередко поддерживали восставших.

2. В результате политики императоров, боявшихся сепаратистского движения среди горожан провинции, даже крупные византийские торговые центры

ления феодальных институтов тем, что в Византии не было распространено барское хозяйство, земля находилась в руках крестьян и это делало сопротивление новым институтам упорным (Svoronos N. Sur quelques formes de la vie rurale à Byzance. Petite et grande exploitation // Annales. 1956. Т. 11. Р. 335). Но и во Франкском государстве в период генезиса феодализма земля находилась в руках крестьян.

Это не помешало быстрому оформлению феодальных институтов.

³⁰ Ограничения, налагаемые на иностранных купцов, распространялись в Константинополе и на иногородних (Книга эпарха. XX, 1–2).

не могли иметь свои военные силы, свой военный флот. Поэтому города оказывались беззащитными в момент нападения извне. Ни итальянский, ни далматинский город не могли бы оказаться в столь беспомощном положении, как, например, Фессалоника в 904 г., когда, не получив вовремя помощь из Константинополя, город оказался во власти какого-то корсара³¹.

3. Доходы от торговли и ремесла не шли на расширение производства: разбогатевшие купцы и ремесленники покупали придворные звания, и их сбережения превращались в потребляющее богатство, выходя по большей части из сферы производства.

4. Политика императоров X в., направленная против динатов и, следовательно, на сохранение крестьянского землевладения, привела к обратным результатам. Сдерживая развитие крупного землевладения динатов, право предпочтения (протимесис) представляло такие преимущества деревенским состоятельным лицам, что в среде самой общины возникали крупные владения, подчинявшие себе деревню. Затрудняя концентрацию землевладения сверху, новеллы императоров X в. создали простор для развития феодальных отношений в недрах самой крестьянской общины.

5. Экономическое развитие таких городов, как Константинополь, Фессалоника, сдерживалось наличием пережитков рабовладельческого общества (рабство в корпорациях) и регламентацией, в связи с чем в производственном отношении византийские города стали отставать от итальянских.

6. Народные массы в период IX – середины XI в. видели своего главного эксплуататора в сборщике налогов, в продажных судьях и чиновниках. Эксплуатация со стороны феодального землевладения еще не осознавалась в такой мере, как гнет со стороны константинопольского правительства. Поэтому любое выступление против центральной власти, любой претендент на престол могли получать поддержку народных масс, в том числе и городского плебса.

7. Антиправительственные настроения народных масс, в том числе стратиотов, привели к тому, что правительство, считая местные воинские части ненадежными, стало опираться на наемников, что в конечном счете привело к военному разгрому 1071 г. и к дальнейшей победе провинциальной землевладельческой знати.

Во второй половине XI в. в борьбе за пути развития явный перевес оказался на стороне провинциальной знати: 1 апреля 1081 г. Алексей Комнин захватил Константинополь, предав разграблению имущество местной знати. Эта дата является переломной в процессе перехода Византии к развитому феодализму.

В первую очередь влияние переворота сказалось на горожанах. Уже в 1082 г. союз с венецианцами был куплен за счет прав горожан: венецианцам предо-

---

³¹ Ioannis Cameniatae. De excidio Thessalonicensi. Bonnae, 1838. В течение длительного времени города вдали от пограничной полосы были ἀνίσχυροι (Theoph. P. 363; Kirsten E. Die byzantinische Stadt. S. 21).

ставлены были исключительные привилегии, как в Константинополе, так и в провинциальных приморских центрах³². Эти привилегии непосредственно задели интересы городской знати: вытеснение византийцев из внешней торговли отразилось на ростовщиках, которые финансировали в предшествующий период морскую торговлю, на доходах домовладельцев, поскольку венецианцы обосновались в своих факториях; местное купечество при закупке иностранных товаров потеряло те привилегии, которые ему предоставлены были Книгой епарха³³. Конкуренция итальянских городов, которая чувствовалась уже в конце X и в XI в., превратилась в иноземное засилье. Правда, первоначально провинциальные центры в некоторой степени даже выгадали от оживления торговли с венецианцами: товарообмен, который отчасти сковывался регламентацией, теперь был облегчен, заграничные изделия подешевели в результате беспошлинной торговли. Ремесленное производство, особенно шелковых тканей, могло получить более широкий сбыт и стимул для развития. Вообще, подъем внешней торговли дал возможность развиваться ряду приморских городов³⁴. Гибельные последствия политики Комнинов обнаружились лишь впоследствии. Значительно опаснее для судеб города при Комнинах было начавшееся бегство состоятельных ремесленников и торговцев из сословия горожан. Никита Хониат сообщает, как за несколько золотых монет горожане превращались в воинов-землевладельцев, а «свободные римляне» — в их зависимых людей³⁵. В то же время богатые горожане уходили в монастыри, а состояния, дававшие доход городу, соответственно переходили в руки духовных феодалов.

Ослабление византийских городов с конца XI в. отразилось на положении византийской монархии, которая уже не имела возможности маневрировать, но должна была опираться на феодальную землевладельческую знать и стимулировать ее экономическое и политическое развитие.

---

³² Безусловно, от оживления внешней торговли мелкие приморские центры, перечисленные в грамоте, данной венецианцам, имели некоторую выгоду, однако Кирстен преувеличивает роль венецианской торговли, считая, что, сделавшись передаточными пунктами в распространении импортных товаров, мелкие центры стали действительно городами. Византийские города уже тогда были центрами ремесленного производства, особенно шелковых тканей.

³³ О привилегиях константинопольского купечества при покупке импортных товаров см.: Книга епарха. V, 2–3; VI, 8–9; IX, 6.

³⁴ Большое количество еврейских семейств, которые, по Вениамину Туделитанскому, занимались торговлей в провинциальных городах Византии, дает представление о размахе внешней торговли и о расширении местного рынка (*Reisetagebuch des Rabbi Benjamin von Tudela*, 1159–1173 / Hrsg. A. Martinet. Progr. Bamberg, 1858).

³⁵ **Nic. Chon.** Bonn. P. 272. Лемебль (*Recherches...* P. 37) называет подобную пронию «пролетарской», как будто она давалась бедным ремесленникам. Было бы наивным думать, что в результате предоставления такой пронию внезапно обогащались, превращались в богатых собственников бедные ремесленники. Эти пронию покупались и притом за солидную взятку («персидского коня»). Только весьма состоятельные ремесленники (очевидно, ощущая трудности в ведении своих дел при наличии итальянской конкуренции) могли добыть себе такую пронию.

Закрепощение крестьян, которое проходило в результате исторически закономерных процессов, теперь стало приобретать характер правительственных мероприятий. Создавались пронии, массовое введение которых означало настоящий переворот в отношениях земельной собственности и сословных прав населения деревни. Крестьянская собственность на землю стала рассматриваться как казенная собственность, которую можно было передавать прониару. Правда, реформа проводилась как передача в пользу прониара посотис – налога от комплекса самостоятельных крестьянских хозяйств, однако это расценивалось как «превращение свободных римлян в рабов». Вплоть до конца Византийской империи прониары рассматривались как главная социальная и военная опора византийской монархии³⁶.

Основанная на пронии военная организация империи не могла содействовать удержанию на должной высоте военно-морских сил, которые стали быстро клониться к упадку³⁷. Победа провинциальной знати была результатом внутреннего развития Византии, однако необходимо отметить, что в византийской феодальной системе стали появляться внешние черты классического феодализма.

Нельзя не признать, что византийский феодализм имел тенденцию сомкнуться с западным. Хотя при Алексее Комнине провинциальная знать приобрела полное господство, но положение победителей было далеко не устойчивым и в военном отношении, и в деле упрочения власти над закрепощаемым населением. В этом разгадка «западнофильской политики» Комнинов, особенно Мануила I, при котором произошел массовый переход к прониям.

Византийская провинциальная феодальная знать вступает в подлинный союз с западными феодалами, которые проникают в Византию, принося свои военные и социальные традиции. Экономические уступки венецианцам и генуэзцам приводили к обособлению городов; наоборот, проникновение рыцарей на службу империи усиливало тенденции к созданию феодальной монархии, политически раздробленной по образцу континентальных феодальных стран. Поэтому союз с западным рыцарством был необходимым условием для победы феодальных институтов в интересах провинциальной землевладельческой знати.

³⁶ Ставка монархии на опору в военно-феодальной среде явно отмечается у Киннама (Фрейденберг М. М. Труд Киннама как исторический источник // ВВ. 1959. Т. 16. С. 50).

³⁷ М. Шесан (Şesan M. La flotte byzantine à l'époque des Comnènes et des Anges // BS. 1960. Т. 21. Р. 48–53) считает изменение организации военного византийского флота результатом потери империей малоазиатского побережья. Однако это побережье было возвращено Византии в 1098 г. Можно полагать, что реорганизация флота была результатом политики пришедшей к власти прослойки знати, которая стремилась не допустить морского могущества на местах. Вообще в середине XII в. византийские города были беззащитны. Так, в 1147 г. богатейшие центры шелкоткацкого ремесла оказались легкой добычей норманнов (о роли норманнов Южной Италии в ослаблении Византии см.: Beraud Villars J. Les normans en Méditerranée. P., 1958; ср.: Janin R. // REB. 1959. Т. 17. Р. 264).

Господство провинциальной знати, которая свои доходы от феодальной ренты дополняла эксплуатацией населения путем непосильного налогового обложения, привилегии иностранцам-купцам, выдвижение западных рыцарей как новых византийских землевладельцев – все это вызывало протест масс. В первую очередь протест выражался против налоговой системы. Особенно ярко и образно показано это отношение народа у Никиты Хониата, который рассказывает, как простой стратиот обвинял царя в том, что тот всю жизнь пил народную кровь³⁸.

Ко времени Комнинов, и особенно к концу XII в., городские движения приобрели наиболее яркую демократическую окраску. Вместе с тем демократическим характером отличались и все выступления против латинян – как религиозные, так и политические³⁹. Но эти выступления часто выражались в форме неорганизованных, стихийных антилатинских погромов, которые, в сущности, не могли иметь действенного эффекта, хотя и причинили большой ущерб и экономическим, и дипломатическим связям страны.

Упрочение феодальных институтов каролингского типа привело к тому, что после Мириокефалона центральная власть потеряла свою силу, началось закономерное торжество феодальной раздробленности; мы видим, что выступают разные силы центробежного характера: сепаратистские движения на островах (Кипр), фактическая независимость местных властей на оставшейся под византийским суверенитетом территории. Нужно отметить также и выступление горожан. Беззащитные города поступают под покровительство феодалов и делаются их политическими и военными центрами, которые добиваются привилегий⁴⁰. В некоторых местах города вновь обретают тенденцию к независимому существованию. Против распада империи, против засилья иностранного купечества предпринял отчаянную попытку Андроник Комнин, который первоначально встретил поддержку в народных массах, ненавидевших латинян и зная Константино-

³⁸ Nic. Chon. P. 241. 21.

³⁹ О выступлениях народных масс против иноземного господства см.: Соколов Н. П. Народное-освободительное движение...; Юзбашян К. Н. Классовая борьба в Византии в 1180–1204 гг. и Четвертый Крестовый поход. Ереван, 1957.

⁴⁰ К 1204 г. падение городов зашло так далеко, что почти все они находились под властью феодалов. Единственной реальной силой, с которой приходилось считаться крестоносцам, были только владевшие городами феодалы (Каждан А. П. // ВВ. 1959. Т. 15. С. 222). После катастрофы 1204 г. Византия распалась на политически самостоятельные районы, которые экономически соответствовали местным рынкам с городами во главе (Kirsten E. Die byzantinische Stadt. S. 34–35). Но все эти центры стали не городами-государствами типа северо-итальянских или далматинских, а только опорными пунктами феодалов, организационными центрами извлечения феодальной ренты. С этого времени характер народных движений меняется. Если до XIII в. главным врагом крестьянина был сборщик налогов, император, то с XIII в. выступления крестьян направляются уже против феодалов – светских и духовных. (Francès E. La féodalité et les villes byzantines au 13-e et au 14-e siècles // BS. 1955. Т. 15. P. 75–96; Kirsten E. Die byzantinische Stadt. S. 27).

поля. Как известно, попытка Андроника перейти к абсолютизму, минуя стадию феодальной раздробленности, окончилась неудачей⁴¹. Победа феодалов дополнилась разгромом константинопольской демократии – поражение Враны (1187 г.) было использовано для карательной экспедиции латинских союзников Исаака Ангела против пригородов Константинополя и городских низов столицы.

После поражения Враны и его союзников императорская власть деградировала, фактическими властителями страны оказались латинские наемники, разгромившие Врану; начался бурный процесс перехода на стадию феодальной раздробленности. Снова начинаются попытки перейти на путь городской самостоятельности; города, большей частью под властью феодалов, приобретают особые права. От империи отпадают Болгария и Сербия. К началу XIII столетия императорская власть фактически ограничилась Константинополем. На Западе хозяйничали пираты.

Победа крестоносцев в 1204 г. еще больше укрепила преобладание феодальных институтов, аналогичных западным⁴². Весь быт империи испытывает воздействие западных порядков. Намечаются тенденции к провинциальной централизации, которые были налицо и на Западе: город делается экономическим центром территории, находящейся под властью феодала. Акрополь в центре города являлся цитаделью владетельной знати – как завоевателей, так и местных феодалов. Ктиторы владели пригородными участками, а плебейские массы находились в подчиненном положении⁴³. Муниципальные организации, как и села, были в руках имеющего военную силу магната, который направлял политику своего города⁴⁴.

Городская аристократия из осевших в городах окрестных феодалов превращалась в патрициат, который приобретал некоторое самостоятельное значение в годы крупных политических переворотов.

⁴¹ См. мою статью: Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 г. // ВВ. 1957. Т. 12.

⁴² Дельгер в исследованиях о характере поземельных отношений в поздней Византии констатирует полное сходство византийского поместья с западноевропейским в период расцвета феодализма (*Die Frage des Grundeigentums in Byzanz*. S. 217–231). Г. Острогорский (Византийские писцовые книги // BS. 1948. Т. 9) подчеркивает значение денежной ренты. О природе феодальной ренты в Византии см. также: **Каждан А. П.** Аграрные отношения в Византии XIII–XIV вв. М., 1952. Гл. 6; **Горянов Б. Т.** Византийское крестьянство при Палеологах // ВВ. 1950. Т. 3; **Он же.** Поздневизантийский иммунитет // ВВ. 1956. Т. 11; 1957. Т. 12; **Острогорский Г.** К истории иммунитета в Византии // ВВ. 1958. Т. 13.

⁴³ **Kirsten E.** *Die byzantinische Stadt*. S. 34–35; **Tafrali O.** *Thessalonique au 14-e siècle*. P., 1913. P. 23, 32; ср.: PG. 109. Col. 645.

⁴⁴ Э. Франчес (**Francès E.** *La féodalité...* P. 87 sq.) считает, что византийские города XIV в. достаточно окрепли и что муниципальные учреждения фактически возродились. Б. Т. Горянов полагает, что эти утверждения явно преувеличены (см.: Византийский город XIII–XIV вв. // ВВ. 1958. Т. 13. С. 178).

Так, знать (при условии последующей аккламации со стороны демоса) могла заключать международные договоры. Города, хотя и под властью землевладельческой аристократии, представляли собой феодальные центры, имевшие право договариваться с императором⁴⁵. Но господство феодалов в городе при активности широких масс создавало почву для возникновения коммунального движения.

В Византии XIII–XV вв. происходила и типичная для западного средневековья борьба горожан за права и привилегии, которые им удавалось получить в связи с событиями гражданских войн, когда отдельные борющиеся стороны стали добиваться поддержки городов. Однако города были экономически чрезвычайно слабы⁴⁶. Те первоначальные элементы капиталистического развития, которые стали пробиваться в недрах византийской экономики (переход сельского хозяйства к товарному производству), использовались феодальными правителями для укрепления своего господства, и, таким образом, развитие производительных сил сковывалось феодальной надстройкой. Стремясь использовать город в своих интересах, феодалы добивались расширения торговых связей⁴⁷. Однако в этот период только немногие центры являлись продавцами своих изделий (вино, шелк)⁴⁸; города были главным образом проводниками торговли феодала сельскохозяйственным сырьем и хлебом. Из страны, вывозящей предметы роскоши, какой Византия была в IX–XII вв., она превратилась в страну, вывозящую в основном хлеб и сырье. Такое направление экономики только закрепляло экономическое положение феодалов и препятствовало капиталистическому развитию. К тому же основные природные богатства страны, имевшие в то время значение на европейском рынке, и обширные территории на островах уже находились в руках итальянцев. Спорадически проявляющиеся возму-

⁴⁵ О борьбе городов за привилегии см.: **Bratianu G. I.** *Privilèges et franchises municipales dans l'Empire byzantin.* P.; Buc., 1936; **Francès E.** *La féodalité...* P. 92; **Горянов Б. Т.** Византийский город XIII–XIV вв. С. 178.

⁴⁶ **Francès E.** *La féodalité...* P. 83, 87; **Лишев С.** За стокового производство във феодална България. София, 1957. С. 89 сл.; **Ангелов Д.** Аграрните отношения в Северна и Средна Македония през XIV век. София, 1958. Гл. 3.

⁴⁷ Необходимо отметить, что в некоторых случаях привилегии горожанам возникали в связи с тенденциями к провинциальной централизации: в своих интересах правящий феодал старается создать условия для развития экономики города (Монемвасия).

⁴⁸ Упадок местного ремесла нельзя в достаточной степени аргументировать. Правда, в источниках нет данных о наличии ремесленных организаций в XIV в. Но нужно отметить, что только с XIII–XIV вв. появляются в источниках сведения об улицах, названных по ремесленным производствам (*καλιῶν, ζωγαρῶν* // ММ. III, 88 (1277); *καλιγάριας* – *κοοσκινάδων* // **Delehaye H.** *Deux typica...* P. 93). Некоторые элементы крупного товарного производства намечались в поздней Византии. Ливадия (преемница Фив) развивалась как центр шелкоткацкого производства. Этот город имел свои привилегии.

щения против засилья иноземцев показывали лишь слабость прогрессивных элементов, выступающих разрозненно⁴⁹.

Широкие массы городского населения (ремесленники, лица свободных профессий, интеллигенция) и земледельцы пригородных районов в условиях феодальной раздробленности и отсутствия самостоятельности в управлении городов остро ощущали нищету и несправедливость, и в городских районах создавались очаги революционного движения против феодальной раздробленности. Эти настроения широких масс выражены в «Диалоге между богатым и бедным» Макремволита⁵⁰.

Движения масс стали выходить за рамки коммунальных революций, которые, в сущности, никогда не являлись протестом против феодальной раздробленности. Перед Византией снова открывались различные возможности для развития: стоял вопрос о том, сохранится ли феодальная раздробленность, что было в интересах отдельных властителей, особенно иностранных феодальных династий; в то же время горожане стремятся использовать создавшееся положение для укрепления самостоятельности, т. е. возникают запоздалые тенденции к превращению городов фактически в самостоятельные центры; но страх перед народными движениями вынуждал феодалов переходить к политике объединения сил.

Сплотить феодалов против иностранного засилья и создать сильную центральную власть, в то же время не затрагивающую положение феодалов на местах, — было программой Кантакузина. Наоборот, политика Апокавка, который представлял интересы молодой предпринимательской знати, направлялась на подавление самостоятельности феодалов и превращение Византии в централизованное национальное государство; иными словами, его программа соответствовала тенденциям, проявлявшимся и во Франции того времени.

В гражданской войне, начатой Кантакузином, народные массы и прогрессивная часть городской знати поддерживали константинопольское правительство

⁴⁹ Господство иностранцев препятствовало развитию широкого производства. Фокейские квасцы и хиосский мастикс использовались в производстве на Западе, но не в Византии. При переходе местностей, имеющих экономическое значение, в руки итальянцев жители получали личные привилегии, но не торговые. Итальянцы вводили подлинно колониальные порядки. Так, на Крите местное производство стало ограниченным, приобрело характер монокультурного (виноделие), ремесло почти исчезло; городские круги состояли главным образом из ростовщиков, торговцев, моряков (Любарский Я. Н. Критский поэт Стефан Сахликис // ВВ. 1959. Т. 16. С. 81; Gerland E. Kreta als venetianische Kolonie). О колониальном управлении генуэзцев на Хиосе см.: Argenti Ph. The Occupation of the Island 1346–1566. Cambridge, 1958. Vol. 1–3. О постоянных возмущениях населения против венецианцев см.: Francès E. La féodalité... P. 87; Соколов Н. П. Народно-освободительное движение.

⁵⁰ Ševčenko I. Alexios Makrembolites and his «Dialogue between the Rich and the Poor» // ЗРВИ. 1960. Т. 6. Р. 187–228.

(разумеется, не из династических соображений). Превращение Византии в сильное государство, освобожденное от феодалов, было задачей движения: реминисценции старины также воодушевляли горожан Фессалоники и Константинополя, как римлян при выступлении Кола ди Риенцо, которое происходило одновременно с событиями в Византии. Лучшее всего подобное настроение горожан Фессалоники во время гражданской войны отражается в самом факте появления «Шестикнижия» Арменопула, фессалоникийского судьи, который в своем сборнике законов имел в виду объединенное Византийское государство без какого бы то ни было намека на права местных феодальных династий. Активно поддерживали Апокавка и константинопольские массы. Апокавк поднял народ против Кантакузина с помощью димархов⁵¹. Совершенно несомненно, что фессалоникийские зилоты поддерживали константинопольское правительство Апокавка до тех пор, пока его политика направлялась против феодалов⁵². Особенно заинтересован был в создании централизованного государства с солидной военно-морской мощью союз моряков. В период, когда феодальная раздробленность является тормозом для дальнейшего развития производительных сил, всякая политика монархии, направленная против феодалов, встречает поддержку народных масс и всех прогрессивных сил страны⁵³. Вмешательство Сербии и Турции, не заинтересованных в усилении Византии, сорвало политику Апокавка. Попытка проведения централизации в союзе с городами до того испугала феодалов, что Кантакузин в наиболее критические для него дни даже предлагал власть турецкому эмиру Урхану⁵⁴. Поражение и гибель Апокавка в Константинополе знаменовали конец Византии; Фессалоникийская коммуна продолжала борьбу, которая без наличия соответствующей политики в центре была бесперспективной, переходящей на позиции коммунальной революции, уже не соответствующей потребностям времени.

Ослабление императорской власти сказывалось на стремлении светских феодалов и монастырей получить в турецком феодализме поддержку против выступлений народных масс. Начинается длинная эпопея измен и предательств⁵⁵.

⁵¹ Nic. Gregoras. Bonn, II. P. 608, 12–14.

⁵² О связи зилотов Фессалоники с константинопольской политикой см.: **Francès E.** Rascolta zelotilor din Thessalonic in lumina ultimelor cercetări // Studii. 1953. Vol. 12. Nr 3; ср.: BS. 1960. T. 21. P. 162.

⁵³ По словам Энгельса, «все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти...» (Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств // Крестьянская война в Германии. М., 1952. С. 158).

⁵⁴ Ср.: **Франчес Э.** Классовая позиция византийских феодалов в период турецкого завоевания // ВВ. 1959. Т. 15. С. 75.

⁵⁵ О предательской политике феодалов накануне падения Константинополя см.: **Удальцова З. В.** Борьба византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии // ВВ. 1950. Т. 3; **Она же.** Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания // ВВ. 1953. Т. 7; **Она же.** К вопросу о социально-политических взглядах византийского историка XV века Критулу // ВВ. 1957. Т. 12.

Сами императоры конца XIV и XV в. содействовали своему падению, ибо, боясь вооружать народ, они в качестве военной силы использовали турецких наемников. Народные массы были безоружны, неопытны в военном деле и беззащитны перед нападениями турок. Даже городские верхи, которые испытали губительное влияние иностранного засилья, являлись союзниками турок. Надеясь получить под покровительством турецкого султана возможность освобождения от конкуренции итальянцев, городская знать сдавала города туркам⁵⁶.

Известные выгоды часть состоятельного городского населения получила после турецкого завоевания, но грубые формы турецкого феодализма оказались еще более страшным тормозом для развития производительных сил страны и надолго задержали капиталистическое развитие.

В последние дни Византии в Морее развилось движение за воссоздание централизованного национального греческого государства, однако, это политически запоздалое движение было подавлено турками.

---

⁵⁶ Франчес Э. Классовая позиция византийских феодалов... С. 91.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЛЬВА ДЬЯКОНА¹

О личности Льва Дьякона, о его мировоззрении, политических взглядах обычно писали только на основании его труда «История». В настоящее время положение несколько изменилось в связи с открытием энкомия «Льва Дьякона к Василию автократуру слово», принадлежность которого историку Льву Дьякону Калойскому может считаться несомненной. Энкомий сохранился в рукописи, по письму относящейся к XIV в. и хранящейся в Оксфорде, в Болейановской библиотеке, кодекс Барокцанский греческий № 131. Кроме энкомия в рукописи помещены различные письма и речи Пселла, Влеммида, Манасси, Оловола, Михаила Акомината, Евстафия Фессалоникийского, Никиты Фессалоникийского². Энкомий долгое время не изучался, и только в 1933 г. И. Сикутрис опубликовал его в Афинах³. Для удобства энкомий разделен на 20 параграфов.

Энкомий представляет собой типичное льстивое славословие в честь императора Василия, причем, прямо-таки чувствуется стремление блеснуть вычурными фразами и сверхчудовищными сравнениями! Поскольку в энкомии четко говорится о предшествующих императорах Македонской династии (§ 8), то не подлежит сомнению, что речь идет о Василии II.

Второй вопрос, можно ли автора энкомия отождествить с историком Львом Дьяконом. В этом отношении решающим аргументом является то обстоятельство, что автор энкомия, обращаясь к императору Василию, благодарил его за то, что тот «не обошел вниманием меня, ничтожного» человека, но «причислил к своим слугам по особенно свойственной тебе снисходительности» (§ 19). Этому соответствуют данные из «Истории» Льва Дьякона, который сообщает в 10-й книге: «на беду мою я сопровождал государя, неся службу диакона» (Л. Д. X, 8). Трудно допустить, что при дворе императора Василия было два одноименных дьякона одновременно, которых император пригласил в свое окружение. К тому же содержание энкомия может вполне дополнить понимание «Истории», и, наоборот, «История» Льва Дьякона может дать объяснение некоторым местам энкомия.

---

¹ АДСВ. 1971. Вып. 7.

² Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. B., 1958. S. 599.

³ Sukoutres I. Leontos tou diakonou anekdoton egkomion eis Basileion ton B' // Epeteris Hetaireias Byzantinon Spoudon. 1933. X, 425–434. Enkomion: 426–430.

Чтобы не впадать в гиперкритику, можно принять как достоверное, что и автор энкомия и историк Лев Дьякон – одно и то же лицо. Это в значительной мере облегчает вопрос о мировоззрении Льва Дьякона, поскольку данные «Истории» можно соединить, противопоставить и сопоставить с данными энкомия.

Третий вопрос – датировка энкомия. Что касается исторического труда, то можно считать как несомненное, что Лев Дьякон закончил писать его примерно в 989–990 гг. В «Истории» говорится, что никто, кроме Цимисхия не мог побеждать болгар (Л. Д. VI, 9). Это невозможно было писать после крупных побед Василия II (взятие в плен царя Романа – 991).

Лев приводит как совсем недавнее событие взятие Владимиром Херсонеса, но ничем нигде в подробных известиях об отношениях с Русью не показывает, что ему известно о крещении Руси и о последующем союзе Владимира с Византией. Более вероятным можно считать 991 г. – *terminus ante quem*⁴.

Лев Дьякон в 10-й книге описал подавление мятежа Льва Фоки и смерть его. Смерть Фоки датируется 13 апреля 989 г.⁵ Последнее событие в «Истории» Льва – это великое землетрясение – 26 октября 989 г., что можно считать *terminus post quem*.

Общий пессимистический тон «Истории» Льва Дьякона объясняется тем, что он писал в то время, когда Василий II еще не мог проявить себя как крупный исторический деятель.

Что же касается датировки энкомия, то очень важно определить обстановку, в которой Лев Дьякон произносил эту речь. Издатель энкомия Сикутрис считает несомненным, что энкомий сочинен был в первые годы правления Василия, когда он был еще молодым человеком, т. е. вскоре после вступления на престол – примерно в 980 г. Мотив этой датировки – положения энкомия о том, что император Василий, несмотря на молодость, не поддавался увлечениям юности в отношении удовольствий (§ 6). Но в энкомии противопоставляется импе-

⁴ В «Истории» Льва Дьякона значится: (после землетрясения) «император Василий восстановил эти разрушения в 6 лет».

Эту фразу нужно считать вставкой переписчика. Если принять фразу за подлинный текст истории, то нужно прийти к выводу, что Лев писал свою историю многим позднее 996 г., что невозможно, поскольку Лев утверждал о полном отсутствии побед византийских императоров над болгарами. К тому же фраза не точна. У Яхьи, который дает весьма точные хронологические сведения, это восстановление купола приходится на 18-й год правления Василия, т. е. не в 6, а в 4 года! Это тоже говорит о том, что Лев Дьякон не мог дать такую неточную приблизительную датировку! Вся настроенность исторического труда Льва Дьякона не дает возможности отнести окончание его труда ко времени после 995 г.!

⁵ Относительно датировки Сикутрис (Sukoutres I. Leontos... P. 430) считает, что именно в начальный период царствования Василия был произнесен энкомий, ссылаясь на то, что в § 6 говорится о молодости Василия. Но слова *kai de arti men* (§ 6) можно понимать как стилистическую фигуру – «И вот еще совсем недавно», – особенно, приняв во внимание выражение «с самого начала» – *ek prote grammes* (§ 7) в отличие от последующего!

ратор, который вступил на престол, когда царство почти погибало (§ 8) от незаконно правивших, а потом говорится, что когда власть императора значительно окрепла, он совершенно не возгордился! (§ 9). Ясно, что противопоставляются два периода правления Василия II: начало, когда император был юн, царство почти «погибало и едва дышало» и вторая половина – укрепление власти. Катастрофическое ухудшение можно отметить только в 986 г., после поражения в Болгарии, когда Фока соединился со Склиром. Именно в то время император Василий издал полную пессимизма новеллу 988 г.:

«С тех пор, как это постановление вошло в силу, и до настоящего дня никакой, даже самонаименованной удачи мы не встретили в нашей жизни, но, напротив, не осталось такого вида несчастья, которого мы ни испытали бы!»⁶

Еще один довод в пользу более поздней датировки энкомия: в § 10 говорится о снисходительности Василия, что он мягко поступает с провинившимися подданными и самым милосердным образом возвращает их в прежнее состояние. Каков же подтекст этих строк? Василий II известен как беспощадный каратель. Конечно, такие факты, которые могли иметь вес у людей того времени, – это либо возвращение Льва Фоки после опалы на должность командующего армией, или, что может быть более вероятным, – прощение Варды Склира после капитуляции его, когда Василий простил мятежника и даровал ему титул куропалата, т. е. в 989 г.

В пользу более поздней датировки можно привлечь и то, что Лев как бы извиняется за долгое молчание, что он только в последнее время под влиянием несомненных удач императора решился произнести хвалебное слово (§ 1, 3, 4). Таким образом, можно считать, что энкомий был произнесен примерно после того, как несколько упрочилось положение в Византии, после подавления мятежа Варды Фоки и после капитуляции Варды Склира.

Исходя из этих положений мы попытаемся дать характеристику личности Льва Дьякона, как по его «Истории», так и по энкомию.

Лев Дьякон происходил из невидной, но, по всей вероятности, состоятельной провинциальной мелкой знати Фракийской фемы. Несмотря на то, что Лев не указывает на положение своего отца, по-видимому, тот был достаточно зажиточен, мог воспитывать своего сына в Константинопольской высшей школе, к тому времени процветавшей в столице Византии. Лев Дьякон получил энциклопедическое образование⁷, в которое входили и грамматика, и поэтика, и астрономия, и геометрия, и, безусловно, знакомство с античной мифологией, и некоторые ссылки на модифицированные в христианском духе положения античных философов.

⁶ Новелла 988 г. в переводе В. Е. Васильевского: Материалы для внутренней истории византийского государства // ЖМНП. Т. 202. С. 229.

⁷ Можно полагать, что Лев Дьякон получил и нечто соответствующее средней школе – *egkyklios paideia* и высшее образование – *egkyklios paideusis*. **Panagiotakes N.** *Leon ho diakonos*. Athenai, 1965. S. 6. **Browning R.** *The Correspondence of a tenth century Scholar* // Byz. 1954. Т. 24.

В «Истории» Лев Дьякон старается блеснуть своими знаниями астрономии; вместо наименований месяцев года он иногда ссылается на нахождение солнца в определенном созвездии (Л. Д. III, 1; III, 11). Описывая затмение, он объясняет – луна заслонила солнце, стала перпендикулярно к нему (Л. Д. IV, 11).

Середина IX–X в., особенно время Константина Багрянородного, ознаменовались усилением внимания к античным и ранневизантийским авторам – Лев Дьякон повсюду старается использовать их труды, ссылается на Геродота (Л. Д. I, 1), знает о Семирамиде. Подобно античным историкам включает в изложение придуманные речи полководцев. Знает имена философов Анахарсиса и Замолксида (Л. Д. IX, 6; то же по Геродоту или Страбону). Приводит сведения об основании Андрианополя сыном Агамемнона Орестом (Л. Д. VIII, 2).

Еще ярче блистал своими знаниями античной мифологии Лев Дьякон в энкомии: тут и коза Амальфея, и Лернейская гидра и спящий Эндимион (§ 6, 8), Геракл, Тесей.

Хотя ни в «Истории», ни в энкомии нет особенных экскурсов в философию, но тем не менее чувствуется, что Лев Дьякон кое-что получил от энциклопедического высшего образования. В энкомии мы встречаем ссылку на Менексена Платона (§ 5) и рассуждения о трех сестрах по платоновскому трактату о законах (§ 7). В энкомии Лев Дьякон ссылается и на античные комедии (Аристофана «Облака» – § 18). Нельзя, конечно, быть уверенным, что Лев Дьякон читал в подлиннике Аристофана и особенно Платона и Аристотеля, однако он мог все эти знания приобрести во время лекций от учителей, занимающихся предметами энциклопедического образования.

Разумеется, Лев Дьякон в школах получил достаточные сведения о Гомере и его героях, цитирует стихи Гомера (Л. Д. IV, 5; VI, 7; IX, 6; X, 8), использует часто Гомера для своих сравнений. Это касается и личности Ахилла. Гомеровские сказания об этом герое перемешивались с географическими данными, закрепленными у Страбона (XI, 2) о Мирмикии и Ахиллеи, переосмысливались в легендах, развившихся в греческих колониях переселенцами, желавшими культом старинных героев сохранить свою связь с греческим народом. Учреждая культ Ахилла, колонисты Северного Причерноморья стали создавать легенды о том, что их места были местопребыванием и даже родиной гомеровского героя. Так появились легенды о скифском происхождении Ахилла. Лев Дьякон приводит подробную цитату из сочинения Арриана, который якобы свидетельствовал о том, что Ахилл был скифом и позднее был изгнан за жестокость... Но у Арриана этих сведений нет, говорится только о храме Ахилла на острове Белом, и о наличии предания о Фетиде, поднявшей остров для Ахилла. Очевидно, Лев Дьякон, хотя и цитирует Арриана, но заимствует сведения из других источников. Но связь Ахилла с Северным Причерноморьем была распространена в мифологии и культе античности. Возможно, что колонисты, смешавшись с местным населением, поддавшимся влиянию греческой культуры, этим старались утвердить эллинизацию среди

родовой знати местного населения. Легенду о скифском происхождении после выступлений Фотия стали приспособлять к загадочному, доселе неизвестному народу Рос. Лев Дьякон в описании войны со Святославом, очевидно под влиянием храбрости и воинственности Святослава, распространил легенду о скифском происхождении Ахилла на народ Рос (Л. Д. XI, 6). Эти легенды в связи с богословским толкованием Иезекииля о народе Рос были популярны в школах Константинополя в X в., особенно после появления на исторической сцене древнерусского народа. Толкование слов Иезекииля в греческом переводе 70 толковников о происхождении народа Рос развивались в комментариях к Апокалипсису у Андрея Кесарийского и Арефы⁸. Таким образом, Лев Дьякон пришел к выводу о русском происхождении героя Илиады Ахиллеса!

Несмотря на преклонение перед античностью, Лев Дьякон тем не менее полно показывает себя православным христианином. В «Истории» и энкомии Лев часто использует церковные выражения, цитирует тексты из Нового и Ветхого Завета, из псалмов Давида, посланий апостола Павла.

Лев Дьякон не пишет, как он, духовное лицо, стал историком. Он отметил только свою цель – не оставить без следа в памяти человечества тех «ужасных и достойных удивления» событий, свидетелем которых он был. Можно считать, что историком он стал, увлекшись чтением исторических трудов византийских авторов V–VII вв. Исторические аналогии, образы и сентенции были объектом изучения в энциклопедическом образовании. Можно даже заключить, что Лев не только использовал полученные им во время обучения сведения о прошлом Византии и античного мира, но самостоятельно и детально разбирался в сочинениях ранневизантийских историков – в данном отношении несомненным является изучение им труда Агафия – «История царствования Юстиниана». Но нигде, ни в «Истории», ни в энкомии, нет никаких аналогий, никакого намека на царствование и на личность Юстиниана. Влияние Агафия касается формы изложения и употребления отдельных выражений, которые очень часто Львом Дьяконом приводятся дословно. Можно отметить подробные заимствования и у Прокопия и у Приска.

Однако Лев Дьякон не переписывает из изученной литературы изложения и употребления отдельных выражений, которые очень часто Львом Дьяконом приводятся дословно. Можно отметить подробные заимствования отдельных положений. Мы можем найти у Льва Дьякона и самостоятельные мысли, безусловно, навеянные ему высшим энциклопедическим образованием в юности. Пользуясь источниками, он самостоятельно определяет задачи истории.

Конечно, для всех античных и средневековых историков считалось общим положение о том, что история учит людей на прекрасных примерах прошлого и

---

⁸ Migne. PG. T. CVI. Col. 416 B; Сюзюмов М. Я. Об источниках Льва Дьякона и Скилицы // ВО (Юрьев). 1916. Т. 1. С. 166; Он же. О происхождении слов *Рос*, *Россия* // ВДИ. 1940. № 2.

предостерегает от неправильных вредных поступков и действий! Одним подражать, других избегать! Но понимание пользы истории у Льва несколько иное, чем у Агафия. Несмотря на дословное сходство выражений, Лев Дьякон не принимает основного положения Агафия, что история, сохраняя от забвения человеческие дела, дает славу, и что ради этой славы люди стремятся увековечить память о своих подвигах через историю. Этого лейтмотива Агафия у Льва нет – у него только соображения о пользе для общества!

Предисловие Льва во многом отличается и от предисловия Феофилакта Симокатты, который на первый план ставит эмоциональную сторону исторического изложения, удовольствие от рассказов, видит в истории «усладу», извиняется, что не может особенно изысканной речью украсить свой труд. Лев, наоборот, пишет только об истине – ничего не говорит об «усладе». История у него – серьезная наука! Он присоединяется к положению Прокопия, утверждая, что «риторике присуща сила выражения, поэзии – мифотворчество, а истории – истина» (Л. Д. I, 1)⁹. Лев Дьякон реалистически подходит к значению истории.

Интересно его стремление дать самостоятельную систематизацию всех исторических явлений и событий. Лев считает, что одни события развиваются в результате действия времени *fora tou Chronou* (Л. Д. I, 1), т. е. это признание времени движущей силой истории является примитивным выражением понятия развития; другие события, по Льву, развиваются в результате стечения обстоятельств – *ton pragmaton kylindein* (словоупотребление Аристотеля). Это результат обстановки в целом, включая и случайности в широком смысле слова, в том числе и изменения международного положения... Именно события такого рода и занимают Льва Дьякона как историка. События, по Льву Дьякону, развиваются *eiiothen*, по естественной необходимости. Мы можем это сравнить с античным понятием *fyseos oikonomia*. В данном случае мы тоже констатируем у Льва Дьякона неосознанное признание закономерного развития событий, что скрывается у него под словами «судьба» и «провидение». Явлениям этого рода Лев Дьякон противопоставляет *prosairesis* – произвольное самостоятельное решение тех лиц, которые *ton kechremenon tois pragmasin* занимаются государственными делами.

Нужно заметить, что хотя Лев Дьякон был клириком, тем не менее он в трактовке исторических событий не говорит в духе Евсевия о воле Божьей, он имеет в виду или аристотелевскую силу обстоятельств *fora ton pragmaton* или *Tyche* – в смысле предначенной судьбы (см.: Л. Д. VI, 2 – «*Tyche kai fora ton pragmaton*»).

Лев всякое явление, связывая с «судьбой», подчинял окружающим обстоятельствам. Уроки истории, по Льву, не всегда могут быть использованы, они

⁹ Прокопий. *Bella Persica* / Ed. Haury. Lipsiae, 1963. Vol. I. P. 5,4–5.

ограничены окружающим миром... Так, Лев вкладывает в уста Льва Фоки такие слова: «Я сам читал книги древних, но думаю, что использовать их наставления можно только поскольку позволяют обстоятельства дел *“ta pragmata dechontai”*» (Л. Д. VII, 7).

Но вместе с тем Лев верит в приметы, особенно астрономические – нужно иметь в виду, что вера в приметы ничего общего с религиозным мировоззрением не имеет: астрология и магия являлись в то время как бы особыми светскими науками; комета и огненные столбы не влияли на события, но только возвещали, подобно всем астрономическим явлениям; совершенно неверующий в богов мог верить во влияние отдельных созвездий на жизнь человека, словно созвездие своим светом оказывает материальное влияние на организм и психику человека. Лев Дьякон отметил, что предсказания, очевидно, на основании астрологии давались и светскими, наиболее блиставшими ученостью лицами *ton sofiontes ellogimoteroi* (Л. Д. X, 6).

Лев сообщает, что многие люди верят в то, что различные природные стихийные бедствия, а также войны и т. д. предвещали конец света, второе пришествие Иисуса Христа (особенно принимая во внимание, что по византийским расчетам приближался 1000 год со времени рождения Иисуса Христа, который падал на 992 г. н. э.). Но Лев не присоединялся к этому верованию, выявляя словами *«hos pollois dokein»* («как многие полагают»¹⁰) свою позицию.

Лев часто рассказывает о различных чудесах, но нигде не передает эти рассказы как факт. Он просто передает услышанное по формуле: «...рассказывают, что...» («говорят, что с этой божественной иконой произошло необыкновенное чудо». – Л. Д. X, 5). Рассказ о победе Цимисия над Святославом Лев обставил

¹⁰ Так как рождение Христа христианские богословы и компутисты рассчитывали из мистических соображений на 5500 г. от сотворения мира, то 1000 г. после рождения Христова 5500 – 1000 = 6500 – 5508 = 992. Отметим, что Лев употребляет словосочетание «как многие полагают» в настоящем времени, что подтверждает положение об окончании труда Льва Дьякона до 992 г. Alexander P. Historiens byzantins et croyances éschatologiques // Actes du XII Congres International d'Études byzantines. (Beograd). 1964. Т. 2. Р. 5; Vasiliev A. Medieval Ideas of the End of the World: West and East // Byz. 1942. Т. 3. Р. 488.

А. А. Васильев считал, что, несмотря на весь свой пессимизм, Лев Дьякон не верил, что предстоит второе пришествие Христа в результате роковых примет. П. И. Александер, однако, признает совершенно обратное этому. Мы полагаем, что дословный перевод текста Льва Дьякона свидетельствует о том, что он относил это верование многим, но сам не присоединялся к нему. Слова Льва в 10-й книге (168, 22–169, 13) полностью подтверждают, что в перечислении бедствий Лев не указывает на второе пришествие. Правда, Лев Дьякон прибавляет, что он напишет историю, если Божий промысел не закончит его жизнь и если «не изменит образ мира сего». Это слова апостола Павла (Корин. 7, 91). Но цитата приводится в обратном смысле. Павел убеждал прекратить всякие заботы о семье, потому что до конца света времени оставалось мало! Если бы Лев верил в пришествие 992 г., то зачем же он в таком случае берется закреплять в памяти людей события? Если он и верил в конец света вообще, то он не присоединялся к лицам, ожидавшим этот конец в 992 г.!

рядом чудес о появлении на белом коне великомученика Дмитрия Фессалонийского, но тут же везде прибавляет «говорят» *legetai gar – fasi de...* (Л. Д. IX, 9).

Можно сказать, что хотя Лев Дьякон и был клириком, но христианство, в особенности обрядовое, он принимал со всеми внешними сторонами, догматические же положения его не интересовали, поскольку нигде нет о них никаких данных, аскеза и монастырская жизнь его не влекла, хотя он и вносит некоторые моменты из жизни святых подвижников того времени. Античная вера в судьбу заменяла у него понятие «предопределение». Странно для христианина духовного писать такие строки: «Как казалось, сама Тиха радуется и гордится произведенным ею и тем, что все дела зависят от нее и ничто из земных благ не может никому принадлежать лично» (Л. Д. III, 8). Он полностью воспринял богине Тихе (Л. Д. I, 4). Так Лев сообщает, что и Никифор Фока надеялся на благосклонность Тихи – судьбы (Л. Д. III, 6).

Лев Дьякон почти везде, говоря о судьбе, полностью во власти языческих представлений, и хотя и был духовным лицом, но писал не о «попущении Божьем» и о злосчастном действии Тихи (Л. Д. I, а). Интересно отметить, что когда речь идет о несчастьях, то Лев обвиняет Тиху-судьбу, а когда передает о счастливых для византийцев событиях, то наш историк говорит о силе Всевышнего, например, направляющего византийцев на освобождение острова от власти арабов. В энкомии Лев считает, что Богу свойственно делать добро (§ 15). Но в отношении стихийных бедствий – они тоже от Бога (IV, 9).

Лев Дьякон пессимистически смотрел на человеческое счастье. Он повторял часто встречавшийся мотив у древних – *invidia deorum* – зависть богов – судьба никогда не дает людям полного счастья, а всегда к благоприятному присоединяет какое-нибудь несчастье (Л. Д. I, 4). Совсем в языческом стиле Лев Дьякон пишет о храбром и сильном Льве Фоке, как о человеке, в котором действовала «какая-то» божественная сила, которая ему помогла против неприятелей во время сражений, причем он прибавляет, что это его личное мнение (*oimai* – Л. Д. II, 1). Именно эта *theia tis pronoia* – «какой-то божественный промысел», по Льву Дьякону, спас его от гибели в сражении с болгарами.

Лев пишет: «Провидение – *pronia* – управляет вселенной!» Но под словом «провидение» он, оказывается, понимает тоже судьбу Тихе как неосознанную закономерность. Он пишет: «Если бы завистливая судьба *baskanos nemesesasa Tyche* не прервала жизнь Никифора Фоки, Римское государство достигло бы высшего могущества, но ведь провидение – *pronoia* презирует заносчивый дух человека, укрощает его, обращает в ничто» (Л. Д. V, 8). Здесь Лев Дьякон полностью объединяет понимание и функции судьбы и провидения! Это мы видим и в экономии, в котором он нигде не ссылается на промысел Божий в событиях и деятельности императора.

Мне думается, что это связано с определенным у Льва Дьякона разграничением светской и духовной учености *thyrathen kai theian paideian; gnosin tes theias*

kai anthropines sofias kai epistemes... (Л. Д. VI, 6 и X, 3). Историю Лев Дьякон, очевидно, относил к светским наукам, а не божественным, и потому у него объяснение причин исторических событий дано в духе необходимости, неизбежности. Некоторый налет языческой мысли у Льва Дьякона налицо. Увлечение античным в середине IX–X в. оказало свое действие! Мы видим это и по рецепции права с его концепциями, и по диалогу Филопатрис, и по литературным произведениям.

Лев Дьякон далек от Феофана, несмотря на то, что тот был признанным покровителем истории и что «История» Феофана в X в. была очень распространена. Лев обращался не к Феофану, а к Агафию и Прокопию! Это результат его энциклопедического образования и увлечения античностью. Из византийских историков Феофан менее всего связывает себя с историками прошлого в части духа и формы изложения. Наоборот, Лев Дьякон всюду старается подчеркивать свою связь с прошлым, с античными воззрениями, примерами и аналогиями. Непрерывный континуитет ярко выступает на всем труде Льва Дьякона.

Лев вкладывает в уста своих героев призыв к воинам – вспомнить, что они – римляне! «Будем римлянами и покажем благородство нашего народа!» (Л. Д. I, 6). Так же, как и в далеком прошлом, Византию окружают те же варвары: персы, скифы, мисяне. Даже Константинополь он называет Византией, как в древности; он употребляет везде слова и выражения историков прошлого, даже переносит некоторые детали в обрисовке обстановки.

Но это вовсе не «деконкретизация истории», как полагает А. П. Каждан¹¹. Это говорит о стремлении византийской интеллигенции везде сохранять континуитет, преемственность от античного! Все прошлое и настоящее представлялось как единое. Лев Дьякон цепляется за прошлое, скорбит, что Римская империя в его время находится на краю гибели.

Дидактический смысл «Истории» Льва Дьякона ясен – стремление подчинить историю задачам воспитания народа, читателей в духе стандартной византийской идеологии как союза древнеримского государства и христианства.

Конечно, Лев подбирал такие факты, которые могли бы дать пример для читателей, но никак нельзя считать его «деконкретизатором истории». Стоит только обратить внимание на массу сообщаемых им фактов, например, при описании военных действий, придворных событий. Соблюдение же стиля «аттического» наречия, стандартизация формулировок – это то же, что и в искусстве, следование канонизированному шаблону – это забота о сохранении в чистоте традиций прошлого, не отступать от авторитетов прошлого.

Величие прошлого стало настоящей религией византийцев! Прошлое в христианстве святых отцов IV в.! Прошлое в праве Юстиниана! Везде хранить чистоту – и в сохранении в чистоте либо доктрины права, либо религии, либо

¹¹ Каждан А. П. Византийская культура, X–XII вв. М., 1968. С. 172–173; Он же. Византийский публицист XII в. Евстафий Солунский // ВВ. 1969. Т. 29. С. 192.

искусства – в континуитете византийцы искренно видели силу и счастье своего народа!

Но Лев Дьякон не был националистом-греком. Слово «эллин» у него обозначало язычника (Л. Д. IX, 6). К соседним народам он относился презрительно, как к некультурным варварам. Болгар считает «дикими и жестокими, помышлявшими только об убийствах» (Л. Д. X, 8). Лев передает придуманную им речь императора Никифора болгарским послам, в которой болгары называются «грязным и во всех отношениях низким скифским племенем» (Л. Д. IV, 5), а царя болгарского Петра обозвал «вождем, покрытым шкурою и грызущим сырую кожу!» О варварских вождах он говорит с презрением – они корыстолюбивы и продажны! Их можно подкупать (Л. Д. V, 1). Эти качества, так хорошо представленные в поздне-римской историографии, Лев перенес и на Святослава! К арабам у Льва Дьякона проявляется особенная ненависть. Это «лжецы, ненасытные звери, праздные обжоры», так много зла причинившие Византии (Л. Д. I, 6). Во внутреннюю историю арабов («агаряне», «персы», «карфагеняне») Лев не вдается. С удовольствием описывает он массовые убийства и опустошения, произведенные византийскими войсками на арабской территории Никифором и Цимисхием!

Но пренебрежение к варварам не носило никакого представления о расовом неравенстве. Византийцы гордились только своей культурой. Расистские положения были чужды византийцам. Наоборот, Лев Дьякон считал, что люди смешанного происхождения обычно бывают особенно энергичны. Так, он объяснял особо энергичную роль в правительстве Василия, побочного сына императора Романа I, тем, что Василий родился от пленницы «скифского» происхождения (Л. Д. III, 7).

Что же касается народных масс, то Лев Дьякон в своей «Истории» почти не останавливается на положении их при Никифоре, ограничиваясь только приведением обвинений со стороны врагов императора, что он будто бы «безжалостно разорял своих подданных, выдумывая новые, неслыханные налоги» (Л. Д. IV, 6). В противоположность энкомии Лев не приводит тех подробностей податного гнета, которые трактовали источники его труда, приведенные потом Зонарой¹². В основном Лев презрительно относился к низам: в его представлении народные массы анархичны: «при переворотах праздные из народа (*argoi tou demou*) и немущие грабят имущество и разрушают дома, а иногда и убивают своих соотечественников» (Л. Д. VI, 1). Это представление у Льва покоилось на той практике демагогии, которой борющиеся стороны старались привлечь в качестве союзников люмпен-пролетарские слои населения, представлявшие тогда значительную силу в городах. Участие таких масс приводило к погромным методам политических выступлений, дома ненавистных правителей уничтожались, имущество подвергалось разграблению (Л. Д. III, 7; X, 8).

¹² Ioannis Zonarae. Epitome Historiarum / Ed. Dindorfius. Lipsiae, 1899. Vol. 4. P. 192.

Но наш Дьякон ни в коем случае не игнорирует массы, наоборот, он постоянно говорит об их участии в делах. Интересно отметить, что в восстании Варды Склира, по Льву Дьякону, основной силой были народные массы (Л. Д. X, 8); Никифор возведен на престол при содействии народных масс города и синклита (Л. Д. III, 7).

Лев отмечает легковерие толпы. Разумеется, низы выступали против любого правительства, которое собирает тяжелые налоги, и любая апостасия в таких условиях имела широкие возможности в массах. Но массы в то время не могли иметь внутренней сплоченности, неорганизованные следовали за вождем и после гибели быстро рассеивались. Поэтому для подавления народных выступлений нужно было погубить вождя. Когда был убит Варда Фока, то, по Льву Дьякону, по Азии развозили мятежникам отрубленную его голову, и тогда восстание рассеялось! (Л. Д. X, 9).

В то же время Лев отмечает, с какой жестокостью относились к недовольным из народа. Женщина, сбросившая в императора с крыши камень, была живо сожжена вместе с дочерью! (Л. Д. IV, 7).

Вся жизнь Льва (его происхождение, образование, пребывание при дворе, участие в походах) определила направление социальных взглядов историка Льва. Он восторженно отзывался о способностях, героизме таких политических деятелей, которые принадлежали к крупной землевладельческой знати – к Фокадам, семейству Склиров, к военным командирам, проявлявшим себя во время войн. Наоборот, к горожанам он относился холодно. Вопросы торговли его мало интересовали. Он противопоставляет «мужество воина» «корыстолюбию горожанина» *astikon* (Л. Д. IV, 6). Он обвиняет брата Льва в том, что, подобно горожанину, он стал из жадности к деньгам спекулировать на голоде, скупая запасы хлеба и продавая по высоким ценам населению столицы! Лев Дьякон в данном случае возмущается перерождением провинциальной знати, которая в условиях товарного обращения быстро сближается в своих интересах с торгово-ростовщической прослойкой горожан.

По Льву Дьякону, участие ремесленников в политической жизни было пассивное, но их легко можно было возбудить, так Вринга побуждает коллегия булочников при выступлении Никифора прекратить выпечку хлеба (Л. Д. III, 7). Ремесленники вообще называются презрительным словом *banausoi*. Лев описывает, как горожане, сторонники Никифора Фоки, при захвате власти учинили грабеж в Константинополе (III, 7; VI, 2). Характерно, что Лев Дьякон нигде не упоминает о существовании цирковых партий¹³. Однако Лев признает горожан

---

¹³ Guillard E. Études sur l'Hippodrome de Byzance // BS. 1968. 29. P. 33. При Василии I деятельность партии цирка была прекращена (см.: Georgius Monacha – Theophanes Continuatus / Ed. Bonnae. P. 356).

решающей силой. Он считает, что если бы Лев Фока поднял бы горожан против Цимисхия после убийства Никифора, то Цимисхий не смог бы удержаться на престоле! (Л. Д. VI, 2).

В отношении к духовенству нужно отметить расположение Льва Дьякона к патриарху Полиевкту, который так энергично действовал после убийства Никифора, требуя изгнания Феофано, матери Василия. Лев сочувственно говорит о его стремлении стать выше царской власти. И Полиевкта, и Антония Лев Дьякон прославлял и за то, что они были сильны и в божественной, и в человеческой науках (VI, 6 и X, 3). Но в прочем характеристики патриархов стереотипны – прославляется аскеза, которая с X в. начинает пользоваться широкой популярностью в обществе.

Политические взгляды Льва Дьякона в «Истории» прямо противоположны тем лстивым восхвалениям Василия II, которые он произносил в энкомии за праздничным столом у императора. Судя по «Истории», Льва ни в коем случае нельзя признавать лояльным приверженцем Македонской династии, каковым он старался себя представить в энкомии (§ 8), где возвеличивал величайшие достижения предков Василия II и, с другой стороны, причем совершенно несправедливо, утверждал, что нарушители законности (*pareggraptoi*) довели царство почти до гибели.

Независимо от того, какими источниками пользовался Лев Дьякон, политическая его тенденциозность проявляется совершенно явственно. Императором Никифором он, можно сказать, восторгается. Он приводит впечатления своей юности, когда его удивляло спокойствие императора во время народного волнения в Константинополе. Он восхваляет военные доблести Никифора и замалчивает непопулярные мероприятия Никифора (тетартерон): Лев буквально показывал в «Истории» свою приверженность ко всему роду Фок. О Никифоре Фоке он отзывался так: «Мужеством и силой он напоминал прославленного Геракла, умом, благоразумием и способностью принимать безошибочные решения он превосходил всех людей, рожденных в его время» (Л. Д. III, 8). Мы уже говорили о его восторженной оценке Льва Фоки, который обладал будто бы, по мнению Льва Дьякона, какой-то божественной силой (Л. Д. II, 1).

Лев Дьякон полностью присоединяется к своему источнику, проводящему официальную версию захвата Никифором власти. Так, ни Кедрин – Скилица, ни Зонара не сообщают о том коварном замысле, который будто бы имел паракимомен Иосиф против Никифора. Как мог знать «принципиальный» Никифор мысли Иосифа? (Л. Д. II, 11). Это – оправдание переворота 963 г.

Более холодно, хотя тоже в сочувственных тонах, Лев характеризует императора Цимисхия.

Совершенно по-другому относится он в своей истории к лицам из Македонской династии. Мы можем недоумевать, как в Византии во время правления императора Василия II в своей «Истории» Лев Дьякон мог так непочтительно отзы-

ваться об отце царствующего императора – Романе II. Ведь в «Истории» говорится, что император Роман был вовлечен в противоестественные пороки, проводил время с компанией развратников и обжор (Л. Д. II, 10). Особенно враждебно относится историк к матери Василия – Феофано – она была низкого происхождения (II, 10). Намекает, что император Роман II отравлен ядом из женской половины (т. е. мать императора Василия II отравила отца Романа!). Описывая убийство императора Никифора, основную вину за это Лев Дьякон перелагает на Феофану, которая руководила заговором, содержала в своей женской половине убийц! Называет действия Феофано с Цимисхием злодейским сообществом (Л. Д. V, 6).

Поражает, что историк, писавший свой труд в правление Василия II, на протяжении глав описания правления Никифора и Цимисхия ни разу не обмолвился, где и в каком положении находились законные императоры – молодые Василий и Константин. Они как бы не существовали!

Относительно самого Василия II Лев пишет весьма свободно. Он приписывает вину за поражение, нанесенное болгарами, горячности и неразумию молодого императора, который думал одним ударом покорить Болгарию! (Л. Д. X, 8). Безусловно, распространение «Истории» Льва Дьякона в таком виде во время правления жестокого Василия II было бы немислимым!

Но мы не можем подходить к истории Льва как к труду, опубликованному вслед за его завершением. Труд его был окончен потому, что далее он не стал писать, переделывать рукопись тоже не стал. И можно думать, «История» такой и осталась до конца его жизни, после чего труд попал к какому-либо любителю рукописей, а затем стал использоваться как историческое самостоятельное произведение (так в отдельные рукописи Скилицы попали выписки из «Истории» Льва Дьякона).

Именно этим и объясняется то обстоятельство, что Льва Дьякона в предисловии Кедрин и Скилица называли по-разному: Львом Асийским и Львом Кариин... Разумеется, заголовок «История Льва Дьякона» написан не самим Львом, а тем лицом, в руки которого попало это сочинение, поскольку из самого труда можно было получить только одно сведение об авторе, что тот был одно время дьяконом.

Теперь следует перейти к энкомиию.

Лев писал свой труд под влиянием страшных неудач в первое пятнадцатилетие правления Василия II. Нельзя и думать было о его публикации. Но не может быть, что о его труде не знали близкие. Возможно, распространились слухи, которые могли дойти до императора. Лев обычно не принимал участия в льстивых выступлениях в честь молодого императора. Он молчал. Он был все еще сторонником династии Фок. Судя по пессимистическому настроению «Истории», Лев Дьякон не доверял прочности власти такого императора-неудачника (поскольку сам же император признавал себя таковым!).

И вот когда положение упрочилось, когда после подавления восстания Варды Фоки наступило «глубокое спокойствие», Лев Дьякон решил прервать свое молчание и перейти в ряды восторженных сторонников императора! И вот, очевидно на торжественном обеде, Лев решился выступить со своим «возношением», «которое подобает приносить» при этих приемах.

Это так называемые застольные речи (*epitrapeziosi logoi*), которые произносились вроде наших тостов¹⁴. За царским обедом обычно, как показывает придворный церемониал X в., раздавались подарки. Совершенно уместно было в тосте восторгаться щедростью императора, восхвалять политику, которую вел тогда император, и желать ему и впредь быть таким же щедрым на подарки! В таком духе и составлен был энкомий!

Энкомий начинается витиеватыми извинениями. Льву неловко, что он так долго молчал, не присоединялся к хору восторжавшихся императором; он оправдывался своим «недостаточным образованием», неумением говорить и тем, что только исключительные доблести императора заставили его выступить. Далее, Лев, не проявлявший вовсе в «Истории» своих восторгов деяниями императоров Македонской династии, теперь заявил, что нет смысла хвалить предков императора, ведь они очевидны, и не признавать их – вовсе равно, что не признавать солнце! Затем воздается восхваление воздержанной жизни императора – в этом отношении Лев отметил то, что действительно всем бросалось в глаза – император как бы отрекся от личных страстей, отдав себя всего государству. Это – конкретная сторона восхвалений среди громких фраз самой прямолинейной лести о том, что император – прямое счастье империи, которая пришла почти к гибели от нарушителей престолонаследия, т. е. претендентов на престол! Затем Лев отметил, что и после того, как власть его укрепилась, он не возгордился и по-прежнему жизнь свою отдавал служению государству. Отметил милосердие императора в отношении к врагам, очевидно, имел в виду прощение Варды Склира (§ 9). И тут же витиеватыми словами стал оправдывать императора за проведенные им перемены в управлении, что он снял некоторых полководцев, не отличающихся воинственностью, с военных постов, а гражданских лиц, не отличившихся мудростью, не допускал к управлению государством! Этим Лев одобрил политику Василия оттеснять представителей высшей провинциальной знати от руководящих постов в армии и государственном аппарате (§ 11). Эта политика императора против феодализирующейся провинциальной знати превозносится и далее в энкомии.

В энкомии Лев говорит об основной проблеме внутренней политики Василия – об обуздании слишком стремительного процесса феодализации, смягче-

¹⁴ «...Epitrapezious logous...» (см.: Sukoutre I // EEBS. X, 429) по письмам Арефы (см.: BZ. 1954. Т. 47. S. 28; Koukoule F. Byzantinon bios kai politismos. Athenai, 1965. Т. 5).

нии темпов экспроприации земельной собственности свободных общин. Лев возвеличил императора за то, что он ограничил тираническую волю тех, которые, подобно пиявкам, стали пожирать чужое добро... (§ 12). Как раз перед изданием новеллы 996 г. император повсюду разъезжал и принимал меры против захватов крестьянской собственности. Именно этот период, завершившийся изданием новеллы 996 г., и отметил Лев в энкомии.

Преувеличенно гиперболически превозносит Лев царя за его заботы о бедноте. Это было в духе официальной доктрины демагогической политики императора, защищавшего принципы централизации против провинциальной знати.

Говоря о милосердии императора, оратор перешел к личным интересам придворного окружения и лиц, представляющих государственный аппарат, превозносил щедрость императора, видя в ней проявление величия царской власти. Судя по этим словам, Лев Дьякон полностью выразил идеологию сановной знати, которая получала выгоды от централизованной формы эксплуатации через пожалование подарков и различных щедрот со стороны императора, возглавлявшего государственный аппарат. Эту идеологию сановной константинопольской знати Лев Дьякон часто проводил и в «Истории», подобным же образом восхваляя императора Цимисхия (Л. Д. VI, 5). Ничего не говорит Лев в энкомии о завоеваниях. Их еще не было. Те победы, о которых говорится в энкомии, – это только победы над претендентами. Это обстановка перед 990–996 гг. – относительное спокойствие внутри страны, лихорадочные мероприятия Василия против динатов, о которых было потом рассказано в новелле 996 г. (Филокалес, Мелиссин, Фокады и т. д.).

Мы можем полагать, что Василию энкомий понравился и своими гиперболами и – главное – выставлением на первый план его основной деятельности – борьбы против динатов, которые так много ему причинили зла! Энкомий поэтому попал в число примерных и таким образом был помещен в соответствующую рукопись вместе с энкомиями весьма видных деятелей. Так что Дьякон Лев сумел ловко произнесенным словом избежать преследования. Само собой разумеется, что после энкомия у Льва не было уже никакого желания ни продолжать «Историю», ни даже просматривать и переделывать ее! Мы не знаем точно ничего о его судьбе после произнесения энкомия.

Однако имеется довольно соблазнительная теория о дальнейшей карьере Льва Дьякона. Должность придворного дьякона с энциклопедическим образованием, оратора, умного и ловкого человека была преддверием к светской или духовной карьере! Уже с конца XIX в. считали, что в дальнейшем историк Лев Дьякон стал митрополитом Карики! Наиболее убедительно выдвинул это положение в 1965 г. Николай Панагиотакис¹⁵. Исходным моментом этой теории является введение к хронике Кедрина. Как известно, Кедрин весьма точно списы-

¹⁵ Panagiotake N. Leon ho diakonos. Athenai, 1965. S. 16–38.

вал у Скилицы. Списал он в основном и введение к труду Скилицы, но в одном месте его подправил. Скилица в числе историков византийских называет Льва Асийского – *Leon ho Asinos*. Это вполне подходит к Льву Дьякону. Но Кедрин, точно воспроизводя имена других историков, вместо *Asinos* написал *ho Karias* – обычно переводили «Лев из Карики». С некоторой натяжкой можно было бы назвать Льва Калойского и Кариийским, так как провинция и митрополия Кария находились по соседству с родиной Льва. От митрополита Льва Кариийского сохранились письма, написанные очень витиеватым языком, похожим на язык Льва Дьякона с некоторыми параллельными по словоупотреблению местами.

К тому же, как показал Панагиотакис¹⁶, слова *ho Karias* нельзя переводить так, как было бы *Leon ek Karias*. Оборот *ho Karias* встречается при обозначении епископов или митрополитов данной провинции.

Все это делает возможным тот факт, что Василий II после энкомия провел угодливого и образованного Льва Дьякона в митрополиты Карики. Правда, встречаются трудности:

1. Обычно при рукоположении в митрополиты изменяется имя, следовательно, митрополит Лев не был дьяконом Львом! Но перемена имени не была обязательной.

2. До нас дошли данные только о двух митрополитах Карики по имени Лев, один получил митрополичий престол в 1166 г., другой – в 1278 г. Нет сообщений, что во время правления Василия II был митрополит Карики по имени Лев. Если Кедрин говорит в своем введении о митрополите Карики, то, безусловно, он не мог иметь в виду тех двух митрополитов 1166 и 1278 гг., поскольку они хронологически не подходят ко времени жизни Кедрина, смерть которого можно самое позднее отнести к началу XII в. (его история кончается 1057 г., и он не знал продолжения труда Скилицы до 1079 г.). То обстоятельство, что Кедрин говорит о Льве – митрополите Карики, является свидетельством, что помимо двух поздних был неизвестный в документах митрополит Карики Лев, живший в правление Василия II, кому и можно отнести сохранившиеся три письма.

3. Имеются сведения, что митрополитом Карики в 997 г. и в 1030 г. был Иоанн. Если это одно лицо, то для Льва – митрополита Карики места нет. Трудно допустить, что Лев занял митрополичий престол после 1030 г., уже будучи восьмидесятилетним. Остается предположить, что Иоанн в 997 г. и Иоанн 1030 г. – разные лица и что между ними митрополитом Карики был наш Лев Дьякон! Это, конечно, возможно. Трудно допустить, что одно лицо – Иоанн был митрополитом более 33 лет! Все это говорит о том, что ничего доказательного в теории Панагиотакиса нет, но тем не менее имеется большая доля возможности, даже вероятности для отождествления Льва Дьякона с митрополитом Карики, автором трех писем.

¹⁶ Panagiotake N. *Leon ho diakonos*. Athenai, 1965. S. 27.

Сделана еще попытка отождествить Льва Дьякона со Львом, митрополитом Синады. Имеется свидетельство, что Лев – митрополит Синады был историком во время правления Василия II¹⁷. На основании писем, сохранившихся в переписке митрополита Синады¹⁸ (в провинции Каппадокия I, по Гиероклу), была выдвинута другая теория почти одновременно И. Сикутрисом и Х. Грегуаром о том, что митрополит Синады и Лев Дьякон – одно лицо. Алкивиад Сакеллион в 1892 г. и П. Шрамм в 1925 г. опубликовали 9 писем византийского дипломата Льва, который в 997–998 гг. был отправлен к императору Оттону. Грегуар и замечает, что Лев Дьякон, вероятно, впоследствии был назначен Василием II дипломатом. Сикутрис доказывает на основании этих же писем, что дипломат Лев Дьякон в дальнейшем стал митрополитом Синады¹⁹.

Однако эта гипотеза слабее аргументирована, чем предыдущая: во-первых, нет связи с предисловием Скилицы – Кедрина, а, во-вторых, по исследованию И. Даррузе, дипломат Лев в год написания письма (997) был значительно старше, чем Лев Дьякон²⁰, следовательно, Лев из Синады мог быть только источником труда Льва Дьякона.

Таким образом, попытка проникнуть в определение дальнейшей карьеры Льва Дьякона при настоящих данных источников не представляется возможной. Совершенно ясно, что помимо историка Льва Дьякона во время правления Василия занимались историей и митрополит Карий и митрополит Синады, но их отождествление с Львом Дьяконом или же признание их трудов источником, которым пользовался Лев Дьякон, установить пока невозможно.

Пессимизмом веет от «Истории» Льва Дьякона. Он считал причиной своего настроения в основном катастрофы, связанные с внешними сношениями и стихийными бедствиями. Но он не мог понять сущности явлений того времени: в X в. кончился важный период византийской истории – период господства в хозяйстве Византии свободной крестьянской общины и начался новый период – преобладания феодальных институтов и провинциального феодального землевладения.

¹⁷ В каноническом сборнике (**Ralles G., Potles M.** *Syntagma ton theion kai hieron kanonon*. Athenai, 1855. Vol. 5. P. 393): в правление Константина Порфирородного епископия Коринф передана митрополия Патр, как пишут Севастиский Федор и Лев Синадон.

¹⁸ **Darrouzès J.** *Epistoliers byzantins du X siècle*. P., 1960. P. 165–210; **Sykoutres I.** // *Epeteris Hetaireias Byzantinon Spoudon*. 1932. T. 9. P. 473 sq.; **Grègoire H., Orgels P.** *La chronologie des Patriarches de Constantinople et «Question Romaine» à la fin du X siècle* // *Byz.* 1954. Vol. 24; **Panagiotakes N.** *Op. cit.* P. 39; **Sakellion A.** «Soter». Athenai, 1892.

¹⁹ **Schramm P. E.** *Kaiser Basilius und Papst in der Zeit der Ottonen* // *HZ.* 1924. T. 129; **Idem.** *Neun Briefe des byzantinischen Gesandten Leo von seiner Reise zu Otton III aus den Jahren 997–998* // *BZ.* 1925. T. 25. S. 89–115.

²⁰ **Darrouzès J.** *Inventaire des epistoliers byzantins du X siècle* // *REB.* T. 18. P. 122. И. Панагиотакис делает попытку опровергнуть Даррузеса, допуская возможность более поздней датировки письма дипломата Льва.

Тяжелые для народной массы переживания этого времени, времени постепенного уничтожения свободного мелкого землевладения крестьян и развития форм зависимости внутри народных масс, создавали это настроение пессимизма.

В среде же господствующего класса тревожные перемены, волнения, апостасии, активность масс вызывали чувство неустойчивости своего положения, неуверенности и пессимизма. Твердое правление Василия II, его умелое маневрирование между социальными силами, удачные внешние войны – все это на некоторое время создало впечатление устойчивости. Лев Дьякон не мог продолжать свою историю, дальнейший блеск царствования Василия II не гармонировал с его внутренним пессимистическим настроением.

Продолжение «Истории» Льва Дьякона писал философ Михаил Пселл; знаменитый его исторический труд, в основном касающийся истории Византии после блестящего правления Василия II, тоже был, в сущности, проникнут пессимизмом.

ЭНКОМИЙ ЛЬВА ДЯКОНА**(затрапезная речь в честь императора Василия II)***Перевод с греческого*

1. Лучше было бы, благороднейший государь, если бы я к своему душевному порыву не присоединял свою речь, но сохранял привычное молчание, чтобы у слушателей на эту речь вместо восхвалений и рукоплесканий не разразился бы смех, словно я, как это говорится в пословице, своими грязными руками пытаюсь вознести в качестве приношения божеству то самое возвышенное, что являлось предметом моих речей. Ведь я полагаю, что только тем приличествует предоставлять право на выражение восторга, которым дана способность не только проявлять свой душевный порыв, но тем, которые могут и выступать с речью, соответственной предмету восхваления.

2. Но так как военная слава и достойные восторга достижения твоей благородной и подлинно царственной души вызвали порыв восхищения твоими способами правления не только у тех, которые искусны произносить речи и умеют говорить по-аттически, но вызвали душевные порывы и у тех, кто имеет хоть сколь-нибудь из тех способностей, то считал бы совершенно неприемлемым, чтобы и я сам, хотя и незнатного происхождения и ничем себя мужественным и выдающимся не ознаменовал, тем не менее не присоединил и свой взнос к подобным возношениям, чтобы не показать себя как бы стоящим выше других и не воздающим должное!

3. Ведь я полагаю, что подобно тому, как достойны порицания те, кто приносят свою добычу стратигам только в конце общего распределения добычи, так и те, которые получили способность выступать с речами, и тем не менее не возносят правителям совершенно достойные для них прославления, но и этим отстраняют себя от них. Ведь у древних было правильно положено, как я думаю, каждому желающему выделять (в речах) то, что его касается, и возвеличивать лучшее.

4. Вот поэтому теперь я, ободренный твоей гуманностью, вступил в состязание в прославлении твоих доблестей, хотя я и нечасто посыпал себя песком для такого рода состязания, чтобы быть победителем, как на олимпийских играх, но надевал на свои уста словно какой-то сковывающий язык намордник молчания.

5. Вошло в обычаи для придания изящества в подобного рода выступлениях сначала перечислять достижения прошлого и доблести предков и затем проводить (от них) словно по течению похвалу к прославляемому. Но мне кажется это искусственным, совершенно пустым и бесполезным, когда дело идет о прославлениях именно твоих доблестей. Но зачем растрачивать время в проявлении остроумия в том, что и так очевидно? Ведь не признавать добродетелей и военную славу твоих предков, могущественный государь, равняется непризнанию солнца! Ты же, как говорит Платон, «от столь добродетельных произошел добродетельным», но их доблесть не может считаться достаточной, чтобы воздать честь, достойную тебя. Однако ты считал бы себя обиженным, если не признать, что ты (не только доблестью), но и своими трудами превосходишь их.

6. И вот, лишь только ты достиг такого возраста, при котором природа по большей части не может дать понимания многого из явлений – ведь в этом возрасте так много разнородного и разноречивого, подобно мифологической многоголовой Лернейской

гидре, когда полчище страстей словно в «тесных берегах волнуется и разбивается друг о друга, когда каждая из них разгорается сама собой и как тифон низвергает вовлекшихся в бездну. Ты же, с самой исходной черты показал, какой высоты сможешь достигнуть в прекрасных делах.

7. Ведь ты не склонялся ни к наслаждениям, ни к гневу, ни к чему подобному животной дикости, но царственно направляемый умом – руководителем, ты принудил успокоиться волнам влечений твоего возраста, низвергнув, словно тиранию, господство страстей и приблизившись к самой царственной из всех доблестей (разумная душа), вслед за которой, как за старшей, явилась триада сестер, отклоняя все противоречащее (разуму).

8. Ты настолько вознесся (своими доблестями), что делаешься величием своей природы и прямоотой поступков как бы обязательным примером и образцом и даже честью царства... и вот здесь на этот покрытый славой прародительский трон ты, преисполненный лучшего, воссел, и я не имею возможности сказать – рог ли это Амалфеи и жизненные блага со всей ойкумены или же это текущая золотом река и страна, богато покрытая самыми прекрасными цветами, – это то, что ты пожертвовал царству за полученный тобой этот трон. Ведь нужно же было это царство, загубленное негодными методами правления незаконных похитителей престола и которое уже как бы едва дышало, привести в жизнь и призвать к древнему благородству.

9. Когда же ты стал располагать уже весьма значительной властью, ты не стал себя ни в чем превозносить, ты не возгордился величием и высотой этой власти, это то, от чего кто-либо другой совсем потерял бы рассудок. Но только не ты, могущественнейший царь! Как же это могло быть? А это потому, что следуешь древним законам, отличающимся здравым непреклонным суждением. Ты с осторожностью прибегаешь к спокойным бесстрастным решениям. Ведь ты по благородству твоей души не втянулся, как неуправляемый корабль, в пучину удовольствий. Но ты так перевоспитал себя в сторону разнородных доблестей, что полностью превратил себя в философа и тем предохранил себя от бурных проявлений страстей.

10. Разве кто показал себя подобным образом, как ты, лишенным воздействий страстей к наслаждениям и неумолимым к проявлениям гнева? – ведь ты в отношении провинившихся подданных поступаешь не так, как свирепые врачи, не отсекаешь как загнивающие члены тела, но действуешь в отношении к ним совсем иным средством – лечением убеждениями... самым милосердным образом возвращаешь к той литургии, к которой они были привлечены раньше. Ты ведь знаешь, что хороший человек, как подобает, не должен воздавать злом за зло, но следует показать себя добродетельным и многим вышестоящим от тех, кто творит зло. Именно это – божественная добродетель, а то (воздаяние злом) проявление произвола и низменной силы.

11. Разве кто другой подобным образом по справедливому решению к безошибочным решениям приводит подвластного к полезной деятельности и направляет так, чтобы избежать неправильного использования его ума, а именно – не воинственным и несмелым не предоставлять военных должностей, а недостаточно образованных и не сведущих в искусстве управления не назначать на гражданские должности, но те другие распределяются своевременно и к обоюдной выгоде (т. е. и самого лица, и государства).

12. Но кто же сокрушил наклонности к тирании и корыстолюбивое насилие, устремляющееся во вред ближних и тех, кто методами наподобие пиявки производил грабеж, не имея никогда какого-либо пресыщения? Кто же как будто раскаленным железом –

неоспоримым законом это пресек, чтобы оно никогда уже не встречалось в дальнейшем? И вот ныне уже нельзя увидеть ни обижающего и ни обиженного, и уже не представляется достойное трагедии зрелище, как люди силой отрываются от своих родных и изгоняются по незначительным и случайным предложениям!

Ты только один смог героически сдержать неудержимый порыв и мощно потушить всеобщий пожар.

13. Однако я совершенно не замечаю, что я как бы пытаюсь измерить потоки Нила! Я полагаю, что легче на гнилом судне переплыть Атлантическое море, чем как следует описать мощь и величие твоих подвигов. Я ведь должен был бы, касаясь этого, уступить место тем, которым самый образ жизни дает возможность прославлять в соответствующих исследованиях, что же касается моего образа жизни, то мне выпало только немногим дополнять сказанное другими.

14. И пусть это (выступление) не покажется кому-либо каким-то искусственным восторгом или же, как бы угодническим собачьим маханием хвоста перед господином. Разве происходящее впоследствии не будет разъяснено? Разве то, что связано со лживым славословием, может претендовать на долговечность? Я полагаю, что все воспринимают одинаково то, что находится под глазами, за исключением, когда кто-либо сознательно из зависти загнаивает свои глаза. Я говорю о твоей каждодневной заботе, о страдающих от голода, о тех, которые мучаются от холода, томятся в нужде и находятся под угрозой смерти; ты не только предоставил им кров, но и накормил их вполне достаточной пищей. Ты и теперь еще не прекратил предоставлять им щедро то, что является выражением твоего милосердия.

15. Ведь правдиво понимающие явления утверждают, что творить добро является общим и для бога и для человека, причем со стороны бога – в большей степени, со стороны человека – в меньшей, соразмерно величии каждого. Однако ты связал и то и другое в себе и соединился в милосердии, если эта мысль не является кощунством, с самим богом. Ты направляешь всю свою деятельность в сторону добродетелей, и настолько щедро раздаешь в руки (нуждающихся) средства из казначейств, что не случится ли необходимость прибегнуть к бережливости в отношении казны? Но и солнце прежде откажется рассылать свои лучи тем, что живет на земле, чем ты решишься отказаться от этих раздач.

16. Словно бурливый источник, текущий блистающими и чистыми струями, оплывает вокруг всю местность и не позволяет гибнуть от засухи безводные участки, обильно оставляя влагу, он одушевляет землю и сверх того предвозвещает богатый урожай. Так и ты, милосерднейший, великодушно распределяя нуждающимся свою милость и щедрыми дарениями утоляя их жажду, не позволяешь разгораться очагу нищеты и сжигать все подвластное. И теперь вследствие этого можно всем желающим видеть тех, которые недавно еще были расслаблены страданием и имели мертвенного цвета внешность тела, они, приобретая теперь здоровый вид, ликуют, полны энергии в результате призыва их к жизни вопреки всем ожиданиям.

17. Но где же теперь те блестящие деятели красноречия, которые слащавостью периодов и фигур речи и гиперболами в изложении вещей с чрезмерной важностью расхваливали каких-то Ксерксов, Киров и Александров и к тому же оправдывали Камбизов и Помпеев? Я полагаю, что если бы и эти лица присутствовали здесь, то они почувствовали бы себя полностью униженными твоими достойными удивления делами и (от срав-

нения) находились бы в таком же положении, как луна, ведь она прелестна, когда во время своего полнолуния, и если она в то время не заволакивается облаками, и далеко распространяет свой свет, освещая дорогу путникам. Но как только светоносное светило отделяется от горизонта и начнет приближаться к небесному полюсу небосвода, луна начинает затемняться, остается видной для наблюдающих словно бледный, тусклый диск, как светильник с гаснущим фитилем, настолько превозносятся и возвышаются над другими твои дела.

18. Так кто же осмелится рядом с делами других выставить твои дела, чтобы познать разницу между ними? Но я не полагаю, что тот человек в состоянии здраво мыслить, разве только если это не тот, который, как говорится в пословице, имеет в глазах известные по комедии гнилые тыквы! Ведь ты своею деятельностью превосходишь самых мужественных силой своего духа и самых опытных и, что особенно нужно отметить, – мужеством, как я сказал, ты превосходишь самых мужественных, деятельностью – самых опытных, а тех и других – своим превосходством. Озаренный сиянием столь многочисленных и столь великих доблестей, ты переукрашиваешь своими добродетелями все пространство, находящееся под солнцем, – ты вместил в себе такое объединение душевных благ, что их блеском озаряешь все подвластное!

19. Вот видишь, какой нестройный набор слов я произнес тебе, могущественнейший царь! Я не в состоянии похвастаться изысканным благородством выражений, не внес от себя ничего, разъясняющего, ничего обобщающего. Но, выступая, я и был движим желанием воздать тебе благодарность за то благо, которое ты сделал в отношении меня, что ты меня, незначительного, не обошел своим вниманием, но включил в разряд своих слуг вследствие твоей личной расположенности, на которую тебя всегда направляет твоя чистая и самостоятельная душа. Ведь настолько утвердилось в тебе какая-то ненасытная потребность творить добро, что скорее не будет кого-либо просящего, чем ты перестанешь дарить и распределять. Одновременно (с выражением благодарности) я выполняю тот узаконенный взнос, который следует преподносить (на трапезе).

20. И я желал бы, чтобы ты наслаждался этим, благороднейший царь, раздачей достойным пышных щедрот и чтобы не только теми славословиями, которые попусту провозглашаются для слуха, но чтобы и в глубине души обитало на долгое время и для тебя располагалось величие власти, счастье во всех делах управления вдохновляемом и благоденствия свыше и чтобы отсюда дуновения блаженства воодушевляло подвластное, и чтоб оно предстало изобилующим всевозможными душевными наслаждениями.

ОБ ИСТОЧНИКАХ ЛЬВА ДЬЯКОНА И СКИЛИЦЫ¹

1. Скилица

Начиная с изложения самостоятельного правления императора Константина VII Багрянородного², Скилица перестает пользоваться анонимным продолжателем Феофана. История дальнейших событий изложена им вне всякой зависимости от последнего³.

Какими же источниками пользовался Скилица для описания правления Константина VII, Романа II и последующих двух императоров?

Гирш⁴ с уверенностью полагает, что в данном случае Скилица воспользовался трудом одного неизвестного историка, который являлся современником описываемых им событий. Того же мнения придерживается и Г. Вартенберг в своем исследовании об отношении хронистов Скилицы и Зонары ко Льву Дьякону⁵. Особенно напирает Вартенберг на ту мысль, что этот неизвестный историк-современник был единственным источником Скилицы при описании данного периода. Этот историк противопоставляется Вартенбергом Льву Дьякону как *совершенно независимый* и даже противоположный источник. Мимоходом роняет исследователь⁶ мысль об официальнойности источника Скилицы. Однако дальнейшего развития эта мысль у Вартенберга не получила, и самый вопрос об источниках Скилицы им оставляется. Изложение Скилицы интересует его только в сравнении с изложениями Зонары и Льва Дьякона. Правда, Вартенберг отмечает, что источник Скилицы резко настроен против императора Никифора II, особенно с точки зрения церковной и моральной⁷. Однако им совершенно упускается из виду то обстоятельство, что наряду с враждебно настроенными к Никифору известиями у того же Скилицы имеются сведения совершенно противоположного характера, — явно благожелательно относящиеся к этому императору. При этом оба рода сведений приводятся в виде противоположных вер-

---

¹ BO. 1916.

² Cedren. II, 325 / Ed. Bonnae. S. a.

³ Hirsch F. // BSt. S. I., s. a. P. 374.

⁴ Ibid. P. 278, 294, 298.

⁵ Wartenberg G. Leon Diaconos und die Chronisten // BZ. S. a. T. 6. S. 285.

⁶ Idem. Das Geschichtswerk des Leon Dikonos // Ibid. S. 111.

⁷ Idem. Op. cit. P. 317.

сий, естественно отсюда предположить, что для истории данного периода Скилица воспользовался двумя источниками.

Чтобы не оставить в этом никаких сомнений, приведем некоторые места из хроники Скилицы, ясно указывающие, что последний пользовался не одним источником. Описывая восшествие на престол Никифора II Фоки, Скилица явно следует благожелательному Никифору источнику. Вся вина возлагается исключительно на паракимомена Вринга, интриговавшего против Никифора. Никифор же не только не имел желания производить государственного переворота, но даже согласился принять императорскую корону только под давлением Цимисхия и Куркуа, *которые грозили убить его в случае отказа*. Рассказав об этом, Скилица тут же приводит совершенно противоположную версию, которая кажется ему более правдоподобной: «καὶ εἷς μὲν λόγος φέρεται οὕτως, ἕτερος δέ, ὁ καὶ δοκῶν ἀληθέστερος ...»⁸ В ней Скилица говорит, что Никифор уж давно помышлял о захвате власти, к чему особенно побуждала его любовь к императрице Феофано. С ней Никифор вступил в письменные переговоры. Паракимомен Вринга будто бы перехватил письма и справедливо начал подозревать Никифора. Как можно вывести из слов «εἷς λόγος ... ἕτερος δέ ...», Скилица приводит версии *двух различных по тенденции источников*. Насколько в первой версии виден сторонник Никифора, настолько во второй версии – его враг. Одному и тому же источнику обе эти версии принадлежать не могут. Скилица следует в данном описании переворота 963 г. главным образом источнику, благоприятно относящемуся к Никифору, и только коротко говорит о противоположной версии. Этим благоприятным Никифору и враждебным Врингу источником Скилица продолжает пользоваться и далее⁹. Наконец, говоря о благочестии Никифора, он замечает: «τοῦτο δὲ εἴτε ἐγκρατευόμενος ἐποίει εἴτε καὶ λαθεῖν τοὺς κρατοῦντας ὑποκρινόμενος, μόνος ἂν εἶδείη μετὰ θεὸν ἐκείνος». Вероятно, Скилица сомневался в искренности Никифора на основании тех данных, которые приводил имеющийся у него под руками враждебно настроенный к Никифору источник¹⁰. Эта фраза явилась как бы переходом к другому источнику. После не Скилица помещает уж неблагоприятные для Никифора сведения¹¹. Ясно заметно пользование противоположными источниками и в рассказе об убийстве Никифора¹². Кончает этот рассказ Скилица такими словами: «εἰ δὲ ἀληθῶς ἢ ψευδῶς, οὐκ ἔχω λέγειν. θνήσκει δ' ὁμῶς ὁ Νικηφόρος ἑνδόν τοῦ παλατίου κατεργασθείς». Очевидно, что Скилица знал противоположные версии об убийстве Никифора, и в этой фразе высказывает недоумение, которой из них отдать

⁸ Cedren. II, 348 ff.

⁹ Ibid. 348–351.²⁰

¹⁰ Что действительно существовало мнение о лицемерии Никифора, можно вывести из слов Лиутпранда (Liutprandi legatio ad Nicephorum Phocam / Ed. ad Leon. Diac. Bonnae. P. 360). «*Graecorum rex ... falso humilis...*».

¹¹ Cedren. 352 ff.

¹² Ibid. 375–378.

предпочтение. Приводит же Скилица только одну версию – очень благоприятно относящуюся к убитому императору, и рассказывает в духе μαρτύριον святого. Впрочем, чтобы не оставить никаких сомнений в том, что он пользовался не только одним источником, но и другими, Скилица приводит несколько версий относительно подачи Никифору предостерегающего письма. Словами «λέγεται, φασί, ἄλλοι – δὲ» Скилица различает противоречивые источники.

За пользование различными источниками говорит и некоторое противоречие, в которое впадает Скилица по отношению к самому себе. Рассказав на с. 347 о смерти болгарского царя Петра, Скилица на с. 372 пишет о том, что Никифор посылает этому же царю письмо...

В противоречие впадает Скилица и при определении лет Константина VIII¹³.

Но вряд ли можно было бы ближе определить характер обоих источников Скилицы, исходя исключительно из разбора его собственного произведения. Признав за несомненный факт, что Скилица пользовался для истории правления Никифора II разными источниками, все же невозможно было бы разграничить, хоть в самых общих чертах, один от другого. Однако путем сравнения текстов Скилицы с историей Льва Дьякона мы думаем сначала определить в общих чертах рамки одного из источников Скилицы, а затем перейти к характеристике источника противоположной тенденции.

Существует ли какая-нибудь связь между хронистами Скилицей, Кедринем, Зонарой и Гликой, с одной стороны, и Львом Дьяконом – с другой? Не может быть сомнения в том, что Кедрин, Зонара и Глика зависят от Скилицы¹⁴, и поэтому приходится иметь в виду только Льва Дьякона и Скилицу. Но относительно взаимоотношения последних двух в исторической критике не существует единогласия. Такой авторитет, как издатель истории Льва Дьякона Б. Газе, не допускает ни малейшего сомнения в том, что Скилица непосредственно пользовался в самом широком размере трудом Льва Дьякона¹⁵. Это мнение держалось до последнего времени¹⁶, пока против него не выступил Вартенберг¹⁷. В своей статье он пытается опровергнуть мнение Газе и отрицает всякую зависимость Скилицы от Льва Дьякона, как в выражениях, так и по содержанию¹⁸. По его мнению, сходство текстов Скилицы и Льва Дьякона можно объяснить вполне случайным совпадением выражений, особенно специально-военных. Возражая взгляду Газе, Вартенберг выражает *сомнение в том, чтобы мог существовать такой византийский хронист, который бы, выписывая из своего*

¹³ Cedren. 379. Cp.: C. de Boor. Zu Johannes Skylitzes // BZ. S. a. T. 13. S. 360.

¹⁴ Wartenberg G. Op. cit. P. 287–302.

¹⁵ Hase. Ad Leon. Diac. IX, X, 206, 223, 225, 226, 227, 229, 232, 236, 240, 244, 245.

¹⁶ Hirsch. Op. cit. P. 372, 374.

¹⁷ Wartenberg G. Op. cit. P. 303 ff.

¹⁸ Ibid. P. 316: «...ist nun aber der Beweis erbracht, dass eine Abhängigkeit der Chronisten von Leon weder in der sprachlichen Form, noch im Inhalt besteht...»

источника некоторые мелочи, оставался тем не менее совершенно независимым от него по тенденции¹⁹. Очевидно, Вартенберг имеет здесь в виду различное отношение Льва Дьякона и Скилицы к Никифору Фоке. Но несколько выше нами было отмечено двоякое отношение Скилицы к этому императору. Настроенный в общем враждебно к Никифору, *Скилица, наоборот, в тех местах, которые имеют сходство со Львом Дьяконом, благоволит к императору и обнаруживает склонность оправдывать его*²⁰. Таким образом, этот довод Вартенберга говорит скорее против него самого.

Подробно отмечаются им и такие места из хроники Скилицы, в которых тот противоречит Льву Дьякону²¹. Однако эти противоречия ничего не опровергают. И Газ не утверждал, что Скилица черпал сведения только из труда Льва Дьякона. Противоречащие последнему известия Скилица мог почерпнуть из источника противоположной тенденции.

Неожиданными являются слова Вартенберга о том, что Скилица совершенно независим от Льва Дьякона по содержанию²². Наоборот, в сведениях обоих историков наблюдается очень много общего. Переворот 963 г., убийство Никифора, восстание Варды Фоки, эпизоды из войны со Святославом, смерть Цимисхия описаны Львом Дьяконом и Скилицей одинаково; вопрос заключается только в том, насколько близки друг другу оба историка в выражениях. По Газе, тексты их сходны *paene ad verbum*. Вартенберг это отрицает. Однако мы никак не можем согласиться с методом его доказательства. Желая отвергнуть всякую мысль о зависимости Скилицы от Льва Дьякона в данном известии, Вартенберг пишет в таком духе: «*Bei der Expedition des Konstantin Gongykas finden sich bei beiden gemeinsam nur die Worte θαλασσιπλόος und σκιάτραφής*»²³. На этом и кончаются разыскания Вартенберга, причем, им совершенно отрицается, по-видимому, возможность передачи версии *своими словами*. На то обстоятельство, что *сходится каждая фраза, хотя и в вольной передаче*, им не обращается внимания. Но если мы подобное сходство каждой фразы наблюдаем на протяжении нескольких страниц, то между такими источниками необходимо признать некоторую связь, несмотря даже на незначительное количество общих слов.

При сличении Зонары со Скилицей сам Вартенберг²⁴ приводит именно такой случай, когда, несмотря на общность в двух рассказах только трех слов, с необходимостью устанавливается зависимость одного источника от другого *главным образом на основании тождества содержания*.

¹⁹ Wartenberg G. Op. cit. P. 303.

²⁰ Описание переворота 963 г. и убийства Никифора.

²¹ Wartenberg G. Op. cit. P. 306 и др.

²² Ibid. P. 316. См. выше: P. 109, примеч. 8.

²³ Ibid. P. 303.

²⁴ Ibid. P. 296.

К тому же и сходства в выражениях вовсе не так мало, чтобы отрицать *всякую зависимость* обоих от одного источника. Чтобы не быть голословными, приведем пример из описания убийства Никифора Фоки.

Cedren. (P. 375₂₁–376):

«οἷτινες ἀνελθόντες καὶ ξιφῆρεις εἰς τὸν τοῦ βασιλέως εἰσελθόντες κοιτῶνα, ἐπεὶ μὴ εὔρον αὐτόν ἐν τῇ συνήθει κλίνῃ, φωραθῆναι ὑπονοήσαντες μικροῦ δεῖν ἑαυτοὺς κατεκρήμνισαν, εἰ μὴ που ἀνδράριόν τι τῶν ἐκ τῆς γυναικωνίτιδος εὐρηκότες ὑπ' αὐτοῦ ὁδηγοῦνται.

Leo Diac. (P. 53 C):

«'Ανελθόντες οὖν παρὰ πᾶσαν ἀνθρωπίνην ὑπόνοιαν, καὶ τὰ ξίφη γυμνώσαντες, εἰς τὸν βασιλικὸν εἰσελεύνουσι θάλαμον, καὶ τὴν κλίνην κατειληφότες, καὶ ταύτην εὐρόντες κενὴν καὶ μήτινα ἐν αὐτῇ διαναπαυόμενον, ἐπεπήγεσαν ἀπὸ τοῦ δέους, καὶ κατακρημνίσειν αὐτοὺς ἐπειρῶντο πρὸς θάλασσαν. ἀλλ' ἀνδράριόν τι τῶν ἐκ τῆς γυναικωνίτιδος ἰταμῶν, αὐτῶν ἡγησάμενον, ὑποδεικνύει τὸν βασιλέα...»

Idem. (P. 51 A):

καὶ καταλαμβάνουσιν αὐτὸν ἐπ' ἐδάφους κείμενον καὶ στρωνὴν ἔχοντα πῖλον κοκκοβαφῇ καὶ ἄρκτου δέρμα, ὅπερ λαβὼν ἦν παρὰ Μιχαὴλ μοναχοῦ τοῦ Μαλεῖνου τοῦ θείου αὐτοῦ.

«...ἀλλ' ἐπ' ἐδάφους ὑποστρωνύων δέρμα παρδάλεως, καὶ κοκκοβαφῇ πῖλον, ἐπὶ τούτων ἐκάθευδε, μανδύῃ τῷ τοῦ μοναχοῦ Μιχαὴλ καὶ θείου αὐτοῦ, ᾧ Μαλεῖνος ἐπώνυμον».

Подобное сходство замечается до конца рассказа Скилицы о самом убийстве. Далее Скилица передает *различные* версии о предостерегающем письме и поэтому отступает от источника²⁵.

Одним из мотивов для отрицания всякой зависимости между Львом и Скилицей Вартенберг считает то обстоятельство, что в тех местах, где замечается сходство содержания и выражений, *изложение Скилицы отличается большей полнотой*. Так как это обстоятельство встречается почти везде, где замечается хоть малейшее сходство в версиях Льва Дьякона и Скилицы²⁶, то оно заставляет нас отбросить мысль о том, что Скилица непосредственно пользовался Львом

²⁵ Вартенберг (Op. cit. P. 310), не отрицая большого сходства, переносит центр тяжести в данном месте на содержание. Он спрашивает, почему у Скилицы другой порядок изложения, чем у Льва. Ответ мы найдем в труде самого же Вартенберга, из аналогичного взаимоотношения Скилицы и Зонары (на p. 300): «*er hat sich den ganzen Abschnitt durchgelesen und reproduziert ihn aus dem Gedachtniss...*» Скилица, и особенно Лев Дьякон, могли поступить точно так же и здесь.

²⁶ Wartenberg G. Op. cit. P. 306, 310, 312 etc.

Дьяконом²⁷. Но так как сходство изложений тем не менее остается налицо, то необходимо обратиться к другому разрешению вопроса, именно к признанию существования общего Льву и Скилице источника. Лев Дьякон, написавший историю через 20 лет после смерти Иоанна Цимисхия, конечно, мог воспользоваться уже готовыми трудами. Признавая, что Лев Дьякон и Скилица пользовались общим источником, мы тем самым устраним те затруднения, которые доставили Вартенбергу повод отрицать всякую связь между обоими писателями. Противоречивых данных в тех местах, которые подлежат чтению по своему сходству, у Скилицы по сравнению со Львом Дьяконом почти нет. Все лишние данные у Скилицы в таких местах скорее дополняют сведения Льва Дьякона, что только подтверждает наше предположение. Да и Вартенберг не исключает, в сущности, этой возможности, допуская в источнике Скилицы и у Льва Дьякона существование следов общеизвестных народных песен²⁸, что *mutatis mutandis* и является признанием пользования общими источниками со стороны названных историков. Вряд ли, однако, можно останавливаться на влиянии народных песен. Чтобы объяснить ими сходство Скилицы и Льва Дьякона, нужно предположить существование песен о перевороте 963 г., убийстве Никифора, о войнах с русскими, о восстании Варды Фоки, между тем как гораздо проще признать существование целого исторического труда.

Чтобы убедиться в том, что Скилица и Лев Дьякон пользовались общим источником, приведем параллели, отмечая в скобках [ ] сведения, которые мы находим только у Скилицы, а курсивом сходные слова и выражения.

Cedren (P. 390 / Ed. Bonn):

«...*νυκτὸς ἐπιγενομένης αὐτομολοῦσι πρὸς τὸν Σκληρόν, [πρῶτος μὲν ὁ Διογένης] Ἀδράλεστος, εἶτα καὶ ὁ ἄμπελᾶς καὶ [οἱ τοῦ Θεοδούλου παῖδες], οἱ καὶ τὸ πᾶν τῆς ἀποστασίας προκαταρτύσαντες, καὶ ἐφεξῆς τὸ λοιπὸν ἅπαν πλῆθος, ὡς μόνον ἄθροον*

Leo Diac. (P. 74–75 / Ed. Paris):

«...*νυκτὸς ἐπελθούσης τῆς τοῦ Φωκᾶ διαστάντες ἐταιρίας, πρὸς τὸν στρατηλάτην ἀπηυτομόλησαν. ὧν οἱ προὔχοντες Ἀνδράλεστος ἦν ὁ Πατρίκιος, αὐτανειψὶς τοῦ Φωκᾶ, καὶ ὁ ἄμπελᾶς Συμεών...*

²⁷ Во введении Скилица упоминает о писателе «'Ο 'Ασι(α)νὸς Λέων» (у Кедрина Λέων ὁ Καρίας). Чтобы видеть в этом писателе Льва Дьякона, В. Фишеру (Mitteilungen d. Inst. für österreich. Geschichtsf. T. 7. S. 376.) пришлось произвести легкую натяжку. Тем не менее в этом Льве признано было возможным видеть Льва Дьякона (ср.: **Krumbacher**. *Gesch. d. Byz. Litter.* S. I, s. a), у В. Васильевского (см.: **Васильевский В.** Хроника Логофета // ВВ. Б. г. Т. 2. С. 135). Вартенберг сомневается, можно ли в упомянутом Скилицей Льве видеть Льва Дьякона, исходя из того, что Скилица его трудом не пользовался. Льва Дьякона знает только рукопись «С» Боннского издания, приводя из него дословные выписки, которые первоначально Скилице не принадлежали. Что эти места, действительно, являются вставками, становится ясно, если обратить внимание на общий характер вставок данной рукописи.

²⁸ **Wartenberg G.** Op. cit. P. 316.

μετὰ τῶν ἑαυτοῦ θεραπόντων περιλειφθῆναι τὸν Φωκᾶν.

Пάσης δὲ βοηθείας ἔρημος οὗτος ἀπολειφθεὶς, καὶ ἀνίᾳ βαπτισθεὶς καὶ λύπη κατὰ τῶν παρακινήσαντων, εἴτα προδεδωκότων, κατηνέχθη πρὸς ὕπνον ἤδη νυκτὸς ἐπιστάσης. ἔδοξεν οὖν [ύπνώττων] ἀγανακτεῖν καὶ ἀλύειν καὶ περὶ τῶν ἀδικησάντων διαλέγεσθαι τῷ θεῷ “*δίκασον κύριε*” λέγων “*τοὺς ἀδικοῦντάς με*”. ἐν ᾧ δὲ ἔμελλε τὰ ἐπόμενα εἰπεῖν τοῦ ψαλμοῦ, ἤκουσε φωνῆς λεγούσης *μὴ περαιτέρω προβῆναι*· ἔφθασε γὰρ ὁ Σκληρὸς προειληφέναι τὸ ἐπίλοιπον τῆς ψδῆς. διαναστὰς οὖν σύντρομος, ὡς ἔγνω πάσης ἐλπίδος ὠλισθηκώς, ὡς εἶχεν ἐξιππασάμενος μετὰ τῶν περὶ αὐτὸν πρὸς τὸ φρούριον ἔφευγε τὸν Τυροποῖόν²⁹.

Γνωσθέντος δὲ τοῦ δρασμοῦ τῷ μαγίστρῳ Βάρδᾳ τῷ Σκληρῷ, *ἱππεῖς ἀπεστέλλοντο* εὐζωνοὶ καταταχῆσαι καὶ καταλαβεῖν αὐτὸν πρὸ τοῦ εἰς τὸ φρούριον εἰσελθεῖν».

Лέγεται βαθείας ἄρτι νυκτὸς ἐνισταμένης, περιπαθῆ γενόμενον τὸν Φωκᾶν τῷ δρασμῷ τῶν συνωμοτῶν, *ἀγρυπνεῖν καὶ ἀλύειν*, εὐχαῖς τε τὸ θεῖον ἐξιλεοῦσθαι, τὸ Δαβιδικὸν ἐκεῖνο κατεπάρχοντα λόγιον· *δίκασον, κύριε, τοὺς ἀδικοῦντάς με*. αἰφνίδιον δὲ φωνὴν ἐξ ἄερος ἐνηνεγμένην αὐτοῦ τὰ ὦτα περιβομβεῖν, *μὴ περαιτέρω* τοῦ ψαλμοῦ *χωρεῖν* διακελεύουσιν· ὡς τοῦ στρατηλάτου Βάρδα κατ’ αὐτοῦ τὰ τοιαῦτα τοῦ ψαλμοῦ προεξαίτησαντος λόγια. ἐπιτρίς δὲ αὐτῷ τῆς τοιαύτης ἐνηχηθείσης φωνῆς, θαμβηθῆναι τε τῷ καινῷ τοῦ χρησμοῦ, καὶ τῆς εὐνῆς διαναστῆναι περιδεῶς, καὶ τὴν τῆς ἔω φαῦσιν ἐκδέχεσθαι.

...Βάρδας δὲ ὁ στρατηλάτης, τὸν *δρασμὸν διαγνούς* τοῦ Φωκᾶ, συνάμα λογάσιν ἐξιππασάμενος, ἔθει διώκων. ἀλλ’ αὐτοῦ μὲν διήμαρτεν, ἤδη τῷ *φρουρίῳ* ἀνασωθέντος...».

Далее у Льва Дьякона помещено некоторое отступление от рассказа. Он рассуждает об удивительных названиях некоторых местностей; это рассуждение он приводит от себя: «ἐμοιγε οὖν ἔπεισι θαυμάζειν, ὅπως» и т. д. За этим приводится вставка о поражении Льва Фоки и его ослеплении. Далее рассказ продолжается.

²⁹ Местечко, куда пытался бежать Варда Фока, называется у Льва Дьякона словами τῶν Τυράννων. У Кедрина читаем Τυροποῖόν. Вартенберг считает это противоречием. Однако мы затрудняемся строить какие бы то ни было заключения, основываясь на неточности собственных имен. Τυροποῖόν и τῶν Τυράννων не так уж резко различаются, и вполне возможна порча имени переписчиками. Относительно собственных имен приведем пример из рассказа об убийстве Никифора Фоки.

У Льва Дьякона встречаются Λέων ὁ Βαλάντης и Ἀτζυλοθεόδωρος. У Кедрина же Λέων ὁ (Ἀ)Βαλάντιος и Ἀτζυλοθεόδωρος. Однако в высшей степени ошибочно было бы на основании разницы транскрипции этих имен выводить, что Скилица и Лев пользовались различными источниками. Порча собственных имен очень возможна. И действительно, в этом мы можем убедиться. Акад. Ф. Успенский, описывая Охридскую рукопись Скилицы (Известия Русского Археологического Института в Константинополе. Б. м., б. г. Т. 4/2. С. 6) приводит некоторые исправления к изданию Кедрина. Случайно они касаются именно рассказа об убийстве Никифора. Собственные имена здесь близки к транскрипции Льва Дьякона Ἀβαλάντης и Ἀτζυλοθεόδωρος. В рукописях же транскрипция собственных имен совершенно сходна с транскрипцией Льва: Βαλάντης (de Boor. Zur Chronik des Skylitzes // BZ. S. a. T. 14. S. 758).

Cedren (P. 390₂₃–392):

«Οἷτινες συντόνῳ χρησάμενοι τῇ διώξει καταλαμβάνουσιν αὐτὸν κατὰ τὸ πεδίον καὶ μέλλοντα ὅσον οὐδέπω ταῖς τοῦ φρουρίου προσεγγίζειν ὑπωρείαις. Εἷς δὲ τούτων τόλμῃ προφέρων καὶ γενναιότητι, [τοῦνομα Κωνσταντῖνος, Χάρων τὴν προσηγορίαν], τοὺς ἄλλους κατόπιν λιπὼν μετὰ συντονίας ἐπήρχετο τῷ Φωκᾷ, ὁπισθεν οὐραγοῦντι τῶν ἑαυτοῦ, καὶ ἦν τις ἐπὶ δέξασθαι προθύμως παρεσκευασμένῳ. [τοῦτον πόρῳθεν ἰδὼν καὶ γνωρίσας ὁ Χάρων ὕβρεσιν ἀσέμνοισι καὶ ἀπρεπέσιν ἔβαλλεν, ἀγεννῇ καὶ ἀνάνδρῳ ἀποκαλὼν, καὶ προσμένειν κελεύων μικρὸν ὥστε τὰ γέρα ἧς ἀποστασίας λαβεῖν]. Ὁ δὲ τῶν ὕβρεων ἐπακούων, καὶ ὅστις ὁ λέγων [μὴ ἀγνοήσας], ἐπισχὼν τὸν χαλινὸν καὶ πρὸς ἐκεῖνον ἐπιστραφεὶς “ἔδει σέ, ὦ ἄνθρωπε”, ἔφη, “τὸ ἀστάθμητον λογισάμενον τῆς τῶν ἀνθρώπων τύχης μὴ προσονειδίζεις, μηδ’ ἐπεμβαίνειν ἀνθρώπῳ ταῖς ἐξ αὐτῆς ἐπηρεαίαις ἡναγκασμένῳ, ἀλλ’ οἰκτερεῖν μᾶλλον καὶ ἐλεεῖν τὸν δυστυχοῦντά με, [πατέρα μὲν ἐσχηκότα κουροπαλάτην, πάππον δὲ Καίσαρα, θεῖον βασιλέα, δοῦκα δὲ καὶ αὐτὸν γεγονότα καὶ τοῖς ἀνωτέρῳ συναριθμηθέντα, νυνὶ δὲ ἐσχάτοις κακοῖς ὑποβεβλημένον καὶ ἀκληρήμασι.”] τοῦ δὲ [“καλὰ ταῦτα, ὦ κακὴ κεφαλὴ, λέγεσθαι πρὸς παῖδας τοὺς δυναμένους ἀπατηθῆναι ὡς εἰπόντος, ἐμὲ δὲ οὐ φενακίσεις τοῖς τοιούτοις σου λογυδρίοις”] καὶ τὸν ἵππον μυωπίζοντος καὶ θρασύτερον προσιόντος, σπασάμενος ὁ Φωκᾶς τὴν ἐν τῇ ἐφεστρίδι παρηωρημένην κορύνην καὶ ὑπαντιάσας παίει τοῦτον κατὰ τοῦ κράνους. καὶ αὐτὸν μὲν ἀποδείκνυσι νεκρὸν παραυτίκα, ἐμποδίσαι μὴ δυνηθείσης

Leo Diac. (76 D–77 A):

«...Φωκᾷ δὲ ἐπειγομένῳ τηνικαῦτα ἐπὶ τὸ φρούριον, καὶ οὐραγοῦντι τῶν ἀμφ’ αὐτόν, τῶν ἐπιτιθεμένων αὐτῷ τις ἐξιππασάμενος, θρασὺς καὶ ἀγέρωχος, ἐπήγει ἐπανατείνων τὸ ξίφος μετ’ ἀπειλῶν, καὶ πλήττειν ἐπιχειρῶν.

Ὁ δὲ ἀπαλλάττεσθαι τὴν ταχίστην παρῆναι, τὰς κατασχούσας αὐτὸν τύχας εὐλαβηθέντα. δεῖν δὲ, θνητὸν ὄντα, τὸ ἄστατον πάντως ὑφορᾶσθαι τῶν πραγμάτων καὶ ἄπιστον, καὶ μὴ προστιθέναι κακοδαιμονοῦντος ἀνδρὸς τοῖς ἀλήμασιν ἄλγημα. ἀρκεῖν γὰρ τὰ περιστοιχίσαντα τοῦτον δεινά, ἅτινα εἰς τοῦτο δυσπραγίας αὐτὸν περιήλασαν, ὥς φυγάδα νῦν καθορᾶσθαι τὸν τῆς Ῥωμαϊκῆς κατάρξαντα στρατιᾶς.

Ὁ δέ, ὕθλον τηνάλλως τοὺς τοιούτοις λόγοις τιθέμενος, πλησιέστερον ἦει, πλήττειν πειρώμενος.

Ὁ δὲ Βάρδας, τὴν παρηωρημένην κορύνην μεταχειρισάμενος, αἰφνιδίον τε συστραφεὶς, κατὰ τῆς κόρυθος παίει τὸν ἄνθρωπον· ὁ δέ, αὐτῇ κυνῇ κατεαγείς τὸ κρανίον, ἀναυδος τῇ γῇ προσαράσσεται· καὶ οὕτως ἐς τὸ φρούριον ὁ Φωκᾶς διασώζεται».

τῆς κόρυθος τῇ βίᾳ τῆς πληγῆς, ἐκεῖνος δὲ ἀποστρέψας τὸν χαλινὸν εἶχετο τῆς ὁδοῦ. [οἱ δὲ διώκοντες κατόπιν ἐρχόμενοι, καὶ ἔνθα ὁ Χάρων τεθνηκῶς ἔκειτο γενόμενοι, καὶ τῷ ἀνυποστάτῳ τοῦ πτώματος ἐκπληττόμενοι πάντες ἴστων τὴν δίδωξιν ...]».

Сличая в данном месте тексты обоих писателей, мы должны отметить характерную особенность рассказа Льва Дьякона в сравнении с рассказом Скилицы. Рассказ Льва является как бы сокращенным изложением версии Скилицы. Скилица называет имя и прозвище воина, Лев же обозначает его просто словом *тис*. Опущены Львом также другие подробности (помещенные в скобках). Но так как очевидно, что Скилицей Лев Дьякон не мог пользоваться, то необходимо признать, что он воспользовался источником Скилицы. Особенно *необходимо обратиться к сущности последнего рассказа*. Описание маленьких эпизодов из бегства Фоки – его видения и его перебранки с воином – не *могло случайно* оказаться в двух совершенно независимых друг от друга источниках. Тем более что рассказ Льва Дьякона предложение в предложение сходен с версией Скилицы, причем в них встречаются даже общие выражения. Между этими источниками мы необходимо должны признать внутреннюю связь. Особенно рельефно выделяются следы общего источника, если обратить внимание на прямую речь, которую самостоятельный писатель сочиняет обыкновенно сам. Лев Дьякон передает речь Варды своими словами, ответ же воина опускает.

Предположить, что источник Скилицы и Лев Дьякон случайно только в данном месте воспользовались рассказом одного и того же лица, невозможно, так как подобное сходство Скилицы и Льва Дьякона наблюдается в нескольких местах, в рассказах о различных событиях обоих царствований. Остается в *общем источнике Льва Дьякона и Скилицы видеть недошедший до нас исторический труд*. Для большей убедительности приведем еще примеры, ясно показывающие, что Лев Дьякон со Скилицей пользовались общим источником. В рассказе об убийстве императора Никифора мы уже отметили сходство обоих писателей. Приведем место, в котором Скилица полнее Льва в подробностях.

Cedren (P. 376):

«ἐξυπνισθέντα δὲ [καὶ τῆς δεξιᾶς χειρὸς] τὸν ἀγκῶνα τῇ γῇ προσερείσαντα καὶ τὴν κεφαλὴν ἀνακουφίσαντα, ἐπιφέρει γυμνῷ τῷ ξίφει κατὰ τῆς κορυφῆς [ἀσκεποῦς οὐσης (ἐπεπτῶκει γὰρ ἐγειρομένου τὸ τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ κάλυμμα)] Λέων ὁ ἁβαλάντιος...».

Leo Diac. (P. 53 C):

«Διῦπνισθέντα δὲ τοῦτον καὶ τὴν κεφαλὴν ἐπ' ἀγκῶνος ἐρείσαντα, ξίφει βιαίως παίει Λέων ὁ Βαλάντης ὀνομαζόμενος».

Подробности вроде упавшего покрывала опущены Львом. Но зато далее Лев Дьякон в свою очередь более подробен. Пользование общим источником очевидно и здесь. Подобное же взаимоотношение Скилицы и Льва Дьякона в широком размере наблюдается при описании войны со Святославом³⁰, где оба писателя по очереди взаимно дополняют друг друга.

Однако напрасно было бы требовать дословного сходства у Льва Дьякона и Скилицы. Вполне возможно, что последний более точно передал текст своего источника, конечно, значительно сократив его. Скилица вообще старался возможно ближе следовать своим источникам и в полной мере зависел от них. Нельзя сказать того же про Льва Дьякона. Лев был современником описываемых им событий, и поэтому зависимость его от источника не была столь необходимой. Лев Дьякон мог его широко дополнять данными, лично ему известными. Многочисленные вставки от первого лица говорят о самостоятельных вкладах Льва Дьякона. Необходимо отметить еще одну особенность Льва Дьякона – именно его стремление сделать свою историю как можно более похожей на труд Агафия. Отсюда вытекает вычурность его стиля, особенные высокопарные его слова, как отмечает это Газе³¹. *Этим отчасти также можно объяснить, почему нет более близкого сходства его труда с историей Скилицы.* Лев Дьякон пользовался общим с ним источником, но только очень свободно, более следуя содержанию фразы, чем выражениям.

Таким образом, мы находим один источник Скилицы, конечно, отличный от другого, выделяющегося своим неблагоприятным отношением к Никифору. Путем сличения параллельных мест Льва Дьякона и Скилицы мы можем определить в общих чертах рамки первого источника Скилицы.

Определить, какой период истории описывал источник, общий Льву Дьякону и Скилице, кажется невозможным. Единственная наша путеводная нить – сходство изложений обоих писателей – здесь еще не может служить нам: Лев Дьякон начинает историю со смерти Константина VII, а Скилица в истории периода до единовластия Константина пользовался исключительно продолжателем Феофана. Но у Скилицы есть несколько таких сведений, которых нет у продолжателя Феофана и которые почерпнуты им из неизвестного источника. Этот источник, как уже отмечалось в исторической критике³², резко отличается от продолжателя Феофана своим тенденциозно-благожелательным отношением ко Льву Фоке и враждой к Роману I. Если же обратиться к тем немногочисленным историческим отступлениям, которые иногда делает Лев Дьякон, то

³⁰ Напр., ср.: **Cedren.** 410₂₀–411₂₂ и **Leo Diac.** 95 B–D; у Скилицы подробности, опущенные Львом «21 – ἐκ νότου; 5 – καθ’ ἣν εἰώθαμεν ἐορτάζειν τὴν μνήμην τοῦ στρατηλάτου; 10 – ὃ καὶ σὸς; 11 – ὃ καὶ ἡλίου ἀνίσχοντος τοῖς γείτοσιν ἐξηγησαμένη».

³¹ **Hase.** Ad Leon. Diac. P. VIII.

³² **Hirsch.** S. n. // BSt. S. I., s. a. S. 374.

мы среди них найдем как раз два из тех известий, которые Скилица заимствовал из этого неизвестного источника. Одно касается поражения Льва Фоки, другое останавливает внимание читателя на странном названии местности, где тот был ослеплен³³. При описании битвы при Анхиаде Скилица приводит 2 версии. Одна из них предложение в предложение сходится с версией, приводимой Львом Дьяконом.

Cedren (P. 287):

«τρεψαμένου γὰρ τοῦ Φωκᾶ τὸν Συμεὼν καὶ διώκοντος, φήμη τις ἐξαίφνης ἔφθασε πρὸς αὐτὸν ἀπαγγέλλουσα ὡς ὁ δρουγγάριος τῶν πλωτῶν ἄπεισι μετὰ τοῦ στόλου παντός, παραληψόμενος τὴν βασιλείαν. ὁ δὲ τῇ ἀκοῇ καταβροτηθεὶς (ἐσφετερίζετο γὰρ εἰς ἑαυτὸν τὸ τῆς βασιλείας κράτος) καταλιπὼν τὸ διώκειν ὑπέστρεψεν εἰς τὴν παρεμβολὴν ὡς τάχα τὸ ὄν μαθησόμενος. διαδοθέντος δὲ λόγου πρὸς τὸν στρατὸν ὡς ὁ δομέστικος πέφυγεν, ἀλλῆς ἐπιλησθέντες οἱ λοιποὶ ἐποιοῦν ὁμοίως. οὗς ἰδὼν ὁ Συμεὼν φεύγοντας (ἵστατο γάρ, ὡς εἴρηται, ἐν εὐκαίρῳ τόπῳ τὸ τέλος ἀφορῶν τοῦ ἀγῶνος) ἐξεχύθη πανστράτι καὶ παλίντροπον τὴν φυγὴν ἐποίησατο».

Leo Diac. (P. 76 A–B):

«Ἦδη δὲ καὶ τῶν ... Μυσῶν πρὸς φυγαδεῖαν τρεπομένων, ἀγγελίαν πρὸς τινος λέγεται τῶν ὑπασπιστῶν ἀνανεχθῆναι τῷ Λέοντι, ὡς ὁ Δρουγγάριος, Ῥωμανὸς αὐτοῖς ἰστίοις ἀπάρας, κατὰ πρῦμναν ἱσταμένου τοῦ πνεύματος, ἔρωτι τυραννίδος ἀποπλέει εἰς τὸ Βυζάντιον. τὸν δέ, τῷ ἀπαισίῳ τῆς ἀγγελίας περιαλήσαντα, διαλύσαι τε τὸν συνασπισμόν, καί, νῶτα τοῖς Μυσοῖς δόντα, ἐπείγεσθαι πρὸς τὴν βασιλεύουσαν, εἴ πως τὸν τοῦ Ῥωμανοῦ προτερήσοι ἐπίπλουν, καὶ τῆς Ῥωμαϊκῆς ἡγεμονίας ἐγκρατὴς γένοιτο. τὸν δὲ Συμεὼν ... ἔπεσθαι τε, καὶ ἄπειρα πλήθη συνκόψαι ἀνηλεῶς. Καὶ νῦν ἐστὶν ὁρᾶν εἰσέτι σωρεῖας ὀστῶν παρὰ τὴν Ἀγχιάλον...».

Гирш³⁴ считает, что в данном месте Скилица непосредственно воспользовался историческим отступлением Льва Дьякона. Однако у Скилицы есть подробности, опущенные Львом Дьяконом (отмечены разрядкой); к тому же Лев Дьякон, как показывает слово *λέγεται*, сам почерпнул известия из какого-то источника. Наконец, нужно отметить, что той же тенденцией у Скилицы проникнуты и другие места, *которых у Льва Дьякона нет* (р. 288 о победе Льва и р. 295). Скорее мы можем предположить, что и здесь оба писателя пользовались общим источником, который проникнут враждой к Роману I. Если это так,

³³ Cedren. P. 295 слова «καὶ φανερῶς ἐδήλου ὡς Λέοντι» соответствуют рассуждению Льва Дьякона на с. 75 – о слове Γωλέοντα. Однако ни в переводе Габия (Historiarum Compendium. S. I., s. a. / Ed. 1570), ни в примечаниях Боннского издания этого места нет, – и, может быть, оно имеется только у Кедрина.

³⁴ Hirsch F. Op. cit. P. 372.

то мы этим признаем, что источник, общий Льву Дьякону и Скилице, имел своим предметом описание правления Романа II.

Следы того же источника, враждебно настроенного к Роману I, мы находим и в «*Antapodosis*» Лиутпранда³⁵. Исследователь сочинений Лиутпранда Мюллер отмечает, что сведения, которые даются автором «*Antapodosis*» о Романе I, отличаются партийным освещением и настроены к нему враждебно³⁶. К числу таких сведений относится и знакомое нам объяснение поражения Льва Фоки при Анхиале; это место совершенно совпадает с версией Скилицы и Льва Дьякона: «*Pugnanti praeterea cum Bulgaria Foca domestico, qui et ipse pater vasilleos ardentem fieri cupiebat, ipso in bello de hostibus jam triumphum tenenti, quid a Romano actum sit nunciatur. Qui mox animo consternatus nimioque dolore compulsus, victoriae signum quo hostes insequeretur projecit, terga vertit, fugam suos mire fecit. Reparant itaque Bulgarii Simeonis portatu animos, et quos prius adverso Marte fugerant, prospero postmodum insecuntur, tantaque tunc Achivorum strages efficitur, ut longo post tempore campus plenus ossibus videretur*».

Мюллер объясняет это поразительное сходство тем, что Лиутпранд и Лев Дьякон воспользовались известной в то время народной песней³⁷, причем о сходстве со Скилицей им не говорится. Однако такое объяснение кажется нам несколько произвольным. Мюллер, очевидно, рассматривал это известие вне связи с другими сведениями Лиутпранда о греческих делах. Так как враждебная Роману I точка зрения проявляется не только в данном объяснении поражения Фоки, но и в других местах сочинения Лиутпранда, а также и у византийских писателей, то нам кажется более основательным допустить существование особого исторического труда, который был знаком как Скилице и Льву Дьякону, так и Лиутпранду. Партия, враждебная Роману I, конечно, существовала при дворе Константина Багрянородного и особенно в семействе Фок. Лиутпранд мог воспользоваться этой историей и сделать из нее себе заметки в 950 г. Этот труд, в каком виде был известен Лиутпранду, был посвящен описанию правления Романа I. Потом этот труд тем же или другим автором, вероятно, был продолжен, так как общий источник Льва Дьякона и Скилицы оставляет следы и от времени Константина VII, и от последующего периода. От правления Константина VII имеем у Льва Дьякона вставку о походе Гонгила на Крит, рассказ о котором представляет как бы сокращенное изложение версии Скилицы³⁸.

Правление Романа II описано Львом Дьяконом и Скилицей по совершенно различным источникам. Характерной чертой изложения Льва Дьякона является то обстоятельство, что из всего царствования Романа II его интересует толь-

³⁵ *Liutprandi Antapodosis* // MGHSS. S. a. T. 3.

³⁶ См. подробности: *Daendlikeru M. Liutprand v. Kremona* // Hrsg. Büdinger. S. I., s. a. S. 158 ff.

³⁷ *Ibid.* S. 44.

³⁸ Ср.: *Cedren.* 336 и *Leo Diac.* 3 B–C.

ко то, что непосредственно касается братьев Фок и не касается деятельности самого Романа II, что объясняется, вероятно, также односторонностью источника Льва, тоже интересовавшегося фамильной историей Фокадов. О существовании подобного источника предполагал еще Ф. Гирш³⁹. У Скилицы же правление Романа II описано в ином виде. Большая часть сведений посвящена деятельности самого императора.

Правление Никифора II описано Скилицей тоже не по источнику Льва Дьякона. Но зато тем рельефнее выступают места, взятые им из общего источника, — описание переворота 963 г. и убийства Никифора. В остальном же на основании Скилицы невозможно определить, что почерпнуто Львом Дьяконом из общего источника и что приводится им вполне самостоятельно. Но мы попытаемся обратиться к другим источникам. Обратим внимание на рассказ о взятии Антиохии. В резко враждебном к Никифору тоне описано падение Антиохии у Скилицы⁴⁰. У Льва Дьякона, наоборот, видно желание оправдать императора. Для этого Лев влагает в уста Никифора длинную речь, цель которой — убедить читателя в том, что император снял осаду Антиохии исключительно из нежелания предавать разрушению третий по красоте город в мире⁴¹. Принадлежит ли такая версия лично Льву Дьякону или же он ее заимствовал из благожелательного Никифору источника? Если мы найдем версию Льва Дьякона и у другого какого-нибудь историка, ничего общего со Львом Дьяконом не имеющего, то мы можем со значительной уверенностью вывести, что данная версия — не оригинальное мнение Льва, а принадлежит, вероятно, общему источнику. Обратившись к летописи Яхьи Антиохийского, мы находим у него о падении Антиохии следующее⁴²:

«И когда Антиохия была взята, Михаил ал-Бурджи и Исхак, сын Бахрама, отправились в присутствие царя Никифора с радостной вестью об ее взятии. И поблагодарил он обоих за это и осыпал своими благодеяниями. Потом он стал недовольным ими, *потому что был опечален сожжением города и взятием его таким образом. И возненавидели они его...*». И у Яхьи, следовательно, мы находим ту же версию, которая носит как бы официальный характер. Как и Лев Дьякон, Яхья не пишет об отрицательных чертах правления Никифора. Общий взгляд на этого императора у обоих писателей одинаковый. Лев Дьякон пишет: «Император Никифор... великодушный и благородный в делах гражданских, справедливый... Я уверен, что Римское государство достигло бы величайшей славы, какой никогда не имело, если бы... судьба так скоро его не погубила»⁴³. У Яхьи:

³⁹ Hirsch F. Op. cit. S. 50, 51.

⁴⁰ Cedren. 365 ff.

⁴¹ Leo Diac. 45 A.

⁴² Яхья Антиохийский. Это извлечение в пер. бар. Розена приведено у Сырку. См.: Сырку. Византийская повесть об убийстве Императора Фоки. Б. м., б. г. С. 77.

⁴³ Leo Diac. 54 C–55.

«И никто не сомневался, что царь завоюет всю Сирию... и т. д. ...и что все очутится в его руках... И управлял он государством лучшим и целесообразнейшим способом»⁴⁴. Очевидно, у Яхьи был тоже источник, благожелательно относящейся к Никифору. Был ли это тот же общий Льву Дьякону и Скилице источник или же его версии дошли до Яхьи через посредство другого источника, неизвестно. Но, во всяком случае, эти сведения с чертами официального их происхождения были хорошо знакомы византийской исторической литературе того времени.

При описании правления Цимисхия Лев Дьякон мог быть более самостоятельным, так как находился в это время во вполне сознательном периоде жизни. Именно в этой части труда Льва Дьякона и замечается много подробностей сравнительно со Скилицей, особенно в описании сирийских походов. Но следы общего источника не исчезают и здесь. Описание восстания Варды Фоки и войны со Святославом нужно отнести к общему Льву и Скилице источнику. Правда, нельзя сказать, чтобы Лев Дьякон придерживался порядка своего источника. Из его изложения видно, что он много пропускал, много сокращал.

Остается найти конечную дату истории исследуемого нами источника и вместе с тем *terminus post quem* для его составления. Последний раз изложение Скилицы сходится со Львом Дьяконом при описании смерти Иоанна Цимисхия. Сходство опять-таки очень близко по содержанию, причем рассказ Льва Дьякона несколько более краток. Приведем оба отрывка, которые бросят свет на источник, общий обоим писателям.

Cedren (P. 414–415):

«Γενόμενος δὲ κατὰ τὴν Ἀνάξαρτον, καὶ τὸν Ποδανδὸν καὶ τὰς λοιπὰς παροδεύων χώρας, καὶ βλέπων τὰ ἐν ποσὶ, κτήσεϊς τε ὀρῶν πολυτελεῖς καὶ χωρία εὐφυῆ τε καὶ ἀμφορα, διεπυνθάνετο τοὺς παρευρημένους τίνος ἂν καὶ εἶεν αὐταί. ὥς δ' ἐμάνθανε ... ὅτι περ τοῦ παρακοιμωμένου εἰσὶ Βασιλείου πᾶσαι, αὕτη μὲν καὶ αὕτη ῥωμαίοις προσκτηθεῖσαι ἔναγχος παρὰ Νικηφόρου ... καὶ τῷ Βασιλείῳ δεδωρῆνται, οὐδὲν δὲ ὅ τι καὶ λόγου ἄξιον εἶδεν ὑπολελειμμένον τῶν προσκτηθέντων τῷ δημοσίῳ, γενόμενος περιαλγῆς καὶ βύθιον στενάξας “δεινόν, ὧ παρόντες”, ἔφη “εἰ τὰ δημόσια καταναλίσκονται

Leo Diac. (P. 109 C):

«Ὁρῶν δὲ κατὰ πάροδον τὴν τε Λογγιάδα καὶ τὸν Δριζᾶν, χώρας εὐγείους τε καὶ εὐδαίμονας, ἃς πολλοῖς ἰδρῶσι καὶ αἵμασιν ἢ Ῥωμαϊκῇ στρατιᾷ τῇ βασιλείᾳ τὸ πρότερον ἀνεσώσατο, τότε δὲ παρὰ τοῦ προέδρου Βασιλείου καὶ παρακοιμωμένου κατεχομένης, ἥσχαλλεν, ὥς τὸ εἶκός, καὶ ἡνιάτο, καὶ τὴν πλεονεκτικὴν ἐκείνου βίαν ὠνείδιζεν...».

⁴⁴ Сырку. Указ. соч. С. 78.

*χρήματα καὶ τὰ Ῥωμαϊκὰ θαλασσωροῦνται
στρατεύματα, καὶ οἱ βασιλεῖς ὑπερорίους
ἀναδέχονται κόπους, τὰ δὲ ἐκ τοσούτων
προσκτώμενα μόχθων καὶ κόπων ἐνὸς
εὐνούχου γίνονται κτήμα»».*

Хотя дословного сходства здесь и не замечается, но по содержанию оба сказа совершенно тождественны, совпадают детали обстановки – и вряд ли можно сомневаться, что это место⁴⁵ Лев Дьякон почерпнул из общего со Скилицей источника. Если это так, то необходимо отметить враждебное отношение нашего источника к паракимомену Василию. Вся эта версия о смерти Цимисхия представляет собой непроверенное обвинение паракимомена. Василий после смерти Цимисхия не был обвинен в преступлении, но, наоборот, получил в свои руки управление всей империей. Ясно, что такое обвинение могло появиться в письменном труде только после падения паракимомена. Поэтому общий Льву Дьякону и Скилице источник был закончен после изгнания Василия-евнуха. Этим мы и устанавливаем *terminus post quem* для нашего источника. Можно прибавить, что этот источник был составлен в самом непродолжительном времени после падения Василия. В самом деле, даже с точки зрения более отдаленного от этих событий современника становится непонятной страстность речи Цимисхия против Василия-евнуха. Крупное землевладение вовсе не было в то время столь удивительным в Византии, чтобы Цимисхий мог прийти от этого в негодование. Однако с точки зрения более близкого современника речь становится понятнее. В ней ясно звучит недовольство тем, что всеми трудами византийского народа и императоров пользуется один евнух, т. е. проскальзывает недовольство тем, что Василий-евнух держит в своих руках всю власть. Сторонникам молодого, властолюбивого Василия II, желавшего освободиться от опеки паракимомена, это было неприятно. Выразителем этого недовольства и является наш источник. К моменту падения паракимомена, чтобы тем больше опорочить его, в придворных кругах Василия II и был, вероятно, пущен слух об отравлении паракимоменом императора Иоанна Цимисхия. Наш источник и передает этот слух как факт. Только с этой точки зрения становится нам понятным недовольство автора источника богатством Василия-евнуха. После своего ареста паракимомен не переставал интриговать. Огромное его богатство составляло его силу. Но Василий II скоро приказал конфисковать его имущество, имея специальную цель обессилить паракимомена. Такая мотивировка имеется у Скилицы: «ἀφελόμενος καὶ τὰ πλείω τῆς οὐσίας αὐτοῦ, ὥς μὴ κεχορηγημένην ἔχων ὕλην φθάσαι τι δρᾶσαι τῶν ἀνηκέστων»⁴⁶.

⁴⁵ Но не предшествующее описание походов Цимисхия, которое имеет мало общего и у Льва Дьякона, вероятно, написано самостоятельно.

⁴⁶ Cedren. 443.

У Скилицы эта версия полнее передана, чем у Льва Дьякона. Последний сократил ее и прямую речь передал косвенной. Паракимомена в момент окончания Львом Дьяконом истории уж давно не было в живых. Поэтому пристрастного отношения к Василию у Льва Дьякона уже быть не могло, и совершенно справедливо у него паракимомен мог считать Цимисхия «βαρὺν δεσπότην...» Более близкая передача источника у Скилицы лучше отразила точку зрения современника, чем сокращение Льва Дьякона, который всю страстную речь Цимисхия передает словами «τὴν πλεονεχτικὴν βίαν ὠνείδιζεν».

Относительно года падения Василия-евнуха источники расходятся. Скилица относит его к 980 г., но изложение его неясно, невыяснено, в чем заключались интриги паракимомена. Яснее версия Яхьи⁴⁷, относящего события к 985 г., в связи с восстанием Мелиссина. Годом составления источника Скилицы и Льва Дьякона, таким образом, можно считать 985 или 986, и, конечно, Лев Дьякон, писавший историю в следующем десятилетии, мог воспользоваться этим трудом.

На основании сходства описания битвы под Анхиалом в сочинениях Льва Дьякона, Скилицы и Лиутпранда нами высказывалось предположение, что источник их выходил по частям. В той части, которая обнимала описание правления Романа I, замечается тенденция, враждебная этому императору. В описании правления Романа II обращается исключительный интерес на деятельность Никифора II. При описании царствования Никифора II Фоки резко бросается в глаза благожелательное к нему отношение. Это заставляет предполагать, что правления Романа II и Никифора II составляют одну часть, написанную во время последнего императора. К Цимисхию неизвестный автор относится более ровно, что станет понятным, раз окончание этой истории мы относим к 986 г. Таким образом, этот источник, подобно труду Михаила Пселла, выходил по частям, что является характерной чертой трудов официального происхождения. Уже Фишер⁴⁸ делал предположение, что Лев Дьякон был официальным историографом, основываясь на характере его сведений. Вартенберг⁴⁹, однако, высказывает затруднение для такого взгляда: по своей юности официальным историографом Никифора II Лев Дьякон быть не мог, а для Василия II правление Никифора было безразлично.

Большая часть сведений Скилицы о Никифоре принадлежит к неблагоприятно настроенным к этому императору и, очевидно, почерпнутым Скилицей из особого источника. Попытаемся сначала определить характер этих сообщений,

⁴⁷ **Бар. Розен.** Василий Болгаробойца. Б. м., б. г. Примеч. С. 173. Извлечения. С. 20₁₂; того же года придерживается и **Schlumberger.** L'épopée Byzantine. S. I., s. a. T. I. P. 575.

⁴⁸ **Fischer W.** Beiträge z. histor. Kritik d. Leon Diakonos // Mitteil. d. Inst. f. österr. Geschichtsforschung. 1886. S. 353 ff.

⁴⁹ **Wartenberg G.** Das Geschichtswerk d. Leon Diakonos // BZ. S. a. T. 6. S. 111.

чтобы приблизительно обрисовать личность автора. Высказывая свое недовольство, автор обыкновенно более всего выдает себя. Что не нравилось ему в Никифоре II? Резко бросается в глаза то обстоятельство, что *наиболее раздражает автора отношение императора Никифора к церкви*. Ставя императору в вину непосильные поборы, грабежи и т. п., автор обращается к отношению императора к церкви. Лишение церкви права свободного выбора епископов больше всего возмущает автора: «τὸ δὴ πάντων χαλεπώτερον, καὶ νόμον ἐκθέμενος, ἐν ᾧ καὶ τινες ἐπίσκοποι τῶν εὐριπίστων καὶ κολάκων υπέγραψαν»⁵⁰, ...с негодованием обрушивается автор не только на императора, но и на тех епископов, которые содействовали императору в ущерб интересам церкви. Распоряжения Никифора относительно церкви автор называет вообще «πᾶσαν ἰδέαν ἀνάγκης ὑπερεκλίπτοντα»⁵¹. Тут же источник Скилицы возмущается проектом Никифора причислить воинов, павших в борьбе с мусульманами, к лику святых, так как этот проект противоречил канону Василия Великого⁵². Очень распространяется автор об «ἐπιτίμια δευτερογάμουτων», наложенной патриархом Полиевктом на Никифора за второй брак⁵³, о противоканоничном браке императора, нарушившего законы о духовном родстве. Скилица не верит искренности Никифора в его благочестии, вероятно, тоже на основании своего источника⁵⁴. Это все обличает в авторе человека, интересующегося церковными делами и на все смотрящего с церковной точки зрения.

Отметив подобный характер источника Скилицы, попытаемся определить рамки этого источника.

При описании правления Романа I Скилица черпал сведения из «продолжения Феофана». Но и здесь мы встречаем рассказ, которого *нет у продолжателя Феофана*. Здесь описывается, как лишили патриарха Трифона путем обмана патриаршей кафедры⁵⁵, чтобы возвести на патриарший престол сына Романа I, Феофилакта. Если поставить этот рассказ в связь с последующими страницами, враждебно настроенными к патриарху Феофилакту⁵⁶, то можно легко предположить, что и это место, не имеющееся у продолжателя Феофана, Скилица почерпнул из источника, отличающегося церковной точкой зрения. Таким образом, мы можем с вероятностью предположить, что интересующий нас источник захватывал и описание несамостоятельного царствования Константина VII, т. е. и правления Романа I. При описании правления Романа Лекапина Скилица, следовательно, пользовался тремя источниками: главным был Theophanes

⁵⁰ Cedren. 368₁₇.

⁵¹ Ibid. 369.

⁵² Ibid. 369₈.

⁵³ Ibid. 352₁₂.

⁵⁴ Ibid. 351₂₀.

⁵⁵ Ibid. 313.

⁵⁶ Ibid. 332–334.

Gontinuatus, недостающие же сведения черпались: 1) из источника, благожелательного Льву Фоке и 2) из источника с церковной тенденцией⁵⁷.

При описании самостоятельного правления Константина VII Скилица перестает пользоваться VI книгой продолжения Феофана и имеет особые источники. И здесь мы наталкиваемся на ту же резко церковную точку зрения. Сама характеристика императора Константина обличает в авторе человека, очень заботившегося о церкви: «ἤν δὲ καὶ τὰ πρὸς Θεὸν εὐσεβῆς καὶ φιλότιμος, μηδέποτε ἐν ταῖς πρὸς Θεὸν τυπικαῖς τῶν θείων ναῶν προσελεύσεσι κενὸς καὶ ἄκαρπος οφθεῖς τῷ Θεῷ, ἀλλ' ἀναθήμασι δωρούμενος μεγαλοπρεπέσι καὶ φιλοχρίστῳ βασιλεῖ πρέπουσιν»⁵⁸.

Бросается в глаза ревность автора к соблюдению канонов: подобно тому, как император Никифор дважды обвинялся в нарушении канона, так и в описании правления Константина VII автор выступает с подобными обвинениями. Так, при описании жизни и смерти патриарха Феофилакта источник Скилицы вспоминает с негодованием («φεῦ μοι»), что Феофилакт был поставлен патриархом в шестнадцатилетнем возрасте⁵⁹: «ἐξκαίδεκα μὲν ἔτων ὧν ὅτε ἀκανόνιστως τοὺς τῆς ἐκκλησίας παρείληφεν οἶακας». Также неканоничным «τὴν ἀκανόνιστον χειροθεσίαν»⁶⁰ называет автор и поставление Полиевкта патриархом. Церковные дела занимают автора больше всего. Подробно говорит он об отношениях императора к патриарху, о ссорах епископов, о проповеди христианства, о перенесениях мощей (о перенесении руки св. Иоанна Предтечи), о мучениках. Таким образом, самостоятельное правление Константина VII описано Скилицей почти исключительно с церковной точки зрения⁶¹. Подобным же образом церковный характер носят и неблагоприятно настроенные к императору Никифору страницы⁶². Это и заставляет нас прийти к выводу, что источник, откуда черпал Скилица сведения о самостоятельном правлении Константина VII, тождественен тому источнику, который враждебно настроен к императору Никифору. Вопрос, до какого царствования доходило изложение этого источника, нужно решить в том смысле, что, во всяком случае, правления императора Василия II оно не касалось. Церковные дела Скилица здесь уже почти не затрагивает. Царствование императора Василия II было очень продолжительным. А при существовавшем в Византии обычае не писать истории

⁵⁷ Hirsch F. (S. n. // B.St. S. I., s. a. S. 372) тоже полагает, что в данном месте Скилица пользовался тремя источниками; в одном из них он видит Льва Дьякона (см. описание Скилицей битвы под Анхиалом, где пользование тремя источниками бросается рельефно в глаза – Cedren. 286–287).

⁵⁸ Cedren. 326₂₀.

⁵⁹ Ibid. 332₇.

⁶⁰ Ibid. 334₁₅.

⁶¹ Описание правления Константина VII занимает у Скилицы с. 325–338. Из них о церковных делах говорится на с. 327, 328, 329, 332–335, 337, 338.

⁶² Cedren. 352 сл. 368–370.

живого императора историки в продолжение пятидесяти лет (976–1025) должны были кончать свое изложение, подобно Льву Дьякону, смертью Цимисхия. Что интересующий нас автор писал именно в этот период, можно вывести из некоторых мест, из которых достаточно ясно видно, что автор – современник описываемых им событий. Подробные характеристики личностей, как, например, Иоанна-евнуха, неблагочестием которого автор возмущается, говорят за то⁶³. К Варде Фоке, отцу императора Никифора, автор достаточно недружелюбно настроен и, в унисон с дальнейшими обвинениями императора, обвиняет и его отца в корыстолюбии. Относительно Варды Фоки говорит, между прочим, что он получил в одной битве рану, рубец от которой был виден до самой его смерти⁶⁴. Сомнительно, чтобы такое известие мог дать человек, не видевший лично Варды Фоки. Отсюда же можно вывести, что история написана нашим автором во всяком случае после 969 г. (год смерти Варды Фоки). Такие сведения, как рассказ об удивительной джигитовке некоего Филорея на ипподроме, могут принадлежать тоже только перу очевидца⁶⁵.

Утверждать, что автор этого религиозного источника Скилицы был именно человеком духовного звания, было бы, однако, рискованно. На примерах Феодора Дафнопата и Симеона Магистра мы видим, что и светские люди того времени достаточно интересовались церковными делами. За то, что автор был скорее человеком светским, говорит его характеристика императора Константина VII. О нем у Скилицы говорится так: «Казалось, что император при единоличном правлении проявит себя выдающимся деятелем, но, вопреки возлагавшимся на него надеждам, он оказался ниже предположений. Злоупотреблял вином, избегал труда, относительно чужих ошибок, однако, был неумолим и немилосердно наказывал. В назначении должностных лиц он был неразборчив, выбирал не наиболее достойного к занятию должности... но без всякого испытания, кому попало вверял власть военную и гражданскую, отчего происходило, что человек низкого происхождения и позорной жизни возвышался до высших должностей государства»⁶⁶. Не принадлежат ли эти строки чиновнику, разочаровавшемуся в императоре или вследствие того, что его обошли по службе, или потому, что император слишком «немилосердно наказал» его за какую-нибудь «ошибку»?

Что автор принадлежал к высокообразованному обществу, видно из его восторженной похвалы тому же Константину VII за его научно-просветительную деятельность⁶⁷. Может быть, автор и принадлежал к многочисленной плеяде ученых Константина VII. Если и верно наш предположение, что автор этого

⁶³ Cedren. 339.

⁶⁴ Ibid. 330.

⁶⁵ Ibid. 343.

⁶⁶ Ibid. 325–326.

⁶⁷ Ibid. 326.

источника Скилицы принадлежал к высшему обществу (за это говорит его возмущение тем, что люди низкого происхождения проникают к высшим должностям), то все же вряд ли мы можем ожидать от него ясного понимания происходящего. *Крайняя религиозная точка зрения затемняла ему смысл событий.* Так, императора Никифора он судит только с узко церковной точки зрения, государственные же интересы его как бы не интересуют. Прямо антигосударственными кажутся такие его слова по поводу укрепления Никифором предместий Константинополя: «ἡγνώνει δ', ὡς ἔοικεν, ὡς εἰ μὴ χύριως φυλάξει πόλιν, εἰς μάτην ἡγρύπνησεν ὁ φυλάσσων»⁶⁸. Разумеется, что понимания такого широкого государственного деятеля, как Никифор II, от такого беспечного религиозного созерцателя, который и заботы об укреплении столицы всецело возлагает на небесную помощь, ожидать не приходится.

Тем не менее изложение Скилицы многим выигрывает оттого, что он пользуется двумя противоположными источниками. В преимуществе Скилицы легко убедиться, сравнивая его сообщения о Никифоре со сведениями Льва Дьякона. Сообщения Скилицы, несмотря на сжатость, и богаче фактами, и разнообразнее по освещению в сравнении с таким же тенденциозным трудом Льва.

Так как Скилица имел обыкновение пользоваться только одним главным источником и лишь слегка пополнять его сообщениями других трудов, то мы можем на основании всего вышеизложенного составить схему пользования Скилицей источниками. Источник церковного характера мы здесь обозначим буквой «А», а источник, общий Скилице и Льву Дьякону, благожелательно относящейся к Никифору и Льву Фоке, – буквой «Б».

1. *Правление Романа I.* Главный источник – VI том Theophanes Continuatus. Некоторые сведения из источника Б (р. 287, 288, 295) и одно из источника А (р. 313–315).

2. *Правление Константина VII.* Главный источник А; может быть, некоторые сведения о деятельности семейства Фоки почерпнуты из источника Б (р. 331, 332). Из последнего почерпнуто известие о походе Гонгила на Крит (р. 336).

3. *Правление Романа II.* Главным источником остается тот же – А. Из источника Б, может быть, почерпнуты лишь некоторые дополнения к рассказу о завоевании Крита (р. 340 sq).

4. *Правление Никифора II.* Источник А остается по прежнему главным; из источника Б заимствованы лишь рассказ о перевороте 963 г. (р. 347–348, 349–351) и рассказ об убийстве Никифора (р. 375–376)⁶⁹.

⁶⁸ Cedren. 370.

⁶⁹ Рассказы о военных происшествиях заимствованы Скилицей, вероятно, тоже из источника, враждебного Никифору: 1) напр., в рассказе о взятии Антиохии явно враждебное отношение к императору, 2) церковный характер источника выдают слова (из Сицилийского похода. С. 360) – «μᾶλλον δὲ ὑπὸ Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ τοῦ παρ' αὐτῶν βλασφημουμένου, διολώσιν ἄπαντες», 3) многие сведения противоречат Льву Дьякону.

5. *Правление Цимисхия*. Начиная с описания борьбы со Святославом, главным источником уже является источник Б⁷⁰.

Источник, враждебный Никифору, оказал, по-видимому, большое влияние на дальнейшую византийскую историографию. Через Скилицу враждебно настроенные Никифору сведения перешли Зонаре, Глике, Манасии и др. Нужно, однако, думать, что Скилица далеко не полностью исчерпал свой источник. Следы этого источника можно найти у Зонары. Зонара в общем следует изложению Скилицы, но в тех местах, которые дышат враждебным отношением к Никифору, Зонара приводит несколько сведений, не имеющих у Скилицы⁷¹, а также несколько самостоятельных подробностей. Так, в рассказе о взятии Антиохии (с враждебной Никифору тенденцией) находим деталь «φυλάξας οὖν νύκτα μίαν χειμέριον ἀσέληνόν τε καὶ νιφετώδη»⁷². В рассказе о конфликте императора Никифора с царем болгарским Петром Скилица говорит, что Петр под различными предлогами «παντοίαις ἀφορμαῖς» не препятствовал нападению венгров.

Зонара же *приводит эти поводы полностью*.

Cedren (P. 372):

«...ἔγραψε Πέτρῳ τῷ Βουλγαρίας ἄρχοντι μὴ ἔαν τοὺς Τούρκους διαπερᾶν τὸν Ἰστρον καὶ τὰ Ῥωμαίων λυμαίνεσθαι. Τοῦτου δὲ μὴ προσέχοντος, ἀλλὰ παντοίαις ἀφορμαῖς παρακρούοντος...»

Zonaras (P. 87₁₃):

«ἔγραψεν ἄρχοντι ὁ βασιλεὺς Νικηφόρος μὴ παραχωρεῖν αὐτοῖς διαβαίνειν τὸν Ἰστρον καὶ τὰ Ῥωμαίων λυμαίνεσθαι. ὁ δὲ οὐχ ὑπήκουσε, λέγων ὡς “ὅτε καθ’ ἡμῶν οὗτοι ἐστράτευσον, παρακαλούμενος συμμαχεῖν ἡμῖν οὐκ ἠθέλησας κτλ”».

Из этого текста делается вполне вероятным, что Зонара, наряду с использованием хроникой самого Скилицы, воспользовался в некоторых местах и его источником. Этот самый церковный источник, вероятно, оказал влияние и на так называемую хронику Симеона Магистра в ее самостоятельных сообщениях (о лишении кафедры Трифона, что соответствует изложению Скилицы – Sym. Mag. / Ed. Bonn. 742; о знакомстве Полиевкта с Романом I (p. 750, 755, 756).

Сохранилось ли в византийской литературе указание на то, что существовал подобный источник, отличавшийся церковным характером и написанный во второй половине X в.? Прямых указаний мы не имеем, но зато знаем, что существовала большая церковная история от сотворения мира до малолет-

⁷⁰ Перемена источника резко замечается. О церковных делах почти не говорится, см.: «Βασιλείου δὲ τοῦ πατριάρχου ἐπ’ αἰτίαις διαβληθέντος καὶ συνοδικῶς καθαιρεθέντος προεβλήθη πατριάρχης Ἀντώνιος...» (с. 414). Так кратко повествуется о шумном церковном событии.

⁷¹ Wartenberg G. Op. cit. P. 301.

⁷² Zonaras / Ed. Dindorf. S. I., s. a. T. 4. P. 84₂₆.

ства Константина VII включительно. Автор ее жил во время Романа I⁷³. Как по времени составления, так и по содержанию (так как источник содержит и описание правления Никифора II) этот труд точно не совсем подходит к источнику Скилицы. Принимая во внимание, однако, церковную тенденцию нашего источника, мы можем предполагать, что имеем дело с продолжением вышеупомянутого труда и что в данном месте Скилица пользовался церковной историей.

2. Лев Дьякон

При разборе хроники Скилицы мы пришли к тому выводу, что Лев Дьякон и Скилица пользовались общим источником. Этот вывод, однако, бросает совершенно особый свет на исторический труд Льва Дьякона, почему и является необходимым обратиться к нему подробнее. Соответствует ли наш вывод тем данным, которые мы можем добыть при разборе труда Льва Дьякона? Ведь Лев Дьякон считается писателем самостоятельным, построившим свой труд исключительно на собственных впечатлениях и на показаниях современников и очевидцев. Таково мнение Газе и Вартенберга⁷⁴. История Льва Дьякона, таким образом, считается источником первой руки, ни от кого не зависящим, наш же вывод низводит Льва Дьякона в разряд компиляторов, поскольку это касается некоторых мест.

Сам Лев Дьякон определенно высказывается в том духе, что он пишет только то, что видел сам или слышал от других: «Ὅσα μὲν οὖν ἐπὶ τὸν χρόνον τοῦ αὐτοκράτορος Κωνσταντίνου υἱοῦ Λέοντος, ᾧ Πορφυρογεννήτος ἡ ἐπὶ κλησις, ἐπισυμβέβηκε πράγματα..., παρήσειν μοι δοκῶ· ἀποχρώντως γὰρ ἄλλοις ἰστορήται. τὰ δὲ τούτων ἐχόμενα, καὶ ὅσα ὀφθαλμοῖς καὶ αὐτὸς τεθέσθαι (εἴπερ ὀφθαλμοὶ ὧτων πιστότεροι, καθ' Ἡρόδοτον), τὰ δὲ καὶ πρὸς τῶν ἰδόντων ἡκριβώσα, ταῦτα καὶ δώσω γραφῇ»⁷⁵. Однако некоторые сомнения в правдивости этого утверждения высказывались уж давно⁷⁶. Со своей стороны мы обращаем вни-

⁷³ C. de Boor. Zur kirchenhistorischen Litteratur // BZ. S. a. T. 5. S. 16: «οὗτος ὑπέρτερον (ὑπέργρηως?) γεγωνὼς ἐν τῇ τοῦ Πόντου Ἡρακλείᾳ καθημένος βιβλία δύο συντάττει σχεδὸν τὴν ἀπ' ἀρχῆς κόσμου μέχρι αὐτοῦ κοσμικὴν τε καὶ ἱερὰν ἱστορίαν περικλείοντα. ὧν τὸ μὲν ἀπὸ τῆς ποιήσεως οὐρανοῦ καὶ γῆς ἄχρι καὶ αὐτῆς σαρκώσεως τοῦ Κυρίου. κάτεισιν εἰς χίλια κεφάλαια διηρημένον. τὸ δὲ ἕτερον καὶ αὐτὸ εἰς ἴσα κεφάλαια τετμημένον ἄχρι καὶ ὅλης αὐτῆς βασιλείας Κωνσταντίνου τοῦ Πορφυρογεννήτου διέξεισιν».

⁷⁴ Hase. Ad Leon. Diac. P. IX: «ac primo quidem magna est Leonis commendatio, quod quae ipse viderit litteris mandavit, habendusque est inter scriptores illos, unde alii, qui posterius fuerunt, quasi e fonte capite narrationes deduxerunt». Wartenberg G. Leon Diakonos und die Chronisten // BZ. S. a. T. 6. S. 312.

⁷⁵ Leo Diac. 2 D.

⁷⁶ Сырку. Византийская повесть об убиении Никифора Фоки. С. 92. Можно сказать, что Лев Дьякон, или заимствовавший от него, или из одного источника с ним... был источником Матвея Эдесского (Wartenberg G. Op. cit. S. 302: «Die Angabe desselben (Leo Diac.), dass er nur Selbsterlebtes oder von Augenzeugen ihm Mitgeteiltes berichte, dürfte in diesem Falle den geringsten Vordachtsgründen gegenüber nicht standhalten»).

мание на то обстоятельство, что данные слова помещены Львом Дьяконом в его введении. Полагаться же на введение очень рискованно, так как в нем Лев стремится во что бы то ни стало подражать Агафию и выписывает из его труда целые фразы, выдавая их за собственные мнения. Подобное же можно сказать и о вышеприведенной цитате: Агафий в *своем* введении⁷⁷ заявляет, что события, предшествующие его изложению, описаны уже в других исторических трудах (у Прокопия). Вышеприведенная цитата из Льва Дьякона является, таким образом, перифразой Агафия, и вряд ли из нее можно выводить, что византийская историография к 990 г. доходила только до смерти Константина VII, как это явствует из слов Льва.

История Льва Дьякона, начинаясь со смерти Константина, доходит до смерти Цимисхия. В виде вставок, однако, описываются некоторые события, происшедшие позднее 976 г. Приводя такие вставки как бы мимоходом, Лев Дьякон обещает остановиться на них впоследствии подробнее, чего, однако, не исполнил. Отсюда заключают, что история Льва является не законченным трудом, но только частью задуманного им сочинения⁷⁸.

Думая написать историю своего времени, Лев Дьякон не поставил себе определенного конечного пункта. На смерти Иоанна Цимисхия он остановился, вероятно, вследствие того, что не находил удобным описывать правление живого императора. Пятидесятилетнее правление Василия II не позволило Льву выпустить продолжения его труда.

⁷⁷ «τὰ μὲν γὰρ πλεῖστα τῶν κατὰ τοὺς Ἰουστινιανοῦ χρόνους γεγενημένων, ἐπειδὴ Προκοπίῳ τῷ ῥήτορι τῷ Καισαρείᾳθεν ἐς τὸ ἀκριβὲς ἀναγέγραπται, παρίτεον ἐκεῖνα ἔμοιγε, ὅτε δὴ ἀποχρώντως εἰρημένα» (*Agathiae Myrinaei* / Ed. Bonnae, S. a. P. 11). «ἐγὼ δὲ ἐς τὰ ἐχόμενα τούτων...» (конец введения Агафия, см.: *Agath. P. 14*); также «ἀποχρώντως γὰρ που Προκοπίῳ» (*Agath. P. 105*); Ср. с вышеприведенной цитатой из «Истории» Льва.

⁷⁸ «ἀλλὰ ταῦτα μὲν κατὰ μέρος εἰς τοὺς ἑαυτῶν καιροὺς ἡ ἱστορία παραδελῶσει» *Leo Diac.* 109 B). Правда, Газе (в предисловии к изданию Льва Дьякона (см.: Указ. соч. С. VII) понимает эту фразу в том смысле, что Лев предлагает подробнее описать упомянутые им события другим историкам. Но William Fischer (в статье: *Fischer W. Beiträge zur historischen Kritik des Leon Diaconos und Michael Psellos* // *Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*. S. I. 1886. T. 7. S. 355) толкует эти слова, как обещание Льва вернуться к этим событиям позднее не в отрывочном изложении, а *κατὰ μέρος*, в доказательство W. Fischer ссылается на подобные места у других писателей. Мы присоединяемся ко взгляду Фишера, причем приведем аналогию не из других писателей, а из труда самого Льва Дьякона. В начале труда он перечисляет события, которыми было богато его время: землетрясения, знамения и т. д. Переходя затем к более подробному изложению, Лев Дьякон пишет: «ἀλλὰ μοι εἴη ... ταῦτα δεόντως ἐπεξηγήσασθαι. ἡ μὲν οὖν ἱστορία κατὰ τὸ ἐνὸν ἐμοὶ λεχθήσεται κατὰ μέρος...» (*Leo Diac.* 2 C). Отмечая полную аналогию употребления и обоих случаях слов *ἱστορία* и *κατὰ μέρος*, необходимо примкнуть к взгляду Фишера о незаконченности труда Льва Дьякона. Этого мнения придерживается и G. Wartenberg (*Das Geschichtswerk des Leon Diaconos* // *BZ*. S. a. T. 6. S. 105). Им приведены различные признаки незаконченности отделки труда.

Когда начал Лев свою историю? Вряд ли он начал ее писать во время Иоанна Цимисхия, как это думает Г. Вартенберг⁷⁹. В это время Лев был еще слишком молод, да и во введении есть уж намек на землетрясение 989 г.⁸⁰ Более сложен, но и более важен вместе с тем вопрос о том, *когда выпустил Лев Дьякон свою историю*. Газе, основываясь на том, что Лев Дьякон упоминает о взятии Херсонеса и о восстании Фоки, относит *terminus post quem* для окончания истории к 989 г.⁸¹ В. Фишер⁸² и бар. Розен⁸³, основываясь на одном и том же известии об отстройке купола храма св. Софии, относят Историю к 992 и 995 гг. На этом можно было бы и остановиться, если бы не возникали некоторые затруднения. Уже давно предлагался в русской исторической литературе вопрос, почему Лев Дьякон, будучи современником 90-х гг. X в., ни словом не обмолвился о крещении Руси. Мало того, Лев Дьякон совершенно определенно говорит о язычестве русских. Так, в IX книге (р. 92 C–D) он говорит о верованиях воинов Святослава, об их жертвоприношениях. Почему Лев Дьякон не заметил при этом, что русские уже оставили язычество? Правда, отсутствие сведений о крещении Руси можно объяснить просто: обо всем, что касалось происшествий после 976 г., Лев Дьякон хотел написать потом подробнее. В изданной же им Истории Лев касается только бедствий, которые навлекла своим появлением комета. Крещение же Руси Лев Дьякон причислить к бедствиям не мог. Этим можно было бы и объяснить, почему Лев упоминает о взятии русскими Херсонеса, ничего не говоря об обратной его передаче Византии. Но эти соображения могут объяснить только отсутствие *фактических данных*, но никак не могут считаться дос-

⁷⁹ Wartenberg G. Op. cit. P. 110.

⁸⁰ «καὶ σεισμῶν ἀπίστων κινήθέντων...» (Leo Diac. 2 A.) и «φρικώδης σεισμὸς». См.: Ibid. 109 A.

⁸¹ Case. ad Leon. Diac. VII; Leo Diac. 108 C.

⁸² Fischer W. Op. cit. S. 1c.

⁸³ Розен. Император Василий Болгаробойца. Б. м., б. г. С. 225, 176. Разногласие у обоих произошло вследствие неясности года землетрясения, упоминаемого Львом. В. Фишер, ссылаясь на ряд источников, относит землетрясение к 986 г. Розен же, основываясь на датировке Яхьи Антиохийского (см.: Указ. соч. С. 26 извлечений) считает землетрясение происшедшим в 989 г. Если же со своей стороны обратиться ко Льву Дьякону, то им землетрясение относится ко дню св. Димитрия (т. е. 26 октября, «Ἀνάμνησις τοῦ μεγάλου σεισμοῦ», как отмечается церковью этот день), но без указания года (Leo Diac. 108 D). Однако он отметил, что землетрясение случилось после того, как комета появилась во второй раз; в первый раз комета была видна в 975 г., во второй же раз (если обратиться за хронологическими данными у Яхьи (см.: Розен. Указ. соч. С. 28₃₅–29) комета и огненные столбы показались в 989 г. Упоминаемое Львом Дьяконом *восстановление Василием II купола храма св. Софии и совершено через 6 лет после землетрясения*. Следовательно, исходя из даты землетрясения, *terminus post quem* для истории Льва Дьякона нужно отнести не к 992, а к 995 г. Ближе определяет дату восстановления купола храма св. Софии Аф. Ив. Пападопуло-Керамевс, относя это событие к 13 мая 994 г. (см.: Он же. К истории греческих этимологиков // ЖМНП. 1898. Сент. С. 115).

таточными для выяснения, почему Лев *везде* считает русских язычниками, даже выставляет их в противоположность болгарам, – народу одной веры с Византией⁸⁴, не обмолвившись ни одним намеком на происшедшую перемену. Но, кроме того, существует еще более серьезное затруднение, до сих пор не замеченное исследователями. Во вставке о Болгарии Лев Дьякон пишет следующее: «παρὰ μόνου Κωνσταντίνου λέγεται Κοπρωνύμου ἡσσηθῆναι Μυσοῦς, καὶ αὐθις παρὰ τοῦ ἐγγόνου αὐτοῦ Κωνσταντίνου τοῦ τῆς Αὐγούστης Εἰρήνης υἱοῦ, καὶ τὰ νῦν δὲ πρὸς Ἰωάννου τοῦ αὐτοκράτορος, δς τὰς τῶν Μυσῶν πόλεις αἰχμῇ παρεστήσατο· οὐχ ἰστορήται δέ τις Ῥωμαίων ἕτερος, τούτους ἐπὶ τῆς σφετέρας γῆς καταγωνισάμενος»⁸⁵. Писать, что кроме Константина и Иоанна Цимисхия никто из византийских императоров не побеждал болгар на их собственной земле, можно было только до побед Василия Болгаробойцы. Невозможно предположить, что Лев Дьякон, зная о победах царствующего императора, мог бы написать такие строки. Византия еще не знала побед Василия Болгаробойцы. Эти слова уж никак не могут быть написаны в 995 г. и позднее. Именно 991–995 гг. отмечаются рядом успехов самого Василия II над болгарам *на их собственной земле*. Летописец Яхья, хронология которого наиболее тщательна, пишет так: «и встретил царь Василий болгар (под 991 г.), и обратил их в бегство, и взял в плен их царя. И спасся Комитопул, начальник его войск, и управлял государством болгарским. И оставался царь Василий враждовать с ними и воевать их страны в течение четырех лет. И выступал он зимою в области земли болгарской, и воевал, и полонил, и взял в течение этого времени несколько их крепостей и т. д.»⁸⁶ Писать после этого, что никто из императоров, кроме Константина и Цимисхия, не побеждал болгар на их собственной территории, Лев не имел никакой возможности. Трудно устранить это затруднение, если принимать, что Лев написал историю в 995 г.⁸⁷ Обратим, однако, внимание на то, что 995 г. мы получаем только на основании известия об отстройке храма Св. Софии. На примере же других византийских хроник мы часто могли убеждаться, как рискованно основываться на каком-нибудь одном случайном известии. Такие места зачастую оказывались вставками переписчиков. То же самое можно предположить и о данном месте, тем более что известие об изправлении Василием II купола мы находим у всех хронистов, как византий-

⁸⁴ Leo Diac. 48 D.

⁸⁵ Ibid. 64 A.

⁸⁶ Яхья // Розен. Указ. соч. С. 28.

⁸⁷ Правда, можно было бы пытаться объяснить это противоречие, воспользовавшись предположением Вартенберга о том, что Лев Дьякон написал историю не сразу, а начал ее до смерти Цимисхия. Однако обращаем внимание на то, что *именно самые последние* строки Истории Льва дышат тем же пессимизмом, что и в кн. VI. Так, в X книге (с. 104 D) читаем слова Льва Дякона о том, что комета предвещала «почти полное крушение Римского могущества», т. е., что *конец* Истории Льва был написан до блестящих побед Василия II.

ских, так и у Матвея Эдесского и Яхьи. Известие же Льва Дьякона исчерпывается словами «ἄλλερ αὐθις ὁ αὐτοκράτωρ Βασίλειος ἐν ἑξ ἐνιαυτοῖς ἐδομήσατο», и совершенно не походит на слова писателя, писавшего в тот же год, и носит характер типичной глоссы. Несмотря на то, что вопрос касается только разницы в 5–6 лет, нам он кажется тем не менее достаточно важным. В эти пять лет положение Византии совершенно изменилось: начинался один из блестящих периодов ее истории. Период же 976–989 гг. является одним из самых печальных. Это и отразилось на труде Льва Дьякона. Очень грустно смотрит он на общее положение государства. Отчаянием дышат такие строки: «Явление кометы предзнаменовало сильные мятежи, нашествия народов, гражданские возмущения, переселения городов и целых областей и *почти совершенную гибель римского могущества*» (р. 104). Блестящие же победы Никифора и Цимисхия для него такое же отдаленное прошлое, как победы Юстиниана.

Лев Дьякон получил хорошее для X в. историческое образование. Прокопий и Агафий оказали на него большое влияние. Заинтересовался ли он ими, как прославленными авторами древности, или же его заинтересовало больше само содержание произведений этих писателей – сама эпоха, полная блеска для «римлян», каковым считает себя Лев? Скорее, заинтересовала его именно эпоха. Время Юстиниана так походило для него на эпоху Романа II, Никифора и Цимисхия. Блестящие победы, верх славы – и после этого гибель всего могущества в обоих случаях. Аналогию Лев мог находить в обоих эпохах полную. И вот тогда он задумал написать историю своего времени. Писал он несколько своеобразным способом. Его руководством служила история Агафия. Найдя сходство эпох, он хотел представить свое время *именно в таких чертах, какими описал свою эпоху Агафий*. История Льва Дьякона есть, возможно, близкое подражание труду Агафия. Никифор II, Лев Фока и Цимисхий соответствовали Велизарии и Нарзесу. И Лев Дьякон старался представить своих героев так, чтобы они как можно больше походили на юстиниановских героев. История Агафия оказала влияние не только на стиль, но *именно и на содержание*. Само построение истории, метод писания⁸⁸ переняты Львом от Агафия. Уже при чтении введения, которым Лев Дьякон, подобно другим византийским писателям, начинает свою историю, делается ясным, с каким посредственным историком-подражателем мы имеем дело. Оказывается, что все свое введение Лев Дьякон написал, имея в руках подобное же введение Агафия. Списывая из введения Агафия целые предложения, Лев Дьякон стремился во всем подражать ему. План введения Льва совершенно тождествен плану введения Агафия. В начале своего труда Агафий высказывает свой взгляд на историю, ее пользу и задачи⁸⁹. Лев Дьякон развивает тот же взгляд, пользуясь выражениями Агафия⁹⁰. Потом Ага-

⁸⁸ О методе см.: Wartenberg G. Das Geschichtswerk d. Leon Diakonos // BZ. S. a. T. 6. S. 105.

⁸⁹ Agath. / Ed. Bonnæ. P. 4–5.

⁹⁰ Hase. ad Leon. Diac. 185. Само начало истории – «Εἴπερ ἄλλο τι...» – взято от Агафия. См.: Agath. 5.35.

фий перечисляет выдающиеся происшествия, которыми было богато его время. У Льва Дьякона такое же перечисление событий стоит на том же месте и выражено почти теми же словами⁹¹. После этого Агафий открывает свое имя. Точно так же поступает и Лев Дьякон.

Agath. (P. 8–9.):

«Ἐμοὶ Ἀγαθίας μὲν ὄνομα, Μύρινα δὲ πατρίς, Μεμνόνιος δὲ πατήρ, τέχνη δὲ τὰ Ῥωμαίων νόμιμα καὶ οἱ τῶν δικαστηρίων ἀγῶνες. Μύριναν δὲ φημι ... τὴν ἐν τῇ Ἀσίᾳ πάλαι ὑπὸ Αἰολέων ἀπρωκισμένην, ἀμφὶ τὰς ἐκβολὰς τοῦ Πυθικοῦ ποταμοῦ, ὃς δὴ ῥέων ἐκ Λυσίας τῆς χώρας ἐς τὸν ἔσχατον αὐλῶνα τοῦ κόλπου τοῦ Ἑλαΐτου ἐμβάλλει».

Leo Diac. (P. 2 C):

«...Λέων εἰμὶ Βασιλείου υἱός πατρίς δέ μοι Καλόη, χωρίον τῆς Ἀσίας τὸ κάλλιστον, παρὰ τὰς κλιτύς τοῦ Τμώλου ἀνρωκισμένον, ἀμφὶ τὰς πηγὰς τοῦ Καῦστρίου ποταμοῦ, ὃς δὴ, τὸ Κελβιανὸν παραῤῥέων καὶ ἡδιστον θαῦμα τοῖς ὀρῶσι προκειμένος, ἐς τὸν τῆς κλεινῆς καὶ περιπύστου Ἐφέσου κόλπον πελαγίζων ἐσβάλλει».

Вслед за этим о введении Агафия следуют опять несколько слов об истории вообще. То же самое мы видим и у Льва Дьякона. Затем Агафий говорит о предшествовавших его труду историках и обозначает год, с которого он думает начать свою историю. Лев Дьякон об историографии ничего не говорит, ограничивается только указанием, что многие другие историки описали предшествующий период⁹².

Однако таким подражанием Лев Дьякон не ограничивается. Желая еще больше походить на Агафия, он делает его буквально источником даже для некоторых сведений и подробностей. Желая, чтобы его герои походили на героев Агафия, Лев Дьякон заставляет воинов Никифора II и Цимисхия сражаться так, как сражались во время Юстиниана. Так, например, в одной из глав Лев описывает, как император Никифор обучал свою армию военному искусству: «не опуская ничего из того, что было изобретено для военных целей». Вместо того, чтобы дать ценное сведение о состоянии современного ему военного дела, Лев Дьякон передает рассказ Агафия, слегка переделывая его.

Agath. (P. 63–64):

«Ἦδη δὲ τοῦ ἥρος ἐπιγινόμενου, ἐνταῦθα κατὰ τὸ προστεταγμένον ξυνεκροτοῦντο αἱ δυνάμεις, καὶ

Leo Diac. (P. 22):

«Ἦδη δὲ τοῦ ἥρος μεσοῦντος ... ὁ Νικηφόρος ... τὸν στρατὸν πανσυδὶ ὡς αὐτὸν συνεγείρον καὶ ἐκκαλούμενος. ἐν

⁹¹ Leo Diac. 2 A. Ср.: Agath. 6.

⁹² Agath. 14 и Leo Diac. 2 D. См. выше.

ἅπαντα ἤθροιστο τὰ στρατεύματα. Нарοῆς δὲ ἐξασκεῖν τε ἐπιπλέον αὐτοῦς ἐκέλευεν τὰ πολέμια, καὶ ἐπεβρώννυνεν τὸν θυμὸν ταῖς καθημέραν μελέταις· τροχάζειν τε ἀναγκάζων καὶ ὑπὲρ τῶν ἵππων ἐν κόσμῳ ἀναπάλλεσθαι, ἕς τε πυρρίχην τινὰ ἐνόπλιον ὄρχησιν περιδινεῖσθαι, καὶ θαμὰ τῇ σάλπιγγι καταβομβεῖσθαι τὸ ἐνυάλιον ἐπηχούση...»

Таким образом, оказывается, что местами Лев Дьякон пишет не столько о Никифоре Фоке, сколько о Нарзесе. Такой прием у Льва Дьякона применяется очень часто. Когда он описывает подробности битв, осады крепостей, приступы и всякие данные *обстановки* происшествий, то почти всегда он пользуется, как источником, Агафием. Приведем для примера несколько мест из описания осады Никифором Фокой критских укреплений.

Agath. (P. 32):

«Οἱ δὲ ἀμφὶ τὸν Ἀλίγερνον ἀνὰ τὰ μεταπύργια τοῦ τείχους ξυνειλεγμένοι, οὐ σχολαίτερον ἀντακοντίζοντές τε καὶ ἀντιτοξεύοντες διεμάχοντο, λίθους τε ἐκ χειρῶν μεγάλους ἐπαφιέντες, καὶ φिटρούς καὶ πελέκεις, καὶ ὅπερ ἂν οὐ πόρρω τῆς χρείας ἐδόκει, μηχαναῖς τε ἐχρῶντο καὶ ἀμυντηρίοις, καὶ οὐδὲν ὅτι παρεῖτο».

Вряд ли арабы с критских укреплений метали секиры (πελέκεις), как это делали остготы. Но Лев Дьякон при описании подробностей придерживается все-таки Агафия. Желая описать взятие критской цитадели, Лев Дьякон просто пересказывает штурм одной готской крепости войсками Нарзеса.

Agath. (P. 34–35):

«Ἐπεὶ δὲ ἅπαν ἤδη τὸ τεῖχος ὁπόσον τῷ ἄντρῳ παρετέτατο, ἐκκρεμές τε ἦν καὶ μετέωρον, καὶ μόνοις ἐπεβεβήκει τοῖς ξύλοις, ἃ δὴ ὀρθοστάδην ἐτύγγανον ἐρηρεισμένα, τότε δὴ φυλλάδα νήσαντες, καὶ ὅ τι τῆς ὕλης ταχυδαές τε καὶ αὖον, καὶ εἴτα ὑποθέντες πῦρ τε ἐναύσαντες, ἐκτὸς ἀπεχώρουν.

Leo Diac. (P. 8 D):

«Οἱ δὲ βάρβαροι καὶ αὐτοὶ τῆς ἀνάγκης κατεπειγούσης ῥωμαλέως ἀντηγονίζοντο, ἐκ τοῦ τείχους τε ἀμυνόμενοι καὶ ἀντιτοξεύοντες καὶ πελέκεις ἄνωθεν ῥίπτοῦντες, καὶ ταλαντιαίους λίθους ἐπαφιέντες· καὶ οὐδὲν ὃ τι παρεῖτο τούτοις τῶν εἰς τὸ πολεμεῖν ἀμυντηρίων...»

Leo Diac. (P. 15 C):

«Ἐπεὶ δὲ τὰ γεῖσα, ἥπερ διώρυκτον οἱ ἐπὶ τοῦτο ταχθέντες, ἐκκρεμῇ καὶ ὑπόκενα, ὡς τὸ εἶκος, ἐξειργάσαντο, ὀρθοστάδην ξύλοις ὑπηρειδον, ὕλην τε ταχυδαῆ καὶ αὖον συννήσαντες καὶ πῦρ ἐνιέντες, τῆς διώρυχος ὑπεξήεσαν. τῆς δὲ φλογὸς ἀναφθείσης καὶ τῶν στηριγμάτων ἀνθρακωθέντων, δύο πύργοι

οὐκ ἐς μακρὰν δὲ τῆς φλογὸς ἀρθείσης, τὰ μὲν στηρίγματα εὐθὺς ἀνθρακούμενα, καὶ πρὸς τὴν ἀντίθεσιν ἐνεδίδου ... πύργοι τε οἱ ἐνθένδε καὶ προμαχεῶνες ἐξαπιναίως ἀπορράγέντες τῶν ἄλλων, ἐς τὸ πρᾶν ἐξεκυλίσθησαν...»

ομοῦ τῷ διαμέσῳ τούτων δομήματι τοῦ τείχους ἐξαπιναίως ἀπορράγέντες, ὑφίζανόν τε, καὶ ὑπωλίσθαινον, καὶ πρὸς τοῦδαφος κατεφέροντο».

Много других мелких подробностей взято Львом Дьяконом от Агафия, например, рассказ о том, как Никифор приводил в ужас гарнизон крепости, местами дословно сходится с рассказом Агафия о подобном приеме, правда, не столь жестоком, со стороны Нарзеса⁹³. Таким образом, из этих примеров мы можем себе составить некоторое представление, каким образом местами Лев Дьякон писал историю. Желая описать какое-либо событие, он пользовался фактическими данными лишь в общих чертах; подробности же обстановки он придумывал сам, стараясь, по возможности, находить их у Агафия, а может быть, и у какого-либо другого историка. На примере, взятом из осады Крита, мы, таким образом, ясно видим, как *Лев Дьякон иногда узнает подробности не из рассказов современников или каких других современных источников, а находит их у Агафия*⁹⁴.

Эти наивные исторические приемы Льва Дьякона лишают значения многие места его истории, особенно, где он описывает бытовые черты. Так, при чтении описания наружности Святослава мы вполне можем заподозрить достоверность этого рассказа. Неизвестно, представляет ли Лев Дьякон Святослава таким, каким знает его по рассказам очевидцев, или же желает его изобразить типичным предводителем варварских орд, какими те были в V–VI вв. Так, Газе⁹⁵ отмечает сходство описания наружности Святослава с подобным описанием наружности Аттилы Приском.

E Prisco Excerpta (p. 144)⁹⁶:

«Λιτὴ δὲ αὐτῷ καὶ ἡ ἐσθῆς ἐτύγχανεν οὕσα μὴδὲν τῶν ἄλλων πλὴν τοῦ καθαρὰ εἶναι διαφυλάττουσα».

Leo Diac. (p.97 B):

«Ἐσθῆς τούτῳ λευκή, οὐδέν τι τῶν ἐτέρων ὑπαλλάττουσα ἢ καθαρότητι».

⁹³ Agath. 39–40 и Leo Diac. 8 C.

⁹⁴ Особенное влияние Агафия испытывают речи, вложенные Львом в уста его героев. Так, речь Льва Фоки (Leo Diac. 12) является подражанием речи Велизария (Agath. 314), как отмечает Газе. Сражения, разгоревшиеся после этих речей, тоже имеют много общего между собой. Речь Никифора походит на речи Нарзеса.

⁹⁵ Hase. Ad Leon. Diac. 248 C.

⁹⁶ De legationibus // Excerpta Historica jussu Imper. Const. Porphyrogenniti / Ed. de Boor. Berol., 1903. Т. 1.

Зная приемы Льва Дьякона при описании подробностей, мы можем заподозрить, что эта фраза, например, навеяна не рассказами современников, но чтением Приска.

Письменными источниками пользовался Лев Дьякон и в тех многочисленных отступлениях, в которых он при случае касается более древних событий, например, о появлении болгар (Leo Diac. VI, 9).

Остается, *исходя из труда самого Льва Дьякона*, решить вопрос, пользовался ли он письменным источником для описания событий *своего времени*, т. е. проверить наш вывод, к которому мы пришли в предыдущей главе.

При чтении истории Льва Дьякона бросается в глаза, что не везде стиль и построение его изложения одинаковы. Лев Дьякон как бы писал свою историю двумя способами – более подробно и более сокращенно. В большей части своего труда Лев Дьякон очень подробен. Характеристики лиц, психологические замечания, личные мнения и, главным образом, бессодержательные, но отнимающие целые страницы (более 1/6 всего труда) речи занимают огромную часть Истории Льва Дьякона. В других же местах Лев очень краток и по сжатости приближается к хронистам Кедрину и др.

К *первого рода местам* принадлежат такие страницы, относительно которых авторство Льва несомненно: всюду разбросаны слова «ἥγερ μοι εἴρηται, οἴμαι», приводятся цитаты из Гомера или св. Писания, а равно личные впечатления. Здесь же особенно замечается влияние Агафия.

Ко *второму, более сжатому наслоению* Истории относятся: 1) такие сведения, относительно которых с уверенностью можно сказать, что они не принадлежат самому Льву Дьякону, т. е. исторические отступления о более древних событиях, почерпнутых из исторических трудов λέγεται или φασί, или же особой фразой; 2) *подобной же сжатостью изложения отличаются также такие места, которые с легкими добавлениями мы находим и у Скилицы*, т. е. относительно которых мы выше вывели, что они могут восходить к письменному источнику.

Таким образом, мы можем различить в Истории Льва Дьякона два наслоения. В первом случае Лев – самостоятельный писатель, во втором же он переделывает уж готовые труды.

Эта наличность двух наслоений дает себя чувствовать. Давно отмечали странную манеру Льва Дьякона повторяться.

Так, характеристика Романа II помещена им сначала во 2-й главе I книги. Затем при известии о его смерти (II кн., 10) дается вторая характеристика Романа, вводимая словом φασί. Во втором случае Лев Дьякон имеет много общего со Скилицей. Такие повторения у Льва очень часты и происхождение их можно объяснить так: в одном случае Лев передавал то, что узнал из рассказов очевидцев, в другом – Лев черпал сведения из письменного источника. Вполне естественно, что устное предание и письменный источник не всегда совпадали.

Поэтому мы и замечаем в тексте Льва Дьякона такие противоречия, происхождение которых нельзя никак иначе объяснить. Приведем наиболее яркий пример. Во 2-й главе III книги Лев Дьякон описывает как свершившийся факт, что Иосиф Вринга лишил чинов и *изгнал* всех родственников и приятелей Никифора. В длинной речи, которую Лев влагает в уста Никифору, этот факт еще раз подтверждается (III, 5). Между тем в 7-й главе той же книги читаем как раз противоположное: о брате Никифора, Льве, пишется: «ἔτιυχε γὰρ ἐπιχωριάζων τῷ Βυζαντίῳ». Из дальнейших слов Льва Дьякона следует, что и отец Никифора был в Константинополе и притом пользовался полной свободой (р. 28 В). Это противоречие мы объясняем так же, как и несколько выше: первое известие Лев Дьякон получил из посторонних источников, второе же – из письменного источника, которым потом воспользовался и Скилица: «ἔτιυχε γὰρ ἐπιχωριάζων τῷ Βυζαντίῳ» соответствует «ἔτιυχε γὰρ ἐνδὴμῶν τῇ βασιλείῃ» у Скилицы. Лев Дьякон настолько механически склеил два известия, что не позаботился примирить их. В конце V книги, где Лев приводит *личное* мнение о Никифоре, он говорит, что все виновники убийства императора были казнены (L. D. P. 55 D.), между тем в VI книге, близкой к Скилице, напирается именно на то, что был наказан *только* Лев Аваланте: «Λέοντα τὸν Ἀβαλάντην καθυπεδείκνυεν, οὐκ ἄλλον ἰσχυρίζομενος» (р. 60). Это влияние двух источников сказывается и в том, что иногда Лев Дьякон об одной и той же подробности говорит два раза, но в совершенно различном виде, как о двух разных фактах. Например, предостерегающих писем император Никифор, по Льву Дьякону, получил два.

Второе из них сходится с описанием его у Скилицы, но первое существует только у Льва Дьякона, хотя и немногим отличается от второго. В данном случае Лев, вероятно, просто об одном письме рассказал две версии – и в результате получилось два письма (V, 5 и V, 7). То же самое замечается и в VII книге, касающейся восстания Варды Фоки. По Скилице, написал Варде Фоке письмо с увещанием бросить восстание, обещая за то прощение Цимисхия. Письмо успеха не имело. У Льва Дьякона это письмо тоже воспроизведено, но в прямой речи, и тут же помещен отрицательный ответ Фоки. В этом Скилица сходится со Львом. Но у Льва Дьякона, кроме того, помещено еще 2 письма: от *императора Цимисхия* к Фоке и ответ последнего. Однако достаточно сравнить между собой письма Склира и Цимисхия, чтобы прийти к тому выводу, что оба письма, в сущности, представляют собой одно и то же. По содержанию оба письма тождественны, хотя и посланы от разных лиц: 1) сначала автор письма убеждает Фоку, что тот ошибается, затеявая восстание; 2) говорится о непобедимости императора; 3) дается совет бросить восстание и 4) Фоке дается надежда на помилование. Равным образом тождественны по содержанию и ответы Фоки. Такое совпадение содержаний можно объяснить тем же: из источника, общего Скилице, Лев узнал, что *Склир* написал Варде Фоке письмо данного содержания. Это письмо, следы которого видим у Скилицы, Лев Дьякон и поместил в

своей истории. Но из посторонних источников Лев, вероятно, слышал, что *сам Цимисхий* вступал в письменные переговоры с Фокой. Не разбираясь, кто прав, Лев Дьякон поместил обе версии как две самостоятельные.

Таким образом, наш вывод о существовании общего Скилице и Льву источника не только не встречает затруднения в труде Льва Дьякона, но, наоборот, находит в нем веские подтверждения. Больше всего общего со Скилицей Лев Дьякон имеет в VI–IX книгах, именно в описании правления Цимисхия; наоборот, меньше всего – при описании царствования Никифора. Мы постараемся объяснить, почему Лев Дьякон именно в рассказах о Никифоре наиболее самостоятелен.

История Льва Дьякона начинается вступлением на престол Романа II. Таким образом, правление этого императора должно было целиком войти в историю Льва. Однако правление Романа совершенно не интересует Льва Дьякона. Кроме короткой характеристики Романа Лев совершенно не затрагивает внутренних событий его царствования и все свое внимание обращает на военные подвиги братьев Никифора и Льва Фок. Может быть, на это повлиял источник Льва Дьякона, исключительно занятый фамилией Фок: но здесь играют роль и личные симпатии Льва Дьякона. Его главный герой – *Никифор Фока*. Правление Романа только потому и затронуто Львом, что в это время Никифор взял Крит и являлась возможность остановиться на подвигах своего героя.

Везде, где идет речь о Никифоре, Лев Дьякон становится очень многоречивым, везде высказывает свое восхищение им. Многие практические данные Льва Дьякона совпадают с данными Скилицы, но напрасно было бы искать *близкого* сходства между трудами обоих историков на страницах, касающихся подвигів Никифора. Хотя фактическая сторона труда Льва Дьякона могла быть основана на источнике, общем со Скилицей, однако Лев Дьякон широко дополняет его дошедшими до него слухами, влагает в уста героев речи, подробности обстановки заимствует у Агафия; Скилица же, пользуясь источником, старается вообще следовать ему возможно ближе.

Тенденциозность Льва Дьякона резко бросается в глаза. И его источник собирал факты, защищающие императора Никифора от обвинений современников, Лев же со своей стороны влагал всю силу своей риторики, приводил пышные агафиевские речи, чтобы представить в лучшем виде своего героя. Тенденциозность Льва Дьякона особенно бросается в глаза, если сопоставить его со Скилицей, хотя бы и в тех местах, где последний пользуется благожелательным Никифору источником.

Скилица рассказывает о перевороте 963 г. так⁹⁷. В апреле 963 г., *несмотря на противодействие главы правительства Феофано евнуха Вринга*, Никифор

⁹⁷ Cedren. 348.43.

отпраздновал в Константинополе свой триумф. После этого триумфа Вринга начинает подозревать Никифора в стремлении занять императорский престол. Однако Никифор рассеял его подозрения, уверив Вринга в своем желании поступить в монастырь. Вринга поверил Никифору и допустил его отправиться к азиатским войскам. Но скоро Вринга раскаялся в своем необдуманном великодушии и *решил устранить Никифора*. Для этого он посылает письма Иоанну Цимисхию и Роману Куркуа, *приглашая их или убить Никифора*, или постричь его в монахи. В награду за исполнение поручения он обещал им domestикат Запада и Востока. Однако Цимисхий и Куркуа не поддались проискам Вринга, а предъявили эти письма Никифору и провозгласили его императором.

Лев Дьякон описывает переворот 963 г. несколько в ином виде⁹⁸. Прибыв в Константинополь, Никифор отпраздновал триумф. Мысленно он уж решил произвести государственный переворот, потому что возвышение Вринга, относившегося враждебно к нему, ему не нравилось. Однако Никифор отложил свое намерение. Вдруг он узнает, что Вринга намеревается его ослепить. Никифор обращается к патриарху Полиевкту и при его содействии получает начальствование над войсками, предварительно дав клятву не замышлять ничего против существующего правительства. После отъезда Никифора в Азию Иосиф Вринга решил покончить с Никифором. Для этого он пригласил патрикия Мариана и обещал ему императорский трон за устранение Никифора. Сознывая свое бессилие перед Никифором, Мариан посоветовал Врингу обратиться с подобным предложением к честолюбивому родственнику Никифора – Иоанну Цимисхию. Вринга так и сделал и послал Цимисхию письмо, в котором обещал ему императорскую корону, если тот устранил от власти Никифора; Цимисхий же показал это письмо Никифору и вместе с войском провозгласил его императором.

Этот рассказ растянут Львом Дьяконом на 10 страниц⁹⁹, причем почти весь состоит из речей и писем. Именно это обилие сочиненных Львом речей и писем указывает на то, что данная часть его труда принадлежит к числу наиболее самостоятельных. Здесь Лев Дьякон, независимо от своего источника, дает волю своему красноречию и *старается убедить читателей в правоте Никифора*.

Исчерпав этот вопрос, Лев Дьякон описывает дальнейший ход событий уже более сжато, не вводит ни речей, ни писем. В описании константинопольских событий замечается значительное сходство со Скилицей. Известия о Варде и Льве Фоке, о предприятиях Василия-евнуха, о судьбе Иосифа Вринга и о въезде Никифора по содержанию совпадают¹⁰⁰. Недостающие же сведения взаимно дополняют друг друга; именно эти сведения о константинопольских событиях 963 г. и можно считать извлеченными из общего источника.

⁹⁸ Leo Diac. 18 D ff.

⁹⁹ Ibid. 18 D, 28 A.

¹⁰⁰ Ibid. 28 A–29 B; ср.: Cedren. 348–351.

Кому же однако отдать предпочтение в изложении начала переворота 963 г.? Особенно противоречит версии Скилицы утверждение Льва, что Иосиф Вринга желал избавиться от Никифора путем предоставления императорского трона Мариану или Цимисхию. Скилица же, наоборот, утверждает, что Вринга обещал за содействие только сан domestika. Откуда у Льва Дьякона появилось это известие, противоречащее Скилице, раз оба они пользовались одним источником? Конечно, Лев Дьякон, как современник, мог иметь и совершенно особые сведения, но в данном месте рассказ Льва, хотя и в измененном виде, восходит к тому же общему источнику. Обратим внимание на одно известие Скилицы о столичных происшествиях, которое у Льва Дьякона опущено: «ἐβουλεύσατο ὁ Βρίγγας βασιλέα τινα προβαλέσθαι, διὰ τοῦτου οἰόμενος τὸν τόνον ἐκλῦσαι τῆς ὀρμῆς τοῦ στρατοῦ»¹⁰¹.

Оказывается, что известие о попытке Вринга выставить соперника Никифору имеется не только у Льва Дьякона, но и у источника Скилицы, но в другой связи. По Скилице, эта попытка Вринга происходила только тогда, когда уже Никифор был у Константинополя. Вполне возможно, что тогда Вринга за устранение Никифора мог обещать трон. Однако Лев Дьякон ничего не пишет об этой запоздалой попытке потому, что он ее отнес уже к предыдущему, вероятно, на основании слухов, дошедших до него. Эти слухи о переговорах с Марианом, должно быть, основывались на том же факте, о котором пишет источник Скилицы «βασιλέα τινα προβαλέσθαι». Кого подразумевает Скилица под «βασιλέα»? Из сравнения со Львом Дьяконом делается ясным, что здесь разумеется тот же Мариан, которому трон был обещан уже ранее – по Льву Дьякону. Изложение Скилицы в данном месте очень сокращено. Имен собственных он избегает и поэтому называет его словом *τινα*. Лев Дьякон в описании столичных беспорядков иногда подробнее Скилицы. На месте, приблизительно соответствующем известию Скилицы о попытке Вринга создать контримператора, Лев Дьякон пишет: «*Τὸν Μαριανὸν δὲ καὶ τὸν Πασχάλιον ... ἐταίρισάμενος*»¹⁰². Странно читать это у Льва Дьякона. Ведь по его сведениям Мариан уже давно был сторонником Вринга и даже вдохновителем его. Каким образом Лев Дьякон неожиданно сообщает, что Вринга «привлек на свою сторону Мариана»? Это противоречие можно объяснить только тем, что Лев Дьякон механически привел данное место из своего *источника*, забывая, что о Мариане было уже сказано в свое время. Но если известие о привлечении Мариана находилось у *источника* Скилицы и как раз на том месте, где имеется известие о попытке создать контримператора, то можно с уверенностью вывести, что последнее относится именно к Мариану и другим. Выяснив это, мы тем самым относим первое известие Льва Дьякона о предварительных переговорах

¹⁰¹ Cedren. 349.

¹⁰² Leo Diac. 28 A.

Вринга с Марианом и о советах последнего к числу недостоверных. Вринга в действительности мог предлагать корону Мариану и Цимисхию, но не тогда, когда восстания Никифора еще не намечалось, а когда тот находился уже в предместьях Константинополя.

Данное место – описание переворота 963 г. – является очень характерным. Во-первых, оно ясно указывает на существование в Истории Льва Дьякона двух наслоений. Одно, принадлежащее ему самому, отличается преобладанием речей и основывается больше на устных источниках; другое, иногда противоречащее первому, более или менее близко подходит к источнику, общему Льву и Скилице.

Во-вторых, делается ясным способ пользования Львом Дьяконом письменным источником. Иногда Лев приводит версии источника достаточно близко¹⁰³. Однако в некоторых местах, которые его наиболее интересуют, Лев Дьякон следует своему источнику только в самых общих чертах, развивает и дополняет известия.

В-третьих, описание переворота 963 г. характерно для решения вопроса о достоверности Льва Дьякона. Как уже отмечалось выше, Лев очень пристрастно относится к императору Никифору, более дружелюбно настроен к нему, чем его источник, так как сведения последнего дополняются им различными слухами, которые имеют целью оправдать Никифора, вроде известия о попытке Вринга ослепить его. Что же касается речей и писем, приводимых Львом Дьяконом, то не может быть никакого сомнения, что они подложны и выдуманы со специальной целью оправдать Никифора в событиях 963 г. Это пристрастное отношение к Никифору распространяется и на описание его правления. Эта односторонность изложения Льва Дьякона резко бросается в глаза, особенно если иметь в виду изложение Скилицы, Зонары и Константина Манассии. Лев Дьякон старается затушевать темные места правления императора Никифора. Так, о недовольстве народа Лев упоминает только вскользь¹⁰⁴. О непосильном налоговом бремени, о голоде и дороговизне, о которых так пространно рассказывает Скилица, Лев Дьякон сообщает только очень глухо, ограничиваясь одним известием о ропоте народа, не говоря, был ли этот ропот основателен.

Можно заметить также, что Лев Дьякон много скрывает из того, что, без сомнения, знал. Так, ни словом он не обмолвился в своем труде о данном Никифором монашеском обете, который тот своим вступлением на престол нарушил. Об этом обете знает Скилица и косвенно намекает на него. Об этом же сообщает Житие св. Афанасия¹⁰⁵. Легко можно поверить этому, так как аскетические склонности Никифора признают все источники. Ничего не говорит Лев о заведомой лжи одного протоиерея в пользу Никифора, когда взволнованный

---

¹⁰³ Ср.: **Leo Diac.** 28 A–29 B и **Cedren.** 348–351.

¹⁰⁴ **Leo Diac.** 39.

¹⁰⁵ Афонский Патерик. Б. м., б. г. Т. 1. С. 66; **Сырку.** Указ. соч. С. 15 сл.; **Cedren.** 346.

слухами о духовном родстве императора с Феофано патриарх отказался их венчать. Кратко замечает Лев Дьякон, что императору удалось убедить и упросить патриарха, но каким образом, Львом умалчивается¹⁰⁶.

Правда, и Лев Дьякон отмечает, что Никифор Фока не пользовался популярностью среди константинопольского населения. Чтобы объяснить это, Лев Дьякон приводит только слухи о корыстолюбии брата Никифора, Льва Фоки, а также рассказывает, как несчастная случайность во время одного парада возбудила к императору всеобщую ненависть¹⁰⁷. Между тем у Скилицы причины непопулярности Никифора выставлены значительно рельефнее. По Скилице, Никифора ненавидели главным образом за то, что он при вступлении своем на престол слишком грубо опирался на военную силу, безнаказанно в течение продолжительного времени позволяя своим солдатам грабить столичное население, причем возводил это почти в систему¹⁰⁸.

Несмотря на свои аскетические наклонности, Никифор был весьма непопулярен среди части духовенства¹⁰⁹, так как стеснял свободный выбор епископов и посягал на монастырские имущества. Лев Дьякон, конечно, должен был это все знать, но, не желая обвинять любимого императора, он обходит эти факты молчанием. Не будучи, однако, в состоянии совершенно умолчать о стеснении епископов, Лев Дьякон упоминает об этом не при описании царствования Никифора, а мимоходом в рассказе о вступлении на престол Цимисхия¹¹⁰.

Все это показывает, с какой любовью и тенденциозностью относился Лев Дьякон к Никифору и даже вообще к дому Фок.

Этого он совершенно не скрывает и откровенно печалится, что брат Никифора не отомстил тотчас же убийцам императора. Лев Дьякон совершенно уверен, что все войско и все чиновничество стояли на стороне убитого Никифора¹¹¹. Насколько, однако, это соответствовало действительности, неизвестно; нужно принять во внимание, что самый переворот 969 г. совершился почти без применения военной силы.

При описании правления Никифора II Лев Дьякон обращает наибольшее внимание на военные события. Однако и тут обнаруживает он свою пристрастность. Он желает во что бы то ни стало оправдать своего героя в возводимых на него обвинениях. Так, Скилица, со слов современника императора Никифора,

¹⁰⁶ Cedren. 352–353; Leo Diac. 30 D.

¹⁰⁷ Leo Diac. 39 D ff.

¹⁰⁸ Cedren. 367 ff.

¹⁰⁹ Однако среди монашества Никифор был популярен. После смерти Никифора в честь его был составлен чин богослужения. Может быть, он был знаком Льву Дьякону, так как очень многие черты характеристики Никифора совпадают с похвалами песнопений, изданных: Petit L. Office intédit en l'honneur de Nicephore Phocas // BZ. S. a. T. 12. S. 398 ff.; ср.: S. 410.51 и Leo Diac. V, 2, а также Petit L. Op. cit. S. 411.53 и Leo Diac. V, 8; и др.

¹¹⁰ Leo Diac. 60.

¹¹¹ Ibid. 58B: «δέον αὐτῷ ... εἰς ἐκδίκησιν κατὰ τῶν τυράννων παρακαλεῖν».

описывает в очень непривлекательном для последнего виде осаду Антиохии. Существовало в то время предание, предсказывавшее, что тот император, во время правления которого Антиохия снова перейдет в руки греков, немедленно после этой победы погибнет¹¹². Узнавши это, Никифор бросил осаждать Антиохию и уехал в Константинополь, отдав военачальникам Михаилу Вурце и Петру-евнуху строгое приказание не предпринимать ничего решительного против осажденного города. Но Вурца не исполнил этого приказания и взял с Петром город приступом. Вместо того, чтобы благодарить Бога, как выражается Скилица, Михаил Вурца и Петр-евнух не только не были награждены, но даже были взяты под стражу и сосланы¹¹³. Конечно, вряд ли Никифор запретил брать Антиохию из боязни исполнения предсказания легенды; но факт наказания Вурцы говорит о честолубии Никифора, не желавшего уступать славы взятия самого цветущего города Востока своим генералам. Само собой разумеется, что этим Никифор в лице Вурцы приобрел смертельного врага, что тоже является фактом, так как мы впоследствии видим его в числе убийц императора.

Но как относится к этому событию Лев Дьякон? Он не отрицает того, что Никифор запретил предпринимать во время своего отсутствия серьезные операции против Антиохии. Но чем Лев объясняет это приказание?

В длинной речи, придуманной Львом Дьяконом, император говорит, что Антиохию приступом брать нельзя, как простую крепость. «Мне становится как-то жалко», говорит Никифор, «что третий город в мире по красоте падет, как простая крепость!»¹¹⁴. Этот аргумент является довольно странным в устах военного того времени, особенно Никифора, который незадолго перед тем советовал своим войскам смело идти против первого по красоте и величию города в мире – Константинополя. В версии сквозит официальный характер, Лев же передает ее в речи Никифора, цель которой – оправдать Никифора от возводимых на него обвинений: эти обвинения, равно как все происшедшее в связи со взятием Антиохии, должно быть, были хорошо известны Льву Дьякону. Но что же стало с Михаилом Вурцей и Петром-евнухом? Об этом Лев Дьякон совершенно умалчивает¹¹⁵.

Кроме очевидной пристрастности и односторонности, описание правления Никифора Фоки у Льва Дьякона страдает в некотором отношении и неосведомленностью. Описание походов в общих чертах правильно, но имеются некоторые неточности и путаница, если сравнить соответствующие известия Скилицы и арабских авторов¹¹⁶. Правда, цифровые данные совершенно невероятны.

¹¹² О подобных предсказаниях знает и Лиутпранд. *Ad Leo Diac.* / Ed. Bonn. P. 359.

¹¹³ *Cedren.* 367.

¹¹⁴ *Leo Diac.* 44 D. См. выше.

¹¹⁵ *Ibid.* 44 A–45.

¹¹⁶ Так, напр., перепутан первый сирийский поход и взятие Мопсуестии (см.: *Leo Diac.* 32 ff. и *Cedren.* 361 ff., *Aboulfarage* ad a. 1276).

Так, Лев пишет, что во время одного похода у Никифора было 400 000 человек войска. Но тут же говорится, что правый фланг состоял только из 10 000 чел.¹¹⁷ Еще абсурднее приводимые им цифровые данные в описании осады Антиохии¹¹⁸. Никифор, по Льву Дьякону, приступил к осаде Антиохии с теми же 400 000 человек. Снимая осаду, он оставил Вурце 1 500 чел., с которыми тот и взял город. Одно сопоставление цифр 400 000 и 1 500 говорит о полной недостоверности вообще цифровых данных Льва Дьякона.

Каким образом описывает Лев Дьякон такие события, *которые происходили близко от него?* Для примера укажем на описание им волнения константинопольской черни весной 966 г. Лев Дьякон был очевидцем этих происшествий и описывает их в следующих чертах¹¹⁹. Сперва на ипподроме Никифором был устроен «невиданный для жителей столицы» парад войска. Народ пришел в испуг от одного маневра и бросился бежать. Произошла паника, во время которой было перетоптано и раздавлено много зрителей¹²⁰.

Вскоре произошло другое событие, ничем, по Льву Дьякону, с первым не связанное. В предместьях Константинополя произошла драка греков с армянами¹²¹. И вот, когда император возвращался во дворец, чернь стала осыпать его ругательствами и нападать на него. Описание этого волнения у Льва Дьякона очень темно. Непонятно, почему чернь набросилась на императора. Дрались армяне с греками, а иступленные женщины кидали камнями в императора. Император, мужеством которого присутствовавший тут же поблизости Лев Дьякон восхищался, «не сердился по своему великодушию и только приписал все это волнение действию выпитого вина». Такое отношение императора Никифора нужно признать тоже несколько странным.

Скилица изображает это волнение несколько в другом виде.

Он тоже говорит о столкновении между греками и армянами, но относит его не на Вознесение, а на Пасху. Скилица разделяет 2 события: столкновение армян с греками и волнение против императора. Первое у него изложено более обстоятельно. Это столкновение приобрело характер серьезного побоища, в котором многие погибли. Сам эпарх города *μάγιστρος Σισίνιος* едва не был убит. Это участие эпарха показывает, что столкновение приняло форму погрома и что Никифор пытался усмирить участников побоища, принявшись защищать какую-либо сторону, вероятно, своих армянских телохранителей¹²². Однако попытки Никифора кончились неудачей. Тогда, как рассказывает Скилица,

¹¹⁷ **Leo Diac.** 36.

¹¹⁸ **Ibid.** 45.

¹¹⁹ **Ibid.** 39.

¹²⁰ **Schlumberger.** Un empereur byzantin au X siècle. Paris, 1890. P. 541: «Était ce pour donner au peuple le spectacle d'une petite guerre, d'un de ces jeux gothiques si prisés a cette époque? Était ce au contraire, *comme l'affirme sérieusement Léo Diacre*, pour inspirer à tous une terreur...» Шлюмберже, очевидно, говорит о Скилице.

¹²¹ **Cedren.** 370 ff.

¹²² **Schlumberger.** Op. cit. P. 1.

в народе распространился слух, что император не оставит происшедшее безнаказанным. Ходили слухи, что император хочет отомстить черни именно в день состязаний на ипподроме. Вероятно, эти слухи вызывались стягиванием войск в Константинополь. Скоро наступил день состязаний. Может быть, Никифор и в действительности грандиозным парадом хотел показать населению свою силу и поднять поколебленный авторитет. Он приказал войску исполнить маневр: нападение с обнаженными мечами в руках по направлению к гражданам... Тут на ипподроме поднялся невообразимый переполох. Все начали думать, что император мстит за пасхальное волнение. Поднялась такая паника, что, по Скилице, никто не спасся бы, если бы не бросилось всем в глаза спокойствие императора; паника улеглась, но жертвою ее оказалось «бесчисленное» множество раздавленных. Наступило Вознесение. Император торжественно проезжал по городу. Навстречу ему собрались родные раздавленных и начали громко называть императора виновником постигнувшего их бедствия. Мало-помалу дошли даже до того, что стали бросать в императора камнями. Никифор от страха чуть не лишился чувств и едва спасся.

Возникает вопрос: кому отдать предпочтение – Льву Дьякону, который собственными глазами видел происшедшее и восхищался спокойствием императора, или Скилице, который пишет о полной растерянности Никифора. Разобравшись, приходится отдать предпочтение рассказу Скилицы. Вряд ли Никифор был так мужествен, если потом, по свидетельству самого же Льва Дьякона, принужден был оставить волнение безнаказанным и приписать его действию вина.

Итак, несмотря на то, что Лев Дьякон был очевидцем описываемых событий, он их совершенно перепутал. Рассказ же источника Скилицы совершенно ясен, хотя и показывает определенно выраженное враждебное отношение к Никифору. Неясность сведений Льва Дьякона можно объяснить и тем, что тот источник, которым он пользовался, был благоприятно настроен к Никифору и сведений о волнении мог совсем и не иметь. Не желая обходить эти факты молчанием, Лев Дьякон рассказывает о них по личным воспоминаниям. Необходимо заметить, что при описываемых событиях Лев Дьякон присутствовал в качестве 15–16-летнего мальчика, чем можно отчасти и объяснить путаность его изложения.

Для истории правления Никифора II труд Льва Дьякона, таким образом, представляет собой довольно ненадежный источник. Подражание Агафию, напыщенность, тенденциозность труда, приведение в качестве фактов разных слухов, которые часто противоречат дальнейшему изложению, – все это невыгодно отражается на истории Льва Дьякона, если с ней сопоставить сжатый, но подробный и ясный рассказ хроники Скилицы. Но, несмотря на это, Лев Дьякон стоит гораздо выше Скилицы и его церковного источника в общем понимании Никифора. Источник Скилицы не поднимается до государственного понимания Никифора, но имеет точку зрения узкую: недоволен тяжелыми налогами, дороговизной, выс-

тавлением на первый план военной силы, недоволен лишением церкви свободы, несоблюдением канонов... О государственных интересах Скилица как бы забывает. Наоборот, Лев Дьякон становится исключительно на государственную точку зрения. Твердость его правления он не раз превозносит. Обвинений источника Скилицы для него как бы не существует, и он их объясняет так: «...Я уверен, что Римское государство достигло бы величайшей славы, какой никогда не имело, если бы, при успехах сего мужа (Никифора), судьба его так скоро не погубила...»¹²³ Но народ поставил ему в порок его желание, чтобы все непременно соблюдали добродетель и не нарушали совершенной справедливости: ибо от сего он был неумолим в наказании, непреклонен и жесток к преступникам и ненавистен людям, желающим вести беспечную жизнь».

Труд Льва Дьякона имеет известное значение для истории правления Никифора II. Здесь, кроме немногих мест, сведения Скилицы и Льва расходятся, и Лев приводит массу новых данных. К Цимисхию Лев Дьякон относится более ровно; его известия в большинстве случаев совпадают с известиями Скилицы и вносят мало нового. Центральным местом правления Цимисхия является его борьба со Святославом, к рассмотрению известий о которой мы и обратимся.

Описание борьбы Цимисхия со Святославом занимает у Льва Дьякона VI, VIII и IX книги и отличается достаточной полнотой. Очень подробно описана эта война и у Скилицы. Прежнее взаимоотношение обоих писателей остается и здесь тем же. Начало войны Лев Дьякон описывает очень подробно. Им приводятся в длинных речах переговоры Святослава и Цимисхия (VI, 10), обращения Цимисхия к войскам (VIII, 2) и подробности приготовлений. Здесь Лев Дьякон не имеет ничего общего с изложением Скилицы и, вероятно, вполне самостоятелен. Но лишь только Лев Дьякон переходит к описанию военных действий и оставляет свое красноречие, сходство с изложением Скилицы становится снова очень заметным, и не только по содержанию, но и в выражениях.

Cedren (P. 405–406):

Leo Diac. (P. 92):

«Τοῦτον (Ἰχμора) ἰδὼν Ἀνεμᾶς ὁ τῶν Κρητῶν τοῦ βασιλέως υἱὸς Κουρουπᾶ, εἰς ὃν τῶν βασιλικῶν σωματοφυλάκων, αὐτόν τε εὐψύχως ἀγωνιζόμενον καὶ τοὺς λοιποὺς εἰς τοῦτο παρорμῶντα καὶ διεγείροντα καὶ τὰς τῶν Ῥωμαίων τάξεις διαταράσσοντα, μήτε πρὸς τὸ μέγεθος

«Ἐνταῦθα Ἰχμора ... ἰδὼν Ἀνεμᾶς, ὁ τῶν βασιλικῶν σωματοφυλάκων εἷς, καὶ τοῦ τῶν Κρητῶν υἱὸς ἀρχηγοῦ, ἐνθουσιωδῶς ἐφορμῶντα μετὰ τῆς τῶν ἐφεπομένων πεζεταίρων φάλαγγος καὶ πλείστους Ῥωμαίων ἀποκτιννύοντα, ἀλκῇ τε φύσεως ἐπαρθείς, τὸ παρηρωρημένον ξίφος ἐλκύσας, καὶ τὸν

¹²³ Leo Diac. 54.

καταπλαγείς τοῦ ἀνδρὸς μήτε τὴν ἀλκὴν δειλιάσας, ἀλλὰ περικαρδίῳ θέρμῃ ληφθεὶς καὶ τὸν ἵππον τῇδε κάκεϊσε παρακινήσας, μεθ' ὁρμῆς ἀκατασχέτου τὸ παρηωρημένον τῷ μηρῷ αὐτοῦ ξίφος σπασάμενος, ἔται κατὰ τοῦ Σκύθου, καὶ παίει τοῦτον τῷ φασγάνῳ κατὰ τοῦ ἀριστεροῦ μου περὶ τὴν κλεῖδα, καὶ ἀποτέμνει τὸν αὐχένα, ὡς συμβῆναι τὴν κεφαλὴν σὺν τῇ δεξιᾷ χειρὶ ἐκκοπεῖσαν πεσεῖν εἰς τὸ ἔδαφος...»

ἵππον τῇδε κάκεϊσε παρεξέλασας, τοῖς τε μύψι καταικίσας, κατὰ τοῦ Ἰκμορος ἔται, καὶ τοῦτον κατειληφῶς πλήττει κατὰ τοῦ τένοντος· ἡ δὲ τοῦ Σκύθου κεφαλὴ σὺν τῇ δεξιᾷ ἐκτμηθεῖσα χειρὶ πρὸς τοῦδαφος ἀπηράττετο...».

Вартенберг¹²⁴ склонен объяснять это сходство случайным совпадением военных терминов. Однако мы обратили бы внимание на то, что данное место является одной из мелких деталей битвы. Случайное совпадение слов, конечно, может иметь место при изложении вкратце общеизвестных событий, у Льва же Дьякона совпадают со Скилицей именно мельчайшие подробности битвы, как-то: мелкие поединки¹²⁵, кто и куда был ранен, погода (θύελλα Cedr. 410 и Leo. 153), божественная помощь, сон некой монахини, – все эти подробности поразительно совпадают, так что общность источника с необходимостью вытекает именно для описания Святославовых походов. Правда, иногда меняется порядок сведений. Но мы знаем манеру Льва Дьякона писать: он отвлекается, повторяется и, весьма вероятно, что многое у Льва Дьякона перепутано из того, что верно приведено Скилицей. Для примера такой путаницы у Льва укажем на следующее: «император Иоанн приказал азиатским войскам скорее переправиться через Геллеспонт в Европу»¹²⁶. Такое сведение Лев помещает сразу после битвы под Аркадиополем. По Скилице, наоборот, азиатские войска присланы в Европу до битвы под Аркадиополем; после сражения они отправлены были обратно в Азию для подавления восстания Варды Фоки. Дальше читаем и у самого Льва Дьякона, что Склир был послан с войском из Европы в Азию против Фоки (L. D. VII, 3). Это противоречие произошло оттого, что Лев Дьякон не на месте поместил известие о переброске азиатских войск.

Пропуская некоторые подробности, Лев о них потом вспоминает. Так, например, описывая последнюю битву Святослава под Дористолом, Лев Дьякон выпускает известие о том, что Варда Склир с конницей произвел обходное движение. Только потом, при самом окончании битвы, Лев вспоминает об этом и в скобках говорит: «(ἐκεῖνος γὰρ μετὰ τοῦ συνελπομένου πλήθους τὴν κύκλωσιν

¹²⁴ Wartenberg G. Op. cit. P. 315.

¹²⁵ Ср. подробности битвы под Аркадио-полем: Cedren. 387, 388 и Leo Diac. 67.

¹²⁶ Leo Diac. VI, 13.

ἐποίησατο)»¹²⁷. Подобные же ошибки и перестановки возможны у Льва Дьякона и в других местах, где он противоречит Скилице. Поэтому, что касается последовательности подробностей борьбы со Святославом, данные Скилицы внушают большее к себе доверие. Заметно противоречит Лев Дьякон Скилице в приведении цифровых данных. Цифры Льва Дьякона более умерены, цифры же Скилицы распадаются на две категории. Часть из них совпадает с цифрами Льва Дьякона и отличается умеренностью (напр., 8 500 чел., запершихся в Преславе – Cedr. P. 394). Но рядом с такими данными встречаются совершенно абсурдные цифровые соотношения, как, например, известие, что в битве под Аркадиополем со стороны русских пало 300 000 чел., греков же – 25 чел. (Gedren. P. 388). Сама фантастичность последних цифр, а также видимое несоответствие с другими цифровыми данными, говорит за то, что Скилица их почерпнул из более позднего предания.

Если же признать, что сведения Скилицы и Льва Дьякона в большей своей части восходят к одному источнику, то мы тем самым придем к тому выводу, что все греческие источники передают нам только одну версию о борьбе Византии со Святославом, так как Зонара и Кедрин восходят к Скилице.

Кроме греческих источников, сведения о борьбе со Святославом дает арабский христианский летописец Яхья¹²⁸, но в общих чертах; в рассказе о византийских делах он следует греческому источнику, и его версия совершенно совпадает с версией Льва Дьякона и Скилицы.

Что касается русской летописи, то и ее сообщения восходят к той же византийской версии. Акад. А. А. Шахматов¹²⁹, приводя следы болгарского хронографа в летописи, приходит к тому выводу, что сведения о Святославовых походах почерпнуты летописью из не дошедшего до нас болгарского хронографа. Этот болгарский хронограф в свою очередь мог пользоваться греческими трудами. И действительно, в русской летописи есть много мест, близко совпадающих с сообщениями греческой версии. Акад. А. А. Шахматов сличает речь Святослава, помещенную в русской летописи, с той же речью по Льву Дьякону и Скилице. Приводимая Львом Дьяконом речь отличается от речи Скилицы только по стилю, так как Лев приблизил слова Святослава к одной речи из Агафия¹³⁰. Летописец же имеет больше сходства с простой передачей Скилицы. Замечание Скилицы, что русские удивлялись богатству Болгарии¹³¹, походит на летописные слова Святослава о богатстве Переяславца («не любо мы есть Киев быти...»). Известия о первых двух походах Святослава на Болгарию общие и в летописи, и у Скилицы, и у Яхьи. Сходство замечается и со Львом Дьяконом.

¹²⁷ Leo Diac. 96 A.

¹²⁸ Розен. Указ. соч. С. 180, 181.

¹²⁹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших летописных сводах. Б. м, б. г. С. 118.

¹³⁰ Agath. 155, Leo Diac. 151.

¹³¹ Cedren. 383 : «ἀλλὰ τὴν τοῦ τόπου θαυμάσαντες εὐφύαν».

Лев Дьякон. VI, 10.:
(пер. Попова)

Лет.:

«...Святослав сказал ему (Цимисхию) в ответ: ...Да не трудится (император) путешествовать в нашу землю: мы сами скоро поставим шатры свои пред Византийскими воротами...»

«И послал к греком, глаголя: “хощу на вы ити, и везяти град ваш, яко и сии”» (т. е. Переяславец).

Принимая во внимание одновременное сходство летописи и со Львом Дьяконом, и со Скилицей, можно с достаточной вероятностью предположить, что греческий источник, оказавший через посредство болгарской хроники влияние на русскую летопись, и был источником, общим Льву Дьякону и Скилице.

Только известие летописи о какой-то неизвестной победе, одержанной самим Святославом над греками, противоречит византийской версии. Если не считать этого, то нужно сказать, что о походах Святослава мы имеем всего только одну версию, притом версию источника официального происхождения, на какой походит данный источник, общий Льву и Скилице.

Теперь можно задаться вопросом, насколько византийская версия полно передала описание борьбы со Святославом?

Лев Дьякон в своей истории однажды развивает своеобразный взгляд. По его мнению, излишняя подробность в изложении является пороком любопытства. Поэтому он и не останавливается на мелочах. При таком составлении истории вполне возможно, что выпускаются иногда весьма важные факты, которые только на первый взгляд кажутся мелочами. Нам кажется, что именно подобное и произошло в византийской версии о войне со Святославом, что общий византийским хронистам источник пропустил важную подробность этой войны.

В самом начале описания войны Лев Дьякон пишет, что Цимисхий послал к границам Болгарии двух полководцев – Варду Склира и Петра-евнуха. Тут же Лев *прибавляет от себя, в виде замечания, к стати*, что этот Петр-евнух очень отличился личной храбростью во время одного сражения со скифами, когда те напали на Фракию. Представляется вопрос, в каком сражении отличился Петр-евнух? О Петре больше ни слова не говорится. Сражение должно было происходить во Фракии, так как Лев пишет «λέγεται γάρ ποτε Σκυθῶν τὴν Θράκην κατὰδραμόντων» (L. D. P. 65). Едва ли можно отнести этот эпизод к битве под Аркадиополем. В этой битве со стороны византийцев принимал участие только незначительный отряд Варды Склира. Между тем, по смыслу VI, 11, Цимисхий послал Варду Склира и Петра на одинаковом положении. Петр-евнух тоже представлял собой значительную фигуру в византийской армии: он разделил с Вурцей честь взятия Антиохии; вместе с последним подвергся репрессиям со стороны Никифора, был одним из сторонников Цимисхия в заговоре против императора. Поэтому вряд ли Петр занимал какую-либо второстепенную должность, и само собой разумеется, что ему должен был быть предоставлен значи-

тельный отряд. При обычае разделять войска на европейские и азиатские весьма легко могло быть, что азиатскими начальствовал Варда Склир, а местными фракийскими – Петр.

В таком случае нужно предположить, что с силами Петра-евнуха произошло особое сражение. Можно прийти к тому же выводу и с другой стороны.

Известно, что в битве под Аркадиополем Святослав личного участия не принимал. Где был во время этой битвы сам Святослав с главными силами своей армии? Неужели он после гордого обещания изгнать греков из Европы, после угрозы раскинуть шатры под стенами Константинополя, неужели Святослав, всегда сам водивший свои войска, в это время оставался в Болгарии? Вряд ли последнее можно допустить, и если это не так, то приходится прийти снова к нашему выводу, что кроме Аркадиопольского сражения было другое столкновение во Фракии, где сражался сам Святослав против местных войск Петра-евнуха. Лев говорит, что Петр после одного поединка обратил скифов в бегство. Это могло относиться к одному эпизоду из битвы. Дальнейшее показывает вовсе не то, что Петр остался победителем, а говорит, скорее, об обратном. Военная карьера Петра кончилась. Даже после ухода Склира в Азию начальство было поручено не ему, а бездеятельному и ничем себя не проявившему Иоанну. Почему начальство не было передано Петру? Объяснить это можно так: Варда Склир разбил *союзников* Святослава под Аркадиополем. Эта победа и была превознесена современниками и попала в хроники. Главные же силы Святослава разбили Петра-евнуха и проникли в Македонию и Фракию. Об этой битве много не разглашалось и, так как больших последствий она не имела, то, как мелкая подробность, не попала в хроники. Только Лев Дьякон мимоходом коснулся роли Петра-евнуха. К такому выводу мы приходим, исходя исключительно из труда Льва Дьякона. Если же принять во внимание, что существует и рассказ русской летописи, который знает *именно сражение самого Святослава*, то наш взгляд приобретает тем большую вескость. Этим мы думаем устранить непримиримое противоречие русской летописи и греческих хронистов.

Лев Дьякон или его источник обладали очень хорошими сведениями о Руси. Он знает о походе Игоря, и притом *больше*, чем об этом сообщается в хронике Логофета. Об ужасной смерти Игоря знает только Лев Дьякон. Можно думать, что Льву Дьякону было известно также и о походе *Олега* и последовавшем за ним договоре, о чем так упорно молчат все византийские источники. Так, по Льву Дьякону, Цимисхий посылает Святославу во время переговоров следующую угрозу: «Я думаю, что ты, Святослав, еще не забыл поражения отца своего Игоря, который, *презревши клятву*, с великим ополчением... подступил к царствующему граду Византии...»¹³² Какие клятвы нарушил Игорь? Едва ли мы ошибемся, если признаем в словах «τὰς ἐνὸρκους σπονδὰς παρὰ φαῦλον

¹³² Лев Дьякон / Пер. Попова. Б. м., б. г. С. 65 (Leo Diac. 64 ff.).

θεμενος» намек на договор Олега. Олег правил от имени Игоря, почему Игорь походом нарушил как бы свою клятву¹³³.

Лев Дьякон в своем изложении мимоходом вставляет много замечаний о стране военных действий, о наружности, об обрядах воинов Святослава, равно как о вооружении их и способе воевать. Однако данные места принадлежат к числу самых недостоверных. Чрезмерное подражание Агафию обесценивает многие подробности. Многие другие данные тоже отзываются книжным характером. Так, рассказывая о прибытии византийского флота к Дунаю для борьбы с русскими, Лев вставляет замечание об этой реке, почерпнутое из современной ему схоластической литературы¹³⁴. Описание Болгарии, как страны болотистой и топкой (Leo Diac. IV, 5), тоже отзывается подобной литературой. Что же касается его описаний жертвоприношений и обрядов русских, то они совершенно лишены какой бы то ни было достоверности. Он говорит (Leo Diac. D., 149, 150) о погружении в Истр младенцев и петухов, о каких-то эллинских таинствах, которым русские научились от Анахарсиса и товарищей Ахилла. Все эти известия Лев почерпнул из схоластической литературы, в которой, вероятно, писалось и о русском происхождении Ахиллеса, о применении к русским слов Иезекииля «Се аз навожу на тя Гога и Магога, князя Рос (Ῥώγ)»¹³⁵.

Приведем вкратце выводы настоящей статьи. Относительно *Скилицы* мы отметили, что при описании периода 945–976 гг. он пользовался двумя источниками, из которых первый носит церковный характер, второй же является источником, из которого черпал сведения и Лев Дьякон. Относительно же *Льва Дьякона* мы пришли к тому выводу, что его историческое произведение в большей своей части представляет собой прикрашенную риторикой переделку источника, которым более близко воспользовался Скилица. Труд Льва Дьякона является подражанием истории Агафия, изобилует подробностями книжного происхождения, что невыгодно отражается на труде этого единственно уцелевшего от второй половины X в. историка.

¹³³ Слова «ἐνὸρκους σπονδὰς» остались незамеченными в литературе о договорах. Так, Л. Димитриу в ст. «К вопросу о договорах русских с греками» (см.: ВВ. Б. г. Т. 2. С. 545) удивляется, почему не говорится «ни слова о каких-нибудь обязательствах, нарушенных Игорем, ни... каких-нибудь слов, намекающих на договорные отношения Руси к Византии». А. Димитриу ошибается. Русский летописец, кажется, мог спокойно относиться к нарушению Игорем договора, но византийцы это помнили и напоминали при случае. Следовательно, заключение Димитриу о том, что договор 911 г. не состоялся и что до клятв князя не доходило, — преждевременно, раз имеются у византийцев указания на подобный договор. Почему, однако, все без исключения византийские хронисты молчат о победе Олега? Вероятнее всего, что собственно никакой победы Олега и не было. Олег подошел к Царьграду, но до боевых столкновений не дошло: греки откупились и заключен был договор. О таком незначительном происшествии хронисты могли и умолчать.

¹³⁴ Leo Diac. 80. Ср.: PG. CVI. 1056: «Περὶ τεσσάρων τοῦ παραδείσου ποταμῶν». Вся эта статья передается Львом в виде вставки. О других подобных вставках см. примеч. Газе.

¹³⁵ Такое толкование слов Иезекииля, приложенное к русским, не является оригинальным выводом Льва Дьякона. В толкованиях на Апокалипсис (напр., Андрея Кесарийского, Арефы и др.) мы находим: «Εἶναι δὲ τὸν Γῶγ καὶ Μαγῶγ τινὲς μὲν Σκυθικὰ ἔθνη νομίζουσιν ὑπερβόρειαν» (PG. CVI. 416 B).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ – Античная древность и средние века
ВВ – Византийский временник
ВДИ – Вестник древней истории
ВИ – Вопросы истории
ВО – Византийские очерки
ВС – Византийский сборник
ВФ – Вопросы философии
ГАСО – Государственный архив Свердловской области
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗРВИ – Сборник Радова византологического института
ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности
Ист. Авг. – Авторы истории августов (приложение к ВДИ)
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
СА – Советская археология
СВ – Средние века
Сенека – Письма Луция Аннея Сенеки. Нравственные письма к Луцилию. М., 1997
AASS – Acta Sanctorum Bollandiana
BGU – Aegyptische Urkunden aus den Staatlichen Museen zu Berlin
BS – Byzantinoslavica
BSt. – Byzantinische Studien
Byz. – Byzantion
BZ – Byzantinische Zeitschrift
Cedren. – Gregorius Cedrenus. Compendium Historiarum. T. 1. Bonnae, 1838
CIG – Corpus Inscriptionum Graecarum
CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum
CJ – Codex Justinianus // Corpus juris civilis. T. 2. Berolini, 1954 (см. также: Cod. Just.)
CTh – Codex Theodosianus
DOP – Dumbarton Oaks Papers
EEBS – Epeteris Hetaireias Byzantinon Spoudon
HZ – Historische Zeitschrift
Inst. – Institutiones // Corpus juris civilis. T. 1. Berolini, 1954 (см. также: Just. Nov.)
JJP – The Journal of Juristic Papyrology
Leo. – Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri X. Bonnae, 1828
Migne PGJ – P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca. T. 1–166. Parisiis, 1857–1866 (см. также: MPG)
Migne PLJ – P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series latina. T. 1–221. Parisiis, 1841–1864 (см. также: MPL)
MGH – SS Monumenta Germaniae Historica. Scriptores.
MG – Leges Monumenta Germaniae Historica. Leges.
MMF – Miklosich et J. Müller. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana, T. 1–7. Vindobonae, 1860–1890
M – WL – Mitteis et U. Wilken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyrskunde. Leipzig; Berlin, 1912
Nov. – Novellae // Corpus juris civilis. T. 3. Berolini, 1959
Nov. – Just. Nov.
P. Oxy. – Grenfell B., Hunt A. The Oxyrhynchus Papyri. London, 1898
P. Ros. – Zereteli Georg. G., Krüger O., Jernstedt P. Papyri russischer und georgischer Sammlungen, 1–4. Tiflis, 1925
RH – Revue Historique
REB – Revue des Études byzantines
SBF – Preisigke, F. Bilabel. Sammelbuch griechischer Urkunden aus Aegypten. Göttingen, 1915
SK – Seminarium Kondakovianum
ZfG – Zeitschrift für Geschichtswissenschaft

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
<i>Поляковская М. А.</i> Михаил Яковлевич Сюзюмов: ученый и время	5

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

О трактате Юлиана Аскалонита	25
Морской закон	55

ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ

Византийский город: середина VII в. – середина IX в.	91
О функциях раннесредневекового города	131
Зачатки будущего в социально-экономической сфере Римской империи и ранней Византии: к постановке вопроса	149
К вопросу о кризисе в Римской империи в III в. (в соавт. с Н. Н. Беловой)	165
Дофеодальный период	183
О «самостоятельном пути» становления феодализма у германцев	221
Возрождение, гуманизм и феодализм	231
Суверенитет, налог и земельная рента в Византии	249
О понятии «трудящийся» в Византии	259
Социальная сущность движения зилотов в Фессалонике в 1342–1349 гг.	264
Трудовые конфликты в Византии	269
Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии	305
Мировоззрение Льва Дьякона	327
Об источниках Льва Дьякона и Скилицы	349
Список сокращений	394

Научное издание

Сюзюмов Михаил Яковлевич
ВИЗАНТИЙСКИЕ ЭТЮДЫ

Редактор и корректор В. И. Попова
Компьютерная верстка Н. В. Комардиной

Лицензия ИД № 05974 от 03.10.2001. Подписано в печать 25.04.2002.

Формат 70×100 1/16. Бумага для множительных аппаратов. Гарнитура Times.

Уч.-изд. л. 30,16. Усл. печ. л. 31,92. Тираж 200 экз. Заказ 477

Издательство Уральского университета. 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Отпечатано в ОАО «Полиграфист». 620151, Екатеринбург, ул. Тургенева, 22.